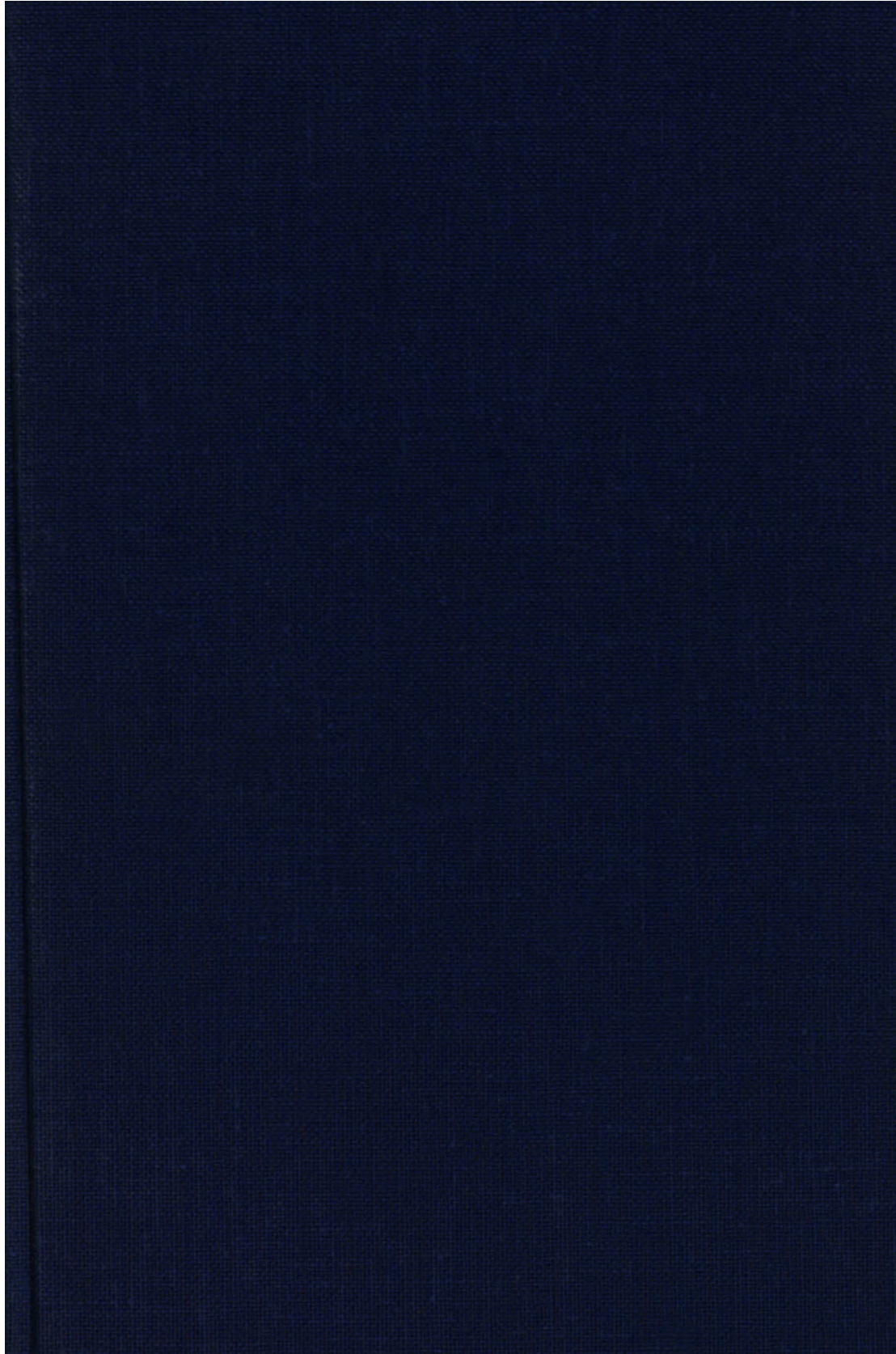
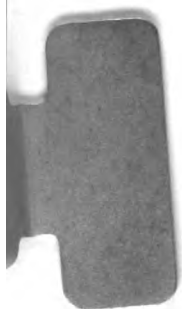
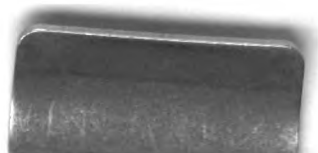

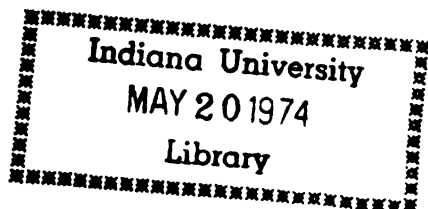

TY

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

94/21

Published by Europe Printing Establishment

This volume was previously announced as

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS, 265/2

a series published by Mouton Publishers, The Hague, Netherlands

(supplements Slavistic Printings and Reprintings, 94/1–11)

EUROPE PRINTING ESTABLISHMENT

VADUZ – LIECHTENSTEIN

1973

Бывое

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

№ 3 (25)
СЕНТЯБРЬ
1917

R-

DK1

.B982

New ser.

no. 3-4

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Неизданное письмо Н. Г. Чернышевского.

Настоящее письмо — одно изъ цѣлаго ряда писемъ моего отца, обратившихъ на себя вниманіе бдительнаго начальства своимъ объемомъ и характеромъ содержанія, не подходящими къ объему и характеру обыкновенной переписки. А такъ какъ по отношенію къ перепискѣ моего отца Сибирскаго времени примѣнялись строгія мѣры, установленныя еще въ 1825 г. для декабристовъ, то, конечно, эти письма были задержаны и не дошли въ свое время по назначенію. Ихъ не было еще въ моемъ распоряженіи и тогда, когда издавалась переписка моего отца съ родными изъ Сибири (изданіе книгоизд. «Огни» 1912 — 1913, въ 3 томахъ), а потому они и не могли быть помѣщены въ этомъ изданіи.

Въ настоящее время у меня собрано уже достаточное количество такихъ писемъ, которыя составятъ дополнительный 4-ый томъ Сибирскихъ писемъ моего отца, подготовляемый нынѣ къ печати, который и будетъ выпущенъ при первой возможности.

Мих. Чернышевскій.

Августъ, 1917.

Письмо къ О. С. Чернышевской, брату и дѣтямъ.

2 апрѣля, 1882. Виллюйскъ.

Милый мой дружокъ, Оленька.

Я получилъ Твои письма отъ 1-го и отъ 19-го января. Цѣлую за нихъ Твои ручки. Получилъ и приписки дѣтей и моего брата. Пишу отвѣты имъ на страницахъ, слѣдующихъ за отвѣтомъ Тебѣ, моя милая Голубочка.

Ты, моя милая Радость, совершенно по напрасну печалась себя мыслями о томъ, будто бы Тебѣ слѣдуетъ жалѣть обо мнѣ. Увѣряю Тебя, что собственно въ моей жизни, — въ моей личной жизни, — нѣтъ ровно ничего непріятнаго для меня. Конечно, въ томъ, что я такъ чувствую, довольно важное значеніе имѣютъ особенности моего личнаго характера. Ты не оставляй ихъ безъ вниманія, когда думаешь о моей здѣшней жизни, — а, на сколько Твой живой характеръ даетъ Твоимъ соображеніямъ возможность вообразить способъ ощущеній и личныхъ надобностей человека

такого апатичнаго ко всяческимъ развлеченіемъ, какъ я, Ты сама найдешь, что моя здѣшняя жизнь не имѣетъ ровно, ровно ничего неудовлетворительнаго лично для меня. Неужели жъ для меня были когда нибудь нужны или хотъ сколько нибудь занимательны театры, или роскошныя обѣды, или свѣтскія развлеченія? — Въ театрахъ, во всѣ тѣ годы, когда мы съ Тобою жили вмѣстѣ, сколько разъ я былъ? И хотъ одинъ разъ былъ ли по собственному желанію? Припомни. Нѣсколько разъ я былъ въ театрѣ потому, что Тебѣ въ тотъ вечеръ не съ кѣмъ было ѣхать, кромѣ меня. И одинъ разъ былъ потому, что мнѣ было необходимо увидѣть Некрасова, а онъ оказался уѣхавшимъ въ театръ (я и ушелъ тогда изъ театра послѣ перваго же антракта, въ которомъ переговаривалъ съ Некрасовымъ). — Какъ я ѣлъ на роскошныхъ обѣдахъ, Ты знаешь: я отправлялся на эти обѣды, пообѣдавъ дома, и просиживалъ на нихъ, не участвуя въ ѣдѣ; я бывалъ на нихъ лишь по дѣловой надобности, скучной и порядочно отвратительной для меня. Или я охотникъ до хорошаго вина? — Ты знаешь, любилъ ли я когда плохое ли вино, хорошее ли. Такъ и обо всемъ другомъ, чѣмъ отличается моя здѣшняя жизнь отъ жизни свѣтскихъ людей въ большихъ городахъ. Ни чтъ изъ того, чего нѣтъ въ здѣшнемъ крошечномъ городѣ, лично для меня не нужно. Не суди жъ о моихъ личныхъ надобностяхъ по потребностямъ людей, у которыхъ не такіе природные вкусы и не такія привычки, какъ у меня.

Разумѣется, если я говорю, что вполне доволенъ здѣшнею своею жизнью, то я говорю это лишь въ томъ отношеніи, что она совершенно удовлетворительна для личныхъ моихъ надобностей, — для моихъ личныхъ. Иное дѣло мои мысли о томъ, хорошо ли живетъ Тебѣ, мой милый дружочекъ. Тѣмъ, какъ приходится жить Тебѣ, я, разумѣется, не очень доволенъ. Но это вопросъ объ удобствахъ Твоей жизни, а не моей личной жизни, которая для меня совершенно удовлетворительна.

Благодарю Тебя, моя Радость, за то, что Ты рассказываешь мнѣ, какъ живетъ Тебѣ, чтъ Тебѣ думается. Изъ того, чтъ говоришь Ты о состояніи Твоего здоровья, очевидно, что Тебѣ было бы надобно лечиться, какъ слѣдуетъ. Но — вижу также, что мои просьбы къ Тебѣ объ этомъ были основаны на предположеніи, совершенно ошибочномъ: мнѣ все воображалось, что Ты имѣла бы, хотъ маленькую, возможность лечиться какъ слѣдуетъ если бы хотѣла такъ лечиться. А Ты не имѣешь средствъ какія надобны для хорошаго леченія. Пріятно ли мнѣ понимать это, можно мнѣ самому судить изъ соображенія о томъ, что мои просьбы къ Тебѣ о заботахъ относительно Твоего здоровья неудобноисполнимы для Тебя.

За разсказами о томъ, какъ Ты живешь и каково состояніе Твоего здоровья, въ письмѣ отъ 1 января слѣдуетъ у Тебя и въ письмѣ отъ 10 января продолжаютъ размышленія о томъ, парали мы съ Тобою были другъ другу. Смотрѣть на Твои отношенія ко мнѣ съ такой точки зрѣнія, на какую всегда была распо-

жена становится Ты, становится и въ этихъ письмахъ—совершенно ошибочная въ Тебѣ склонность. Никто, я полагаю, изъ умныхъ людей не судилъ о Тебѣ такъ, какъ будто-бы, судили о Тебѣ не знаю какіе-то мои ли, Твои ли знакомые. Изъ моихъ знакомыхъ говорили со мною о Тебѣ только двое—Добролюбовъ, безпрестанно, и Некрасовъ, однажды. Изъ другихъ, никто не считалъ себя пользующимся моею дружбою на столько, чтобы рискнуть говорить со мною о Тебѣ. —Кстати, прибавлю: я и не былъ въ близкихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, кромѣ Некрасова и Добролюбова; Тебѣ казалось иногда, что я расположенъ къ разнымъ другимъ моимъ знакомымъ; но если Ты полагала, что я имѣю къ кому нибудь, кромѣ Некрасова и Добролюбова, сильное расположеніе, Тебѣ могло казаться такъ лишь по —справедливому—неудовольствію Твоему на меня за мое неумѣнье обращаться съ людьми: я терялъ много времени, не умѣя показать скучному для меня гостю, что онъ мнѣ скученъ. —Возвращаюсь къ тому, что слышалъ я о Тебѣ отъ тѣхъ единственныхъ двухъ людей, отъ которыхъ слышалъ что-нибудь о Тебѣ. —Добролюбовъ говорилъ о Тебѣ съ восторгомъ и благоговѣніемъ. Я ужъ писалъ Тебѣ о его мнѣніи о Тебѣ и, если когда вадумается, буду писать и въ другой разъ. —Отношенія мои къ Некрасову вскорѣ послѣ начала моего сближенія съ нимъ приняли характеръ исключительно дѣловой; намъ не оставалось времени говорить ни о чемъ, кромѣ дѣлъ. И лишь въ началѣ, онъ иногда разсуждалъ со мною или о своихъ качествахъ, воспоминаніяхъ, надеждахъ, или о своихъ пріятеляхъ, или (изрѣдка) обо мнѣ. Въ то время, съ Тобою онъ еще не былъ знакомъ. Когда познакомился съ Тобою, мы съ нимъ вели ужъ все только дѣловые разговоры. Но однажды, когда онъ долго разговаривалъ съ тобою и мы съ нимъ отъ насъ поѣхали куда-то далеко — чуть-ли не на дачу къ нему (да, именно такъ: на дачу къ нему) — онъ долго сидѣлъ въ каретѣ молча; я тоже молчалъ. Онъ началъ такъ: «она еще ребенокъ; но—» за тѣмъ слѣдовали очень симпатичныя слова о Тебѣ, очень симпатичныя. Потомъ онъ опять замолчалъ. —Нѣсколько времени тому назадъ, я перечитывалъ его стихотворенія. И нашелъ тамъ кое-что о Тебѣ ¹⁾).

И, на этотъ разъ, прибавлю только вотъ что: нѣчто подобное Твоему мнѣнію о Тебѣ, бывало у меня въ моихъ мысляхъ обо мнѣ, когда я былъ юношей и не имѣлъ никакихъ положительныхъ фактовъ, чтобы знать, даровитый ли я человѣкъ, или недаровитый; у Тебя нѣтъ фактовъ, по которымъ Ты могла бы судить о своихъ силахъ. Будешь здорова, то будешь имѣть ихъ. Тогда, не смущаемая собственными недовольными мыслями о себѣ, будешь видѣть, что всѣ неглупые люди, знающіе тебя, уважаютъ Тебя.

¹⁾ Конечно, не стихотвореніе о женѣ щеголижѣ, мужъ которой умираетъ отъ чахотки, которое Ты—если поминишь—приняла-было за написанное о насъ съ Тобою: оно было написано раньше нежели Некрасовъ (sic) раньше нашего съ тобою пріѣзда въ Петербургъ.

Прим. Черн.—ю.

А теперь Ты недовольна собою и недовольство собою внушает Тебѣ совершенно ошибочное расположеніе воображать мнѣнія другихъ о Тебѣ въ неприятомъ для Тебя колоритѣ. Я знаю мнѣнія о Тебѣ только Добролюбова и Некрасова, говорилъ я. Но полагаю, что всѣ умные люди, знающіе Тебя, очень высокаго мнѣнія о Тебѣ.

Благодарю Тебя, моя Радость, за то, что Ты рассказываешь мнѣ о нашихъ дѣтяхъ. Хорошо, что они у насъ съ Тобою такіа хорошія. Я совершенно здоровъ. Цѣлую руки Тетеньки и Вареньки. Цѣлую Дяденьку. Благодарю ихъ за любовь къ Тебѣ.

Крѣпко обнимаю и тысячи, тысячи разъ цѣлую Тебя, моя милая Красавица.

Будь здоровенькая, старайся прогнать отъ себя грустныя мысли и все будетъ прекрасно. Цѣлую твои ножки, милая моя Лялечка.

Твой Н. Ч.

Благодарю Тебя, милый Сашенька, за Твою приписку мнѣ къ письму Оленьки отъ 1 января. Ты не можешь дать опредѣленнаго отвѣта на мое предложеніе дѣлиться съ Тобою моими воспоминаніями;—я и полагалъ, что не можешь; я спрашивалъ лишь для того, чтобы убѣдиться въ сообразности этого моего мнѣнія съ фактомъ.—Ты имѣешь желаніе написать біографію Некрасова; я согласенъ съ Тобою, что это дѣло затруднительное. Но, разумѣется, желать бы, чтобы ты не отклонялся отъ исполненія этой прекрасной мысли никакими соображеніями о затрудненіяхъ, при всей досадности Твоего справедливаго разчета, что работа будетъ представлять пробѣлы: Дождаться времени, когда надобность оставлять въ работѣ пробѣлы минуетъ, значило бы откладывать дѣло на слишкомъ долгій срокъ.—Сообразно тому, что Ты пишешь мнѣ, я долженъ думать, что поступлю хорошо, если погожу нѣсколько времени пересказывать Тебѣ мои воспоминанія о Некрасовѣ и литературномъ кругѣ, вертѣвшемся около него. Только, Ты ошибешься, если будешь ожидать, что найдешь въ моихъ воспоминаніяхъ, когда я передамъ ихъ тебѣ всѣ вполнѣ, много свѣдѣній о другихъ тогдашнихъ романистахъ или поэтахъ, или вообще петербургскихъ или московскихъ литературныхъ знаменитостяхъ того времени. Я не участвовалъ въ ихъ развлеченіяхъ: потому, ихъ образъ жизни дѣлалъ меня человѣкомъ, совершенно непригоднымъ въ пріятели имъ. Я былъ скученъ и стѣснителенъ для нихъ. Они были скучны мнѣ. Близокъ я былъ (кромя Добролюбова, котораго любилъ будто сына) только къ Некрасову. И съ Некрасовымъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль перваго сближенія, когда онъ велъ со мною разговоры какъ съ пріателемъ, способнымъ интересоваться его личною жизнью, отношенія у меня стали чисто дѣловыя: вѣроятно, онъ сталъ полагать, что его интимная жизнь не занимательна для меня. А во всякомъ случаѣ, дѣловыхъ разговоровъ приходилось намъ съ нимъ вести такъ много, что не оставалось нѣ нашихъ свиданій достаточно

времени для перехода ему отъ разсужденій о текущихъ журнальныхъ дѣлахъ къ расположенію завлекаться въ душевныя изліянія. Нельзя же, конечно, послѣ длиннаго сухого разговора перейти безо всякой передышки къ ощущеніямъ, рвущимся изъ души въ сердце собесѣдника; а передышки я вообще не давалъ ему: конченъ дѣловой разговоръ, я и спѣшилъ вернуться къ своему рабочему столу. И лишь очень изрѣдка, по случайному совпаденію какихъ нибудь совершенно особенныхъ обстоятельствъ, приводилось мнѣ на нѣсколько часовъ, много на нѣсколько дней, принимать участіе въ дѣлахъ его интимной жизни. Это о немъ. А изъ другихъ тогдашнихъ поэтовъ, изъ тогдашнихъ беллетристовъ, я не былъ, какъ ужъ говорилъ, ни съ однимъ въ отношеніяхъ—не то что пріятельскихъ, а хоть бы сколько нибудь порядочнаго обыкновеннаго знакомства. Больше всѣхъ остальныхъ, былъ я знакомъ съ Тургеневымъ. Но и съ нимъ у меня бывали только споры объ ученыхъ вопросахъ, кромѣ одного случая, когда онъ, задѣтый за живое моими насмѣшками надъ его философскими убѣжденіями, пустился въ откровенности о «ранѣ» своего сердца, которую «залѣпляетъ» онъ этою философіею. Впрочемъ, и ученые разговоры наши длились развѣ года два въ началѣ знакомства; послѣ, мы съ Тургеневымъ мало и говорили о чемъ бы то ни было, хоть нѣсколько лѣтъ встрѣчались очень часто, по цѣлымъ мѣсяцамъ иногда каждый день. Вѣроятно, я не нравился ему; а мнѣ было все равно, нравлюсь ли я ему, или нѣтъ. А изъ другихъ той плеяды?—Съ Писемскимъ, я едва ли когда обмѣнялся десятью словами съ-ряду. Достоевскаго видѣлъ всего два раза. Съ Львомъ Толстымъ говорилъ развѣ немногимъ больше, нежели съ Писемскимъ. Съ Островскимъ не больше, чѣмъ съ Толстымъ. Всего этого не стоитъ называть знакомствомъ. Мы знали другъ друга въ лицо, бывали въ однихъ комнатахъ—вотъ и все. Потому, зная впередъ, что мои воспоминанія обо всѣхъ этихъ лицахъ (изъ которыхъ самое лучшее было бы лицо Островскаго, если бъ оно было сколько нибудь просвѣтлено образованностью, а не было лицомъ полудикаго человѣка) не очень-то изобильны. Впрочемъ, когда задумается мнѣ приняться за изложеніе ихъ, рассказывать Тебѣ стану ихъ всѣ.

Повторяю мой совѣтъ: не изнурай себя чрезмѣрною работою. Писать серьезные ученые трактаты—дѣло почтенное; но они требуютъ слишкомъ большого количества труда. Кто содержитъ семейство своимъ литературнымъ работничествомъ, долженъ, кромѣ вещей ученыхъ, писать и такія вещи, которыя можно писать со всею быстротою, съ какою способна двигаться рука по бумагѣ.

Цѣлую Твоихъ. На ихъ письма ко мнѣ я отвѣчалъ. Писать Тебѣ буду болѣе или менѣе постоянно. Благодарю Тебя за то, что Ты дѣлаешь для моихъ. Цѣлую Тебя. Будь здоровъ.

Твой Н. Ч.

Милые мои друзья, Саша и Миша,

Воть выписка изъ письма Вашей маменьки ко мнѣ (отъ 19 января). «Наши съ Тобою дѣти вышли людьми неглупыми, а дурными ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть. Оба обладаютъ сильными и энергичными характерами. Что сказано ими самими себѣ, то свято! Никто и ничто не можетъ совратить ихъ съ того пути, который они проложили сами себѣ. Сашинъ характеръ имъ давно выясненъ. А про Мишу думаю, что онъ обладаетъ (такимъ же) сильнымъ характеромъ. Я это замѣчала за нимъ, когда еще онъ былъ очень маленькимъ; въ особенности (же), когда онъ находился въ гимназiи. Вѣдь тамъ начинаютъ рано и пить, и курить, и Богъ знаетъ что выдѣлывать. Какъ ни смѣялись товарищи надъ нашими съ Тобою дѣтьми, называя ихъ красными дѣвушками, однако они оба выдержали характеръ, и ни одинъ изъ нихъ не поддался никакимъ соблазнамъ. Во всемъ (они оба) люди примѣрные». Дальше, она пишетъ, что Вы оба очень расположены къ ней.

Радуюсь тому, что она видитъ себя въ правѣ говорить о Васъ такъ.

Все, что Ты пишешь о Твоихъ ученыхъ и поэтическихъ занятiяхъ, милый мой другъ Саша, очень мило своимъ здравымъ и скромнымъ тономъ. Благодарю Тебя за исполненiе моей просьбы о присылкѣ Твоихъ стихотворенiй. Они очень понравились мнѣ. Предполагаю, что Ты затруднялся выборомъ изъ написанныхъ Тобою пьесъ. Нахожу, что Ты хорошо рѣшалъ вопросы, затруднявшiе выборъ. Кромѣ, развѣ, одного: мнѣ кажется, что Ты подумалъ: «эпизодъ о любви юноши лучше выпустить»; это напрасно, если это такъ. Мои понятiя о любви очень строги, правда; но характеръ этой строгости ни мало не похожъ на то, что говорятъ люди бездушные. Чтo честно, того я не порицаю, повѣрь. Нечестныя чувства, дурны; честныя хороши. Честные юноши нерѣдко бываютъ игрушками плутовокъ; это не нравится мнѣ. Еще несравненно чаще честныя дѣвушки или молодыя женщины бываютъ игрушками развратниковъ или мошенниковъ; это еще больше не нравится мнѣ, потому что для женщины вообще бываетъ больше униженiя и бѣдъ отъ ошибки въ дѣлахъ любви, чѣмъ для мужчины. Вотъ въ этомъ смыслѣ, мои понятiя очень строги; то есть я не желаю горя честнымъ людямъ. Но если дурное дурно по моему, то хорошее хорошо.

Присылай мнѣ еще и еще Твоихъ стихотворенiй.

Прошу и Тебя, Миша, прислать мнѣ чтонибудь изъ Твоихъ стихотворенiй.

Теперь о планѣ поэмы, о которомъ Ты, Саша, думаешь, что быть можетъ онъ покажется Тебѣ интереснымъ. Содержанiе поэмы все сплошь—чисто фантастическое. Ни какой эпизодъ ни изъ какихъ персидскихъ легендъ не служилъ для меня основанiемъ или матеріаломъ.

Вотъ существенныя черты плана: Персидское царство какой-то очень давней, но совершенно неопредѣленной эпохи—ни одно изъ тѣхъ царствъ, о которыхъ есть легенды у персянъ, а какое-то иное.—вѣроятно, болѣе раннее, но это лишь вѣроятно, а не видно изъ поэмы—достигло великаго, небывалаго, неслыханнаго величія и благоденствія.

Царь—юноша; благородный юноша, одаренный всѣми совершенствами души; конечно, и красавецъ. Онъ тоскуетъ. Его мать (тоже благороднѣйшее, симпатичнѣйшее лицо) совѣщается съ своимъ братомъ (тоже превосходнымъ человѣкомъ) о безпричинной тоскѣ сына. Причина безпричинной тоски: юноша жаждетъ любви; кругомъ его много красавицъ, для которыхъ малѣйшая ласка его—величайшее счастье. Но вполнѣ ли искренни ихъ увѣренія, что онъ любитъ его? Сомнѣнiе въ ихъ искренности неясное дѣло для него самого; онъ не умѣетъ отдать себѣ отчета въ своей неудовлетворенности угожденiями этихъ красавицъ; да и мать и ея братъ не умѣютъ объяснить себѣ его тоску. Видятъ только: онъ тоскуетъ. Призываютъ мудрецовъ хранящихъ книги пророчествъ. Что предсказано объ этомъ царѣ въ книгахъ пророчествъ? Оказывается: тоска царя исцѣлится, когда найдутъ ему невѣсту; эта невѣста будетъ найдена въ невѣдомой странѣ на сѣверѣ отъ предѣловъ персидскаго царства.—мѣстность невѣдомой страны остается въ poemѣ неопредѣленной; быть можетъ, это Телалія, или Тракія; а быть можетъ, южная Россія; ясно только: это за [за черкнуто: сѣвернымъ] моремъ, до котораго простирается Персидское царство; Эгейское ли это море, или Мраморное, или Черное, или Каспійское, поэма не опредѣляетъ. Въ книгахъ пророчествъ обозначены примѣты, по которымъ можно узнать эту дѣвушку. Она будетъ спасительницею Персидскаго царства отъ какой-то—неизвѣстно, какой именно,—грозящей ему гибели. Мать и дядя по совѣту мудрецовъ, утаиваютъ отъ царя ту часть пророчества, которая говоритъ о предстоящей опасности: гибель будетъ отвращена, то для чего же преждевременно омрачать душу юноши ожиданіемъ опасности?—Все остальное пророчество сообщаютъ царю. Теперь онъ понимаетъ, отъ чего онъ тосковалъ. Та любовь, которой находилъ онъ сколько ему угодно, не такая любовь, какую предчувствовалъ онъ и какую жаждетъ. Посольство отправляется въ невѣдомую страну. Находить ту дѣвушку. Она сирота; выросла тамъ, но не изъ того племени; гдѣ ея родина, никто не знаетъ. Послы видятъ: она по происхожденію или персіянка, или изъ какого нибудь племени, родственнаго персамъ. Одна изъ примѣтъ, по которымъ узнана она: „когда послы придутъ туда, гдѣ она, она будетъ говорить собранію того народа, что покидаетъ ту страну“; это слова пророчества.—Такъ и есть: она говоритъ собранію народа, что удаляется изъ той страны.—Куда?—Куда, сама не знаетъ; куда нибудь, все равно; только одно она знаетъ: она не можетъ оставаться долѣе въ этой странѣ (изъ-за нея, поднялось множество ссоръ между юношами того племени; она причиною ссоръ не хочетъ быть). Послы говорятъ ей: иди съ нами, мы приведемъ тебя въ домъ твой, гдѣ ждетъ тебя твоя мать (они понимаютъ подъ этими словами: дворецъ, гдѣ ждетъ тебя мать царя, дочерью которой станешь ты; она понимаетъ буквально: ея родной домъ, ея родная мать). Ъдутъ съ нею послы; переплываютъ море; опять ѡдутъ. Путевыя приключенія, сущность ихъ въ томъ, что караванъ подвергается нападеніямъ чудовищъ и дивовъ; когда всѣ ужасаются, та дѣвушка одна не робѣетъ, и чудовища убѣгаютъ отъ нея, мчащейся сразиться съ ними; дивы исчезаютъ, когда она устремляется на нихъ. Караванъ достигаетъ предѣловъ персидскаго царства. Въ первомъ же городѣ послы встѣчаютъ ихъ знакомые, и продолжаютъ путь вмѣстѣ, съ ними. Въ числѣ этихъ новыхъ спутниковъ, есть юноша очаровательный красавецъ и чрезвычайно милыхъ качествъ души,—это царь, никогдѣ выѣхавшій на встрѣчу невѣстѣ. Его тайну строго соблюдаютъ всѣ. Дѣвушка видитъ, что этотъ юноша—человѣкъ, сравнительно съ другими, невысокаго общественнаго положенія. Но онъ лучше всѣхъ. Она чувствуетъ самую нѣжную любовь къ нему. О томъ,

что онъ влюбляется въ нее, и говорить нечего. Ъдутъ вмѣстѣ почти до самой столицы. За одинъ день пути до столицы, юноша уѣзжаетъ впередъ. При въѣздѣ въ столицу, дѣвушку привѣтствуетъ весь народъ самою торжественнѣйшею встрѣчею. Пожилая женщина—должно быть, очень знатная—обнимаетъ дѣвушку, и говоритъ: „Ты будешь моею дочерью“. Является и тотъ юноша.—„Это мой сынъ, ты полюбила его, потому то будешь моею дочерью“. Ъдутъ дальше по улицамъ столицы. На площади передъ дворцомъ царскій престолъ. Мать жениха и женихъ идутъ и ведутъ дѣвушку на престолъ.—„Такъ вотъ кто вы! Мать царя и царь! Тѣмъ больше я рада. Но я не привыкла къ вашимъ порядкамъ, вы дадите мнѣ привыкнуть къ нимъ“.—„Разумѣется“, говорятъ мать царя и царь:—„Да и не можетъ же быть царская свадьба иначе какъ результатомъ множества пиршествъ и всяческихъ торжествъ“.—„Въ самомъ дѣлѣ, такъ“,—понимаетъ и невѣста.

Рядъ пиршествъ и празднествъ. Тутъ, между прочимъ, поются пѣсни о старинѣ.

Поетъ пѣсни и невѣста.

Послѣ нѣкотораго времени она говоритъ матери царя и царю: „Теперь я ознакомилась съ вашими обычаями; многое мнѣ нравится въ нихъ: но не все. Я не во всемъ могу слѣдовать вашимъ обычаямъ. Я во многомъ уступлю имъ. Но и съ вашей стороны нужны уступки моему характеру, моимъ привычкамъ, желаніямъ, чтобы возможно было мнѣ жить въ любви (за черту: согласіи) съ вами“.

Она не понимаетъ, какъ тяжелы требуемыя ею уступки.

Борьба въ душѣ царицы матери, въ душѣ царя. Долгая борьба. Преодолѣли себя и царица-мать и царь. Говорятъ: „Мы согласны на все; но не отъ насъ однихъ зависитъ сдѣлать то, на что мы согласны рѣшиться. Это будетъ перемѣна въ обычаяхъ персидскаго народа. Надобно склонить и персидскій народъ на эти перемѣны“.—Она говоритъ: „Вижу, да; надобно будетъ мнѣ говорить и со всѣми персами“. Новый пиръ. Всѣ любятъ невѣсту царя. Всѣ говорятъ: „Требуя отъ насъ, чего хочешь, мы на все согласны, лишь бы имѣть тебя нашею царицею“. Она высказываетъ, чего она хочетъ.

Борьба въ душѣ каждого персіянина. Тяжело отказываться отъ привычекъ. Это тянется очень долго. По немножку, начинаютъ персіяне склоняться къ уступкамъ кое-въ-чемъ. Но медленно идетъ это, и уступки все еще маловажны. Однако же, у царицы-матери и у царя растетъ увѣренность, что въ довольно скоромъ времени дѣло съ персіянами уладится. Потому, они рѣшаются дѣлать приготовленія къ свадьбѣ. Споры дѣвушки съ персіянами имѣютъ характеръ взаимной любви; потому совершенно дружелюбны; и ни мало не мѣшаютъ веселью пировъ. Пирь все идетъ; не свадебные еще—о приготовленіяхъ къ свадьбѣ думаютъ пока еще только царь и его мать; не свадебные, просто праздничные пиры идутъ и идутъ.

И вотъ, на одномъ изъ торжествъ является вѣстникъ съ сѣверо-восточной границы царства: „О, царь! Идутъ на насъ враги!“ (Туранъ, о которомъ говорится въ персидскихъ легендахъ, покоренъ дѣдомъ юноши-царя; а при отцѣ юноши-царя ужъ нѣсколько усвоилъ себѣ персидскую цивилизацію, и кажется примирившимся съ Ираномъ навсегда. Враги идутъ изъ странъ лежащихъ далеко на востокъ и сѣверо-востокъ отъ известнаго персидскимъ легендамъ Турана; это нѣчто въ родѣ нашествія Джингизъ-Хана; это народы Манджуріи и восточной Монголіи). Подавляющее ужасомъ описаніе несмѣтности и звѣрскаго мужества этихъ варварскихъ полчищъ. Царь не падаетъ духомъ, разумѣется. Онъ, дѣйствительно, герой. Да и между персидскими вельможами не мало очень храбрыхъ людей. При ихъ содѣйствіи, патристическая рѣчь царя и пѣснь дѣвушки, его невѣсты, разсѣиваютъ къ концу пира всякую робость и въ самыхъ робкихъ людяхъ. Войско персовъ и подвластныхъ имъ народовъ (египтянъ и арабовъ и индусовъ Пенджаба и т. д.) идетъ на востокъ. Когда варвары приближаются къ границѣ персидскаго цар-

ства. персы и подвластные имъ народы ужъ готовы встрѣтить ихъ Мѣстность борьбы оставлена въ поэмѣ неопредѣленною, какъ и все географическое (и хронологическое). Но это гдѣ нибудь или около За-рофтана. или, вѣроятно, дальше на востокъ, въ западной Монголіи. Царица-мать, разумѣется, осталась въ столицѣ, управлять царствомъ (какъ управляла имъ—гуманно, мудро,—въ малолѣтство сына). Невѣста царя участвуетъ въ походѣ. Битвѣ предшествуетъ военный совѣтъ. Всѣ признаютъ благоуміе плана битвы, излагаемаго невѣстою царя. Она командуетъ лѣвымъ крыломъ, дядя царя—правымъ, царь—центральною, главною массою войска.

Битва длится семь дней. На седьмой день сломили враговъ персы; но то была лишь половина враговъ; другая половина все время держалась въ засадѣ; правое крыло и центръ персовъ увлеклись погоней, попали въ засаду. Только лѣвое крыло сохранило въ погонѣ осмотрительность, сохранило стройный боевой порядокъ. Оно спѣшитъ на выручку остального войска.

На этомъ я пока останавлиюсь въ разсказѣ плана поэмы.

Поговорю, сколько успѣю до отхода почты, о томъ, какой тонъ для нея казался мнѣ сообразнымъ съ ея идеею, и о нѣкоторыхъ сторонахъ обработки плана.

Тонъ поэмы долженъ былъ быть у меня постоянно серьезный; всякій элементъ шутиivosti былъ бы изгнанъ изъ нея. Длинные описанія не по вкусу мнѣ. Поэзія—это разсказъ, это движеніе, дѣйствіе; длинные описанія по моему приличны ученымъ трактатамъ, а не поэтическимъ произведеніямъ. Паеосъ я допускалъ бы въ своей поэмѣ лишь для страницъ, между десятками страницъ спокойнаго разсказа. Длинные патетическія мѣста имѣютъ опасность быть утомительными. Вся поэма—вымыселъ, не стѣсняемый ни легендами персіянъ о своей старинѣ, ни разсказами Геродота о Персахъ, ни подробностями результатовъ, добываемыхъ изученіемъ старо-персидскихъ развалинъ и чтеніемъ клинообразныхъ надписей. Вымыселъ у меня держался бы только самыхъ основныхъ впечатлѣній. навѣваемыхъ источниками нашихъ свѣдѣній о древнемъ Иранѣ. Даже коренное содержаніе персидскихъ легендъ—борьба Ирана съ Тураномъ входила бы неизмѣнная лишь въ нѣкоторыя пѣсни на пиршествахъ. А въ дѣйствіи самой поэмы она замѣнялась бы идеею болѣе широкою: общность интересовъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ той поры—египтянъ, сирійцевъ и ассиріянъ и вавилонянъ, и индусовъ и иранцевъ, которымъ всѣмъ надобно отстаивать, блага цивилизованной жизни отъ пограничныхъ полудикихъ кочевниковъ—надобность постоянная, а иногда отъ громадныхъ лавинъ, образуемыхъ аггломератами варваровъ, движущихся изъ очень отдаленныхъ странъ (Гуны, Джингизъ-Ханъ, Тамерланъ). Паденія нѣсколькихъ возникавшихъ одно послѣ другого, персидскихъ царствъ (царство Кира, царство Сассанидовъ и т. д.) представляются мнѣ явленіями того же разряда, какъ паденіе афинскаго государства въ Пелопонесскую войну, гибель Македоніи, послѣ Александра Македонскаго, паденіе Римской имперіи: данный народъ (персы, или часть грековъ, афиняне, или македоняне, или римляне, все равно) увлекаясь обыкновенными, человѣческими страстями. слишкомъ напрягаютъ свои силы для расширенія своей власти, изнуряютъ своихъ побѣждаемыхъ противниковъ, но изнуряются и сами; могущество ихъ становится наконецъ призрачнымъ и разваливается отъ новыхъ столкновеній. Порчи народа тутъ собственно нѣтъ: персы Дарія Кодмана были или не хуже или, вѣроятно, даже гораздо лучше персовъ Кира; македоняне послѣ Александра не хуже македонянъ до Филиппа; только находились въ изнуреніи отъ предшествующихъ чрезмѣрныхъ усилій быть могущественнѣе. чѣмъ каковъ былъ дѣйствительный размѣръ ихъ силы. Это были люди готовые повалиться отъ того, что взвалили себѣ на спины слишкомъ тяжелыя ноши.

Въ моемъ изложеніи плана поэмы нѣтъ собственныхъ именъ У Васъ подъ рукави княги, въ которыхъ количество старо-персидскихъ

именъ несравненно богаче того, какое удержалось въ моей памяти. И Вы найдете имена благозвучнѣе, величавѣе и милѣе звуками, чѣмъ тѣ, которыми полагаютъ я называть дѣйствующихъ лицъ моего плана поэмы. Лишь одно имя рекомендовалъ бы я Вамъ: невѣсту царя я думалъ назвать „Гюльнара“.

Въ моемъ изложеніи не называется по имени и столица царства. Мнѣ казалось бы, что лучше всего быть столицею Ширазу; это городъ сравнительно новый, но персіяне любятъ вспоминать о его величіи. А поэма не имѣетъ претензіи помнить хронологію. Я далъ Ширазу постоянный эпитетъ „прекрасный“.

О размѣрѣ стиха. У меня въ мысляхъ были готовы лишь кое-какіе маленькіе кусочки стихотворной обработки плана. Изъ нихъ лишь одинъ (пѣсня Гюльнары, въ которой высказываетъ она свой идеалъ жизни) казался мнѣ заслуживающимъ сохраненія. Но это—пѣсня; а размѣръ ея ни мало не обязательнъ для самой поэмы: пѣсни вводимыя въ поэму, могутъ быть всяческихъ размѣровъ. Размѣру самаго разсказа поэмы лучше, я думаю, быть одному черезъ всю поэму. Какой былъ бы онъ, по моему наилучшій? Или ямбъ или хорей, такой длины, какая легче для пишущаго и для читателей, можетъ быть, четырехстопный хорей или ямбъ? Съ римами-ли? Съ римами, конечно, лучше. Но годится и безъ римовъ, лишь былъ бы легкій, плас (тич?) ный, простой, безо всякихъ вычурныхъ словонизвитій.

Тѣ восемь стиховъ, которые помѣстилъ я въ прежнемъ письмѣ, назвавъ ихъ предисловіемъ или началомъ предисловія поэмы: вовсе не начало ея въ смыслѣ началъ первой страницы ея; это лишь начало одной изъ пѣсенъ на одномъ изъ праздниковъ. Это начало исторіи Ирана; и исторія Ирана излагается эпизодически въ среднихъ отдѣлахъ поэмы.

Какъ все въ поэмѣ ничѣмъ нестѣсняемый вымыселъ, такъ и черты религіи, быта, (зачерк.: мнѣній) и всяческихъ принадлежностей внѣшней жизни—отъ архитектуры храмовъ и дворца до одежды и мебели тѣхъ персовъ—могутъ какія угодно, лишь бы не противорѣчащія общему неопредѣленному понятію „старинное время персидскаго царства“. Въ религіозныхъ пѣсняхъ на торжествахъ у меня были пѣсни въ духѣ единобожія и пѣсни въ духѣ дуализма, и пѣсни въ духѣ многобожія; мнѣ казалось, что это позволительное предположеніе о непостѣдовательности мыслей народа, учившагося и у индусовъ, и у вавилонянъ, и у египтянъ, и припутывавшаго клочки разныхъ этихъ чужихъ религій къ прежней своей, бывшей какою то неопредѣленною смѣсью монотеизма и дуализма; это все вымыселъ, и мнѣ все равно, учились ли въ самомъ дѣлѣ персы у египтянъ, или нѣтъ. Въ поэмѣ, персы владѣютъ Египтомъ, съ точки зрѣнія поэмы, они должны были многое заимствовать у египтянъ, цивилизація которыхъ—отъ этого нашего знанія мы не можемъ отрѣшиться, потому что оно не ученость, а свѣдѣніе общензвѣстное—цивилизация которыхъ старше иранской.

Въ слѣдующій разъ буду подробнѣе разсказывать планъ поэмы, который теперь излагалъ лишь въ короткомъ очеркѣ.

Но дѣло въ томъ, что если Ты, Саша захочешь, или Ты тоже, Миша, захочешь, если Вы, мои друзья, захотите работать на тему этого плана, то вы должны взять себѣ полнѣйшую свободу передѣлывать его по Вашему собственному вкусу.

Остается еще нѣсколько времени до поры отдать письмо на почту. Итакъ, буду разсказывать подробно начало поэмы.

Эль-Шемсъ-эль-Леила-Наме

Книга Солнца Ночи.

Переводъ съ ново-персидскаго.

Пѣсня первая.

Ярко сияли звѣзды безлунной ночи на безоблачномъ небѣ надъ столицею Ирана. Ширазомъ Прекраснымъ. И безтревожнымъ сномъ покоились всѣ жители и жительницы Шираза: и богатые и тѣ, которые не были богатыми; потому что только не всѣ въ Ширазѣ были богаты. а бѣдныхъ не было въ немъ; стало быть, не было въ населеніи его ни злой зависти, ни дурныхъ умысловъ другъ противъ друга. Никто не имѣлъ боязни отъ согражданъ своихъ, и не смущался недостаткомъ надобнаго для довольной жизни: у самаго небогатаго семейства было изобиліе хлѣба и мяса и масла, молока и вина и плодовъ, и могли мирно почитать всѣ въ Ширазѣ.

Не смежалъ сонъ вѣждъ лишь правительницы (зачерк. Фарсистана) царства, царицы-матери. Вотъ ужъ полгода снова правила она царствомъ, власть надъ которымъ полугодомъ раньше этого пол-года передала она сыну, достигшему тогда совершеннолѣтія. Въ дальнюю, долгую отлучку уѣхала ея сынь; на шесть мѣсяцевъ должна была быть отлучка его; а въ эту ночь ужъ начинался седьмой мѣсяцъ со вчерашняго утра не имѣла арица-мать извѣстій о сынѣ.

Надежный непоколебимый миръ былъ и внутри царства и на всѣхъ предѣлахъ его. Но обязанность царя бывать въ походахъ не та только, когда понадобится покорять враждебные народы; онъ долженъ охранять спокойствіе подданныхъ и отъ хищныхъ звѣрей; не на войнѣ только вождь онъ, но и на охотѣ. Отпраздновать свое вступленіе въ управленіе царствомъ, полгода угощавши народъ Иранскій на пирахъ этого торжества, царь отправился очищать отъ хищныхъ звѣрей дѣся горъ сѣверо-восточнаго края царства. Не удерживала его мать (зачерк. и... четыре съ половиною мѣсяца, хотъ грустила въ разлукѣ, но и радовалась) потому что это долгъ и честь; и хотъ грустила въ разлукѣ, но и радовалась, ежедневно получая извѣстія, какъ мужественно и счастливо подвизается онъ въ дѣлѣ трудной, опасной охоты. Что жъ не было гонца отъ него вчера? И бѣжалъ сонъ отъ вѣждъ царицы-матери въ ту ночь. Душно стало дышать ей, безсонной. въ чертогъ-опочивальнѣ ея, и взмогла она освѣжиться прохладною на плоскую мраморную (или яшмовую, или пожалуй, хотъ золотую, устланную шелковыми коврами) кровлю дворца.

Дворецъ стоялъ на самомъ высокомъ изъ холмовъ столицы. На ападѣ, подымается надъ горизонтомъ Халила (кажется, это самая высокая гора хребта съ Запада отъ Шираза?), на востокъ видъ былъ далекій, на сколько проникаетъ взглядъ при звѣздномъ мерцаніи.

Долго сидѣла царица. Лишь когда показалась на востокѣ утренняя звѣзда, смежились ея глаза сномъ. И возникло передъ нею сновидѣніе. На вершинѣ Халилы собрались пери всѣхъ областей Ирана въ гости къ пери Фарсистана, праздновать второе новолуніе весны. Пери детали группами въ танцахъ, кончивъ танцы, начали разговаривать. И пери Фарсистана начала пѣть.

На востокѣ растаяли снѣга въ долинахъ Кабула до горъ Гиндустана; и на сѣверѣ въ журчанѣхъ каскадовъ сходить съ высей Эльбурса весна на луга. А здѣсь въ Фарсистанѣ весна въ полномъ развитіи красы. Намъ всѣмъ праздникъ, и у всѣхъ персовъ завтра праздникъ (то-есть день новолунія). Только царица ждетъ завтрашняго утра съ тревогою. Порадуемъ и ее. Вотъ заснула она, будемъ пѣть всѣмъ хоромъ ей Хоръ Пери. Проснись, царица; рано утромъ возвратится твой сынъ; спѣвши дѣлать распоряженія для торжества встрѣчи его. Пусть съ первымъ лучемъ солнца, какъ станутъ пробуждаться жители столицы, идутъ по всѣмъ домамъ вѣстники звать ихъ на пиръ въ сады твоего дворца. Едва соберется народъ, какъ возвратится твой сынъ.

Царица пробуждается; и такъ далѣе, въ такомъ простомъ тонѣ. Все происходитъ, разумѣется, сообразно свѣту и предвѣщанію сновидѣнія. Восторгъ народа при появленіи царя. Радость матери. Когда она нацѣловалась, сына проситъ сказать: почему жъ не было вчера гонца?—Сынъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ матери своимъ пріѣздомъ.—О, какъ я

жалѣю теперь, что вздумалъ сдѣлать такъ! Я не сумѣлъ понять, какъ тревожна любовь матери!

Пиръ. Въ концѣ обѣда являются танцовщицы. По отдыхѣ послѣ обѣда праздникъ въ апартаментѣхъ царицы; тутъ ужъ не мужчины только, какъ было за обѣдомъ, а семейства всѣхъ вельможъ. Танцовщицы были очаровательны, дочери вельможъ еще очаровательнѣе. Царь любезничаетъ съ ними. Но мать замѣчаетъ; онъ утомленъ; потому она говоритъ: продолженіе этого праздника отлагаемъ до завтрашняго вечера. И на завтра, хотъ сынъ ужъ отдохнулъ, мать замѣчаетъ: любезничанье сына съ придворными красавицами идетъ менѣе одушевленно, чѣмъ слѣдовало бы ожидать отъ юноши, который полгода провелъ въ лѣсахъ горъ, не встрѣчая женскаго лица. Она вдумывается. Да это было еще и до отъѣзда на охоту; и тогда ужъ сынъ будто начиналъ терять прежнюю пылкость любезничанья.

И такъ далѣе; ходъ подробностей разсказа достаточно ясенъ и по краткому очерку изложенія. Тоска сына все развивается (*зачерк.*: онъ и въ собраніи) доходить до рѣшенія царицы, по безуспѣшномъ совѣщаніи съ братомъ, призвать мудрецовъ съ книгами пророчествъ.

Подробное изложеніе вышло у меня страдающимъ растянутостью. При обработкѣ я сдѣлалъ бы разсказъ болѣе сжатымъ. За то, наоборотъ: въ прозѣ неловкимъ излишествомъ были бы очерки красоты матери-царицы, самого царя, прелести танцовщицъ, придворныхъ красавицъ. А въ стихотворной одеждѣ, такіе очерки необходимы. Во всѣхъ подробностяхъ разсказа просвѣчиваются добрыя благородныя качества души царицы-матери и царя.

Между красавицами довольно много блондинокъ (это или плѣнницы—танцовщицы по преимуществу вербуются изъ плѣнницъ; или дѣвушки аристократическихъ семействъ изъ сѣверныхъ областей царства, гдѣ живутъ на одной изъ (*зачерк.*: періодовъ) остановокъ своего переселенія въ Европу предки нынѣшнихъ русскихъ племенъ Европы.

Рѣшеніемъ царицы призвать мудрецовъ заканчивается первая пѣсня.

Главное въ ней, кромѣ характеристики дѣйствующихъ лицъ, установленіе впечатлѣнія о могуществѣ и благоденствіи Ирана, въ эпоху, съ которой начинается поэма.

Остановлюсь, пока, на этомъ.

Благодарю Тебя, милый мой другъ Миша, за свѣдѣнія о ходѣ Твоихъ экзаменовъ. Радуюсь тому, что они успѣшны. Конечно, сами въ себѣ экзамены по моему мнѣнію пустая формальность. Но для карьеры они—ступени, которыя необходимо надобно переступить; стало быть, хотъ и пустяки, но имѣющіе очень важное значеніе.

Жму Ваши руки, мои друзья. Цѣлую Васъ. Будьте здоровы.

Вашъ, Н. Ч.

Попытка возстанія въ Севастополѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября 1907 года ¹⁾.

(Воспоминанія офицера).

Дѣло относится ко времени выборовъ въ 3-ю Государственную Думу, когда, при торжествовавшей повсюду реакціи, оставшіяся кое-гдѣ революціонныя организаціи въ арміи дѣлали послѣднія отчаянныя усилія задержать ея ростъ, выдвигая на сцену уцѣлѣвшія еще отъ безконечныхъ проваловъ силы.

Въ Севастополѣ въ то время революціонная организація среди солдатъ и матросовъ, созданная и руководимая с.-р.-ами, была очень сильна.

Схема этой организаціи, входившей въ составъ «Всероссійскаго союза солдатъ и матросовъ», была такова. Сознательный элементъ каждой роты объединялся въ кружокъ и имѣлъ выборныхъ представителей. Собраніе ротныхъ представителей полка и соответственной части другихъ родовъ оружія составляло «Комитетъ отдѣльной части». Этотъ комитетъ собирался обыкновенно въ казармахъ. На засѣданіяхъ присутствовали иногда, и, къ слову сказать, очень рѣдко, партійный организаторъ. «Комитетъ отдѣльной части» выдѣлялъ представителей въ «Гарнизонное собраніе», которое было высшей организаціонной инстанціей въ городѣ. На ней я останавлиюсь подробнѣе.

Каждая часть, имѣвшая революціонную организацію, посылала въ «Гарнизонное собраніе», въ зависимости отъ числа организованныхъ въ ней членовъ, отъ одного до пяти представителей. Кромѣ того, имѣлись «замѣстители», которымъ приходилось иногда присутствовать на засѣданіяхъ «Гарнизоннаго собранія», замѣняя отсутствовавшихъ почему либо членовъ.

¹⁾ Авторъ статьи „Попытка возстанія въ Севастополѣ“—одинъ изъ трехъ офицеровъ, спасшихся отъ ареста. Очеркъ былъ написанъ авторомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Эту статью мы получили отъ него для „Былого“ еще въ началѣ 1909 года.

Какъ и авторъ этой статьи, такъ и его товарищъ по возстанію, другой офицеръ, Яковлевъ, послѣ своего побѣга изъ Россіи долго жилъ заграничей и только недавно, послѣ революціи, вернулся въ Россію. Яковлевъ возвращался изъ заграничи вмѣстѣ съ П. Карповичемъ. Ихъ пароходъ былъ потопленъ нѣмецкою подводною лодкой. П. Карповичъ погибъ, а Яковлеву, послѣ долгихъ мытарствъ, удалось спастись, и онъ въ настоящее время находится въ Россіи.

В. Бурцевъ.

Засѣданія эти организовывались партійными работниками. Приходится удивляться, какъ въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Севастополь, и къ тому же объявленномъ на военномъ положеніи, удавалось собирать до сорока человекъ самой равношерстной военной публики, и не разъ и не два, а на протяжении многихъ мѣсяцевъ, почти регулярно по разу въ недѣлю.

О существованіи «Гарнизоннаго собранія» властямъ было извѣстно. Его искали. Искали всюду и не находили.

Чтобы затруднить сходки солдатъ, создавались всевозможныя препятствія при отпускахъ ихъ изъ предѣловъ казармъ. Одно время нижнихъ чиновъ отпускали въ городъ не иначе, какъ по нѣскольکو человекъ вмѣстѣ и подъ командой «надежнаго» старшаго. Все было напрасно! «Гарнизонное собраніе» функционировало по прежнему.

Это общеніе моряковъ, пѣхотинцевъ, артиллеристовъ, саперовъ и т. д., ихъ свободныя рѣчи на засѣданіяхъ «собранія», гдѣ они могли отвести свою душу, сознаніе того, что за спиной каждаго изъ нихъ—десятки и, даже, сотни ему подобныхъ—все это не могло не способствовать развитію въ нихъ увѣренности въ своихъ силахъ, не могло не имѣть революціонизирующаго значенія. Слухи о тайныхъ засѣданіяхъ «Собранія» проникли въ самые низы солдатской среды. О нихъ говорили въ казармахъ и говорили много, и, несомнѣнно, впечатлѣнія, вынесенныя изъ засѣданій членами Собранія, передавались отъ одного другому. Авторитетъ «Гарнизоннаго собранія» въ солдатскихъ слояхъ росъ съ каждымъ днемъ. Дѣло доходило иногда до курьезовъ. Такъ, въ головахъ нѣкоторыхъ солдатъ представленіе о «Гарнизонномъ собраніи» сложилось, какъ о какой-то таинственной и могучей «власти», вродѣ «начальства». И они обращались туда со своими жалобами и прошеніями.

Съ виду казалось все хорошо. Но это лишь казалось. На дѣлѣ же пропаганда шла не вездѣ одинаковымъ темпомъ. Естественно, что солдаты и матросы, участвовавшіе въ «Гарнизонномъ собраніи», гдѣ они лично набирались впечатлѣній, находясь при томъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ, поддавались процессу революціонизированія гораздо быстрее тѣхъ, на кого вліяніе могло быть оказано лишь черезъ посредство вторыхъ, третьихъ лицъ.

При такомъ положеніи вещей можно было опасаться взрыва чрезмѣрно накопившейся революціонной энергіи въ передовой части солдатской среды, взрыва преждевременнаго, безъ шансовъ на возможность увлеченія за нимъ остальныхъ, на много отставшихъ солдатскихъ слоевъ.

Нѣкоторыми изъ офицеровъ, состоявшими въ мѣстномъ революціонномъ безпартійномъ кружкѣ, было указано на это. Указывалось также на большую цѣлесообразность и даже безопасность для интеллигентныхъ революціонеровъ, вмѣсто траты энергіи «Гарнизонное собраніе», работать въ «комитетахъ отдѣльных

частей» и не упускать изъ подъ своего непосредственнаго вліянія наибольшаго количества солдатъ и матросовъ, тѣмъ болѣе, что объединительная инстанція всѣхъ организованныхъ солдатскихъ силъ въ гарнизонѣ, при наличіи партійной интеллигенціи и офицерскаго кружка, являлась не только не необходимой, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредной.

Основательность вышеизложенныхъ опасеній нѣкоторыхъ офицеровъ была доказана въ послѣдствіи дальнѣйшимъ ходомъ событій.

Уже задолго до попытки возстанія въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября часть солдатъ и матросовъ была такъ революціонно настроена, что значительная доля труда партійныхъ работниковъ отдавалась на то, чтобы сдерживать ихъ пылъ и предотвращать тѣмъ преждевременное выступленіе.

Однако достигъ этого такъ и не удалось.

Я не хочу вдаваться въ подробное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ возстанію и послужившихъ причиной его возникновенія. Это отчасти потому, что не могу поручиться за вѣрность представленій, сложившихся у меня на основаніи отрывочныхъ данныхъ, а отчасти вслѣдствіе невозможности огласить нѣкоторые факты безъ риска подвести людей, участіе коихъ въ этомъ дѣлѣ еще не обнаружено.

Скажу только, что извѣстная доля вины за происшедшее, безусловно, ложится на людей, предполагавшихъ путемъ частичнаго удачнаго возстанія поднять упавшій въ народныхъ массахъ революціонный духъ. Такіе люди составляли въ партіи с.-р. большинство. Они то и начали подготовку къ возстанію, хотя мѣстный офицерскій кружокъ, входившій въ составъ безпартійнаго «Всероссійскаго Офицерскаго Союза», и протестовалъ. Правда, при разработкѣ плана возстанія, собирая свѣдѣнія о своихъ силахъ и силахъ правительства, и с.-р. приходили къ убѣжденію, что на побѣду разсчитывать не было основаній, и большинство изъ нихъ высказывалось уже противъ возстанія; но самой подготовкой къ возстанію уже былъ данъ толчекъ солдатскимъ массамъ, сдерживать которыя было трудно и до того времени. Страсти разгорѣлись. Удержать ихъ уже не было силъ.

Не соглашаясь съ постановленіемъ своихъ интеллигентныхъ руководителей — не подымать возстанія, солдаты и матросы на одномъ изъ засѣданій «Гарнизоннаго Собранія», которое было устроено ими безъ посторонней помощи, рѣшили выступить безъ интеллигенціи, обвиняя ее даже въ трусости. Выработали планъ, насколько мнѣ извѣстно, невыполнимый и даже нелѣпый, и назначили день возстанія.

Партійными работниками вслѣдъ за тѣмъ было создано «Гарнизонное Собраніе», на которомъ было указано на невозможность, при существовавшемъ соотношеніи силъ, разсчитывать на побѣду.

Солдаты не поддавались. Они заявили, что и не думаютъ о побѣдѣ, но выступаютъ лишь потому, что чаша терпѣнія ихъ переполнилась.

— Всюду уныніе... Идутъ выборы въ третью Государственную Думу. Мы ея не признаемъ. Мы должны протестовать противъ ея созыва и мы дѣлаемъ это съ оружіемъ въ рукахъ... Мы умремъ, мы знаемъ это. Мы идемъ на гибель сознательно...

Таковы были тамъ рѣчи.

Въ своемъ рѣшеніи выступить, солдаты были непоколебимы. Удалось только уговорить отложить возстаніе на нѣсколько дней, съ обѣщаніемъ, что тогда примутъ участіе въ немъ партійные работники и офицеры.

Положеніе было серьезное. Оставить солдатъ на произволъ судьбы — значило ничего не сдѣлать съ своей стороны для предотвращенія могущихъ произойти эксцессовъ.

Скрѣпя сердце, согласился участвовать въ возстаніи и я.

Времени въ нашемъ распоряженіи было не много. Матросы предъявили свое требованіе, чтобы возстаніе было до 20 сентября, такъ какъ въ это время они, старые матросы, наилучше организованная часть во флотѣ, будутъ распущены по домамъ.

— Теперь мы представляемъ изъ себя силу, — говорили они, — а распустятъ насъ по деревнямъ, мы ея не будемъ. Мы не уйдемъ, ничего не сдѣлавши.

Пришлось и здѣсь уступить.

Началась спѣшная подготовка. Былъ сформированъ «Востанческій Комитетъ», въ составъ котораго вошли представители отъ с.-р. партіи, отъ безпартійнаго «Офицерскаго Союза» и отъ солдатъ. Собирались свѣдѣнія. Разрабатывался планъ. Велась агитаціонная работа среди солдатъ и матросовъ. Устраивались массовки. Для проверки дѣйствительности желанія возстанія въ глубокихъ слояхъ солдатской массы, а не только въ ея верхушкахъ, была произведена анкета. За возстаніе было подано нѣсколько тысячъ голосовъ. Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ не помню.

Однако, какъ ни хороши были, по духу и количеству членовъ, организаціи среди солдатъ и матросовъ, было ясно, что всякая попытка къ возстанію будетъ подавлена въ корнѣ.

Багодаря широко развитой провокаціи и шпионству, властямъ было извѣстно о степени революціонности каждой части. Для обезвреженія наиболѣе опасныхъ изъ нихъ, были приняты соотвѣтствующія мѣры.

Снаряды съ судовъ свезены на берегъ (за исключеніемъ двухъ учебныхъ суденъ, команды коихъ были вполне «надежны»). Ружья — тоже. Оставлено было только небольшое количество для обслуживанія карауловъ, но и тѣ были подъ замками. Баталіоны крѣпостной артиллеріи были безъ полагающихся имъ ружей. Охрана же крѣпостныхъ орудій была поручена пѣхотнымъ частямъ. Въ полевой артиллеріи не было снарядовъ. «Надежные» саперы, хотя и были вооружены ружьями, но патроновъ у нихъ не было. Но, такъ какъ разоружить поголовно всѣ затронутыя революціонной пропагандой части не представлялось возможнымъ,

ибо тогда не хватило бы войска для несенія караульной службы, то въ силу необходимости наилучше распропагандированная часть въ гарнизонѣ, «Брестскій» полкъ, представлявшій большую опасность для «спокойствія» властей, все же оставался въ полномъ вооруженіи. Нѣкоторую долю безпокойства причинялъ властямъ и другой полкъ, стоявшій постоянно въ Севастополѣ, это — «Бѣлостокскій».

Для парализованія этой опасности отъ ненадежнаго гарнизона, въ Севастополѣ были временно расквартированы части, вызванные изъ другихъ городовъ. Изъ Одессы былъ присланъ баталіонъ стрѣлковаго полка, изъ Теодосіи пять ротъ Виленскаго полка, изъ Павлограда баталіонъ Керчь-Эникальскаго полка и изъ Симферополя нѣсколько ротъ Литовскаго полка, число коихъ постоянно мѣнялось.

Нѣкоторые изъ этихъ частей были присланы въ Севастополь для усиленія гарнизона, такъ какъ мѣстныхъ войскъ не хватало для несенія караульной службы, а нѣкоторые баталіоны имѣли специальное назначеніе: «содѣйствіе гражданскимъ властямъ», т. е., по-просту говоря, назначались для несенія полицейской службы. За состояніемъ духа въ этихъ баталіонахъ власти слѣдили особенно вѣрно. Чтобы изолировать солдатъ отъ внѣшняго міра и для предотвращенія такимъ образомъ «заразы», тамъ введенъ былъ положительно монастырскій режимъ. Отлучки въ городъ дозволялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ казармы посторонніе не допускались безъ осмотра ихъ дежурнымъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ практиковалось «присматриваніе» за «постороннимъ» все время его пребыванія въ казармахъ. Часто производились обыски въ сундукахъ солдатъ въ надеждѣ отыскать «крамольные листки». Часть офицеровъ обязана была жить въ казармахъ, въ отведенныхъ для этого помѣщеніяхъ. И несмотря на въ полномъ смыслѣ тюремное заключеніе этихъ баталіоновъ, не только возмущенія, но, даже недовольства въ средѣ солдатъ не было. Далеки они были также отъ всякихъ крамольныхъ поползновеній. На то были, конечно, свои причины.

Дѣло въ томъ, что солдаты этихъ частей получали усиленные оклады. Въмѣсто полагающихся нижнему чину 50 копеекъ въ мѣсяцъ, каждый рядовой этихъ баталіоновъ получалъ около пяти рублей (по 15 коп. въ день суточныхъ)¹⁾. Привилегіи были слишкомъ велики, чтобы не дорожить ими.

Одинъ изъ командировъ такого баталіона, которому выпало «счастіе» быть назначеннымъ «для содѣйствія гражданскимъ властямъ», обратился разъ къ солдатамъ съ такой рѣчью:

— Помните, ребята, что какъ только среди васъ заведется

¹⁾ Офицеры въ низшихъ чинахъ получали въ мѣсяцъ на 45 руб. болѣе обычнаго жалованія. Кромѣ того, единовременное пособіе въ размѣрѣ двухмѣсячнаго оклада и по прибытіи въ Севастополь первые два мѣсяца двойныя квартирныя, а семейные получали ихъ на протяженіи всего времени стоянки въ Севастополѣ.

крамола, баталіонъ выплутъ изъ Севастополя, и прощай ваши суточныя. Такъ вы сами смотрите другъ за другомъ, чтобы этого не было.

Дружное: «постараемся» — было отвѣтомъ. Баталіоны эти были постоянно «на чеку», — днемъ и ночью готовые выступить по тревогѣ. Для практики зачастую устраивались ложныя тревоги.

Врагъ революціи былъ слишкомъ уменъ, чтобы не оцѣнить превосходства «быстроты и натиска», въ особенности по отношенію къ деморализованному врагу, на положеніи коего неминуемо должна очутиться всякая возставшая воинская часть до тѣхъ поръ, пока не выбраны новые начальники и не восстановлена нарушенная организація.

Чтобы парализовать могшее произойти въ гарнизонѣ возстаніе, былъ выработанъ рядъ цѣлесообразныхъ приѣмовъ борьбы. О нихъ распространяться не буду. Изъ дальнѣйшаго изложенія происшедшихъ событій они станутъ ясны.

Врагъ нашъ былъ силенъ. Уроками прежнихъ возстаній пользовался и онъ.

Въ станѣ же революціи дѣла были плохи. Шли, по обыкновенію, раздоры. И это явленіе, характерное для русскихъ революціонеровъ, я не могу обойти здѣсь молчаніемъ.

С.-д. принимать участіе въ выступленіи не собирались. Въ Бѣлостокскомъ полку у нихъ имѣлась своя организація среди солдатъ. Въ Бѣлостокскомъ же полку была и безпартійная организація, входившая въ составъ «Всероссійскаго Союза солдатъ и матросовъ», руководимаго, какъ уже было сказано, с.-р.-ми. Послѣ того, какъ вопросъ о возстаніи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, с.-р. начали вести въ Бѣлостокскомъ полку агитацію за возстаніе, а с.-д. — противъ возстанія.

Въ этотъ же періодъ подготовки къ возстанію произошелъ провалъ. Нѣсколько человѣкъ было арестовано. Многія связи порваны. Были основанія опасаться дальнѣйшихъ проваловъ. Первое состояніе у участіевшихъ достигло высшаго напряженія. Дальнѣйшая работа приняла характеръ нервной, лихорадочной дѣятельности. Шансовъ на успѣхъ положительно не было. Участіе въ подобномъ возстаніи казалось мнѣ равносильнымъ сознательному содѣйствію разгромленію организацій, на созданіе коихъ было положено такъ много труда. Я отказался.

Прощаясь съ друзьями, сказалъ, что, когда они умрутъ, мы (говорилъ — мы, такъ какъ не одинъ только я отказался) станемъ на ихъ мѣсто и будемъ работать надъ созданіемъ новой организаціи.

Впрочемъ, придя домой, я рѣшилъ, что избѣгнуть предстоящаго водоворота мнѣ не удастся. Неминуемо я долженъ былъ быть въ него вовлеченъ. Я служилъ въ баталіонѣ 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка, присланномъ въ Севастополь «для содѣйствія гражданскимъ властямъ», и въ случаѣ возстанія насъ

двинули бы для усмиренія въ первую голову. Поступать же противъ своихъ убѣжденій я не собирался, и потому гибель моя была очевидна.

Вскорѣ послѣ моего отказа пришелъ ко мнѣ поручикъ Н. и сообщилъ, что въ Бѣлостокскомъ полку состоялось собраніе представителей ротъ, и они вынесли резолюцію, что солдаты ихъ полка примутъ участіе въ возстаніи, а съ тѣми, кто будетъ вести агитацію противъ возстанія (намекая на с.-д.) расправятся немилосердно, и что послѣ этого представитель с.-д. военной организаціи заявилъ о согласіи с.-д. участвовать въ возстаніи. Н. предлагалъ и мнѣ сдѣлать то же.

Отчасти подѣ влияніемъ его сообщеній и полученнаго мною извѣстія о переходѣ войскъ изъ лагеря въ городъ, нѣсколько видоизмѣнившихъ печальный характеръ существовавшей обстановки, а отчасти вслѣдствіе вышеупомянутой невозможности сохранить себя для будущей дѣятельности, я согласился.

Переходя къ описанію получившагося соотношенія силъ правительства и революціи и ихъ распредѣленія въ городѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о Севастополѣ.

Городъ этотъ расположенъ на западномъ берегу Крыма. Съ моря онъ защищенъ цѣпью береговыхъ батарей. Широкимъ и длиннымъ заливомъ, носящимъ названіе «Сѣверной бухты» и тянущимся съ запада на востокъ, городъ дѣлится на двѣ части. Сѣверная—такъ и называется «Сѣверной стороной». Южная же въ свою очередь, дѣлится «Южной бухтой», отходящей отъ «Сѣверной» подъ угломъ въ 90 градусовъ, на двѣ части: «Корабельную сторону» къ востоку отъ бухты, и на западную часть, гдѣ собственно и находится городъ.

Лучшія силы революціонеровъ расположены были слѣдующимъ образомъ:

На «Сѣверной сторонѣ»—полевая артиллерія (бригада). Организациіи среди солдатъ тамъ были очень сильны. На «Корабельной сторонѣ» былъ расположенъ Брестскій полкъ. И по количеству организованныхъ въ революціонные кружки солдатъ, и по боевому духу, царившему въ немъ, онъ безусловно занималъ первое мѣсто среди всѣхъ распропагандированныхъ частей гарнизона. Минимальное количество солдатъ въ ротѣ, входившихъ въ революціонную организацію, было 20; максимальное—30.

Въ «Сѣверной бухтѣ» стоялъ флотъ. Революціонныя организаціи тамъ были настолько сильны, что въ возможности захвата флота революціонерами мы не сомнѣвались. (Числовыхъ данныхъ, къ сожалѣнію, не помню).

Всѣ вышеупомянутыя части должны были по плану возстанія подняться въ одно время. Полевая артиллерія снарядовъ не имѣла, а потому въ моментъ возстанія могла бы сдѣлаться жертвой 6 ротъ пѣхоты, находившихся на «Сѣверной сторонѣ» (въ которыхъ не было даже и связей у революціонеровъ) и, кромѣ того, могла обстрѣливаться съ бухты двумя учебными су-

дами, а потому рѣшено было, что въ моментъ возстанія она должна сняться съ мѣста и, объѣхавши вокругъ «Сѣверной бухты», присоединиться къ Брестскому полку.

На сѣверной же сторонѣ была расположена рота саперъ, симпатіи коихъ склонялись на сторону революціи, но значенія они не имѣли, такъ какъ были, какъ уже упоминалось выше, разоружены.

Послѣ возстанія полевой артиллерія, флота, Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, должны были возстать остальные подготовленные революціонерами части, какъ то: нѣсколько ротъ пѣхоты, расположенной неподалеку отъ главной части города, у «артиллерійской бухты»; стоявшая въ той же части города рота минеровъ; телеграфная рота, казармы коей находились въ промежуткѣ между Брестскимъ и Бѣлостокскимъ полками, и часть флотскаго экипажа, находившаяся на берегу, въ казармахъ Морского Вѣдомства. Кромѣ того, частью въ городѣ, а частью въ лагерныхъ баракахъ стояли крѣпостные артиллеристы, хотя и настроенные революціонно, но не игравшіе никакой роли, такъ какъ у нихъ не было ни пушекъ, ни ружей, а, по сосѣдству съ баталіономъ, бывшимъ въ лагерѣ ¹⁾, къ тому же стояли вполнѣ преданные правительству казаки и эскадронъ Крымскаго коннаго полка. Остается упомянуть про центръ правительственной силы, про тотъ «кулакъ», на который власти не безъ основаній рассчитывали и которымъ они могли подавить всякія начинанія со стороны революціонеровъ. Это были три баталіона пѣхоты, расквартированные въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ сѣвернѣе Брестскаго полка, въ казармахъ Морского Вѣдомства.

Революціонныхъ организацій въ этихъ баталіонахъ не было. Были раньше кое-какія связи съ отдѣльными солдатами, но и тѣ были порваны при вышеупоминавшемся провалѣ.

Въ первый періодъ подготовки къ вооруженному возстанію, когда войска были въ лагеряхъ, а этотъ «кулакъ» въ тѣхъ же казармахъ Морского Вѣдомства, т. е. на большомъ разстояніи отъ частей, которыя должны были возстать, онъ представлялъ, несомнѣнно, большую опасность для насъ, ибо не было тогда никакихъ надеждъ парализовать его грозную для насъ боеспособность противъ «внутренняго врага». Приходилось считаться съ тѣмъ фактомъ, что возставшіе Брестскій и Бѣлостокскій полки, безъ наличія почти офицеровъ, принуждены будутъ вступить въ бой, плачевный исходъ коего былъ для насъ очевиденъ.

Теперь же, когда по близости казармъ Морского Вѣдомства стоялъ Брестскій полкъ, явилась возможность обезвредить расположенныя въ нихъ правительственныя войска. Сдѣлать это поручено было мнѣ.

Въ моментъ возстанія я долженъ былъ быть въ Брестскомъ

¹⁾ Лагерь находится къ югу отъ казармъ Бѣлостокскаго полка на разстояніи полуверсты.

полку, принять командование надъ дежурной ротой, т. е. ротой, всегда готовой къ боевымъ дѣйствіямъ, и вести ее въ баталіонъ Виленскаго полка, ближе всѣхъ расположеннаго отъ Брестскаго.

Съ этой ротой я рассчитывалъ овладѣть всѣмъ баталіономъ Виленскаго полка, полагая его застать врасплохъ. Кромѣ того, я надѣялся на свой авторитетъ. Я былъ офицеромъ въ этомъ баталіонѣ, и мнѣ въ голову даже не приходила мысль, чтобы солдаты, въ особенности той роты, гдѣ я служилъ, осмѣлились бы препятствовать моимъ распоряженіямъ. Надо знать психологію забитаго дисциплиной солдата и гипнотизирующее на него дѣйствіе офицерскихъ погонъ, чтобы понять, что расчеты мои не были безъ основаній.

Къ тому же я, зачастую разговаривая на политическія темы наединѣ то съ однимъ, то съ другимъ изъ солдатъ, зналъ, что и среди нихъ были сторонники революціи. Они были не организованы, но, при случаѣ, къ возставшимъ примкнули бы.

Обезвредивши баталіонъ Виленскаго полка и передавши оружіе матросамъ, расположеннымъ въ сосѣднихъ казармахъ, я могъ бы, смотря по обстоятельствамъ, двинуться дальше по направленію казармъ двухъ другихъ баталіоновъ, или забаррикадироваться въ одномъ изъ старыхъ казармъ Морского Вѣдомства и отбывать такимъ образомъ эти два баталіона отъ Брестскаго полка.

Все это должно было происходить въ темнотѣ.

Возстаніе было назначено въ 4 часа, въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября.

Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, я долженъ вернуться немного назадъ, дабы вывести на сцену одну, являющуюся типичнымъ представителемъ, личность, игравшую видную роль въ этомъ дѣлѣ, и не лишенную интереса въ психологическомъ отношеніи, которую я зналъ подъ кличкой «Александръ».

«Александръ» былъ рядовымъ Брестскаго полка. Человѣкъ развитой. Познакомился съ нимъ я на одномъ изъ собраній «Повстанческаго Комитета». Не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня особенно хорошее впечатлѣніе. Въ немъ сквозила чрезвычайная самоувѣренность и честолюбіе. Онъ былъ грузинъ и человѣкъ, повидимому, рѣшительный. Говорили, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ полку, и особенно среди своихъ земляковъ. Дѣйствительно, большая доля труда по организаціи Брестскаго полка лежала на немъ. И если принять во вниманіе, что это была наилучше распропагандированная часть въ гарнизонѣ, служившая краеугольнымъ камнемъ при выработкѣ революціонерами плана возстанія, то становится понятна та видная роль, въ которой оказался «Александръ».

Авторитета офицеровъ онъ не признавалъ.

— Намъ, грузинамъ,—говорилъ онъ,—офицеровъ не надо. Они нужны для русскихъ. Я только «крыкну», и всѣ двѣсти грузинъ полка пойдутъ за мной.

Отмѣчаю этотъ фактъ потому, что дальнѣйшія событія покажутъ, насколько осторожно надо было отнестись къ подобнаго рода заявленію, къ тому же не единичному, такъ какъ нѣчто въ этомъ же родѣ заявлялось и во флотѣ. Эти же событія покажутъ, какой самообманъ скрывается иногда за подобными красивыми и выразительными словами...

Въ ночь съ 14 на 15 мы въ послѣдній разъ собрались вблизи казармъ Брестскаго полка. Отсюда всѣ разошлись по назначеннымъ мѣстамъ. Остались только тѣ, кому предстояло идти въ Брестскій полкъ. Въ числѣ ихъ былъ и я. Роль «Повстанческаго Комитета» кончилась. Гегемонія перешла къ Брестскому полку.

До возстанія оставалось еще нѣсколько часовъ. Никогда не забуду ихъ. Мы были на свѣжемъ воздухѣ. Чудный, мягкій, какъ бархатъ, лунный свѣтъ проникалъ, казалось, въ самую глубь, въ самые тайники человѣческой души и, внося какое то доселѣ невѣдомое щемящее чувство, какъ будто шепталъ: «Какъ хорошо жить! Какое чудное небо, звѣзды! Какъ хорошо все вокругъ!»

Да, умирать не хотѣлось. Никогда жизнь не казалась такимъ дорогимъ, близкимъ существомъ, какъ тогда, передъ казавшейся неизбежной разлукой.

Кругомъ была мертвая тишина,—развѣ изрѣдка только нарушавшаяся отдаленнымъ топотомъ конскихъ копытъ или сдержаннымъ голосомъ кого либо изъ насъ, звучавшимъ въ прозрачномъ холодномъ воздухѣ какъ то отчетливо, громко... Говорить не хотѣлось... Мысли неслись вереницей...

Вдругъ, со стороны Сѣверной бухты раздался сигнальный рожокъ... За нимъ другой... третій... еще и еще—безъ конца.

Порывистые мотивы сигнала, сливаясь въ общій, преисполненный какой-то тревоги гулъ, неслись надъ омертвѣвшимъ Севастополемъ, прорѣвая свѣжій воздухъ холодной сентябрьской южной ночи, находя на каждый звукъ болѣзненный откликъ въ нашихъ сердцахъ.

Мы стояли въ оцѣпенѣніи. Что это значило? До возстанія оставалось еще около часа. Неужели во флотѣ поднялись раньше времени? Если да, то и намъ нужно было идти немедля. Вотъ—вотъ, казалось, раздастся выстрѣлъ, быть можетъ, пальба, крики... Но нѣтъ... Все смолкло. Лишь въ умѣ продолжали звучать запечатлѣвшіеся торопливые звуки запоздалаго рожка... Тишина... Все по-старому. Только сердце билось сильнѣе. Душевный покой былъ нарушенъ. Мучительно медленно проходило время. Наконецъ часъ пришелъ.

Намъ, тремъ офицерамъ, нужно было идти въ чужой для насъ Брестскій полкъ и поднять его, такъ какъ своихъ офицеровъ тамъ не было. Мы знали, что властямъ было извѣстно о готовившемся возстаніи при участіи офицеровъ, а потому, во избѣжаніе задержки насъ у казарменныхъ воротъ, не надѣясь только на свой офицерскій мундиръ, придумали предлогъ, подѣ

которымъ насъ пропустили бы во внутрь двора. Предлогъ этотъ заключался въ томъ, что мы, гуляя за городомъ, будто-бы обнаружили сходку солдатъ, и шли сообщить объ этомъ въ ближе всѣхъ расположенный Брестскій полкъ, дабы администрація его приняла соотвѣтствующія мѣры.

При приближеніи къ казармамъ чувствовалось, что дѣло обстоитъ не ладно: властямъ было извѣстно болѣе, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мѣры предосторожности съ ихъ стороны были приняты сверхъ обычныхъ. Вокругъ казармъ Брестскаго полка ходили усиленные патрули отъ Виленскаго полка. Около входныхъ воротъ, помимо наряда отъ Брестскаго полка, стояла рота Бѣлостокскаго полка.

— Вы что тутъ дѣлаете? — обратился одинъ изъ насъ къ солдатамъ этой роты.

— Брестцы, что ли, бунтовать хотять, Ваше Благородіе, такъ вотъ насъ и пригнали сюда.

— А гдѣ же ваши офицера?

— Пошли въ собраніе.

Скверно... Мы вошли во дворъ и направились къ полковой церкви, гдѣ, какъ было условлено раньше, представители дежурной роты должны были насъ встрѣтить и провести въ свою роту, которую предполагалось поднять первой. Въ ночь съ 14 на 15 сентября дежурной ротой была 5-я. Это была одна изъ наилучше подготовленныхъ по возстанію ротъ. Солдатъ, не входившихъ въ революціонную организацію, въ ней было не болѣе десятка. За дежурной ротой долженъ былъ подняться весь полкъ.

Подожли къ церкви. Тамъ — ни души. Недоумѣвая, мы пошли дальше, въ глубь двора, и наткнулись на другую роту, стоявшую въ полномъ вооруженіи и при офицерахъ... Повернули обратно. Удивляюсь, какъ насъ тутъ же не арестовали. Подошли опять къ церкви. Ни души. Отсутствие представителей роты ставило насъ положительно въ недоумѣніе. Что было дѣлать? Вѣдь они могли быть арестованы! Нервное напряженіе, получившее уже толчекъ для болѣзненнаго своего развитія съ момента тревоги во флотъ — все росло. Я хотѣлъ было броситься въ казармы, но товарищи отговорили, вполне резонно заявивши, что разъ не пришли представители, стало-быть, въ ротѣ что нибудь да неладно, и соваться туда нельзя. Рѣшили покинуть казармы.

Прошло четверть часа, а въ полку — тишина. Между тѣмъ было условлено, что если бы къ 4 часамъ мы почему либо не пришли, то четверть пятого солдаты должны поднять возстаніе самостоятельно. Сигналомъ къ возстанію долженъ былъ быть въ такомъ случаѣ взрывъ бомбы, которою ихъ снабдили с.-р.

Положеніе было серьезное. Безъ участія Брестскаго полка, возставшія въ другихъ мѣстахъ части обрекались на гибель. Надо было во что бы то ни стало вызвать представителей Брестскаго полка. Оказалось, что поручикъ Н., бывшій съ нами, зналъ

человѣка, у котораго устраивались сходки солдатъ Брестскаго полка. Пошли отыскивать его.

— Здѣсь, сказалъ Н., указывая на маленькій домикъ. Постучали. Никто не отзывался. Начали колотить въ дверь изо всей мочи. Было уже свѣтло. Неподалеку стоялъ патруль чело-вѣкъ изъ десяти солдатъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на насъ, да какой-то штатскій, Богъ вѣсть чего проходившій мимо въ такую пору. «Шпикъ», невольно мелькнуло въ больномъ воображеніи, но тѣмъ не менѣе колотить въ дверь продолжали. О конспираціи не было и помину. Не до нея было... Оказалось, что тотъ, кого мы разыскивали, жилъ въ другомъ домѣ. Пошли туда. Обитатели дома спали крѣпчайшимъ сномъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока отперли дверь. Попросили вызвать изъ Брестскихъ казармъ полковыхъ представителей. Вскорѣ они явились.

Осунувшіяся блѣдныя лица съ отпечаткомъ страданія отъ переживаемыхъ нервныхъ напряженій и какая то подавленность съ проблескомъ отчаянія во взглядѣ — не предвѣщали намъ ничего хорошаго.

— Въ чемъ дѣло?

— Все пропало! упавшимъ голосомъ сказалъ Александръ. Невозможно ничего сдѣлать: всѣ офицеры въ полку, и сидятъ въ своихъ ротахъ. Никто не рѣшается при нихъ начать.

— А бомба?

— Бросали, да не взрывается.

Настали тяжелыя минуты тревоги за своихъ товарищей въ другихъ частяхъ. Имъ грозила вѣрная гибель. Между тѣмъ рѣшительное заявленіе делегатовъ, что съ появленіемъ офицеровъ духъ въ полку палъ, и что инициатива отдѣльныхъ личностей солдатъ за собой не увлечетъ, было достаточнымъ основаніемъ, чтобы опустились руки и у насъ... Гибель всего дѣла, гибель товарищей была очевидна. Потрясеніе было слишкомъ велико. Товарищъ Н., обхвативши руками голову и уткнувшись въ стѣну, чуть не рыдая, воскликнулъ:

— За что, за что они погибли! Неужели ничего нельзя сдѣлать?...

Но вотъ прибѣжалъ солдатъ и сказалъ, что офицеры ушли изъ ротъ въ «Офицерское Собраніе». Послали проверить.

Было уже 5 часовъ. Посланные вернулись и сообщили, что намъ можно идти, такъ какъ ни въ одной изъ ротъ офицеровъ не было. Всѣ въ «Собраніи», а нѣкоторые даже собирались уѣзжать въ городъ. Дѣйствительно, въ то время изъ казармъ выѣхало нѣсколько извозчиковъ, на которыхъ сидѣло по 3—4 человека офицеровъ. Ушли и солдаты Бѣлостокскаго полка. Очевидно, властямъ было извѣстно, что возстаніе назначено въ 4 часа. Роковой часъ прошелъ благополучно, и они успокоились.

Насъ взяло раздумье: идти или нѣтъ? Вѣдь могло случиться, что и въ другихъ мѣстахъ возстанія поднять не удалось. Тогда и намъ идти было не къ чему. Въ Бѣлостокскомъ полку было

тихо. Въ сомнѣніе приводили только сигналы во флотѣ, да не внали что дѣлается по ту сторону бухты, на сѣверной сторонѣ, гдѣ находилась полевая артиллерія. Я предлагалъ послать туда человѣка, справиться, но предложеніе было отклонено, въ виду дальности разстоянія.

Между тѣмъ, собравшіеся около насъ солдаты увѣряли, что съ уходомъ офицеровъ въ роты воспрянули духомъ и требовали нашего прихода, находя, что нельзя же день возстанія безъ конца все откладывать и откладывать. Кое гдѣ выражали даже недовольство, что насъ до тѣхъ поръ не было.

Неизвѣстность положенія и отчасти настаиванія солдатъ заставили насъ снова тронуться въ путь. Дежурная рота была увѣдомлена о нашемъ приближеніи. Мы шли съ провожатыми по направленію не къ воротамъ, а къ провалу въ стѣнѣ казарменной ограды. Итти пришлось нѣсколько минутъ.

Не въ веселомъ настроеніи мы шли. Въ предшествовавшія минуты мы пережили и перестрадали немало. Во мнѣ, да, какъ замѣтилъ, и въ другихъ, совершился какой то надломъ. Не было уже той увѣренности, съ которой мы шли въ первый разъ, не было ни капли надежды на успѣхъ. Мы шли, не отдавая себѣ отчета, шли потому, что такъ рѣшено было раньше. Я не скажу, чтобы мое внутреннее эгоистическое существо, мое «я» тогда умерло. Оно давало себя чувствовать; оно трепетало всѣми фибрами своей подлой трусливой души; оно говорило: «жить хочу»; но сбросить тяжелыхъ цѣпей дисциплины, дисциплины сознательной, развѣтой годами, ему было не въ мочь...

Мы во дворѣ. Часовые, стоявшіе у пролома стѣны, намъ не помѣшали. Рубиконъ былъ перейденъ. Возврата назадъ уже не было. Впереди—все. Стало и на душѣ какъ то легче.

Мы вошли въ помѣщеніе 5-ой роты. По нашей командѣ: «въ ружье», бросились къ пирамидамъ ¹⁾ лишь нѣсколько человѣкъ и начали ихъ ломать, такъ какъ ружья были на замкахъ, но это оказалось излишнимъ, ибо ключи отъ пирамидъ тотчасъ же оказались у насъ. Между тѣмъ, остальные солдаты стояли въ нерѣшительности, въ это время подошелъ ко мнѣ фельдфебель и, приложивши къ козырьку, спросилъ:

— Прикажете попросить роту?

Говорю: «да».

Раздался голосъ фельдфебеля: «Построиться!»

Я прерву вѣтъ повѣствованія и скажу нѣсколько словъ о фельдфебелѣ.

Онъ былъ ярымъ реакціонеромъ, быть можетъ, и не по убѣжденію, а по карманнымъ соображеніямъ, объ этомъ судить не берусь. Своей слѣжкой и безконечными доносами онъ такъ вредилъ организаціи солдатъ въ его ротѣ, что ненависть ихъ простиралась до непероборимаго желанія убить его во чтобы то

¹⁾ Стойки для ружей.

ни стало. Какъ я узналъ уже впоследствии, исполнить это въ моментъ возстанія было поручено одному изъ солдатъ той же роты. Безъ сомнѣнн, фельдфебель зналъ о существованіи очень сильной революціонной организаціи въ полку и, быть можетъ, вѣрилъ въ возможность ея побѣды. Чувство ли самосохраненія или низкій расчетъ, не знаю, заставилъ его играть намъ въ руку. Быть можетъ, въ случаѣ нашей неудачи, онъ рассчитывалъ отвертѣться передъ своимъ начальствомъ, ссылаясь на приказаніе офицера. Сомнѣнія же въ томъ, что я, дѣйствительно, былъ офицеромъ, у него не могло быть, такъ какъ одно время я былъ прикомандированъ къ Брестскому полку и фельдфебель зналъ меня лично.

Какъ бы то ни было, но онъ помогъ намъ не мало. Приказаніе своего начальника, въ подлинности коего не могло быть никакихъ сомнѣній, имѣло должное воздѣйствіе, и люди построились. Впрочемъ, и тогда не всѣ. Нѣкоторые пытались ускользнуть куда-нибудь; нѣкоторые прятались въ кровати, подъ одеяла, притворяясь спящими. Лишь послѣ нѣсколькихъ окриковъ фельдфебеля, который, къ слову сказать, товарищемъ З. былъ на всякій случай обезоруженъ, и благодаря энергичной дѣятельности Н., построились всѣ. Въ то время, когда строилась рота, вбѣжалъ въ помѣщеніе командиръ 5-й роты и спросилъ, кто приказалъ ее строить, но тотчасъ же, замѣтивши насъ, офицеровъ, закричалъ солдатамъ:—не слушайте, это переодѣтые заговорщики, и бросился вонъ, скомандовавши: «рота за мной». Ни одинъ не тронулся.

Рота была выстроена. По привычкѣ провѣрять, все ли въ исправности, подошелъ я къ одному изъ солдатъ и открылъ поясную сумку. Патроновъ тамъ не было. Оказалось, что и у остальныхъ также. Приказано было раздать патроны... А время текло и текло, каждой минутой своей, казавшейся вѣчностью, задрѣвая за нервные струнки.

Наконецъ, все было улажено. Товарищъ Н. обратился къ ротѣ съ рѣчью, гдѣ указывалось на цѣль нашего прихода. Рѣчь его кончилась словами: «пойдете за нами?» Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

— Ну что же вы?—съ ироніей въ голосѣ обратился Н. къ ротѣ. Въ этой ротѣ за возстаніе было подано около 70 голосовъ.

— Пойд...—раздалось два три голоса и, какъ бы испугавшись своего одиночества, замерли. Возмущенный этимъ Н. обратился къ ротѣ:

— Кто не хочетъ идти съ нами, можетъ выйти изъ строя. Намъ трусовъ не надо!—Никто не шевельнулся. Передъ нами стояли люди скованные страхомъ, на лицахъ которыхъ сквозила какая то виновность. Многие тряслись. Тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Впрочемъ, я не беру на себя смѣлости наложить пятно осужденія на всю роту. Я стоялъ въ тотъ моментъ противъ середины ея, и что дѣлалось на правомъ флангѣ, гдѣ находились

наиболѣе рѣшительные, построившіеся первыми солдаты, я не видѣлъ. Впослѣдствіи уже товарищ X. указывалъ, что мы сдѣлали ошибку, не покинувши казармы въ тотъ моментъ. Я съ нимъ согласился. Дѣйствительно, какова пропія судьбы! Не мы хотѣли возстанія. Въ свое время нами было сдѣлано все для предотвращенія его. Темная еще въ своемъ цѣломъ солдатская масса, морально убогая въ моментъ идейныхъ возстаній, когда въ наличности нѣтъ поднимающихъ духъ стимуловъ, въ родѣ «червей въ борщѣ» или «гнилыхъ сапогъ», и когда ежовая рукавица врага можетъ лѣпнуть изъ нея что угодно, эта масса была главной виновницей возстанія. Теперь она спасовала, и мы, какъ бы помѣнявшись съ ней ролями, толкали ее на то, что на нашъ взглядъ было глупо, безцѣльно... Но ошибка была сдѣлана. Мы вывели роту на дворъ. Собой она отрѣзывала офицерское собраніе отъ остального полка.

Одновременно съ нашимъ выходомъ выбѣжали изъ собранія офицеры полка. Оказалось, что разѣхались по домамъ очень немногіе. Остальные были въ собраніи. Они, съ револьверами въ рукахъ, бросились на насъ. Медлить было нельзя. Офицеры были въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. Въ это время выбѣжалъ впередъ одинъ изъ солдатъ, бывший не въ строю, и съ такимъ остервенѣніемъ бросилъ все ту же, не взорвавшуюся продолговатой формы бомбу, что половина ея осталась у него въ рукѣ, а половина полетѣла въ офицеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ я произнесъ команду, по которой рота взяла «на наготовку», т. е. приготовилась къ стрѣльбѣ. Офицеры остановились и, махая руками, кричали солдатамъ: «не стрѣлять, не стрѣлять! Я думалъ, что достаточно будетъ ограничиться только угрозой, а потому открывать стрѣльбу не намѣревался. Но офицеры, увидѣвши, что по нимъ не стрѣляютъ, ободрились и бросились снова на насъ. Надо было дѣйствовать, а во мнѣ происходила борьба. Отвращеніе къ убійству и сознаніе тяжести моральной отвѣтственности были такъ велики, что я чувствовалъ себя не въ силахъ произнести роковыя слова. Отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что я перечувствовалъ въ тѣ секунды, теперь трудно. Мысли неслись такой густой и пестрой вереницей, что возстановить ихъ я не берусь. Скомандовалъ ли бы я роковое: «рота пли», не знаю. Эти слова, произнесенныя другимъ офицеромъ, замѣтившимъ мою нерѣшительность, прозвучали въ моихъ ушахъ въ тотъ моментъ, когда я не могъ дать себѣ отчета, что я долженъ дѣлать.

Раздался залпъ. Стрѣляли не всѣ солдаты. Большая часть офицеровъ бросилась назадъ. Остальные замялись на мѣстѣ. Убитыхъ и раненыхъ не было. Оставшіеся офицеры что то кричали. Нѣкоторые изъ солдатъ безъ всякой команды открыли по нимъ безпорядочную стрѣльбу. Тогда всѣ офицеры бросились бѣжать. Двое упали. Ихъ корчащіяся тѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ произвели тяжелое, неэстетичное впечатлѣніе. Солдаты, какъ бы испугавшись того, что они стрѣляли, стояли въ оцѣпенѣніи.

Между тѣмъ одинъ изъ упавшихъ, командиръ 5-ой роты, капитанъ Новиковъ поднялся и приказалъ барабанщику бить тревогу. Мы не препятствовали, такъ какъ и въ нашихъ интересахъ было поднять тревогу, дабы заставить остальныхъ роты присоединиться къ намъ, чего, несмотря на наши крики, до тѣхъ поръ ни одинъ солдатъ во всемъ полку дѣлать не собирался. Солдаты, высыпавши во дворъ и столпившись у ротныхъ крылецъ, оставались безмолвными зрителями. Даже тогда, когда стали бить тревогу, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста. Положеніе наше было отчаянное. Ряды нашей роты рѣдѣли: многие, покидая строй, скрывались въ казарму. Остальные стояли, какъ бы прикованные страхомъ, блѣдные, осунувшіеся.

Изъ офицерскаго собранія въ это время вышелъ подпоручикъ Гребенюкъ. Въ рукѣ у него былъ револьверъ. Ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ онъ шелъ въ нашу сторону.

— Смотрите, онъ къ намъ идетъ! Это нашъ! крикнулъ одинъ изъ товарищей.

Но напрасна была эта радость. Гребенюка я зналъ. Онъ былъ нашимъ врагомъ и, несомнѣнно, шелъ намъ вредить. Когда я это сказалъ, N выхватилъ у одного изъ солдатъ винтовку и хотѣлъ съ нимъ покончить. Я отговорилъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ были нужны новыя жертвы? Все равно дѣло было проиграно. Солдатъ въ нашей ротѣ осталось немного. Помощи ждать было неоткуда. И даже отчаянный актъ, на который мы могли бы рѣшиться, если бы въ рукахъ у насъ были солдаты съ инымъ духомъ и настроеніемъ, пользы намъ не принесъ бы. О возстаніи въ Брестскомъ полку, вѣ сомнѣнія, уже было извѣстено высшей администраціи войскъ гарнизона (такъ какъ телеграфъ испортить мы не успѣли, въ виду спѣшности подготовки къ возстанію, хотя объ этомъ и были разговоры раньше), и черезъ нѣсколько минутъ могли показаться враждебныя намъ части.

Между тѣмъ Гребенюкъ, идя одинъ противъ всѣхъ, и какъ бы чувствуя бесполезность бывшаго у него въ рукѣ револьвера, вложилъ его въ кобуръ.

Товарищъ N не могъ сдержать порыва своей благородной души и воскликнулъ:

— Какой молодчина! Посмотрите, какъ лихо идетъ!

Я не знаю, получилъ ли Гребенюкъ приказаніе отъ командира полка или поступалъ по собственной инициативѣ, но цѣль его мнѣ была ясна. Онъ шелъ въ свою роту, пройдя мимо насъ въ шагахъ десяти. Съ минутой на минуту надо было ждать нападенія его роты на нашъ флангъ. Изъ собранія же въ это время уже вышелъ караулъ, подталкиваемый сзади снова высыпавшими офицерами. У насъ осталось 5—6 солдатъ. Остальные скрылись въ помѣщеніи роты. Товарищъ N, стоявшій недалеко отъ дверей, пробовалъ было имъ преградить путь, но тщетно. Впослѣдствіи я узналъ, что нѣкоторые изъ солдатъ проявляли даже намѣреніе приколотъ его.

Все было кончено! И как позорно! Была пролита кровь, и должны были быть еще казни! А что было достигнуто? Оставалось покончить съ собой. Въ эту минуту я былъ почти въ объятіяхъ смерти, и никогда она не казалась мнѣ такой привлекательной. Хотѣлось уйти изъ этого міра. Забыться. Забыться на всегда... Въ рукѣ у меня револьверъ...

— Пойдемте, тутъ намъ больше нечего дѣлать!—услышалъ я голосъ товарища.

Встрепенувшись, какъ будто проснувшись отъ тяжелого сна, я оглянулся. Товарищи уходили. Машинально пошелъ за ними.

Тутъ я увидѣлъ Александра. Съ шинелью въ накидку стоялъ онъ поодаль, сзади, безучастнымъ зрителемъ. Даже онъ не сдѣлалъ попытки пойти въ свою роту, гдѣ его носили чуть не на рукахъ, и поднять ее. Н не выдержалъ и воскликнулъ:

— И ты, Александръ! Гдѣ же твои двѣсти грузинъ?

Мучительно было видѣть, какъ исказилось его лицо отъ стыда и страданія. Онъ отвернулся.

— А какъ быть съ солдатами? слышу голосъ.

Остановились. Оставшіеся 5—6 солдатъ стояли въ оцѣпенѣніи, не зная, что дѣлать. Предложили идти съ нами. Трое пошли. Остальные скрылись въ ротное помѣщеніе.

Мы шли по двору, гдѣ все еще толпились солдаты, смотря на насъ, смотря и сочувствуя и, быть можетъ, страдая за трусость свою. Черезъ проломъ въ стѣнѣ, гдѣ часовые отдали намъ воинскую честь, мы вышли изъ казармы.

Погоня снаряжена была не скоро. Нужно было арестовать сначала крамольную роту... Мы, трое, спаслись. Солдаты же были впослѣдствіи пойманы въ Кіевѣ и казнены.

Договорить остается не много. Властямъ были извѣстны подробности плана возстанія. Были приняты съ ихъ стороны контръ-мѣры. Товарищамъ нашимъ въ другихъ мѣстахъ не удалось сдѣлать даже и попытки къ возстанію. Флотъ въ три часа ночи былъ поднять по приказу главнаго командира. У ружей, находившихся на судахъ въ незначительномъ количествѣ, и къ тому же запертыхъ на цѣпахъ, были поставлены, съ револьверами, офицеры и кондуктора и въ томъ видѣ флотъ былъ выведенъ въ море. Около казармы полевой артиллеріи были арестованы поручикъ запаса Глинскій и партійный работникъ Никитинъ. Они должны были въ 4 часа поднять артиллерію. Арестовали ихъ послѣ пяти часовъ утра. Попытки къ возстанію ими не было сдѣлано, очевидно, нельзя было. За жизнь ихъ мы были спокойны.

Казалось, все было къ лучшему; организація среди солдатъ и матросовъ цѣлы. Но начался судъ. Безумный страхъ передъ смертью и надежда раскаяніемъ спасти жизнь давали пищу для оговоровъ. Начались аресты. Организація были разгромлены.

Глинскій и Никитинъ были казнены. Ихъ казнили спустя много мѣсяцевъ послѣ ареста. За что?

Вѣроятно, надо было выместить злобу за происшедшее въ Брестскомъ полку. Шестерыхъ солдатъ казнили такъ себѣ, для острастки, чтобы другимъ не повадно было, ну, такъ какъ мы «зачинщики и подстрекатели», виновные въ происшедшемъ, скрылись, то рассчитались съ друзьями нашими. Правосудіе торжествовало!

Максимовъ.

Н. И. Кибальчичъ и имп. Александръ III.

Наканунѣ казни, 2 апрѣля 1881 года, Николай Ивановичъ Кибальчичъ написалъ слѣдующее письмо императору Александру III, сыну того царя, который былъ убитъ бомбой, сдѣланной имъ, Кибальчичемъ.

Ваше Императорское Величество.

Не какъ человѣкъ партіи, прибѣгающій ради партійныхъ интересовъ къ преувеличеніямъ и неправдѣ, а какъ человѣкъ, искренно желающій блага родинѣ, искренно ищущій мѣры выхода изъ теперешняго невозможнаго положенія,—имѣю я честь обратиться къ Вашему Величеству съ этимъ письмомъ; я считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ надѣяться, что мое заявленіе хоть въ самой слабой степени поспособствуетъ выходу изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ очутилась наша страна. Прежде всего я долженъ, хоть въ самыхъ краткихъ словахъ, коснуться извѣстнаго настроенія революціонной партіи и тѣхъ причинъ, которыя вызвали это настроеніе. Разъ исчезнутъ эти причины—исчезнетъ и настроеніе, вызванное ими.

Я хорошо знаю то настроеніе, которое господствовало среди русскихъ социалистовъ за время отъ 1873 по 1877 годъ. Молодежь шла въ народъ, съ надеждой развить въ народѣ, путемъ словесной пропаганды и личнаго примѣра, социалистическія воззрѣнія и привычки. Если она и допускала въ идеѣ насиліе, то только въ будущемъ, когда большинство народа проникнется социалистическими воззрѣніями, пожелаетъ измѣненія формъ общежитія, согласно съ этими воззрѣніями, и, встрѣтивъ въ этомъ отношеніи противодѣйствіе со стороны правительства и привилегированныхъ классовъ, принуждено будетъ вступить съ ними въ открытую борьбу. На томъ основаніи частные крестьянскіе бунты признавались социалистами не только безполезными, но даже вредными, такъ какъ они дѣли достигнуть не могли, а между тѣмъ послѣдствія ихъ производили еще большую запуганность и подавленность среди крестьянскаго населенія. По отношенію къ вопросу о политической свободѣ, социалистическая молодежь того времени выказывала полнѣйшій (хотя въ значительной степени

неискренній) индифферентизмъ, считая политическіе вопросы несущественными въ рѣшеніи коренной задачи—соціально-экономическаго освобожденія народной массы. При такомъ взглядѣ на значеніе политическихъ учрежденій, не могло, конечно, быть и рѣчи о какой либо вооруженной борьбѣ для достиженія политической свободы. Нѣкоторые впадали даже въ нелѣпую крайность, признавая, что политическая свобода въ Россіи скорѣе повредила бы дѣлу экономическаго освобожденія народа, чѣмъ помогла бы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, у насъ развился бы классъ буржуазіи, съ которой народу бороться труднѣе, нежели съ системой бюрократическаго правленія. Насколько среди партіи господствовало въ то время миролюбивое настроеніе—лучше всего видѣть изъ слѣдующаго факта: изъ массы лицъ, привлекавшихся по политическимъ дѣламъ за пятилѣтіе 1873—1878 года, только однимъ лицомъ было совершенно то, что можно назвать фактомъ насилія, а именно выстрѣлъ, сдѣланный при арестѣ Циціановымъ въ околodочнаго надзирателя.

Конечно, у пропагандистовъ этого періода проявлялось много иллюзій, юношеской неопытности и незнанія жизни. Уже одна идея—въ короткій промежутокъ времени путемъ лишь словесной и книжной пропаганды и при наличности всѣхъ существующихъ условій государственной и общественной жизни достигнуть того, что большинство народа сознательно усвоить себѣ принципы социализма,—такая идея, господствовавшая среди пропагандистовъ, лучше всего показываетъ ихъ юношескую неопытность. Но много великихъ несчастій произошло, много потерь понесъ народъ и общество отъ того, что этой молодежи, стремившейся въ народъ, правительство доставило всевозможныя препятствія и подвергло пропагандистовъ неумолчимъ преслѣдованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, по всей вѣроятности, если бы правительство въ то время допустило бы полную свободу социалистической пропаганды. Масса молодежи, стремившейся въ народъ, расколлаась бы для цѣлей пропаганды по селамъ, фабрикамъ и городамъ. Часть изъ этой молодежи, менѣе серьезная и менѣе устойчивая, убѣдившись на опытѣ, что успѣшное веденіе пропаганды въ народѣ, особенно на первыхъ порахъ, требуетъ отъ пропагандиста большой опытности, выдержки и настойчивости—сама, добровольно отказалась бы отъ дѣятельности въ народѣ, какъ отъ непосильной задачи. Но другая часть молодежи, болѣе опытная, самоотверженная и энергичная, осталась бы въ народѣ. Здѣсь она очень скоро отдѣлалась бы отъ иллюзій, въ родѣ той, что путемъ пропаганды въ народѣ въ теченіе 10—15 лѣтъ можно произвести социальную революцію, и отнеслась бы къ своей задачѣ трезво, согласно съ реальными условіями среды: она измѣнила бы свою теоретическую программу социализма, сообразно съ положеніемъ общественной среды, и приноровила-бы свою пропаганду къ умственному и нравственному уровню народа. Ея дѣятельность въ народѣ

была бы гораздо болѣе широкой, мирной и культурной, чѣмъ революціонной: пропагандисты учили бы крестьянъ грамотѣ, сообщали бы имъ свѣдѣнія изъ области естественныхъ, историческихъ и общественныхъ наукъ, старались бы распространить въ крестьянствѣ идею болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ, и своимъ личнымъ примѣромъ стремились бы развить въ народѣ такія привычки и понятія, которыя необходимы для осуществленія лучшихъ формъ общежитія и т. д. Вся же собственно революціонная часть дѣятельности пропагандистовъ исчерпывалась бы лишь тѣмъ, что они вмѣстѣ съ критикой существующаго строя, внушили бы народу идеи о необходимости открытой силой добиваться иного общественного устройства—въ томъ случаѣ, если высшіе классы и правительство не захотятъ добровольно отказаться отъ своихъ привилегированныхъ правъ и удовлетворить требованіямъ народной массы. Я глубоко убѣжденъ, что если бы съ самаго начала социалистическаго движенія т. е. съ 1873 года была бы предоставлена пропагандистамъ полная свобода слова, то отъ этого выиграли бы всѣ общественные элементы нашей страны, и социально-революціонная партія, и народъ, и общество, и даже правительство.

Въ самомъ дѣлѣ, партія выиграла бы потому, что теперь она была бы численно больше, имѣла бы прочныя связи и пользовалась бы несомнѣннымъ вліяніемъ среди деревенскаго и городского населенія, словомъ сдѣлалась бы, вѣроятно, теперь, послѣ 8 лѣтъ усиленной пропаганды, народной партіей въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Народъ выигралъ бы потому, что социалистическая молодежь, при подобныхъ условіяхъ, внесла бы въ его міросозерцаніе и жизнь массу свѣта, массу знаній и высокихъ нравственныхъ примѣровъ, народъ узналъ бы о существованіи дружественной ему части интеллигенціи, полюбилъ бы ее и призналъ бы ее своей защитницей и руководительницей. Общество было бы избавлено отъ той массы страданій, какую причиняла бы ему гибель нѣсколькихъ тысячъ его дѣтей, сосланныхъ въ засаженныхъ въ тюрьмы, оно не пережило бы тѣхъ ужасовъ, якіе ему доставила казнь двухъ десятковъ лицъ.....

Правительство выиграло бы потому, что тѣхъ ужасныхъ террористическихъ актовъ, которые совершила революціонная партія, навѣрно не было бы, если бы во-первыхъ, не было воздвигнуто противъ партіи цѣлаго ряда непрерывныхъ преслѣдованій, а во вторыхъ, не былъ бы поставленъ цѣлый рядъ препятствій для дѣятельности партіи въ народѣ.

Правда, защитники системы безпощаднаго преслѣдованія пропагандистовъ, могутъ замѣтить, что дѣятельность партіи въ народѣ угрожаетъ большими опасностями въ будущемъ для существующаго государственнаго строя, что пропагандисты, свободно допущенные въ народъ, могли тамъ произвести революцію, или по крайней мѣрѣ, крупный бунтъ. Но развѣ возможно однимъ

лишь усилиями партіи, какъ бы она ни была многочисленна и вліятельна, вызвать народную революцію?

Революція вызывается цѣлымъ рядомъ историческихъ причинъ общей совокупности хода историческихъ событій, между которыми сознательная дѣятельность революціонной партіи является лишь однимъ изъ факторовъ, имѣющихъ большее или меньшее значеніе, смотря по силамъ партіи. Поэтому и у насъ социально-революціонная партія, при полной свободѣ своей пропагандной дѣятельности въ народѣ, вызвать революцію или возстаніе какимъ образомъ не могла бы. Все, что она могла бы сдѣлать, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, это—внести большую сознательность и организованность въ народное движеніе, сдѣлать его болѣе глубокимъ и менѣе кровопролитнымъ, удерживая возставшую массу отъ частныхъ насилій, словомъ, партія можетъ лишь до известной степени направить движеніе, а не вызвать его. И мнѣ кажется, что смотря даже съ точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ и правительства, равъ народное возстаніе неизбежно, то гораздо лучше, если во главѣ его явится сознательно направленная революціонная интеллигенція, такъ какъ безъ умственного и нравственного вліянія революціонной интеллигенціи на возстаніе, оно можетъ проявиться лишь въ той же дикой, стихійной и беспощадной формѣ, въ какой оно проявилось въ 18 вѣкѣ.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни посмотрѣть на преслѣдованія социалистовъ, эти преслѣдованія принесли всѣмъ одинъ лишь неисчислимый вредъ. Поэтому первое практическое заключеніе для русскихъ государственныхъ людей, желающихъ блага родинѣ, можетъ быть только слѣдующее: нужно навсегда оставить систему преслѣдованія за пропаганду социалистическихъ идей. Нужно вообще дать странѣ свободу слова и печати. Но тутъ представляется вопросъ. Допуская свободу социалистическихъ идей вообще, возможно ли допустить также свободу пропаганды террористическихъ идей. Я уже имѣлъ честь указать, что террористическія идеи среди партіи явились лишь какъ послѣдствіе тѣхъ внѣшнихъ условий, въ которыхъ была поставлена партія, что эти идеи составляютъ не сущность, а скорѣе постороннюю примѣсь социалистическаго ученія. Съ исчезновеніемъ причинъ исчезнутъ и слѣдствія. Поэтому и установленіе свободы слова и печати, при осуществленіи еще другихъ нѣкоторыхъ мѣръ, сдѣлаются немислимыми, какъ сами террористическіе факты, такъ и словесная или письменная пропаганда такихъ фактовъ.

Но здѣсь представляется еще слѣдующее возраженіе. Допустимъ, скажутъ, что будутъ отмѣнены тѣ статьи закона, которые стѣсняютъ свободу слова и печати. Можетъ быть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ этой одной мѣры и было бы достаточно, чтобы предотвратить появленіе террористическихъ фактовъ, но можно ли этой мѣрой ввести партію въ легальныя границы теперь, когда она въ своихъ задачахъ дошла до требованія политическаго герротора. Дѣйствительно, года два тому назадъ желанія социалистовъ

ограничивались лишь тѣмъ, чтобы было прекращено преслѣдованіе партіи и дозволена ей свобода пропаганды въ народѣ, но исходя изъ того положенія, партія логически пришла къ тому выводу, что свобода для социалистовъ невозможна безъ общей свободы для всего населенія, а общая свобода невозможна безъ коренного измѣненія всей политической системы. Такимъ путемъ, партія пришла къ идеѣ политическаго переворота, который, по ея мнѣнію, является необходимою не только для нея, но и для всей страны, страдающей отъ административнаго произвола, и лишенной элементарныхъ политическихъ правъ. Но какія средства представлялись партіи для достиженія сознанный ею необходимости политическихъ измѣненій. Во всякой другой странѣ при всеобщемъ недовольствѣ политическими формами, произошло бы одно изъ двухъ: или политическая революція, совершенная массой городского населенія, или давленіе на правительство общественнаго мнѣнія, требующаго, посредствомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ органовъ, уступокъ или измѣненій, вызываемыхъ сознанный необходимостью. Въ Россіи ни тотъ, ни другой способъ въ настоящее время невозможенъ. Правда, партія долгое время не оставляла надежды, что наше общественное мнѣніе такъ или иначе заявитъ свое несочувствіе установившейся политической системѣ, и тѣмъ повудитъ правительство свою внутреннюю политику измѣнить.

Съ этой цѣлью партія нѣсколько разъ по поводу различныхъ событій обращалась съ воззваніями къ обществу, въ надеждѣ возбудить вмѣшательство общества въ ея борьбу съ правительствомъ. Но несмотря на все это, партія, вѣроятно, все-таки не прибѣгла бы къ системѣ террора, если бы преслѣдованія не обострились до крайней степени. Но исторія судила иначе, положеніе вещей все обострялось и обострялось, и наконецъ образовался тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ казни вызываютъ взрывы, а взрывы вызываютъ новыя казни, и т. д.

Но прежде, чѣмъ дать свой послѣдній отвѣтъ на поставленный раньше вопросъ—какими мѣрами возможно уничтожить этотъ заколдованный кругъ, одинаково ужасный для всѣхъ, попавшихъ въ него,—я позволю себѣ сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Я ни мало не погрѣшу противъ истины, если скажу, что всѣ выдающіеся члены партіи, извѣстные мнѣ, страстно желали бы прекращенія тѣхъ условій, которыя создали террористическое направленіе партіи, желали бы мирнаго исхода изъ теперешняго критическаго положенія. Въ подтвержденіе я могу сослаться лишь на тѣ заявленія, которыя дѣлались подсудимыми на нашемъ судѣ. Всѣ подсудимые, въ томъ числѣ и я, заявили, что они предпочитаютъ мирный путь рѣшенія вопроса насильственному, и что только лишь необходимость, противъ которой они не въ силахъ были бороться, толкнула ихъ на тотъ путь, который привелъ къ ряду ужасныхъ катастрофъ. Среди партіи не существуетъ доктринеровъ терроризма, которые предпочитали бы насильственный путь рѣшенія социальныхъ вопросовъ мирному. Такимъ образомъ, въ на-

строения, господствующемъ среди партіи, не можетъ явиться препятствія къ мирному исходу изъ современнаго положенія.

Переходя теперь къ вопросу о такомъ исходѣ, я сознаю, что у меня нѣтъ ни достаточнаго таланта, ни краснорѣчія, чтобы ярко и убѣдительно изложить мою мысль. Но я знаю, что вѣрная мысль объ извѣстномъ предметѣ можетъ быть только одна, въ какую бы форму она ни была облечена. Какое же въ данномъ случаѣ можетъ быть единственно вѣрное рѣшеніе вопроса. Мы раньше поставили вопросъ—можно ли думать, что дарованіе свободы слова и печати заставитъ партію добровольно сойти съ пути насилія. Да, положа руку на сердце, я могу сказать, что партія откажется тогда отъ насильственныхъ дѣйствій, если еще вмѣстѣ съ указанной мѣрой будутъ осуществлены нѣкоторыя другія мѣры, неразрывно связанныя съ первой. Рѣшивъ высказать свое мнѣніе съ полной откровенностью, я долженъ указать и на эти мѣры. Въ числѣ этихъ мѣръ нужно признать безусловно необходимою — отмену смертной казни. Конечно, партія не можетъ искренно требовать, чтобы всѣмъ политическимъ заключеннымъ была дарована амнистія, она понимаетъ, что лица, обвиненныя въ участіи въ террористическихъ актахъ, не могутъ не быть присуждены къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ. Но разъ будетъ дарована свобода слова и печати, естественно, что должна быть дарована широкая амнистія всѣмъ тѣмъ политическимъ заключеннымъ и ссыльнымъ, которые не совершили никакихъ насильственныхъ дѣйствій.

Ваше Величество. Я высказалъ свою мысль. Эта мысль, конечно, не нова и не оригинальна, и раздѣляется очень многими лицами,—лицами, даже враждебными социалистамъ. Возможныхъ лишь два средства выхода изъ настоящаго положенія: или поголовное истребленіе всѣхъ террористовъ, или свобода, которая является лучшимъ средствомъ противъ насилія. Но истребить всѣхъ террористовъ немыслимо, потому что ряды ихъ постоянно пополнялись свѣжими силами, готовыми на всякое самопожертвованіе для дѣлъ партіи. Остается лишь путь свободы. Исторія показываетъ, что самыя крайнія по своимъ идеямъ партіи, прибѣгавшія къ насилію и убійству, когда ихъ преслѣдовали, дѣлались вполне мирными и даже болѣе умѣренными въ своихъ задачахъ, когда имъ дозволяли свободу исповѣдыванія и распространенія своихъ идей. Очень часто даже преслѣдованіе какой нибудь идеи не подавляетъ ее, а содѣйствуетъ ея распространенію. Я убѣжденъ, что если-бы всѣмъ лицамъ нашего образованнаго общества было предоставлено высказывать свободно свои мнѣнія, то большинство отвѣтовъ вполне сошлись бы съ высказанною мною мыслью.

Ваше Величество можете сдѣлать все для блага Россіи. Опираясь на народныя интересы и желанія, Ваше Величество можете свершить величайшія политическія и экономическія измѣненія, которыя навсегда обезпечатъ свободу и благосостояніе народа. Одна воля Вашего Величества можетъ сдѣлать то, что въ дру-

гихъ государствахъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ страстной борьбы, насилій и крови. Противъ царя—соціальнаго реформатора—немыслима никакая крамола. Царь, силой своей власти осуществляющій въ дѣйствительности народныя желанія и интересы, имѣлъ бы въ революціонерахъ не враговъ, а друзей. И соціальная партія, вмѣсто работы разрушительной, сдѣлавшейся ненужной, принялась бы тогда за работу мирную и созидательную на нивѣ своего родного народа.

Николай Ивановъ Кибальчичъ.

1881 года. 2 апрѣля.

Письмо Н. И. Кибальчича было доставлено по назначенію и прочитано Александромъ III. Онъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Новаго ничего нѣтъ. — Фантазія больного воображенія и видна во всемъ фальшивая точка зрѣнія, на которой стоятъ эти соціаллисты, жалкіе сыны отечества».

Письмо Н. И. Кибальчича сохранилось въ бумагахъ В. А. Плесе.

Школа филеровъ.

При охранѣ «существующаго государственнаго и общественнаго порядка» департаментъ полиціи, «въ цѣляхъ освѣщенія замысловъ вожаковъ революціоннаго движенія», пользовался съ одной стороны «внутренней агентурой», а съ другой—«наружнымъ наблюденіемъ»; наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія доставлялись департаменту именно «внутреннимъ» наблюденіемъ, которое осуществлялось при помощи разнаго ранга «сотрудниковъ», иногда весьма крупныхъ провокаторовъ, проникавшихъ въ самую глубь революціонныхъ организацій, причемъ для замаскированія истиннаго характера своей дѣятельности этимъ полицейскимъ агентамъ приходилось принимать иногда самое серьезное участіе въ работѣ революціонныхъ организацій. Дегаевъ, Геккельманъ, Ландезенъ, Азефъ, Малиновскій иногда шли въ своей революціонной работѣ такъ далеко, что это совсѣмъ не соответствовало планамъ ихъ руководителей, такъ какъ ни Судейкинъ, ни Плеве, конечно, не предполагали, что на нихъ обрушатся удары ихъ агентовъ; однако, опасность такой игры съ огнемъ не могла заставить департаментъ полиціи отказаться отъ услугъ своихъ секретныхъ «сотрудниковъ», такъ какъ все же, благодаря имъ, получались весьма обстоятельныя свѣдѣнія и о личномъ составѣ противоправительственныхъ партій, и объ организаціи ихъ, и о методахъ борьбы, принимавшихся въ тотъ или иной моментъ, и о важнѣйшихъ планахъ революціонныхъ дѣятелей. Свѣдѣнія эти представлялись руководителямъ политическаго розыска настолько существенными, давали имъ, повидимому, такую надежную опору для охраненія «историческихъ устоевъ» отъ всякихъ злонамѣренныхъ покушеній, что изъ-за ихъ добыванія стоило идти и на явный рискъ, какъ это разъяснялъ Столыпинъ по поводу разоблаченія азефовщины.

Конечно, съ матеріаломъ, доставляемымъ этой внутренней агентурою, не могли ставиться рядомъ тѣ свѣдѣнія, которыя получались при помощи наружнаго наблюденія; тѣмъ не менѣе пренебрегать подобными свѣдѣніями департаментъ не считалъ возможнымъ и, напротивъ, прилагалъ все время серьезнѣйшія усилія къ тому, чтобы расширить кругъ дѣятельности агентовъ наружнаго наблюденія, настаивая, что именно благодаря наружному наблюденію, умѣло поставленному, онъ могъ во многихъ случаяхъ достигнуть весьма успѣшныхъ результатовъ въ своей

борьбѣ съ различными революціонными организаціями; наружнымъ наблюденіемъ, безъ содѣйствія даже иногда внутренней агентуры, раскрывались опаснѣйшія предпріятія революціонныхъ кружковъ, излавливались пропагандисты противоправительственныхъ учений, накрывались тайныя типографіи, захватывались транспорты революціонной литературы, фабрики взрывчатыхъ веществъ, въ корнѣ подрывались террористическіе акты и т. п. Такіе плодотворные результаты получались вслѣдствіе умственного развитія агентовъ наружнаго наблюденія, вслѣдствіе серьезной теоретической и практической ихъ подготовки опытными, авторитетными руководителями политическаго розыска. Однако, на ряду съ достоинствами, департаментъ находилъ въ агентахъ наружнаго наблюденія и довольно много существенныхъ недостатковъ, а поэтому, кромѣ обстоятельной инструкціи, признавалъ необходимымъ озаботиться серьезнымъ обученіемъ и воспитаніемъ филеровъ, т. е. агентовъ наружнаго наблюденія. Особенно внимательно отнесся къ этому вопросу департаментъ полиціи во времена Столыпина, когда выдвинулась даже на очередь идея основанія специальной школы филеровъ.

Какъ видно изъ представленнаго въ 1909 г. генералу Курлову краткаго историческаго обзора, озаглавленнаго «Записки для памяти», планъ правильной организаціи наружнаго наблюденія, организаціи, при которой достигалось бы соотвѣтствующее цѣлямъ розыска «воспитаніе и обученіе филеровъ», давно уже составлялъ предметъ заботъ департамента. Уже въ 1894 г. департаментъ, какъ сообщается въ запискѣ, «вынужденъ былъ озаботиться приобрѣтеніемъ соотвѣтствующей агентуры въ цѣляхъ освѣщенія замысловъ вожаковъ революціоннаго движенія, а для разработки получаемыхъ свѣдѣній выдвинулся вопросъ о необходимости сформированія при Московскомъ охранномъ отдѣленіи, какъ центральномъ по мѣсту своего положенія, летучаго отряда наблюдательныхъ агентовъ, въ числѣ 30 человекъ, которые командировались, по указаніямъ департамента полиціи, въ разныя мѣстности имперіи для наблюденія за неблагонадежными лицами.» Дѣятельность этого отряда дала настолько «благопріятные результаты», что въ январѣ 1901 г. его составъ былъ увеличенъ на 20 человекъ, а на содержаніе отряда стало отпускается 31.800 р. Но въ 1902 г. летучій московскій отрядъ былъ расформированъ, причемъ «большая часть личнаго его состава была распредѣлена по образованнымъ въ означенномъ году въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи охраннымъ отдѣленіямъ, а 20 человекъ вошли въ составъ летучаго отряда при департаментѣ».

«Сосредоточеніе руководства центральнымъ розыскомъ въ департаментѣ полиціи представляло, — какъ утверждаетъ «Записка для памяти», значительныя преимущества, такъ какъ давало возможность центральному правительственному органу пользоваться полной освѣдомленностью въ преступныхъ замыслахъ представителей противоправительственнаго движенія и въ то же

время контролировать деятельность подчиненных розыскных органов, но нельзя также умолчать о некоторых неудобствах, вызывавшихся подобной постановкой дела, а именно: направленные в провинцию секретные сотрудники иногда наталкивались на тамошнюю агентуру, что по большей части вызывало провал сотрудников, а командированные филеры нередко делались предметом для установления их личностей со стороны местных властей и иногда даже подвергались задержанию».

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ недостатковъ организаціи, П. Н. Дурново рѣшилъ въ 1906 г. упразднить летучій отрядъ при департаментѣ; но тогда же ему былъ представленъ докладъ «о возстановленіи при департаментѣ полиціи летучаго отряда филеровъ съ указаніемъ, что съ широкимъ развитіемъ боевой деятельности революціонныхъ организацій все чаще и чаще возникаютъ случаи остраго положенія революціоннаго движенія въ той или другой мѣстности, вызывающіе необходимость немедленнаго и осторожнаго наблюденія посредствомъ опытныхъ агентовъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется охранныхъ отдѣленій, и гдѣ жандармскія управленія ведутъ дѣло наблюденія исключительно посредствомъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, въ большинствѣ случаевъ хорошо извѣстныхъ мѣстному населенію, съ особенной силой выступаетъ необходимость спѣшной послыжки туда наблюдательныхъ агентовъ опытныхъ и никому неизвѣстныхъ. При отсутствіи летучаго отряда приходится въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ командировкамъ агентовъ изъ охранныхъ отдѣленій, иногда далеко отстоящихъ отъ подлежащей обслѣдованію мѣстности. Но такая мѣра приводитъ къ необходимости ослаблять поставленное уже наблюденіе въ районахъ охранныхъ отдѣленій, снимать людей съ налаженнаго дѣла, а съ другой стороны, весьма естественно, что охранныя отдѣленія въ собственныхъ интересахъ стараются посылать людей худшаго сорта и мало надежныхъ, хотя серьезныя обстоятельства въ такихъ случаяхъ требуютъ именно лучшихъ силъ. Личныя качества филеровъ бывшаго летучаго отряда департамента представляются особенно цѣнными потому, что большинство изъ нихъ — люди давно служащіе (нѣкоторые служили болѣе 20 лѣтъ), прошедшіе хорошую школу, дисциплинированные, хорошо знающіе многихъ революціонныхъ дѣятелей, и въ большинствѣ случаевъ могущіе вести наблюденіе самостоятельно. Обращаясь къ вопросу о дороговизнѣ содержанія летучаго отряда, нельзя не принять въ соображеніе, что серьезныя порученія, возлагаемыя на филеровъ, нередко представляются вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма опасными для нихъ, а вышеприведенныя свойства филеровъ отряда приводятъ къ необходимости хорошей оплаты ихъ полезнаго и опаснаго труда. Перемѣщеніе же ихъ для усиленія въ мѣстныхъ охранныхъ отдѣленія, въ дѣйствительности, не принесетъ никакихъ выгодъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ при строгой опредѣленности кредитовъ охранныхъ отдѣленій, содержаніе

при нихъ лишнихъ людей должно пасть по прежнему на секретныя суммы департамента полиціи».

Принявъ во вниманіе всѣ эти соображенія, П. Н. Дурново приостановилъ расформированіе летучаго отряда, а 9 іюля 1906 г. товарищъ министра Макаровъ, въ виду того, что «находящіеся при департаментѣ полиціи филеры летучаго отряда съ января мѣсяца фактически состоятъ въ прикомандированіи къ с.-петербургскому охранному отдѣленію, приказалъ передать начальнику названнаго отдѣленія отпускаемые по смѣтѣ на содержаніе отряда деньги».

Однако, вопросъ объ улучшеніи постановки наружнаго наблюденія этимъ не былъ исполнѣнъ разрѣшенъ, и 5 іюля 1907 г. завѣдывающій особымъ отдѣломъ департамента полиціи обратился къ начальникамъ охранныхъ отдѣленій со слѣдующимъ циркуляромъ:

«Его превосходительство господинъ директоръ департамента (М. И. Трусевичъ. *Ред.*), озабочиваясь улучшеніемъ подготовки филеровъ и полицейскихъ надзирателей и предполагая въ ближайшемъ времени организовать для этой цѣли спеціальныя курсы, поручилъ мнѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой сообщить изъ Вашей практики наиболѣе характерныя и выдающіеся эпизоды наружнаго наблюденія, въ коихъ, благодаря проявленной филерами личной инициативѣ и сообразительности, наблюденіе, несмотря на особую трудность обстановки, достигало намѣченныхъ цѣлей, а равно и примѣры отрицательнаго характера, гдѣ наблюденіе проваливалось отъ неумѣнія филера уйти отъ рутинныхъ приѣмовъ и примѣнить тотъ или другой чисто сыскной приѣмъ. Интересны также случаи и приемы задержанія филерами выдающихся преступниковъ, ихъ находчивости при вооруженныхъ сопротивленіяхъ, во время производства обысковъ и т. п. Въ этихъ цѣляхъ, независимо Вашихъ личныхъ воспоминаній, благоволите предложить завѣдывающему наружнымъ наблюденіемъ и филерамъ освѣжить въ памяти всѣ подобные и заслуживающіе вниманія поучительные примѣры и записать ихъ, не стѣсняясь изложеніемъ и формой, съ указаніемъ по возможности времени, мѣста и дѣйствующихъ лицъ; къ разсказамъ филеровъ были бы очень желательны Ваши личные комментаріи.

«Господинъ Директоръ выражаетъ надежду, что къ настоящей просьбѣ его п—ва Вы не отнесетесь формально и не откажете удѣлить нѣкоторое время этому дѣлу, такъ какъ вопросъ о лучшей подготовкѣ филеровъ къ ихъ труднымъ обязанностямъ давно уже стоитъ на очереди, а какъ показалъ опытъ, лучшимъ приѣмомъ для ихъ обученія является ознакомленіе ихъ съ практическими результатами предстоящей имъ дѣятельности и, такъ сказать, историческими примѣрами, составленіе сборника которыхъ является настоятельно необходимымъ.

«Виѣстѣ съ симъ, не изволите ли признать возможнымъ

съ своей стороны не отказать сообщить Ваши соображенія о томъ, какъ должно быть поставлено дѣло обученія филеровъ, чтобы они не ограничивались рутинными приемами неотступнаго наблюденія, а сдѣлались настоящими филерами, которые, пользуясь тонкими нитями наружнаго наблюденія, умѣли бы найтись во всякой обстановкѣ и не останавливались въ случаѣ надобности и передъ чисто сыскными приемами.

«Было бы очень желательно воспользоваться цѣнными указаніями опыта и примѣрами практики находящихся уже нынѣ на покой бывшихъ дѣятелей и работниковъ политическаго розыска, проживающихъ въ Вашемъ районѣ, отъ которыхъ не откажите почерпнуть нужныя свѣдѣнія и включить въ Вашу записку съ указаніемъ источниковъ».

Этотъ циркуляръ ¹⁾ вызвалъ со стороны начальниковъ охранныхъ отдѣленій цѣлый рядъ сообщеній, съ большими подробностями характеризующихъ службу филеровъ и полицейскихъ надзирателей по наружному наблюденію. Начальники отдѣленій весьма иногда обстоятельно развивали свои соображенія объ организаціи подготовки филеровъ, характеризовали свою собственную практику и порой приводили рассказы самихъ филеровъ. Передъ нами разворачивается яркая картина тѣхъ усилій, которая прилагалась по всей Россіи къ установленію сложной системы наружнаго наблюденія. Особенно въ этомъ отношеніи важными являются сообщенія начальника Московскаго охраннаго отдѣленія, фонъ-Коттена, который съ достоинствомъ признаетъ, что его отдѣленіе было «школой для филеровъ», такъ что его ученики разбирались на расхватъ другими охранными отдѣленіями.

«При выборѣ людей, — докладываетъ фонъ-Коттенъ, — я обращалъ главное вниманіе на умственное развитіе; затѣмъ обращалъ вниманіе на: 1) возрастъ, выбирая по возможности людей не старше 30 лѣтъ; 2) ростъ, безусловно не принимая людей высокаго роста и отдавая предпочтеніе лицамъ ниже средняго роста; 3) зрѣніе, выбирая людей съ хорошимъ зрѣніемъ (практика показала, что гоняться за особенно острымъ зрѣніемъ бесполезно, такъ какъ и изъ лицъ, обладающихъ довольно слабымъ

¹⁾ По всей вѣроятности самый циркуляръ былъ результатомъ слѣдующаго распоряженія М. И. Трусевича, директора департамента, отъ 6 іюня 1906 г.: „Надо немедленно заняться организаціей курсовъ для филеровъ и полицейскихъ надзирателей. По этому предмету обсудить слѣдующіе вопросы: 1) Гдѣ удобнѣе устроить курсы: С.П.В. или Москвѣ? 2) Нельзя ли привлечь къ инструктированію Мѣдника и другихъ старыхъ опытныхъ работниковъ, устарѣлыхъ для несенія активной службы, вроде Сачкова, Продеуса и др.? 3) Какимъ образомъ организовать обученіе филеровъ и полицейскихъ надзирателей сысному дѣлу, чтобы они не оставались узкими рутинерами? 4) Намѣтить программу занятій, 5) Какъ установить вознагражденіе тѣмъ, кто поступаетъ на курсы?—Поручаю это подп. Беклемишеву и В. И. Лебедеву, которыхъ прошу выяснять путемъ подлежащихъ сношеній, тѣхъ лицъ, которые могутъ быть привлечены въ качествѣ инструкторовъ“.

зрѣніемъ, выходили прекрасные филеры); 4) отсутствіе какихъ-либо явно замѣтныхъ физическихъ недостатковъ, какъ напримѣръ, хромота, горбатость и т. п., какъ показала практика, лучшіе филеры вырабатывались изъ казаковъ, мелкихъ торговцевъ, прикащиковъ и тюремныхъ надзирателей.

Набранныхъ такимъ образомъ людей фонъ-Коттенъ тренировалъ сперва въ такъ называемомъ «комнатномъ обученіи», которое онъ описываетъ такимъ образомъ:

«Теоретическое обученіе начиналось съ заучиванія того порядка, въ которомъ мною требовалось изложеніе примѣтъ, дабы не было беспорядочнаго изложенія примѣтъ, въ родѣ слѣдующаго: «шатень, въ резиновой накидкѣ, средняго роста, съ бородой. въ рукахъ палка, лѣтъ 27, носитъ пенсне, худошавый». Съ этою цѣлью я требовалъ, чтобы примѣты излагались въ слѣдующемъ порядкѣ: полъ, лѣта, ростъ, тѣлосложеніе, цвѣтъ волосъ, заціоновальность; въ дальнѣйшемъ я требовалъ изложенія, начиная сверху внизъ, сначала физическихъ примѣтъ, затѣмъ примѣтъ одежды, а именно: длина и волнистость волосъ, лобъ, брови, глаза, носъ, усы, подбородокъ или борода, особыя примѣты, какъ то: сутуловатость, горбатость, хромота, кособокость, беременность и т. д.; одежда—головной уборъ, верхнее платье, брюки, ботинки или галоши; особыя примѣты: пенсне, палка, зонтикъ, муфта, сумочка и пр.

Для облегченія запоминанія мною была изготовлена большого формата таблица, на которой вышеприведенный порядокъ былъ изображенъ помощью наклеенныхъ буквъ, а для облегченія усвоенія—таблицы съ характерными носами и ушами. При этомъ обучаемымъ параллельно объяснялась примѣрная терминологія, которой слѣдуетъ придерживаться при описаніи примѣтъ; такъ напримѣръ, я требовалъ обозначенія цвѣта волосъ словами: брюнетъ, шатень, блондинъ, рыжій, сѣдой, и не допускалъ употребленія словъ: каштановый, темно-русый, свѣтло-русый и т. п.; обозначенія роста словами: высокій, средній и малый, не допускавшая большой, низкій и пр.

«Далѣе я послѣдовательно вызывалъ каждого изъ обучаемыхъ на средину комнаты и заставлялъ остальныхъ описывать письменно его примѣты, причемъ добивался однообразія въ оцѣнкѣ отдѣльных примѣтъ, т. е. того, чтобы, если вызванный былъ, напримѣръ, шатень, выше средняго роста, то чтобы всѣ обучаемые обозначали его примѣты именно этими терминами, а не называли его темнымъ блондиномъ, средняго роста или высокаго роста. Послѣ вѣкоторой практики въ письменномъ изложеніи примѣтъ, я вызывалъ двухъ изъ обучаемыхъ и заставлялъ одного изъ нихъ словесно описывать примѣты другого, а затѣмъ предлагалъ кому нибудь изъ остальныхъ обучаемыхъ указать на ошибки въ сдѣланномъ описаніи. Этотъ приемъ вызывалъ всегда очень живое и внимательное отношеніе къ дѣлу обучаемыхъ. Далѣе я заставлялъ описывать примѣты кого либо изъ отсутствующихъ лицъ, при-

надлежащихъ къ составу Отдѣла, и тѣми же приемами добивался точнаго описанія его примѣтъ.

«Затѣмъ я переходилъ къ ознакомленію обучаемыхъ съ различными формами одежды, наиболѣе часто встрѣчающимися при веденіи филерскаго наблюденія, особенно съ формами учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ каковой цѣлью у меня были изготовлены особыя картонныя таблицы, на которыхъ были прикрѣплены отличительныя части каждой формы, а именно: значки на фуражкахъ, петлицы, наплечные знаки, пуговицы, а далѣе на той же таблицѣ были написаны цвѣта околышей, цвѣта воротниковъ, брюкъ и кантовъ.

«Наконецъ, я приступалъ къ обученію такъ называемому «взятію по примѣтамъ». Съ этой цѣлью я вызывалъ двухъ-трехъ человекъ въ сосѣднюю комнату и приказывалъ имъ описать примѣты того или другого изъ оставшихся въ сборной комнатѣ ихъ товарищей (каждому разнаго). Составленные ими описанія я приносилъ въ сборную (остаелая писавшихъ въ другой комнатѣ) и, прочтя какое либо описаніе, предлагалъ одному изъ обучаемыхъ рѣшить, чьи примѣты описаны. Кстати замѣтить, что при этомъ приемѣ обученія я иногда ограничивался описаніемъ лишь физическихъ примѣтъ, не допуская описанія одежды, какъ примѣтъ перемѣнныхъ. Если вызванный пытался «угадать» по двумъ-тремъ первымъ примѣтамъ, я доводилъ его до такой примѣты, которая рѣзко не подходила къ названному имъ лицу, и этимъ заставлялъ признать ошибочность отвѣта. Первое время дѣло подвигалось слабо, но черезъ пять-шесть занятій нѣкоторые изъ обучаемыхъ стали безошибочно опредѣлять лицо, чьи примѣты имъ были прочитаны. Тогда я перешелъ къ описанію такимъ же образомъ примѣтъ лицъ, служащихъ въ Отдѣлѣ, но въ данное время отсутствующихъ, не говоря, здѣсь ли это лицо, или нѣтъ, и вскорѣ добился того же результата. Иногда рѣшенія бывали очень оригинальныя: отвѣчающій говорилъ, что «повидимому, хотѣли описать такого-то, но въ такой-то примѣтѣ ошиблись».

Рядомъ съ «комнатнымъ обученіемъ» шла, по терминологіи фонъ-Коттена, «практическая подготовка», которая тоже представляется весьма любопытною по своимъ подробностямъ.

«Практическую подготовку,—разсказываетъ фонъ-Коттенъ,—я велъ, посылая обучаемыхъ наблюдать за мною или за кѣмъ либо изъ опытныхъ филеровъ, при чемъ послѣднему внушалось первое время ходить спокойно по улицамъ, дѣлая лишь изрѣдка такъ называемыя «провѣрки», т. е. внезапно поворачиваясь въ обратную сторону, дѣлая остановки за углами и т. п. Послѣ того, какъ обучаемые пріучались ходить, не напирая на наблюдаемаго, послѣднему приказывалось замѣшиваться въ толпу, переходить съ конки на конку, ѣздить на пароходахъ, курсирующихъ вдоль рѣкъ и каналовъ, пользоваться проходными дворами и проч., постепенно усложняя примѣняемые для «сбрасыванія наблюденія» приемы.

«Все это проходило лишь въ общихъ чертахъ, преслѣдуя цѣль только ознакомить обучаемыхъ съ наиболѣе характерными приемами наблюденія, а затѣмъ обучаемые посылались уже и въ настоящее наблюденіе на вокзалы. При вечернихъ докладахъ, каковыя я принималъ всегда лично, обучаемымъ разъяснялось, правильно ли они поступили въ томъ или иномъ случаѣ; объяснялись признаки, по которымъ можно было догадываться о мѣстѣ жительства наблюдаемаго и о томъ, пріѣзжій ли онъ, или постоянный столичный житель; какъ опредѣлить, случайная ли встрѣча произошла у него, или заранѣе условленная; тяжелъ ли свертокъ, несомый наблюдаемымъ, или легокъ; въ какихъ случаяхъ можно бросить своего наблюдаемаго, и когда филеръ обязанъ сдѣлать это; какъ поступать въ случаѣ потери наблюдаемаго. Независимо этого, мною производилась повѣрка наблюденія на постахъ лично, или черезъ завѣдующаго наблюденіемъ и опытныхъ филеровъ, и наблюденіе старыхъ филеровъ за молодыми безъ вѣдома послѣднихъ (это имѣло значеніе и для контроля надъ представляемыми счетами)... Кромѣ того, такъ какъ мои надзиратели ежедневно обходили всѣ свои гостиницы и меблированные комнаты, проходя такимъ образомъ по весьма большому числу улицъ, то мною былъ установленъ порядокъ, что каждый изъ нихъ при ежедневномъ приходѣ въ отдѣлъ, давалъ справку, кого изъ филеровъ и гдѣ онъ видѣлъ и при какихъ обстоятельствахъ, т. е. стоящимъ на мѣстѣ, идущимъ, или ѣдущимъ, что также служило и для повѣрки денежныхъ счетовъ.

«Для поддержанія интереса къ занятіямъ мною широко практиковалась система мелкихъ наградъ въ 1—5 рублей, а иногда и штрафы.

«Понятно, что всѣ вышеперечисленные приемы обученія примѣнялись не строго въ такой послѣдовательности, какъ описано: комнатное обученіе чередовалось съ практическимъ, и кромѣ того къ каждому послѣдующему вопросу программы я старался переходить естественнымъ путемъ, по мѣрѣ встрѣчи на практикѣ того или иного вопроса, хотя бы этимъ и нарушалась вышеприведенная послѣдовательность».

Столь же сложная система педагогическихъ приемовъ примѣнялась и при обученіи второй категоріи агентовъ наружнаго наблюденія, полицейскихъ надзирателей; эту отрасль охранной педагогики фонъ-Коттенъ поручилъ своему помощнику, Загоровскому, который, по его аттестаціи, являлся «въ полномъ смыслѣ мастеромъ этого дѣла».

Пройдя первоначально тотъ же курсъ обученія, что и филеры, затѣмъ надзиратели «въ видѣ испытанія посылались навести двѣ-три справки въ качествѣ частнаго лица въ частные дома или гостиницы, причемъ предварительно обяваны были доложить, какимъ способомъ они предполагаютъ узнать требуемое свѣдѣніе. Если ихъ способы представлялись удовлетворительными, то обучаемымъ разрешалось ихъ примѣнять; въ против-

номъ же случаѣ, имъ разъяснялись недостатки ихъ способствъ и указывались два-три другихъ, болѣе подходящихъ къ данному случаю.

«Затѣмъ они посылались за ранѣ поступившими надзирателями присутствовать при наведеніи ими въ качествѣ агентовъ полиціи справокъ. Надзирателямъ разъяснялось, на какія стороны жизни наблюдаемаго необходимо обращать особое вниманіе: цѣль пріѣзда, откуда получаетъ письма, куда самъ пишетъ, кто его посылаетъ, уносить ли съ собой ключъ отъ комнаты, позволяетъ ли прислугѣ убирать комнату въ свое отсутствіе, надолго ли пріѣхалъ, щедро ли даетъ на чай, какія именно вещи привезъ съ собой, какія читаетъ газеты и проч. При этомъ объяснялись также признаки, по которымъ можно было приблизительно разрѣшить всѣ вышеприведенные вопросы.

«Вообще надзирателямъ рекомендовалось поставить дѣло такъ, чтобы прислуга сама сообщала имъ о всемъ заслуживающемъ вниманія, а въ спѣшныхъ случаяхъ доставляла свѣдѣнія даже на квартиру надзирателя, при чемъ понятно, что всѣ расходы на извозчиковъ въ этихъ случаяхъ оплачивались надзирателями. Рекомендовалось, чтобы послѣ отъѣзда жильца всѣ записки и клочки бумаги изъ его номера представлялись ему для просмотра.

«Наконецъ, по мѣрѣ усвоенія себя сущности дѣла, обучаемымъ поручалось уже наблюденіе за проживающими въ spreadленныхъ гостиницахъ лицами и наведеніе тамъ справокъ. При этомъ надзирателямъ востойчиво внушалось наводить справки такимъ образомъ, чтобы спрашиваемые дворники, швейцаръ или прислуга не могли догадаться, о комъ наводилась справка, или точнѣе, чтобы они полагали, что ихъ спрашивали объ Ивановѣ, тогда какъ справка наводилась о Петровѣ.

«Это достигалось установленіемъ дружественныхъ отношеній съ гостиничной прислугой и приученіемъ прислуги къ ежедневнымъ приходамъ надзирателя, благодаря чему прислуга охотно болтала съ нимъ. Умѣлой же постановкой вопросовъ и сообщеніемъ иногда по секрету, что «меня очень интересуетъ такой-то (конечно, вымышленный) жилецъ», маскировка справокъ достигалась вполне. Особенное вниманіе удѣлялось значенію хорошихъ отношеній съ гостиничной прислугой и администраціей. Для этого прислугѣ давались мелкія чаевыя, администраціи оказывались мелкія услуги полицейскаго характера: справки въ градоначальствѣ, бесплатный билетъ для входа въ садъ, ходатайство передъ приставомъ въ случаяхъ мелочныхъ нарушеній обязательныхъ постановленій и пр. Хорошимъ отношеніямъ я всегда придавалъ особое значеніе, и мнѣ случалось переводить надзирателя въ другой районъ, если ему не удавалось ихъ установить, или если установившіяся уже отношенія случайно портились.

«Для контроля надъ конспиративностью своихъ надзирателей я въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ виду экстренности, справка пору-

чалась надзирателю чужого района, приказывалъ мѣстному надзирателю узнать, о комъ новодилась справка, и не было ни одного случая, чтобы отвѣтъ былъ вѣренъ.

«Въ общемъ необходимо признать, что обученіе надзирателей гораздо сложнѣе и требуетъ значительно большаго времени, чѣмъ обученіе филеровъ. Кромѣ того встрѣчаются лица, безусловно непригодныя къ этой службѣ, несмотря на вполне удовлетворительное умственное развитіе и желаніе работать».

Какъ видно изъ той записки, фонъ-Коттенъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на чисто дѣловой сторонѣ сыска, на обученіи филеровъ и полицейскихъ надзирателей такимъ приемамъ, при помощи которыхъ они съ большимъ успѣхомъ могли бы обнаруживать тѣ или иные проекты дѣйствій революціонныхъ организацій. Тѣ же приемы обученія рекомендуются и другими начальниками охранныхъ отдѣленій, при чемъ главное значеніе придается ими практическому обученію, которое одинъ изъ нихъ прямо даже называетъ «натаскиваніемъ». Безъ этого натаскиванія обойтись, по мнѣнію охранныхъ педагоговъ, невозможно, такъ какъ филеры въ большинствѣ случаевъ не отличаются интеллигентностью и служатъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Подобная выучка филеровъ должна производиться, какъ утверждаютъ многіе начальники охранныхъ отдѣленій, на мѣстахъ, потому что центральное управленіе не можетъ подготовить людей, пригодныхъ для всякихъ мѣстныхъ условій, и скорѣе пріучить свсихъ филеровъ къ извѣстнымъ рутиннымъ и шаблоннымъ приемамъ. Съ особенной категоричностью возстаетъ противъ спеціальной филерской школы начальникъ рижскаго охраннаго отдѣленія, Балабинъ, который пишетъ департаменту: «Воспитаніе и выучка филера должны лежать исключительно на завѣдывающемъ баружнымъ наблюденіемъ,—конечно, если послѣдній на своемъ мѣстѣ. Учрежденіе особой школы для филеровъ нахожу совершенно излишнимъ. Обученіе филеровъ можетъ быть только практическое, показомъ на мѣстѣ... Я положительно убѣжденъ, что школа филеровъ кромѣ вреда ничего не принесетъ: теоретическое преподаваніе серьезной подготовки не можетъ дать, но воспитаетъ въ людяхъ привычку къ шаблону и дастъ почву для непослушанія старшимъ (отвѣты: «у насъ такъ учили»), т. е. получатся тѣ же результаты, которые дали всѣ подобныя школы (учебный унтеръ-офицерскій баталіонъ, школа квартирмейстеровъ морского вѣдомства, учебная кавалерійская кузница, офицерскія школы, академія генеральнаго штаба (!) и т. п.). При существованіи школы несомнѣнно затруднится и порядокъ увольненія филеровъ, негодныхъ для службы».

Придавая такую высокую цѣнность выучкѣ практическаго свойства, нѣкоторые изъ охранныхъ педагоговъ останавливаются на вопросѣ о моральномъ воспитаніи филеровъ, и съ пафосомъ говорятъ о возвышенномъ предназначеніи филеровъ и о тѣхъ прекрасныхъ нравственныхъ свойствахъ, которыми должны

обладать эти «гороховыя пальто». Такъ, начальникъ харьковскаго охраннаго отдѣленія, Поповъ пишетъ: «Относительно общей постановки дѣла обученія филеровъ считаю нужнымъ высказать свое мнѣніе, что помимо сноровокъ и способовъ наблюденія крайне желательны занятія съ филерами на тему о нравственной подкладкѣ ихъ службы, необходимо имъ внушать, что служба ихъ вовсе не поворна, что многіе изъ нихъ думаютъ, а наоборотъ спасаетъ жизнь многихъ людей, предотвращаетъ злодѣянія преступныхъ лицъ; въ особенности это необходимо отнѣять, когда будутъ при ликвидаціяхъ взяты бомбы, оружіе и другіе предметы для террористической дѣятельности революціонеровъ, и такимъ образомъ воспитать въ сознаніи филеровъ чувство долга, полезности ихъ дѣятельности, а не только соображенія матеріальныя, по которымъ нынѣ большинство изъ нихъ служатъ».

Еще краснорѣчивѣе о честности высокой говоритъ начальникъ кievской охранки, извѣстный Кулябка: «О хорошей постановкѣ дѣла по обученію филеровъ можно сказать слѣдующее: принимать на службу въ филеры нужно людей честныхъ, а потому о поступающихъ необходимо собирать справки, какъ официальнымъ путемъ по мѣсту ихъ родины и службы, такъ и негласнымъ. При поступленіи развивать въ немъ честность и прямоту и постепенно знакомить съ инструкціей, которая за послѣднее время обогатилась своимъ содержаніемъ, и въ ней есть темы для преподаванія. Разбираться въ инструкціи можетъ филеръ, уже прошедшій нѣсколько практически наблюденіе; вновь же поступившему долженъ объяснять инструкцію опытный филеръ. Кромѣ сего необходимо доказать филеру, что онъ полезенъ для страны, и вообще вести разговоры на эти темы. Прежде въ этомъ, можетъ быть, и не было особой надобности, но теперь, когда вездѣ говорятъ о политическихъ дѣлахъ, нужно, чтобы филеръ служилъ сознательно, чтобы никакой агитаторъ не могъ сбить его, чтобы филеръ зналъ, что онъ приноситъ пользу государству, а не вредъ, и въ чемъ эта польза заключается; чтобы филеръ зналъ, что скрываетъ свою профессію только для пользы службы, а не изъ-за стыда за профессію, и первымъ долго развивать въ филерѣ честность и откровенность, не допускать лжи и строго поддерживать дисциплину. Принимать въ филеры нужно съ большимъ разборомъ, чтобы увольнять какъ можно рѣже. Прослужившій непродолжительное время и уволенный, узнавъ технику наблюденія, можетъ разгласить, тогда какъ прослужившій долгое время секретовъ не продастъ, такъ какъ проникнуть преданностью дѣлу и дисциплиной. Вновь принятое лицо въ филеры необходимо оставить на нѣкоторое время при отдѣленіи по порученіямъ, но отнюдь не возлагать обязанности служителя при канцеляріи, такъ какъ прислужники, какъ показалъ опытъ, всегда выходятъ хуже въ служебныхъ отношеніяхъ не прислужи-

вавшихъ. Кромѣ того обязанность прислуги и обращеніе къ нему не только начальствующихъ лицъ, но и канцелярскихъ служащихъ по имени, унижаетъ нравственно. Если скажутъ: «нужно выработать филера, частная же его жизнь и нравственные качества не при чемъ»—ошибаются, такъ какъ человѣкъ безнравственный и плохой въ частной жизни будетъ и плохимъ филеромъ. Филера нужно приохотить къ дѣлу, чтобы онъ рвался къ дѣлу и исполнялъ свои обязанности разумно и охотно, такъ какъ только разумной настойчивостью онъ можетъ достигъ благоприятныхъ результатовъ.¹⁾

Съ такимъ же увлеченіемъ распространяется о работѣ полицейскихъ надзирателей другой кievскій охранникъ, Зеленовъ. «Чтобы улучшить составъ надзирателей, нужно—говоритъ онъ,—начинать съ того, что въ надзиратели принимать людей только честныхъ, неподкупныхъ, старательныхъ, расторопныхъ, болѣе трезвыхъ, болѣе грамотныхъ, вообще—безукоризненнаго поведенія, потому что на него особенное вниманіе обращаетъ полиція и обыватели. Надзиратель долженъ быть солиднымъ представителемъ отъ охраннаго отдѣленія. Кажется, нужно, чтобы надзиратель не принималъ такъ называемыхъ «праздничныхъ», а въ особенности какихъ-либо взятокъ. А для того, чтобы онъ не бралъ ни того, ни другого, его нужно обезпечить матеріально, чтобы онъ былъ похожъ на полиціянта, не былъ бы одѣтъ хуже, чѣмъ наружный околоточный надзиратель. Какъ извѣстно, мѣстная наружная полиція почти всегда и всюду беретъ «праздничныхъ», а потому имѣетъ квартиру лучше, чѣмъ надзиратель охраннаго отдѣленія, и одѣвается приличнѣе. Это примѣръ изъ московской полиціи. Нужно отдать справедливость, что надзиратели московскаго охраннаго отдѣленія больше половины не брали ни «праздничныхъ», ни «мѣсячныхъ». Но за то они были похожи на какія-то жалкія существа, а въ особенности семейные бѣдствовали. Жалованье получали 49 рублей въ мѣсяцъ; нужно нанять квартиру, нужно имѣть полицейскую форму и штатское платье, а квартиры не дешевы уже давно. Разъ надзиратель выглядываетъ такимъ забитымъ существомъ, то инструкція здѣсь мало поможетъ.

«Еще вотъ главный вопросъ въ чемъ: какое назначеніе долженъ имѣть надзиратель въ участкѣ? Слѣдить ли за тѣмъ, чтобы никто не проживалъ безъ прописки, какъ въ номерахъ, такъ и въ домахъ, слѣдить, чтобы правильно велись домовныя книги? Конечно, въ то же время дѣлаетъ справки и исполняетъ разныя порученія. Или полезнѣе будетъ, если надзиратель будетъ входить въ глубь, т. е. больше знать, что дѣлается въ гостиницахъ, номерахъ и домахъ? Конечно, почти каждое начальствующее лицо скажетъ: «ну, понятно, надзиратель долженъ

¹⁾ Курсивы въ этомъ докладѣ вездѣ наши.

дѣлать то и другое, т. е. слѣдить за пропиской и все знать»; на первый взглядъ оно такъ и кажется, но на дѣлѣ оно двойится или же троеится.

«Возьмемъ, напримѣръ, такого надзирателя, который, будучи прикомандированъ къ участку, сталъ требовать точной прописки, чтобы достигнуть большаго совершенства, сталъ доносить о непропискѣ, а также поздней отмѣткѣ. Содержатели номеровъ и домовладѣльцы періодически стали подвергаться штрафамъ. Прописка пошла лучше, но только этого надзирателя стали опасаться; содержатели гостиницъ сказали своимъ управляющимъ и швейцарамъ, чтобы они передъ этимъ надзирателемъ не развѣвали ртовъ, ибо онъ узнаетъ что-либо и будетъ наложенъ штрафъ. Съ такимъ надзирателемъ разговариваютъ только официально и рѣдко скажутъ, кто ходитъ къ поднадзорному, и никогда не скажутъ, кто у него ночуетъ. Въ то же время въ другой участокъ прикомандированъ другой полицейскій надзиратель, который, обойдя всѣ гостиницы, номера и нѣкоторые дома, говорилъ содержателямъ гостиницъ и управляющимъ приблизительно слѣдующее: «господа, я прошу быть со мною откровенными, ничего не скрывать; скажите вашимъ управляющимъ, дворникамъ и швейцарамъ, чтобы они были со мной тоже откровенны. Я не врагъ вамъ, а блюститель порядка—меня не бойтесь». Такой надзиратель говоритъ: «стоитъ ли штрафовать, если какая-то кухарка не отмѣчена недѣлю?» Онъ тоже требуетъ, чтобы прописывались жильцы, но не штрафуетъ. Такъ какъ онъ не подводитъ обывателей, ему говорятъ все и о всѣхъ. Говорятъ: «къ тому—то ходятъ такіе-то лица, а иногда и ночуютъ». Слѣдовательно, этотъ надзиратель знаетъ больше, чѣмъ первый, но у него немного больше неотмѣченныхъ и непрописанныхъ. Который изъ нихъ полезнѣе?

«Одинъ изъ управляющихъ гостиницей, довольно интеллигентный, сказалъ надзирателю, уже переведенному въ другой участокъ: «вы, господинъ надзиратель, заставили себя бояться, потому что не брали «праздничныхъ»; поэтому мы съ вами не были такъ откровенны, какъ мы откровенны бывали со своимъ околоточнымъ надзирателемъ, который у насъ за своего человека». Быть можетъ, нѣкоторые скажутъ: «что за разговоръ съ обывателями!—требовать отъ нихъ исполненія, и больше ничего».—Но это выйдетъ ошибочно. Ошибочно потому, что обыватели большею частью думаютъ, что охранное отдѣленіе, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Слѣдовательно, надзиратель долженъ быть справедливымъ, его слово законъ. А если надзиратель будетъ брать взятки и праздничныя, тогда справедливость захромаетъ, онъ подъ штрафы будетъ подводить тѣхъ, кто не даетъ «праздничныхъ» и «мѣсячныхъ».

«Извѣстно, что у надзирателей уже есть инструкция, но большею частью надзиратели живутъ и дѣлаютъ не по инструкціи, а какъ начальство приказываетъ. При одномъ начальникѣ служатъ и дѣлаютъ такъ, а при другомъ начальникѣ уже дѣлается по другому. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ инструкціей, служить и духъ на-

чальства, а потому инструкціи мало, а нуженъ хорошій лекторъ. Главное, нужно приучить, чтобы надзиратели относились къ службѣ сердечно, а не отбывали бы формально; въ этомъ весь и успѣхъ въ службѣ. Надзиратель долженъ умѣть какъ дѣлать разныя справки и собирать свѣдѣнія. Получивъ отъ отдѣленія порученіе, онъ долженъ немедленно отправиться въ тотъ домъ или гостиницу, поручить кому что можно, научить, какъ нужно дѣлать. Черезъ нѣкоторое время, можетъ быть, черезъ день-два заходить и справляеся, что у него готово и чего не хватаетъ; онъ снова даетъ указанія, какъ дѣйствовать дальше, онъ раза два, три зайдетъ въ домъ, чтобы сдѣлать указаніе, и потомъ у него получается справка полная, болѣе точная. А надзиратель свистунъ дѣлаетъ справки совсѣмъ иначе. Получивъ порученіе, онъ не пошелъ въ домъ, гдѣ нужно дѣлать справку, а продержалъ у себя справку уже нѣсколько дней, а затѣмъ отправился по домамъ, гдѣ нужно наводить справки; сдѣлавъ выписки изъ домовыхъ книги, поговоривъ съ управляющимъ или дворникомъ, такимъ образомъ онъ получилъ скороспѣлую справку, довольно блѣдную. У старательнаго надзирателя всегда дѣла очень много, а свободнаго времени очень мало. У надзирателя свистуна, наоборотъ, всегда много свободнаго времени».

Такъ какъ департаментъ полиціи въ числѣ средствъ улучшенія подготовки филеровъ указалъ и составленіе сборника примѣровъ ихъ дѣятельности, то начальники охранныхъ отдѣленій сочли своимъ долгомъ высказаться о значеніи подобнаго сборника. Они почти всѣ находили, что онъ принесетъ большую пользу для руководства наружнымъ наблюденіемъ, и съ особенною обстоятельностью этотъ взглядъ былъ развитъ въ докладѣ начальника саратовскаго охраннаго отдѣленія, Мартынова, который писалъ: «Составленіе сборника «Историческихъ примѣровъ» изъ практики филерскаго наблюденія нельзя, конечно, не признать отвѣчающимъ самой настоятельной въ томъ необходимости; молодой филеръ, изъ правильно сгруппированныхъ, по соответствующимъ группамъ фактовъ, конечно, легче всего усвоить тѣ «извѣстные» уже приемы наблюденія, которые иначе онъ будетъ вырабатывать самоучкой, доходя до необходимости примѣненія ихъ на собственномъ опытѣ, что поведетъ къ различнымъ частичнымъ неудачамъ. Съ этой стороны сборникъ, конечно, принесетъ свою и большую пользу. Въ настоящее время роль этого сборника выполняется, такъ сказать, изустной передачей, въ разговорахъ, общихъ обсужденіяхъ, разсказахъ старшихъ филеровъ, завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ и другихъ старшихъ и начальствующихъ лицъ».

Однако, тутъ же Мартыновъ выставилъ и нѣкоторыя соображенія объ отрицательныхъ сторонахъ изданія сборника историческихъ примѣровъ. «Нельзя, говорилъ онъ, не отмѣтить слѣдующаго нежелательнаго явленія, которое несомнѣнно будетъ имѣть мѣсто при разсылкѣ на мѣста составленнаго сборника, а именно,

онъ можетъ стать достояніемъ публики. Сохранить же конспиративность сборника едва-ли удастся; доказательствомъ служатъ постоянные въ послѣднее время провалы такихъ конспиративныхъ вещей, какъ ключи къ шифрамъ. Кромѣ того, я полагаю, что никакая указка, хотя бы хорошо затверженная, не поможетъ мало расторопному человѣку найтись въ соответствующей обстановкѣ и, наоборотъ, человѣкъ разумный, сознательно и добросовѣстно исполняющій свое дѣло, въ нужный моментъ найдетъ каждый разъ новый выходъ изъ подчасъ труднаго положенія въ которое попадаютъ филеры при осуществленіи наружнаго наблюденія, условія котораго постоянно мѣняются.

Признавая огромную пользу сборника, начальники охранныхъ отдѣленій сообщили для его составленія обильнѣйшій матеріалъ изъ своей практики. Отозвались и «старые, опытные работники», какъ Сачковъ, воспоминанія котораго приводимъ съ сохраненіемъ его ореографіи.

«Въ концѣ 1891 года, въ городѣ Кострому,—разсказываетъ Сачковъ,—были командированы фелеры московскаго охраннаго отдѣленія для поимки извѣстнаго государственнаго преступника Сабунаева, который въ то время велъ усиленную пропаганду по всему Приволжью. Поимка его была тѣмъ выдающа, что онъ болѣе двухъ лѣтъ велъ пропаганду на берегахъ Волги и былъ не уловимъ. Въ городѣ Костромѣ онъ жилъ въ глухой мѣстности, домъ стоялъ въ серединѣ сада окруженъ заборомъ и проживалъ не въ домѣ, а на чердакѣ этаго дома; чердакъ имѣлъ четыре слуховыхъ окна, выходящихъ въ садъ изъ внутри чердакъ закрывался люкомъ; идти къ нему на обыскъ съ полиціей мало было шансовъ застать его дома, по этому была устроена изъ четырехъ фелеровъ засада, такъ какъ Сабунаевъ получалъ обѣдъ и чай съ другой квартиры. Съ темнотой вечера сѣли въ засаду, около 7 часовъ вечера горничная другой квартиры пронисла два стакана чаю гдѣ жилъ Сабунаевъ т. е. на чердакѣ а черезъ нѣкоторое время пришла и забрала ихъ порожними. Этимъ мы воспользовались и прошли на чердакъ, гдѣ было совершенно темно и невозможно было двигаться въ передъ, но Сабунаевъ полагалъ, что горничная несетъ чай, отворилъ свою освещенную комнату и вмѣсто чая явились четыре сыщика и Сабунаевъ до того растерялся, что никакого сопротивленія не сдѣлалъ; съ Сабунаевымъ былъ другой мужчина, который въ послѣдствіи оказался чиновникомъ губернскаго правленія тоже проживалъ вмѣстѣ съ Сабунаевымъ. Тутже мы обеихъ ихъ обыскали, нашли въ сундукѣ пять париковъ, два револьвера, послѣ чего одинъ изъ фелеровъ далъ знать въ жандармское управленіе и черезъ 30 м. пріѣхалъ нарядъ полиціи. Въ эту ночь было сдѣлано шеснадцать обысковъ и всѣ съ хорошими результатами. Всѣмъ наблюденіемъ руководилъ Мѣдниковъ».

«Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1893 года были командированы фелеры московскаго охраннаго отдѣленія въ городѣ Тверь для наблюденія за крушкомъ присяжнаго повѣреннаго Барыбина. Послѣдствіемъ

чего была взята большая комитетская типографія въ собственномъ домѣ Барыбина и большой архивъ; характерно то что въ городѣ Твери барыбинской работы литература не распространялась, а отправлялась въ другіе города Россійской Имперіи и всѣ транспорты сопровождались фелерскимъ наблюденіемъ. Самъ обыскъ типографіи очень интересный. Къ Барыбину и другимъ пошли въ 11 часовъ вечера и до трехъ часовъ ночи ничего не нашли, тогда былъ сдѣланъ перерывъ до 6 утра, съ 6 до 12 часовъ дня нашли одинъ валикъ, двѣ банки красокъ и два камня, послѣ чего обыскъ производился въ саду, но до 3 часовъ ночи ничего не нашли, послѣ этого стали ломать бѣседку стоящую въ углу сада заросшаго травой и не всякаго подозренія, по снятіи пола земля оказалась рыхлой и поворотѣ въ $\frac{1}{2}$ аршина ямы оказалась достка въ видѣ люка запертая назамокъ, по вскрытіи доски оказался большой погребъ посрединѣ коей стоялъ большой столъ на которомъ лежала большая рама со шрифтомъ, а по сторонамъ полки на которыхъ лежала литература, всей литературы съ типографіей было два воза. Въ городѣ Твери по этому дѣлу было 16 обысковъ, и всѣ съ хорошими результатами и въ другихъ городахъ сдѣлано по этой же группѣ около 150 обысковъ тоже съ хорошими результатами. Все время наблюденіемъ и обыскомъ руководилъ Сачковъ.

Изъ сообщеній другихъ руководителей охраннаго сыска отмѣтимъ прежде всего эпизоды, которые должны иллюстрировать «находчивость и сообразительность» филеровъ:

1. Саратовскій охранникъ Машковъ рассказываетъ: «Въ 1894 году я находился въ числѣ прочихъ филеровъ, командированныхъ въ гор. Смоленскъ, гдѣ нами была обнаружена и ликвидирована тайная типографія и взята революціонная группа, именовавшая себя «Партіей Народнаго Права». Наблюденіе нами велось при такихъ условіяхъ: мы прежде всего установили главное лицо изъ упомянутой группы, которому дана была кличка «Бычекъ», выяснили его квартиру и изучили его обычные выходы и пути. На той улицѣ, гдѣ онъ проживалъ, была пивная съ биліардомъ, въ которую мы ежедневно стали ходить въ числѣ трехъ человѣкъ, при чемъ двое играли на биліардѣ, а третій смотрѣлъ черезъ окно за выходомъ наблюдаемаго. Благодаря этому приему намъ пришлось взять типографію безъ провала наружнаго наблюденія».

2. Саратовскій охранникъ Егоровъ пишетъ: «Съ 1904 г. въ гор. Саратовѣ поселилась дворянка Тамбовской губ., Елизавета Адриановна Дьякова, занявшаяся революціонной дѣятельностью, отдававшая свою квартиру для нелегальныхъ сходокъ и печатанія революціонныхъ воззваній. По даннымъ наружнаго наблюденія, у Дьяковой неоднократно производились обыски, оставшіеся однако безрезультатными; тогда мнѣ было поручено завести связи черезъ прислугу Дьяковой; оказалось, что прислуга, жившая у Дьяковой, выросла у ней съ малыхъ лѣтъ. Я познакомилъ ее съ молодымъ человѣкомъ, и даже удалось повѣнчать ихъ; они стали

жить у ней въ квартирѣ и черезъ нихъ я узналъ весь составъ кружка Дьяковой, направленіе его, и была обнаружена нелегальная типографія».

3. Письмоводитель саратовскаго охраннаго отдѣленія, Поповъ сообщаетъ: «Въ 1903 г. начальникъ саратовскаго охраннаго отдѣленія, ротмистръ Бобровъ два раза разновременно поручалъ мѣстной полиціи произвести обыски въ квартирѣ зубного врача Бернекера, каждый разъ подробно указывая, что въ этой квартирѣ имѣется шкафъ, съ особо устроеннымъ тайникомъ, въ которомъ хранится нелегальная литература и подложныя паспортныя книжки. Оба эти обыска результатовъ открытія тайника не дали. На третій обыскъ ротмистръ Бобровъ назначилъ меня. Въ 11 ч. ночи я явился къ Бернекеру, послѣдній разразился страшнымъ негодованіемъ, что уже два раза беспокоили его обысками, и никогда ничего не найдено, что всѣ эти обыски не больше, какъ придирка и издѣвательство власти. При этомъ Бернекеръ заявилъ, что двое дѣтей его сильно больны, и просилъ безшумно производить обыскъ. Спрошеннымъ секретно отъ Бернекера прислуга отвѣтила, что дѣти здоровы, что и породило особое подозрѣніе по отношенію дѣтской комнаты, послѣ чего я предварительно до начала обыска осмотрѣлъ всю квартиру и замѣтилъ въ дѣтской два шкафа, совершенно одинаковыхъ по размѣру, а также и по рисунку и окраскѣ, такой же шкафъ находился въ передней комнатѣ. При осмотрѣ шкафовъ въ дѣтской комнатѣ Бернекеръ снова сталъ просить безшумно производить обыскъ, ссылаясь на болѣзнь дѣтей, которые въ это время спали. Заподозрѣвъ, что Бернекеръ этой продѣлкой мнимой болѣзни отвлекъ вниманіе первыхъ двухъ обысковъ отъ положительнаго осмотра упомянутыхъ шкафовъ, осмотръ которыхъ безъ особаго стука немислимъ, послѣ этого я распорядился вынести ихъ въ залъ, гдѣ свободно сталъ осматривать ихъ. По измѣренію внутренней высоты шкафовъ, что одинъ менѣе другого въ вышину на 3 вершка, это дало возможность опредѣлить, въ которомъ изъ нихъ находится тайникъ. По снятіи колонокъ съ верхней части шкафа и по отнятіи наличника съ лицевой стороны, который держался на карнизѣ шкафа посредствомъ особо-устроенныхъ шалнеровъ, былъ обнаруженъ тайникъ шириною въ 1 арш. 3 четверти, и въ вышину 2 1/2 вершка, въ которомъ обнаружена была нелегальная литература и паспортныя незаполненныя бланки».

4. Тотъ же Поповъ рассказываетъ: «Въ бытность мою полицейскимъ надзирателемъ московскаго охраннаго отдѣленія, мнѣ было поручено (прибл. въ 1900 г. въ мартѣ) задержать на улицѣ нелегальнаго еврея, по указанію филеровъ, когда онъ выйдетъ со сходки (у Мясницкихъ воротъ). Въ 12 ч. ночи упомянутый еврей вышелъ оттуда и направился къ Срѣтенкѣ, усиливая съ каждой минутой шагъ, и постоянно оглядываясь по сторонамъ и назадъ. Медлить было нечего, надо было арестовать, чтобы не упустить, но этого я сдѣлать не могъ, такъ какъ начальникомъ

было сдѣлано приказаніе вывести его въ безлюдное мѣсто, и тогда лишь только задержать, — боялись, что публика можетъ отбить его. Нелегальный шелъ все быстрѣе и быстрѣе, и я съ филеромъ стали отставать. Тогда мы рѣшили, во что бы то ни стало, арестовать его, не допустивъ до Срѣтенки и, быстро догнавъ его, взявъ сзади за руки, сказавъ ему, что приказано доставить въ охранное отдѣленіе; еврей оказалъ сопротивленіе, вырываясь отъ насъ; быстро собралась толпа. Еврей сталъ кричать, что его ни за что тащить сыщики въ охранку, просилъ публику, въ которой было 2—3 студента, помочь ему отбиться, но въ это время онъ уже былъ втисканъ нами въ сани нашего извозчика. Толпа обступила насъ, требуя дать ей объясненіе, по какому поводу задерживаемъ «ученика». Тогда я обратился къ публикѣ со словами: «господа, оставьте насъ ради Бога въ покоѣ, развѣ вы не видите, что онъ помѣшанный и бредитъ сыщиками? Вѣдь онъ сынъ нашего хозяина, и мы его ищемъ 4 дня. Мать и отецъ его въ отчаяніи». Изъ публики потлышались разнаго рода комментаріи, извозчикъ же нашъ, улучивъ минуту, погналъ, и мы благополучно доставили его въ отдѣленіе, гдѣ произвели личный обыскъ, но находившіеся при немъ чугунные часы не отобрали. Послѣ чего къ нему вышелъ ротмистръ Сазоновъ, которому онъ заявилъ, что «сыщики» везли его, какъ собаку, положивши поперекъ саней. Ротмистръ Сазоновъ, по всей вѣроятности, улыбнулся на эту фразу, а еврей моментально сорвалъ съ себя часы, бросилъ ихъ со страшной силой въ лицо ротмистра Сазонова, но къ счастью промахнулся.

5. Писецъ саратовскаго охраннаго отдѣленія, Мольковъ докладываетъ: «Во время декабрьскаго 1905 года мятежа въ Москвѣ, въ бытность мою въ то время на службѣ въ московскомъ охранномъ отдѣленіи, со мной былъ слѣдующій случай: Послѣ взрыва революціонерами охраннаго отдѣленія и нападенія на домъ градоначальника, я сдалъ дежурство по канцеляріи и, вмѣстѣ съ другими товарищемъ по службѣ, отправился, съ разрѣшенія начальника охраннаго отдѣленія, къ себѣ на квартиру, къ своей семьѣ, которая, услышавъ о взрывѣ въ отдѣленіи и отправленіи дежурнаго надзирателя въ больницу, была въ отчаяніи, зная, что я былъ въ это время дежурнымъ. Передъ выходомъ изъ отдѣленія мы намѣренно одѣлись въ очень плохую одежду, чтобы насъ не могъ признать кто-либо изъ революціонеровъ, которые большей частью насъ знали, потому что мы оба находились на приѣмѣ публики въ охранномъ отдѣленіи. Пробравшись изъ отдѣленія какъ можно незамѣтно, и сдѣлавъ въ прилегающихъ переулкахъ нѣсколько поворотовъ, пришлось выходить изъ Леонтьевскаго переулка на Тверскую улицу. На углахъ всѣхъ переулковъ, входящихъ со стороны дома градоначальника на эту улицу, стояли толпы боевыхъ дружинъ, слѣдившихъ за выходомъ изъ дома градоначальника и охраннаго отдѣленія полицейскихъ чиновъ и агентовъ. Въ Леонтьевскомъ переулкѣ мы увидѣли нечаянно

заѣхавшаго туда и не бывшаго въ состояніи выѣхать легкового извозчика, и велѣли ему везти насъ. Только что мы подѣхали на уголъ Тверской улицы, къ стоявшей тамъ толпѣ боевой дружины, какъ изъ толпы, показывая на насъ, закричали: «стой! ни съ мѣста! Кто вы?» Первоначально, не обращая на ихъ крикъ вниманія, мы, сердито замахиваясь на извозчика, стали намѣренно громко ругать его, говоря: «развѣ можно быстро ѣздить мимо товарищей, не спрося ихъ разрѣшенія на проѣздъ, да еще въ такомъ мѣстѣ,—такъ молъ ты, чертъ знаетъ кого провезешь!» Этимъ мы сразу дали понять имъ, что мы не кто иные, какъ свои же—«товарищи». Затѣмъ, опять таки намѣренно извинившись предъ «товарищами» за извозчика, мы поспѣшно спросили у нихъ разрѣшенія на проѣздъ: «по важному дѣлу—товарищи», а для большей замаскировки попросили «проводятаго», чтобы насъ пропустили и на сосѣдномъ пунктѣ. По полученіи отвѣта: «отправляйтесь, теперь пропустятъ вездѣ» — мы отправились дальше на томъ же извозчикѣ, нѣкѣмъ болѣе не остававшимся, такъ какъ дружины, стоявшія на ближайшихъ углахъ переулковъ, видя, что насъ пропустили на первомъ пунктѣ остановки, уже не рѣшались останавливать насъ. Такимъ образомъ намъ пришлось безпрепятственно и благополучно доѣхать до квартиры, несмотря на выстрѣлы войскъ, стоявшихъ на улицахъ».

6. Начальникъ ярославскаго охраннаго отдѣленія, Гинсбургъ сообщаетъ о случаѣ, «когда филерами была проявлена особая сообразительность и обдуманная ссторожность»: «Въ концѣ мая 1907 г. мною были получены агентурныя свѣдѣнія о нахожденіи въ селѣ Балабановѣ, въ 13 верстахъ отъ Рыбинска, тайной типографіи рыбинской организаціи Р. С. Д. Р. П., типографія должна была помѣщаться въ особомъ подпольѣ въ церковномъ домѣ, занимаемомъ діакономъ Восторговымъ. Для разработки этихъ свѣдѣній, а частью и для провѣрки ихъ мною командированы были два филера отдѣленія, которые, почти не показываясь днемъ на улицахъ села, и объяснивъ любопытнымъ о цѣли своего прибытія въ село Балабаново закупкой хлѣба для хозяина-подрядчика, въ теченіе почти двухнедѣльнаго срока, по ночамъ изъ-за изгороди огородовъ наблюдали за домомъ діакона Восторгова. Нѣсколько разъ наблюденію удалось замѣтить пріѣздъ на лодкахъ къ селу молодыхъ людей со свертками, а также подозрительный свѣтъ въ свѣтелкѣ дома, который появлялся въ неурочное ночное время, и, наконецъ, ими было обращено также вниманіе на промелькнувшій раза два огонекъ въ нижнихъ отдушинахъ дома; — всѣ эти мелочныя данныя, въ связи съ указаніями агентуры, и дали мнѣ возможность ликвидировать въ ночь на 6 іюня типографію названной выше организаціи».

7. Начальникъ варшавскаго отдѣленія варшавскаго жанд. полиц. управленія жел. дорогъ, Тржецякъ сообщаетъ: «Въ 1905 году, лѣтомъ получены были отъ мѣстной заграничной агентуры указанія на то, что какая-то слушательница С.-Петербургскихъ жен-

скихъ курсовъ выѣхала въ Москву, съ цѣлью организовать убійство б. московскаго градоначальника, барона Медема, и другихъ начальствующихъ лицъ, причемъ имѣлось лишь указаніе на то, что личность эта будетъ жить въ Петровскомъ паркѣ. Собранными справками установлено было нѣсколько курсистокъ, проживающихъ въ Петровскомъ паркѣ, причемъ учрежденное за ними наблюдение вполне точно указало, что личности эти не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстнымъ революціоннымъ организаціямъ. По прошествіи шести недѣль отъ департамента полиціи получены были указанія на то, что полученные свѣдѣнія могутъ относиться къ извѣстной революционеркѣ Коноплянниковой. Въ числѣ наблюдаемыхъ лицъ, дѣйствительно, оказалось лицо, соответствующее примѣтамъ Коноплянниковой, и имѣвшее кличку наблюдения «Семейная». Дальнѣйшее наблюдение за Семейной не дало положительныхъ результатовъ, и дало лишь установить, что Семейная умышленно конспирируетъ свое пребываніе въ Москвѣ и проживаетъ по чужому паспорту. Вскорѣ наблюдаемая изъ Петровскаго парка переѣхала въ Москву и въ теченіе 2 недѣль перемѣнила шесть квартиръ. Въ виду этого наблюдение за Семейной было установлено, и скорѣ она выѣхала въ гор. Саратовъ. Выѣхавшими агентами было между прочимъ установлено, что по пріѣздѣ въ Саратовъ, она поселилась у студента Морозова, у котораго безвыходно пробыла двое сутокъ. На третій день однимъ изъ агентовъ наблюдения замѣченъ былъ рано утромъ, на разсвѣтѣ студентъ Морозовъ, выходящій изъ своей квартиры. По мѣстнымъ условіямъ и во избѣжаніе провала наблюдавшій за нимъ агентъ не могъ сопровождать Морозова и вынужденъ былъ находиться отъ него на весьма значительномъ разстояніи. Выйдя за городъ, Морозовъ отправился въ близъ лежащій лѣсъ, и наблюдающій агентъ въполнѣ отчетливо слышалъ вдали звукъ отъ ка-кого-то взрыва. Эти результаты наружнаго наблюденія дали уже вполне точныя указанія на то, что Морозовъ производилъ опыты со взрывчатыми веществами, и что Семейная прибыла къ нему за полученіемъ таковыхъ. Вскорѣ Семейная, съ корзиною въ рукахъ, выѣхала изъ Саратова въ Москву. Въ виду этого приступлено было къ ликвидаціи всѣхъ результатовъ наблюдения и произведены были одновременно аресты и по обыскамъ по всей группѣ, причемъ въ Саратовѣ у сотрудника Морозова въ квартирѣ обнаружена была полная мастерская взрывчатыхъ снарядовъ. Такъ какъ по пріѣздѣ въ Москву Семейная, посѣтивъ нѣкоторыхъ серьезно наблюдаемыхъ лицъ, выѣхала немедленно въ Смоленскъ, то арестъ ея былъ осуществленъ въ поѣздѣ, причемъ при ней обнаружена была корзина, привезенная изъ Саратова, въ которой находились въ разобранномъ видѣ метательные снаряды. Одновременно съ этимъ были арестованы въ Москвѣ и Саратовѣ всѣ лица, съ коими имѣли сношенія Семейная и Морозовъ».

8. Завѣдующій наружнымъ наблюдениемъ варшавскаго

охраннаго отдѣленія, Гуринъ сообщаетъ: «Лѣтомъ 1892 года я случайно зашелъ въ Саксонскій садъ. Тамъ я обратилъ вниманіе на неизвѣстнаго человека, съ большой бородой, ходившаго безъ опредѣленной цѣли и былъ сильно чѣмъ-то озабоченъ. Я его взялъ въ наблюденіе и привелъ на квартиру по Мостовой улицѣ. На вечернемъ докладѣ начальникъ отдѣленія объявилъ филерамъ, что въ Варшаву прибылъ для какой-то весьма серьезной работы неизвѣстный, примѣты котораго и передалъ намъ. Сопоставивъ примѣты встрѣченнаго мною въ Саксонскомъ саду, съ примѣтами, сообщенными начальникомъ отдѣленія, я пришелъ къ заключенію, что это будетъ одно и то же лицо. На слѣдующій день мнѣ приказано было найти его и установить. Я отправился въ городской Саксонскій садъ и снова встрѣтилъ его тамъ. Наблюдая за нимъ нѣсколько недѣль, онъ совершенно ни съ кѣмъ не встрѣчался, а выходилъ изъ дома, шелъ въ садъ, пробылъ тамъ 2—3 часа и возвращался домой. Наконецъ отъ него удалось взять неизвѣстнаго, котораго я и взялъ въ наблюденіе, передавъ перваго другимъ филерамъ. Мѣсяца черезъ два неизвѣстный съ бородой скрылся отъ наблюденія, но черезъ недѣлю снова появился въ Варшавѣ уже чисто обритымъ (безъ бороды и усовъ) и одѣтымъ въ крестьянское платье. 26 августа я его встрѣтилъ въ Саксонскомъ саду, къ нему пришелъ второй неизвѣстный (по профессіи, какъ оказалось, слесарь), при чемъ первый неизвѣстный имѣлъ какой-то небольшой свертокъ; посидѣвъ нѣсколько минутъ, они расцѣловались, и неизвѣстный (бывшій съ бородой) отправился въ церковь по Медовой улицѣ (это было въ воскресенье), при чемъ по пути зашелъ въ ворота одного изъ домовъ, развернулъ свертокъ изъ платка и спряталъ таковой подъ полу. Войдя въ церковь, онъ намѣревался положить предметъ въ уголокъ, но я успѣлъ схватить его за руку, въ рукахъ оказалась бомба съ зажженнымъ фитилемъ. Къ счастью, вблизи находился артиллерійскій офицеръ, который и вырвалъ фитиль, не давъ бомбѣ взорваться. Самъ онъ тутъ же проглотилъ имѣвшійся у него во рту ядъ и умеръ. По связямъ его обнаружена была лабораторія бомбъ, гдѣ обнаружено 7 готовыхъ снарядовъ и литература. Бомбы эти предназначались специально для покушенія на жизнь Государя Императора, когда Его Величество прибудетъ въ Варшаву и Ивангородъ (27 августа)».

9. Тифлисскій филеръ Вечеринъ вспоминаетъ: «Августа 3—1904 г., около девяти часовъ вечера на вокзалъ пріѣхали два извозчика: на первомъ сидѣли неизвѣстный студентъ и барынька, на второмъ штатскій господинъ и дворникъ, у нихъ было двѣ корзины, одна побольше, другая поменьше. Навлекли они на себя подозрѣніе тѣмъ, что не позволили носильщикамъ снимать корзины, которыя оказались довольно тяжелыми; ихъ снесъ пріѣхавшій дворникъ; затѣмъ, когда корзины были внесены въ вагонъ II класса, то ни дворникъ, ни привезшій ихъ господинъ не сѣли въ вагонъ, а воелѣ корзины сѣли студентъ и барынька.

Намѣреваясь задержать въ пути, я пригласилъ двухъ жандармовъ сѣсть въ поѣздъ, чтобы на пути осмотрѣть корзины. Чтобы избѣжать непріятностей при вскрытіи въ случаѣ неудачи, я написалъ телеграмму подъ видомъ копіи съ телеграммы со станціи Х. начальнику станціи Тифлисъ: «Прошу задержать 2 корзины, забытыя пассажиромъ, въ малой корзинѣ сверху лежатъ сапоги съ длинными голенищами, поѣздъ № 5, вагонъ 2 класса 120, второе купе отъ конца поѣзда» и вручилъ жандармамъ, которые сперва обошли вагонъ, затѣмъ согласно телеграммѣ жандармъ спросилъ: «чьи это корзины?» на что студентъ отвѣтилъ «мои»; когда же жандармы попросили открыть ихъ, то студентъ заявилъ, что ключъ утерянъ, но барынька, услыхавъ про сапоги, увѣренно сказала, что ихъ нѣтъ, и чтобы увѣрить въ этомъ, моментально открыла корзину и тотчасъ же хотѣла снова закрыть, но жандармъ въ это время уже успѣлъ вынуть оттуда одну пачку патроновъ. Студентъ, видя, что дѣло проиграно, заявилъ, что корзины не его, а что его попросилъ какой-то господинъ посмотреть нѣсколько времени за ними. Оба они были арестованы. Въ этихъ двухъ корзинахъ оказалось 5000 ружейныхъ патроновъ.

10. Тотъ же филеръ Вечеринъ рассказываетъ: «31 іюля 1906 г. было предупреждено покушеніе на намѣстника Кавказа и на генерала Ширинкина. Главный бомбистъ былъ Давидъ Хачатури «Гнилоносъ», который временно помѣстился въ гостиницѣ «Грандъ-Отель»; номеръ имѣлъ на 4 этажѣ, окнами во дворъ. За нимъ было усиленное наблюденіе, особенно съ 29 по 31 іюля. Главная задача была возложена на меня и заключалась въ томъ, что нужно было выслѣдить, когда принесутъ бомбы, когда ихъ будутъ заряжать, когда онѣ будутъ готовы, но не будутъ въ рукахъ преступниковъ, дабы не пострадать во время ареста. Необходимо было помѣшать запереть дверь, чтобы войти возможно скорѣе и схватить бомбистовъ. Я нанялъ номеръ противъ номера Хачатури, откуда слѣдилъ черезъ замочную скважину за тѣмъ, что дѣлалось. Эта трудная задача удалась мнѣ вполне. Въ 6 часовъ утра пришелъ молодой человѣкъ съ курчавыми волосами, постучалъ въ дверь, изъ номера послышался голосъ: «кто тамъ?» Пришедшій отвѣтилъ: «это я, Датиго», затѣмъ онъ вошелъ въ номеръ; спустя 5 минутъ пришла барынька въ бѣломъ платьѣ, вошла такимъ же способомъ, затѣмъ пришелъ еще неизвѣстный молодой человѣкъ высокаго роста, оказавшійся метателемъ бомбъ. Спустя 40 минутъ пришелъ еще студентъ (заряжатель бомбъ). Черезъ 1 часъ «Гнилоносъ» вышелъ изъ номера съ засученными рукавами (изъ чего я заключилъ, что заряжаютъ бомбы), прошелся по корридору и обратно вошелъ въ номеръ. Черезъ 30 минутъ онъ позвалъ номерного и велѣлъ убрать номеръ. Черезъ 10 минутъ номерной вышелъ и вынесъ много помятой разноцвѣтной бумаги; изъ этого я заключилъ, что бомбы готовы. Затѣмъ «Гнилоносъ» попросилъ пива. Когда номерной принесъ пиво и сталъ выходить изъ номера, то я подошелъ къ дверямъ «Гнилоноса»

подъ видомъ товарища ихъ, взялся за дверную ручку, какъ бы намѣреваясь войти въ номеръ, тѣмъ и помѣшалъ номерному при-
творить дверь. Когда дверь была обезпечена, то я далъ условный
знакъ полиціи. Полиція скоро подошла, я сразу отворилъ дверь
и первый воѣхалъ въ номеръ бомбистовъ. При этомъ были аре-
стованы 4 человѣка, взято 7 бомбъ и 4 револьвера».

11. Любопытно сообщеніе начальника тифлискаго охран-
наго отдѣленія Засыпкина: «Считаю нужнымъ отмѣтить въ тотъ
же періодъ (1903 г.) фактъ находчивости и смѣлости со стороны
двухъ филеровъ, проявленныхъ ими при нахожденіи въ охранѣ
главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Голицына во время
нападенія на него и нанесенія ранъ ему членами организаціи
«Гичакистовъ». Отдѣленіемъ велась охрана князя Голицына, какъ
во дворцѣ, такъ и во время его выѣздовъ, при чемъ пренебре-
женіе князя къ опасности, о которой его предупреждали, дѣлало
эту задачу крайне тяжелой, при условіи, что организація имѣла
въ своемъ распоряженіи цѣлую армію такъ называемыхъ «джанъ-
федаевъ», обязанныхъ по ихъ уставу по первому требованію ко-
митета отдать хотя бы свою жизнь. За выѣхавшимъ съ супругой
своей княземъ на прогулку за городъ въ Ботаническій садъ, за-
нимающій громадную площадь, выѣхали 4 филера, раздѣлившіеся
по два для наблюденія двухъ входовъ въ садъ, находящихся въ
разстояніи около 2 верстъ, при чемъ со стороны, выходящей за
городомъ въ горы, находились два филера—Курченко и терскій
казакъ Поляковъ; послѣдніе филировали по крайне извилистой
горной дорогѣ, съ которой наблюдали за гулявшимъ въ саду кня-
земъ съ супругой. Когда князь сѣлъ въ экипажъ и направился
къ выходу, то оба филера направилсь навстрѣчу ему, и когда
огнабли скалу, за которой находился входъ въ садъ, услышали вне-
запно раздавшіеся выстрѣлы; оказалось, что при выѣздѣ изъ сада,
изъ прилегающаго ущелья выскочило три вооруженныхъ револь-
верами и кинжалами армянина и, вскочивъ на подножки экипажа
стали наносить князю кинжалами удары; соскочившій съ козелъ
выѣздной казакъ выхватилъ браунингъ, но растерявшись, забылъ
отвернуть защелку, но тѣмъ не менѣе принудилъ соскочить съ
экипажа злоумышленниковъ, чему помогло и то обстоятельство,
что кучеръ погналъ лошадей (все это заняло моментъ); тогда зло-
умышленники открыли огонь по экипажу, при чемъ ранили выст-
рѣломъ успѣвшаго вскочить на таковой казака; въ этотъ моментъ
на вострѣчу экипажу изъ-за скалы выскочили оба филера и на
бѣгу открыли изъ револьверовъ огонь по злоумышленникамъ,
причемъ къ нимъ присоединился соскочившій съ козелъ казакъ.
Видя отпоръ, злоумышленники кинулись въ ущелье и побѣжали
по таковому. Экипажъ съ княземъ усекалъ; раненый казакъ,
разстрѣлявшій притомъ всѣ патроны, не въ состояніи былъ пре-
слѣдовать; одинъ изъ филеровъ также разстрѣлялъ всѣ патроны.
Тѣмъ не менѣе, оба филера, сообразивъ, что злоумышленники,
увѣренные въ томъ, что за ними будетъ достаточно сильное пре-

слѣдованіе, не посмѣютъ остановиться и вступить въ борьбу, и что важно не упустить ихъ изъ виду до прибытія подкрѣпленія,— вдвоемъ, Поляковъ съ револьверомъ съ 6—7 оставшимися патронами, а другой со взятой у раненаго казака пашкой, пускаются по пятамъ по краю ущелья преслѣдовать троихъ хорошо вооруженныхъ злоумышленниковъ, продолжая таковое бѣгомъ на протяженіи 3 верстъ, при чемъ Поляковъ по временамъ посылалъ изъ револьвера вдогонку преслѣдуемымъ пулю въ отвѣтъ на производимую злоумышленниками въ нихъ стрѣльбу; въ концѣ ущелья, видимо изнемогшіе злоумышленники, имѣя повидимому одного пораненнаго, вдругъ остановились и засѣли подъ скалой; въ то-же время также изнемогшіе филеры, у одного изъ которыхъ, Полякова, горломъ пошла кровь, съ однимъ оставшимся патрономъ, замѣтили наверху горы скакавшую верхами на лошадахъ въ другомъ направленіи полицейскую стражу и, чтобы привлечь вниманіе таковой, филеръ Поляковъ выпускаетъ послѣдній патронъ по направленію къ стражѣ. Выстрѣлъ обратилъ вниманіе конныхъ полицейскихъ, и таковые повернули обратно и быстро спустились къ филерамъ. На предложеніе и крики сдаться злоумышленники открыли огонь, на каковой спѣшившіеся полицейскіе отвѣтили тѣмъ же, и всѣ три злоумышленника были смертельно ранены. За сказанное оба филера были награждены княземъ каждый золотыми часами, съ золотой цѣпочкой, и небольшой денежной наградой изъ отдѣленія».

12. Начальникъ рижскаго охраннаго отдѣленія Балабинъ сообщаетъ: «8 января 1906 г. были получены свѣдѣнія о томъ, что нѣсколько членовъ рижской боевой организациі собираются ограбить транспортную контору «Надежда». Двумъ филерамъ приказано было вести наблюденіе и своевременно дать знать воинской части, находившейся въ засадѣ въ ближайшемъ домѣ. Въ шестомъ часу вечера, 9 января, къ дому, въ которомъ расположена контора «Надежда», явились восемь молодыхъ людей и стали ходить взадъ и впередъ. Мѣстныя условія были чрезвычайно невыгодны для наблюденія, и филерамъ только и оставалось гулять вмѣстѣ съ боевиками. Послѣдніе скоро обратили вниманіе на филеровъ, и стали за ними наблюдать, а затѣмъ окружила филеровъ съ разныхъ сторонъ, такъ что имъ уже не было возможности и уйти. Въ это время проходила по тротуару какая-то дѣвица. Филеры сдѣлали видъ, что именно ее они и ожидали. Какъ только она подошла къ дверямъ конторы, филеры остановили ее и стали дружески съ нею бесѣдовать. Этотъ маневръ былъ такъ удачно исполненъ, что боевики сразу успокоились и перестали обращать вниманіе на филеровъ, а затѣмъ въ 8 час. 30 мин. вечера одинъ за другимъ вошли въ контору. Вслѣдъ за ними туда вошла, по условному знаку филеровъ, воинская часть, и 4 боевика были задержаны, прежде чѣмъ они успѣли проникнуть въ контору. У нихъ были отобраны топоръ, пистолетъ и свѣча. Остальные четыре успѣли убѣжать и, преслѣдуемые филерами и сол-

датами, вскочили во дворъ синагоги, гдѣ трое было задержано, а четвертый, пытавшійся бѣжать, застрѣленъ».

Если въ приведенныхъ примѣрахъ выдвигаются докладчиками удачныя дѣйствія охранныхъ агентовъ, то рядомъ съ ними встрѣчаются, хотя въ значительно меньшемъ числѣ, и такіе эпизоды, въ которыхъ охранники не оказывались на высотѣ тѣхъ требованій, что предъявлялись имъ ихъ начальствомъ. Укажемъ для образца слѣдующіе случаи:

1. Завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ саратовскаго охраннаго отдѣленія Мошковъ разсказываетъ: «Въ 1905 году въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ командированъ по распоряженію департамента полиціи въ г. Одессу въ распоряженіе начальника одесскаго охраннаго отдѣленія для несенія службы. 14 іюля того-же года я былъ назначенъ за старшаго на службу; мнѣ въ помощь дали 6 человекъ филеровъ, отъ начальника я получилъ распоряженіе, что въ 7^{1/2} ч. утра въ известный домъ должны привести не меньше 12 готовыхъ бомбъ, за которыми должны притти нѣсколько человекъ по числу бомбъ. Каждое лицо должно было взять по бомбѣ и уйти по заранѣ данному назначенію. Мнѣ было приказано, во чтобы то ни стало, задержать то лицо, которое привезетъ бомбы. Получивъ это приказаніе, я тутъ же распорядился, чтобы тѣ филеры, которые даны мнѣ въ помощь, вышли къ 7 ч. утра къ назначенному дому и стали въ указанныхъ мѣстахъ. Около 8 ч. утра въ упомянутый домъ стали приходить по одному нѣкоторые неизвѣстные лица безъ вещей. До 9 ч. приносу и привозу подходящихъ вещей никакихъ не было, въ 9 ч. 30 м. изъ упомянутаго дома вышли сразу 8 человекъ, которые, перейдя на другую сторону тротуара и простоявъ 15 минутъ, стали расходиться; тогда я изъ числа 6 человекъ филеровъ четверыхъ послалъ въ наблюденіе за упомянутыми неизвѣстными, а самъ съ двумя филерами остался у того же дома. По уходѣ наблюдаемыхъ, спустя 15 минутъ къ назначенному дому подѣхалъ на извозчикѣ молодой человекъ въ формѣ коммерческаго училища и имѣлъ при себѣ два свертка неопредѣленной формы; онъ вошелъ въ упомянутый домъ. Черезъ пять минутъ вышелъ, имѣя одинъ свертокъ и пустую смятую газету, сѣлъ на того-же извозчика и поѣхалъ по направленію къ собору. Тогда я и филеръ Гроцъ взяли другого извозчика, дали наблюдаемому отѣхать на два квартала и, догнавъ его, быстро соскочили съ извозчика и съ обѣихъ сторонъ вскочили къ нему въ пролетку, крѣпко схватили за обѣ руки, а извозчику приказали ѣхать въ Бульварный участокъ. По доставленіи въ участокъ у него произвели обыскъ, по которому въ карманахъ его оказались 7 новыхъ револьверовъ, а въ сверткѣ 6 револьверовъ и нѣсколько пачекъ патроновъ. Этого же числа мнѣ и другому филеру было приказано къ 9 часамъ вечера стать у одного дома, изъ котораго долженъ былъ выйти молодой человекъ, грязно одѣтый, и пойти въ другой домъ, откуда онъ долженъ былъ вынести готовую бомбу, съ которой приказано его

задержать. Въ 9 ч. 30 м. изъ указанного дома вышелъ подходящій молодой еврейчикъ, который, пройдя кварталъ, сѣлъ на извозчика и поминутно сталъ смотрѣть въ слѣдъ за собой. Добѣжавши до указанной намъ улицы, свернулъ въ нее, тогда товарищъ мой поѣхалъ дальше, а я соскочилъ съ извозчика и побѣжалъ бѣгомъ вслѣдъ за наблюдаемымъ. Это я сдѣлалъ въ виду того, чтобы стукнуть колесъ извозчика не обратить вниманіе наблюдаемаго, такъ какъ эта улица была глухая, а время было позднее. На этой улицѣ наблюдаемый остановился противъ одного дома и обернулся лицомъ въ ту сторону, откуда ѣхалъ. Въ это время я шелъ уже шагомъ и, не доходя до него, сталъ на противоположной сторонѣ у параднаго крыльца, гдѣ сдѣлалъ видъ, что звоню. Наблюдаемый, рассчитавъ извозчика, быстро вбѣжалъ въ парадную одного дома. Когда пришелъ мой товарищъ, мы стали смотрѣть за наблюдаемымъ, который черезъ 30 минутъ вышелъ, имѣя при себѣ какой-то предметъ, въ видѣ небольшой коробки, завернутый въ бумагу, который онъ держалъ въ согнутой правой рукѣ; прижавши свою ношу къ груди, онъ направился къ собору. Мы сами не рѣшились его взять, такъ какъ тогда въ Одессѣ была всеобщая забастовка, настроеніе публики было особенно возбуждено противъ тайной полиціи, которая для нея означалась «сыщикомъ». Въ виду того я своего товарища послалъ предупредить перваго попавшагося изъ чиновъ полиціи, съ указаніемъ задержать наблюдаемаго, и предупредить его, что наблюдаемый несетъ бомбу, а по этому не допустить его ее бросить. Когда наблюдаемый подошелъ къ собору, то онъ пошелъ площадью собора, гдѣ стоялъ городской, котораго предупредилъ мой товарищъ обо всемъ вышесказанномъ. Когда мы указали городскому наблюдаемаго, онъ за нимъ пошелъ быстрыми шагами, наблюдаемый также шелъ быстро, — тогда городской побѣжалъ бѣгомъ, чѣмъ и обратилъ окончательно на себя вниманіе наблюдаемаго; какъ только городской, подбѣжавъ, схватилъ его, то отъ толчка произошелъ взрывъ снаряда, при чемъ наблюдаемаго отбросило впередъ шаговъ на 9 и оторвало ему правую руку, а городской взрывомъ былъ раздробленъ. Отъ мѣста взрыва я находился въ 15 шагахъ, къ сторонѣ собора; взрывомъ я былъ сшибленъ съ ногъ, оглушенъ и забрызганъ кровью».

2. Помощникъ начальника александровскаго отдѣленія варшавскаго жанд. полиц. упр. жел. дорогъ, фонъ-Дрейлингъ сообщаетъ: «Могу отмѣтить случай поимки лица, кажется 9 мая 1905 года, предполагавшаго подбросомъ бомбы совершить покушеніе на жизнь варшавскаго генераль-губернатора, долженствовавшаго въ этотъ день проѣзжать по Медовой улицѣ на молебень въ соборъ. Лицо это (фамиліи не помню) находилось подъ наблюдениемъ филеровъ съ утра и такимъ образомъ проведено до кондитерской на Медовой, гдѣ таковой потребовалъ себѣ чаю, усѣлся за столомъ въ прилегающемъ на тротуарѣ ко входу въ кондитерскую палисадникѣ, а затѣмъ спустя минутъ 10—15 къ нему

подошли наблюдавшій филеръ, городской, переодѣтый и состоявшій тогда при охр. отдѣленіи—нѣкій Михайловскій—и схватили бомбиста за руки, но настолько неудачно, что таковой успѣлъ оборвать висѣвшую у него на бичевкѣ подъ пиджакомъ бомбу (формы коробки продолговатой) и бросить таковую, вслѣдствіе чего произошелъ взрывъ, послѣ коего оказались убитыми бомбистъ, филеръ и городской. Случай этотъ, хотя и увѣнчавшійся успѣхомъ въ отношеніи предупрежденія покушенія на жизнь генералъ-губернатора, но въ смыслѣ дальнѣйшихъ результатовъ и по количеству жертвъ возможно отнести къ числу отрицательныхъ: не было проявлено достаточного хладнокровія и спокойствія, а затѣмъ вслѣдствіе этого и моментальной ориентировки и должной находчивости, а рубилось съ плеча. Правда, что много въ этомъ напортилъ Михайловскій, отличавшійся большой горячностью. Насколько помню, онъ, единственно оставшійся изъ наблюдавшихъ въ живыхъ, объяснилъ, что захватить бомбиста съ тылу было нельзя, такъ какъ онъ сидѣлъ спиною къ стѣнѣ; но вѣдь возможно было и выждать моментъ, когда бы онъ всталъ, съ намѣреніемъ выйти изъ кондитерской, и тогда сзади захватить, тѣмъ болѣе, что Михайловскому было извѣстно объ отъѣздѣ поѣздки въ соборъ генералъ-губернатора, и, стало быть, бояться опозданія въ захватъ бомбиста не приходилось. Тутъ долженъ замѣтить, что соревнованіе хорошо, но тогда, когда оно не даетъ ущерба дѣлу и не ограничивается исключительно желаніемъ личнаго отличія, что въ данномъ случаѣ и имѣло мѣсто со стороны распоряжавшагося поймкою бомбиста, Михайловскаго. Затѣмъ не слѣдовало для поймки одного человѣка и при томъ, насколько помню, по описанію небольшого роста, входить всѣмъ тремъ въ кондитерскую, давая возможность легче быть замѣченными, а достаточно было бы и одного, а двумъ остальнымъ слѣдовало находиться по сторонамъ дома, гдѣ помѣщалась кондитерская, откуда во всякій моментъ и возможно было бы своевременно явиться въ случаѣ надобности на помощь, тѣмъ болѣе, что палисадникъ, гдѣ сидѣлъ бомбистъ, былъ открытымъ, и за сидящимъ тамъ легко было бы наблюдать».

3. Полковникъ Засыпкинъ рассказываетъ: «Около апрѣля 1905 г. мной были получены агентурныя указанія на мѣстонахожденіе центральной типографіи, универсальной для всего Закавказья, кавказскаго социаль-демократическаго союза и лабораторіи для снаряженія разрывныхъ снарядовъ, при чемъ агентура дала такія свѣдѣнія о чрезвычайной законспирированности помѣщенія типографіи подъ землей и входа въ таковое, что невольно явилось желаніе путемъ наблюденія стать на болѣе реальную почву, тѣмъ болѣе, что самъ сотрудникъ помѣщенія и входовъ не видѣлъ, и кромѣ того было желательно выяснитъ связь съ организаціей и руководителями этого техническаго предпріятія. Раньше были указанія агентуры на означенныхъ руководителей и на мѣстность, гдѣ должна находиться типографія; руководители

были наблюдением установлены, но проникнуть наблюдению въ малодоступную для такового мѣстность не удавалось. По полученіи вышеизложенныхъ свѣдѣній, за указаннымъ агентурой домомъ, помѣщающимся совершенно за городомъ, было установлено наблюдение, съ находящагося напротивъ кладбища, каковое поручалось наиболѣе опытнымъ филерамъ. Несмотря на совершенно несоотвѣтствующую для наблюденья обстановку, въ пустынномъ мѣстѣ, за городомъ, дружными усиліями филеровъ въ теченіе 2 недѣль были установлены, какъ проживающіе въ означенномъ домѣ лица, такъ и ихъ связь съ организаціей и руководителями техники, послѣ чего рѣшено было произвести ликвидацію. Но внезапно одинъ ничтожный случай невыдержки одного изъ филеровъ повелъ къ тому, что проживающіе въ наблюдаемомъ домѣ внезапно постыжились скрыться; дѣло въ томъ, что филеръ столкнулся на углу съ однимъ изъ наблюдаемыхъ, который особенно чутокъ къ наблюденью, и несмотря на то, что наблюдаемый приостановился и пристально посмотрѣлъ на филера, послѣдній не сумѣлъ себя законспирировать и, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулся, при чемъ увидѣлъ, что наблюдаемый стоитъ и пристально смотреть на него. Въ ту же ночь на 15 апрѣля типографія и лабораторія, дѣйствительно, въ полуфантастической конспираціи, съ грандіознымъ матеріаломъ, бомбами, адской машиной и документами, была захвачена, при чемъ въ тотъ же день, 15 апрѣля, благодаря тому же наблюденью, былъ захваченъ на сходкѣ весь социаль-демократическій коллективъ, съ документами, установившими связь съ названной типографіей и лабораторіей, но никого изъ проживавшихъ при названной типографіи лицъ задержать не удалось. На другой послѣ того день филеръ, провалившій наблюдение, былъ убитъ на улицѣ революціонерами.

Матеріалъ, доставленный для «сборника», былъ изученъ въ департаментѣ полиціи и предложенъ въ ноябрѣ 1909 г. на обсужденіе особой комиссіи по реорганизаціи наружнаго наблюденья, подъ предсѣдательствомъ начальника С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія генералъ-маіора Герасимова. Школы филеровъ не учредили, но, принявъ во вниманіе указанія опыта, выработали пять инструкцій по наружному наблюденью.

Воспоминанія.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА III ¹⁾.

I.

Вечеромъ 4-го февраля я уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Куликовскій вышелъ изъ состава организаціи. Дора Бриллиантъ уѣхала въ Харьковъ. Мойсеенко, продавъ лошадь и сани, присоединился къ ней.

Въ Петербургѣ я увидѣлъ Швейцера. Онъ подтвердилъ то, что раньше, въ Москвѣ, рассказывалъ Тютчевъ. Петербургскій отдѣлъ, ослабленный арестомъ Маркова и Басова, и исчезновеніемъ «Саши Бѣлостокскаго», медленно собиралъ свѣдѣнія о Треповѣ. Наблюденіе еще было далеко не закончено, и убить Трепова не было никакой возможности. За то Швейцеръ имѣлъ свѣдѣнія о выѣздахъ великаго князя Владиміра Александровича. Свѣдѣнія эти были проверены наблюденіемъ, и Швейцеръ рѣшилъ сосредоточить всѣ силы на этомъ неожиданно новомъ дѣлѣ. Онъ сообщилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи, и я одобрилъ его. Тогда же Швейцеръ рассказалъ мнѣ о положеніи дѣла въ Кіевѣ.

Боришанскій и супруги Казакъ къ концу января установили выѣзды Клейгельса и рѣшили приступить къ покушенію. Супруги Казакъ, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, участія въ немъ не приняли. Боришанскій остался одинъ. Онъ самъ зарядилъ свою бомбу и вышелъ съ ней на Крещатикъ. Онъ ждалъ тамъ около часа, но Клейгельсъ не появлялся. Тогда онъ вернулся къ себѣ въ гостиницу. Впослѣдствіи оказалось, что Клейгельсъ выѣхалъ на нѣсколько минутъ позже, и не уйдя Боришанскій, генераль-губернаторъ былъ бы тогда же убитъ. Боришанскій еще оставался въ Кіевѣ, но было мало надежды, что онъ справится одинъ со своей задачей.

Несмотря на потерю Каляева, на неудачи Швейцера и на полное разстройство Кіевского отдѣла, Боевая Организациа представляла собой въ то время крупную силу. Убийство Плеве и затѣмъ убійство Сергѣя создали ей громаднѣйшій престижъ во всѣхъ слояхъ

¹⁾ См. „Вызвѣ“, августъ 1917 г.

населенія, правительство боялось ее, партія считала ее своимъ самымъ цѣннымъ учрежденіемъ. Съ другой стороны реальныя силы Организациі были для тайнаго общества несомнѣнно очень велики. Въ ея рядахъ былъ такой даровитый и теперь уже опытный организаторъ, какъ Швейцеръ; самый кадръ ея состоялъ изъ людей, хотя и слабыхъ численно, но испытанныхъ и скрѣпленныхъ между собой любовью къ Организациі, долговременнымъ опытомъ и преданностью террору, такихъ людей, какъ Цора Бриллиантъ, Моисеенко, Дулебовъ, Боришанскій, Ивановская, Леонтьева, Шиллеровъ и др. Денегъ было довольно, въ кандидатахъ въ Боевую Организацию тоже не было недостатка, наконецъ—и это самое главное,—мы были наканунѣ новаго, не менѣе крупнаго, чѣмъ дѣло Сергѣя, покушенія,—покушенія на великаго князя Владиміра. Можно съ увѣренностью сказать, что къ этому времени Организациа окончательно окрѣпла, отлилась въ твердую форму самостоятельнаго и подчиненнаго своимъ собственнымъ законамъ отдѣльнаго цѣлаго, т. е. достигла того положенія, къ которому естественно стремится каждое тайное общество, и которое единственно можетъ гарантировать ему успѣхъ. Сознаніе этого основнаго успѣха не покидало насъ; въ это время и Швейцеръ, несмотря на свои неудачи, твердо вѣрилъ въ будущее террора.

Убѣдившись, что въ моемъ присутствіи въ Петербургѣ нѣтъ необходимости, я рѣшилъ поѣхать въ Женеву, чтобы посоветоваться съ Гапономъ и Азефомъ о дальнѣйшихъ боевыхъ предпріятіяхъ. Я попросилъ Ивановскую сѣздить къ Моисеенко и Бриллиантъ въ Харьковъ, сообщить имъ о моемъ отъѣздѣ и предложить подождать моего возвращенія. Тогда же въ Петербургѣ я въ послѣдній разъ встрѣтился съ Татьяной Леонтьевой. Бѣлокурая, стройная, съ свѣтлыми глазами, она по внѣшности напоминала свѣтскую барышню, какою она и была на самомъ дѣлѣ. Она жаловалась мнѣ на свое тяжелое положеніе: ей приходилось встрѣчаться и быть любезной съ людьми, которыхъ она не только не уважала, но и считала своими врагами,—съ важными чиновниками и гвардейскими офицерами, въ томъ числѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи усмирителемъ Московскаго возстанія, тогда еще полковникомъ Семеновскаго полка Миномъ. Леонтьева однако выдерживала свою роль, скрывая даже отъ родителей свои революціонныя симпатіи. Она появлялась на вечерахъ, ѣздила на балы и вообще всѣмъ своимъ поведеніемъ старалась не выдѣляться изъ барышень ея круга. Она рассчитывала такимъ путемъ приобрести необходимыя намъ знакомства. Въ этой трудной роли она проявила много ума, находчивости и такта и, слушая ее, я не разъ вспоминалъ о ней отзывъ Каляева при первомъ его съ ней знакомствѣ: «эта дѣвушка настоящее золото».

Мы встрѣтились съ ней на улицѣ, и зашли въ одинъ изъ большихъ ресторановъ на Морской. Рассказавъ мнѣ о своей жизни и о своихъ планахъ, она робко спросила, какъ было устроено поку-

шеніе на великаго князя Сергѣя. Въ нѣсколькихъ словахъ я разсказалъ ей нашу московскую жизнь и самый день 4-го февраля, не называя, однако, имени Каляева. Когда я окончилъ, она, не подымая глазъ, тихо сказала:

— Кто онъ?

Я промолчалъ.

— «Поэтъ»?

Я кивнулъ головой.

Она откинулась на спинку кресла и вдругъ, какъ Дора, 4-го февраля, неожиданно зарыдала. Она мало знала Каляева и мало встрѣчалась съ нимъ, но и эти короткія встрѣчи дали ей возможность въ полной мѣрѣ оцѣнить его.

Въ Леонтьевой было много той сосредоточенной силы воли, которою была такъ богата Бриллиантъ. Обѣ онѣ были одного и того же — «монашескаго» типа. Но Дора Бриллиантъ была печальнѣе и мрачнѣе; она не знала радости въ жизни, смерть казалась ей заслуженной и долгожданной наградой. Леонтьева была моложе, радостнѣе и свѣтлѣе. Она участвовала въ террорѣ съ тѣмъ чувствомъ, которое жило въ Сазоновѣ, — съ радостнымъ сознаніемъ большой и свѣтлой жертвы. Я убѣжденъ, что если бы ея судьба сложилась иначе, изъ нея выработалась бы одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, имена которыхъ остаются въ исторіи, какъ символъ активной женственной силы.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга я, тоже въ послѣдній разъ, увидѣлся со Швейцеромъ. Онъ былъ болѣе молчаливъ, чѣмъ обыкновенно и, какъ всегда, очень сдержанъ. Онъ подробно и долго спрашивалъ меня о московскомъ дѣлѣ, желая знать всѣ детали его и мое о нихъ мнѣніе. Онъ говорилъ, что постоянное измѣненіе плана, — то на царя, то на Муравьева, то на Трепова, то на великаго князя Владиміра, какъ онъ убѣдился, мѣшаетъ работѣ. Онъ говорилъ также, что рѣшилъ готовить теперь только одно покушеніе, — на великаго князя Владиміра, и что пока оно не удастся ему, онъ не уѣдетъ изъ Петербурга.

Случайно мы заговорили о 9-мъ января и о Гапонѣ. Швейцеръ восхищался стойкостью петербургскихъ рабочихъ и также, какъ и Каляевъ, съ убѣжденіемъ говорилъ о неизбѣжномъ близкомъ расцвѣтѣ массоваго террора. Личность Гапона его глубоко интересовала, — онъ надѣялся, что имя его всколыхнетъ всю трудовую Россію. Нѣсколько разъ онъ подчеркивалъ мнѣ необходимость прочной связи партіи съ массами, но говорилъ, что задача Боевой Организациі, — отъ великихъ князей перейти къ царю, и убійствомъ царя довершить дѣло центральнаго террора. При прощаніи онъ нѣсколько измѣнилъ своей обычной сдержанности и, цѣлуя меня, сказалъ:

— Поцѣлуйте отъ меня Валентина.

Швейцеру было всего 25 лѣтъ. Онъ не успѣлъ еще проявить всѣ скрытыя въ немъ возможности. Но уже и тогда были ярко замѣтны двѣ черты его суроваго характера: сильный, на-

правленный прямо къ цѣли практическій умъ и желѣзная воля. Онъ постоянно работалъ надъ собой и общалъ въ будущемъ занять исключительно крупное мѣсто въ рядахъ террористовъ. Рѣзко бросалась въ глаза его любовь къ техническимъ знаніямъ: химіи, механикѣ, электротехникѣ. Онъ не только слѣдилъ за литературой по вопросамъ общественнымъ, въ свободные часы онъ изучалъ любимыя имъ науки.

Въ партійной тактикѣ онъ придавалъ рѣшающее значеніе террору, но, мнѣ кажется, изъ него могъ бы выработаться перво-классный общепартійный организаторъ. Какъ и Леонтьева, онъ погибъ слишкомъ рано.

II.

Въ серединѣ февраля я выѣхалъ за границу черезъ Эйтку-невъ, по паспорту Джемса Галлея. Въ Женевѣ я засталъ Азефа, Рутенберга и Гапона.

Азефъ подробно расспрашивалъ меня о Кіевѣ, Петербургѣ и Москвѣ, о всѣхъ членахъ Организациі вмѣстѣ и о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Онъ въ общемъ остался доволенъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ не придавалъ большого значенія кіевской неудачѣ. Въ этомъ же разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ, что я кооптированъ въ члены Центральнаго Комитета, а также и то, что за границей есть нѣсколько человѣкъ, желающихъ вступить въ Боевую Организацию: Левъ Ивановичъ Зильбербергъ съ женой Ксеніей Ксенофоновной, урожденной Памфиловой, Маня Школьникъ и Аронъ Шпайзманъ. Первые двое и братъ Азефа, Владимиръ, подъ руководствомъ Бориса Григорьевича Виллита, химика по образованію, изготовляли динамитъ въ нанятой ими виллѣ въ Вильфраншѣ, на югѣ Франціи. Двое другихъ жили въ Женевѣ.

Я познакомился, по указанію Азефа, съ Маней Школьникъ и съ Арономъ Шпайзманомъ. Школьникъ была портниха, Шпайзманъ, кажется, переплетчикъ. Первой было года 22, второму лѣтъ 30. Оба были родомъ изъ маленькихъ мѣстечекъ Западнаго края, оба судились осенью 1903 года по дѣлу о тайной типографіи и оба, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, были сосланы въ Сибирь на поселеніе. Они бѣжали оттуда и теперь просили принять ихъ въ Боевую Организацию.

Маня Школьникъ была хрупкая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ. Она говорила съ замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ и въ разговорѣ сильно жестикулировала. Въ каждомъ словѣ ея и въ каждомъ жестѣ сквозила фанатическая преданность революціи. Особенно возбуждалась она, когда начинала говорить о тѣхъ униженіяхъ и бѣдствіяхъ, которыя терпитъ рабочій классъ. Она показалась мнѣ агитаторомъ по призванію, но и сила ея преданности террору не подлежала сомнѣнію. Я поэтому не протестовалъ противъ ея вступленія въ Организацию.

Аронъ Шпайзманъ былъ человѣкъ невысокаго роста, съ

черными волосами и съ черными еврейскими, печальными глазами. Онъ, какъ и Маня Школьникъ, былъ по темпераменту скорѣ агитаторъ, чѣмъ террористъ, и до ссылки пользовался большою популярностью у рабочихъ.

Жили они оба очень бѣдно, съ большимъ вниманіемъ присматривались къ западно-европейскому рабочему движенію и терпѣливо ждали отъѣзда въ Россію.

Тогда же, въ Женевѣ, я впервые увидѣлъ Гапона. Гапонъ получилъ отъ Рутенберга въ Россіи женевскій адресъ В. Г. О., но, не разыскавъ ее, явился къ социаль-демократамъ. Когда я встрѣтилъ его, онъ былъ занятъ планомъ общепартійной конференціи, которая, по его мнѣнію, должна была положить начало объединенію всѣхъ партій. Онъ громко высказывалъ сочувствіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, но одинаково поддерживалъ сношенія и съ социаль-демократами, и съ анархистами, и съ Союзомъ Освобожденія, и со всѣми группами, представители которыхъ находились въ Женевѣ или въ Парижѣ.

Первое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня скорѣ отрицательное. Онъ былъ безъ бороды, и я сразу замѣтилъ несоотвѣстствіе между верхней частью его лица,—красивымъ и умнымъ лбомъ и живыми карими глазами,—и нижнею челюстью съ выдвинутымъ впередъ подбородкомъ. Первая встрѣча моя съ нимъ тоже не оставила во мнѣ хорошихъ воспоминаній.

Я встрѣтилъ его на rue de Saugue, въ квартирѣ В. І. С. Очевидно, онъ зналъ уже о моемъ участіи въ Московскомъ дѣлѣ. Поздоровавшись со мною, онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ другую комнату. Тамъ онъ неожиданно поцѣловалъ меня:

— Поздравляю.

Я удивился:

— Съ чѣмъ?

— Съ великимъ княземъ Сергѣемъ.

Одинъ только Гапонъ счелъ нужнымъ «поздравить» меня съ «великимъ княземъ».

Первое впечатлѣніе скоро разсѣялось. Я былъ подъ обаяніемъ 9-го января, видѣлъ въ «кровавомъ воскресеніи» зарю русской революціи и, какъ ни скептически относился къ революціонной готовности массъ, долженъ былъ признать значеніе и силу только что совершившагося историческаго событія. Гапонъ былъ для меня не просто бывший священникъ, отецъ Георгій, шедшій во главѣ возставшихъ рабочихъ,—я возлагалъ на него большія надежды. Онъ казался мнѣ, по впечатлѣнію 9-го января, человекомъ необычайныхъ дарованій и воли, тѣмъ человекомъ, который, быть можетъ, единственно способенъ овладѣть сердцами рабочихъ. Это заблужденіе раздѣляли со мною многіе. Только Азефъ и И. А. Рубановичъ сразу вѣрно, т. е. невысоко оцѣнили Гапона.

Болѣе близкое знакомство подтверждало предвзятое мнѣніе объ его дарованіяхъ. У него былъ живой, быстрый, находчивый

мъ; прокламаціи, написанныя имъ, при нѣкоторой ихъ грубости, показывали самобытность и силу стиля; наконецъ, и это самое главное, у него было большое, природное, бьющее въ глаза ораторское дарованіе.

Я не слышалъ его петербургскихъ рѣчей, и не могу судить о достоинствахъ ихъ. Но однажды, на одномъ изъ гапоновскихъ совѣщаній, при мнѣ произошелъ такой случай.

Одинъ изъ поволжскихъ комитетовъ россійской социаль-демократической партіи издалъ прокламацію, въ которой о Гапонѣ грубо упоминалось, какъ о «нелѣпой фигурѣ обнаглѣвшаго попа». Прокламацію эту кто то принесъ на совѣщаніе. Гапонъ прочелъ листокъ и внезапно преобразился. Онъ какъ будто сталъ выше ростомъ, глаза его загорѣлись. Онъ съ силой ударилъ кулакомъ по столу и заговорилъ. Говорилъ онъ слова, не имѣвшія не только никакого значенія, но не имѣвшія и большого смысла. Онъ грозилъ «стереть социаль-демократовъ съ лица земли», показавъ «всѣмъ рабочимъ лживость ихъ и наглость», бранилъ Плеханова и произносилъ разныя другія, не болѣе убѣдительныя фразы. Но не смыслъ его рѣчи производилъ впечатлѣніе. Мнѣ приходилось не разъ слышать Бебеля, Жореса, Себастьяна Фора. Никогда и никто изъ нихъ на моихъ глазахъ не овладѣвалъ такъ слушателями, какъ Гапонъ, и не на рабочей сходкѣ, гдѣ говорить несравненно легче, а въ маленькой комнатѣ на немногочисленномъ совѣщаніи, произнося рѣчь, состоящую почти только изъ однихъ угрозъ. У него былъ истинный ораторскій талантъ, и слушая его исполненные гнѣва слова, я понималъ, чѣмъ этотъ человѣкъ завоевывалъ и подчинилъ себѣ массы.

Присматриваясь ближе къ Гапону, я не замѣтилъ въ немъ большой и горячей любви къ революціи. Но впечатлѣніе отъ его личности оставалось неясное. Передо мною былъ человѣкъ, несомнѣнно рискнувшій своею жизнью 9-го января. Я склонялся поэтому къ мысли, что ошибаюсь и не умѣю увидѣть въ Гапонѣ той преданности идеѣ, которая есть у него въ дѣйствительности.

Я слушалъ отзывы о Гапонѣ Рутенберга, тогда еще его друга. Эти отзывы ничего мнѣ не разъясняли. Рутенбергъ характеризовалъ Гапона, какъ «бѣднаго, запутавшагося въ революціи попа, искренняго и честнаго». Я думаю, что Рутенбергъ ошибался: Гапонъ поддѣлывался подъ него и былъ съ нимъ такимъ, какимъ хотѣлъ бы!

Гапонъ много говорилъ о необходимости основать «боевой комитетъ»—особое учрежденіе, которое бы вѣдало центральный и массовой терроръ. Онъ развивалъ идею террористическаго движенія въ крестьянствѣ, и въ своихъ планахъ встрѣчалъ сочувствіе со стороны многихъ товарищей, особенно со стороны Брешковской и кн. Д. А. Хилкова. Онъ вступилъ, послѣ долгихъ переговоровъ, въ партію, и въ Россію нелегально ѣхать не собирался, ограничиваясь предсказаніями въ близкомъ будущемъ

массовыхъ вооруженныхъ выступленій и призывомъ къ ихъ подготовкѣ. Изъ партіи онъ, впрочемъ, скоро вышелъ.

Рутенбергъ тоже сочувствовалъ планамъ Гапона. Онъ тоже считалъ необходимымъ немедленно приступить къ вооруженію народныхъ массъ. Общее настроеніе было въ то время таково, что лишь немногіе смѣли высказываться противъ такого образа дѣйствій. Это меньшинство указывало, что вооруженіе народа—задача неисполнимая, ибо ни одна партія не имѣетъ достаточно силъ для ея рѣшенія. А разъ это такъ, то благоразумнѣе и въ интересахъ революціи выгоднѣе употребить назначенныя для этого силы и средства на развитіе центрального террора. Центральный комитетъ въ то время былъ очень многочисленъ. Рѣшенія принимались медленно и не всегда въ полномъ составѣ комитета. Руководящую роль играли Азефъ и Гоцъ. Отъ нихъ зависѣло многое.

Мнѣніе партійнаго большинства одержало верхъ. Было рѣшено учредить особую организацію въ цѣляхъ боевой подготовки массъ. Дѣло это было поручено Рутенбергу, и въ его распоряженіе было предоставлено три кандидата въ боевую организацію,—Александра Севастьянова, принимавшая участіе еще въ 1902 г. въ Томской типографіи, Борисъ Горнсонъ, техникъ изъ Варшавы, рекомендованный К. М. Гершковичемъ, и Ханімъ Гершковичъ, рекомендованный Н. В. Чайковскимъ. Рутенбергъ при ихъ помощи и съ тѣми лицами, которыхъ онъ кооптировалъ бы въ Россіи, долженъ былъ положить начало боевой подготовкѣ массъ. Онъ долженъ былъ приготовить квартиры для складовъ оружія въ Петербургѣ, изыскать возможность пріобрѣтенія оружія въ Россіи, получить отъ армянъ, членовъ партіи «Дашнакцутюнъ» транспортъ бомбъ, намъ ими уступленный, наконецъ выяснитъ возможность экспроприаціи въ арсеналахъ. Предполагалось, вполнѣдствіи, когда окрѣпнетъ организація въ Петербургѣ, расширить дѣятельность ея на всю Россію.—Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи была экспедиція корабля «Джонъ Крафтонъ».

Рутенбергъ, Горнсонъ, Севастьянова и Гершковичъ уѣхали въ Россію, Гапонъ уѣхалъ въ Лондонъ по дѣламъ изданія своей «Автобіографіи», за которую ему въ Англіи были обѣщаны большія деньги. Я уѣхалъ въ Ниццу къ Гоцу.

Гоцъ, помимо блестящей эрудиціи, большого ума и выдающагося организаторскаго дарованія, въ высшей степени обладалъ еще однимъ качествомъ,—чрезвычайно рѣдкимъ и снискавшимъ ему горячую привязанность всѣхъ тѣхъ, кто лично встрѣчался съ нимъ. У него была драгоцѣнная способность не только узнавать, послѣ немногихъ встрѣчъ, людей, но, индивидуализируя особенности каждаго, входить въ личное и партійное положеніе ихъ. Онъ дѣлалъ это съ такой чуткостью и любовью, съ такимъ исключительнымъ знаніемъ людей, что личное съ нимъ знакомство давало громадную нравственную поддержку. Многіе, въ томъ числѣ Каляевъ, считали себя его учениками.

Гоцъ лежалъ больной. У насъ сразу установились тѣ мягкія, нѣжныя и добрыя отношенія, секретъ которыхъ былъ только у Гоца и которыя такъ рѣдко встрѣчаются у людей, объединенныхъ общностью взглядовъ, но не симпатій и образа жизни. Отъ него я впервые узналъ о предполагаемой экспедиціи упомянутого выше корабля «Джонъ Крафтонъ».

Членъ финской партіи Активнаго Сопротивленія журналистъ Конни Циллиакусъ сообщилъ Центральному Комитету, что черезъ него поступило на русскую революцію пожертвованіе отъ американскихъ миллионеровъ въ размѣрѣ миллиона франковъ, причемъ американцы ставятъ условіемъ, чтобы деньги эти во первыхъ пошли на вооруженіе народа и во вторыхъ были распределены между всѣми революціонными партіями безъ различія программ¹⁾.

Центральный комитетъ принялъ пожертвованіе на этихъ условіяхъ, за вычетомъ 100 тысячъ франковъ, которыя деньгами поступили въ боевую организацію.

На американскія деньги рѣшено было снарядить нагруженный оружіемъ корабль, который долженъ былъ доставить свой грузъ революціоннымъ партіямъ, выгружая его постепенно на Прибалтійскомъ побережьи и въ Финляндіи. На имя норвежскаго купца, въ Англіи былъ приобретенъ корабль «Джонъ Крафтонъ». Онъ принялъ грузъ исключительно изъ оружія и взрывчатыхъ веществъ, и съ командою, главнымъ образомъ изъ шведовъ, лѣтомъ 1905 года ушелъ въ море. На кораблѣ находился, въ качествѣ завѣдующаго взрывчатыми веществами, упомянутый уже мною химикъ В. Г. Виллитъ. «Джонъ Крафтонъ» не выполнилъ своего назначенія. Онъ сѣлъ на скалу у острова Кеми въ Ботническомъ заливѣ, и былъ взорванъ своею командою. Часть оружія была предварительно выгружена на островъ и тамъ въ послѣдствіи найдена пограничною стражею. Оружіе это было въ дни октябрьской забастовки отобрано финскими революціонерами и роздано по рукамъ финскимъ крестьянамъ.

Я не принималъ никакого участія въ снаряженіи «Джона Крафтона», и зналъ объ этой экспедиціи только со словъ товарищей. Я не участвовалъ также въ попыткѣ боевой подготовки массъ, если не считать моего присутствія на нѣсколькихъ совѣщаніяхъ и покупки мною въ Антверпенѣ въ маѣ 1905 года транспорта револьверовъ, предназначенныхъ для Россіи.

Живя въ Ниццѣ и проводя большую часть времени у Гоца, я былъ нѣсколько разъ въ Вильфраншѣ, въ химической лабораторіи Виллита, Владимира Азефа и супруговъ Зильбербергъ, болѣе извѣстныхъ въ революціонной средѣ подъ именемъ «Серебровыхъ».

Лабораторія помѣщалась въ стоявшей особнякомъ двух-

¹⁾ Въ послѣдствіи въ „Новомъ Времени“ появилось извѣстіе, что пожертвованіе это было сдѣлано не американцами, а японскимъ правительствомъ. Конни Циллиакусъ опровергалъ это, и центральный комитетъ не имѣлъ основаній отнестись съ недовѣріемъ къ его словамъ.

этажной виллѣ, и прислугой при ней была Рашель Владиміровна Лурье. Лурье и Виллпта я встрѣчалъ раньше въ Женевѣ, Зильберберговъ я увидалъ въ первый разъ.

Левъ Ивановичъ Зальбербергъ, бывшій студентъ Московскаго Университета, уже побывавшій въ Сибири, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25. Онъ былъ хорошо сложенъ, мускулистъ и широкоплечъ. По характеру онъ принадлежалъ къ тому же типу людей съ твердыми убѣжденіями и твердой волей, къ какому принадлежалъ и Швейцеръ. Онъ былъ математикъ по образованію, и съ любовью занимался прикладными науками. Отъ его скупыхъ словъ вѣяло той же силой, какая чувствовалась въ замкнутости Швейцера. Жена его Ксенія, или по партійной кличкѣ «Ирина», была тоже замкнута и молчалива. Такъ же замкнута и молчалива была и Рашель Лурье.

Еще въ Женевѣ изъ газетъ мы узнали о смерти Швейцера. Швейцеръ, подъ фамиліей Артура Генри Мюръ Макъ-Куллоха погибъ въ ночь на 26 февраля 1905 г. въ гостиницѣ «Бристоль» въ Петербургѣ такой же смертью, какой умеръ Покотилонъ 31 марта 1904 г. въ «Сѣверной Гостиницѣ». Онъ заряжалъ бомбы для покушенія на великаго князя Владиміра Александровича. По поводу его смерти въ № 61 «Револлюціонной Россіи» появилась слѣдующая замѣтка:

«Въ ночь на 21 февраля въ С.-Петербургѣ въ меблированныхъ комнатахъ «Бристоль» погибъ отъ случайнаго взрыва членъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ».

Официальный документъ такъ описываетъ смерть Швейцера:

«...Въ ночь на 26 февраля 1905 г. въ г. Петербургѣ, въ меблированныхъ комнатахъ «Бристоль», помѣщающихся въ д. № 39—12 на углу Морской и Вознесенскаго проспекта произошелъ приблизительно часа въ 4 утра взрывъ въ комнатѣ № 27. Силой взрыва въ означенномъ домѣ, по фасаду, обращенному къ Исаакіевскому скверу, во всѣхъ четырехъ этажахъ выбиты стекла въ 36 окнахъ. Прилегающая часть Вознесенскаго проспекта (панель и часть мостовой) въ безпорядкѣ завалены досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силой взрыва изъ разрушенныхъ помѣщеній. Часть этихъ вещей перекинуло черезъ всю ширину проспекта (37 шаговъ) въ Исаакіевскій Соборъ, въ которомъ на протяженіи 16 шаговъ повалило даже чугунную рѣшетку въ трехъ пролетахъ. Взрывомъ произвело болѣе или менѣе значительное разрушеніе въ прилегающихъ къ комнатѣ № 27 номерахъ 25, 26 и 24-омъ въ корридорѣ, соединяющемъ эти номера, а также въ прилегающемъ къ № 27-ому ресторанѣ Мишель. Замѣтное разрушеніе произвелъ взрывъ и въ меблированныхъ комнатахъ въ 3 этажѣ, расположенныхъ надъ комнатой № 27, а также въ комнатахъ, расположенныхъ въ 1-омъ этажѣ.

Номеръ 27 носилъ слѣды полного разрушенія; состоялъ онъ изъ комнаты, въ 6 аршинъ 5 вершковъ вышины, съ двумя окнами и дверью въ корридоръ. Стѣны въ этой комнатѣ оказа-

лись частью разрушенными, частью выпученными наружу. Штукатурка потолка и карнизовъ растрескалась и мѣстами обвалилась. Въ окнахъ всѣ стекла и рамы выбиты и разрушены. Подоконникъ и часть рамы окна, ближайшаго къ ресторану Мишеля, обуглены, какъ равно и обои въ этомъ мѣстѣ. Въ амбразурѣ второго окна, на штукатуркѣ откосовъ и въ остаткахъ рамы имѣются выбоины, а откосъ окна забрызганъ кровью. Печка частью разрушена. Полъ комнаты сплошь покрытъ обломками деревянной перегородки, отдѣлявшей сосѣдній номеръ, штукатурки и мебели. Металлическая кровать съ двумя матрасами, стоявшая у капитальной стѣны, отдѣлявшей ресторанъ Мишеля, въ безпорядкѣ, и засыпана штукатуркой; на ней въ скомканномъ видѣ лежали двѣ подушки, двѣ простыни, два байковыхъ одѣяла, № газеты «Neue Freie Presse» отъ 24 февраля и книги на французскомъ языкѣ. У капитальной стѣны, прилегающей къ свѣтовому дворику стояли комодъ и шкафъ, отъ которыхъ послѣ взрыва остались только обломки заднихъ стѣнъ. У капитальной стѣны, выходящей на Вознесенскій проспектъ стояли: письменный столъ, трюмо и этажерка, но отъ этихъ вещей не осталось даже слѣда. У капитальной стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились комодъ и шкафъ, на грудѣ обломковъ досокъ и мебели, въ разстояніи одного аршина отъ стѣны, лежалъ обезображенный трупъ мужчины. Голова его, обращенная къ окнамъ, откинута назадъ, такъ что открыта шея, лицо обращено прямо къ окнамъ. Туловище лежитъ спиной къ низу. Грудная полость совершенно открыта спереди, въ правой ея половинѣ ничего нѣтъ, позвоночникъ въ грудной и отчасти въ брюшной полости открытъ. Изъ лѣвой половины грудной полости видны оба легкія. Въ связи съ головой сохранились части плечевого пояса съ прилегающими мышцами, а также руки безъ кистей и части предплечья. Брюшная полость совершенно разорвана; сердце было найдено среди обломковъ мышцъ въ области лѣваго плечевого сустава. Правая нога съ частью таза лежитъ параллельно туловищу; на ней имѣются остатки нижняго бѣлья. Лѣвая нога съ частью тазовой кости лежитъ на разрушенной стѣнѣ, служившей перегородкой между 26 и 27 номерами. Части пальцевъ и мягкихъ частей тѣла были найдены въ Исаакіевскомъ скверѣ. Въ комнатѣ № 27 были найдены вещи, принадлежавшія погибшему отъ взрыва: иностранный паспортъ на имя Великобританскаго подданнаго Артура Генри Мюръ Макъ-Куллоха и различные предметы, составляющіе, по видимому, части разорвавшагося снаряда. Эти послѣдніе были изслѣдованы экспертомъ, который, на основаніи результатовъ изслѣдованія, далъ слѣдующее заключеніе: взорвавшійся снарядъ былъ устроенъ такъ, что могъ употребляться, какъ метательный снарядъ. Оболочка его была легкая, изъ жести, 0,3 мил. Разрывной зарядъ снаряда составлялъ магnezіальный динамитъ, приближающійся по силѣ къ гремучему студню, наиболѣе сильному изъ нитроглицериновыхъ препаратовъ. Взрывъ произошелъ отъ

взрывчатого вещества детонатора, помещенного въ детонаторской трубкѣ снаряда, повидимому, гремучей ртуті. Самъ снарядъ могъ быть значительныхъ размѣровъ для ручного снаряда и допускалъ наполненіе зарядомъ взрывчатого вещества въ количествѣ 4—5 фунтовъ.

...Судя по расположенію наиболѣе глубокихъ и обширныхъ поврежденій въ области передней поверхности туловища и на нижнемъ отдѣлѣ верхнихъ конечностей, принимая во вниманіе расположеніе ожоговъ, слѣдуетъ полагать, что въ моментъ взрыва покойный былъ обращенъ ближе всего передней и нижней частью туловища къ снаряду; на примѣръ, если онъ стоялъ у стола, на которомъ разорвался снарядъ. Судя же по остаткамъ одежды на трупѣ, можно думать, что въ моментъ взрыва покойный былъ одѣтъ только въ бѣлье. Взрывъ повидимому произошелъ у окна, и силою взрыва тѣло Макъ-Куллона было брошено на противоположную капитальную стѣну и вверхъ, гдѣ имѣются обильные слѣды крови въ видѣ мазковъ и брызгъ; отсюда, въ силу тяжести, оно упало на мѣсто, гдѣ было найдено. Смерть наступила моментально (см. «Дѣло о покушеніи 16 лицъ на жизнь генерала Трепова»).

Максимиліанъ Ильичъ Швейцеръ родился 2-го октября 1881 года въ Смоленскѣ въ зажиточной купеческой семьѣ. Въ 1889 году онъ поступилъ въ Смоленскую гимназію и уже ученикомъ 7-го класса принялъ участіе въ революціонной работѣ. По окончаніи курса въ гимназіи онъ, въ 1897 году уѣхалъ въ Москву, въ Университетъ, гдѣ слушалъ лекціи на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Въ 1899 году онъ былъ сосланъ по студенческому дѣлу въ Якутскую область, по возвращеніи откуда отбывалъ надзоръ у родителей въ Смоленскѣ. Въ ссылкѣ его убѣжденія окончательно опредѣлились, и онъ тогда уже мечталъ о поѣздкѣ за границу для изученія химіи взрывчатыхъ веществъ. Тогда же онъ примкнулъ къ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Въ 1903 году онъ уѣхалъ за границу и вступилъ въ боевую организацію, гдѣ и работалъ до своей смерти.

Сохранилось характерное письмо его къ матери изъ Сибири. Родители его подали въ 1902 году прошеніе о помилованіи его. Онъ былъ конечно противъ такого прошенія и отвѣтилъ на него официальнымъ отказомъ отъ всякаго снисхожденія, посланнымъ имъ въ департаментъ полиціи. Объ этомъ отказѣ онъ и пишетъ въ своемъ письмѣ:

Мама, 14 сентября 1902 г.

Дорогая мама.

Сегодня получилъ твое письмо отъ 13 августа, и очень, очень мнѣ было больно читать его, больно было мнѣ во-первыхъ оттого, что ты меня такъ поняла, а во-вторыхъ и оттого, что я доставляю тебѣ столько горя. Напрасно ты думаешь, что я изъ-за

холода позабылъ тебя. Наоборотъ, теперь я еще болѣе почувствовалъ, какъ ты мнѣ дорога. Ни холода, ни многіе годы не заставляютъ меня позабыть тебя, но какъ бы я тебя ни любилъ, какъ бы ни былъ привязанъ къ тебѣ, иначе я поступить не могъ. Я зналъ, что доставляю тебѣ своимъ поступкомъ большое горе, и не недостатокъ мужества, какъ ты пишешь, было то, что я не извѣстилъ тебя прямо объ этомъ, а просто хотѣлъ, чтобы тебѣ сообщили это извѣстіе помягче.

Мнѣ хотѣлось бы поговорить о нашихъ отношеніяхъ, дорогая мама. Ты и папа меня горячо любите, хотите мнѣ больше, чѣмъ кто либо, добра. Я горячо люблю васъ и привязанъ, только не умѣю проявлять эту любовь такъ, какъ другіе, я тоже не хочу себѣ зла и желаю себѣ только хорошаго. Казалось бы между нами не можетъ быть никакихъ разногласій, но дѣло въ томъ, что добро то мы понимаемъ различно. Вы выросли въ однихъ условіяхъ, я въ другихъ. Вы желаете мнѣ хорошую жену, большое состояніе, безмятежное семейное счастье, положеніе въ обществѣ. Что касается меня, то я чувствовалъ бы себя несчастнымъ отъ такой жизни. Я не могъ бы прожить и одинъ годъ, и я добро понимаю иначе, чѣмъ вы. Вотъ почему между нами такъ часто проходятъ облака, вотъ почему мнѣ такъ часто приходится заставлять тебя страдать. Мамочка, какъ ты не понимаешь, что то, что я дѣлаю, доставляетъ мнѣ удовлетвореніе. Это одно изъ условій счастья, и разъ ты мнѣ желаешь добра, ты не должна горевать. Когда я послалъ прошеніе отъ 12 іюля, у меня камень свалился съ сердца и я почувствовалъ сильное облегченіе, и если бы, благодаря твоему прошенію о помилованіи, меня вернули бы, въ то время, какъ всѣ мои товарищи оставались бы здѣсь, я бы не могъ смотрѣть въ глаза ни одному честному человеку, и я чувствовалъ бы себя крайне несчастнымъ. Не знаю, доставило ли бы тебѣ, мама, такое мое положеніе удовлетвореніе.

Я не касаюсь здѣсь общихъ вопросовъ, побудившихъ меня подать это прошеніе. Если, мама, я буду поступать во всемъ такъ, какъ ты лично хочешь, мнѣ придется ломать себя. Будемъ же, мама, любить другъ друга по прежнему, и позволь мнѣ, мама, жить такъ, какъ я хочу.

Лишь при послѣднемъ условіи я могу быть счастливъ, и вѣдь этого ты хочешь. Брось, мама, скверныя мысли въ сторону, 3½ года срокъ небольшой, пролетитъ быстро, и я вернусь къ тебѣ такимъ же, какъ и раньше, только болѣе старшій и въ разлукѣ болѣе опѣнившій твою любовь ко мнѣ и тебѣ самой. Этотъ же случай тутъ только крѣпче свяжетъ насъ другъ съ другомъ. До свиданія, дорогая мама, цѣлую тебя крѣпко, крѣпко. Твой горячо любящій тебя

М. Швейцеръ.

Въ лицѣ Швейцера боевая организація лишилась одного изъ наиболѣе цѣнныхъ своихъ членовъ.

III.

Узнавъ о смерти Швейцера и полагая, что смерть эта может гибельно отразиться на всемъ Петербургскомъ отдѣлѣ, я сказалъ Азефу, что по моему мнѣнію, намъ обоимъ необходимо ѣхать немедленно въ Петербургъ. Азефъ былъ согласенъ со мной, но заявилъ, что ему нужно закончить сперва дѣла за границей. Я уѣхалъ къ Гоцу, и въ ожиданіи прошло недѣли двѣ-три. Въ серединѣ марта я неожиданно прочелъ во французской газетѣ, что въ Петербургѣ арестованы члены боевой организаціи. Въ числѣ названныхъ фамилій была и моя. Какъ оказалось впоследствии, полиція, арестовавъ Мойсеенко, приняла его за меня.

Вскорѣ выяснилось слѣдующее:

16 и 17 марта въ Петербургѣ и въ Москвѣ были арестованы извожники — Агаповъ (Дулебовъ) и Борисъ Подвицкій и посыльный Трофимовъ, да еще: Василій Шиллеровъ, Прасковья Волошенко-Ивановская, Борисъ Мойсеенко, Сергѣй Барыковъ, Яковъ Загородній, Анна Надеждина, Татьяна Леонтьева, Надежда Барыкова, Моисей Шнееровъ, Моисей Новомейскій, Михаилъ Шерговъ, Сура Эфрусси и Фейга Кацъ. Кроме того, на станціи Малкинъ С.-Петербургско-Варшавской жел. дор. былъ задержанъ Боришанскій, подъ фамиліей Подновскаго.

У Боришанскаго и у Леонтьевой былъ найденъ динамитъ. Трофимовъ же при арестѣ оказалъ вооруженное сопротивленіе.

Смертью Швейцера и арестами 16 и 17 марта начинается новый періодъ въ исторіи боевой организаціи. Впоследствии она никогда уже не достигала такой силы и такого значенія, какими пользовалась въ промежутокъ времени отъ 15 іюля 1904 г. до февраля 1905 г. Причины ея постепеннаго упадка были многочисленны, и одной изъ важнѣйшихъ, тогда намъ неизвѣстной, было появленіе въ центральномъ комитетѣ провокатора. Провокаторъ этотъ сумѣлъ почти на годъ остановить дѣло центрального террора.

30 іюня 1905 г. въ Петербургѣ былъ арестованъ и 20 августа за вооруженное сопротивленіе полиціи казненъ одинъ изъ товарищей, уѣхавшихъ вмѣстѣ съ Рутенбергомъ въ Россію—Хаимъ Гершковичъ. Рутенбергъ еще до его ареста вернулся за границу. Почти одновременно съ нимъ пріѣхалъ и членъ центрального комитета Тютчевъ. Они намъ рассказали слѣдующее:

Послѣ смерти Швейцера боевая организація въ Петербургѣ осталась безъ руководителя. Члены ея, какъ и можно было ожидать, рѣшили дѣло не ликвидировать. Во главѣ организаціи сталъ коллективъ, состоявшій изъ Ивановой, Леонтьевой, недавно пріѣхавшаго въ Петербургъ Барыкова и др. Не говоря уже о томъ, что коллективное начало въ террорѣ нужно признать вреднымъ, ибо оно предполагаетъ многочисленныя и долгія совѣщанія,—коллективъ этотъ состоялъ изъ людей, для руководства организаціей недостаточно опытныхъ и, кроме того, сносился еще съ Тютче-

вымъ, тоже незнакомымъ съ техникой боевыхъ предпріятій. Коллективъ рѣшилъ оставить покушеніе на великаго князя и продолжать дѣло на Трепова. Я думаю, что, несмотря на несовершенство своего внутреннего устройства, на малочисленность наблюдающаго состава (Подвицкій, Дулебовъ и Трофимовъ) и на отсутствіе дисциплины, организація, поколебленная смертью Швейцера, вскорѣ все таки встала бы на ноги. Въ ней было довольно людей смѣлыхъ и энергичныхъ, или прошедшихъ школу дѣла Сергѣя (Монсеенко, Бриллиантъ) или участвовавшихъ въ покушеніи на Плеве (Ивановская, Дулебовъ). Вѣроятно, естественнымъ путемъ руководство вскорѣ перешло бы къ наиболее опытному лицу, тогда само собой возстановилась бы дисциплина и, конечно, улучшилось бы наблюденіе. Кромѣ того съ пріѣздомъ руководителя устранились бы и мелкіе недостатки и, что всего важнѣе,—появилась бы увѣренность въ своихъ силахъ. Упомянутый выше провокаторъ въ корнѣ подрывалъ всякую возможность успѣха.

Въ концѣ 1904 г. въ Петербургъ вернулся изъ ссылки Николай Юрьевичъ Татаровъ. Бывшій членъ польской социалистической партіи, онъ основалъ въ концѣ 90-хъ годовъ группу «Рабочее Знамя», и былъ однимъ изъ наиболее видныхъ нелегаловъ того періода. Онъ былъ арестованъ въ февралѣ 1901 г. въ Петербургѣ и, объявивъ въ Петропавловской крѣпости голодовку, голодалъ 22 дня. Послѣ долгаго тюремнаго заключенія онъ былъ высланъ въ восточную Сибирь на 5 лѣтъ. Ему было разрѣшено поселиться въ Иркутскѣ. Здѣсь онъ примкнулъ къ партіи социалистовъ-революціонеровъ и поставилъ комитетскую типографію. Типографія эта работала больше года и не была открыта полиціей. Срокъ ссылки Татарову былъ сокращенъ.

Революціонная репутація Татарова стояла высоко. Еще Гершуніи имѣлъ его въ виду, какъ выдающагося революціонера. Я зналъ Татарова по Варшавѣ, откуда онъ былъ родомъ, и затѣмъ встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ въ 1900—1901 г.г. на работѣ, когда онъ былъ нелегальнымъ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Тютчевъ спросилъ мое о Татаровѣ мнѣніе. Я далъ самый лучший отзывъ, и много дать не могъ: революціонное прошлое Татарова не нуждалось въ рекомендаціи, и самъ онъ былъ человекомъ крупнаго ума и большихъ дарованій.

По возвращеніи въ Россію, Татаровъ былъ официально кооптированъ въ центральный комитетъ въ Одессѣ. Въ Петербургѣ, еще до своей кооптаціи, онъ часто бывалъ у Тютчева. Вскорѣ ему стало извѣстно не только то, что Ивановская состоитъ членомъ боевой организаціи, но и адресъ ея.

Съ этого момента боевая организація была въ рукахъ полиціи, и арестъ ея былъ вопросомъ короткаго времени.

Ни Гоцъ, ни Тютчевъ, ни члены боевой организаціи, конечно, ничего не знали о роли Татарова, большинство не знало даже, что онъ состоитъ въ партіи. Только значительно позже,

когда было учреждено надъ нимъ слѣдствіе и еще послѣ его смерти,—вполнѣ выяснилось, что онъ былъ одной изъ главныхъ причинъ арестовъ 17-го марта.

Тютчевъ, рассказывая о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, даже не упоминалъ о Татаровѣ. Ему, конечно, и въ голову не приходило, что Татаровъ могъ имѣть какое либо отношеніе къ разгрому боевой организаціи, о которомъ «Московскія Вѣдомости» писали, какъ о «Мукденѣ русской революціи». Но рассказывая объ арестахъ, Тютчевъ сообщилъ подробность, тогда оставшуюся необъясненной: дня за два до 17 марта къ нему позвонилъ телефонъ, и чей то мало знакомый голосъ сказалъ: «Предупредите,—всѣ комнаты заражены». Затѣмъ телефонъ зазвонилъ отбой. Тютчевъ немедленно предупредилъ о слышанномъ Ивановскую, но Ивановская, въ тѣ дни больная, не обратила на это предупрежденіе достаточнаго вниманія.

Дальнѣйшая судьба лицъ, арестованныхъ 17 марта, была слѣдующая. Обвиненіе, возникшее противъ Басова, Агапова (Дулебова), Подвицкаго, Шиллерова, Волошенко-Ивановской, Моисеенко, Барыкова, Барыковой, Шнеерова, Загородняго, Надеждиной, Новомейскаго, Шергова, Эфрусси и Кацъ, было прекращено по манифесту 17-го октября (указомъ отъ 21-го октября), а обвиненіе по отношенію къ Леонтьевой—«за душевной болѣзью», какъ сказано въ официальномъ документѣ. Всѣ эти лица, кромѣ Агапова (Дулебова), страдавшаго въ Петропавловской крѣпости нервнымъ разстройствомъ, были освобождены. Въ боевую организацію изъ нихъ вернулись лишь Моисеенко и Шиллеровъ. Загородній былъ арестованъ въ декабрѣ 1905 г. по дѣлу о динамитной мастерской въ Петербургѣ, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна. Эфрусси приняла участіе въ террорѣ много позже, въ 1907 г. Агаповъ (Дулебовъ), нервное разстройство котораго перешло въ душевную болѣзнь, былъ переведенъ изъ крѣпости въ больницу Николая Чудотворца. Въ ноябрѣ-декабрѣ 1905 г. мы сдѣлали попытку освободить его изъ больницы, и Моисеенко велъ съ этой цѣлью переговоры съ однимъ изъ больничныхъ врачей Тропинымъ. Переговоры эти окончились неудачей, и Агаповъ, такъ и не открывъ своего настоящаго имени, умеръ въ той же больницѣ въ 1908 г. Послѣ него остался одинъ мнѣ извѣстный документъ,—письмо, написанное имъ передъ убійствомъ уфимскаго губернатора Богдановича. Вотъ оно:

«Товарищи, думаю, что мнѣ не нужно объяснять вамъ, почему я иду убивать уфимскаго губернатора, думаю, что вы хорошо понимаете, что это необходимо. Нельзя допускать, чтобы насъ давили, какъ рабовъ, нельзя допускать, чтобы нашу кровь проливали, какъ воду. А за свою свободу, за свое счастье мы должны сами бороться. Но я хочу, товарищи, сказать вамъ одно: я иду выполнить приговоръ боевой организаціи не потому, что не вѣрю въ рабочее движеніе, и сознаю, что если не будемъ наказывать разбойниковъ и палачей народа, то падетъ духъ, и мы

не будемъ двигаться впередъ. Можетъ быть скажутъ, что я повредилъ рабочему движенію своимъ поступкомъ. Могу сказать, товарищи, вредить я не хотѣлъ, думалъ много надъ этимъ, чувствую и вѣрю, что это нужно сдѣлать, потому, что за каждый мирный протестъ насъ ожидаетъ наглое издѣвательство. Выходя на демонстрацію, не поспѣемъ поднять знамя, какъ на насъ сейчасъ же налетаютъ озвѣрѣлые казаки, жандармы и шпіоны, и начинается дикая расправа: бьютъ нагайками, бьютъ пашками, топчутъ лошадьми, увозя въ участки, нагло надѣваются надъ личностью демонстрантовъ. Кто виноватъ во всѣхъ этихъ звѣрствахъ? Наши министры, генералъ-губернаторы и губернаторы. И вотъ я считаю счастьемъ, что на мою долю выпало отмстить этому извергу уфимскому губернатору. По произволу его было пролито много крови Златоустовскихъ рабочихъ. А за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей. И вотъ я отъ всей души хочу принести своимъ братьямъ пользу, и вѣрю въ это дѣло такъ же, какъ и въ наше общее дѣло. Вѣрю, что мы побѣдимъ. Вѣрю, что хищный коршунъ, т. е. царское самодержавіе, которое рветъ на части русскій народъ, не долго еще будетъ пить нашу кровь. Боритесь же, товарищи. Боритесь за благо народа, за лучшій міръ, за святую свободу. Боритесь же, товарищи, не покладая оружія до тѣхъ поръ, покуда не разлетится въ прахъ русское самодержавіе».

Идя на убійство Богдановича и оставляя это письмо, Дулебовъ не сомнѣвался, что будетъ арестованъ и казненъ. 6-го мая онъ шестью выстрѣлами изъ браунинга застрѣлилъ въ городскомъ саду Богдановича и бѣжалъ. Убійство было совершено имъ однимъ, вопреки слѣдующему заявленію, напечатанному въ № 24 «Революціонной Россіи».

«13 марта 1903 года по приказанію уфимскаго губернатора Н. М. Богдановича войска стрѣляли въ толпу забастовавшихъ рабочихъ Златоуста, не переставая преслѣдовать залпами даже бѣгущихъ. Было убито наповалъ 28 человекъ, ранено около двухсотъ, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ уже умерло отъ ранъ... Среди убитыхъ и раненыхъ оказалось не мало случайныхъ зрителей трагедіи, женщинъ и маленькихъ дѣтей...

«6-го мая, по постановленію боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, двумя ея членами убитъ уфимскій губернаторъ Н. М. Богдановичъ».

Егоръ Олимпіевичъ Дулебовъ родился въ 1883 или въ 1884 году. По происхожденію крестьянинъ, онъ работалъ слесаремъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Уфѣ. Зимой 1901 года онъ вошелъ въ революціонный кружокъ рабочихъ, во главѣ котораго стоялъ, посланный тогда подъ надзоръ полиціи въ Уфу Егоръ Сергѣевичъ Сазоновъ. Отъ Сазонова онъ и получилъ первые уроки революціоннаго социализма. Гершуни, организовавъ убійство Богдановича, выбралъ его для исполненія акта. Послѣ 6-го мая Дулебовъ перешелъ на нелегальное положеніе и скрывался въ Ека-

теринбургѣ, Саратовѣ и Баку. Въ Баку онъ работалъ въ тайной типографіи. Съ весны 1904 года, какъ я выше упоминалъ, онъ принялъ участіе въ дѣлѣ Плеве. Въ боевой организаціи всѣ товарищи относились къ нему съ большимъ уваженіемъ за его отвагу, преданность дѣлу и практическій опытъ. Ближе всѣхъ онъ былъ, кромѣ Савонова, съ Каляевымъ, Ивановской и Дорой Бриллиантъ.

Татьяна Леонтьева, вскорѣ по выходѣ изъ Петропавловской крѣпости, уѣхала за границу, чтобы черезъ Гоца отыскать боевую организацію. До меня и до Азефа дошло извѣстіе о ея желаніи снова работать. Мы высоко цѣнили Леонтьеву, но, не видя ея, не могли знать, насколько она оправилась отъ своей болѣзни. Посоветовавшись съ Азефомъ, я написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ее пожить за границей, отдохнуть и поправиться. По поводу этого письма произошло печальное недоразумѣніе. Леонтьева поняла мое письмо, какъ отказъ ей въ работѣ, т. е. приписала мнѣ то, чего я не только не думалъ, но и думать не могъ: Леонтьева была всегда въ моихъ глазахъ близкимъ товарищемъ, и для меня былъ вопросъ только въ одномъ: достаточно ли она отдохнула послѣ болѣзни. Понявъ мое письмо, какъ отказъ боевой организаціи, она примкнула къ партіи социалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ. Въ августѣ 1906 года въ Швейцаріи, въ Интерлакенѣ, во время завтрака она выстрѣлила въ старика, сидѣвшаго за сосѣднимъ съ нею столомъ. Она стрѣляла въ увѣренности, что передъ нею бывший министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново. Произошла ошибка: старикъ оказался не Дурново, а французомъ, по фамилии Мюллеръ.

Покушеніе это не было личнымъ дѣломъ Леонтьевой. Оно было организовано максималистами, и отвѣтственность за печальную ошибку не можетъ ложиться на нее цѣликомъ. Въ мартѣ 1907 года Леонтьеву судили въ Тунѣ швейцарскимъ судомъ, и приговорили къ 4 годамъ тюремнаго заключенія.

Что касается остальныхъ членовъ организаціи, арестованныхъ по обвиненію въ приготовленіи покушенія на Трепова, то 21-го ноября 1905 года петербургскій военно-окружной судъ слушалъ дѣло о Подновскомъ (Шевелѣ, Давыдовѣ, Шимановѣ, Боришанскомъ, Сидоренко (сынѣ полковника Трофимова) и Марковѣ и, признавъ ихъ виновными, приговорилъ въ каторжныя работы: Маркова на 4 года, Трофимова на 10 лѣтъ; главный военный судъ замѣнилъ десятилѣтнюю каторгу Трофимову пятнадцатилѣтней.

Судъ не вынесъ ни одного смертнаго приговора. Это объясняется исключительно политическимъ моментомъ, «днями свободъ»: реакція только готовилась къ наступленію. Если бы судъ состоялся на два мѣсяца раньше или позже, въ сентябрѣ или январѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Боришанскій, Трофимовъ и Марковъ были бы казнены.

Послѣ ареста боевой организаціи на свободѣ осталась

какъ я уже упоминалъ, только Дора Бриллиантъ. Тютчевъ, не имѣвшій на то полномочій, и Рутенбергъ, имѣвшій полномочія исключительно по боевой подготовкѣ массъ, образовали вмѣстѣ съ ней комитетъ боевой организаціи. Комитетъ этотъ ни къ какому дѣйствию не приступалъ, и вскорѣ Рутенбергъ и Тютчевъ уѣхали за границу. Дора Бриллиантъ, оставивъ свой запасъ динамита въ Полтавѣ, переехала въ Юрьевъ, гдѣ и ожидала пріѣзда кого либо изъ насъ,—меня или Азефа.

Такимъ образомъ, боевая организація въ сущности перестала существовать. Былъ Азефъ, была Дора Бриллиантъ, былъ я. Были также люди неиспытанные и мало извѣстные: супруги Зильбербергъ, Рашель Лурье, Маня Школьникъ и Аронъ Шпайзманъ, но не было единого цѣлаго, связаннаго общей работой и одной и той же идеей, не было того, что было достигнуто цѣной большихъ усилий и многихъ жертвъ. Предстояло возстановить организацію и закончить дѣло Трепова. Работы въ лабораторіи въ Виллефраншѣ приходили къ концу. Нами было принято слѣдующее рѣшеніе:

Съ наличными силами организаціи, изъ которыхъ было четыре женщины, мы не считали возможнымъ приступить къ покушенію на Трепова. Поэтому я взялъ на себя покушеніе на Клейгельса, давно признанное необходимымъ и окончившееся у Боршпанскаго неудачей. Въ мое распоряженіе поступали Зильбербергъ, Школьникъ и Шпайзманъ, причемъ Зильбербергъ не долженъ былъ принимать непосредственнаго участія въ дѣлѣ: организація была слаба, и въ Зильбербергѣ мы видѣли единственную ея крупную силу, единственнаго человѣка, способнаго, вполнѣнствіи замѣнить насъ. Школьникъ и Шпайзману, какъ евреямъ, было неудобно выступать съ бомбой въ рукахъ въ Петербургѣ. Наоборотъ, въ Кіевѣ ихъ еврейское происхожденіе только могло подчеркнуть, что убійство генераль-губернатора вызвано отчасти еврейскимъ погромомъ. Ксенія Зильбербергъ и Рашель Лурье должны были хранить динамитъ на одесскихъ лиманахъ. Азефъ бралъ на себя болѣе трудное: подборъ людей для основнаго кадра боевой организаціи, того кадра, который долженъ былъ убить Трепова. Предполагалось дѣйствовать и въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ прежнимъ методомъ—путемъ уличнаго наблюденія. Шпайзманъ долженъ былъ торговать папиросами, Школьникъ—цвѣтами.

Аресты 17 марта были поворотнымъ пунктомъ въ исторіи боевой организаціи.

IV.

Въ маѣ 1905 г., я, по паспорту бельгійскаго подданнаго Рене Токъ черезъ Волочискъ выѣхалъ въ Россію и въ Харьковѣ встрѣтился съ Зильбербергомъ. Дора Бриллиантъ была въ Юрьевѣ, Ксенія Зильбербергъ и Рашель Лурье хранили динамитъ на лиманахъ, Шпайзманъ ждалъ меня въ Вильно, Школьникъ—въ Друскеникахъ.

Начиная дѣло Клейгельса, я полагалъ, что оно не можетъ представить серьезныхъ затрудненій,—при правильной постановкѣ оно должно было окончиться вѣрнымъ и быстрымъ успѣхомъ, даже безъ непосредственного участія Зильберберга. Зильбербергу нужно было пройти школу террористическаго предпріятія. Съ этой точки зрѣнія его присутствіе въ Кіевѣ было необходимо. Повидавшись съ нимъ въ Харьковѣ, и поручивъ ему сѣздить въ западный край за паспортными бланками, я уѣхалъ къ Шпайзмону въ Вильно.

Въ Вильно я не нашелъ Шпайзмана. Нѣсколько дней подрядъ я ждалъ его на условленной явкѣ и, не дождавшись, пошелъ вопреки конспираціи въ гостиницу, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Въ гостиницѣ его не было. Я поѣхалъ въ Друскеники, надѣясь отъ Школьникъ узнать что либо о Шпайзманѣ.

Школьникъ рассказала мнѣ слѣдующее: Шпайзманъ, какъ и всѣ члены организаціи, перевозилъ динамитъ черезъ границу подъ платьемъ. Въ Александровѣ, когда онъ стоялъ въ таможенномъ залѣ, къ нему подошелъ чиновникъ и неожиданно попросилъ его въ отдѣльную комнату для подробнаго обыска. При обыскѣ былъ найденъ динамитъ, зашитый пачками въ холщевый мѣшокъ. Найденъ былъ также револьверъ. На вопросъ таможеннаго чиновника, что именно заключается въ мѣшкѣ, Шпайзманъ отвѣтилъ, что онъ фармацевтъ везетъ съ собой камфору и, не желая платить пошлину, скрылъ ее на себѣ. Ему повѣрили, но пригласили жандармскаго офицера. Офицеръ, осматрѣвъ динамитъ, тоже принялъ его за лѣкарство. Шпайзмону предложили уплатить 60 р. пошлыны, отобрали у него револьверъ, составили протоколъ и отпустили. Изъ Александрова онъ пріѣхалъ въ Вильно, ждалъ меня нѣсколько дней и, боясь обыска, уничтожилъ динамитъ. Не дождавшись меня, онъ уѣхалъ къ Школьникъ, въ Друскеники. Наканунѣ моего пріѣзда онъ снова уѣхалъ въ Вильно за деньгами. Мнѣ этотъ разсказъ не понравился. Не понравилось и уничтоженіе динамита, и самое происшествіе на границѣ. Зная, съ какимъ довѣріемъ относится къ Шпайзмону Школьникъ, я, ничего не сказавъ о своихъ впечатлѣніяхъ, предложилъ ей дождаться его въ Друскеникахъ и потомъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Кіевъ ко мнѣ.

Въ Кіевѣ я сказалъ Шпайзмону:

— Разскажите, что было съ вами на границѣ?

Онъ смутился, но повторилъ разсказъ Школьникъ.

— А какъ же вы объяснили, что у васъ есть револьверъ?—спросилъ я.

— Я сказалъ, что въ Россіи погромъ, что каждый человекъ имѣетъ право самозащиты, и что если я и виновенъ въ чемъ либо, то только въ томъ, что не имѣлъ надлежащаго разрѣшенія на храненіе оружія.

— Вамъ повѣрили?

— Да, и отобрали револьверъ.

Тонъ его рѣчи былъ правдивъ. Кромѣ того, я не имѣлъ основанія сомнѣваться въ его словахъ, наоборотъ, за границей онъ произвелъ на меня впечатлѣнiе безусловно правдиваго чело-вѣка. Я все таки спросилъ:

— При васъ былъ внутреннiй паспортъ?

— Да.

— Его нашли?

Шпайзманъ почувствовалъ въ моихъ словахъ недовѣрие. Онъ еще больше смутился.

— Нѣтъ его не нашли. Заграничный паспортъ отобрали у меня при входѣ въ дверяхъ. Внутреннiй, тоже зеленого цвѣта, остался въ карманѣ. При обыскѣ я вынулъ его и положилъ на столъ.

— И жандармы не посмотрѣли?

— Нѣтъ. Вѣроятно, они думали, что это мой заграничный паспортъ.

Я вѣрилъ Шпайзману, но исторiя была все таки странная. Особенно странно было то, что онъ уничтожилъ динамитъ. Я спросилъ его:

— Гдѣ вы уничтожили динамитъ?

— Въ Вильно.

— Почему?

— Я боялся, что отъ Александрова за мной слѣдятъ, а перемѣнить паспортъ не могъ,—другого у меня не было.

Я рассказалъ о происшествiи Шпайзмана Зильбербергу. Зильбербергъ распросилъ его со своей стороны и тоже повѣрилъ ему. Тѣмъ не менѣе, когда въ Кiевъ въ маѣ прiѣхалъ Азефъ, я сообщилъ ему обо всемъ происшедшемъ.

Азефъ покачалъ головой и сказалъ:

— А правда ли это?

Я сказалъ, что я Шпайзману вѣрю, но что это происшествiе само по себѣ настолько невѣроятно, что если бы рассказывалъ не Шпайзманъ, а кто либо другой, то я бы не повѣрилъ ни одному слову.

Азефъ опять покачалъ головой.

— А не испугался ли онъ? Не выбросилъ ли онъ динамитъ еще въ Вѣнѣ, а потомъ придумалъ всю эту исторiю? Я его разспрошу.

Азефъ самъ распросилъ Шпайзмана. Впослѣдствiи, Шпайзманъ уже передъ смертью, изъ тюрьмы, передавалъ намъ, что исторiя на границѣ вѣрна отъ слова до слова.

Зильбербергъ вернулся съ сотней паспортныхъ бланковъ. Онъ ихъ купилъ въ городѣ Слонимѣ. Я сдѣлалъ паспорта для Школьникъ и Шпайзмана, и они, поселившись вмѣстѣ, занялись уличной торговлей. Онъ продавалъ папирсы, она цвѣты. На Крещатицкѣ не воспрепятствовала торговля въ разность, и наблюдать было чрезвычайно удобно: нужно было только занять мѣста недалеко отъ Институтской улицы, гдѣ находился домъ генераль-

губернатора. Я предложилъ Шпайзману торговать у Купеческаго сада, чтобы видѣть Клейгельса, если онъ поѣдетъ на Подоль на пароходную пристань. Школьникъ наблюдала правѣе Институтской, на углу Анненской, и не могла пропустить выѣзда въ городъ или на вокзалъ. Регулярныхъ выѣздовъ у Клейгельса быть не могло, и мы рѣшили, поэтому, выяснивъ его вѣщность, приступить къ покушенію въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ по обязанностямъ службы бывалъ въ соборѣ,—напримѣръ, въ царскій день. По принятому нами плану, Школьникъ и Шпайзманъ должны были наблюдать съ 9-ти утра до 12 ч. дня и съ 1 ч. до 8-ми вечера. Трудно было предположить, что Клейгельсъ послѣ 8-ми вечера можетъ выѣзжать куда либо, кромѣ театра. Намъ же было извѣстно изъ просмотрѣнныхъ за годъ газетъ, что въ театрахъ онъ бывалъ исключительно рѣдко.

Зильбербергъ и я тоже старались гулять по Крещатику. Вскорѣ намъ обоимъ удалось увидѣть Клейгельса. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ. Этимъ устранялась возможность ошибки при покушеніи.

Однажды въ іюнѣ я, по обыкновенію, бродилъ по Крещатику. Вдругъ неожиданно я услышалъ за собой голосъ:

— Позвольте васъ на минуту.

Я былъ увѣренъ, что это филеръ. Кто же могъ обратиться ко мнѣ съ такими словами? Я обернулся. Передо мной стоялъ Дыдынскій.

Мы зашли съ нимъ въ кондитерскую. Тамъ Дыдынскій разсказалъ мнѣ свою исторію—какъ онъ вскрылъ себѣ жилы въ банѣ, какъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Кіевъ. Кончилъ онъ просьбой принять его вновь въ боевую организацію.

Я сказалъ:

— Слушайте, Дыдынскій, неужели вы думаете, что товарищи теперь согласятся на это?

Онъ опустилъ голову. Я продолжалъ:

— Я первый не соглашусь. Въ сущности, вы вѣдь совершили преступленіе противъ организаціи.

Тогда Дыдынскій сказалъ:

— Я не могу жить. Я рѣшилъ такъ или иначе убить Клейгельса. Я убью его одинъ, если вы не поможете мнѣ.

Я сказалъ ему, что мы, конечно, будемъ привѣтствовать убійство Клейгельса, кто бы его ни убилъ. Онъ спросилъ:

— А на судѣ могу я назвать себя членомъ боевой организаціи?

Я сказалъ:

— Слушайте, оставимъ это: вы не убьете Клейгельса. Не думайте больше о террорѣ: вѣдь не всякій обязанъ стрѣлять и бросать бомбы. Работайте лучше въ мирной работѣ.

Дыдынскій настаивалъ на своемъ. Онъ говорилъ, что пойдетъ на Клейгельса одинъ, что онъ не нуждается въ помощи и не проситъ ея, что ему нужно одно: имѣть право назвать себя на

судѣ членомъ боевой организаціи. Онъ говорилъ также, что чувствуетъ свою вину передъ товарищами по дѣлу Целеве и хочетъ ее загладить. Въ случаѣ неудачнаго покушенія онъ, по его словамъ, будетъ молчать на судѣ.

Выслушавъ его, я сказалъ:

— Мы вамъ ни позволить, ни запретить убить Клейгельса не можемъ. У васъ есть револьверъ, вы легко, какъ человѣкъ легальный и со связями въ Кіевѣ, можете добиться приѣма у генераль-губернатора, это ваше дѣло. Но помогать мы вамъ не будемъ, и встрѣчаться съ вами я не хочу. Если же вы убьете Клейгельса,—можете назвать себя членомъ боевой организаціи. Еще скажу вамъ слѣдующее: никакихъ приготовленій ваше покушеніе не требуетъ,—вы его можете совершить въ любой день приѣма у Клейгельса. Даю вамъ срокъ три недѣли: если черезъ три недѣли Клейгельсъ не будетъ убитъ, я буду считать, что вы сегодня ничего мнѣ не говорили.

Черезъ три недѣли Клейгельсъ не былъ убитъ. А еще черезъ нѣсколько дней я опять встрѣтилъ Дыдынского на Крещатику. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня.

V.

Гуляя часто по Крещатику въ тѣ часы, когда Шпайзманъ и Школьникъ должны были наблюдать за Клейгельсомъ, я рѣдко видѣлъ ихъ на мѣстахъ. Особенно рѣдко бывалъ на посту Шпайзманъ. Встрѣчаясь съ ними по вечерамъ, въ Царскомъ саду или гдѣ нибудь въ трактирѣ, я не разъ высказывалъ имъ свое удивленіе. Они объясняли свое отсутствіе разными причинами: то Шпайзманъ былъ нездоровъ, то у Школьникъ болитъ голова отъ уличнаго шума и т. п. Мнѣ казалось, однако, что они что-то отъ меня скрываютъ. То же самое впечатлѣніе было у Зильберберга, который часто присутствовалъ при нашихъ встрѣчахъ. Было странно, что наблюденіе тянется уже мѣсяцъ, а наблюдающіе систематически—еще не видѣли Клейгельса, между тѣмъ, какъ Зильбербергъ и я, наблюдая случайно, уже встрѣчали его. Эта загадочность въ поведеніи Школьникъ не соответствовала моему представленію о ней, какъ о фанатикѣ революціи, какъ о человѣкѣ, который во имя террора готовъ на всякую жертву. Однажды я вызвалъ ее на свиданіе одну, безъ Шпайзмана, и откровенно высказалъ ей свое мнѣніе: я сказалъ ей, что лучше бросить дѣло совсѣмъ, чѣмъ вести его такимъ образомъ. Когда я окончилъ, я увидѣлъ на глазахъ ея слезы. Сильно жестикулируя, она заговорила со своимъ типичнымъ еврейскимъ акцентомъ:

— Ну, хорошо... Я вамъ скажу все... Только Бога ради пусть не знаетъ Аронъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Аронъ мнѣ не позволяетъ.

— Слѣдить?

Она закрыла глаза руками:

— Онъ не хочетъ, чтобы я бросила бомбу...

Для меня это было неожиданностью: я никогда не подозрѣвалъ, что Шпайзманъ можетъ по какимъ бы то ни было причинамъ противиться покушенію. Я сказалъ:

— Но вѣдь не вы будете бросать бомбу, а онъ. Вы вѣдь будете только въ резервѣ.

— Все равно. Онъ не хочетъ и этого.

Я тоже не хотѣлъ этого. Но выбора не было: нужно было идти либо Школьникъ, либо Зильбербергу. Кромѣ того, я надѣялся, что Клейгельсъ будетъ убить первой бомбой: бомбы были сдѣланы Зильбербергомъ, и на Крепчатикѣ не было большого движенія; ничто не могло помѣшать метальщику подбѣжать къ коляскѣ. Я сказалъ:

— А вы,—вы этого хотите?

Она подняла на меня свои заплаканные глаза.

— Вы спрашиваете. Какъ вы можете спрашивать?

Черезъ нѣсколько дней я сказалъ Шпайзману:

— Я васъ не вижу на улицѣ... Можетъ быть, вы не хотите слѣдить?

Онъ смутился.

— По правдѣ сказать, я думаю не о Клейгельсѣ.

— А о комъ?

— О Треповѣ.

— Но вы вѣдь знаете,—мы съ вами уже говорили,—для дѣла Трепова нужна большая организація, а ея пока нѣтъ, и, кромѣ того, вамъ, какъ еврею, неудобно выступать въ Петербургѣ.

— Да... Но что же такое Клейгельсъ?

Я сказалъ ему, что онъ зналъ заранѣе, что будетъ участвовать въ покушеніи именно на Клейгельса, и заранѣе соглашался на это, даже просилъ объ этомъ. Я сказалъ также, что принуждать его мы, конечно, не можемъ, и что если онъ не хочетъ работать въ Киевѣ, то организація вернетъ ему немедленно свободу дѣйствій.

Шпайзманъ смутился еще больше:

— Вы мнѣ предлагаете уйти изъ организаціи?

— Нѣтъ, я только не хочу васъ принуждать.

Онъ колебался минуту.

— Хорошо. Я иду на Клейгельса.

Такіе разговоры начали возбуждать во мнѣ сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла. Я узналъ отъ Школьникъ, что Шпайзманъ продолжаетъ уговаривать не слѣдить, и что дѣло доходитъ даже до того, что онъ силой готовъ ей мѣшать работать. Я рассказалъ обо всемъ Азефу, съ которымъ встрѣтился въ концѣ іюня въ Харьковѣ.

— Ну, значитъ ничего изъ покушенія не выйдетъ, сказалъ онъ, подумавъ. Лучше ликвидировать дѣло.

Я совѣтовалъ подождать еще до 15-го іюля, дня св. Владимира, и 30-го — рожденія наследника. Была надежда, что въ эти

дни Клейгельсъ поѣдетъ въ соборъ. Азефъ не протестовалъ. Вернувшись въ Кіевъ, я, на свиданіи, прямо поставилъ Школьникъ и Шпайзману вопросъ, желаютъ ли они участвовать въ покушеніи на Клейгельса 15-го или 30 іюля.

Шпайзманъ сказалъ:

— Но мы еще не видѣли Клейгельса.

Я отвѣтилъ, что времена довольно, и они, наблюдая, сумѣютъ увидѣть его. Тогда Шпайзманъ сказалъ:

— Я бы предпочелъ Трепова.

Но Школьникъ перебила его:

— Мы рѣшили Клейгельса и пойдѣмъ на него.

Я видѣлъ, что Шпайзманъ на Клейгельса не поидетъ. Устраивать покушеніе съ одною Школьникъ я, по многимъ причинамъ, не хотѣлъ. Дать бомбу Зильбербергу я не имѣлъ права, да если бы и имѣлъ, то не сдѣлалъ бы этого, считая нецѣлесообразнымъ при слабости организаціи жертвовать наиболѣе цѣннымъ работникомъ для провинціального дѣла.

Покушеніе на Клейгельса не состоялось ни 15, ни 30 іюля: Шпайзманъ отъ него отказался, и мы съ нимъ разстались. Разстались мы и со Школьникъ, хотя наша увѣренность въ ея преданности террору не поколебалась. На прощанье Шпайзманъ сказалъ:

— А вы дадите мнѣ бомбу, если я васъ объ этомъ буду просить?

— Зачѣмъ вамъ бомба?

— Быть можетъ, я пойду на провинціальное дѣло.

Я удивился.

— Слушайте, Аронъ, для васъ Клейгельсъ слишкомъ ничтоженъ, вы хотите Трепова, не меньше, — и рѣшаетесь на провинціальное дѣло?

— Я этого не сказалъ, я хотѣлъ только знать, дадите ли вы мнѣ бомбу.

Я отвѣтилъ, что бомбы ему не дамъ: распоряжаться динамитомъ внѣ предѣловъ организаціи я не имѣю права.

Я думаю до сихъ поръ, что Шпайзману было все равно, въ какомъ покушеніи участвовать: въ покушеніи на Трепова или на Клейгельса. Думаю также, что онъ, отказываясь отъ Кіевского дѣла, не имѣлъ въ виду сохранить свою жизнь: его готовность пожертвовать ею уже тогда не подлежала сомнѣнію. Но мнѣ кажется, что онъ въ то время еще не могъ примириться съ участіемъ Школьникъ въ террористическомъ актѣ, а примирился съ нимъ много позже, оставивъ нашу организацію.

Дѣйствительно, черезъ вѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ 1906 года, въ Черниговѣ было произведено покушеніе на жизнь мѣстнаго губернатора Хвостова. Впослѣдствіи оказалось, что его устроили Маня Школьникъ и Аронъ Шпайзманъ. Бомба Шпайзмана не разорвалась, бомбою Школьникъ губернаторъ былъ раненъ. Военно-окружный судъ приговорилъ Шпайзмана къ смертной казни, и онъ былъ тогда же повѣшенъ; Школьникъ получила

20 лѣтъ каторжныхъ работъ. Такъ окончили они свою революціонную карьеру.

При свиданьяхъ со мною Азефъ рассказывалъ мнѣ о ходѣ своей работы. Она подвигалась медленно. Годныхъ для боевой работы людей было въ партіи мало. Азефъ отыскалъ пока одного нелегальнаго партійнаго работника, бывшаго дворника въ тайной Иркутской типографіи, Петра Иванова. Ивановъ пріѣхалъ въ Кіевъ.

Ивановъ былъ небольшого роста, очень застѣнчивый и молчаливый юноша лѣтъ 22. Было рѣшено, что онъ поѣдетъ въ Петербургъ и устроится тамъ извозчикомъ.

Ивановъ сталъ первымъ извозчикомъ въ возобновленномъ дѣлѣ Трепова, и оставался имъ цѣлый годъ, съ осени 1905 года по осень 1906 г.

Тогда же Азефъ сообщилъ мнѣ, что бывший членъ «Народной Воли», бѣжавшая съ поселенія Анна Васильевна Якимова желаетъ принять участіе въ боевой организаціи. Онъ звалъ меня и Зильберберга въ Нижній Новгородъ, куда должна была пріѣхать Якимова, и гдѣ, по его словамъ, тоже были подходящіе люди для дѣла Трепова. Зильбербергъ съѣздитъ въ Одессу и, рассказавъ о Кіевской неудачѣ Иринѣ и Рашель Лурье, выѣхалъ въ Нижній Новгородъ. Туда же выѣхалъ и я.

Въ Нижнемъ Новгородѣ было три кандидата въ боевую организацію: бывший студентъ Московскаго университета Александръ Васильевичъ Калашниковъ и рекомендованные имъ слесаря Сормовскаго завода, члены мѣстной боевой дружины: Иванъ Васильевичъ Двойниковъ и Федоръ Александровичъ Назаровъ. Калашниковъ былъ намъ мало извѣстенъ. Наученные кіевскимъ опытомъ, мы не рѣшились взять его и его товарищей сразу на такое ответственное дѣло, какъ покушеніе на Трепова. Мы предложили имъ сперва попытаться убить нижегородскаго губернатора барона Унтербергера. Двойниковъ и Назаровъ должны были торговать на улицѣ папиросами, а Калашниковъ долженъ былъ руководить наблюденіемъ.

Азефъ уѣхалъ по общепартійнымъ дѣламъ. Меня онъ попросилъ съѣздить въ Пензу, гдѣ былъ подъ надзоромъ полиціи усиленно намъ рекомендованный бывший студентъ Московскаго университета Борисъ Устиновичъ Вноровскій. Встрѣтиться съ Азефомъ я долженъ былъ опять въ Нижнемъ Новгородѣ.

Въ Пензѣ я не безъ труда отыскалъ Вноровскаго. Я пришелъ къ нему на квартиру и увидѣлъ передъ собою очень красиваго, широкоплечаго молодого человѣка, съ густыми черными съ просѣдью волосами и задумчивыми свѣтлыми глазами. Одѣтъ онъ былъ въ ситцевую рубашку и высокіе сапоги. Онъ не удивился мнѣ, какъ будто давно ожидалъ моего появленія. Я спросилъ его:

— Я слышалъ, вы хотите работать въ боевой организаціи?

— Да.

— Можно васъ спросить, почему именно?

Онъ далъ отвѣтъ, удивившій меня тогда своею простотою.

— Я социалистъ-революціонеръ, признаю терроръ, значить долженъ дѣлать его.

Онъ говорилъ мало, только отвѣчая на прямые мои вопросы. Въ его наружности было много общаго со Швейперомъ и Зильбербергомъ: небольшой ростъ, широкія плечи, черные волосы и свѣтлые глаза. Такъ же какъ и они, онъ былъ молчаливъ и сдержанно спокоенъ.

Я сказалъ ему, что террористическая работа заключается не только въ томъ, чтобы съ бомбой въ рукахъ выйти на улицу, что она гораздо мелочнѣе, скучнѣе и труднѣе, чѣмъ это принято думать, что террористу приходится мѣсяцами жить простолюдиномъ, почти не встрѣчаясь съ товарищами и занимаясь самымъ труднымъ и непріятнымъ дѣломъ, — систематическимъ наблюдениемъ.

Вноровскій слушалъ молча. Потомъ онъ сказалъ:

— Я это знаю и справлюсь съ этимъ.

Я переспросилъ его:

— Вы можете быть извозчикомъ?

Онъ просто отвѣтилъ:

— Конечно.

Онъ показался мнѣ спокойнымъ, сильнымъ и смѣлымъ. Въ его лицѣ мы приобрѣтали первокласснаго работника.

Мы рѣшили съ нимъ, что онъ поѣдетъ въ Петербургъ и устроится тамъ извозчикомъ. Я сказалъ ему, что мы готовимъ покушеніе на Трепова.

Въ Пензѣ я пробылъ дня три. Я надѣялся увидѣть еще крестьянъ, которые предлагали свои услуги боевой организаціи. Къ несчастію, этихъ крестьянъ мнѣ такъ и не удалось увидать: они были арестованы по своему, комитетскому, дѣлу.

Я вернулся въ Нижній. Калашиниковъ сообщилъ мнѣ, что бар. Унтербергеръ, очевидно опасаясь покушенія, почти не показывается на улицѣ, и что Двойниковъ и Назаровъ караулятъ его, но безрезультатно. Я остался въ Нижнемъ ожидать Азефа. Со мною былъ Зильбербергеръ.

Зильбербергеръ былъ чрезвычайно огорченъ кіевской неудачей. Онъ предлагалъ свое непосредственное участіе въ покушеніи на Клейгельса, и былъ очень огорченъ нашимъ отказомъ. Колебанія Шпайзмана произвели на него тяжелое впечатлѣніе, эти колебанія онъ считалъ преступленіемъ.

Зильбербергеръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, быть можетъ, болѣе всякихъ другихъ, необходимы для организаціи. Онъ исполнялъ всю черную работу террористическаго дѣла. На его долю приходилось наиболѣе скучное, но и совершенно необходимое: поѣздки, сношенія съ товарищами, паспортное бюро, доставка динамита и т. д. Онъ никогда не жаловался, и молчаливо и точно исполнялъ порученія. Скромный и аккуратный, онъ брался за всякую работу: онъ былъ и химикъ, и извозчикъ, и, вполнѣдствіи,

организаторъ. Каковы были его задумешныя мнѣнія, — мнѣ неизвѣстно. Онъ почти не говорилъ о нихъ, какъ вообще не любилъ касаться вопросовъ теоріи. Въ Кіевѣ и въ Нежнемъ я близко сошелся съ нимъ и убѣдился, что мы были правы: онъ былъ достойный наслѣдникъ Каляева, Покотилова, Сазонова и Швейцера. Было рѣшено, что въ дѣлѣ Трепова онъ тоже приметъ участіе, какъ извозчикъ.

Такимъ образомъ, если за лѣто намъ не удалось выполнить первую часть нашей задачи, — убить Клейгелса, за то вторая, главнѣйшая, была нами выполнена. Мы могли съ увѣренностью сказать, что организація восстановлена, что въ ней есть тотъ необходимый кадръ испытанныхъ и дисциплинированныхъ людей, съ которыми единственно возможно было приступить къ такому трудному и сложному дѣлу, какъ дѣло Трепова. Съ неменьшей увѣренностью мы могли сказать, что въ организаціи нѣтъ людей, которые своими колебаніями могутъ привести ее въ разстройство. Къ концу лѣта составъ ея опредѣлился окончательно: кромѣ Азефа и меня, для наблюденія было еще шесть человѣкъ: Зильбербергъ, Ивановъ, Вноровскій, Калашниковъ и Назаровъ, изъ которыхъ Зильбербергъ и трое послѣднихъ показали на дѣлѣ свою преданность террору. Составъ химической группы былъ также достаточно многочисленъ и опытенъ: Дора Бриллиантъ, Ксенія Зильбербергъ и Рапель Лурье. Мы могли снова надѣяться на успѣхъ.

Надежды эти были преждевременны.

Якимова въ Минскѣ увидѣлась съ Татаровымъ и, какъ члену центральнаго комитета, сообщила ему, что ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ на совѣщаніе со мной и Азефомъ. Татаровъ воспользовался этимъ случайнымъ свѣдѣніемъ: онъ указалъ насъ полиціи.

V.

Въ началѣ августа Азефъ вернулся въ Нижній. Первые его слова были:

— За нами слѣдять.

Онъ разсказалъ мнѣ, что замѣтилъ за собой филеровъ. Я не замѣчалъ за собой никакихъ признаковъ наблюденія и, по-этому, сперва не повѣрилъ ему.

Тогда онъ сообщилъ мнѣ, что онъ не только самъ за собой замѣчалъ филеровъ, но что его дважды предупредили посторонніе люди: въ первый разъ въ Москвѣ, послѣ свиданія его съ Якимовой въ кофейнѣ Филиппова, какой то незнакомый ему человѣкъ на улицѣ обратилъ его вниманіе на наблюдающихъ за нимъ филеровъ и второй разъ кондукторъ желѣзной дороги прямо указалъ ему въ вагонѣ на нихъ. Азефъ рѣшительно настаивалъ на томъ, чтобы немедленно всѣмъ намъ уѣхать изъ Нижняго, но я долго еще протестовалъ: мнѣ было жаль ликвидировать дѣло бар. Унтербергера.

Дня черезъ два Азефъ и Зильбербергъ замѣтили за собой

на улицѣ филера. Я, вернувшись къ себѣ въ номера, обратилъ вниманіе на какое то, едва уловимое измѣненіе въ отношеніи ко мнѣ номерной прислуги. Но я все-таки склоненъ былъ думать, что мы преувеличиваемъ опасность и, въ сущности, никакого наблюденія за нами не производится. Я спросилъ Зильберберга:

— Вы увѣрены, что за вами слѣдили?

— Я не увѣренъ, отвѣчалъ онъ, но у меня непріятное ощущение, точно съ насъ не спускаютъ глазъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда я съ Азефомъ сидѣлъ въ ресторанѣ на Ярмаркѣ, мнѣ показалось, что въ залу вошелъ Статковский, чиновникъ особыхъ порученій при Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Я со студенческихъ лѣтъ не видѣлъ Статковского, и, конечно, могъ ошибиться, но сходство было такъ велико, что я обратилъ на это вниманіе Азефа.

Осторожность требовала немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Продолжая нижегородское дѣло, мы могли окружить филерскимъ кольцомъ всю организацію, что неизбежно привело бы ее къ окончательному разгрому. Передъ нами, такимъ образомъ, стояла уже не та задача, которая была раньше, — не убійство Трепова, а сохраненіе организаціи, — задача менѣе почетная, но не менѣе трудная.

Первымъ уѣхалъ изъ Нижняго Зильбербергъ. Ему счастливо удалось ускользнуть отъ наблюденія, и, по приѣздѣ въ Петербургъ, онъ, купивъ пролетку и лошадь, сталъ извозчикомъ. Азефъ скрылся. Якимова, за которой съ самаго Минска было учреждено строгое наблюденіе, была арестована во Владимірѣ. Въ «дни свободъ» ее судили судебной палатой за побѣгъ изъ Сибири, и она по судебному приговору была возвращена на мѣсто своей первоначальной ссылки. Со мной случилось слѣдующее:

Азефъ назначилъ мнѣ черезъ три недѣли свиданіе въ Петербургѣ. Эти три недѣли мы, — каждый порознь, — должны были посвятить сокрытію своихъ слѣдовъ. Я прибѣгъ къ хитрости: я выѣхалъ изъ Нижняго съ поѣздомъ, который приходилъ въ Москву, за полъ часа до отхода съ Брянскаго вокзала курьерскаго поѣзда въ Кіевъ. Въ Москвѣ мнѣ едва хватало времени, чтобы переѣхать съ одного вокзала на другой. Филеры не могли знать заранее, куда я въ Москвѣ поѣду. Поэтому на нижегородскомъ вокзалѣ я громко велѣлъ носильщику нанять лихача на Брестскій т. е. Смоленскій, а не Кіевскій вокзалъ. Отѣхавъ на лихачѣ полъ-версты, я спросилъ его:

— Куда ты ѣдешь?

— На Брестскій, какъ приказывали.

— На Брянскій, а не на Брестскій. Поѣзжай на Брянскій.

Лихачъ повернулъ. За нами не было никого, и я уѣхалъ въ Кіевъ, въ увѣренности, что мой отѣздъ никѣмъ не замѣченъ. Въ Кіевѣ я перемѣнилъ костюмъ и рѣшилъ нѣсколько дней провести у моего товарища по университету Данилова, служившаго на станціи Жмеринка, между Кіевомъ и Одессой. Я взялъ билетъ

до Одессы, но въ Жмеринкѣ соскочилъ съ третьимъ звонкомъ на платформу. На мое несчастье Даниловъ и вся его семья уѣхали въ Кіевъ. Дома была только прислуга. Я сказалъ ей, что я двоюродный братъ Данилова и остался одинъ въ пустомъ домѣ. Такъ прожилъ я въ Жмеринкѣ дней пять, пока не пріѣхалъ хозяинъ. Въ полной увѣренности, что я теперь совершенно свободенъ отъ наблюденія, я рѣшилъ выѣхать въ Петербургъ. До условленнаго съ Азефомъ срока оставалось дней семь. На всякій случай я заѣхалъ еще въ имѣніе рекомендованнаго мнѣ Азефомъ товарища Гедды, агронома въ Клинскомъ уѣздѣ. На другой день послѣ моего пріѣзда встревоженная хозяйка вошла ко мнѣ въ комнату:

— За вами слѣдять.

— Не можетъ этого быть.

— Только что приходилъ садовникъ, говорить, что со станціи пріѣхали двое сыщиковъ и спрашиваютъ о васъ.

Въ это время пріѣхалъ самъ Гедда. Онъ разсказалъ, что одинъ изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ сообщилъ ему, что въ Клину и на сосѣдней съ нимъ станціи кого то поджидаютъ филеры. Очевидно, мнѣ не удалось скрыться отъ наблюденія. Очевидно было и то, что дальше оставаться въ имѣніи нельзя.

Въ тотъ же вечеръ Гедда самъ запрягъ лошадь и отвезъ меня не на станцію, а на маленькій, въ сторонѣ отъ Клина, полустанокъ. Когда я сѣлся въ поѣздъ, на полустанкѣ этомъ не было, кромѣ сторожа, ни души. Я поѣхалъ обратно въ Москву съ такимъ расчетомъ, чтобы въ Москвѣ захватить курьерскій поѣздъ на Петербургъ. Между приходомъ моего поѣзда и отходомъ петербургскаго оставалось 15 минутъ. Мнѣ нужно было только выйти изъ вагона и на томъ же вокзалѣ, даже на той же платформѣ, незамѣтно пройти въ уже составленный поѣздъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ утромъ. Я не зналъ, слѣдять ли за мной, или мнѣ удалось скрыться отъ наблюденія. До вечера я не замѣчалъ за собой филеровъ. Вечеромъ же, около 7 часовъ я, выходя изъ Зоологическаго сада, замѣтилъ извозчика-лихаца, который, не предлагая мнѣ сѣсть, медленно тронулся за мной. Я прошелъ на Звѣринскую улицу, онъ поѣхалъ за мной вслѣдъ, я свернулъ въ Мытнинскій переулокъ, онъ немедленно свернулъ за мной. Такъ слѣдилъ онъ около часа. На Церковной я круто повернулъ назадъ и пошелъ ему прямо навстрѣчу. Онъ на моихъ глазахъ повернулъ лошадь и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Ну, что же, баринъ, смотрите...

Я понялъ, что меня арестуютъ.

Я вышелъ на Большой проспектъ Петербургской Стороны, п онъ, обогнавъ меня, поѣхалъ по направленію къ Введенской улицѣ. Я взялъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать на Большой Проспектъ Васильевскаго Острова. Я помнилъ, что по срединѣ его есть бульваръ и рѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы скрыться.

На Тучковомъ мосту я услышалъ за собой крупную рысь. Я обернулся. Мой лихачъ догонялъ меня. На Большомъ проспектъ я на ходу выскочилъ изъ извозника и, перебѣжавъ бульваръ, скрылся въ Днѣпровскомъ переулкѣ. Весь расчетъ у меня былъ въ томъ, что лихачъ не можетъ съ лошадыю пересѣчь бульваръ, а долженъ его обогнуть. Такимъ образомъ я выигрывалъ нѣсколько минутъ. Лихачъ, дѣйствительно, погналъ свою лошадь въ объѣздъ. Я бросился бѣгомъ по Днѣпровскому переулку и свернувъ въ Академическій переулокъ, прижался къ стѣнѣ какого то дома и ждалъ. Прошло полъ часа. Кругомъ не было ни души. Я рѣшилъ, что мнѣ удалось убѣжать. Вещей со мной не было, зайти въ гостиницу поэтому было мнѣ неудобно. Я вспомнилъ, что на Большомъ проспектъ Петербургской стороны живетъ мой товарищъ по гимназiи прис. пов. А. Т. Земель. Я позвонилъ къ нему.

Я разсказалъ Земелю, что за мной слѣдятъ уже двѣ недѣли и спросилъ его, можетъ ли онъ дать мнѣ ночлегъ. Земель согласился безъ колебанiя.

На слѣдующій день, утромъ, къ Земелю пришелъ гражд. инженеръ П. М. Макаровъ, мой хорошiй знакомый: онъ не разъ оказывалъ услуги боевой организаціи. Макаровъ сказалъ, обращаясь къ Земелю:

— Почему вашъ домъ окруженъ полиціей?

Домъ былъ, дѣйствительно, окруженъ полиціей. Было ясно, что меня все таки прослѣдили, и что мнѣ едва ли уйти. Я началъ съ Земелемъ обсуждать, какимъ образомъ скрыться мнѣ изъ его квартиры. Посреди разговора, Земель надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу за покупками. Макаровъ ушелъ давно. Я остался одинъ. Прошелъ часъ, прошло два и три часа. Наступили сумерки, Земель не возвращался. Я не могъ понять причинъ его отсутствiя. Зная его, я не могъ думать, что онъ оставилъ меня въ такомъ затруднительномъ положенiи, но въ равной степени не могъ допустить, что онъ арестованъ. Причины для ареста не было. Земеля могли взять, только обнаруживъ меня у него. Но полиція съ обыскомъ не являлась, и я, хотя и окруженный со всѣхъ сторонъ, былъ еще на свободѣ.

Часовъ въ 8 вечера я, не дождавшись Земеля, рѣшилъ выйти на улицу. Я надѣлъ его пальто и прошелъ мимо дворниковъ въ ворота. Дворники не обратили на меня никакого вниманiя. Шелъ дождь, начиналось наводненiе. Филеровъ не было видно. Я взялъ извозника и поѣхалъ на Финляндскій вокзалъ.

Какъ оказалось, впоследствии, Земель былъ арестованъ на улицѣ и отвезенъ въ охранное отдѣленіе. До вечера полиція принимала его за меня. Только къ ночи выяснилось, что произошла ошибка. Тогда былъ сдѣланъ безрезультатный обыскъ у него на квартирѣ.

Я поѣхалъ на дачу въ Финляндію къ А. Г. Успенскому. Я былъ въ нерѣшительности, что мнѣ теперь предпринять. Объ

Азефъ извѣстій я не имѣлъ. Я склонялся къ тому, чтобы изъ осторожности прожить нѣсколько дней въ Финляндіи и только тогда начать поиски Азефа. Но на дачу къ Успенскому на другой день пріѣхалъ членъ Петербургскаго комитета В. З. Гейнце. Онъ сказалъ мнѣ, что Азефъ выѣхалъ за границу. Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Къ члену Петербургскаго комитета Ростовскому явилась незнакомая дама и принесла анонимное письмо: въ письмѣ этомъ говорилось, что инженеръ Азефъ и «бывшій ссыльный Т.» (Татаровъ) — секретные сотрудники департамента. Затѣмъ перечислялось, что именно тотъ и другой «освѣтили» полицію.

Письмо это не вызвало тогда во мнѣ никакихъ сомнѣній: уже не говоря объ Азефѣ, я и Татарова не могъ заподозрить въ провокаціи. Но я не понималъ происхожденія и цѣли этого письма и рѣшилъ, поэтому, ѣхать за границу посоветоваться съ Гоцемъ и Азефомъ. Я понималъ только, что письмо это во всякомъ случаѣ доказываетъ освѣдомленность полиціи, и что намъ поэтому невозможно немедленно приступить къ дальнѣйшей работѣ.

Всѣ члены боевой организаціи, кромѣ пріѣхавшей впослѣдствіи въ Женеву Доры Бриллиантъ, остались въ Россіи. Для перехода черезъ границу я обратился въ Гельсингфорсъ по данному мнѣ Гейнце адресу къ члену финской партіи активнаго сопротивленія Еввѣ Прокопе.

Въ Гельсингфорсѣ я встрѣтилъ Гапона: онъ жилъ въ Скатуденъ у студента Вальтера Стенбека. Когда я пришелъ къ нему вечеромъ, онъ уже спалъ. Вокругъ его дома дежурила вооруженная стража, — члены партіи активнаго сопротивленія.

Гапонъ проснулся и, увидѣвъ меня, приподнялся съ кровати. Первые его слова были:

— Какъ ты думаешь, меня повѣсятъ?

Я удивился его вопросу. Я сказалъ:

— Вѣроятно.

— А можетъ быть въ каторгу? А?

— Не думаю.

Тогда онъ робко спросилъ:

— А въ Петербургъ можно мнѣ ѣхать?

— Затѣмъ тебѣ въ Петербургъ?

— Рабочіе ждуть. Можно?

— Пути всего одна ночь.

— А не опасно?

— Можетъ быть и опасно.

— Вотъ и Поссе мнѣ говоритъ, что опасно. Убѣждаетъ не ѣхать. Какъ ты думаешь, если вызвать рабочихъ сюда или въ Выборгъ?

Я ничего не отвѣтилъ. Гапонъ сказалъ:

— Паспортъ у тебя есть?

— Есть.

- Дай мнѣ.
- У меня одинъ.
- Все равно. Дай.
- Вѣдь мнѣ самому нуженъ.
- Ничего. Дай.
- Слушай, не могу же я остаться безъ паспорта.
- Дай.

Я далъ ему фальшивый паспортъ на имя Феликса Рыбни-каго. Пряча паспортъ, онъ повторилъ свой вопросъ:

- Такъ ты думаешь,—повѣсятъ?
- Повѣсятъ.
- Плохо.

Я сталъ прощаться. На столикѣ у постели лежалъ заряжен-ный браунингъ. Гапонъ взялъ его и потрясъ имъ надъ головой.

- Живымъ не сдамся!

Евва Прокопе направила меня въ Або. Изъ Або я, въ со-провожденіи члена той же финской партіи активного сопроти-вления, тов. Кувшинова, проѣхалъ на Аландскіе острова. На Аландскихъ островахъ былъ снаряженъ парусный ботъ, принад-лежащій мѣстному помѣщику Альфтану. Альфтанъ, Кувшиновъ, крестьянинъ Линдеманъ и студентъ Гельсингфорскаго универ-ситета Віоде составили экипажъ бота. Мы прошли таможеню подъ флагомъ яхтъ-клуба и къ вечеру остановились на маленькомъ островѣ въ финскихъ шхерахъ. На зарѣ мы опять снялись съ якоря и черезъ сутки были уже въ шведскихъ водахъ. Меня высадили на шведскій маякъ. Финны сказали смотрителю маяка, что я французъ-туристъ, и съ его помощью я нанялъ парусную лодку до Фюрюзунда, маленькаго курорта подъ Стокгольмомъ. Къ вечеру я былъ въ Фюрюзундѣ и еще черезъ день въ Сток-гольмѣ.

Я не могу забыть той любезности и того радушія, съ кото-рымъ встрѣтили меня тогда эти финны. Въ моемъ лицѣ они, по ихъ мнѣнію, оказывали услугу русской революціи и дѣлали это съ тѣмъ большей готовностью, что справедливо считали себя товарищами русскихъ революціонеровъ.

Въ началѣ сентября я пріѣхалъ въ Женеву.

VI.

Въ Женевѣ я нашелъ Гоца. Онъ по прежнему лежалъ въ постели больной. Гоцъ внимательно выслушалъ мой рассказъ о положеніи дѣлъ въ боевой организаціи и оказалъ, что текстъ упомянутаго письма уже доставленъ ему изъ Петербурга. Онъ спросилъ меня, что я думаю объ этомъ письмѣ.

- Что я думаю? Ничего.
- А Татаровъ?

Я сказалъ, что знаю Татарова давно, и не могу допустить мысли, чтобы онъ могъ стать провокаторомъ.

Гоцъ задумался.

— По моему,—заговорилъ онъ медленно,—письмо несомнѣнно полицейскаго происхожденія. За нимъ кроется какая то интрига. Кромѣ того, мнѣ кажется, въ партіи есть провокаторъ. Чѣмъ инымъ объяснить, напр., наблюденіе за нами въ Нижнемъ?

— Что же вы думаете?—перебилъ я его.

Онъ не скоро отвѣтилъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— По моему нужно разслѣдовать дѣло.

Татаровъ жилъ въ это время въ Парижѣ. Онъ предпринималъ въ Россіи изданіе легальнымъ путемъ статей, появлявшихся разновременно въ «Революціонной Россіи», и уже напечаталъ въ русскихъ газетахъ объявленіе объ этомъ изданіи.

Въ объявленіи этомъ были перечислены имена Гоца, Шишко, Чернова, Минора, Баха и другихъ видныхъ социалистовъ-революціонеровъ. Такое перечисленіе именъ могло только повредить дѣлу: оно обращало на себя вниманіе читателей и цензуры. Татаровъ не могъ объ этомъ не знать.

Не одинъ Гоцъ смотрѣлъ мрачно на положеніе дѣлъ въ партіи. Присутствіе провокатора чувствовалось многими. Многихъ также смущало, что въ указанномъ письмѣ упоминался Татаровъ. Татаровъ произвелъ на большинство заграничныхъ товарищей непріятное впечатлѣніе, хотя, конечно, никакихъ поводовъ къ его обвиненію быть еще не могло.

Въ началѣ сентября Гоцъ собралъ находившихся въ Женевѣ членовъ центрального комитета и близкихъ къ комитету людей. На этомъ собраніи были Миноръ, Черновъ, Тютчевъ, я и нѣкоторые другіе. Гоцъ, открывая собраніе, сказалъ:

— Я много думалъ. Положеніе очень серьезное. Мы, мнѣ кажется, должны стоять на единственно революціонной точкѣ зрѣнія: для насъ не можетъ быть ни пменъ, ни авторитетовъ. Въ опасности партія, поэтому будемъ исходить изъ крайняго положенія,—допустимъ, что каждый изъ насъ находится въ подозрѣніи. Я начинаю съ себя. Моя жизнь извѣстна. Кто можетъ что нибудь возразить?

Онъ остановился потомъ на жизни каждого изъ присутствовавшихъ и спросилъ:

— Можетъ быть кто нибудь опредѣленно подозрѣваетъ кого либо?

Всталъ Черновъ. Онъ долго и горячо говорилъ, доказывая, что, по его мнѣнію, подозрительнъ Н., человѣкъ самостоятельныхъ и оппозиціонныхъ центральному комитету взглядовъ, но хорошо всѣмъ извѣстный и несомнѣнно стоявшій выше всякихъ подозрѣній. Когда Черновъ кончилъ свою рѣчь, всѣ разсмѣялись, и онъ разсмѣялся первый. До того обвиненіе Н. было непохоже на правду.

Когда наступило молчаніе, Гоцъ сказалъ:

— Я не хочу сказать ничего дурного, но не могу и скрыть своихъ подозрѣній; Татаровъ, по моимъ подсчетамъ, издержалъ

на дѣла своего издательства за шесть недѣль болѣе 5000 р. Откуда у него эти деньги? Ни партійныхъ, ни личныхъ суммъ у него нѣтъ, о пожертвованіи онъ долженъ бы былъ сообщить центральному комитету. Я спрашивалъ его, откуда у него деньги и онъ отвѣчалъ, что ему далъ 15 тысячъ руб. извѣстный общественный дѣятель Чарнолуцкий. Не скрою, я начинаю сомнѣваться въ этомъ.

Всѣ мы слушали Гоца со вниманіемъ.

Помолчавъ, онъ заговорилъ снова:

— Итакъ, издательство это не обезпечено матеріально. По крайней мѣрѣ, я не думаю, чтобы у Чарнолуцкаго могли быть такія деньги или чтобы къ нему поступило пожертвованіе въ такихъ размѣрахъ на литературное дѣло, тѣмъ болѣе, что это дѣло начинается мало извѣстный въ литературныхъ кругахъ Татаровъ. Но это не все: его издательство не обезпечено или вѣрнѣе черезчуръ обезпечено съ цензурной стороны. Татаровъ человѣкъ практичный и умный. Какъ понять его печатное заявленіе объ участіи моемъ, Чернова, Минора? Вѣдь такое заявленіе должно губить дѣло. Мнѣ не ясна роль Татарова, и я бы предложилъ ее выяснить... Какъ ее выяснить? Я предлагаю послать кого либо въ Петербургъ со специальной цѣлью, — узнать у Чарнолуцкаго, давалъ ли онъ деньги Татарову, и если давалъ, то въ какомъ именно размѣрѣ. Если Татаровъ сказалъ мнѣ правду, я откажусь отъ своихъ словъ. Мы во всякомъ случаѣ ничѣмъ не рискуемъ.

Всѣ присутствовавшіе согласились съ Гоцомъ, и тогда же было рѣшено послать въ Петербургъ А. А. Аргунова, члена центрального комитета.

Аргуновъ уѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Чарнолуцкому. Чарнолуцкій сказалъ ему, что денегъ Татарову не только не давалъ, но и не общалъ. Кромѣ того, онъ былъ весьма удивленъ, что Татаровъ пользуется его именемъ.

Въ отсутствіе Аргунова, Татаровъ пріѣхалъ въ Женеву. Гоцъ предложилъ и настоялъ, чтобы за Татаровымъ было учреждено наблюденіе. Наблюденіе это я взялъ на себя, и мнѣ въ немъ помогали Александръ Гуревичъ и Василій Сухомлинъ. Наше наблюденіе не дало никакихъ результатовъ, зато Тютчеву и Чернову удалось случайно установить, что Татаровъ далъ центральному комитету невѣрный адресъ въ Женевѣ. Въ гостиницѣ, на которую онъ указалъ, его не было.

Недѣли черезъ двѣ вернулся Аргуновъ и передалъ намъ отвѣтъ Чарнолуцкаго.

Татаровъ сказалъ Гоцу неправду.

Тогда, по инициативѣ Гоца и по постановленію центрального комитета, была избрана коммисія для разслѣдованія дѣла Татарова. Въ нее вошли: Бахъ, Тютчевъ, Черновъ и я.

Татаровъ не подозрѣвалъ ничего. Онъ возобновилъ со мною старыя отношенія. Приходилъ ко мнѣ на домъ и много разспрашивалъ о боевой организаціи. Я не отвѣчалъ, ссылаясь на про-

фессіональную тайну. Онъ интересовался также дѣлами моихъ родныхъ, ихъ возможнымъ участіемъ въ революціи. Я отговаривался незнаніемъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, слѣдили ли за мною въ Россіи. Я отвѣчалъ, что давно не выѣзжалъ изъ Женевы.

Онъ бывалъ не у меня одного. Въ Женевѣ онъ разспрашивалъ всѣхъ и обо всемъ. Ему довѣряли. Центральныи комитетъ молчалъ о своихъ подозрѣніяхъ. Это было необходимо, ибо, конечно, была возможность ошибки. Высказанное же громко подозрѣніе уже губило Татарова. Вскорѣ онъ зналъ слишкомъ много.

Татаровъ собирался уѣхать въ Россію, и на прощанье рѣшилъ устроить обѣдъ товарищамъ. На этомъ обѣдѣ было много народу, въ томъ числѣ Черновъ и я. Татаровъ былъ оживленъ и веселъ. Товарищи, не знавшіе объ обвиненіи, которое надъ нимъ тяготѣло, желали ему удачи въ Россіи. Послѣ обѣда, когда гости стали расходиться, Черновъ и я подошли къ Татарову:

— Когда вы хотите ѣхать?

— Сегодня вечеромъ.

— Сегодня вечеромъ это невозможно.

Татаровъ быстро спросилъ:

— Почему?

— У центрального комитета къ вамъ дѣло.

— Но я долженъ уѣхать. Какое дѣло?

— Мы уполномочены просить васъ остаться.

Татаровъ пожалъ плечами.

— Центральныи комитетъ просить васъ.

Онъ опять пожалъ плечами.

— Ну, хорошо, я останусь. Но это странно... Почему вы раньше не предупредили меня?

На слѣдующій день состоялось въ Женевѣ, на квартирѣ О. О. Минора, первое засѣданіе упомянутой выше комиссіи. Мы сказали Татарову, что центральный комитетъ занятъ ревизіей партійныхъ дѣлъ. По его порученію, мы просимъ выяснитъ намъ финансовую и цензурную сторону новаго изданія, ибо центральный комитетъ желаетъ взять его подъ свое руководство. Татаровъ отвѣтилъ, что деньги, въ размѣрѣ 15 тысячъ рублей онъ получилъ, какъ пожертвованіе, отъ Чарнолусскаго. Дальнѣйшую помощь ему обѣщали тотъ же Чарнолусскій и кіевскій издатель Цитронъ.

Черновъ велъ допросъ. Не возражая Татарову, онъ освѣдомился объ его адресѣ въ Женевѣ.

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

Черновъ. Вы говорите, что остановились въ Hôtel des Voyageurs. Подъ какой фамиліей?

Татаровъ. Плевинскій.

Черновъ. Номеръ комнаты?

Татаровъ. Кажется 28.

Черновъ. Мы справлялись. Ни въ № 28, ни вообще въ Hôtel des Voyageurs Плевинскаго нѣтъ.

Татаровъ: Я ошибся. Я живу въ Hôtel d'Angleterre.

Черновъ: Подъ фамиліей Плевинскаго?

Татаровъ: Я не записался еще.

Черновъ: Номеръ комнаты?

Татаровъ: Не помню.

Черновъ: Мы справлялись и въ Hôtel d'Angleterre. Васъ тамъ нѣтъ.

Татаровъ: Я не помню названія гостиницы. Быть можетъ это и не Hôtel d'Angleterre.

Черновъ: Вспомните.

Татаровъ: Не помню.

Черновъ: На какой улицѣ эта гостиница?

Татаровъ: Не помню.

Черновъ: Хорошо. Запишемъ въ протоколъ: не помнить ни названія гостиницы, ни улицы, ни номера комнаты, и фамиліи еще не известны.

Послѣ продолжительнаго молчанія Татаровъ говоритъ:

— Я вамъ солгалъ.

Черновъ: Почему?

Татаровъ: Мы не дѣти. Я живу съ женщиной. Скрывая свой адресъ, я защищаю ея честь. Впрочемъ,—хотите—я назову вамъ ее.

Черновъ: Нѣтъ.

Татаровъ: волнуется. Отвѣты его становятся еще страннѣе.

Черновъ: Скажите, чѣмъ обезпечено ваше изданіе въ отношеніи цензуры?

Татаровъ: Мнѣ общалъ покровительство одинъ изъ людей, имѣющихъ власть.

Черновъ: Кто именно?

Татаровъ: Одинъ князь.

Черновъ: Какой князь?

Татаровъ: Князь.

Черновъ: Мы просимъ сообщить намъ его фамилію.

Татаровъ: Зачѣмъ? Я сказалъ князь. Этого довольно.

Черновъ: По постановленію центрального комитета мы предлагаемъ вамъ сказать его фамилію.

Татаровъ: Ну хорошо, это графъ...

Черновъ: Графъ?

Татаровъ: Это не важно, графъ или князь. Да и вообще, зачѣмъ фамилія?

Черновъ: Центральный комитетъ приказываетъ вамъ.

Татаровъ: Графъ Кутайсовъ.

Черновъ: Отецъ или сынъ?

Татаровъ: Сынъ.

Черновъ: Вы знакомы съ сыномъ Кутайсова?

Татаровъ: Да.

Черновъ: Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

Татаровъ: У его отца.

Черновъ: Въ Иркутскѣ или въ Петербургѣ?

Татаровъ: Въ Петербургѣ.

Черновъ: Вы бывали у Кутайсова въ Петербургѣ?

Татаровъ: Да.

Черновъ: Что же вы тамъ дѣлали?

Татаровъ: Я знакомъ съ нимъ еще по Иркутску. Въ Иркутскѣ мнѣ не разъ приходилось просить его за товарищей.

Черновъ: Да, но зачѣмъ вы возобновили знакомство въ Петербургѣ?

Татаровъ молчитъ.

Черновъ: Вы бывали въ домѣ Кутайсова и не сообщили объ этомъ центральному комитету. Знаете, что партія одно время готовила на него покушеніе?

Татаровъ молчитъ.

Черновъ: Что жъ, сынъ Кутайсова сочувствуетъ революціи, если общалъ вамъ помощь?

Татаровъ молчитъ.

Черновъ: Я вамъ долженъ сказать, что вы намъ солгали не только скрывая свой адресъ. Чернолусскій не давалъ вамъ ни копейки денегъ и не общалъ. Фамилію Цитрона вы услышали въ первый разъ три дня тому назадъ отъ Минора, и въ сношеніяхъ съ нимъ поэтому быть не могли.

Татаровъ: Нѣтъ, Чернолусскій далъ мнѣ 15 тысячъ,

Черновъ: Не спорьте. Доказано, что вы денегъ отъ него не получали.

Татаровъ: Это недоразумѣніе. Я получалъ.

Черновъ: Одинъ изъ членовъ центральнаго комитета былъ у Чернолусскаго въ Петербургѣ. Вы денегъ не получали.

Послѣ долгаго колебанія Татаровъ говорить:

— Я вамъ солгалъ. Деньги мнѣ далъ мой отецъ.

Черновъ: Сколько?

Татаровъ: Десять тысячъ.

Черновъ: Развѣ вашъ отецъ такъ богатъ?

Татаровъ: Онъ занялъ для меня подъ вексель.

Черновъ: Вы можете это доказать?

Татаровъ: Я представлю удостовѣреніе отъ моего отца.

Черновъ: Почему вы прямо не сказали, что деньги вамъ далъ отецъ? Мы бы удовлетворились этимъ отвѣтомъ.

Татаровъ: Мой отецъ не сочувствуетъ революціи. Я не хотѣлъ вдѣсь упоминать его имя... Но въ чемъ вы меня обвиняете?

Черновъ: Вы знаете сами.

Татаровъ: Нѣтъ.

Тютчевъ: Въ предательствѣ.

Черновъ: Лучше если вы сознаетесь. Вы избавите насъ отъ необходимости уличить васъ.

Татаровъ молчитъ. Молчаніе длится минутъ десять. Его прерываетъ Бахъ:

— Дегаеву были поставлены условія. Хотите ли вы, чтобы и вамъ они были поставлены?

Татаровъ не отвѣчаетъ. Молчаніе длится еще минутъ десять. Все время Татаровъ сидитъ положивъ руки на столъ и на руки голову. Наконецъ онъ поднимаетъ глаза:

— Вы можете меня убить. Я не боюсь смерти. Вы можете меня заставить убить. Но я даю честное слово: я не виновенъ.

Допросъ продолжался еще нѣсколько дней. Выяснилось еще, что Татаровъ 1) узналъ отъ А. В. Якимовой въ Минскѣ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1905 г. предполагался съѣздъ членовъ боевой организаціи; 2) зналъ петербургскій адресъ Волошенко-Ивановской передъ арестомъ 17 марта; 3) имѣлъ свиданіе съ Новомейскимъ и бывшимъ членомъ «Народной Воли» Фриденсономъ передъ арестомъ Новомейскаго; 4) видѣлся съ Рутенбергомъ передъ арестомъ его въ Петербургѣ (іюнь 1905 г.) и много другихъ подробностей.

Всѣ эти подробности были лишены въ нашихъ глазахъ большого значенія. Общій же характеръ допроса былъ тотъ же: Татаровъ былъ постоянно уличаемъ во лжи.

Мы дважды пытались выяснить роль Татарова помимо за-сѣданій комиссіи. Частнымъ образомъ въ гостиницѣ его посѣтили сначала Черновъ, потомъ я.

Когда я вошелъ къ Татарову, онъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ лицо руками. Мы не поздоровались. Онъ не обернулся ко мнѣ. Я сказалъ ему, что, зная его давно, не могу вѣрить въ его предательство; что я съ радостью защищалъ бы его въ комиссіи; что характеръ его показаній лишаетъ меня этой возможности; что я прошу его помочь мнѣ,—объяснить въ его поведеніи многое, намъ не понятное. Я сказалъ ему также, что только полная его откровенность можетъ дать этому дѣлу благоприятный исходъ.

Татаровъ молчалъ, не отрывая рукъ отъ лица. По сотрясенію его плечъ я видѣлъ, что онъ плачетъ.

Наконецъ Татаровъ сказалъ:

— Когда я говорю съ вами, я чувствую себя подлецомъ. Когда я одинъ,—совѣсть моя чиста.

Больше я отъ него ничего не услышалъ.

Черновъ имѣлъ не больше успѣха.

Вмѣсто обѣщаннаго удостовѣренія, Татаровъ представилъ въ комиссію клочекъ бумаги, на которомъ было написано приблизительно слѣдующее: «Мой милый сынъ, я далъ тебѣ 10 тысячъ рублей. Твой отецъ Ю. Татаровъ».

Разсмотрѣвъ всѣ имѣвшіеся въ ея распоряженіи матеріалы, комиссія единогласно постановила:

Въ виду того, что:

- 1) Татаровъ солгалъ товарищамъ по дѣлу и о дѣлѣ,
- 2) имѣлъ личное знакомство съ гр. Кутайсовымъ, не использовалъ его въ дѣлахъ революціонныхъ и даже не довелъ о немъ до свѣдѣнія центрального комитета,
- 3) не могъ выяснить источника своихъ значительныхъ средствъ.

4) устранить Татарова отъ всѣхъ партійныхъ учреждений и комитетовъ, дѣло же разслѣдованіемъ продолжать.

Гоцъ одобрилъ это рѣшеніе. Всѣ члены комиссіи единогласно вынесли увѣренность, что Татаровъ состоялъ въ сношеніяхъ съ полиціей. Характеръ же и цѣли этихъ сношеній остались не-вскрытыми. Поэтому пока не могло быть и рѣчи о лишеніи Татарова жизни.

Однако, многіе изъ товарищей остались недовольны нашимъ постановленіемъ. Они находили, что Татаровъ уже уличенъ.

Татаровъ уѣхалъ въ Россію. Изъ Берлина онъ прислалъ въ комиссію нѣсколько писемъ. Въ нихъ онъ пытался объяснить свое поведеніе.

«...Вы не можете представить,—писалъ онъ намъ,—какой ужасъ—выставленные вами обвиненія для человѣка, который, кромѣ трехъ лѣтъ тюремнаго заключенія (въ три пріема) и первыхъ 1½ лѣтъ ссылки, остальные 8½ лѣтъ своей революціонной дѣятельности жилъ непрерывной мучительной революціонной работой, которая была для него всѣмъ. Теперь я думаю идти на работу на жизнь и на смерть, и вотъ ударъ. Я не могу ничего говорить, не могу писать. Я только перечислю вамъ голые факты и сухіе доводы, и вы сами разберетесь въ нихъ по совѣсти:

Типографію въ Иркутскѣ поставилъ я, и велъ ее съ большимъ рискомъ и успѣхомъ я одинъ, до самого отъѣзда, т. е. до конца января 1905 г., значитъ, не было ничего противъ меня.

Въ 17-мъ марта я не могъ быть повиненъ, такъ какъ никого не зналъ, кромѣ П. И.¹⁾ отъ котораго ничего не зналъ. А о Новомейскомъ не подозрѣвалъ, что онъ занимается революціонными дѣлами (кромѣ «Возрожденія»). Значитъ и о мартѣ нѣтъ рѣчи.

Въ Одессѣ я былъ въ половинѣ юня, за нѣсколько дней до Потемкинскихъ дней, бывалъ на собраніяхъ центрального комитета. Видѣлъ и зналъ всѣхъ главныхъ людей, зналъ роль каждаго изъ нихъ, хотя не зналъ дѣлъ и предпріятій... И съ юня не было никого, о комъ можно было бы подумать, что я повредилъ ему.

Наконецъ уже за границей М²⁾ и К³⁾ видѣли близко, какъ все время и всѣ заботы у меня были поглощены издательствомъ. И такъ не работаю и не веду себя человѣкъ, вредящій партіи.

...Всѣ эти обстоятельства вы можете и обязаны проверить, если не въ моихъ, то въ своихъ интересахъ.

И то, что (въ обвиненіяхъ) упоминается цѣлый рядъ обстоятельствъ, именъ и предпріятій, очень важныхъ и мнѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ. И то, что въ какихъ то донесеніяхъ фигурируетъ мое имя, а иногда это имя скромно умалчивается, приводитъ меня къ одному убѣжденію,—что есть лицо, которому ближе знакомы партійныя дѣла, чѣмъ знаю ихъ я, и которое, чтобы отвлечь вниманіе отъ себя, попробовало бросить тѣнь на другого.

1) Тютчевъ.

2) Миноръ.

3) Коварскій.

(я, конечно, не подозреваю здѣсь центральный комитетъ). Такъ какъ мое знакомство съ Кутайсовымъ, при желаніи, можетъ быть истолковано въ разныхъ смыслахъ, то пріемъ былъ сдѣланъ удачный.

У меня нѣтъ и не было на совѣсти никакого грѣха противъ революціи, противъ нашей партіи. Какъ ни тяжело оправдываться, я говорю вамъ это прямо.

Въ заключеніе скажу: я знаю, что это письмо, вѣроятно, не разсѣетъ вашихъ подозрѣній. И у меня къ вамъ одна просьба: не спѣшите поворить меня, дайте мнѣ срокъ, чтобы время и обстоятельства могли вполне реабилитировать меня. И сами помогите мнѣ въ этомъ.

А затѣмъ единственное, что мнѣ останется послѣ всего ужаса, пережитаго въ эти дни: я уйду отъ революціи, и не буду никого видѣть, никого знать, и всѣ свои силы посвящу выполненію (террористическаго) акта, безъ чьей впбудь помощи, безъ чьего впбудь участія. Если вы отнесетесь ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ послѣ этого письма и согласитесь помочь мнѣ реабилитировать себя, я все таки уйду отъ людей и отъ работы, такъ какъ жить и работать мнѣ теперь съ людьми невозможно».

Въ другомъ письмѣ Татаровъ писалъ:

...«Не забудьте, что я много лѣтъ провелъ въ средѣ своей семьи, безконечно далекой и враждебной по своимъ убѣжденіямъ, съ которой я все таки, вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно былъ связанъ любовью. Въ обстановкѣ этой семьи приходилось не одинъ годъ вести революціонную работу—обманывать, скрывать, молчать,—убійственно молчать, чтобы ничего не знали. Изъ этой же обстановки пришлось бѣжать на нелегальное положеніе и, оставаясь нелегальнымъ 1½ года, поддерживать обманъ, что я не въ революцію ушелъ, что я учусь заграницей. Нужно было бы собрать сотни случаевъ, сотни мелочей изъ этой долгой двойственной жизни, чтобы понять, какъ молчаніе, скрытность, неправда крѣпко вѣлись въ душу. Но не трудно вѣдь понять, что всѣ эти личные недостатки, наиболѣе мучительные для меня самого, были результатомъ того, что какъ ни дороги лично мнѣ были нѣкоторые родные, но революція для меня была святыня, выше жизни, выше всего, и ради нея для меня не существовала личность, ради нея не важны были никакіе личные недостатки. Долгая, мучительная, конспиративная работа не могла способствовать ослабленію указанныхъ свойствъ. Много тяжелыхъ личныхъ ударовъ только усиливали ихъ. Недовѣріе къ людямъ, замкнутость свыше всякой мѣры,—все это сдѣлалось основными моими свойствами. Я часто говорилъ неправду (не въ революціонныхъ дѣлахъ), но мнѣ всегда казалось, что не вредную неправду,—неправду, вытекавшую изъ привычки къ конспираціи и страшной, прямо болѣзненной замкнутости. Какъ только вопросъ казался мнѣ вторженіемъ, хотя бы самымъ слабымъ или въ революціонные дѣла, или въ мою личную жизнь, или даже просто казался лишнимъ,—

я всегда готовъ былъ или совсѣмъ не отвѣтить, или отвѣтить уклончиво, или сказать неправду. Но я не знаю случая, чтобы моя неправда носила дрянной характеръ когда нибудь или чтобы она допускалась въ революціонной работѣ. Пусть все таки это было не хорошо, но страдалъ то я одинъ отъ этого. Благодаря этимъ качествамъ я не зналъ того, что называется личной жизнью, лично былъ всегда только въ муку себѣ и другимъ. Кромѣ революціи ничто никогда не озаряло мою жизнь. Но если я говорилъ неправду, то я не умѣлъ ходить кривыми путями, не умѣлъ лицемерить.... Я не боялся знакомства съ Кутайсовымъ, какъ не боялся бы знакомства со всякимъ высокопоставленнымъ лицомъ. Я настолько жилъ всегда мыслью о революціи, что никакое знакомство меня не могло унижить. Заводя такое знакомство, я всегда думалъ бы, что я не долженъ набѣгать того, что можетъ быть какъ нибудь выгодно для дѣла. Я не искалъ такихъ знакомствъ, но я и не бѣжалъ отъ нихъ. Одна мысль—польза революціоннаго дѣла—сознательно или бессознательно руководили мной во всемъ. Личнаго интереса я не зналъ. И я не унижался. Напротивъ, я говорилъ все прямо, а передо мной оправдывались (Кутайсовъ)... Когда я брался за дѣло, я отдавался ему зесь, и я неоднократно убѣдился, что, начавъ дѣло, всегда можно его довершить. Такъ я взялся въ Иркутскѣ въ одинъ мѣсяцъ поставить типографію, хотя не имѣлъ еще ни людей, ни прочаго. Такъ я всегда работалъ. А въ дѣлахъ издательства я въ 1½ мѣсяца положилъ очень большое начало, и у меня былъ обезпеченъ не только «первый», но и «второй» шагъ. Я поражаюсь, что вамъ не ясно это. Еще прошу васъ, не удивляйтесь, что многое я не могу вспомнить точно. У меня всегда была очень скверная память, кромѣ профессиональной, т. е. кромѣ памяти на тѣ революціонныя дѣла, которыя нужно было запомнить. И я часто былъ очень разсѣянъ».

Цитированныя выше письма не объяснили намъ ничего.

Подлинный протоколъ допроса гласилъ:

«Матеріальнымъ основаніемъ предпріятія Татарова является сумма въ 10 тысячъ рублей, занятая отцомъ его, затѣмъ общаніе денежной поддержки со стороны Чарнолусскаго въ размѣрахъ, которые въ разговорахъ не опредѣлялись. Вообще формальная сторона положенія Чарнолусскаго въ издательствѣ не опредѣлялась; изъ разговоровъ было ясно лишь, что онъ отдаетъ себя всецѣло въ распоряженіе издательства, и выражалъ готовность взять на себя соредакторство. Въ послѣднее время Татаровъ списался черезъ Б. съ однимъ одесскимъ капиталистомъ ¹⁾, который предлагалъ капиталъ для подобнаго же издательства, причемъ пока еще отвѣта отъ него не имѣется. Имѣются въ виду также переговоры съ однимъ денежнымъ лицомъ въ Кіевѣ. Объявленіе объ издательствѣ было послано въ «Сынъ Отечества», а Чарнолус-

¹⁾ Цитрономъ.

скому одновременно было послано уведомленіе съ предложеніемъ, если онъ найдетъ нужнымъ, вычеркнуть свой адресъ. Относительно окончательной редакціи объявленія объ издательствѣ Татаровъ ни съ кѣмъ не совѣтовался. Татаровъ разсматривалъ издательство, какъ дѣло партійное только по своему содержанію, но чисто личное съ организаціонной стороны. Что касается связей, которыя могутъ помочь въ дѣлѣ проведенія изданія сквозь цензуру, то здѣсь Татаровъ рассчитывалъ на посредничество Чарнолусскаго и сына Кутайсова, съ которыми онъ видѣлся въ Петербургѣ (но никакихъ опредѣленныхъ разговоровъ съ нимъ по этому поводу не имѣлъ). Съ отцомъ Кутайсова онъ былъ знакомъ въ Иркутскѣ, бывая въ его домѣ. Отецъ познакомилъ его съ сыномъ въ Петербургѣ.

Официально кооптированъ былъ Татаровъ въ центральный комитетъ въ Одессѣ на собраніи, состоявшемъ изъ П. Я. ¹⁾, Л. ²⁾ и П. ³⁾, причемъ отъ перваго онъ получилъ всѣ пароли и шифры.

Что касается утвержденія Чарнолусскаго, что никакого участія въ дѣлѣ ни онъ, ни кто либо черезъ его посредство, хотя бы въ формѣ обѣщанія, не принимаетъ, и что его прикосновенность ограничивается лишь готовностью помочь нѣкоторыми техническими указаніями, разнаго рода совѣтами и т. п., то Татаровъ утверждаетъ, что нѣтъ всѣхъ переговоровъ и писемъ, напротивъ того, вынесъ убѣжденіе, что ЧарнолуССкій отдаетъ себя всецѣло въ распоряженіе издательства. На основаніи этого убѣжденія Татаровъ считалъ возможнымъ обратиться къ нему съ просьбой объ участіи въ покрытіи сдѣланныхъ расходовъ, если бы въ этомъ представилась надобность.

Подробностей разговоровъ съ А. теперь Татаровъ не помнитъ. Помнитъ лишь, что А. сообщилъ ему объ имѣющейся въ СПБ. комитетѣ возможности сдѣлать покушеніе на Трепова. Въ это время, какъ и вообще, Татаровъ держался того взгляда, что мѣстный комитетъ не долженъ заниматься такими предпріятіями, какъ противъ Трепова или даже противъ царя, такъ какъ это дѣло боевой организаціи, и поэтому ни за себя, ни за центральный комитетъ Татаровъ не могъ дать на это согласія.

Татаровъ знаетъ теперь, что Новомейскій жилъ въ однихъ меблированныхъ комнатахъ съ Ивановской (этотъ фактъ передавалъ, между прочимъ, Ш. въ Женевѣ на квартирѣ у Гоца). но въ какихъ именно — не знаетъ. Не можетъ опредѣлить («не помнитъ ни времени, когда узналъ объ этомъ, ни лицъ, отъ которыхъ это узналъ, ни города, гдѣ узналъ»). Знаетъ, что въ Петербургѣ, Ялтѣ или Кіевѣ). Въ Петербургѣ Татаровъ былъ одновременно съ сестрой Новомейскаго лѣтомъ, приблизительно въ іюлѣ. Съ Новомейскимъ никакихъ переговоровъ и дѣловыхъ революціонныхъ сношеній въ это время не имѣлъ, но въ присут-

¹⁾ А. И. Потаповъ.

²⁾ А. В. Якимовъ.

³⁾ В. В. Леоновичъ.

ствіи Татарова такіе переговоры съ Новомейскимъ вель Ф. ¹⁾:
1) объ отношеніяхъ между организаціей «Возрожденія» и П. С. Р.,
2) Новомейскій говорилъ, что имѣетъ возможность доставать динамитъ изъ Сибири. Специально въ этотъ разговоръ Татаровъ не вслушивался и деталей его не знаетъ. Къ чему положительному привели эти разговоры, и привели ли, Татаровъ не знаетъ. Говорилъ ли при этомъ Новомейскій, что живетъ въ однихъ меблированныхъ комнатахъ съ Ивановской, Татаровъ не помнитъ, но, кажется, нѣтъ. У Татарова осталось такое впечатлѣніе, что Ф. не зналъ, гдѣ живетъ Ивановская. Къ Новомейскому Ф., кажется, вѣздилъ.

На другой или на третій день послѣ отъѣзда П., Татаровъ пріѣхалъ съ Т. въ Петербургъ и въ это время, кажется, узналъ, что Ивановская была на квартирѣ П. Ив. ²⁾. Татаровъ знаетъ отъ «хромого» ³⁾, что онъ привезъ изъ Сибири въ Нижній динамитъ, кажется изъ склада И. Кажется «хромой» говорилъ, что привезъ печать для свидѣтельства на полученіе динамита (это было приблизительно въ концѣ іюня).

Въ Кіевѣ въ самое первое время послѣ арестовъ 17 марта Татаровъ слышалъ, передаваемое въ видѣ слуха предположеніе, что кажется кто-то изъ арестованныхъ выдастъ. Слышалъ это онъ въ сферахъ революціонныхъ, отъ кого именно—не помнитъ.

Якимова говорила, что собирается скоро быть въ Нижнемъ, и поводится тамъ съ Валентиномъ и еще съ кѣмъ то, кажется съ Павломъ Ивановичемъ, и что тамъ будетъ разговоръ о возможности созыва общепартійнаго съѣзда (это было въ іюлѣ), послѣ отъѣзда ею нѣкоторыхъ мѣстъ (какихъ именно Татаровъ, кромѣ Кавказа и Одессы, не знаетъ). Знаетъ еще, что раньше Якимова была въ Кіевѣ, въ Нижнемъ, въ Москвѣ. Разговоръ этотъ происходилъ въ Петербургѣ.

Якимова говорила, что порознь у каждого изъ имѣющихъ быть тамъ, есть связи и силы, неиспользованныя и другимъ неизвѣстныя. Поэтому рѣшено съѣхаться въ Нижнемъ, выработать планъ и—между прочимъ—обсудить вопросъ о большомъ съѣздѣ (представителей разныхъ мѣстъ).

Объ Унтербергерѣ она ничего въ это время не говорила.

Татаровъ жилъ въ Женевѣ въ Hôtel des Voyageurs или въ Hôtel des Etrangers, близко отъ вокзала, но не около самого вокзала. Этотъ отель на улицѣ, идущей направо отъ rue Mont Blanc, не доходя до почты, кажется въ № 28. Онъ въ этомъ отелѣ не записывался. Отель стоитъ на лѣвой сторонѣ улицы. Въ этомъ отелѣ онъ прожилъ всего нѣсколько дней, дня два-три.

Послѣ вопроса относительно причины, почему эти данныя противорѣчатъ совершенно указаніямъ, даннымъ Татаровымъ въ разное время разнымъ тремъ лицамъ о своемъ адресѣ, Татаровъ разъяснилъ, что влѣдствіе причины чисто нѣтимнаго характера

¹⁾ Фриденсонъ.

²⁾ Тютчевъ.

³⁾ Гомеля.

онъ, съ самаго начала, живя только въ Hôtel d'Angleterre, чтобы отдѣлаться отъ вопросовъ, на которые было неудобно отвѣчать, далъ невѣрный адресъ».

Много позже, уже въ Россіи, обнаружались слѣдующіе факты:

По манифесту 17 октября былъ освобожденъ изъ тюрьмы Рутенбергъ. Онъ разсказалъ, что незадолго до своего ареста имѣлъ свиданіе въ Петербургѣ съ Татаровымъ. Прощаясь, Татаровъ предложилъ ему увидѣться снова черезъ два дня и самъ назначилъ квартиру для этой встрѣчи. Эти два дня Рутенбергъ прожилъ въ Финляндіи и не имѣлъ сношеній съ товарищами. Утромъ въ назначенный день онъ прибылъ съ поѣздомъ въ Петербургъ и съ вокзала зашелъ къ своему знакомому А. Ф. Сулиму-Самуйло. У Сулимы-Самуйло хранился его чемоданъ. Онъ переодѣлся, взялъ ключъ отъ своего чемодана и въ условленный часъ былъ на мѣстѣ свиданія. Въ указанной Татаровымъ квартирѣ онъ никого не засталъ. Онъ опять вышелъ на улицу и замѣтилъ, что домъ окруженъ полиціей. Черезъ два часа онъ былъ арестованъ на Марсовомъ полѣ. Ключъ былъ найденъ при немъ. Сулима-Самуйло не безъ основанія полагалъ, что въ случаѣ предварительнаго за нимъ наблюденія, полиція необходимо прослѣдила бы и чемоданъ. Она едва ли пренебрегла бы такой находкой. Можно было подумать, что агенты получили точное указаніе, гдѣ и когда можно арестовать Рутенберга.

По сличеніи разсказа Рутенберга съ разсказомъ о томъ же Татарова, оказалось, что Татаровъ сказалъ неправду.

Значительнѣе были сообщенія Новомейскаго. Новомейскій членомъ партіи социалистовъ-революціонеромъ не состоялъ, никакого участія въ дѣлахъ боевой организаціи не принималъ и услугъ ей не оказывалъ. Мнѣ онъ былъ совсѣмъ не извѣстенъ. Арестованъ онъ былъ по дѣлу 17 марта и содержался въ Петропавловской крѣпости. Освобожденный по манифесту 17 октября, онъ заявилъ, что предъявленные ему въ жандармскомъ управленіи допросные пункты навели его на нѣкоторые подозрѣнія. Его связь съ боевой организаціей выразилась единственно въ слѣдующемъ. На свиданіи въ ресторанѣ Палкина онъ, черезъ Татарова и Фриденсона, предложилъ доставить изъ Сибири нѣсколько пудовъ динамита. При разговорѣ этомъ больше никто не присутствовалъ. Динамитъ Новомейскій доставить не успѣлъ, разговоръ же сталъ извѣстенъ жандармскому управленію въ мельчайшихъ подробностяхъ. Даже порядокъ предъявленныхъ обвиненій соответствовалъ порядку разговора. Не оставалось сомнѣнія, что полиція была освѣдомлена черезъ секретнаго сотрудника.

Обстановка свиданія исключила всякую мысль о подслушиваніи. Фриденсонъ былъ человекъ слишкомъ извѣстный, старый и безупречный работникъ. Подозрѣніе, естественно, падало на Татарова.

Болѣе того, Новомейскій заявилъ, что въ крѣпости его предъявляли какому то человеку для опознаванія. Лица этого чело-

вѣка онъ разглядѣть не успѣлъ. Фигурой же онъ напомнилъ ему Татарова; къ этому Новомейскій прибавилъ, что если бы онъ не зналъ, что Татаровъ былъ въ эти дни за границей, онъ бы ручался, что это былъ онъ.

Мы навели справки. Въ эти дни Татаровъ былъ еще въ Петербургѣ.

Фриденсонъ рѣшилъ выяснитъ это дѣло. Подозрѣніе не могло коснуться его, но онъ все таки считалъ свою честь затронутой. Вмѣстѣ со старымъ своимъ товарищемъ, покойнымъ Крилемъ, онъ поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ тогда жилъ Татаровъ. Фриденсонъ сказалъ Татарову, что разговоръ съ Новомейскимъ у Палкина извѣстенъ полиціи; что Новомейскій въ этомъ, очевидно, виноватъ быть не можетъ, и что слѣдовательно вина падаетъ либо на него, Фриденсона, либо на Татарова. Онъ просилъ Татарова объяснитъ.

Татаровъ въ отвѣтъ сообщилъ слѣдующее:

Защищая свою честь отъ поворящихъ ее обвиненій, онъ обратился къ первоисточнику. Его сестра замужемъ за полицейскимъ приставомъ Семеновымъ. Семеновъ по родству общалъ ему навести справку въ департаментъ полиціи о секретныхъ сотрудникахъ въ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Сдѣлалъ онъ это черезъ нѣкогого Ратаева, бывшаго помощника Рачковскаго. Оказалось, что полиція, дѣйствительно, имѣетъ агента въ центральныхъ учрежденіяхъ партіи. Агентъ этотъ Азефъ. На него и ложится отвѣтственность за всѣ аресты, въ томъ числѣ и арестъ 17 марта. Татаровъ же оклеветанъ.

Въ объясненіи этомъ многое казалось невѣроятнымъ.

Было невѣроятно, что полицейскій приставъ могъ быть посвященъ въ тайны департамента полиціи. Было невѣроятно, что членъ центрального комитета, имѣя связи въ полиціи, не только не использовалъ ихъ въ цѣляхъ партійныхъ, но даже не сообщилъ о нихъ никому. Наконецъ, было невѣроятно, что товарищъ можетъ строить свою защиту на обвиненіи въ предательствѣ одного изъ видныхъ вождей партіи.

Всѣ эти обстоятельства убѣдили Чернова, Тютчева и меня, что Татаровъ предатель.

Четвертый членъ комиссіи т. Бахъ былъ за границей.

Я предложилъ центральному комитету взять на себя организацію убійства Татарова.

Я сдѣлалъ это по двумъ причинамъ. Я считалъ, во первыхъ, что Татаровъ принесъ вредъ боевой организаціи и въ ея лицѣ всему террористическому движенію въ Россіи. Онъ указалъ полиціи Новомейскаго и черезъ Новомейскаго и Ивановскую (Ивановская жила въ однѣхъ меблированныхъ комнатахъ съ Новомейскимъ. См. обвинительный актъ по дѣлу 17 марта). Указаніе это привело къ арестамъ 17 марта. Ему было извѣстно о «сѣзядѣ» боевой организаціи въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1905 г. Послѣ этого сѣзда началось наблюденіе за Азефомъ,

Якимовой и за мной. Наблюденіе это привело къ ликвидаціи дѣла бар. Унтербергера и приостановкѣ покушенія на Трепова.

Такимъ образомъ, Татаровъ фактически прекратилъ терроръ съ весны 1905 г. по октябрьскій манифестъ.

Я считалъ, во вторыхъ, что распространеніе поворящихъ слуховъ о главѣ боевой организаціи Азефѣ, задѣваетъ честь партіи, въ особенности честь каждаго изъ членовъ боевой организаціи. Защита этой чести являлась моимъ партійнымъ долгомъ.

Центральный комитетъ согласился на мое предложеніе и ассигновалъ необходимыя средства.

III.

Въ Женевѣ я познакомился съ минно-машиннымъ квартирмейстеромъ Афанасіемъ Матюшенко, бывшимъ командиромъ революціоннаго броненосца «князь Потемкинъ Таврическій». Придя лѣтомъ 1905 г. съ возставшимъ кораблемъ въ румынскій портъ Констанцу, и убѣдившись, что его товарищи матросы не будутъ выданы русскимъ властямъ, онъ поѣхалъ въ Швейцарію, но не примкнулъ ни къ одной изъ партій. Впослѣдствіи, онъ определенно склонился въ сторону анархизма. Гапонъ велъ съ нимъ сложную интригу. Онъ хотѣлъ привлечь его въ свой полумифическій «Рабочій Союзъ». На первыхъ порахъ интрига эта имѣла успѣхъ.

Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Женеву, Матюшенко зашелъ ко мнѣ на домъ. На видъ это былъ обыкновенный сѣрый матросъ, съ обыкновеннымъ сѣрымъ скуластымъ лицомъ и съ простонародной рѣчью. Глядя на него, нельзя было повѣрить, что это онъ поднялъ возстаніе на «Потемкинѣ», застрѣлилъ собственной рукой нѣсколькихъ офицеровъ и сдѣлалъ во главѣ возставшихъ матросовъ свой знаменитый походъ въ Черномъ морѣ. Придя ко мнѣ, онъ съ любовью заговорилъ о Гапонѣ:

— А батюшка то вернулся.

— Вернулся?

— Да. Два мѣсяца въ Петербургѣ прожилъ, «Союзъ» устроилъ.

— Кто вамъ сказалъ?

— Да онъ и сказалъ.

Гапонъ сказалъ Матюшенкѣ неправду. Я зналъ, что Гапонъ въ Петербургѣ не былъ, а проживъ въ Финляндіи дней десять, вернулся за границу, причемъ никакого «Союза» не учредилъ, а ограничился свиданіемъ съ нѣсколькими рабочими. Я не сказалъ, однако, объ этомъ Матюшенкѣ. Онъ продолжалъ:

— Эсъ-эры... Эсъ-деки... Надоѣли мнѣ эти споры, одно трепаніе языкомъ. Да и силы въ васъ настоящей нѣту. Вотъ у батюшки дѣла такъ дѣла...

— Какія же у него дѣла?

— А «Джонъ Крафтонъ»?

Выше № 8.

— Какой «Джонъ Крафтонъ»?

— Да корабль, что у Кеми взорвался.

— Ну?

— Такъ вѣдь батюшка его снарядилъ.

— Гапонъ?

— А то кто же? Онъ и водилъ, онъ и во время взрыва на кораблѣ находился. Едва-едва живъ остался.

Какъ я упоминалъ выше, Гапонъ никакого отношенія къ экспедиціи Джона Крафтона не имѣлъ. Дѣйствительно изъ денегъ, пожертвованныхъ въ Америкѣ, часть должна была пойти на Гапоновскій «Рабочій Союзъ», въ видѣ оружія, но этимъ и ограничивалось «участіе» Гапона.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Еще бы: самъ батюшка говорилъ!

— Гапонъ говорилъ вамъ, что онъ былъ на кораблѣ?

— Да, говорилъ: и я, говорить, въ Ботническомъ морѣ былъ, едва спасся.

— Вы хорошо помните?

— Ну, конечно.

Не оставалось сомнѣнія, что Гапонъ не брезгаетъ никакими средствами, чтобы привлечь въ свой «Союзъ» Матюшенку. Но я все-таки еще ничего не сказалъ послѣднему. Насколько же скептически Матюшенка относился къ революціоннымъ партіямъ, видно изъ слѣдующаго его характернаго письма къ В. Г. С. изъ Букареста:

«...Поймите, что вся полемика, которая ведется между партіями, страшно меня возмутила. Я себѣ представить не могу, за что онѣ грызутся, чортъ бы ихъ забралъ. И рабочихъ ссорятъ между собой, и сами грызутся. Вы знаете мое положеніе въ Женевѣ, что я тамъ былъ совершенно одинъ. Всѣ какъ будто любятъ и уважаютъ, а на самомъ дѣлѣ видятъ во мнѣ не товарища, а какую-то куку, которая механически танцевала и будетъ еще танцевать, когда ее заставятъ. Иной говоритъ: вы мало читали Маркса, а другой говоритъ: нужно читать Бебеля. Для нихъ непонятно, что каждый человѣкъ можетъ мыслить такъ же самъ, какъ и Марксъ. Сидя въ Женевѣ, я бы окончательно погрязъ въ эти ссоры и раздоры. Тамъ партіи ссорятся, чье дѣло на «Потемкинѣ», а здѣсь люди сидятъ безъ работы и безъ хлѣба, и некому пособить. Чудно: что сдѣлали, то нужно, а кто сдѣлалъ, тѣ не нужны».

Онъ былъ, конечно, правъ. За границей было много ненужныхъ треній, и для него, матроса, глубоко вѣрящаго въ революцію, эмигрантскіе разговоры были чужды и непонятны. По эмиграціи онъ судилъ и о дѣятельности партій въ Россіи. Гапонъ ловко пользовался этимъ настроеніемъ его. Нѣсколько позже, когда обнаружился обманъ Гапона, и Матюшенка, возмущенный, отдался отъ него, я какъ-то задалъ ему такой вопросъ:

— А скажите, Илья Петровичъ (такъ звали Матюшенку за границей), какое вамъ дѣло до всѣхъ этихъ споровъ?

- Да никакого, конечно.
- Такъ зачѣмъ вы слушаете ихъ?
- А что же мнѣ дѣлать?
- Какъ что? Дѣло найдется.

Матюшенко исподлобья взглянулъ на меня:

- Какое дѣло?
- Терроръ, Илья Петровичъ.
- Терроръ? Терроръ—вѣрно, настоящее дѣло. Это не языкомъ трепать... Да не для меня это.

— Почему?

Онъ задумался.

— Массовой я человѣкъ, рабочій... Не могу я въ одиночку. Что хотите, а не могу.

Я, конечно, не убѣждалъ его. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ въ Америку, а еще позже, лѣтомъ 1907 г. былъ арестованъ въ гор. Николаевѣ, съ бомбами. Его судили военнымъ судомъ и тогда же повѣсили.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего перваго разговора съ Матюшкой я случайно встрѣтилъ Гапона. Я сказалъ ему, что онъ лжетъ, рассказывая о своемъ участіи въ экспедиціи «Джонъ Крафтонъ», и что я могу уличить его въ этомъ.

Гапонъ покраснѣлъ. Въ большомъ гнѣвѣ, онъ сказалъ:

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ, Гапону, что я лгу?

Я отвѣтилъ, что настаиваю на своихъ словахъ.

— Такъ я, Гапонъ, по-твоему, лжецъ?

Я отвѣтилъ, что да, онъ, Гапонъ, по-моему, несомнѣнный лжецъ.

— Хорошо. Будешь помнить. Я все про тебя расскажу.

— Что ты расскажешь?—спросилъ я.

— Все. И про Плеве и про Сергѣя.

— Кому?

Онъ махнулъ рукой въ отвѣтъ.

Гапонъ счелъ себя оскорбленнымъ мной. Онъ послалъ въ заграничный комитетъ партіи письмо, въ которомъ требовалъ третейскаго суда между мной и нимъ.

Я отъ суда отказался. Эта встрѣча была моей послѣдней встрѣчей съ Гапономъ. Гоцъ, которому я ее рассказалъ, улыбнулся:

— И хорошо сдѣлали. Конечно, Гапонъ лжетъ, гдѣ, кому и когда можетъ.

— Но вѣдь ему вѣрятъ.

— Не очень. А скоро перестанутъ вѣрить совсѣмъ.

Таково было отношеніе мое и Гоца къ Гапону уже осенью 1905 г., но ни Гоцъ ни я, конечно, не могли предвидѣть конца его сложныхъ пнтригъ.

Дѣло Татарова было выяснено. Азефъ пріѣхалъ въ Женеву (во время слѣдствія надъ Татаровымъ онъ жилъ въ Италіи), и мы вмѣстѣ съ нимъ и Гоцомъ приступили къ обсужденію дальнѣйшихъ боевыхъ плановъ. Въ Женеву пріѣхала также Дора

Бриллиантъ. Изъ Петербурга мы получили извѣстіе, что Зильбербергъ и Вноровскій ликвидировали свои закладки, и что извозчикомъ остался одинъ Петръ Ивановъ. Всѣ трое, по нашему порученію, были предупреждены о временной пріостановкѣ дѣла Трепова, младшимъ братомъ Гоца, Абрамомъ Рафаиловичемъ, уже тогда предлагавшимъ свои услуги боевой организаціи.

Быль октябрь въ серединѣ. Въ заграничныхъ газетахъ стали появляться извѣстія о забастовкахъ въ Россіи. Извѣстія эти становились все многочисленнѣе и все важнѣе, и наконецъ появилась телеграмма, что забастовала желѣзно-дорожная сѣть. Волей-неволей приходилось пережидать забастовку въ Женевѣ.

Манифестъ 17 октября оживилъ эмиграцію. Его привѣтствовали, какъ начало новой эры: въ окончательной побѣдѣ революціи никто не сомнѣвался. Ежедневно устраивались многолюдные митинги. Ораторы говорили о значеніи совершающагося переворота, и всѣ, или почти всѣ, искренно вѣрили въ этотъ переворотъ. На одномъ изъ такихъ митинговъ мнѣ пришлось говорить рѣчь о значеніи террористической борьбы въ исторіи русской революціи.

Когда появились телеграммы,—сперва изъ крѣпости,—объ освобожденіи почти всѣхъ арестованныхъ 17 марта, а потомъ изъ Шлиссельбурга—объ освобожденіи шлиссельбуржцевъ, то даже и скептики начали вѣрить, что правительство вступило на путь реформъ. Паденіе Шлиссельбурга было залогомъ близкаго паденія самодержавія.

Въ партіи и въ центральномъ комитетѣ стали раздаваться голоса, что принятая партіей тактика не соотвѣтствуетъ политическому моменту, и что она требуетъ измѣненія. Я подхожу теперь еще къ одной причинѣ, сыгравшей, по моему мнѣнію, видную роль въ упадкѣ боевой организаціи, и, въ ея лицѣ, всего центрального террора. Я говорю о тактикѣ, принятой центральнымъ комитетомъ непосредственно послѣ 17 октября.

Аресты 17 марта и раскрытіе пріемовъ уличнаго наблюденія, какъ я уже говорилъ выше, дали правительству перевѣсъ надъ терроромъ. Кромѣ того, измѣна Татарова остановила естественный ростъ боевой организаціи и парализовала ея дѣятельность съ марта по октябрь 1905 г. Но измѣна эта теперь была обнаружена, и Татаровъ былъ устраненъ отъ какихъ бы то ни было дѣлъ. Съ другой стороны, растерянность правительства въ моментъ октябрьскаго манифеста была невиданно велика. Устраненіе Татарова и слабость полиціи, казалось, давали боевой организаціи возможность возродиться во всей своей силѣ и нанести окончательное пораженіе самодержавію. Случилось, однако, иное. Мнѣніе членовъ боевой организаціи, по крайней мѣрѣ большинства ихъ ¹⁾, вступило въ рѣзкій конфликтъ съ мнѣніемъ партіи

¹⁾ Я съ увѣренностью могу сказать, что такого мнѣнія, кромѣ меня, держались еще: Лева и Ксенія Зильбербергъ, Вноровскій, Дора Бриллиантъ, Рашель Дурье, Калашниковъ и выпущенные изъ крѣпости Моисеенко и Шпидеровъ. Мнѣнія же Иванова, Двойникова и Назарова мнѣ неизвестны.

въ лицѣ ея центрального комитета, и центральный комитетъ одержалъ въ этомъ конфликтѣ верхъ. Боевая организація въ своемъ большинствѣ (за исключеніемъ Авефа) стояла на той точкѣ зрѣнія, что единственная гарантія приобретенныхъ свободъ заключается въ реальной силѣ. Такой силой во всякомъ случаѣ могло явиться активное воздѣйствіе террора. Съ этой точки зрѣнія терроръ не только не долженъ былъ быть прекращенъ; но, наоборотъ, пользуясь благоприятнымъ моментомъ, необходимо было его усилить и предоставить въ распоряженіе боевой организаціи возможно больше людей и средствъ. Большинство партій, въ лицѣ подавляющаго большинства центрального комитета, находило, однако, что терроръ, какъ крайняя мѣра, допустимъ лишь въ странахъ неконституціонныхъ, тамъ, гдѣ нѣтъ свободы слова и печати; что манифестомъ 17 октября въ Россіи объявлена конституція, и что поэтому всякіе террористическіе акты съ этого момента принципиально недопустимы. Что же касается гарантій уже приобретенныхъ страной свободъ, то центральный комитетъ полагалъ, что народъ сумѣетъ защитить свое право. Всеобщая забастовка, многолюдные митинги и демонстраціи укрѣпили товарищей въ этомъ мнѣніи.

Предварительное совѣщаніе центрального комитета по вопросу о прекращеніи террора произошло еще въ Женевѣ, на квартирѣ у Гоца. На совѣщаніи этомъ присутствовало много народу, ибо центральный комитетъ, до реорганизаціи его первымъ партійнымъ съѣздомъ, былъ чрезвычайно многочисленъ; онъ считалъ въ то время до 30 членовъ. На засѣданіи этомъ голоса раздѣлились. Подавляющее большинство говорило противъ продолженія террористической борьбы. Въ этомъ смыслѣ долго и сильно говорилъ Черновъ. Сущность его рѣчи заключалась въ томъ, что террористическіе акты, послѣ 17 октября по принципиальнымъ причинамъ недопустимы, но что, дѣйствительно, правительству вѣрить нельзя, и единственной гарантіей завоеванныхъ правъ является реальная сила революціи, т. е. сила организованныхъ массъ и сила террора. Поэтому, по его мнѣнію, боевую организацію распустить было невозможно, слѣдовало, какъ онъ выражался «держатъ ее подъ ружьемъ». Въ случаѣ контръ-революціи сохраненная подъ ружьемъ боевая организація имѣетъ обязанность выступить съ народомъ и на защиту народа.

Точка зрѣнія Чернова была чисто теоретическая. На практикѣ она сводилась къ полному упраздненію боевой организаціи, противъ котораго возражалъ ораторъ. Для меня было совершенно ясно, что «держатъ подъ ружьемъ» боевую организацію невозможно, и что такое предложеніе можетъ сдѣлать только человѣкъ, совершенно незнакомый съ техникой боевого дѣла. Существованіе террористической организаціи, каковы бы ни были ея задачи,—центрального или мѣстнаго характера,—невозможно безъ дисциплины, ибо отсутствіе дисциплины неизбѣжно приводитъ къ нарушенію конспираціи, а таковое нарушеніе въ свою оче-

редь неизбежно влечетъ за собой частичные или общіе всей организаціи аресты. Дисциплина же въ террористической организаціи достигается не тѣмъ, чѣмъ она достигается, напр., въ арміи,— не формальнымъ авторитетомъ старшихъ; она достигается единственно признаніемъ каждого члена организаціи необходимости этой дисциплины для успѣха даннаго предпріятія. Но если у организаціи нѣтъ практическаго дѣла, если она не ведетъ никакихъ предпріятій, если она ожидаетъ въ бездѣйствіи приказаній центрального комитета, словомъ, если «она находится подъ ружьемъ», т.-е. люди хранятъ динамитъ и ѣздятъ извозчиками, не имѣя передъ собой непосредственной цѣли и даже не видя ея въ ближайшемъ будущемъ, то неизбежно слабѣетъ дисциплина: отпадаетъ единственный импульсъ для поддержанія ея. А съ ослабленіемъ дисциплины организація становится легкой добычей полиціи. Такимъ образомъ, предложеніе Чернова, на первый взглядъ какъ бы разумное, на самомъ дѣлѣ, благодаря незнанію автора его съ предметомъ, сводилось къ тому, что боевая организація неизбежно отдавалась въ руки полиціи. Азефъ понималъ это и, возражая Чернову, высказался въ пользу полного прекращенія террористической дѣятельности и немедленнаго роспуска боевой организаціи. Гоцъ тоже склонялся къ этому мнѣнію.

Я упорно возражалъ Гоцу, Азефу и Чернову. Я доказывалъ, что прекращеніе террористической борьбы будетъ грубой исторической ошибкой, что нельзя руководствоваться только параграфами партійной программы, воспреещающей терроръ въ конституціонныхъ странахъ, но необходимо считаться и съ особенностями политическаго положенія страны. Я рѣзко настаивалъ на продолженіи дѣятельности боевой организаціи.

Неожиданно я встрѣтилъ частичную поддержку въ лицѣ Тютчева. Онъ заявилъ, что въ общемъ согласенъ съ мнѣніемъ центрального комитета, но полагаетъ, что нужно сдѣлать исключеніе для нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности для Трепова, виновника 9 января, смерть котораго будетъ понятна массамъ и не вызоветъ нареканій на партію. Къ этому мнѣнію, послѣ долгихъ споровъ, присоединился и Азефъ. Въ Россіи онъ отказался и отъ этой уступки.

На слѣдующій день послѣ этого засѣданія, ко мнѣ пришла Дора Бриллиантъ. Она молчала, но я видѣлъ, что она опечалена.

— Что съ вами, Дора?

Она опустила глаза:

— Правда ли, что терроръ хотятъ прекратить?

— Правда.

— А боевую организацію распустить?

— Правда.

— И вы позволили это? Вы тоже думаете такъ?

Въ ея голосѣ были слезы.

Я сказалъ ей свой взглядъ и сообщилъ, что происходило на засѣданіи. Она долго молчала въ отвѣтъ.

— Значить, конченъ терроръ?

— Значить, конченъ.

Она встала и вышла, не говоря ни слова.

Въ началѣ ноября, въ Петербургѣ состоялось вторичное засѣданіе центрального комитета по тому же вопросу. Голоса опять раздѣлились. Громадное большинство, въ томъ числѣ Черновъ, Потаповъ, Натансонъ, Ракитниковъ и Аргуновъ, держались той точки зрѣнія, что терроръ слѣдуетъ временно прекратить, а боевую организацію «держатъ подъ ружьемъ». Немногіе, въ томъ числѣ Азефъ, настаивали, что такая формула невозможна, и что боевую организацію слѣдуетъ совсѣмъ упразднить. Я держался прежняго мнѣнія и, не видя ни въ комъ поддержки, продолжалъ утверждать, что партія обессилитъ себя такимъ шагомъ и совершитъ непоправимую въ исторіи ошибку.

Одну изъ наиболѣе сильныхъ рѣчей въ пользу полного прекращенія террора произнесъ на этомъ совѣщаніи И. И. Фундаминскій. Онъ доказывалъ, что главнѣйшая и насущная задача партіи состоитъ въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, что именно въ этомъ заключается ея историческая миссія и ея историческое величіе; что теперь, когда политическая свобода уже завоевана, всѣ силы партіи должны быть направлены на эту цѣль; что террористическая борьба отжила свое время; что она, отнимая людей и средства, только ослабитъ партію и помѣшаетъ рѣшить экономическую проблему во всей ея полнотѣ. Фундаминскій говорилъ съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, и рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе.

Большинство центрального комитета склонялось къ формулѣ компромисса, предложеннаго Черновымъ. Товарищи не отдавали себѣ отчета въ томъ, что формула эта губитъ боевую организацію и уничтожаетъ всякую надежду на центральный терроръ въ близкомъ будущемъ. Тогда Азефъ поднялся и сказалъ:

— «Держать подъ ружьемъ» невозможно. Это—слова. Я беру на свою отвѣтственность: боевая организація распущена.

Центральный комитетъ согласился съ его мнѣніемъ.

Я считалъ и считаю это рѣшеніе центрального комитета ошибкой. Опрошенные мной товарищи-террористы держались одного мнѣнія со мной. Но выбора не было. Намъ приходилось либо подчиниться центральному комитету, либо идти на открытый разрывъ со всей партіей. Мы выбрали первое, какъ наименьшее изъ двухъ золъ. Наша самостоятельная отъ партіи дѣятельность была тогда невозможна: организація была слаба, собственныхъ средствъ у насъ не было и поддержки въ обществѣ при господствовавшемъ оптимистическомъ настроеніи мы ждать не могли.

Такимъ образомъ былъ пропущенъ единственный благоприятный въ исторіи террора моментъ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться паникой правительства и усиленіемъ престижа партіи и попытаться возродить боевую организацію во всей ея прежней силѣ, центральный комитетъ изъ теоретическихъ сооб-

раженій воспрепятствовалъ развитію террора. Члены боевой организаціи разъѣхались по провинціи, боевая организація распалась. Были отдѣльные люди, принимавшіе участіе въ отдѣльныхъ террористическихъ актахъ, но не было единого цѣлаго, сильнаго своимъ единствомъ. Я долженъ оговориться. Въ моихъ глазахъ вина этого постановленія ни въ коемъ случаѣ не лежитъ на центральномъ комитетѣ. Центральныи комитетъ добросовѣстно выражалъ въ тотъ моментъ взгляды громаднаго большинства партіи, и не его, конечно, вина, если партія въ рѣшительную минуту оказалась не террористической и не достаточно революціонной.

Б. В. Савинковъ.

А. Виноградовъ-Бессель.

Авторъ статьи «Амурская колесная дорога»,—А. Виноградовъ былъ извѣстенъ за границей, какъ Бессель. Онъ принадлежалъ всегда къ крайнимъ эсэровскимъ теченіямъ.

Въ 1906 году по какому-то незначительному дѣлу онъ былъ арестованъ и содержался въ одномъ изъ московскихъ участковъ. Однажды, когда его везли изъ тюрьмы, кажется, для допроса, товарищами была сдѣлана попытка отбить его отъ сопровождавшаго его конвоя. Товарищи А. Виноградова стрѣляли, и одинъ изъ полицейскихъ былъ убитъ. Хотя самъ Виноградовъ и не стрѣлялъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ преданъ военному суду по обвиненію въ томъ, что зналъ о готовящемся его освобожденіи и принималъ въ немъ участіе. По суду онъ былъ приговоренъ въ каторжныя работы на 4 года, и потомъ его сослали въ Сибирь. Когда его перевели на Амурскую колесную дорогу, послѣ отбытія срока одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ, онъ бѣжалъ съ дороги.

Мнѣ удалось познакомиться съ А. Виноградовымъ вскорѣ послѣ его пріѣзда за границу, и я тогда же получилъ отъ него для «Былого» его статью «Амурская колесная дорога». Это—его личные воспоминанія, записанныя на свѣжую память, — и они являются какъ-бы отрывкомъ изъ его автобіографіи.

За границей А. Виноградовъ никогда не разставался съ мыслью о томъ, чтобы такъ или иначе помочь своимъ товарищамъ, оставшимся въ Сибири. Самъ онъ рвался ѣхать въ Сибирь для того, чтобы наказать кого нибудь изъ главныхъ виновниковъ тѣхъ ужасовъ, которые онъ самъ видѣлъ и пережилъ въ ссылкѣ, тюрьмѣ и на каторгѣ, и о которыхъ онъ много рассказывалъ намъ, какъ очевидецъ. Сдѣлать этого ему, однако, не удалось—и не по его винѣ.

Въ заграничной прессѣ А. Виноградовъ принималъ участіе подъ псевдонимомъ А. Градовъ.

По большей части онъ жилъ во Франціи или Италіи. Жилось ему въ эмиграціи очень трудно. Весной 1914 года онъ рѣшился, исключительно для заработка, ѣхать въ Сербію, въ одинъ изъ маленькихъ ея городковъ.

Заграничная тайная русская полиція смотрѣла на А. Виноградова всегда, какъ на активнаго и очень опаснаго террориста

и все время усиленно слѣдила за нимъ. Когда онъ выѣхалъ изъ Парижа въ Сербію, его сопровождали двое русскихъ тайныхъ агентовъ. Въ Сербіи русское правительство немедленно тайно потребовало выдачи А. Виноградова, но такъ какъ выдать его, какъ политическаго, Сербія не могла, то тогда его стали требовать, какъ уголовнаго.

А. Виноградовъ былъ неожиданно арестованъ въ Ускюбѣ, и русское правительство уже рассчитывало подъ шумокъ добиться его выдачи.

А. Виноградову удалось о своемъ арестѣ дать знать въ Парижѣ. Во всей европейской печати поднялся по этому поводу шумъ, и по поводу этихъ новыхъ происковъ русскаго правительства предвидѣлся огромный международный скандалъ. Требованіемъ выдачи А. Виноградова болѣе всего были смущены сами сербы. Сначала они считали совершенно невѣроятнымъ, чтобы русское правительство пошло навстрѣчу какому-либо международнымъ осложненіямъ въ то тревожное время, когда рѣшались вопросы о нынѣшней войнѣ, изъ-за желанія добиться выдачи эмигранта, неиграваго даже никакой особенной роли въ революціонномъ движеніи. Они искренно негодовали и не скрывали этого своего негодованія. Несмотря на всю тяжесть политическаго положенія ихъ страны, они не допускали мысли о томъ, чтобы имъ пришлось выдать А. Виноградова русскому правительству.

Когда споръ объ А. Виноградовѣ перешелъ на страницы европейской прессы, русское правительство тайнымъ образомъ столкнулось съ сербскими мѣстными властями въ Ускюбѣ, и А. Виноградовъ неожиданно для всѣхъ былъ высланъ на греческую границу. Прежде чѣмъ объ этомъ узнали въ Парижѣ, и прежде чѣмъ это стало извѣстно въ самой Греціи, греческая полиція доставила А. Виноградова въ Салоники на русскій пароходъ, и тамъ его заковали въ кандалы. Въ сопровожденіи двухъ подчиненныхъ агентовъ и А. А. Красильникова, начальника заграничной тайной полиціи, А. Виноградовъ былъ доставленъ въ Одессу.

Арестъ эмигрантовъ за границей и попытки ихъ выдачи въ Россію были въ тѣ годы обычнымъ дѣломъ для русскаго правительства. Въ борьбѣ съ эмигрантами оно, по обыкновенію, всегда жертвовало всѣмъ: и интересами страны, и интересами своихъ союзниковъ, своимъ достоинствомъ и т. д. Исторія выдачи въ Россію А. Виноградова—одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ эпизодовъ борьбы русскаго правительства съ эмигрантами по своему цинизму и по своей безсовѣстности, и она очень характерна для русскаго правительства. Въ свое время она вызвала, помимо протестовъ въ европейской прессѣ, и обширную дипломатическую переписку. Впослѣдствіи, конечно, всѣ эти документы пойдутъ въ литературѣ.

Изъ Одессы А. Виноградова доставили въ Москву, и тамъ его еще разъ судили.

Оказалось, что судить А. Виноградова было не за что, и судъ постановилъ только выслать его снова въ Сибирь для окончанія срока ссылки. Вопреки такому постановленію суда, А. Виноградова, закованнаго въ ручныя и ножныя кандалы, продолжали держать въ Москвѣ, въ московской каторжной тюрьмѣ. Тамъ онъ сидѣлъ безъ всякой медицинской помощи, тяжело больной и, несмотря ни на какія хлопоты, съ которыми я обращался тогда и въ министерство юстиціи, и въ тюремное вѣдомство, и къ мѣстной администраціи, нельзя было добиться ни перевода Виноградова въ Сибирь, ни снятія съ него ручныхъ и ножныхъ кандаловъ, хотя бы въ виду его болѣзни, ни какихъ-либо облегченій.

Въ 1916 году Виноградовъ въ страшныхъ мученіяхъ умеръ въ Бутырской одиночной тюрьмѣ.

Незадолго до его смерти, когда онъ понималъ всю серьезность своего положенія, я получилъ отъ него письмо, тайно переданное мнѣ. Это было гордое письмо, полное твердой вѣры въ то, во имя чего онъ работалъ всю свою молодую жизнь.

В. Бурцевъ.

Амурская колесная дорога.

Въ составъ русской каторги въ Сибири входятъ слѣдующія отдѣльныя тюрьмы: Александровскій централъ (въ Иркутской губ.), Тобольская каторжная тюрьма № 1 и каторжная тюрьма № 2 (въ Тобольскѣ).

Помимо этого существуетъ каторжный округъ—Нерчинскій (въ Забайк. обл.), съ слѣдующими тюрьмами: Акатуй, Горный-Зерентуй, Алгачи, Катая, Кутомара, Александровскій заводъ, Мальцевская женская тюрьма и множество золотыхъ приисковъ, гдѣ исключительно работаютъ уголовные. Мальцевская — специально женская тюрьма для каторжанокъ уголовныхъ и политическихъ. Въ этой тюрьмѣ въ данное время 38 политическихъ каторжанокъ, между ними М. Спиридонова, Измайловичъ, Езерская, Биденко и т. д.

Вышеназванныя тюрьмы служатъ лишь мѣстомъ заключенія для каторжанъ, въ то время какъ на Амурской колесной дорогѣ существуютъ тяжелыя принудительныя работы.

Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ условія жизни прямо невозможны. Страшная тѣснота. Камеры биткомъ набиты. Гдѣ должно быть 30 — помѣщается 60—65 человекъ. Отвратительная пища. Вѣчно недоѣданіе и, какъ слѣдствія всего этого—поголовное малокровіе, цынга, чахотка. Постоянныя издѣвательства, частыя избіенія и ко всему еще угрозы тѣлеснаго наказанія и часто приведеніе угрозъ въ исполненіе (въ Тобольской каторжной тюрьмѣ въ 1908 г. подвергнуто тѣлесному наказанію 12 человекъ).

Но колесная дорога превосходить все,—тамъ люди окончательно узнаютъ, что такое русская каторга.

* * *

На амурскую колесную дорогу отправляютъ только изъ александровскаго централа, обыкновенно съ апрѣля до сентября.

Партія составляется въ количествѣ 100—120 человекъ. Путь слѣдующій: сперва до Иркутска 75 верстъ пѣшкомъ, потомъ по желѣзной дорогѣ до Срѣтенска, а оттуда по Амуру до мѣста назначенія.

Такъ кажется, что пройти 75 верстъ пѣшкомъ не особенно трудно, но, если принять во вниманіе, что эти 75 верстъ надо прошагать въ тѣсныхъ и тяжелыхъ кандалахъ, и что люди со-

вершено измучены долгимъ пребываніемъ въ душныхъ и тѣсныхъ камерахъ и полуголодной жизнью,—станетъ вполне понятнымъ, что этотъ 75-ти верстный переходъ является для партіи тяжелымъ испытаніемъ. Да еще къ тому приходится шагать въ жару, когда люди буквально задыхаются отъ пыли и измучены жаждой.

Конвойные—звѣри. Приказываютъ идти рядами, а малѣйшее нарушеніе рядовъ влечетъ за собой избіеніе прикладами. Конвой нерѣдко грозитъ разстрѣломъ, когда партія заступаетъ за кого-либо изъ избиваемыхъ. Дѣлаютъ въ часъ 4—4½ вер., но часто конвой заставляетъ идти быстрее. Напираетъ на заднихъ, задніе на переднихъ—и люди летятъ во всю. На 18-ой верстѣ получасовой отдыхъ—привалъ. Потомъ снова въ путь. Падаетъ кто-либо отъ усталости—ударъ прикладомъ. На ночь отдыхъ въ этапкѣ. Небольшое зданіе на краю деревни. Размѣщаются кое-какъ. Въ 7 часовъ повѣрка—и спать. Будятъ въ 4 часа утра. У всѣхъ нестерпимо ноютъ ноги. Отъ неуклюжей казенной обуви пухыри на подошвахъ. Ноги болятъ, разбиты цѣликомъ отъ усталости, но надо вставать.

Снова обматываешь ноги портянками, одѣваешь подкандальники. Повѣрка. Опять команда: «стройся!» и по прежнему верстовые столбы, поля, лѣсъ и непрерывный лязгъ кандаловъ. Такъ до Иркутска. Отъ Иркутска по желѣзной дорогѣ до Срѣтенска. Въ Срѣтенскѣ каждую партію встрѣчаетъ мѣстный начальникъ конвоя—знаменитый Лебедевъ.

Имя Лебедева для каторжанъ—синонимъ жестокости, звѣрства и наглости. Для этого человѣка сущій пустякъ наказать роггами 3—4 человѣкъ. Каждая партія встрѣчается окрикомъ:

— Шапки долой! Смирно!

Лебедевъ обходитъ ряды, и горе тому, кто не такъ быстро снялъ шапку. Послѣ этого Лебедевъ обращается къ партіи съ рѣчью. Любить поговорить. Первымъ долгомъ совѣтуетъ сознаться, у кого распилены кандалы.

Каторжане молчатъ. Лебедевъ выкрикиваетъ:

— Тотъ конвоиръ, который найдетъ распиленные кандалы, получить 25 коп., а у кого найдутъ—25 съ того конца! И у Лебедева слово и дѣло идутъ рука объ руку.

Послѣ обыска ведутъ къ пристани. Начинается посадка въ трюмъ баржи. Баржа небольшая, палуба огорожена сплошной рѣшеткой и похожа на огромную клѣтку. Люкъ открытъ. И одинъ за другимъ спускаются въ трюмъ арестанты. Трюмъ невеликъ и страшно тѣсенъ. Потолокъ низкій. Маленькія, крошечныя окна. Трюмъ биткомъ набитъ. Лежатъ на нарахъ, лежатъ подъ нарами, въ проходахъ. Духота невыносимая, вонь. Крошечный пароходикъ медленно тянетъ на буксирѣ тяжелую баржу.

Лежа на нарахъ, слышишь плескъ воды. Заглянешъ въ окно—бѣгутъ берега. Три раза въ день повѣрка. Утромъ и подвечеръ выпускаютъ на палубу. Клѣтка заполняется людьми.

Тепло, ярко. Огромный, широкій Амуръ. Съ одной стороны русскій берегъ—низкій, покрытый кустарникомъ, съ другой стороны китайскій—гористый.

— Кончай прогулку!

Опять трюмъ, духота, шумъ, ругань. Лежишь полуголодный. До большой пристани еще далеко, а хлѣба уже нѣтъ.

Давитъ низкій потолокъ, тѣсно.

А день тянется долго, мучительно долго.

Вотъ проѣхали Благовѣщенскъ. Еще два дня—и кончено «морское» путешествіе.

Наконецъ, показывается Пашковская казачья станица.

Тутъ партія слѣзаетъ.

Выходятъ изъ трюма на палубу, съ мѣшками на плечахъ. У всѣхъ блѣдныя, измученныя лица. Сходятъ съ палубы на берегъ. Опять пріемка, обыскъ.

Темнѣетъ. Партія остается ночевать на берегу подъ открытымъ небомъ. Разставлены часовые.

Предупреждаютъ:

— Не подниматься, лежать смирно, не разговаривать!

И лежатъ 120 человѣкъ, укрывшись халатами, неподвижные, стараясь тихо говорить другъ съ другомъ.

Упала одна капля, другая. Дождь. И струйки воды забиваются подъ халатъ, подъ изголовье.

Плещется Амуръ. Небо покрыто звѣздами.

Ночь. Партія спитъ.

Часовые стоятъ по сторонамъ. Около нихъ разложены костры.

Ирѣдка кто-либо изъ каторжанъ приподнимаетъ голову. Раздается:

— Господинъ часовой! Позвольте выйти.

— Иди!—грубо несется въ отвѣтъ.

Вышелъ, пришелъ.

— Попало?—спрашиваетъ сосѣдъ.

— Нѣтъ!—радостно звучитъ въ отвѣтъ.

Съ первой же минуты партія чувствуетъ, что значить Амурская колесная дорога, когда на ней такой конвой.

Партія недоумѣваетъ: звѣри это или люди?

20 верстъ до мѣста работъ. Кандалы снимаютъ. Велятъ шагать. Партія стоитъ въ недоумѣніи.

У каждого арестанта мѣшокъ на плечахъ, вѣсомъ до пуда: тутъ и казенное бѣлье, и полушубокъ, и халатъ, и запасная обувь, и свое бѣлье (обыкновенно по всѣмъ пѣшимъ трактамъ для этихъ мѣшковъ полагаются подводы). А подвоя нѣтъ. Партія возмущается.

— Нѣтъ подвоя. Мы не пойдемъ!

Конвойные хохочутъ.

— Поидете. И до васъ шли безъ подвоя.

Никто не трогается. Мигъ—и конвой налетаетъ.

Бьютъ. Крики, стоны. Падаютъ одинъ, за нимъ другой.

Вотъ падаетъ [политическій Р-рь. Вотъ другого, С-каго, конвойный валитъ на землю ударомъ приклада.

Часть конвойныхъ демонстративно взводитъ курки.

Мелькаютъ приклады. Разъ, другой. Задніе дрогнули. Напираютъ на переднихъ. Конвой захлебывается отъ радости.

И партія обращается въ стадо. Бѣгутъ изъ всѣхъ силъ.

Сзади конвойные. И они бѣгутъ, на ходу толкая прикладами.

Падаетъ кто-либо—его поднимаютъ прикладами.

Охваченные страхомъ, люди забываютъ о тѣхъ, кто упалъ на ихъ глазахъ,—и все бѣгутъ и бѣгутъ, задыхаясь, падая и снова поднимаясь, съ тяжелыми мѣшками на плечахъ, выбрасывая на ходу все то, что не казенное: подушку, свое бѣлье, сапоги и т. д.

Бѣгутъ вплоть до палатокъ.

Палатки!

Партія останавливается, тяжело дыша, обливаясь потомъ.

И это повторяется съ каждой партіей.

* *

Амурская колесная дорога строится уже болѣе 15-ти лѣтъ. Это прокладываютъ шоссе отъ Благовѣщенска до Хабаровска. Отъ Благовѣщенска до Хабаровска 960—980 верстъ. Работаютъ на ней исключительно каторжане.

Съ 1905 г. стали посылать и политическихъ.

Существуютъ три команды: Пашковская, Суттарская и Рачихинская. Въ каждой командѣ около 400 катаржанъ, 80—85 конвойныхъ, съ десятокъ надзирателей, начальникъ конвоя, начальникъ—смотритель команды.

Каторжане и конвой помѣщаются въ палаткахъ.

Мѣсто, занимаемое каждой командой, называется лагеремъ. Въ этихъ палаткахъ живутъ съ марта до ноября мѣсяца. Въ ноябрѣ перебираются въ землянки.

Тутъ я буду говорить о Пашковской командѣ, но долженъ замѣтить, что въ остальныхъ двухъ командахъ тѣ же условія жизни и работы, развѣ съ небольшими измѣненіями.

Дорога проходитъ большей частью тайгой, порой черезъ болота, а иногда по совершенно ровной мѣстности, далеко отъ населенныхъ мѣстъ.

На окружности 200—150 верстъ ни одной деревушки. Люди отрѣзаны отъ живого міра. Тайга, болота, сопки и только 80 озвѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Лагерь.

Рядъ палатокъ для каторжанъ. Вокругъ часовые.

Напротивъ тоже палатки. Тамъ конвойные, надзиратели. Палатки дырявыя. Въ дождь такъ и хлещетъ во внутрь. Наръ нѣтъ. Устроено подобіе наръ изъ тоненькихъ, круглыхъ березъ. Нѣтъ подстилокъ, только тонкое одѣяло и халатъ. О подушкахъ нѣтъ и рѣчи. Въ концѣ августа въ этихъ палаткахъ мерзнешь.

Въ октябрѣ ставятъ желѣзные печки. Но могутъ ли онѣ помочь, когда палатки дырявыя?

Климатъ скверный — постоянные дожди, частые туманы. Закрываешься халатомъ, но не помогаетъ; просыпаешься весь мокрый. Въ палаткахъ водятся змѣи. Часто пробираются подъ рубаху и грѣются. Былъ одинъ случай укушенія, но не опасный, и публика привыкла.

Общій видъ каторжанъ воистину ужасенъ.

Всѣ оборваны, грязны, измучены. Нѣтъ человѣческаго облика.

Почти всѣ ходятъ босикомъ. Бани нѣтъ. Бѣлье выдается 1 разъ въ 4 мѣсяца, а въдѣ каждый день работаешь въ грязи и не мудрено, что по цѣлымъ недѣлямъ ходишь въ одной и той же рубахѣ. Насѣкомыхъ — бездна.

Выдача обуви полагается 4 раза въ году, но выдаютъ 2 раза. Обувь скверная и вдобавокъ такъ быстро рвется и портится отъ воды. Ну, и щеголяешь босикомъ.

У многихъ ноги покрыты ранами, обвязаны грязными тряпками, приходится голой ногой сажать лопату въ землю; пробираясь по кочкамъ — обдираешь кожу, калѣчишь пальцы.

У всѣхъ ноги больныя. И не мудрено. Постоянно приходится работать по колѣно въ водѣ. Послѣ трехъ-четырехъ недѣль такой работы ревматизмъ готовъ.

Приведу одну характерную сценку, которая часто повторяется на колесной дорогѣ.

Палатка фельдшера. Приѣмъ больныхъ. Идетъ арестантъ, хромая. Нога обвязана, виднѣется кровь.

Фельдшеръ осматриваетъ ногу и оретъ:

— Я тебѣ двадцатый разъ говорю: не ходи босикомъ!

Перемываетъ рану, кладетъ повязку.

Глядишь — и этотъ арестантъ утромъ шагаетъ на работу... босикомъ.

И такъ постоянно. Доктора нѣтъ — два фельдшера. Одинъ изъ нихъ довольно порядочный человѣкъ, но вѣчно пьянъ. Другой — бывший казакъ. За дезертирство его присудили къ 4-хъ годовичному заключенію въ крѣпости. Подалъ прошеніе на высочайшее имя, и 4 года крѣпости отмѣнили, съ обязательствомъ прослужить фельдшеромъ 5 лѣтъ на колесной дорогѣ. Негодяй, какихъ мало!

Съ арестантами обращается грубо. Дошло до того, что многіе больные перестали ходить на приѣмку.

Въ приѣмной у него всего одна бутылка съ іодомъ, и одной и той же кисточкой онъ смазываетъ сифилитическія язвы и простые нарывы. Однажды, во время работы, отъ солнечнаго удара умеръ одинъ уголовный каторжникъ. Казакъ-фельдшеръ рѣшилъ, что арестантъ притворяется. И только тогда, когда онъ его всего искололъ иголками, онъ убѣдился, что арестантъ, дѣйствительно, умеръ.

Помимо приѣмной палатки существуетъ еще такъ называемая

больничка. Въ ней всего 12 мѣстъ. Берутъ туда только тѣхъ, кто наканунѣ смерти, и огромное количество больныхъ остается въ палаткахъ.

Пищи по количеству довольно много: фунтъ мяса въ день, четыре съ половиною фунта хлѣба и каша (вечеромъ). Но мясо не свѣжее: забайкальская солонина, хлѣбъ изъ скверной, мокроватой муки.

Деньги отъ родныхъ и знакомыхъ выдаются частями, а иногда совершенно не доходить до того, кому онѣ посланы. Такъ же и письма и посылки.

Денегъ нѣтъ ни у кого. Не на что купить сахару, пьютъ кирпичный чай съ солью. Нѣтъ махорки. Высушиваютъ листья— и курятъ.

Заработная плата слѣдующая: за рабочій день полагается 12 коп., между тѣмъ за май, июнь, июль, августъ мѣсяцы 1907 г. арестанты получили по... 48 коп. на человѣка. Когда обратились къ начальнику Кнохту, жалуюсь, что такъ мало выдаютъ денегъ, что нѣтъ сахару, онъ отвѣтилъ:

— Къ чему онъ вамъ? Я самъ пью безъ сахару.

Этотъ Кнохтъ былъ когда-то начальникомъ тюрьмы на Сахалинѣ, потомъ одно время начальникомъ Тобольской каторжной тюрьмы. И тамъ онъ проводилъ свою тактику: «дави во всю».

Не удается переписываться. Люди лишены этого единственного удовольствія, которое хоть немного скрашиваетъ жизнь на каторгѣ.

Нѣтъ бумаги, марокъ, да и времени нѣтъ. Съ утра до вечера на работѣ и приходишь съ работы съ однимъ только желаніемъ: скорѣе бы заснуть.

Теперь я перехожу къ работѣ.

Будятъ въ 4 ч. утра. Выходятъ на раскомандировку. Работаютъ по десяткамъ. Десять каторжанъ и одинъ конвоирь. Десятки работаютъ другъ около друга. Въ первый день отъ новаго лагеря идутъ до мѣста работъ три версты, потомъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, пока не доходятъ до 15-ти верстъ. Это значитъ: 15 верстъ туда, работа, и 15 верстъ обратно. Съ работы возвращаются, когда уже солнце зашло.

Урокъ невыносимо тяжелый. Рѣдко удастся десятку докончить его, но администрація довольствуется и этимъ, понимая, что, задавая такой огромный урокъ, она всегда останется въ выигрышѣ. Тѣмъ болѣе, что десятковъ часто наказываютъ.

Качество почвы не принимается въ расчетъ.

Вотъ одинъ урокъ на десятокъ: вырыть канаву въ 120 аршинъ длины, въ полтора аршина ширины и три четверти глубины, и свезти землю. Другой урокъ: накопать и свезти 18 вагоновъ земли на разстояніи трехъ четвертей версты.

Другой: на протяженіи 120 арш. длины и 2 арш. ширины вырѣзать правильные четырехугольные куски дерна (каждый кусокъ глубиною въ двѣ пятыхъ арш.) и обложить ими дорогу.

Существует еще родъ работы — корчевка: вырубить десятокъ деревьевъ, распилить и землю совершенно очистить отъ корней. Самые сильные падаютъ отъ усталости. Работашь всегда по колено въ водѣ, вдобавокъ еще водится мошкара. Въ 2-3 дня лицо покрывается волдырями. Сътокъ не выдаютъ.

Дождь-ли, жара-ли, — все равно: работа продолжается. На одномъ участкѣ работали въ 40 градусовъ жары. Воды по близости не было. Съ пятю случился солнечный ударъ. Одинъ изъ нихъ умеръ. Это тотъ, котораго фельдшеръ исколотъ иглками.

Однажды нѣсколько дней подъ рядъ шелъ сильный дождь. Размыло небольшую рѣчку. И дорогу на двѣ версты совершенно залило водой. И этотъ, залитый водою, участокъ земли приходилось въ теченіе двухъ недѣль переходить въ бродъ.

Раздавалась команда: «Раздѣвайся!»

Скидывали рубахи, штаны, лопаты перебрасывали на плечи и переходили.

— Одѣвайся!

Одѣвались и становились на работу, промокшіе, продрогшіе. И такъ въ теченіе двухъ недѣль!

Въ наказаніе нѣкоторые работаютъ въ кандалахъ, но такъ возможно только поработать 2-3 дня.

Тачки сломанныя. Когда обратились къ старшему надзирателю Гвоздеву — онъ отвѣтилъ:

— На то и каторга, чтобы тачки были сломанныя, — съ цѣлыми не мудрено!

Работаютъ и по воскресеньямъ, хотя по уставу не полагается. Но что значить слово «полагается» для г. Кнохта? И гонять въ воскресенье. Зато на повѣркѣ приказываютъ пѣть «Спаси, Господи!».

Послѣ повѣрки загоняютъ въ палатки. Говорить запрещено, — поднимается разговоръ — залетааетъ надзиратель съ 2-мя конвойными — и порядокъ восстановленъ.

Больнымъ замѣняютъ земляныя работы болѣе легкими. Такъ, напр., въ теченіе одного дня, пять разъ сходить въ лѣсъ (370—400 саж.) и каждый разъ притащить по дереву. Размѣръ дерева по усмотрѣнію конвойнаго. Конвойный выбираетъ такія деревья, что по дорогѣ разъ шесть падаешь отъ усталости.

Потомъ распилить и нарубить дрова. Это до обѣда. Послѣ обѣда каждый обязанъ наполнить 40 ведерную бочку водой. Дается 2 ведра, коромысла нѣтъ. Проволочная ручка рѣжетъ руку. Вода далеко; идя, приходится скакать съ кочки на кочку. Вотъ наполнилъ, идешь. Не попалъ на кочку — ведра опрокинулись, иди обратно. Бочка, наконецъ, наполнена. Дается мѣшокъ и лопата. Обязанъ накопать 2 мѣшка песку и принести въ надзирательскія палатки. И такъ каждый день. Это работа «болѣе легкая» для больныхъ, страдающихъ порокомъ сердца, чахоткой и т. д. И такъ съ утра до вечера. Ложишься разбитымъ, встаешь разбитымъ. И такъ безъ конца. Раскомандировка. работа, повѣрка, пѣніе молитвъ — и

спать. Въ 4 часа утра встаешь — и снова за прежнее. Ни отдыха, ни сна.

Это Амурская колесная дорога.

Не даромъ старшій надзиратель Гвоздевъ однажды заявилъ: — Намъ не дороги нужны, а ваша кровь.

Арестанты это давно знаютъ. Дорога совершенно не нужна, проходить по мѣстамъ не населеннымъ, но къ ней, какъ ко всякому казенному дѣлу, присосалась тѣма паразитовъ—разные строители, подстроители, техники и т. д., благо трудъ дешевый—каторжный, да и красть можно сколько душѣ угодно. И строится эта дорога уже 15 лѣтъ, и еще пусть 15 лѣтъ строится, а не кончатъ. Третья Госуд. Дума ассигновала 500.000 рублей на дальнѣйшую постройку Амурской колесной дороги, узнавъ отъ депутата Амурской области Чиликина, что дорога «намъ не нужна».

Какъ я говорилъ уже, лагерь перемѣщается каждыя 20 верстъ. Это бываетъ, приблизительно, раза два въ три мѣсяца. Складываются палатки на повозки—и партія трогается. Пока приходятъ, устраиваются на новомъ мѣстѣ—проходить 3 дня,—и арестантамъ на эти 3 дня выдается на руки вся провизія. Такимъ образомъ каждому десятку приходится тащить на себѣ лишнѣхъ 4 пуда (кромѣ лопатъ, топоровъ, одежды и пр.). Но это не особенно пріятно и всю провизію — мясо, хлѣбъ, крупу выбрасываютъ, оставляя только по куску хлѣба. И вплоть до устройства на новомъ мѣстѣ вся команда голодаетъ.

Жизнь на колесной — сплошное мученіе.

Но все это ничто въ сравненіи съ избиеніями. Бьютъ направо. Во всю царствуетъ прикладъ. Прикладъ — это ужасъ колесной дороги. Прикладъ — это постоянная тема для разговоровъ въ палаткахъ. Тотъ сегодня получилъ 5 ударовъ, или, какъ выражаются тамъ, «сѣлъ 5 прикладовъ», тотъ «сѣлъ» 7 — и такъ безъ конца. Нѣтъ политическихъ и нѣтъ уголовныхъ. И тѣхъ и другихъ избиваютъ одинаково, и тѣ и другіе ходятъ босикомъ, въ разорванныхъ, грязныхъ рубахахъ, искусанные мошкаркой, измученные, искалѣченные.

И надъ тѣми и другими царствуетъ прикладъ.

Я приведу тутъ нѣсколько случаевъ избиенія, которые мнѣ памяты. Много позабыто, а ихъ было безконечное количество. И я беру только изъ одной команды, и въ продолженіе всего двухъ мѣсяцевъ.

Хихадзе (полит.). Заболѣлъ и не вышелъ на раскомандировку. Послѣ раскомандировки одинъ изъ надзирателей вытащилъ его за ноги изъ палатки. Велѣлъ ему встать. Когда Хихадзе всталъ — надзиратель ударомъ ноги въ животъ повалилъ его, избилъ, а потомъ позвалъ конвойнаго и велѣлъ погнать Хихадзе на работу. Больного Хихадзе заставили пройти 12 верстъ подъ прикладомъ.

Абдышевъ (уголовн.). 45 лѣтъ. Попросился у часового выйти. Часовой пустилъ. Когда Абдышевъ вернулся — часовой

Кравченко налетѣлъ на него, прикладомъ повалилъ на землю и сломалъ ему два ребра. Начальникъ конвоя, когда ему донесли объ этомъ, изволилъ замѣтить: «плохо, что сломалъ ребра, но молодецъ, что вѣренъ присягѣ». При чемъ тутъ присяга—осталось тайной.

Коссовскій, 20 лѣтъ. Не докончилъ урока. По приказанію старшаго надзирателя Гвоздева его избили. Отбили печень и легкія. У Коссовскаго чахотка. До этого былъ вполне здоровымъ человѣкомъ.

Гуткинъ (полит.). За отказъ продать свою подушку за 20 копеекъ конвойръ поймалъ его около палатки и избилъ. Когда Гуткинъ пошелъ къ фельдшеру—оказалось, что у него сломано нѣсколько реберъ. Администрація, желая замаять это дѣло, отправила его въ другую команду.

Масалковъ (полит.). Бѣжалъ, былъ пойманъ. Получилъ 25 розогъ. Работаетъ въ кандалахъ. Ежедневно его бьютъ. Все тѣло открыто ранами и кровоподтеками.

Бабичъ (полит.). За то, что онъ еврей, Бабичъ въ теченіе одного дня получилъ 12 ударовъ прикладомъ.

В-нъ. Не вышелъ на раскомандировку. Надзиратель вытащилъ его изъ палатки и избилъ дуломъ револьвера.

У В-на въ теченіе нѣсколькихъ дней не сходили кровоподтеки. Избивъ его, надзиратель крикнулъ конвойнымъ:

— А ну-ка, пощупайте его!

Къ счастью, никто изъ конвойныхъ не подошелъ. Одинъ только крикнулъ:

— Не стойтъ. Больно щупленькій.

С.—(полит.). Конвойный во время работы спибъ его прикладомъ въ канаву и, пригибая голову къ водѣ, избилъ его.

Парахинъ и Гришинъ. За попытку бѣжать, звѣрски были избиты. Гришинъ умеръ. Парахинъ при смерти.

Дрозъ (полит.). За попытку бѣжать страшно избить. Отправленъ въ тюрьму.

Изъ одного десятка бѣжалъ одинъ—Грузинскій. Остальные избиты. Въ 1905 году изъ одного десятка бѣжалъ одинъ. Остальныхъ девять конвойный застрѣлилъ. Конвойный былъ отданъ подъ судъ и получилъ 4 года каторги.—

И всегда, когда кто-либо бѣжитъ изъ одного десятка—остальныхъ избиваютъ до полусмерти.

Бьютъ!

И ужасъ, сплошной ужасъ царить на колесной дорогѣ.

Бьютъ за то, что ты еврей. Бьютъ, если носишь пенсне, длинные волосы. (А, забастовщикъ!)

Бьютъ, когда одѣваешь чистую рубаху, бьютъ просто такъ, изъ любви къ искусству. Бьютъ ночью, когда просишься «до вѣтру». Ночь. Передъ палатками параша. Выходишь, кричишь:

— Г-нъ часовой! Позвольте «до вѣтру»!

— Иди!—раздается изъ темноты.

Не успѣлъ подойти—летѣшь со всѣхъ ногъ, получилъ прикладъ. Оказывается, что конвой забавляется: «иди» кричить не передній конвойный, а боковой—и передній бьетъ. Доходило до того: выходить арестантъ изъ палатки, просится «до вѣтру».

Конвойный заявляетъ:

— Попляши, а то не пушу. Приходится плясать.

Бьютъ когда идешь на работу, бьютъ, идя съ работы, во время работъ. Бьютъ и ночью, когда громко заговоришь въ палаткѣ.

Далеко отъ Россіи, въ тайгѣ люди отданы во власть 80-ти озвѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Нѣтъ выхода, теряешь надежды—и люди рубятъ пальцы, пьютъ махорку, калѣчатъ ноги, чтобы быть отправленными въ тюрьму. Продѣваютъ иголки съ шерстяными нитками сквозь кожу.

Малыгинъ. Отрубилъ топоромъ два пальца: указательный и средний.

Крыловъ. Топоромъ отрубилъ большой палецъ руки.

Макаровъ. Положилъ палецъ подъ вагонетку. Палецъ обратился въ кашу.

Бьютъ напропалую. Когда солдатъ конвоируетъ—къ нему надо обращаться такъ: «господинъ конвойный». Когда онъ на часахъ—то «господинъ часовой».

Спуталь—и крышка: изобьютъ!

Прикладъ царить во всю. Бьютъ и надзиратели, порой не прочь ударить и самъ Кнохтъ, и техникъ Янцъ (бывшій офицеръ, отбывшій каторгу за какое-то убійство).—И такъ день за днемъ!

Смотришь на конвой и не вѣришь себѣ: люди ли это или звѣри?!

Для забавы они однажды поймали собаку, переломали ей лапы. Когда собака стала визжать—они выкопали яму и зарыли ее, подплясывая, играя на гармоніи.

Бьютъ! И ужасъ, сплошной ужасъ царить на «колесухѣ».

Отрубленные пальцы, сломанные ребра, тяжелая, невыносимая работа, надѣвательства, розги, ни сна, ни отдыха—это Амурская колесная дорога.

И что ни часъ, что ни день—все хуже и хуже, все ужаснѣе и ужаснѣе.

Парижъ, 25 апрѣля, 1909 г.

А. Виноградовъ-Бессаль.

Сибирская экспедиція барона Меллера-Закомельскаго.

Эпоха первой русской революціи и послѣдовавшей за нею реакціи ждетъ свою исторію. Только теперь послѣ второй русской революціи открылись для изученія государственные и мѣстные секретные архивы; только теперь явилась возможность ознакомленія съ матеріалами по этой эпохѣ. Подлинныя документы должны дать картину движенія 1905 года, роста, подъема и паденія волны движенія. Карательныя экспедиціи разныхъ доблестныхъ генераловъ—самыя мрачныя страницы исторіи этого времени, самыя мрачныя и наименѣе извѣстныя. Кое-что проникало въ прессу, кое-что стало извѣстно по процессамъ, а больше всего знали по слухамъ, вловѣвшимъ и темнымъ, о разстрѣлахъ, экзекуціяхъ и т. д.

Нашъ журналъ долженъ отвести мѣсто исторіи этихъ экспедицій, основанной на подлинныхъ документахъ. Изъ нихъ едва ли ни самыми важными являются отчеты самихъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ экспедицій, составленные ими для своего верховнаго вождя, для монарха. Въ этихъ отчетахъ безъ всякихъ умолчаній съ интимными подробностями генералы сами рассказываютъ о своихъ дѣяніяхъ, и ихъ отчеты говорятъ сами за себя. Цѣнность этихъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ не только въ изложеніи фактической исторіи экспедицій; для насъ цѣнность—еще въ чемъ-то другомъ, невысказанномъ, что читается между строкъ и за строками этихъ рапортовъ. Въ нихъ чувствуется нами еще и душа правителя, душа и автора, и того, для кого писались эти отчеты.

Въ ближайшихъ книгахъ «Былого» мы намѣрены опубликовать важнѣйшіе изъ этихъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ. Начинаемъ съ рапорта барона Меллера-Закомельскаго объ его экспедиціи для водворенія порядка на Самаро-Златоустовской и Сибирской жел. дорогахъ, совершенной въ январѣ 1906 года. Баронъ Меллеръ-Закомельскій—одинъ изъ темнѣйшихъ дѣятелей реакціи, изъ безпощаднѣйшихъ. Съ великимъ хладнокровіемъ, какъ о чемъ-то простомъ и понятномъ, рассказываетъ онъ о совершенныхъ его отрядомъ экзекуціяхъ, разстрѣлахъ или пристрѣлахъ безъ суда: «одинъ агитаторъ, вскочивъ на-ходу въ мой поѣздъ, началъ пропаганду среди нижнихъ чиновъ, но былъ выброшенъ на-ходу и врядъ ли когда-нибудь возобновитъ свою преступную дѣя-

тельность», — докладывает онъ царю. — «Главные виновники, послѣ точнаго выясненія ихъ виновности, были мной разстрѣляны». Съ горечью баронъ повѣствуетъ о томъ, что Чита сдалась безъ бою, и ее не удалось подвергнуть разгрому и т. д. Отличительная черта рапорта барона — необыкновенное обиліе доносительнаго матеріала. Сразу видно, что инструктировалъ генерала путешествовавшій при его отрядѣ жандармскій полковникъ. Но прекращаемъ дальнѣйшій комментарий и отсылаемъ читателя непосредственно къ тексту рапорта командира 7 армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта барона Меллера-Закомельскаго, представленнаго имъ 8 февр. 1906 года бывшему царю:

«Получивъ отъ военнаго министра высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе о командированіи меня на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую желѣзныя дороги для водворенія порядка на нихъ, я тотчасъ же выѣхалъ въ Москву, гдѣ долженъ былъ собраться вѣреннѣйшій мнѣ отрядъ.

Изъ Москвы я не могъ выѣхать раньше, чѣмъ въ ночь на 1-е января, такъ какъ 2 сводныя роты 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи прибыли въ Москву только въ 8 часовъ вечера 31-го декабря и прямо были перевезены съ брестскаго на курскій вокзалъ; кромѣ того, въ Москвѣ надо было получить деньги и сдѣлать разныя хозяйственныя распоряженія.

Во вѣреннѣйшій мнѣ отрядъ были назначены слѣдующія части:

1) Отъ гвардейскаго полевого жандармскаго эскадрона — 6 унтеръ-офицеровъ.

2) Отъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи: 2 сводныя роты изъ нижнихъ чиновъ всѣхъ четырехъ полковъ дивизіи при ротныхъ командирахъ: л.-гв. Волынскаго полка капитанъ Марченко, л.-гв. Кексгольмскаго полка капитанъ Бауэръ и офицерахъ: л.-гв. Литовскаго полка поручикъ князь Гагаринъ и л.-гв. С. Петербургскаго полка подпоручикъ Писаренко. Нижнихъ чиновъ въ обѣихъ ротахъ: унтеръ-офицеровъ — 20; рядовыхъ — 95.

3) Отъ пулеметной роты 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи 2 пулемета при офицерахъ: л.-гв. Кексгольмскаго полка капитанъ Буланже, л.-гв. Литовскаго полка поручикъ Полонскомъ и л.-гв. Кексгольмскаго полка поручикъ Евецкомъ. Нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ — 6; рядовыхъ — 8.

4) 2 орудія 2-й батареи 37-й артиллерійской бригады при штабсъ-капитанѣ Карташевѣ. Нижнихъ чиновъ: фейерверкеры — 3; бомбардировъ — 6; канонировъ — 17; лошадей — 10.

5) Отъ 4-го резервнаго желѣзнодорожнаго баталіона при подпоручикѣ Сѣдлецкомъ 12 нижнихъ чиновъ и 2 телеграфиста отъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона.

6) Отъ 1-го л.-гв. екадербурскаго Екатеринбургскаго полка 6 конныхъ ординарцевъ съ лошадьми.

7) Врачъ 221-го пѣхотнаго Троицко-Сергіевскаго полка Лубецкій, впослѣдствіи по болѣзни замѣненный въ Сызрани врачомъ 1-го запаснаго кавалерійскаго полка Добросердовымъ.

8) 2 фельдшера отъ 2-го гренадерскаго Ростовскаго и 7-го гренадерскаго Самогитскаго полковъ.

Писарь отъ управленія московскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Сверхъ того, въ составъ отряда вошли:

1) Состоящій при войскахъ Кавказскаго военнаго округа полковникъ Тарановскій, исполнявшій обязанности начальника штаба отряда. 2) Отъ военно-судебнаго вѣдомства—полковникъ Энгельке. 3) 55-го драгунскаго Финляндскаго полка подполковникъ Заботкинъ, въ качествѣ коменданта поѣзда. 4) Командированный въ мое распоряженіе отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Ковалинскій. 5) Командированный начальникомъ управленія почтъ и телеграфовъ почтово-телеграфный чиновникъ Марцинкевичъ, въ должности инспектора телеграфа.

Кромѣ этихъ лицъ, въ моемъ поѣздѣ помѣшались: командированный для разслѣдованія причинъ остановки почтово-телеграфнаго сообщенія съ Сибирью и восстановленія такового начальникъ петербургскаго почтово-телеграфнаго округа Нагорскій, съ двумя чиновниками, фельдъ-егерь, отправляющійся въ армію съ вагономъ вещей, и флигель-адъютантъ капитанъ Скалонъ.

Всего во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ находилось: генераловъ—1; штабъ-офицеровъ—4; оберъ-офицеровъ—9; всего—14; врачей—1; гражданскихъ чиновниковъ—1; нижнихъ чиновъ—184.

Передъ отправленіемъ изъ Москвы, по случаю наступленія Новаго года, я имѣлъ счастье послать вашему величеству привѣтственную телеграмму отъ всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. На станціи Пенза я былъ осчастливленъ милостивымъ отвѣтомъ вашего величества, который былъ встрѣченъ громкимъ ура всего отряда.

1-го января на станціи Узловой былъ встрѣченъ нами первый поѣздъ съ запасными, шумѣвшими и безобразничавшими. Очевидно, привыкшіе къ безнаказанности, они не повиновались приказаніямъ офицеровъ, стали бросать въ нихъ полѣньями и ушибли руку штабсъ-капитану Карташеву. Пришлось пустить въ ходъ приклады и штыки. Видя, что они не успокаиваются, я приказалъ стрѣлять, но стоило только зарядить ружья, какъ запасные разбѣжались по своимъ вагонамъ и сразу присмирѣли.

На станціи Пенза одинъ отставшій отъ эшелона запасный ослушался и ударилъ часового, схвативъ его за ружье, за что и былъ пристрѣленъ.

Нижніе чины, ѣхавшіе въ пассажирскихъ поѣздахъ, нерѣдко занимали мѣста въ 1 и 2 классахъ, несмотря на присутствіе тамъ офицеровъ и даже генераловъ. Такихъ пересаживали на свои мѣста, а упорствующихъ выдворяли прикладами, а потомъ нагайками въ виду того, что дѣйствіе прикладами выходило слишкомъ энергичнымъ.

До станціи Самара охраны станцій войсками еще не было,

а далѣе стояли части XIII армейскаго корпуса, но дѣйствовали онѣ очень вяло и безпорядковъ не прекращали.

На Сибирской дорогѣ отъ Красноярска я засталъ уже ставшія на охрану части 4-го сибирскаго корпуса, дѣйствовавшія энергично и сразу водворившія порядокъ.

На одной станціи унтеръ-офицеръ, начальникъ караула, приказалъ зарядить ружья и этимъ однимъ разогналъ буйствовавшихъ матросовъ.

Къ моему проѣзду особенно буйные эшелоны уже проѣхали. Наиболѣе безобразными были эшелоны моряковъ, плѣнныхъ портъ-артурцевъ, тыловыхъ нестроевыхъ командъ и сборные эшелоны; въ нѣкоторыхъ не было вовсе начальника эшелона, а во многихъ начальники не удовлетворяли своему назначенію, боялись нижнихъ чиновъ и совершенно не показывались. Естественно, что у такихъ начальниковъ весь эшелонъ выходилъ изъ повиновенія. Не могу умолчать о томъ, что начальникъ эшелона № 232, капитанъ 2-го ранга Скороходовъ, послѣ того, какъ чины вѣреннаго мнѣ отряда приняли необходимыя мѣры для водворенія порядка среди нижнихъ чиновъ упомянутаго эшелона на станціи Боготолъ, позволилъ себѣ совершенно ложно обвинить моихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ истязаніи матросовъ. Вначалѣ рѣдкое исключеніе составляли эшелоны запасныхъ 4-го сибирскаго корпуса, слѣдовавшіе въ полномъ порядкѣ, но впоследствии мнѣ пришлось встрѣтить и другіе эшелоны, слѣдовавшіе тоже въ порядкѣ.

Кромѣ неудачнаго назначенія начальниковъ эшелоновъ, на возникновеніе безпорядковъ среди запасныхъ оказали свое вліяніе еще и слѣдующія обстоятельства:

1) Начальники эшелоновъ нерѣдко не имѣли списковъ ѣхавшихъ съ ними людей. Въ нѣкоторыхъ эшелонахъ людямъ съ мѣста отправленія выдавались полностью всѣ слѣдующія имъ деньги. Сбиваемые съ толку агитаторами, они пропивали все въ началѣ дороги и продолжали путь, совершенно озвѣрѣвшіе и потерявшіе не только воинскій, но и человѣческій видъ отъ безпробуднаго пьянства. Другимъ выдавались деньги лишь на часть пути, и начальникамъ такихъ эшелоновъ приходилось по дорогѣ обращаться къ комендантамъ станцій съ просьбами о выдачѣ денегъ, но, не имѣя достаточныхъ къ тому данныхъ, коменданты не всегда могли ихъ удовлетворять. Отъ этого происходили задержки въ пути, а стремленіе нагнать потерянное время вызывало безпорядки, выражавшіеся въ угрозахъ и насиліяхъ надъ агентами желѣзной дороги, отнятіи паровозовъ у поѣздовъ и тому подобное.

2) Въ виду полного разстройства въ движеніи эшелоновъ, нельзя было точно опредѣлить, въ которомъ часу эшелоны запасныхъ могутъ быть на продовольственномъ пунктѣ, и потому невозможно было приготовить своевременно горячую пищу.

3) Почти въ каждомъ поѣздѣ запасныхъ ѣхали агитаторы-

революціонеры, раздававшіе нижнимъ чинамъ деньги и спаявшіе ихъ. Иногда эти агитаторы переодѣвались въ военную форму. Стремясь привлечь на свою сторону войска или только имѣть возможность убѣдить общество въ сочувствіи арміи революціонному движенію, вожаки послѣдняго не останавливались ни передъ чѣмъ. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Иркутскѣ солдатскія шинели скупались по 15—25 рублей за штуку, въ нихъ одѣвали разныхъ лицъ и устраивали изъ переодѣтыхъ антиправительственныя демонстраціи, митинги и тому подобное, и послѣ этого по всей Россіи разсылали телеграммы о томъ, что воинство перешло на сторону революціи.

Если агитаторы попадали въ поѣздъ запасныхъ, сохранившихъ понятіе о долгѣ, то ихъ нерѣдко избивали и выбрасывали на-ходу; если же они забирались въ среду матросовъ или портъ-артурцевъ, то пропаганда имѣла успѣхъ, и безобразія такихъ эшелоновъ возрастали.

Агитаторы въ своей дерзости дошли до того, что на станціи Омскѣ одинъ изъ нихъ сталъ раздавать прокламаціи нижнимъ чинамъ вѣреннаго мнѣ отряда, за что былъ сильно избитъ ими.

Другой около станціи Иланской, вскочивъ на-ходу въ мой поѣздъ, началъ пропаганду среди нижнихъ чиновъ, но былъ выброшенъ на-ходу и врядъ-ли когда-нибудь возобновитъ свою преступную дѣятельность.

Два такихъ агитатора, изъ которыхъ одинъ былъ въ военной формѣ, выданные эшелонами запасныхъ на станціи Мысовой и воплію уличенные въ ихъ преступной дѣятельности по найденнымъ у нихъ прокламаціямъ и по ихъ собственному признанію— были разстрѣляны.

Въ Сызрани я обратилъ вниманіе на дѣятельность эвакуаціонной комиссіи, вслѣдствіе недостаточно внимательнаго отношенія къ дѣлу которой на этой станціи было постоянное скопленіе нижнихъ чиновъ и запасныхъ.

Отсутствіе военной охраны на станціяхъ было причиной того, что запасные позволяли себѣ безобразничать.

Начальникъ жандармскаго отдѣленія въ Тулѣ подполковникъ Гулевичъ очень удачно пополнилъ этотъ пробѣлъ, вооруживъ своихъ жандармовъ винтовками.

У него на станціи сразу образовалась команда человекъ въ 20 вооруженныхъ, представляющихъ изъ себя серьезную силу, и на этой станціи за все время движенія эшелоновъ безпорядковъ не замѣчалось.

Мнѣ кажется, что вооруженіе жандармовъ винтовками—мѣра крайне желательная. Опытъ послѣднихъ безпорядковъ доказалъ, что 10—20 человекъ съ винтовками въ состояніи разогнать тысячную толпу. Въ Германіи, Австріи, Италіи и всѣхъ другихъ западныхъ государствахъ всѣ жандармы вооружены винтовками.

Плѣнные моряки и портъ-артурцы во время пребыванія въ Японіи усиленно развращались прокламаціями революціонныхъ

комитетовъ и жидами-врачами изъ числа взятыхъ въ плѣнъ. Японцы, отдѣливъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ отъ офицеровъ, никого изъ этихъ послѣднихъ къ нимъ не допускали, врачамъ же жидамъ разрѣшалось безпрепятственное общеніе съ нижними чинами. Ихъ старались убѣдить, что въ Россіи правительства и власти нѣтъ, а всѣмъ орудуяютъ революціонные комитеты.

Врачи-жиды, кромѣ того, усиленно работали, чтобы дискредитировать офицеровъ въ глазахъ нижнихъ чиновъ, и продолжали свою дѣятельность и на пути по Забайкальской и Сибирской дорогамъ. Мнѣ пришлось въ Челябинскѣ арестовать двухъ врачей-жидовъ, Фалька и Клейна, вслѣдствіе указанія ѣхавшихъ съ ними офицеровъ, что эти врачи всю дорогу подбивали нижнихъ чиновъ противъ офицеровъ.

Вообще жиды-врачи въ арміи принесли массу вреда своей агитаторской революціонной дѣятельностью.

Когда плѣнные прибыли во Владивостокъ, то всѣ тамошніе беспорядки и послабленія, которые они видѣли по отношенію къ виновнымъ со стороны генерала Казбека, могли вызвать у нихъ мысль, что наступило время господства революціонныхъ комитетовъ, и они сами, забывши дисциплину, вышли изъ всякихъ границъ.

Но вредъ, причиненный правильности движенію по Сибирской и Забайкальской дорогамъ беспорядками запасныхъ и плѣнныхъ, является ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ зломъ, которое въ этомъ отношеніи причинила дѣятельность разныхъ революціонныхъ комитетовъ, образовавшихся на этихъ дорогахъ.

Увлеченные примѣромъ старшихъ, примкнули къ нимъ мастеровые депо и телеграфисты. Вѣрными своему долгу оставались, за рѣдкимъ исключеніемъ, кондуктора и низшіе служащіе. Захвативъ телеграфъ въ свои руки, стачечный революціонный комитетъ передавалъ только то, что находилъ для себя нужнымъ.

Сбитые съ толку всякими ложными свѣдѣніями, умышленно распространяемыми комитетами, рабочіе въ мастерскихъ начали волноваться, и на Забайкальской дорогѣ даже рѣшался вопросъ о необходимости захватить дорогу въ свои руки, и только въ виду убыточности этотъ вопросъ былъ отложенъ, но былъ образованъ особый комитетъ по перевозкѣ войскъ изъ арміи.

Такой же комитетъ дѣйствовалъ и въ Харбинѣ.

Главная задача этихъ комитетовъ, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы возможно быстро вывезти запасныхъ изъ арміи, и этимъ, доказавъ свою готовность служить благу народа, заморить ватѣмъ армію голодомъ и не допустить возвращенія ея въ Россію.

На весь свѣтъ гремѣли сообщенія, что запасные на всемъ пути уничтожаютъ депо, станціи, разгоняютъ и убиваютъ служащихъ, и что, благодаря этому, движеніе на Сибирской дорогѣ остановилось.

Мнѣ лично пришлось убѣдиться въ лживости подобныхъ свѣдѣній.

Ни одной разгромленной станціи я не видалъ. Были, разумеется, случаи расправы съ нѣкоторыми служащими, но серьезнаго вліянія на приостановку движенія имѣть они не могли.

Исключая случаи столкновенія пьяныхъ запасныхъ съ агентами дороги, избіенія послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ вызывались задержками эшелоновъ на станціяхъ и развѣздахъ, обусловленными дѣйствіями тѣхъ же агентовъ. Могу указать на то, что стачечники заморозили паровозы и запретили машинистамъ, ѣдущимъ обратно на востокъ, перевозить какой-либо грузъ, прекратили подвозъ топлива и всякія работы по приведенію паровозовъ въ порядокъ, и всѣ станціи на Сибирской дорогѣ оказались забитыми гружеными вагонами.

Рабочіе самовольно ввели восьмичасовой рабочій день, но и при этомъ условіи, получая высокую заработную плату, относились къ своему дѣлу крайне недобросовѣстно.

Ближайшіе начальники потворствовали этому, а высшіе смотрѣли на это сквозь пальцы, и мнѣ извѣстенъ случай, что инженеръ Рюминъ, явно уличенный въ антиправительственной пропагандѣ, получилъ даже повышение, а другіе инженеры раздавали боевой дружинѣ имѣющіяся на дорогѣ казенныя ружья.

Всѣ эти безпорядки вынудили генерала Сухотина, еще до моего приѣзда въ Омскъ, отправить по линіи желѣзной дороги отрядъ изъ 200 человекъ подъ командой подѣсаула Алексѣева.

Насколько революціонеры чувствовали себя безнаказанными, и до какой степени рабочіе разсчитывали на бездѣтельность начальства, видно изъ того, что, несмотря на присутствіе военной охраны и недавній проѣздъ отряда Алексѣева, они взяли экстренный поѣздъ на станціи Иланской и отправились въ числѣ 300 человекъ въ Канскъ требовать освобожденія арестованныхъ.

Къ сожалѣнію, командиръ Томскаго полка полковникъ Борисовъ не только не задержалъ ихъ въ Канскѣ, но защитилъ ихъ отъ мѣстнаго населенія, собравшагося ихъ бить, и уговорилъ вернуться на Иланскую.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого случая я прибылъ на станцію Иланскую. Мнѣ доложили, что рабочіе собрались въ депо на сходку.

На станціи стоялъ эшелонъ Терско-Кубанскаго полка; я распорядился взять полсотни этого эшелона и съ частью своего отряда и ротой охраны станціи Иланской послалъ оцѣнить депо, гдѣ была сходка. Когда нижніе чины вошли въ депо, по нимъ открыли огонь. Они отвѣтили тѣмъ же и въ одинъ мигъ всѣхъ разогнали, причемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, изъ числа застигнутыхъ въ депо было 19 убито, 70 ранено и 70 человекъ арестовано.

Еще въ Омскѣ 9-го января я узналъ о выступленіи генерала Ренненкампа на Забайкальскую дорогу для уничтоженія

въ Читѣ временнаго правительства и для водворенія порядка на желѣзной дорогѣ. Телеграфъ сообщалъ преувеличенныя свѣдѣнія о состояніи обороны этого города, жители котораго захватили 13 вагоновъ съ трехлинейными винтовками, массу патроновъ и берданокъ.

Находя необходимымъ оказать генералу Ренненкампу помощь и перехватить бѣглецовъ изъ Читы, я двинулся на Забайкальскую дорогу и остановился на станціи Мысовой, о чемъ и сообщилъ генералу Ренненкампу.

Для усиленія своего отряда я захватилъ съ собою летучій отрядъ подѣсаула Алексѣева, который нагналъ на станціи Иннокентьевской.

11-го января я получилъ отъ генерала Ренненкампа телеграмму, которою онъ меня просилъ помочь ему взять Читу.

Въ Иркутскѣ начальникъ Забайкальской дороги и завѣдывающій передвиженіемъ войскъ заявили мнѣ, что фактически они никакой власти не имѣютъ на дорогѣ, и что могутъ распоряжаться только до ближайшаго депо, вся же остальная линія находилась въ рукахъ стачечнаго комитета.

Въ справедливости ихъ словъ мнѣ пришлось лично убѣдиться изъ захваченныхъ на станціяхъ телеграммъ: ни одно распоряженіе начальства не исполнялось до разрѣшенія стачечнаго комитета.

Мое появленіе на Забайкальской дорогѣ сразу подняло престижъ власти и подорвало значеніе стачечнаго комитета.

Подвигаясь по Забайкальской дорогѣ къ Читѣ, я попутно производилъ аресты виновныхъ въ сопротивленіи властямъ.

Главные виновники, телеграфисты и члены стачечнаго комитета, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, послѣ точнаго выясненія ихъ виновности и собственного ихъ признанія, были мною разстрѣляны: на станціи Мысовой — 5 человекъ и на станціи Могоновъ — 7 человекъ.

Другіе телеграфисты, менѣе виновные и несовершеннолѣтніе, были наказаны плетьюми.

Такой образъ дѣйствій далъ должные результаты. По всей Забайкальской дорогѣ до Читы рабочіе начали сами сдавать имѣющееся у нихъ оружіе, которымъ для вооруженнаго сопротивленія ихъ усиленно снабжала Чита, а частью было роздано изъ числа хранившагося на станціяхъ для вооруженія нѣкоторыхъ агентовъ дороги; телеграфисты прекратили передачу всякихъ стачечныхъ депешъ; благонамѣренный элементъ служащихъ пріободрился, а введенный ранѣе восьмичасовой рабочій день замѣнился девятичасовымъ.

По заявленію начальника Забайкальской дороги Свенцицкаго, завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ подполковника Дѣвановскаго, начальника движенія Карпова и многихъ другихъ, дорога отъ Читы до Иркутска сразу послѣ моего проѣзда вошла въ законное положеніе, и они получили возможность распоряжаться на ней.

Такой реакціи не было замѣтно, по словамъ тѣхъ же лицъ, на участкѣ отъ Манчжуріи до Читы.

Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла въ Читѣ, приходилось поневолѣ придавать нѣкоторую вѣру телеграфнымъ свѣдѣніямъ, которыя, какъ потомъ выяснилось, оказались преувеличенными. Генералъ Ренненкампфъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ и я, и выражалъ сожалѣніе, что мой отрядъ слишкомъ малъ, вслѣдствіе чего я усилилъ его еще 300 человекъ Верхнеудинскаго полка изъ Верхнеудинска и двинулся на Читу, куда и прибылъ 22-го, часовъ въ 12 дня.

Не дожидая трехъ верстъ, я приказалъ отряду высадиться, построиться въ боевой порядокъ, поставить орудія на позицію, а подъесаула Алексѣева съ его отрядомъ послалъ осмотрѣть мастерскія, въ которыхъ, по слухамъ, революціонеры заперлись и собирались оказать вооруженное сопротивленіе.

Оказалось, что читинцы сложили бывшее у нихъ оружіе и боевые припасы,—около 30 тысячъ винтовокъ, ручныя гранаты, динамитъ, пироксилинь и патроны. Произошло это отъ того, что назначенный генераломъ Ренненкампфомъ временный генералъ-губернаторъ генералъ Полковниковъ и временный губернаторъ генералъ Сычевскій вступили въ переговоры съ революціонерами и убѣдили ихъ сдаться. Это была крупная ошибка, подобная той, которую сдѣлали при подавленіи революціи въ Красноярскѣ, и я совершенно раздѣляю мнѣніе генерала Сухотина, сожалѣвшаго, что Красноярскъ сдался безъ боя. Если генералъ Сухотинъ и не расправился сурово съ мятежниками, то это объясняется отсутствіемъ у него въ то время достаточной вооруженной силы, чего никакъ нельзя сказать про генерала Ренненкампфа, подошедшаго къ Читѣ съ цѣлою стрѣлковою дивизіею, съ 2 гаубицами, 2 горными орудіями и сотнею казаковъ. Я нахожу, что для пользы дѣла необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами въ дипломатическіе переговоры. Разгромъ Читы послужилъ бы прекраснымъ урокомъ всѣмъ этимъ революціоннымъ обществамъ и надолго отнялъ бы у нихъ охоту устраивать революціи. Безкровное же покореніе взбунтовавшихся городовъ производитъ никакого впечатлѣнія.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ ненормальное положеніе въ Читѣ создано преступнымъ поведеніемъ командующаго войсками Забайкальской области и военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Холщевникова.

Генералъ Холщевниковъ призналъ существованіе стачечныхъ и всякихъ другихъ комитетовъ, посѣщалъ митинги солдатъ и давалъ имъ объясненія въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ официальной газетѣ «Забайкальскія Областныя Вѣдомости» помѣщались статьи и объявленія самаго преступнаго содержанія, причемъ редакторомъ этого изданія былъ родственникъ генерала Холщевникова, Арбеновъ, проживавшій у него же въ домѣ.

Генералъ Холщевниковъ выдалъ изъ артиллерійскаго склада

оружіе бунтовщикамъ и передалъ имъ почтово-телеграфную контору. По требованію революціонеровъ онъ освободилъ изъ каторжной тюрьмы моряковъ черноморскаго флота и приказывалъ освобождать арестованныхъ нижнихъ чиновъ, даже такихъ, которые нанесли своимъ офицерамъ оскорбленія дѣйствіемъ. Онъ въ концѣ подорвалъ дисциплину, объявивъ войскамъ, что рѣшеніе Читинскаго комитета, впредь до созыва учредительнаго собранія, для нихъ должно быть закономъ.

Благодаря этому въ полкахъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, Срѣтенскомъ и Нерчинскомъ и въ особенности въ Читинскомъ резервномъ баталіонѣ, начались волненія.

4-й пѣхотный сибирскій Верхнеудинскій полкъ, какъ стоящій вдали отъ Читы, не подпалъ подъ общее теченіе и остался вполне вѣренъ своему долгу, въ чемъ я могъ лично убѣдиться при проѣздѣ черезъ Верхнеудинскъ.

Командующій Читинскимъ полкомъ генералъ-маіоръ Румшвицъ и офицеры напечатали въ «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» письмо, въ копіи при семъ повергаемое на высочайшее ваше императорскаго величества благовозвращеніе ¹⁾. Это письмо бывшій начальникъ упомянутой дивизіи нынѣ умершій генералъ-маіоръ Морозовъ и генералъ Холщевниковъ разсылали въ остальные полки для руководства. Командиръ Верхнеудинскаго полка

Копія.

¹⁾ Копія заявленія офицеровъ 2-го пѣхотнаго сибирскаго Читинскаго полка. Прибывъ въ городъ Читу, мы были возмущены крайне нелѣпными слухами о принадлежности Читинскаго полка къ какой-то партіи, стремящейся причинить насиліе гражданамъ г. Читы, а посему мы, офицеры Читинскаго полка, заявляемъ:

1) Мы вполне сочувствуемъ происходящему въ настоящее время въ Россіи освободительному движенію и передаемъ законодательной власти представителямъ народа.

2) Армія, по нашему мнѣнію, есть достоинство всего государства, а такъ какъ государство составляетъ весь народъ, то она не должна принадлежать ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій или союзовъ. Въ противномъ случаѣ, одна изъ партій, къ которой присоединилась бы армія, имѣла бы соблазнъ употребить силу арміи на подавленіе другихъ партій, что противно свободѣ, признанной въ Россіи.

3) Армія имѣетъ своей задачей исключительно обезпеченіе родины отъ вѣншихъ враговъ, нападающихъ на наше отечество открытою силою, и исполняетъ приказанія того правительства, которое въ каждый моментъ признается въ Россіи законнымъ.

4) Армія или часть ея, въ виду объявленной въ Россіи неприкосновенности личности, не можетъ производить ни убійства, ни другого какого-либо насилія надъ мирными гражданами Россіи, къ какой-бы партіи граждане ни принадлежали и кто-бы къ арміи ни предъявлялъ требованія такіа насилія совершить.

5) Мы считаемъ поворомъ подавленіе какой-бы то ни было политической партіи силою оружія и употребленіе послѣдняго противъ манифестацій и демонстрацій, протекающихъ мирнымъ порядкомъ.

6) Въ борьбѣ различныхъ политическихъ партій Читинскій полкъ не принимаетъ на себя полицейскихъ обязанностей, но въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, угрожающихъ окончиться кровопролитіемъ, мы, читинцы, впредь до сформированія милиціи достаточной силы, будемъ считать долгомъ по требованію гражданскихъ властей принимать участіе въ предупрежденіи братоубійственной войны.

полковникъ Чанышевъ доложилъ мнѣ, что онъ и его офицеры были этимъ крайне поражены и къ руководству это письмо не приняли.

Все волненіе въ Читѣ генераль Холщевниковъ могъ бы подавить однимъ Читинскимъ полкомъ тотчасъ по возвращеніи послѣдняго съ театра военныхъ дѣйствій, но онъ этого не сдѣлалъ. Мало того, по расформированіи Читинскаго резервнаго баталіона, бунтовавшаго вмѣстѣ съ рабочими, нижніе чины этого баталіона были назначены къ Читинскій полкъ. Солдаты этого послѣдняго принялись за нихъ и начали съ ними расправляться за высказываемые ими революціонные взгляды. Генераль Холщевниковъ и временно-командующій Читинскимъ полкомъ генераль Румшевичъ, вмѣсто того, чтобы подвергнуть виновныхъ законной отвѣтственности, не нашли ничего лучшаго сдѣлать для водворенія порядка, какъ собирать нижнихъ чиновъ и объяснять имъ, что теперь, при свободѣ слова, нельзя преслѣдовать за высказываемыя мнѣнія, каковы бы они ни были.

Наружный порядокъ былъ водворенъ, но зараза искоренена не была. Со своей стороны начальникъ мѣстной бригады генераль-маіоръ Якубинскій не принималъ никакихъ мѣръ къ подавленію революціоннаго движенія во ввѣренныхъ ему частяхъ.

Генераль Холщевниковъ вызвалъ среди Забайкальскихъ казаковъ даже аграрное движеніе, объяснивъ имъ, что принадлежащая Кабинету земли должны быть собственностью казаковъ.

Въ виду допущенныхъ генераломъ Холщевниковымъ антиправительственныхъ статей въ официальной газетѣ «Забайкальскія Областныя Вѣдомости», начали появляться такія же статьи и въ газетѣ «Верхнеудинскій Листокъ», причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ и войска прямо призываются къ бунту. Увѣдныя

7) Мы давно сознаемъ необходимость самыхъ коренныхъ реформъ въ арміи и будемъ привѣтствовать проведеніе ихъ законодательнымъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе среди нижнихъ чиновъ идей, направленныхъ на уничтоженіе въ войскахъ дисциплины и возбужденіе антагонизма между офицерами и солдатами, мы признаемъ вреднымъ для арміи и будемъ стараться воспитывать нижнихъ чиновъ въ духѣ честнаго исполненія долга передъ родиной.

Подлинное подписали: командующій полкомъ генераль-маіоръ Румшевичъ, подполковники: Соловьевъ, Степановъ, Чанышевъ, Саложниковъ, подпоручикъ Карелинъ, капитанъ Костенко, капитанъ Савицкій, капитанъ Якубовскій, капитанъ Скороткевичъ, подпоручикъ Голяшкинъ, подпоручикъ Колычевъ, подполковникъ Астафьевъ, капитанъ Бѣльскій, капитанъ Соломко, поручикъ Алексѣевъ, поручикъ Каплинскій, подпоручикъ Кычаковъ, прапорщикъ Графъ, подпоручикъ Вознесенскій 2, прапорщикъ Размазнянъ, прапорщикъ Рыцъ, лекарь Куриковъ, врачъ Аристовъ, штабсъ-капитанъ Цитовичъ, прапорщикъ Багаевъ, штабсъ-капитанъ Грѣшнеръ, прапорщикъ Пашихинъ, капитанъ Еремѣевъ, штабсъ-капитанъ Бароновъ, капитанъ Данисовъ, штабсъ-капитанъ Саламовъ 2, подполковникъ Крыжановскій, капитанъ Лосевъ, штабсъ-капитанъ князь Ухтомовскій, кол. рег. Матовъ, п. д. начальника штаба 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, ген. шт. подполк. Бицнуда, капитанъ Шмелевъ, штабсъ-капитанъ Ендржіевскій, врачъ Медовой, врачъ Гросманъ, капитанъ Иващенко, прапорщикъ Жеребятъевъ, поручикъ Самарцевъ, штабсъ-капитанъ Дробшевскій, полковой адъютантъ подпоручикъ Вознесенскій.

начальникъ, статскій совѣтникъ Хамскій, былъ безсиленъ прекратить эту газету, такъ какъ генераль Холщевниковъ болѣе двухъ мѣсяцевъ не отвѣчалъ ему и не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а мѣстный товарищъ прокурора съ своей стороны совершенно пассивно относился къ такому направленію этой газеты.

Чтобы такъ или иначе уничтожить это зло, названный уѣздный начальникъ и жандармскій офицеръ предлагали бывшему начальнику гарнизона, верхнеудинскому уѣздному воинскому начальнику, составить постановленіе о закрытіи упомянутой газеты, взявъ это на общую ихъ отвѣтственность, но не получили на это его согласія.

Я прекратилъ изданіе, запечаталъ типографію и арестовалъ издателя и редактора упомянутой газеты, о чемъ и сообщилъ прокурору Иркутской судебной палаты для привлеченія ихъ къ уголовной отвѣтственности за подстрекательство къ бунту. По заявленію уѣзднаго начальника, эта газета въ Верхнеудинскѣ не вызвала крупныхъ волненій только потому, что большинство жителей города принадлежитъ къ числу лицъ благонамѣренныхъ.

Очевидно, подъ вліяніемъ всего происходившаго въ Читѣ, завѣдывающій продовольственнымъ пунктомъ на станціи «Петровскій заводъ», сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Стрѣлковскій, забывши долгъ службы, выдалъ пріѣхавшимъ революціонерамъ 100 винтовокъ, сданныхъ ему на храненіе начальникомъ жандармскаго отдѣленія. Стрѣлковскій былъ мною немедленно арестованъ и отправленъ въ Иркутскъ, и о поступкѣ его я сообщилъ временному генераль-губернатору для преданія этого офицера суду.

Столь преступная дѣятельность генерала Холщевникова не могла бы продолжаться такъ долго, если-бы стачечный комитетъ не находилъ поддержки въ лицѣ главнокомандующаго генералъ-адъютанта Линевица. Онъ принималъ представителей этихъ комитетовъ, имѣвшихъ свою резиденцію въ Харбинѣ, и совѣщался съ ними.

Лица, противодѣйствующія стачкамъ, не только не находили поддержки у генерала Линевица, но даже увольнялись имъ отъ службы; такъ, напримѣръ, губернаторъ Амурской области генераль Путята просилъ уволить начальника Благовѣщенской почтово-телеграфной конторы въ виду того, что онъ, противясь забастовкѣ служащихъ на почтѣ и телеграфѣ, тѣмъ самымъ нарушаетъ общій строй жизни въ Благовѣщенскѣ. Генераль Линевицъ перевелъ этого начальника въ другое мѣсто.

Эвакуаціей войскъ и запасныхъ занимался смѣшанный революціонный комитетъ. Генералу Надарову и всѣмъ чинамъ его штаба, непріятнымъ этому комитету, вслѣдствіе противодѣйствія, оказываемаго ими стачечникамъ, былъ объявленъ бойкотъ, и по постановленію стачечнаго комитета желѣзными дорогамъ было запрещено везти ихъ какъ на западъ, такъ и на востокъ. До какой степени доходило вліяніе этого комитета на дѣла, видно изъ того, что даже генераль Батяновъ, не раздѣлявшій взгля-

довъ генерала Линевица, считался съ мнѣніемъ означеннаго комитета, такъ какъ нашелъ нужнымъ напечатать опроверженіе газетныхъ замѣтокъ, вызванныхъ его рѣчью, сказанной на правдникѣ георгіевскихъ кавалеровъ 26-го ноября 1905 года на станціи «Яомынъ». Приводя и прося дословно перепечатать сказанную рѣчь, генераль Батяновъ въ концѣ своего опроверженія подъ заглавіемъ «Для правды» обращается къ стачечному комитету Китайской Восточной желѣзной дороги и разъясняетъ ему смыслъ своей рѣчи.

Запасные нижніе чины сами обращались къ генералу Линевицу съ требованіемъ о немедленной отправкѣ, и ихъ требованія немедленно исполнялись. Имъ же былъ отданъ комендантамъ станцій на Забайкальской дорогѣ секретный приказъ не задерживать буйныхъ и безобразничавшихъ эшелоновъ, а наоборотъ, скорѣе ихъ пропускать. Когда этотъ приказъ былъ полученъ въ Читѣ, то эшелонъ запасныхъ, узнавъ о немъ, потребовалъ отъ коменданта станціи немедленнаго отправленія, грозя въ противномъ случаѣ начать безобразничать; вслѣдствіе этого былъ отцѣпленъ паровозъ отъ поѣзда, гдѣ ѣхали офицеры, и запасные были отправлены.

Всѣ преступленія въ арміи наказывались очень слабо. Командующіе арміями и многіе генералы не разъ указывали генералу Линевицу, даже въ рѣзкихъ письмахъ, на упадокъ дисциплины, но онъ не обращалъ на это должнаго вниманія, находя, что это есть результатъ современнаго движенія въ обществѣ, и что къ этому надо относиться снисходительно, такъ какъ это въ «духѣ времени».

Генераль-адъютантъ Линевицъ находить возможнымъ признавать чистосердечнымъ раскаяніе артиллеристовъ, измѣнически ранившихъ генерала Селиванова и убившихъ двухъ офицеровъ во Владивостокѣ, гдѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было уже три бунта, и еще никто за это не наказанъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ первый бунтъ матросовъ разросся вслѣдствіе нераспорядительности и попустительства генерала Казбека. Матросы, шумѣвшіе на базарѣ, были уже окружены ротой и начали успокаиваться, когда явился генераль Казбекъ и вступилъ съ ними въ переговоры. Повѣривъ ихъ обѣщанію успокоиться, онъ никого не арестовалъ. Освобожденные матросы подхватили генерала Казбека и заставили освободить арестованныхъ на гауптвахтѣ и въ тюрьмѣ. Послѣ этого генераль Казбекъ заперся у себя на квартирѣ, и только категорическое заявленіе офицеровъ гарнизона, что они сами начнутъ распоряжаться и наведутъ порядокъ, вывело его изъ бездѣятельности.

Дѣйствуя генераль Казбекъ энергично и рѣшительно съ самаго начала—и бунта никакого бы не было. Нашелъ же возможнымъ генераль Селивановъ замѣстить генерала Казбека, выстрѣлами разогнать бунтующихъ матросовъ сибирскаго экипажа и солдатъ.

8-я сибирская пѣхотная дивизія, стоящая во Владивостоѣ, послѣ того, какъ въ нее влили мятежныхъ матросовъ и глядя на всѣ безобразія, творящіяся во Владивостоѣ, тоже не надежна и развращена.

Уже три мѣсяца идетъ разборъ перваго Владивостокскаго бунта, и до настоящаго времени никто изъ виновныхъ не понесъ заслуженнаго наказанія.

Медленность въ разборѣ судебныхъ дѣлъ обусловливается какъ малочисленностью состава военно-окружныхъ судовъ, такъ и промедленіемъ въ передачѣ дѣлъ военнымъ слѣдователямъ и, кромѣ того, между военными судьями, прокурорами и слѣдователями попадаютъ люди мало энергичные. Былъ даже такой печальный случай въ городѣ Омскѣ, что военный судья генералъ-маіоръ Габріаловичъ позволилъ себѣ публично вмѣшаться въ распоряженія и порицать дѣйствія полиціи и войскъ, призванныхъ къ разсѣянію демонстрантовъ, шедшихъ съ красными флагами. За этотъ поступокъ, совершенно недопустимый для русскаго генерала, а тѣмъ болѣе для военнаго судьи, генералъ Габріаловичъ только переведенъ на Кавказъ.

Что же касается до чиновъ гражданской судебной власти, то большинство изъ нихъ явно потворствуетъ всѣмъ стачечнымъ комитетамъ, умышленно затягиваетъ дѣла, выпускаетъ арестованныхъ и этимъ самымъ подбадриваетъ бунтовщиковъ, вселяя въ нихъ увѣренность, что все для нихъ можетъ кончиться пуляками.

Въ Верхнеудинскѣ, напримѣръ, товарищъ прокурора не находилъ нужнымъ приостановить газету «Верхнеудинскій Листокъ», явно призывавшую войска и народъ къ бунту.

Въ городѣ Красноярскѣ прокуроръ выпустилъ главарей боевой дружины за недостаткомъ уликъ, а черезъ недѣлю, когда ему были представлены всѣ свѣдѣнія, вновь приказалъ ихъ задержать, но они успѣли скрыться. Товарищъ прокурора Сколмоуевскій находитъ законными союзы почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, а между тѣмъ эти союзы были главными двигательными нервами стачечныхъ комитетовъ, и только благодаря имъ безпорядки разраслись до такихъ размѣровъ.

Въ Красноярскѣ мировой судья Лаппо сотрудничалъ въ газетѣ «Красноярскій Рабочій», печатавшейся въ губернской типографіи, вѣроятно, съ вѣдома вице-губернатора Соколовскаго, замѣнявшаго тогда губернатора.

Распоряженіемъ вице-губернатора Соколовскаго, между прочимъ, въ октябрѣ были выпущены изъ народнаго дома вооруженные мятежники,—а ихъ тогда можно было легко задержать. Губернаторъ Давыдовъ считаетъ недоразумѣніемъ арестъ инженера Нюберга, подписавшагося подъ требованіемъ рабочихъ ввести восьмичасовой рабочий день и издающаго антиправительственный сатирическій еженедѣльникъ «Фонарь».

Къ сожалѣнію, чины корпуса жандармовъ, эти главные ор-

ганы власти для борьбы съ революціей, далеко не всѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Мало такихъ распорядительныхъ людей, какъ полковникъ Сыропятовъ, начальникъ полицейскаго жандармскаго управленія Сибирской дороги, и подполковникъ Гулевичъ, начальникъ тульского отдѣленія Сызрано-Вяземской дороги.

Многіе изъ нихъ не ознакомлены съ дѣломъ, недостаточно рѣшительны и дѣйствуютъ, большей частью полагаясь на разные слухи и агентурныя свѣдѣнія, не трудясь тщательно ихъ провѣрить, и потому результаты ихъ дѣйствій мало успѣшны. Такъ, напримѣръ, въ Сызрани я былъ задержанъ на 14 часовъ заявленіемъ начальника сызранскаго отдѣленія подполковника Цвѣтухина, что въ Батракахъ находится главный складъ оружія и взрывчатыхъ веществъ московской боевой дружины, охраняемый особымъ карауломъ двухинниковъ. Для обыска мною былъ привлеченъ также и эскадронъ 1-го запаснаго кавалерійскаго полка изъ Сызрани, но ничего найдено не было, и никакихъ карауловъ отъ боевой дружины никто, оказывается, не видѣлъ.

На станціи Иланской ротмистръ Свѣтъ, имѣя цѣлую роту въ своемъ распоряженіи, допустилъ рабочихъ взять необходимый подвижной составъ для поѣздки въ Канскъ съ цѣлью освобожденія арестованныхъ и не потрудился даже выяснитъ главныхъ зачинщиковъ.

Когда на той же станціи части ввѣреннаго мнѣ отряда пошли въ депо для ареста собравшихся тамъ на митингъ рабочихъ, то оказалось, что данный въ провожатые станціонный жандармскій унтеръ-офицеръ не зналъ входовъ и выходовъ изъ депо. Естественно, что производимые при такихъ условіяхъ аресты нерѣдко оказываются ни на чемъ не основанными и влекутъ немедленное освобожденіе, что крайне вредно отзывается на успѣшности борьбы съ революціонерами. Большой частью задерживаются низшіе служащіе, эти слѣпые исполнители распоряженій революціонныхъ комитетовъ; главарей же движенія, особенно если они занимаютъ болѣе высокое служебное положеніе, они оставляютъ въ покоѣ, боясь попасть въ печать. Эта боязнь служить еще лишнимъ доказательствомъ того, что жандармскіе чины сами не всегда увѣрены въ правильности своихъ дѣйствій.

Весьма значительный вредъ дѣлу борьбы съ революціонерами приноситъ полная неопредѣленность взаимныхъ отношеній и точнаго распредѣленія правъ и обязанностей чиновъ жандармской полиціи и военной охраны. На Забайкальской дорогѣ военная охрана находится всецѣло въ подчиненіи завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ, а на Сибирской дорогѣ подчинена жандармской власти и обязана дѣйствовать по ея указаніямъ, причемъ бывали такіе случаи, что начальникъ охраны не только ставился въ подчиненіе младшему себя чиномъ, но даже получалъ указанія отъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Кромѣ того, возложеніе на начальника полицейскаго управленія Сибирской

дороги, сверхъ прямыхъ его обязанностей, еще обязанностей начальника всей военной охраны по линіи въ 3000 верстъ приводить къ тому, что онъ и подчиненные ему чины отвлекаются отъ исполненія главныхъ обязанностей по полицейскому надзору и борьбѣ съ революціонною пропагандою.

Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ безусловно необходимо изъять охрану изъ подчиненія жандармской власти и назначить особаго начальника охраны, строго опредѣливъ отношенія его и начальника жандармскаго управленія.

Наконецъ, необходимо объединить дѣятельность завѣдывающихъ передвиженіемъ войскъ по Сибирской и Забайкальской желѣзнымъ дорогамъ въ рукахъ начальника военныхъ сообщеній, которому и можно было бы подчинить охрану на этихъ дорогахъ.

Въ настоящее время на всѣхъ станціяхъ Сибирской дороги стоитъ надежная охрана изъ частей 4-го сибирскаго корпуса. Размѣщенная на главныхъ станціяхъ, гдѣ устроены депо и мастерскія, и находится наиболѣе безпокойный элементъ рабочихъ, охрана сразу, при извѣстной энергіи, могла бы предотвратить всякіе безпорядки и въ случаѣ необходимости быть сосредоточена на любомъ пунктѣ этого района.

Стоящія теперь на охранѣ части войскъ 4-го сибирскаго корпуса представляютъ собой вполнѣ надежную охрану; къ сожалѣнію, не могу сказать того же про войска XIII армейскаго корпуса, охранявшія Сибирскую дорогу ранѣе.

Все начальство этого корпуса, начиная съ корпуснаго командира и кончая командирами полковъ, уѣхало со своими штабами и головными эшелонами на мѣста своего квартированія въ Россіи, оставивъ части на попеченіе довольно слабыхъ офицеровъ.

Исключая рѣдкіе единичные случаи, дѣйствовали они не только очень вяло, но иногда даже сами производили безпорядки, отказывались нести службу охраны и требовали немедленнаго возвращенія въ Россію. Баталіонъ 4-го копорскаго полка отказался отправиться въ Томскъ; части Невскаго и Софійскаго полковъ угрожали коменданту станціи Иннокентьевская разгромомъ, если онъ ихъ тотчасъ не отправитъ на родину. За исключеніемъ 8-й роты (капитана Романовскаго) весь 2-й баталіонъ 142-го пѣхотнаго Звенигородскаго полка велъ себя совершенно безобразно: нижніе чины относились враждебно даже къ своимъ офицерамъ и не признавали ихъ власти, продавали водку, пьянствовали, собирались на митинги подъ предсѣдательствомъ вольноопредѣляющагося Корсакова, пѣли революціонныя пѣсни и братались съ рабочими, обѣщая имъ свою поддержку. Былъ даже одинъ случай продажи рядовымъ своей винтовки. Баталіонный командиръ подполковникъ Смирновъ и его офицеры бездѣйствовали, и тотъ же штабъ-офицеръ допустилъ избиеніе рабочими жандармскаго ротмистра Рудакова, и по требованію ихъ, прапорщикъ Истоминъ обезоружилъ этого ротмистра.

Командиръ баталіона Дорогобужскаго полка подполковникъ Якимовичъ заявилъ, что онъ ожидаетъ ежеминутно волненій въ своемъ баталіонѣ.

3-я и 4-я роты 2-го желѣзнодорожнаго баталіона взбунтовались въ Красноярскѣ, и командиръ баталіона полковникъ Алтуфьевъ, заранѣе предупрежденный о возможныхъ беспорядкахъ, никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію не принималъ. Полковникъ Алтуфьевъ еще до войны былъ признанъ негоднымъ и отставленъ отъ командованія 4-мъ желѣзнодорожнымъ баталіономъ, но, къ сожалѣнію, нашли возможнымъ, вѣроятно, въ виду отсутствія командировъ, дать ему 2-й желѣзнодорожный баталіонъ.

Въ концѣ ноября одна рота этого баталіона была вытребована на станцію Обь для противодѣйствія желѣзнодорожной забастовкѣ, и командиру роты стоило большаго труда доставить свою роту по назначенію. Тотчасъ по прибытіи въ Обь саперы приняли участіе въ митингахъ, а затѣмъ, по вызову революціонеровъ изъ Красноярска, самовольно вернулись въ этотъ городъ.

Командиръ Звенигородскаго полка, стоявшій въ это время на станціи Обь съ однимъ баталіономъ, не принялъ никакихъ мѣръ, такъ какъ былъ неувѣренъ въ своемъ баталіонѣ.

По просьбѣ завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ подполковника Кусонскаго убрать желѣзнодорожный баталіонъ изъ Красноярска, командующимъ войсками округа отданъ былъ приказъ разоружить ихъ и отправить въ Россію, но обѣ эти роты исполнить это приказаніе отказались и открыто примкнули къ революціонерамъ.

3-й желѣзнодорожный баталіонъ, посланный на охрану Сибирской дороги, ничего не дѣлалъ, не работалъ и по своему поведенію оказался ненадежнымъ, почему и былъ вызванъ въ Петербургъ. По дорогѣ туда, нижніе чины баталіона все время пьянствовали и глумились надъ своими офицерами, не смѣвшими выходить изъ вагона. О неблагонадежности этого баталіона было сообщено въ Петербургъ.

Наблюдаемое броженіе въ вышеупомянутыхъ частяхъ было результатомъ недобросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ офицеровъ и командировъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеры хотѣли работать, то даже такія команды, какъ команды продовольственныхъ пунктовъ, составленныя изъ нестроевыхъ разныхъ частей, сохранили полный порядокъ, вслѣдствіе чего ихъ пришлось вооружить винтовками и поручить имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охрану станцій.

На станціи Тайшетъ завѣдывающій продовольственнымъ пунктомъ поручикъ Мрозовскій, по собственной инициативѣ, водворялъ порядокъ между запасными, а въ Нижнеудинскѣ команда продовольственнаго пункта поручика Покровскаго отстояла желѣзнодорожную кавзу и станцію отъ захвата мятежниками.

По заявленію завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ по

Сибирской дорогѣ, не было ни одного случая безпорядка среди этихъ командъ.

Къ сожалѣнію безпорядки производили не только запасные нижніе чины, но и возвращающіеся съ Дальняго Востока офицеры причиняли иногда комендантамъ станцій не меньше хлопотъ своимъ буйнымъ поведеніемъ. У такихъ офицеровъ не хватало мужества оградить себя отъ нахальства запасныхъ нижнихъ чиновъ: извѣстны случаи, что поѣзда, въ которыхъ ѣхало до 150 человѣкъ офицеровъ, откупались отъ запасныхъ. Имѣя каждый по револьверу, эти офицеры могли бы сами усмирить не одинъ буйствующій эшелонъ, но они сами этого не сдѣлали и переносили молча даже надѣвательства жидовъ-врачей.

Нерѣшимость офицеровъ и генераловъ ярко выразилась въ такомъ случаѣ: въ Красноярскѣ, чтобы разгромить мятежниковъ, запершихся въ депо, необходимо было имѣть два орудія. Временный генералъ-губернаторъ генералъ Рѣдько обратился за содѣйствіемъ къ командиру 36-й артиллерійской бригады, проѣзжавшему въ это самое время со своимъ эшелономъ черезъ Красноярскъ. Генералъ Поповъ, ссылаясь на разные причины, орудій не далъ и тѣмъ самымъ лишилъ возможности покончить съ красноярскими мятежниками.

На станціи Пенза комендантъ моего поѣзда привелъ ко мнѣ сотника Млодзинскаго, ѣхавшаго съ Востока, желавшаго пройти черезъ платформу съ орудіями, несмотря на предупрежденіе часового, что это запрещено, а потомъ вступившаго въ неумѣстныя пререканія съ тѣмъ же комендантомъ по тому же поводу. При объясненіи со мной, этотъ офицеръ обнаружилъ полное отсутствіе дисциплины и воинскаго приличія.

Среди нижнихъ чиновъ стоящей въ городѣ Самарѣ 3-й запасной артиллерійской бригады, еще въ декабрѣ прошлаго года началось броженіе, которое, повидимому, не обратило на себя должнаго вниманія начальства. Постепенно усиливаясь, броженіе это дошло до того, что въ январѣ мѣсяцѣ два нижніе чина произвели покушеніе на командира названной бригады генералъ-маіора Сергѣева. Несмотря на выдающуюся важность этого происшествія, командиръ батареи, къ составу которой принадлежали виновные, только недавно удаленъ отъ должности, а слѣдственная комиссія, назначенная для разслѣдованія этого дѣла, до сихъ поръ не окончила своихъ дѣйствій, и виновные не понесли заслуженнаго ими наказанія. По распоряженію начальства, у всѣхъ нижнихъ чиновъ бригады отобраны револьверы, и вслѣдствіе этого они не могутъ нести караульной службы.

По всей линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ разбросаны госпитальные, дезинфекціонные и продовольственные пункты.

Въ госпиталяхъ этихъ нѣтъ почти больныхъ. На станціи Мысовой лежитъ всего 20 человѣкъ въ госпиталѣ, рассчитанномъ на 250 человѣкъ, и тамъ же предполагаютъ открыть еще отдѣ-

леніе на столько же. На продовольственныхъ пунктахъ никто почти не довольствуется, а дезинфекціонные пункты бездѣйствуютъ.

Въ лазаретахъ сестры милосердія, фельдшера и врачи сидятъ безъ дѣла, и въ лучшемъ случаѣ эти послѣдніе не занимаются пропагандой.

Желательно скорѣйшее расформированіе означенныхъ учреждений:—это принесетъ немалую экономію казнѣ и вернетъ къ своимъ обязанностямъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которыхъ очень много на такихъ пунктахъ.

Сибирская дорога загромождена перепрѣлой мукой и гнилымъ овсомъ, которые, несмотря на это, все-таки отправляются въ армію, гдѣ, по составленіи акта о негодности, все это уничтожается, что можно сдѣлать на мѣстѣ, не перевоза подобныхъ грузовъ, не вводя этимъ казну въ совершенно непроезжимыя расходы и не занимая подвижного состава, необходимаго для поднятія другихъ болѣе важныхъ грузовъ.

На обратномъ своемъ проѣздѣ по Сибирской дорогѣ я нашелъ ее въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ раньше. Движеніе восстанавливается и входитъ въ норму, есть еще небольшая задержка въ виду недостатка угля, но и этотъ вопросъ, если только сейчасъ не форсировать дорогу усиленной перевозкой войскъ въ теченіе 3—4 недѣль, тоже будетъ улаженъ. Благодаря военному положенію, удалось революціонное движеніе временно подавить, но нельзя считать его окончившимся. Есть данныя предполагать, что со снятіемъ военного положенія мятежники примутся снова за свою работу. Такіе города, какъ Иркутскъ, Красноярскъ, Чита, и такіе центры желѣзнодорожной линіи, какъ Канскъ, Каинскъ, Иннокентьевская, Обь, Зима, Тайга,—требуютъ серьезнаго и постоянного наблюденія и рѣшительныхъ мѣръ со стороны администраціи.

Въ виду особаго значенія, которое имѣетъ Сибирская желѣзная дорога—необходимо было бы сдѣлать ее дорогой военной. Этимъ самымъ дорога будетъ ограждена отъ вліянія всякихъ стачечныхъ революціонныхъ комитетовъ, и явится возможность помѣстить многихъ раненыхъ, которымъ здоровье не позволяетъ служить въ строю. Необходимо только, чтобы жалованье служащимъ было сохранено то же самое, которое получаютъ нынѣ служащіе агенты дороги.

До окончательнаго подавленія революціоннаго движенія слѣдовало бы приостановить высылку политически неблагонадежныхъ лицъ въ административномъ порядкѣ въ такія мѣста Забайкалья, какъ Срѣтенскъ и Нерчинскъ, и вообще близкія къ желѣзной дорогѣ. Лица этой категоріи ведутъ усиленную агитацію и нерѣдко становятся во главѣ движенія какъ въ городахъ, такъ и среди желѣзнодорожныхъ служащихъ, вслѣдствіе чего слѣдовало бы запретить пріемъ ихъ на эти желѣзные дороги. Въ данное время идетъ уже броженіе въ Якутской области, и, по свѣдѣніямъ

генерала Сухотина, якуты, подстрекаемые тамошними ссыльными, взбунтовались и идутъ на Якутскъ.

Можно было бы выбрать для высылки ссыльныхъ сѣверные города Сибири, откуда они, во-первыхъ, не въ состояніи уйти въ виду отсутствія путей сообщенія, во-вторыхъ, облегчается надзоръ за ними, и, въ-третьихъ, мало почвы для ихъ пропаганды.

Неправильно отданный генераломъ Линевичемъ приказъ относительно пособія семействамъ запасныхъ, а также затягивающаяся въ Главномъ Штабѣ провѣрка заявленій портъ-артурцевъ и плѣнныхъ о размѣрѣ полагающагося имъ вознагражденія за понесенные убытки, все это такіе факторы, которыми не преминутъ воспользоваться ссыльные для своей преступной агитаціи. Между прочимъ, знакомясь съ дѣятельностью всевозможныхъ революціонныхъ партій, мнѣ пришлось натолкнуться на «партію сибирскихъ автономистовъ», которые, отказываясь отъ какого бы то ни было участія въ другихъ обществахъ, ставятъ своей задачей полное отдѣленіе Сибири отъ Россіи и устройство собственнаго Сибирскаго Сената.

Считаю своимъ долгомъ свидѣтельствовать передъ вашимъ императорскимъ величествомъ о примѣрномъ отношеніи къ службѣ и энергіи въ дѣйствіяхъ, проявленныхъ всѣми Г. г. штабъ и оберъ-офицерами и нижними чинами вѣреннаго мнѣ отряда.

На подлинномъ докладѣ барона Меллеръ-Закомельскаго бывшій императоръ положилъ слѣдующую резолюцію: «Провинившихся предать суду. О лицахъ гражданскаго вѣдомства сообщать подлежащимъ министрамъ».

Дружескія услуги нѣмецкой полиціи.

Разыскивая и преслѣдуя русскихъ революціонеровъ за границей, нашъ департаментъ полиціи былъ вынужденъ обращаться къ содѣйствію полицейскихъ начальствъ различныхъ европейскихъ государствъ. Отношеніе къ своимъ просьбамъ департаментъ встрѣчалъ различныя, по большей части, отрицательныя, но отношенія германской полиціи всегда оставались неизмѣнно сочувственными и дружескими. Русскій департаментъ полиціи могъ быть увѣренъ, что всѣ его просьбы будутъ выполнены, и ежели бы оказались къ тому формальныя препятствія, президентъ полиціи всегда помогъ бы русскимъ собратьямъ частнымъ образомъ, конфиденціально, разъ только рѣчь шла о причиненіи какихъ-либо непріятностей русскимъ революціонерамъ и эмигрантамъ. Намъ нерѣдко придется отмѣчать симбіозъ русской и нѣмецкой полиціи въ области политическаго сыска. Въ настоящей книгѣ приводимъ документъ, свидѣтельствующій о той трогательной заботливости, съ какой президентъ берлинской полиціи собирался уловлять нелегальную русскую литературу.

Россійскій императорскій консулъ въ Берлинѣ Кудрявцевъ 8 20 апрѣля 1885 года обратился къ П. Н. Дурново, бывшему въ это время директоромъ департамента полиціи, со слѣдующимъ письмомъ.

«Милостивый государь Петръ Николаевичъ. Довѣрительное отношеніе Вашего Превосходительства отъ 2 текущаго № 198 я имѣлъ честь получить и передать содержаніе онаго вмѣстѣ съ приложеніемъ президенту полиціи ¹⁾).

Г. фонъ Мадаи поручилъ мнѣ довести до свѣдѣнія министерства, что германское правительство давно уже вмѣнило ему въ обязанность, а равно и всѣмъ его сотоварищамъ, ворко слѣдить за проходящими, черезъ нѣмецкую территорію, транспортами революціонныхъ изданій. Такимъ образомъ настоящее наше обращеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому духу и началамъ дѣйствій, коими руководствуются германскія таможенныя и полицейскія власти. Мнѣ категорически подтверждено самое широкое содѣйствіе въ открытіи и преслѣдованіи тайной транспортировки въ имперію заграничныхъ запрещенныхъ книгъ.

Я сказалъ, что мнѣ подтверждено содѣйствіе, ибо оно уже было намъ обѣщано при передачѣ президенту полиціи содержанія отношенія Вашего Превосходительства отъ 31 минувшаго января № 393. Я обратилъ тогда вниманіе г. фонъ Мадаи на заботы членовъ революціонной партіи выбрать пограничный пунктъ для

¹⁾ Президентъ берлинской полиціи—фонъ Мадаи.

тайной перевозки въ предѣлы Россіи запрещенныхъ изданій, а равно и на имѣющееся свѣдѣніе, что избранный пунктъ, повидимому, есть г. Торнъ, въ которомъ поселился въ послѣднее время нѣкто Леонъ Цесельскій.

Тогда же, по сему предмету, было сдѣлано сношеніе съ ланд-ратомъ, который въ концѣ марта м. донесъ, что дѣйствительно купецъ Цесельскій, онъ же Главацкій, находился нѣкоторое время въ окрестностяхъ Торна, занимаясь покупкою рыбы въ Данцигѣ и отправкою ея въ Варшаву. Очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ рыбою онъ занимался тайно передачею книгъ, но онъ исчезъ, прекративъ свои торговые операціи.

Президентъ полиціи полагаетъ, что отправителемъ книгъ долженъ быть извѣстный Мендельсонъ, проживающій въ Парижѣ, но часто отлучающійся и появляющійся въ Швейцаріи и Бельгіи. Путь, избранный для ввоза книгъ въ Германію и черезъ нее въ Россію, проходитъ чрезъ Брюссель и Ахенъ, а оттуда въ Бреславль, Позенъ и Торнъ. Недавно задержано было нѣсколько ящиковъ въ Бреславлѣ, два—въ Торнѣ и столько-же въ Ахенѣ, куда они были адресованы на имя всѣмъ извѣстнаго богатаго и почтеннаго негоціанта, который категорически отказался отъ сообщенія съ злоумышленниками, рассчитывавшими воспользоваться его именемъ.

Г. фонъ Мадаи не скрываетъ трудности открытія и выслѣживанія. Практика показываетъ, что въ этой борьбѣ почти что одна случайность приноситъ искомые результаты. Систематичность дѣйствій едва возможна, ибо враги, ознакомившись съ ея существованіемъ, немедленно покидаютъ избранный путь, устанавливая новый, болѣе скрытный и удобный. Въ послѣднее время, напри-мѣръ, нѣмецкимъ пограничнымъ таможеннымъ достовѣрно извѣстно, что немало лицъ переходитъ и переѣзжаетъ границу, обкладывая себя революціонными газетами. Эти люди, раздѣваясь до-нага, обортываютъ себя по нѣсколько разъ листами, числомъ до ста и болѣе. Способъ этотъ по большей части удается искуснымъ злоумышленникамъ, такъ какъ на границѣ не существуетъ права раздѣвать путешественниковъ.

На нашей же границѣ, по мнѣнію, здѣсь установившемся, царить вполнѣ устроенная контрабандная система, благодаря евреямъ, исключительно отдавшимся этому промыслу. Поэтому у насъ, можетъ быть, не одна случайность, какъ въ Германіи, но и систематичность мѣръ не излишня для борьбы съ этимъ крайне вопіющимъ зломъ.

Въ заключеніе позволяю себѣ думать, что вновь учрежденное вице-консульство наше въ Торнѣ немало будетъ способствовать успѣху означенной борьбы правительства съ контрабандною организаціею на русско-прусской границѣ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и истинной преданности. А. Кудрявцевъ».

Юбилей Кіевского Университета.

(Историческая справка).

Прикрываясь благовидными побужденіями, съ одной стороны, избавить профессуру отъ выполнения чуждыхъ ей административно-хозяйственныхъ обязанностей, мѣшавшихъ якобы ея спокойной научной работѣ и вовлекавшихъ ее въ страстную борьбу партій, а съ другой стороны, обезпечить нормальную обстановку для учебныхъ занятій студенчества, реакціонныя силы уже съ первыхъ почти дней существованія устава 1863 г. открыли противъ него рѣшительную войну, такъ какъ даже крайне слабые элементы академическаго самоуправленія, заключавшіеся въ этомъ уставѣ, представлялись имъ въ высшей степени опасными, явно противорѣчащими основнымъ особенностямъ русскаго государственнаго строя. Независимая наука немыслима была при тѣхъ порядкахъ, когда все должно было подчиняться «видамъ правительства», и наука, обреченная на службу бюрократіи, естественно обращалась, по мѣткому выраженію И. С. Аксакова, въ Staats-науку.

Усилія реакціонной клики въ 1884 г. увѣнчались полнымъ успѣхомъ: университетамъ былъ данъ новый уставъ, первый благодѣтельный, по опредѣленію Каткова, «органическій» законъ царствованія Александра III. Этимъ «органическимъ» закономъ закладывалось прочное основаніе будущему блистательному святилищу истинно-русской науки, свободной отъ тлетворныхъ умствованій западныхъ либераловъ и революціонеровъ, такъ какъ профессора избавлялись, по увѣреніямъ реакціонеровъ, отъ вредной и ненавистой лучшимъ изъ нихъ партійности, неизбѣжной при выборномъ началѣ. Въмѣсто выборныхъ ректора и декановъ, бывшихъ безгласными пѣшками въ рукахъ вліятельныхъ партійныхъ вожаковъ, университеты получали настоящихъ начальниковъ, назначенныхъ правительственною властью, которая при этомъ назначеніи руководится правильно понимаемыми интересами науки, и эти начальники направляютъ профессуру къ ея истинному призванію, къ разработкѣ науки и къ плодотворному ея преподаванію подрастающимъ поколѣніямъ русскаго юношества. Широкое развитіе института приватъ-доцентуры должно повести къ смѣнѣ отжившихъ политиковъ и пинригановъ на кафедрахъ свѣжими научными работниками, и наши университеты воспрянуть изъ того состоянія упадка, въ которое они были по-

вержены уставомъ 1863 года. Руководимые новыми профессорами, студенты будутъ избавлены отъ разлагающаго вліянія либеральныхъ и соціально-революціонныхъ ученій, усиленно проповѣдывавшихся съ кафедръ съ середины 50-хъ годовъ; что же касается внѣшней дисциплины, то она прочно будетъ обезпечена установленіемъ въ университетахъ сильной и благожелательной власти въ лицѣ инспектора и его помощниками, отъ бдительнаго надзора которыхъ не ускользнутъ вредные элементы, порождающіе смуту и волненія въ студенческой средѣ. Такимъ образомъ, со введеніемъ новаго устава, наши университеты сравняются съ германскими, такъ какъ въ нихъ будутъ по существу обезпечены свобода преподаванія и свобода ученія (Lernfreiheit и Lehrfreiheit), которыя могутъ считаться первой причиною процвѣтанія науки въ Германіи.

Столь идиллическая картина, набросанная творцами университетскаго устава 1884 г., далеко не внушала къ себѣ довѣрія со стороны широкихъ общественныхъ круговъ, и прежде всего со стороны учащагося юношества, которому сулились такіа радостныя перспективы. Во всѣхъ прекрасныхъ словахъ реакціонеровъ о грядущемъ развитіи русской науки слишкомъ явно проглядывало лицемеріе, которымъ прикрывались политическія тенденціи, ничего общаго не имѣвшія съ идеалами академической жизни. Общее направленіе правительственной внутренней политики, поставившей себѣ главною и чуть ли не единственною цѣлью искорененіе крамолы, не давало возможности питать какія-либо радужныя иллюзіи освободительнаго характера, и ясно всѣмъ сознавалось, что по издавшему рецепту нашихъ реакціонеровъ прежде всего должны быть уготованы злостные скорпіоны для всякихъ проявленій общественной мысли, такъ что всѣ мѣропріятія по отношенію къ школѣ должны согласоваться съ общимъ реакціоннымъ устремленіемъ правящихъ круговъ. Понятно поэтому, что введеніе новаго университетскаго устава ожидалось съ великою тревогой, такъ какъ съ нимъ по необходимости связывалась очистка университетовъ отъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи профессоровъ, и называлось немало именъ особенно популярныхъ преподавателей высшей школы, подлежащихъ удаленію изъ нея въ первую очередь.

Въ такой-то моментъ тревожнаго общественнаго настроенія Кіевскому университету предстояло справлять пятидесятилѣтній юбилей своего существованія: радостное торжество просвѣщенія совпадало такимъ образомъ съ событіемъ, которое врядъ-ли могло радовать людей, дорожившихъ интересами просвѣщенія. Отношеніе профессуры, а за нею и студенчества къ новому университетскому уставу, въ подавляющемъ большинствѣ было отрицательное: профессора во всѣхъ университетахъ не стѣсняясь осуждали «благодѣтельный органическій законъ», раврушившій самыя основы академической автономіи, и студенчество въ свою очередь отлично понимало, каковы перспективы, открываемыя для него новымъ

измышленіємъ торжествующихъ реакціонеровъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ и находившееся отъ него въ постоянной зависимости министерство народнаго просвѣщенія старались объяснить враждебное отношеніе студентовъ къ новому уставу злонамѣренной агитаціей либеральныхъ профессоровъ, но врядъ ли такое объясненіе когда-либо могло считаться удовлетворительнымъ, такъ какъ и послѣ «очистки» университетовъ, послѣ удаленія вредоносныхъ профессоровъ, студенты никогда не могли примириться съ уставомъ 1884 г. Въ Киевскомъ университетѣ въ агитаціи противъ устава были обвинены лучшіе представители науки, В. Б. Антоновичъ, И. В. Лучицкій и Кистяковский, и особенно опаснымъ былъ признанъ извѣстный классикъ, доцентъ Мищенко, который былъ уволенъ передъ введеніемъ устава, а его увольненіе послужило лишь однимъ изъ основаній къ возникновенію волненій среди киевскихъ студентовъ.

Уже во второй половинѣ августа, когда окончательно намѣчалась программа предстоящихъ празднествъ, и учебное начальство и общая администрація стали обращать вниманіе на нѣкоторые симптомы назрѣвающаго волненія среди студентовъ, хотя при этомъ слѣдуетъ указать, что внѣшній поводъ къ возникновенію недовольства молодежи давался именно нѣкоторыми распоряженіями учебного начальства: касаясь лишь мелочей, деталей празднованія юбилея, эти распоряженія не отличались ни послѣдовательностью, ни достаточною обдуманностью, что и должно было неизбежно породить недоразумѣнія между студентами и университетскими властями, особенно при томъ общемъ тревожномъ настроеніи студенчества, о которомъ мы говорили.

Полицейская власть, замѣчая подготовлявшееся движеніе студенчества, искала по своему обыкновенію подстрекателей и нашла ихъ въ крамольной профессурѣ, недовольной ректоромъ университета, проф. Ренненкампомъ. 26 августа начальникъ киевскаго жандармскаго управленія Новицкій доносилъ департаменту полиціи: «Въ настоящее время пока нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, указывающихъ на то, чтобы партія лицъ либеральнаго направленія во время юбилейнаго празднества университета задумывала бы выразить какими-либо шумными демонстраціями противоправительственнаго характера дѣйствія, но есть лишь свѣдѣнія о томъ, что либеральная партія профессоровъ университета, недовольная увольненіемъ, распоряженіемъ правительства, Мищенко отъ должности доцента университета не чужда была, при удобномъ случаѣ, повліять на университетскую молодежь въ томъ смыслѣ, что увольненіе доцента Мищенко исходило и зависѣло будто бы отъ вліянія ректора университета, Ренненкампа; и подъ вліяніемъ этимъ возможно допустить лишь нынѣ только то, что во время произнесенія ректоромъ пріветственной рѣчи на празднествѣ могутъ быть выраженія личнаго неудовольствія противъ него, въ формѣ возгласовъ, свистковъ или «шikanья». Къ числу профессоровъ университета, далеко не раздѣляющихъ

увольненіе доцента Мищенко, относится Лучицкій, Хржонщевскій, Антоновичъ, Кистяковскій, Афонасьевъ, Козловъ».

Если въ этомъ донесеніи Новицкій не могъ дать «положительныхъ свѣдѣній» объ ожидаемыхъ противоправительственныхъ демонстраціяхъ, то уже черезъ нѣсколько дней, 4 сентября онъ телеграфировалъ департаменту полиціи съ гораздо большей опредѣленностью: «Возможно ожидать со стороны студентовъ демонстраціи, безпорядковъ на юбилейномъ торжествѣ университета во время чтенія рескрипта, съ выраженіемъ недовольства противъ введеннаго новаго университетскаго устава. По соглашенію съ губернаторомъ, попечителемъ округа, университетскимъ начальствомъ принимаются возможныя предварительныя мѣры къ предотвращенію безпорядковъ. Недовольство студенты предполагаютъ также выразить ректору Ренненкампу во время привѣтственной рѣчи».

Уже на другой день послѣ этого возбужденіе среди студентовъ выразилось въ формѣ открытаго протеста противъ распоряженій учебнаго начальства, которое рѣшило отвѣтить на протестъ репрессіями и обратилось къ содѣйствію администраціи. Объ этомъ одновременно телеграфировали въ Петербургъ кievскій губернаторъ Гудимъ-Левковичъ, начальникъ жандармскаго управленія Новицкій и попечитель учебнаго округа Голубцовъ. Губернаторъ писалъ: «Послѣдніе дни ходили слухи о возможности безпорядковъ среди студентовъ университета при предстоящемъ юбилеѣ. Сегодня попечитель учебнаго округа заявилъ мнѣ о возбужденіи настроеніи студентовъ, намѣревающихся произвести демонстрацію во время юбилейныхъ празднествъ. Поводомъ такого настроенія, повидимому, являются увольненіе доцента Мищенко и новый университетскій уставъ. Попечитель опасается серьезныхъ безпорядковъ и принимаетъ рѣшительныя мѣры къ предотвращенію демонстраціи. Онъ отмѣнилъ предполагавшійся студенческій вечеръ и проситъ меня оказать содѣйствіе допущеніемъ на время празднествъ въ стѣны университета чиновъ полиціи для поддержанія распоряженій университетскаго начальства».

Телеграмма Новицкаго заключаетъ въ себѣ больше фактическихъ подробностей и рисуеъ положеніе дѣла съ значительно большею опредѣленностью. «Настроеніе студентовъ, сообщаетъ Новицкій, настолько острый приняло характеръ, выразившійся въ рѣзкомъ обращеніи толпою съ попечителемъ, провожаніи его свистками, требованіи сходовъ, распространеніи воззваній, возбуждающихъ не только къ безпорядкамъ, но и насиліямъ въ день юбилея, что попечитель рѣшилъ не впускать вовсе студентовъ на актъ, отмѣнить вечеринку, входы въ университетъ оградить полиціей. Причинами возбужденія выступаютъ новый уставъ, увольненіе доцента Мищенко. Общій голосъ относитъ къ профессору Хржонщевскому агитированіе среди студентовъ. Возвращеніе въ Кіевъ генераль-губернатора 6 числа вечеромъ».

Попечитель въ телеграммѣ министру народнаго просвѣщенія представляетъ этотъ моментъ студенческихъ волненій нѣсколько иначе, чѣмъ Новицкій, сильно смягчая ихъ характеръ. «Студенты, говоритъ онъ, на сходку собирались, но сходки не было; мое присутствіе помѣшало; послѣ этого около 500 студентовъ стояли передъ входомъ, на Университетской площади, но безпорядковъ не дѣлали, однако долго не расходились; въ это время были разбросаны воззванія къ товарищамъ, въ которыхъ порицались дѣйствія правительства, и угрожали сдѣлать скандалъ на юбилейномъ актѣ. Поэтому рѣшилъ въ дни юбилея студентовъ въ залу не впускать».

Въ тотъ же день Новицкій послалъ въ департаментъ полиціи подробное донесеніе, за № 3120, дополняющее свѣдѣнія, сообщенныя въ телеграммахъ, и полученное въ Петербургѣ 9 сентября. «Представляя при семъ,—писалъ Новицкій,—копіи съ гектографированныхъ воззваній, появившихся въ средѣ студентовъ университета св. Владимира и разбросанныхъ въ зданіи университета, имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что среди студентовъ существуетъ большое броженіе и весьма острое настроеніе, которыя они предполагаютъ проявить во время празднованія 7 и 8 сентября 50-лѣтняго юбилея университета, и въ эти дни они, студенты, уже успѣли выразить общее настроеніе въ такомъ духѣ тѣмъ, что ходатайствовали о допущеніи сходокъ, которыя не разрѣшены, затѣмъ 5 числа собрались около зданія университета въ числѣ 500—600 человекъ и толпою подошли къ попечителю учебнаго округа, выходявшему изъ университета, нѣкоторые съ дубинами, и весьма рѣзко съ нимъ объяснялись толпою, а затѣмъ, когда попечитель поспѣшилъ удалиться, то былъ осыпанъ неприличными возгласами и свистками. Ректоръ университета Ренненкампфъ въ этотъ моментъ, во время сборища студентовъ около зданія университета, котораго студенты вызывали криками, бывъ въ университетѣ, приказалъ затворить всѣ двери и, выждавъ нѣсколько часовъ, вышелъ изъ университетскаго зданія окольными выходами, взялъ извозчика и незамѣченнымъ уѣхалъ домой. Попечитель окончательно сего числа рѣшилъ, видя такое острое настроеніе въ студентахъ, не впускать ни одного студента не только въ торжественную залу, но даже въ зданіе университета въ дни юбилея, во избѣжаніе могущихъ быть безпорядковъ, какъ во время произнесенія привѣтственной рѣчи ректоромъ, такъ и, главнымъ образомъ, во время чтенія высочайшаго рескрипта. Предполагалось устроить для студентовъ по случаю юбилея вечеринку, но таковая также отмѣнена. Лекціи въ университетѣ еще не начались, и подъ этимъ предлогомъ, а также во избѣжаніе могущихъ быть сходокъ, зданіе университета нынѣ заперто, и въ юбилейные дни всѣ входы въ университетъ, кромѣ главнаго подъѣзда, будутъ заперты и охраняемы, по просьбѣ университетскаго начальства, полиціею. 4 числа уже было вывѣщено объявленіе въ университетѣ, гласящее, что сходки въ зда-

ніи университета строго воспрещены, и нарушившіе это распоряженіе будутъ подвергнуты взысканію. Общій голосъ относить агитированіе среди студентовъ въ смыслѣ, неблагопріятномъ для юбилейнаго торжества, къ профессору Хржоншевскому, а также Антоновичу, Лучицкому и Кистяковскому; Антоновичъ и Лучицкій выѣхали сами изъ Кіева, какъ равно и бывшій доцентъ Мищенко, а также бывшій помощникъ проректора Сасько, также выѣхавшій изъ Кіева предъ юбилеемъ университета и уже уволенный отъ должности за выслугою опредѣленнаго числа лѣтъ въ должности. Недовольство, проявившееся въ средѣ студенчества и профессоровъ (либеральнаго направленія), относятъ къ введенію новаго университетскаго устава и къ увольненію изъ числа доцентовъ Мищенко».

Упоминаемыя въ телеграммахъ Новицкаго и Голубцова противоправительственныя воззванія, распространявшіяся среди студентовъ, любопытны въ томъ отношеніи, что, кромѣ общихъ причинъ недовольства современнымъ политическимъ положеніемъ, въ нихъ отмѣчается и чисто внѣшній поводъ къ возникновенію волненій, а именно, бестактныя дѣйствія университетской власти въ вопросѣ объ устройствѣ студенческой вечеринки. Приводимъ оба эти воззванія, хранящіяся въ дѣлѣ департамента полиціи, за № 695:

I. «Студенты! Комиссія изъ 7 никому неизвѣстныхъ студентовъ, набранныхъ Ренненкампомъ, служить ширмой и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдняго въ дѣлѣ юбилейнаго торжества. Эта самозванная комиссія, игнорируя интересы студентовъ, рѣшаетъ всѣ вопросы по желанію ректора; холопствуя передъ Ренненкампомъ, она роняетъ наше достоинство. Въ своей лицемѣрной политикѣ въ отношеніи къ студентамъ Ренненкампфъ не брезгаетъ никакими средствами. Послѣдняя выдумка его—комиссія холоповъ—есть фальсификація общественнаго мнѣнія студентовъ и наглый обманъ, за который мы должны потребовать у него отчета. Боясь сходовъ, которыя выработали бы дѣйствительную, а не фальсифицированную волю студенчества, Ренненкампфъ заперъ сборную залу. Рѣшенія свои «комиссія» держитъ въ строгой тайнѣ отъ студентовъ, какъ это было условлено между Ренненкампомъ и ей. Неизвѣстно до сихъ поръ для студентовъ, будетъ ли въ зданіи университета публичный вечеръ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Подобный вечеръ можетъ дать нуждающимся студентамъ 12 или 15 тысячъ, и любопытно будетъ увидѣть, какъ это по волѣ Ренненкампа мы лишимся этихъ денегъ. А если согласіе на балъ въ университетѣ Ренненкампомъ дано, для какой цѣли держать таковое въ тайнѣ отъ большинства студентовъ? Не потому ли, что Ренненкампфъ предвидитъ, что 50-лѣтній юбилей университета не обойдется безъ демонстрацій, какъ здороваго и необходимаго протеста противъ гнета и подлости? Студенты! мы должны предать суду «Комиссію» за ея нахальство; мы должны смѣнить такъ называемыхъ пред-

ставителей за ихъ слабость; мы должны на сходкахъ квалифицировать отношенія къ студентамъ Ренненкамппа, желающаго обморочить студентовъ и обращающаго юбилей университета въ недостойную комедию».

II. «Товарищи! Въ тяжелую смуту, переживаемую всѣмъ русскимъ обществомъ, нашъ университетъ собирается праздновать свой юбилей. На все честное воздвигается гоненіе, а мы думаемъ ликовать! Закрываются одни за другими лучшіе русскіе журналы, изъ библиотекъ выключаются лучшія книги, вводится новый уставъ, съ помощью котораго университетъ и вообще всякую мысль хотятъ подавить; нѣтъ честнаго человѣка, который бы, по выраженію Щедрина, не имѣлъ тревоги въ сердцѣ; и въ такое время Ренненкамппъ готовитъ свое привѣтственное, ликовательное слово. Мы должны заявить о своихъ мнѣніяхъ, и мы сдѣлаемъ это. Такое заявленіе въ настоящее время очень и очень важно. И что же? Была нѣкоторая надежда хоть сколько-нибудь высказаться, заявить о томъ, что накопило у каждого честнаго человѣка, но начальство наше только виляло, обманывало насъ, въ послѣднюю же минуту съ безцеремоннымъ, возмутительнымъ нахальствомъ предложило намъ «выпить и закусить». Неужели кто-нибудь поддастся на такое пошлое предложеніе? И честный человѣкъ можетъ быть рабомъ обстоятельствъ, но только подлецы бываютъ лакеями ихъ! Но мы должны высказаться! Мы явимся на актъ, несмотря на запрещеніе, и мы имѣемъ на то право: мы студенты!

Настоящимъ заявленіемъ предлагается:

- 1) Отказаться отъ всякой солидарности съ официальной программой празднествъ.
- 2) Всѣ билеты на таковыя считать недействительными.
- 3) Собраться въ день торжественнаго акта передъ зданіемъ университета, требовать пропуска въ актовую залу и употребить для этого всѣ средства.

Въ виду опасности созывать сходку съ председателемъ, предлагается теперь же одобрить или нѣтъ эти предложенія и дѣйствовать затѣмъ согласно съ ними».

Телеграфныя сообщенія кievскихъ властей вызвали въ Петербургѣ сильное смущеніе, и немедленно послѣдовали отъ департамента полиціи и министерства народнаго просвѣщенія распоряженія о предотвращеніи надвигающихся безпорядковъ. Директоръ департамента полиціи, столь прославившійся впоследствии, П. Н. Дурново телеграфировалъ Гудимъ-Левковичу 5 сентября: «прошу оказать при помощи полиціи полное содѣйствіе попечителю по принятію мѣръ къ устраненію безпорядковъ во время юбилейныхъ празднествъ университета. Въ случаѣ надобности выпишите зачинщиковъ, по указанію попечителя, изъ Кіева». На слѣдующій день онъ приказалъ «всѣми законными способами прервать и не допускать недовольныхъ сборищъ на улицахъ и площадяхъ». Вмѣстѣ съ этимъ Дурново телеграфировалъ москов-

скому оберъ-полиціймейстеру и начальникамъ варшавскаго и харьковскаго жандармскихъ управленій о предупрежденіи возможныхъ безпорядковъ въ другихъ университетахъ, такъ какъ студенты другихъ городовъ могли бы выразить свою солидарность съ кіевлянами.

Что касается министра народнаго просвѣщенія, пресловутаго И. Д. Делянова, представлявшаго собою, по отзыву академика В. И. Ламанскаго, злостную смѣсь Полонія съ Мефистофелемъ, то его тревога выразилась въ трехъ телеграммахъ, посланныхъ въ одинъ день, 6 сентября. Попечителю онъ телеграфировалъ сперва: «Прошу донесеній, согласныхъ съ дѣйствительностью¹⁾. Имѣю поводъ подовѣрять Хржондевскаго (sic!). Узнайте и сообщите», и вторично: «Самое стояніе огромной толпы на площади есть скандалъ. Просите мѣстное начальство употребить надлежащія мѣры противъ такого безчинства». Генералъ-губернатору Дрентельну Деляновъ телеграфировалъ: «Покорнѣйше прошу прекратить университетскіе безпорядки посредствомъ полиціи и войска. Безъ этой рѣшительной мѣры, по примѣру кіевскихъ—произойдутъ волненія и въ другихъ мѣстахъ». Разсчитывая на эффектъ этой телеграммы, Деляновъ на другой день телеграфировалъ попечителю: «Убѣжденъ, что генералъ-губернаторъ выставитъ такую силу, которая устранимъ всякую мысль о попыткѣ противоположной силы».

Наступило, наконецъ, самое торжество, которое, согласно утвержденной программѣ, должно было продолжаться три дня. Начало прошло вполне благополучно, какъ видно изъ слѣдующей телеграммы Новицкаго отъ 7 сентября: «Первый день празднованія университетскаго юбилея, начавшійся молебствіемъ, закончившійся обѣдомъ, не былъ сопровожденъ ни безпорядками ни демонстраціями со стороны студентовъ. Тостъ за здоровье государя императора былъ необыкновенно принятъ, привѣтствованъ радушно».

Однако, на второй день проявилось сильнѣйшее волненіе студентовъ, и попечитель 8 сентября телеграфировалъ министру народнаго просвѣщенія: «Сегодня актъ юбилейнаго торжества въ университетѣ начался и окончился благополучно, съ подобающимъ торжествомъ; но на улицѣ, особенно около университета, толпа студентовъ въ 1000 человекъ безчинствовала до 4 часовъ пополудни. Когда я ѣхалъ въ университетъ, въ меня бросали камнями и полѣньями; у ректора облили дегтемъ входную дверь его дома. Арестовъ не было». Наконецъ, на третій день, какъ телеграфируетъ попечитель, «студенты, безнаказанно безчинствовавшие днемъ на улицахъ, въ 7 ч. вечера напали на домъ ректора, во время обхода его съ гостями, камнями разбили ставни и окна; полиція явилась, когда они уже разошлись».

¹⁾ Характерно это выраженіе, въ которомъ сквозитъ слабое довѣріе къ донесеніямъ попечителя. Любопытно также искаженіе фамиліи проф. Хржонцевскаго.

Въ то же время Новицкій телеграфировалъ департаменту полиціи: «Торжественный актъ въ зданіи университета, куда не были допущены студенты, не былъ ничѣмъ нарушенъ. Высочайшій рескриптъ и повелѣніе объ отпускѣ суммы на усиленіе средствъ клиники восторженно принять, и на улицѣ толпа студентовъ при проѣздѣ провожала крикомъ, свистомъ, камнями попечителя, затѣмъ двинулась съ пѣснями, криками по Бульварной, всему Крещатику, Костельной, къ Михайловскому монастырю, большой Владимірской на Бульварную же, гдѣ разошлась. На приглашеніе полиціи разойтись—отвѣчали ругательствами. Въ 8 ч. вечера толпа подошла къ дому ректора, выбила ставни, стекла камнями, которыми нанесены самыя легкія раны двумъ. Ночью на 8 число двери квартиры ректора были вымазаны дегтемъ, несмотря на охрану дома полиціею, которою никто не задержанъ».

Получивъ первую телеграмму попечителя объ этихъ происшествіяхъ, Деляновъ проявилъ такое же непреклонно-жестокое настроеніе, что и въ предшествовавшіе дни, и телеграфировалъ 8 сентября генераль-губернатору Дрентельну: «Умоляю ваше высокопревосходительство пощадить университетъ и правительство. Тысячи бунтовщиковъ на улицѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безчинствуютъ, бросаютъ камнями въ попечителя, и ихъ не разгоняютъ нагайками и прикладами». Дрентельнъ, бывшій ранѣе шефомъ жандармовъ и далеко не мягко относившійся къ студентамъ (въ телеграммѣ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Толстому онъ называетъ ихъ «толпою негодяевъ»), увидѣвъ въ обращеніи Делянова упрекъ администраціи и въ своемъ отвѣтѣ указалъ на непримѣнимость дѣйствія «прикладами и нагайками». Онъ телеграфировалъ Делянову: «Нареканія на администрацію по меньшей мѣрѣ ея не заслужены; она оказываетъ возможное содѣйствіе университетскому начальству: указываемые же вами приемы дѣйствія я не могъ признать удобными въ данномъ случаѣ, такъ какъ лица, собравшіяся съ преступными намѣреніями, были перемѣшаны съ любопытствующею публикою, ни въ чемъ не повинною. По настоятельной просьбѣ попечителя, всѣ силы полиціи были сосредоточены для охраны входовъ въ университетъ».

По всей вѣроятности, Деляновъ немедленно сообщилъ этотъ отвѣтъ Дрентельнѣ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Толстому, который и поспѣшилъ въ свою очередь подтвердить Дрентельну необходимость примѣненія къ студентамъ Деляновскаго рецепта. «Въ случаѣ возможнаго,—писалъ гр. Толстой,—повторенія уличныхъ студенческихъ безпорядковъ, и такъ какъ нѣтъ возможности отличить въ толпѣ праваго отъ виноватаго, покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство приказать прежде всего требовать отъ публики разойтись, предупреждая ее, что будетъ употреблена сила, засимъ дѣйствовать рѣшительно нагайками и прикладами, избѣгая огнестрѣльнаго оружія, и арестовывать зачинщиковъ».

Трогательное согласіе гр. Толстого съ Деляновымъ проявилось и въ вопросѣ объ устраненіи возможности безпорядковъ въ другихъ университетскихъ городахъ, какъ это видно изъ слѣдующей записки Делянова гр. Толстому отъ 10 сентября: «Согласно съ условленнымъ вчера, я отправилъ ко всѣмъ университетскимъ попечителямъ слѣдующую телеграмму: «Строжайше наблюдайте при помощи ректора и инспекціи за студентами. Всякую попытку къ сходкамъ и къ другимъ безпорядкамъ немедленно прекращайте. Какъ только усмотрите, что своими средствами не справитесь, просите содѣйствія мѣстнаго начальства». — Не признаете ли нужнымъ съ своей стороны предписать генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ оказывать всякое содѣйствіе полиціею и войскомъ?» — Профессора Субботина, бывшаго въ числѣ гостей въ квартирѣ ректора, обдало осколками стекла и комьями земли отъ разбитой вдребезги вазы». Исполняя просьбу Делянова, гр. Толстой послалъ телеграммы въ Москву, Одессу, Казань, Варшаву и Харьковъ о содѣйствіи мѣстной администраціи учебному начальству въ подавленіи могущихъ возникнуть студенческихъ безпорядковъ.

Въ Кіевѣ уличная жизнь съ 10 сентября вошла въ обычную норму, какъ видно изъ эпически-спокойныхъ и лаконичныхъ телеграммъ Новицкаго отъ 10 («Въ городѣ спокойно; произвожу аресты участниковъ безпорядковъ») и 11 («Въ городѣ порядокъ не нарушенъ; аресты продолжаю») сентября. Однако, 12 сентября Новицкій призналъ необходимымъ принять мѣры къ предупрежденію новыхъ студенческихъ волненій и телеграфировалъ департаменту полиціи: «Порядокъ не нарушается въ городѣ, но можно ожидать безпорядковъ въ зданіи университета при открытіи, которое необходимо отложить». Въ согласіи съ этимъ мнѣніемъ Новицкаго, попечитель телеграфировалъ 15 сентября министру народнаго просвѣщенія: «Вчера призналъ нужнымъ за своею подписью выставить въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дверяхъ университета слѣдующее объявленіе: симъ объявляется, что начатіе лекцій въ университетѣ св. Владимира отлагается впредь до особаго объявленія, а потому входъ въ зданія университета студентамъ не дозволяется. То же было напечатано вчера въ «Кіевлянинѣ».

Въ такомъ видѣ, на основаніи официальныхъ данныхъ, представляется теченіе событій, сопутствовавшихъ юбилею Кіевского университета. Послѣдствіемъ этихъ событій должны были явиться, съ одной стороны, репрессивныя мѣры по отношенію къ участникамъ и особенно «зачинщикамъ безпорядковъ», а съ другой стороны, выясненіе виновности тѣхъ или иныхъ властей въ допущеніи студенческаго движенія, принявшаго съ точки зрѣнія начальства такія, до крайности опасныя и неопозволительныя формы. Къ итогамъ юбилея мы еще вернемся въ особой статьѣ.

А. Бороздинъ.

Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ ¹⁾.

Когда Квятковский и я пріѣхали въ Самару, то Писаревъ, Лешернъ и Богдановичъ, раньше меня бросившіе свои мѣста, уже были тамъ, готовые къ отъѣзду. Вмѣстѣ съ нами выѣзжалъ и Соловьевъ, уже нѣсколько времени тому назадъ оставившій деревенскую кузницу, въ которой онъ работалъ вмѣстѣ съ двумя товарищами. Мы рѣшили поселиться въ Воронежской губерніи, куда и направились втроемъ, пославъ Писарева и Лешернъ въ Петербургъ для того, чтобы взять тамъ рекомендаціи къ мѣстнымъ людямъ. Вскорѣ послѣ этого былъ объявленъ приговоръ по дѣлу 193-хъ, приговоръ, неожиданно и негаданно возвращавшій намъ массу товарищей. Невозможно было упустить счастливую возможность нанебовать между ними лицъ, желающихъ тотчасъ же приняться вмѣстѣ съ нами за работу въ деревнѣ; поэтому Богдановичъ и я уѣхали изъ Воронежа въ Петербургъ.

Мы встрѣтили необычайное оживленіе: молодежь ликовала, старые и новые друзья привѣтствовали освобожденныхъ, какъ выходцевъ съ того свѣта, а они, измученные и разбитые физически, забывъ только что перенесенныя страданія, съ жаромъ, свойственнымъ молодости и долго сдерживаемымъ порывомъ, уже мечтали о новой дѣятельности, создавали новые планы для осуществленія своихъ идей; въ ихъ квартирахъ съ утра до вечера толпился народъ—это былъ непрерывный революціонный клубъ, гдѣ бывало отъ 90 до 100 посѣтителей въ день; знакомые приводили незнакомыхъ, желавшихъ пожать руку тѣмъ, которыхъ считали живо погребенными. Къ этому періоду относится и мое знакомство со многими дѣятелями первой половины семидесятыхъ годовъ; дружба Любовь Ивановны Сердюковой и Александры Ивановны Корниловой обезпечила мнѣ любовь многихъ изъ нихъ и, между прочимъ, Софіи Львовны Перовской, которую я увидѣла тогда въ первый разъ. Отрекомендованная ей въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, я была вполне очарована демократизмомъ ея вкусовъ и привычекъ и простотой, мягкостью ея обращенія; съ тѣхъ поръ наши хорошія отношенія не прерывались до ея смерти, когда, изъ-за стѣнъ тюрьмы, она завѣщала своимъ товарищамъ «беречь Наума ²⁾ и Вѣрочку».

¹⁾ См. „Былое“, августъ, 1917 г.

²⁾ Псевдонимъ Суханова.

Старые чайковцы, оставшіеся на свободѣ и освобожденные судомъ, порѣшили возстановить свою организацію; вмѣстѣ съ тѣмъ они намѣтили изъ среды товарищей по заключенію лицъ, которыхъ наиболѣе желательно привлечь къ ней. Такъ образовалась группа въ 40 человекъ; сюда вошли Богдановичъ и Писаревъ, какъ члены прежней организаціи, Лешернъ, я, сестра Евгенія, Соловьевъ, какъ новые. Въ этой группѣ между другими, были: Клеменцъ, въ то время воротившійся въ Петербургъ, Софья Львовна Перовская, Татьяна Ивановна Лебедева, Зубокъ-Мокіевскій, Саблинъ, Морозовъ, Кувшинская, Корнилова, Сердюковы, мужъ и жена; изъ лицъ, не принадлежавшихъ до того къ чайковцамъ: Завадская, Акимова и пр. На общемъ собраніи членовъ была прочтена и признана «народническая» программа и избрано бюро, въ которое вошелъ Клеменцъ, и которое должно было оставаться въ Петербургѣ и администрировать дѣла группы. Порѣшивъ на этомъ, большинство разѣхалось: мы, чтобы устроиться въ деревнѣ, другіе, чтобы поковчить съ семейными и финансовыми дѣлами, третьи для поправленія разстроеннаго здоровья. Къ сожалѣнію, на этомъ и покончилось существованіе группы: вслѣдствіе измѣненія приговора суда, многіе члены ея были арестованы и сосланы административнымъ порядкомъ, нѣкоторые бѣжали за границу; наше бюро разстроилось, и отдѣльныя личности (покончившія свои дѣла или бѣжавшія изъ ссылки), являясь въ Петербургъ, одна за другой вступали въ организацію «Земли и Воли». Съ нами поѣхалъ одинъ Морозовъ; позднѣе, въ Саратовъ пріѣхали Татьяна Ив. Лебедева, но ни тотъ, ни другая въ деревнѣ не устроились и воротились въ города. Меня, все это время, сильно уговаривали тоже оставаться въ Петербургѣ, считая наиболѣе пригодной дѣйствовать въ интеллигенціи; но, такъ какъ я была въ своихъ убѣжденіяхъ всегда консервативна и отказывалась отъ намѣреній только тогда, когда собственный опытъ доказывалъ ихъ ошибочность или нецѣлесообразность,—то и осталась при своемъ желаніи продолжать жизнь въ народѣ.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, мы познакомились съ однимъ господиномъ изъ Тамбова, который обѣщалъ намъ протекцію въ дѣлѣ добыванія мѣсть; это заставило насъ переимѣнить Воронежъ на этотъ городъ; но и въ Тамбовѣ дѣло пошло очень туго. Не желая терять время въ безплодныхъ, быть можетъ, ожиданіяхъ, мы рѣшили присоединиться къ землевольцамъ, находившимся въ Саратовѣ, куда и переѣхали, должно быть, въ мартѣ 78 г.; но сляніе, о которомъ я еще долго хлопотала, не состоялось вслѣдствіе рѣзкости нѣкоторыхъ нашихъ товарищей. Въ то время было въ Саратовѣ уже кое-что сдѣлано: человекъ 12 жило по деревнямъ; тутъ были: сельскіе учителя, сельскіе писаря, деревенскіе сапожники, земледѣльцы-работники, бродячіе торговцы; кромѣ того, велась дѣятельная пропаганда между городскими рабочими въ самомъ Саратовѣ. Александръ Михайловъ жилъ въ то время въ селѣ «Синенькіе», въ качествѣ неофіціального учителя

между раскольниками, которыми онъ увлекался въ высшей степени. Тогда онъ мечталъ основать новую рационалистическую секту, въ основу которой былъ бы положенъ принципъ активной борьбы; онъ съ увлеченіемъ рисовалъ намъ нравы бѣгуновъ и странниковъ и типическіе характеры расколуучителей, по своему умственному развитію и взглядамъ далеко превышающихъ уровень обыкновеннаго крестьянства. Позднѣе, петербургскія дѣла вызвали его изъ этой излюбленной среды; передъ отъѣздомъ, со слезами на глазахъ, онъ говорилъ мнѣ, что боится не встрѣтить въ столицѣ должнаго сочувствія къ своей идѣе—воспользоваться расколомъ, какъ готовою организованной силой, для революціонныхъ цѣлей. Очутившись въ Петербургѣ, эта цѣльная натура вскорѣ съ такимъ же фанатизмомъ отдалась новымъ интересамъ и съ несокрушимымъ упорствомъ пошла по новому пути. Когда въ декабрѣ того же года я, уже изъ деревни, пріѣзжала на короткое время въ Петербургъ, то Клеменцъ, Плехановъ, Морозовъ, но болѣе всѣхъ онъ, Александръ Михайловъ, употребляли всѣ усилія, чтобы оставить меня при себѣ, предлагая вступить въ общество «Земли и Воли» и отдавая уже полное предпочтеніе городской дѣятельности; уже тогда онъ развилъ мнѣ политическую программу, которую я оспаривала; каждый изъ насъ остался при своемъ, и я уѣхала къ мужикамъ.

Такъ называемыхъ «связей въ обществѣ» въ Саратовѣ почти не было; для насъ онѣ были необходимы, потому что мужчины должны были непременно занять такіа мѣста, которые сами по себѣ вводили бы ихъ въ крестьянскую жизнь, давали бы возможность вмѣшиваться рѣшительно во всѣ дѣла общества—мира. Въ этомъ случаѣ саратовскій нотаріусъ, Василій Степановичъ Праотцевъ, какъ старожилъ, знающій всю подноготную не только губернскаго города, но имѣющій связи, знакомства по всѣмъ уѣздамъ,—былъ для насъ сущимъ кладомъ. Этотъ честнѣйшій человѣкъ, нѣсколько избалованный въ своихъ привычкахъ, сохранилъ всю отвычивость молодого возраста, когда онъ, какъ студентъ Московскаго университета, былъ исключенъ изъ него въ 60 годахъ и отправленъ въ ссылку въ сѣверныя губерніи. Встрѣтившись съ нами, онъ совершенно увлекся нашими личностями; въ моемъ лицѣ онъ встрѣтилъ первую образованную молодую женщину, которая не по нуждѣ хочетъ занять положеніе, въ которомъ, какъ онъ думалъ, мнѣ придется подавать шубу и галоши доктору; а когда я сообщила ему, что имѣю друзей честныхъ и хорошихъ, которые не могутъ достать себѣ мѣста волостныхъ писарей, то онъ заявилъ, что эти мѣста будутъ, и вскорѣ, безъ великихъ экскурсій въ біографіи, устроилъ Богдановича въ Вольскѣ, отрекомендовавъ его нотаріусу Фролову, послѣ чего тотъ самъ пробился въ волостные писаря и такъ понравился непремѣнному члену и предводителю дворянства, что провелъ на такую же должность Писарева и Соловьева; эти три

лица поставили себя такъ, что потомъ могли бы замѣстить по своей рекомендаціи всѣ мѣста писарей Вольскаго уѣзда.

Но это продолжалось недолго: вскорѣ исправникъ заподозрилъ въ нихъ пропагандистовъ; уже существовавшіе тогда урядники начали слѣдить за ними; по мѣрѣ того, какъ они пріобрѣтали опору, поддержку въ народѣ, задѣтые интересы заговорили: поднялись помѣщики, приказчики, кулаки и мірошды; всѣ начали шпункуаться, пошли доносы; защита большинства міра противъ эксплуатаціиажиточнаго меньшинства, борьба съ кулаками, отстаиванье интересовъ рабочаго противъ анимателя и хозяина; тяжбы по крестьянскимъ дѣламъ—все обличало ихъ и, наконецъ, сформулировало обвиненіе въ крамолѣ: революціонеры, социалисты, не признають права собственности, возстаанавливають одно сословіе противъ другого и т. д. Съ перваго же мѣсяца ихъ положеніе сдѣлалось шатко; исправникъ уже тогда хотѣлъ арестовать ихъ, но старшины отстояли ихъ; позднеѣ ни поддержка непремѣннаго члена Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, Кострицина, ни защита предводителя дворянства Фролова, одобравшихъ защиту крестьянскихъ интересовъ противъ всѣхъ и вся,—не могли ничего сдѣлать; продержавшись 10 мѣсяцевъ, Писаревъ, Богдановичъ и Лешернъ, занимавшая должность бухгалтера ссудосберегательнаго товарищества, должны были уѣхать, чтобъ не попасть въ острогъ.

Почти одновременно съ устройствомъ товарищей, получила мѣсто и я въ Петровскомъ уѣздѣ. Вмѣстѣ со мной поселилась сестра Евгенія, только что сдавшая экзаменъ на фельдшеричу при Саратовской врачебной управѣ. Предсѣдателемъ земской управы въ Петровскѣ въ то время былъ Михаилъ Сергѣевичъ Ермолаевъ, съ женой котораго, урожденной Унковской, мы сошлись скоро самымъ тѣснымъ образомъ. Наше появленіе въ уѣздѣ вызвало сенсацию, какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ. Цивилизованное Петровское общество стало въ тупикъ надъ вопросомъ: зачѣмъ мы, при нашемъ образованіи и положеніи, «хоронимъ» себя въ деревнѣ? Съ какой стати, для чего¹⁾? На наше счастье наши манеры и наружность не давали возможность окрестить насъ нигилистами; благодаря этому, а еще болѣе скоро замѣченной дружбѣ съ предсѣдателемъ и его женой,—все вдругъ залиберальничало, всѣ двери раскрылись передъ нами. Только предводитель дворянства Устимовъ, негодай, просидѣвшій 6 лѣтъ въ острогѣ и осужденный за уголовное преступленіе (убійство) на поселеніе, но прощенный, и непремѣнный членъ, Деливронъ, признававшій вреднымъ для народа всякое знаніе, кромѣ знанія нѣсколькихъ молитвъ и перечня царствующаго дома, тогда же громогласно заявили, что это неспроста, что надо смотрѣть въ

¹⁾ Въ противоположность этому нецивилизованный народъ, которому извѣстно, что человекъ имѣетъ не однѣ только матеріальныя потребности, тотчасъ же нашеть возвышенное объясненіе для нашего поведенія, сформулировавъ его словами „для души“. Вкладывая свой смыслъ въ формулу эту, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что душевная потребность руководить нашими поступками.

оба. Такого же мнѣнія оказался и Вязьминскій, волостной писарь, князь Чегодаевъ, разорившійся, достойный потомокъ отца, сосланнаго въ Сибирь за то, что до смерти засѣкъ крѣпостного человека. Этотъ князь, бокъ-о-бокъ съ которымъ мнѣ пришлось жить, такъ какъ я была назначена въ с. Вязьмино, въ первый же день, послѣ наблюденія надъ тѣмъ, какъ я принимала больныхъ, сказалъ знаменитую фразу: «Къ намъ пріѣхали новые люди».

При такихъ предзнаменованіяхъ мы принялись за дѣло. Для крестьянъ появленіе фельдшерицы, лекарки, какъ они выражались, было диковинкой. Мужики шли къ попамъ для разъясненій, для всѣхъ ли я приставлена или только для бабъ. Послѣ разъясненій меня осаждали пациенты. Бѣдный народъ стекался ко мнѣ, какъ къ чудотворной иконѣ, цѣлыми десятками и сотнями; около фельдшерскаго земскаго домика стоялъ цѣлый обовъ съ утра до поздняго вечера: скоро моя слава перешла за предѣлы трехъ волостей, которыми я завѣдывала, а потомъ за предѣлы уѣзда. Нестѣснимая пздворомъ доктора, котораго все время въ моемъ участкѣ не было, и получая непосредственно изъ Управы, отъ предсѣдателя, столько медикаментовъ, сколько мнѣ было надобно, я, быть можетъ, помогала потому, что давала лекарства въ надлежащемъ количествѣ; какая-нибудь несчастная баба шла ко мнѣ пѣшкомъ за 60—70 верстъ, страдая кровотеченіемъ; возвращаясь, она рассказывала, что какъ только я прикоснулась къ ней, кровотеченіе остановилось; другіе привозили воды и масла, прося меня «наговорить» па нихъ, такъ какъ слышали, что я хорошо «заговариваю» болѣзни; ко мнѣ приводили сѣдыхъ, какъ лунь, стариковъ. 15—20 лѣтъ тому назадъ потерявшихъ зрѣніе и чающихъ передъ смертью увидѣть свѣтъ при моей помощи. Народу было въ диковинку вниманіе, подробный раcспросъ и разумное наставленіе, какъ употреблять лекарство! Въ первый мѣсяцъ я приняла 800 чел. больныхъ, а въ теченіе 10 мѣсяцевъ—5000 человекъ, столько же, сколько земскій врачъ въ городѣ, при больницѣ, съ помощью нѣсколькихъ фельдшеровъ. Если я помогла одной десятой изъ этихъ 5 тысячъ человекъ, то они вымолятъ мнѣ прощеніе у самого жестокаго Иеговы; во всякомъ случаѣ будетъ кому пожалѣть объ моей участи. Этотъ громаднѣй трудъ, конечно, былъ бы мнѣ не по силамъ, еслибъ сестра Евгенія не раздѣляла его со мной.

Вскорѣ намъ удалось открыть школу. Евгенія заявила крестьянамъ, что она возьмется даромъ обучать дѣтей, пусть только присылаютъ ихъ; что всѣ учебныя пособія у насъ есть, отцамъ не придется покупать ни азбукъ, ни бумаги, ни перьевъ. У нея сейчасъ же собралось до 25 чел. учениковъ и ученицъ. Надо замѣтить, что во всѣхъ трехъ волостяхъ моего участка не было ни одной школы; когда жители с. Ключевки, бывшіе крѣпостные Устимова, выразили ему желаніе завести училище, тотъ отсвѣтовалъ имъ, какъ вещь несвоевременную и дорого

стоющую. Нѣкоторые изъ учениковъ были привезены изъ другихъ селъ и деревень, иногда верстъ за 20. Кромѣ учениковъ маленькихъ были и взрослые; нѣкоторые мужики просили заниматься съ ними ариеметикой, необходимой для всевозможныхъ мірскихъ и волостныхъ учетовъ. Скоро сестра приобрѣла лестное названіе: «наша золотая учительша».

Покончивъ занятія въ аптекѣ и школѣ, которая помѣщалась въ томъ же фельдшерскомъ домикѣ, мы брали работу, книгу и шли «на деревню» къ кому-нибудь изъ крестьянъ. Въ томъ домѣ въ тотъ вечеръ былъ праздникъ; хозяинъ бѣжалъ къ шабрамъ и родственникамъ оповѣстить ихъ, чтобы и они могли притти послушать. Начиналось чтеніе; въ 10—11 часовъ хозяева все еще просили почитать еще. То были: Некрасовъ, нѣкоторыя вещи Лермонтова, Щедрина, иногда статья толстаго журнала, рассказы Наумова, Левитова, Галицискаго, нѣкоторыя вещи по исторіи и т. д. Каждый разъ приходилось говорить объ условіяхъ крестьянской жизни, о землѣ, объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ властямъ, входить въ крестьянскія нужды, выслушивать ихъ сѣтованія, надежды, сочувствовать ихъ горю, раздѣлять симпатіи и антипатіи; иногда просили оставить книгу, чтобы еще разъ прочесть понравившееся мѣсто или даже заучить его; приглашали прійти на сходъ, чтобы обличить кляузы писаря, его взяточничество, мошенничество старшины, чтобы защитить міръ; Евгенію все прочли въ сельскіе писаря, обязанность котораго совмѣщаль тогда въ себѣ Чегодаевъ, ненавистный мужикамъ; просили приходиться на волостной судъ и вообще почаще заглядывать въ волостное правленіе, чтобъ не давать писарю возможности ругаться, сквернословить, гнать мужиковъ въ шею; «онъ васъ стыдится», говорили крестьяне. Когда было, наконецъ, пора итти домой, то прежде чѣмъ выйти отъ хозяевъ, каждый разъ мы должны были дать торжественное обѣщаніе сдѣлать дѣтей ихъ такими же «писменными», какъ мы сами.

Такая жизнь, такое отношеніе къ намъ простыхъ душъ, чающихъ свѣта, имѣла такую чарующую прелесть, что мнѣ и теперь пріятно вспомнить ее: каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы не лишніе; этотъ реализмъ полезности и есть та притягивающая сила, которая влечетъ нашу молодежь въ деревню; только тамъ можно имѣть чистую душу и спокойную совѣсть, и если насъ оторвали отъ этой жизни, отъ этой дѣятельности, то въ этомъ виноваты—не мы. Какъ подобаетъ «новымъ» людямъ, мы старались вести жизнь самую простую; не роскошь, тѣнь роскоши была изгнана изъ нашего домашняго обихода; мы не употребляли бѣлаго хлѣба, по недѣлямъ не видали мяса; каждый лишній кусокъ становился намъ поперекъ горла среди общей бѣдности и скудности. Изъ 25 руб. жалованья, которое я получала, мы проживали 10—12, включая и плату женщинѣ, которая вела наше скромное хозяйство. Нечего и говорить, что мы совершенно изгнали крестьянскія приношенія, деньгами и натурой.

столь обычные въ деревнѣ. Когда какая-нибудь бѣдная баба приносила свой скромный подарокъ—два яйца, то, чтобъ не показаться гордой, я принимала ихъ и совала ей въ руку мелкую монету, и такъ какъ я говорила: «годится на свѣчи», т. е. на ея религіозную потребность, то не было случая, чтобы плата отвергалась.

Совѣстно выговорить, что жизнь, которая казалась намъ естественной, и которая должна бы назваться нормальной, была дикимъ, раздирающимъ диссонансомъ въ современной деревнѣ; она нарушала ту систему хищенія и безсовѣстнаго эгоизма, которая, начинаясь милліонами у подножія трона, спускается по нисходящимъ ступенямъ до грошей сельскихъ обывателей. Деревенскіе хищники мелки, ничтожны, жалки,—но и бюджетъ крестьянина не великъ: онъ охватываетъ рубли, десятки рублей; его платежи (подушные, повемельные, земскіе, мірскіе) равняются въ отдѣльности копейкамъ, но далеко превосходятъ платежныя силы его; при такихъ условіяхъ урвать много, конечно, нѣтъ физической возможности; зато то, что урывается, составляетъ послѣднее достояніе неимущихъ; тѣмъ болѣе трудно разстаться съ трудовыми грошами. Борьба изъ-за этихъ грошей съ посторонними аппетитами наполняетъ жизнь деревни. Наше появленіе угрожало тѣмъ же аппетитамъ. Когда къ постели больного призывали одновременно меня и священника, развѣ могъ онъ торговаться за свою потребу? Когда мы присутствовали на волостномъ судѣ, развѣ не считалъ писарь четвертаковъ, полтинниковъ или взятокъ натуру, которыхъ мы лишали его? Къ этому прибавлялись опасенія, что въ случаѣ злоупотребленія, насилія или вымогательства, мы можемъ написать жалобу обиженному, и чрезъ знакомства въ городѣ (съ предсѣдателемъ, слѣдователями) довести дѣло до суда, до свѣдѣнія архіерея. И деревенскіе пауки принялись за свою паутину. То недовѣріе, которое ужъ много лѣтъ царитъ у насъ между властью, съ одной стороны, и народомъ, обществомъ, интеллигенціей—съ другой, давало готовое оружіе, съ которымъ трудно было бы не побѣдить.

Борьба противъ насъ такъ типична, такъ характерна, что нельзя не коснуться ея. Замѣчу кстати, что въ противоположность остальнымъ товарищамъ, мы были людьми легальными; несмотря на самарскую исторію, надѣясь на несовершенство полицейскихъ розысковъ, я жила подъ своимъ паспортомъ; въ уѣздѣ, кромѣ Ермолаевыхъ, никто не зналъ, что одна изъ нашихъ сестеръ уже находится въ Сибири. Мы еще не успѣли, что называется, обжиться, когда крестьяне сообщили намъ, что священникъ нашего села распространяетъ слухъ, что мы безпаспортныя, что мы нигдѣ не учились, никакихъ бумагъ не имѣемъ, и что онъ такой же лекарь, какъ и мы. Когда крестьяне звали насъ крестить, то пошъ отказывался, говоря, что не знаетъ, кто мы такія, откуда мы, замужнія или дѣвицы и т. п. Чрезъ нѣкоторое время тотъ же священнослужитель сдѣлалъ заявленіе въ земской управѣ,

что со времени нашего прїѣзда въ Вязьмино, душевное настроеніе его паствы измѣнилось: храмъ Божій мало посѣщается, усердіе оскудѣло, народъ сталъ дерзокъ и своеволенъ. Въ управѣ батюшкѣ сказали, что все это не касается выполненія моихъ обязанностей и къ управѣ не относится. Тогда началось шпионство за школой; то управляющій помѣщика, то писарь, то священникъ зазывали мальчугановъ: «все пытаются, учишь ли ты насъ молитвамъ»,—говорили они сестрѣ. Но сестра молитвамъ учила; тѣмъ не менѣе въ Саратовъ полетѣли два доноса, что Евгенія внушаетъ ученикамъ: «Бога нѣтъ, а царя не надо!», а по селу распространился слухъ изъ волостного правленія, что мы укрываемъ какихъ-то бѣглыхъ. Съ тѣхъ поръ, кто бы къ намъ ни прїѣхалъ, урядникъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, являлся къ намъ на квартиру, чтобъ посмотреть... Когда мы прїѣзжали въ городъ, слѣдователи рассказывали намъ, что князь Чегодаевъ увѣряетъ всѣхъ и каждого, что мы ходимъ изъ избы въ избы и читаемъ прокламаціи, что мы не пропускаемъ ни одного больного, чтобъ не растолковать ему, что во всемъ царить неправда, и что всѣ чиновники—взяточники.

Въ январѣ 79 г. въ нашей волости должны были происходить выборы должностныхъ лицъ; на волостномъ сходѣ крестьяне избрали новаго старшину и убавили писарю жалованье на 100 р. Это произвело бурю. Князь Чегодаевъ считалъ насъ виновниками своего несчастья. Непремѣнный членъ, Деливронъ, заявилъ: «сходъ сходъ, какъ сходъ, въ одномъ Вязьминѣ не ладно!». Сходъ былъ объявленъ незаконнымъ, и назначенъ новый, на который самолично явился предводитель дворянства Устимовъ. Многие избиратели не были оповѣщены и отсутствовали; мужики соседняго села государственныхъ крестьянъ, народъ бойкій и независимый, таинственнымъ образомъ были устранены; новый старшина объявленъ, подъ какимъ то сомнительнымъ, законнымъ предлогомъ, не имѣющимъ права быть избраннымъ; оставленъ прежній—взяточникъ, и жалованье писарю восстановлено въ прежнихъ размѣрахъ,—законный порядокъ водворенъ.

Вслѣдъ за этимъ поднялся вопросъ земельный,—произошло столкновение крестьянъ съ помѣщикомъ. Жители села Вязьмина и двухъ ближайшихъ деревень—бывшіе крѣпостные графа Нессельроде. Его сіятельство отпустилъ ихъ на даровой, такъ называемый нищенскій надѣлъ, оставивъ за собой ни больше, ни меньше, какъ 18.000 десятинъ земли. Какъ ни покажется страннымъ, нищенскій участокъ Вязьминцевъ былъ еще обмѣренъ на 25 десятинъ, какъ доказало межеваніе, произведенное лѣтомъ 78 года. Положеніе бывшихъ крѣпостныхъ его сіятельства безвыходно въ полномъ смыслѣ слова; всѣ они единогласно считаютъ свое разореніе съ эпохи эмансипаціи; не имѣя выгона, они находятся въ кабальной зависимости отъ своего землевладѣльца, такъ какъ съ другой стороны ихъ окружаютъ 10 тыс. дес. земли другого помѣщика Устимова; арендная плата за землю, равная

впаяся въ первые годы послѣ освобожденія 1 р. 25 к. за десятину, поднялась въ 78 г. до 8 р. сер. Но на 79 годъ управляющій графа поставилъ новое условіе: сверхъ этой суммы, за каждую десятину въ полѣ, крестьяне должны были вывести по пяти тесинъ или бревенъ, ужъ не помню хорошенько, за 60—70 верстъ отъ ихъ селеній, почти съ границы Кузнецкаго уѣзда. Крестьяне были въ отчаяніи, на такія условія они не могли согласиться, они были рѣшительно сверхъ силъ сихъ, и всѣ три сельскія общества отъ земли отказались. До сихъ поръ крестьяне снимали землю всѣмъ обществомъ, цѣлымъ участкомъ, разверстывая его потомъ между собой и внося плату за круговое порукою. Это обезпечивало исправность платежа, а въ данномъ случаѣ дѣлало сопротивленіе крестьянъ единодушнымъ, крѣпкимъ. Чтобы разбить это единство, управляющій сталъ предлагать землю отдѣльнымъ личностямъ на условіяхъ болѣе льготныхъ, чтобы, соблазнивъ однихъ, разбить упорство другихъ; конечно, склонить каждого порознь было легче, чѣмъ сговориться съ міромъ, но не удалось и это. Наконецъ, два общества сдались, но крестьяне Вязьмина такъ и не взяли земли. Это было написано нашему вліянію. Деревенскій погъ, пользовавшійся щедростями своего прихожанина, отписывалъ ему о сопротивленіи крестьянъ, поясняя, что «причины тому—фельдшерцы». Послѣ этого пріѣхалъ исправникъ, произвелъ дознаніе о нашемъ поведеніи, образѣ жизни, о нашей школѣ, переспросилъ отповѣ, перепуталъ ребятишекъ и закрылъ нашу школу, какъ существующую безъ разрѣшенія училищнаго совѣта.

Надо было видѣть горе крестьянъ, когда они узнали объ этой новости. Незадолго передъ тѣмъ ихъ уговаривали выстроить земское училище, смѣта котораго равнялась 1000 руб., причемъ они приглашались еще нанимать училищнаго сторожа и поставлять дрова для отопленія; по бѣдности они отказались отъ столь дорогого заведенія; теперь у нихъ отнимали даровую учительницу, ихъ дѣти лишались бесплатнаго обученія. Всѣ въ одинъ голосъ говорили о несправедливости и о томъ, что ихъ хотятъ силою заставить войти въ неоплатные расходы на казенную школу. Но это было не все: черезъ нѣкоторое время двое крестьянъ были арестованы и препровождены въ городъ, вслѣдствіе доноса писаря, выпытавшаго подъ видомъ частнаго разговора ихъ взгляды на землю вообще. Крестьяне говорили, что какъ всѣ сравнены службою воинской повинности, такъ всѣ будутъ сравнены землей; что они заслужили эту землю турецкой кампаніей; что дальше такъ жить, какъ они живутъ, силъ нѣтъ; что самъ наслѣдникъ убѣдился въ этомъ; что онъ объѣхалъ съ тридцатью сенаторами всю Россію, вездѣ выслушивалъ жалобы и прошенія крестьянъ и вездѣ говорилъ: «будетъ по вашему». И что какъ въ 61 году были отняты отъ помѣщиковъ крестьяне, такъ теперь, въ ближайшемъ будущемъ, будетъ у нихъ отнята вся земля. Когда арестованные были освобождены, то, воротившись домой, они раз-

сказывали намъ, что исправникъ всячески наводилъ ихъ на то, чтобъ они показали на насъ, какъ на лицъ, внушившихъ имъ эти мысли и «вычитывавшихъ имъ ихъ права». Съ тѣхъ поръ намъ не давали покоя: сотскіе и десятники, дѣтей которыхъ я спасала отъ смерти, которымъ я сохранила немало рабочихъ дней, жаловались мнѣ, что ихъ заставляютъ подсматривать въ наши окна, слѣдить за нами, подслушивать у избъ наши разговоры съ крестьянами; сами крестьяне стали бояться приходить къ намъ днемъ и являлись вечеромъ, тайкомъ, проходя по задворкамъ; старшина, жену котораго я долго лечила, съ наивнымъ сокрушеніемъ говорилъ мнѣ: «Ну что мнѣ дѣлать, Миколавна? кажинный разъ меня Устимовъ стращаетъ: смотри, говоритъ, старшина, за фершалицами... ты за все отвѣчаешь!»... Одинъ помѣщикъ, задѣтый сухостью моего обращенія, не стыдился пріѣзжать въ волостное правленіе для справокъ: все ли у насъ спокойно въ волости? И когда писарь широко раскрывалъ глаза, не ожидая встрѣтить въ образованномъ человѣкѣ соперника своей наглости, помѣщикъ, съ выразительнымъ жестомъ, прибавлялъ: «да что-жъ онъ двѣ на цѣлый уѣздъ сдѣлаютъ?!» Однимъ словомъ Щедринскій «мерзавецъ» стоялъ передъ нами въ безцеремонной повѣ и гналъ насъ вонъ изъ деревни, гдѣ онъ хозяинъ и господинъ. Какъ въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ наиболѣе приспособившіеся къ окружающей средѣ, такъ въ сферѣ деревенской неурядицы одерживалъ верхъ тотъ, чьи приемы беззастѣнчивѣе, чьи стремленія и идеалы наиболѣе гармонировали со всѣмъ строемъ жизни, со всей атмосферой общества, съ его рутиной и обычными нормами. Официальная деревня не предъявляла спроса на силы людей, не подходящихъ подъ ея мѣрку.

Наше положеніе еще не вполне обострилось, когда къ намъ въ деревню пріѣхалъ Александръ Константиновичъ Соловьевъ, чтобъ посоветоваться о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, съ цѣлью убить императора; онъ изложилъ намъ свой взглядъ на дѣятельность въ народѣ и на общее положеніе дѣлъ въ Россіи. Первая была, по его мнѣнію, простымъ самоуслажденіемъ при современномъ порядкѣ вещей, когда борьба за интересы массы на почвѣ легальной является беззаконіемъ, нелегальностью въ глазахъ всѣхъ представителей собственности, всѣхъ лицъ администраціи; стоя на этой почвѣ, вооруженные лишь принципомъ народной пользы и чувствомъ справедливости, мы не имѣемъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, такъ какъ на сторонѣ нашихъ противниковъ—матеріальное богатство, традиціи и власть; въ виду этого, мы еще на послѣднемъ общемъ собраніи въ Саратовѣ рѣшили, что въ деревню надо внести огонь и мечъ, аграрный и полицейскій терроръ, физическую силу, для защиты истины и справедливости; этотъ терроръ тѣмъ болѣе необходимъ, что народъ подавленъ экономической нуждой, принимаемъ постоянныя произволы, и самъ не въ силахъ употреблять такіа средства; но для такого террора нужны новыя революціонныя силы, а

притокъ ихъ въ деревню почти прекратился, такъ какъ реакція, преслѣдованія убили въ интеллигенціи энергію и вѣру въ возможность производительнаго приложенія своихъ силъ въ деревнѣ, и молодежь не видитъ ни малѣйшихъ результатовъ работы предшествовавшихъ дѣятелей въ народѣ; при извѣстной силѣ реакціи лучшіе порывы замираютъ, не находя себѣ исхода. Въ настоящій моментъ Россія переживаетъ именно такой моментъ, когда общественная инициатива исчезаетъ, а реакція можетъ только расти, но не убывать. Смерть императора можетъ сдѣлать поворотъ въ направленіи общественной жизни; атмосфера очистится; недовѣріе къ интеллигенціи прекратится, она получитъ доступъ къ широкой и плодотворной дѣятельности въ народѣ; масса честныхъ молодыхъ силъ прильетъ въ деревню, а для того, чтобы измѣнить духъ деревенской обстановки и дѣйствительно повліять на жизнь всего русскаго крестьянства, нужна именно масса силъ, а не успія единичныхъ личностей, какими являемся въ настоящий моментъ мы. Мнѣнія Соловьева были отголоскомъ общаго настроенія.

Мы уже ясно видѣли, что наше дѣло въ народѣ проиграно. Въ нашемъ лицѣ революціонная партія терпѣла второе пораженіе, но уже не въ силу неопытности своихъ членовъ, не въ силу теоретичности своей программы, желанія навязать народу чуждые ему цѣли и недоступные идеалы, не въ силу преувеличенныхъ надеждъ на силы и подготовку массы, нѣтъ и нѣтъ,—мы должны были сойти со сцены съ сознаніемъ, что наша программа жизненна, что ея требованія имѣютъ реальную точку опоры въ народной жизни, сойти вслѣдствіе отсутствія политической свободы.

Это отсутствіе политической свободы можетъ быть замаскировано, можетъ не ощущаться въ острой формѣ, если деспотическая власть находится въ какомъ-нибудь взаимодействіи съ народными потребностями и общественными стремленіями; но если она идетъ своимъ путемъ, игнорируя и тѣ и другія; если она глуха и къ воплю народа, и къ требованію земца, и къ голосу публициста; если она равнодушна къ серьезному наслѣдованію ученаго и къ цифрамъ статистика; если ни одна группа подданныхъ не имѣетъ никакихъ способовъ вліять на ходъ общественной жизни; если всѣ средства безполезны, всѣ пути заказаны; если молодая, болѣе пылкая часть общества не находитъ ни сферы для своей дѣятельности, ни дѣла во имя блага народа, которому она могла бы отдать свой энтузіазмъ,—то положеніе дѣлается невыносимымъ, все негодованіе обрушивается на выразителя и представителя этой разошедшейся съ обществомъ государственной власти, на монарха, который самъ объявляетъ себя ответственнымъ за жизнь, благосостояніе и счастье націи, и свой разумъ, свои силы ставитъ выше разума и силъ миллионовъ людей; и если всѣ средства къ убѣжденію были испробованы и оказались одинаково безплодными,—то остается физическая сила: кинжалъ, револьверъ и динамитъ. И Соловьевъ взялся за револьверъ.

Тѣмъ временемъ, къ тому же выводу приходили и члены партіи, находившіеся въ городахъ. Оправданная судомъ присяжныхъ, Засуличъ едва не была схвачена; въ то время, какъ вся Россія рукоплескала приговору суда, члены царской фамиліи дѣлали визиты Трепову; когда сенатъ признавалъ возможнымъ смягчить наказаніе—царь увеличивалъ его; на каждое обузданіе произвола его слугъ онъ отвѣчалъ реакціей и репрессіями; военное положеніе было слѣдствіемъ нѣсколькихъ политическихъ убійствъ. Становилось страннымъ бить слугъ, творившихъ волю пославашаго, и не трогать господина; политическія убійства фатально приводили къ цареубійству, и мысль о немъ является у Гольдберга и Кобылянского почти одновременно съ тѣмъ, какъ она овладѣваетъ Соловьевымъ. А эта мысль дѣйствительно овладѣла имъ всецѣло; я думаю, если бы мы всѣ возстали противъ нея, то онъ все-таки осуществилъ бы ее. Кромѣ того, онъ безусловно вѣрилъ въ успѣхъ; когда я высказала ему мнѣніе, что неудача его покушенія можетъ привести къ еще болѣе тяжелой реакціи, то онъ съ такой вѣрой и увлеченіемъ сталъ увѣрять меня, что неудача немыслима, что онъ не переживетъ ея, и что пойдетъ на дѣло при всѣхъ шансахъ на успѣхъ,—что мнѣ оставалось лишь пожелать, чтобъ его надежды оправдались. Такъ мы разстались съ этимъ человѣкомъ, соединявшимъ мужество героя, самоотреченіе аскета и доброту ребенка. Съ тѣхъ поръ мы еще долго съ тревогой ждали вѣстей изъ Петербурга. Между тѣмъ, наши деревенскія дѣла шли все хуже и хуже. Я рѣшила оставить Петровское земство, но оно положительно не хотѣло отпустить меня. Тогдашній предсѣдатель управы Кропотковъ на мое заявленіе прислалъ мнѣ письмо, гдѣ въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ просилъ не покидать земство и продолжать полезную дѣятельность, предлагая на выборъ другой участокъ. Чтобъ не показаться чванной, пришлось остаться еще на время, пока не явится предлогъ для отъѣзда. Оставаться долѣе въ деревнѣ было бесполезно и невыносимо.

Когда, 2-го апрѣля, раздался неудачный выстрѣлъ Соловьева, первой моей мыслью было: надо продолжать. Вмѣсто того, чтобъ сломить реакцію, мы дали ей поводъ разыграться еще сильнѣе, и мы должны были довести дѣло до конца. Въ это время наши товарищи въ Вольскомъ уѣздѣ уже принуждены были выѣхать оттуда; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Петербурга писали, что пребываніе Соловьева въ Саратовской губерніи открыто, и, для разслѣдованія его дѣятельности, тамъ назначена особая комиссія; вскорѣ пришло извѣстіе изъ Саратова, что эта комиссія уже прибыла туда и отправляется въ Вольскій уѣздъ; друзья торопили насъ выѣхать изъ опасенія, что наши сношенія съ Соловьевымъ будутъ открыты. Наконецъ изъ Вольскаго уѣзда явился посоль, чтобы объявить намъ, что уже отысканы ямщики, возившіе Соловьева въ Петровскій уѣздъ. Послѣ этого надо было спѣшить.

Уговоривъ сестру выѣхать безъ меня, я заявила земству,

что прошу принять от меня должность, такъ какъ болѣзнь матери призываетъ меня въ Петербургъ, но, какъ я ни настаивала на томъ, чтобы управа выдала мнѣ всѣ мои документы, потому что я не думаю воротиться, председатель заставилъ меня принять лишь временный отпускъ. Приходилось удовольствоваться имъ, чтобъ отъѣздъ не походилъ на бѣгство; въ тотъ же день городской фельдшеръ былъ посланъ со мной для пріема книгъ, инструментовъ, медикаментовъ и пр. А на другое утро, въ воскресенье, простившись съ вязьминцами, я уже ѣхала по дорогѣ въ Саратовъ. Неповѣдимый случай и на этотъ разъ спасъ меня: власти явились въ Вязьмино въ понедѣльникъ, опоздавъ не на недѣлю, какъ въ Самарѣ, а на сутки. Такъ кончилось наше пребываніе въ Саратовѣ, съ надеждами въ началѣ, съ минусомъ въ концѣ. Но, если на вопросъ: возможна ли желаемая нами дѣятельность въ народѣ? мы, въ силу внѣшнихъ условій, опутывающихъ деревню, пришли къ отвѣту отрицательному и къ выводу, что прежде всего необходимо сломить эти самыя условія, — то, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы уносили сознание, что народъ понимаетъ насъ, что онъ видитъ въ насъ своихъ друзей. Когда въ Вязьмино явились жандармы, полиція, общій говоръ крестьянъ былъ: «все это потому, что онѣ стоятъ за насъ». Когда, повидѣе, писарь распустилъ слухъ, что мы арестованы, а Евгенія повѣшена, крестьяне, ночью, отправились къ сосѣдному помѣщику узнать, правда ли это? Они вернулись успокоенные, радостные.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я встрѣтилась въ Петербургѣ съ одной молодой особой, жившей въ одной съ нами мѣстности, она бросилась мнѣ на шею съ горячимъ привѣтствіемъ: «вы прожили тамъ не даромъ». Мои друзья, Богдановичъ и Писаревъ, могли съ удовольствіемъ узнать, что за одного изъ нихъ старшина готовъ былъ внести 5 тыс. залогомъ, лишь бы его выпустили. Одна, компетентная по своей опытности и знанію крестьянской жизни, личность, которую по ея выраженію нельзя заподозрить въ пристрастіи къ социализму, узнавъ, что Богдановичъ и Писаревъ отказываются отъ дальнѣйшей жизни въ деревнѣ, выразилась такъ: «они никогда не отказались бы отъ этой жизни, если бы увидали, какъ относятся къ нимъ крестьяне ихъ волостей». Это былъ голосъ мѣстнаго жителя, очевидца всѣхъ послѣдовавшихъ за выстрѣломъ Соловьева событій.

Когда нашъ кружокъ собрался въ послѣдній разъ въ Саратовѣ, то я заявила, что выхожу изъ него, чтобъ пристать къ обществу «Земли и Воли», такъ какъ не вижу смысла въ самостоятельномъ существованіи маленькой группы, и въ этомъ обществѣ буду поддерживать тѣхъ, которые будутъ стоять за дальнѣйшее царевобійство. Впрочемъ, борьба съ правительствомъ сдѣлалась ловушкой и всѣхъ остальныхъ. Послѣ этого мы распались. Писаревъ и Лешернъ уѣхали на сѣверъ, Богдановичъ, Евгенія и я остановились пока въ Тамбовѣ, гдѣ было много землевольцевъ; вскорѣ я получила письмо отъ Бардиной, про-

сившей помочь ей бѣгству. За эту помощь взялся Юрій, и на цѣлый годъ исчезъ съ нашего горизонта. Между тѣмъ общество «Земли и Воли», предупреждая мое собственное желаніе, вновь предложило мнѣ чрезъ Михаила Родіоновича Попова, находившагося въ то время въ Тамбовѣ, вступить въ его члены. Когда я изъявила согласіе, Поповъ сообщилъ мнѣ, что организація 'созывается съѣздъ въ Воронежъ, куда потомъ мы и поѣхали вмѣстѣ съ еще нѣсколькими землевольцами.

Общее положеніе революціонной партіи, за весь періодъ отъ конца 76 г. до съѣзда въ Воронежѣ лѣтомъ 79 г., характеризуется тѣмъ, что партія еще не проявляла стремленія къ объединенію въ одну общую организацію всѣхъ своихъ единомышленниковъ, такъ что при солидарности въ программѣ, въ цѣляхъ и средствахъ, они распадались на нѣсколько вполне самостоятельныхъ группъ, связанныхъ другъ съ другомъ только личнымъ знакомствомъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Въ то время, какъ на сѣверѣ общество «Земля и Воля» представляло изъ себя организацію, тѣсно сплоченную, связанную общимъ уставомъ, регулирующимъ взаимныя отношенія членовъ и опредѣляющимъ ихъ права и обязательства, южане продолжали выказывать размашистую русскую натуру, не признавали дисциплины, не обособлялись рѣзко отъ массы революціонной молодежи и постоянно кочевали между Одессой, Харьковомъ и Кіевомъ. Рядъ правительственныхъ преслѣдованій 77, 78 и 79 г.г. раздавилъ эти города; процессы, въ которыхъ фигурировали: Осинскій, Мокріевичъ, Ковалевская, Стеблинъ-Каменскій, Волошенко, Чубаровъ, Виттенбергъ, Ковальскій и безконечная вереница другихъ именъ, унесъ ихъ лучшія силы. Для сѣвера подобныя же преслѣдованія не имѣли рокового значенія, потому что организація обезпечивала, при каждой потерѣ, притокъ новыхъ силъ изъ провинцій. Такимъ образомъ, лѣтомъ 79 г. общество «Земли и Воли» представляло единственную организованную революціонную группу, владѣвшую литературнымъ органомъ (издававшимся съ осени 78 г.) и располагавшую обширнымъ контингентомъ лицъ. Во главѣ общества стоялъ центръ, мѣстопробываніемъ котораго былъ Петербургъ; этотъ центръ заведывалъ типографіей, изданіемъ органа, всѣми денежными средствами общества; велъ сношенія съ провинціями, заправлялъ всѣми текущими дѣлами, не касавшимися провинціальной дѣятельности, распоряжался размѣщеніемъ силъ по мѣстностямъ и спеціальностямъ; на немъ же лежала обязанность расширенія связей и силъ организаціи и присылка новыхъ людей въ деревни. Провинціальныя члены размѣщались по губерніямъ: Саратовской, Тамбовской, Воронежской и земли Войска Донского, образуя такъ наз. «общины», автономныя и самостоятельныя въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Эти «общины» вербовали новыхъ членовъ между мѣстными людьми, имѣющими опредѣленное положеніе, между рабочими, мѣстной молодежью; принимали въ свою среду лицъ, вновь прибывающихъ въ провинцію, и составляли

съ ними одно равноправное по мѣстнымъ дѣламъ цѣлое, не дѣлая однако эту массу лицъ членами общества «Земли и Воли» и не посвящая ихъ въ дѣла и организацію этого общества. Это были мѣстные организаціи, задающіяся мѣстными цѣлями и связанныя съ петербургской организаціей лишь посредствомъ нѣкоторыхъ своихъ сочленовъ, сохранявшихъ въ тайнѣ свою связь съ этой организаціей. Главной задачей провинціальныхъ группъ была дѣятельность среди крестьянства для подготовленія возстанія; сообразно этому, небольшая часть членовъ оставалась въ городахъ для пропаганды среди рабочихъ, поддержанія денежныхъ связей, заведенія полезныхъ для организаціи знакомствъ и т. п.; громадное же большинство было разсыяно по деревнямъ и селамъ, стѣвжаясь въ губернскій городъ разъ въ 2—3 мѣсяца на общее собраніе для обмѣна наблюденіями, совѣщанія о веденіи дѣла и т. д. Общія нужды и интересы мало-по-малу сближали провинціаловъ между собой въ союзъ, все болѣе и болѣе тѣсный, а разстояніе и разобщеніе съ Петербургомъ ослабляли связь съ прежними товарищами. Родъ дѣятельности и мѣстонахожденіе вдали отъ университетскихъ городовъ, поставляющихъ значительный контингентъ революціонныхъ силъ, ставили провинціальныя общины въ полную зависимость отъ центра, какъ въ денежномъ отношеніи, такъ и въ еще болѣе важномъ дѣлѣ—въ притокѣ къ нимъ свѣжихъ дѣятелей изъ молодежи. По мѣрѣ того, какъ часть программы, гласившая объ обузданіи произвола правительственныхъ агентовъ, все болѣе и болѣе сосредоточивала на себѣ вниманіе петербургскихъ землевольцевъ, они все менѣе и менѣе заботились о своихъ провинціальныхъ товарищахъ: всѣ средства и силы шли на освобожденія, на террористическіе акты; притокъ тѣхъ и другихъ въ провинціи все сокращался, и они пришли, наконецъ, въ совсѣмъ захудалое состояніе.

Мало того, началось нравственное разъединеніе. Петербургскіе члены, упоенные успѣхами, раздраженные неудачами, въ пылу борьбы, которая требовала постоянного напряженія силъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, давала неслыханное по своей силѣ средство для агитаціи, съ удивленіемъ и презрѣніемъ стали смотрѣть на тишину саратовскихъ селъ и тамбовскихъ деревень; отсутствіе тамъ всякихъ признаковъ активной борьбы, видимая безрезультатность пребыванія въ деревнѣ цѣлыхъ десятковъ лицъ—возмущали ихъ до глубины души. Если десятки революціонеровъ, посвятившихъ деревенской дѣятельности болѣе двухъ лѣтъ, оказались не въ состояніи не только поднять народъ, но даже представить какія-либо фактическія данныя относительно возможности подготовленія народнаго возстанія въ ближайшемъ будущемъ, то къ чему дальнѣйшее пребываніе ихъ въ деревнѣ? Каждый членъ, остающійся среди крестьянъ, казался имъ отнятымъ отъ той кипучей борьбы, которой они отдавались съ такимъ увлеченіемъ. Народникамъ же, въ тѣсномъ смыслѣ слова, казалось, что городскіе землевольцы занимаются фейерверками, блескъ которыхъ

отвлекает молодежь отъ настоящаго дѣла, отъ народной среды, столь нуждающейся въ ея силахъ. Убійства генераловъ и шефовъ жандармовъ были въ ихъ глазахъ работой менѣе производительной и нужной, чѣмъ аграрный терроръ по деревнямъ; эти факты проходили въ деревнѣ безслѣдно, не надъ кѣмъ было наблюдать производимое ими впечатлѣніе; безъ пролога и эпилога, они не потрясали и самихъ деревенскихъ землевольцевъ: они не переживали тревогъ, опасеній и радостей борьбы; среди однообразія необозримыхъ степей и моря крестьянскихъ головъ, они не рыдали надъ трупами казненныхъ друзей...

Среди такихъ-то разнообразныхъ теченій собрался Воронежскій съѣздъ. Этотъ съѣздъ былъ компромиссомъ между тѣми и другими, между нарождающимся новымъ направлениемъ и старымъ отживающимъ. Трудно было организація расколоться, товарищамъ разойтись въ разныя стороны; всѣмъ хотѣлось сохранить единство; всѣ боялись потери силъ отъ раздѣленія. Программа общества, составленная въ чертахъ черезчуръ общихъ, давала возможность каждому толковать ее въ свою пользу; какъ городскіе, такъ и деревенскіе члены съ одинаковымъ правомъ ссылались на нее при своихъ домогательствахъ и претензіяхъ и приводили ея тезисы въ защиту своей дѣятельности. Послѣ взаимныхъ объясненій и дебатовъ въ защиту своего поведенія—программа была оставлена безъ измѣненій, такъ же, какъ и уставъ. Относительно ближайшихъ практическихъ цѣлей было рѣшено: продолжать дѣятельность въ народѣ, включивъ въ нее аграрный терроръ; вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать террористическую дѣятельность въ народѣ, въ частности царубійство. Органъ «Земли и Воли» долженъ былъ сохранить прежнее направленіе въ общемъ духѣ программы, а «Листокъ Земли и Воли»—принять характеръ чисто агитаціонный. На съѣздѣ присутствовало, по крайней мѣрѣ, 25 человекъ. Нѣкоторые землевольцы (деревенскіе) не явились на него, потому что не придавали ему значенія; другіе, пріѣхавъ раньше общаго сбора, возвратились домой изъ боязни потерять свои официальные мѣста. Съѣздъ этотъ, кромѣ того, что далъ возможность высказаться разнообразнымъ взглядамъ и опредѣлится направленіямъ, имѣлъ еще то значеніе, что на немъ присутствовали представители всей тогдашней революціонной Россіи, такъ какъ на немъ были выбаллотированны и вызваны: Андрей Ивановичъ Желябовъ, Николай Колодкевичъ и Фроленко, игравшіе такую выдающуюся роль на всемъ югѣ, Одессѣ, Киевѣ, Харьковѣ, что въ лицѣ ихъ къ обществу «Земли и Воли» примкнуло все, что было революціоннаго въ этихъ трехъ центрахъ, какъ въ области интеллигенціи, такъ и въ мірѣ рабочемъ. Это обезпечило существованіе общерусской революціонной организаціи, явившейся на развалинахъ «Земли и Воли». Когда, послѣ Воронежскаго съѣзда, землевольцы разъѣхались, то значительная часть ихъ оказалась въ Петербургѣ. Здѣсь, приступивъ къ практической работѣ, они вскорѣ увидѣли, что солидарная работа невозможна, что расхожденіе въ принципахъ болѣе

глубоко, чѣмъ казалось съ перваго взгляда, и что для того, чтобы не парализовать начинаній другъ друга, необходимо разойтись. Послѣ этого произошло раздѣленіе на условіяхъ, выработанныхъ представителями городского и деревенскаго направленія, и общество «Земля и Воля» распалось на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», двѣ фракціи, изъ которыхъ каждая пошла своимъ путемъ. Я осталась въ средѣ народолюбцевъ.

Въ то время какъ фракція «Чернаго Передѣла», сохранивъ, въ главныхъ чертахъ, программу «Земли и Воли», лишь подчеркнула въ ней непосредственную дѣятельность въ народѣ и необходимость организаціи его для экономической борьбы противъ буржуазіи, народолюбцы положили начало, совершенно новое, въ основаніе своей программы. Этимъ началомъ было значеніе и вліяніе централизованной и государственной власти на весь строй народной жизни. Этотъ элементъ игралъ, по ихъ мнѣнію, громадную роль во всѣ моменты нашей исторіи. Какъ во времена, давно минувшія, эта государственная власть разрушила федеративныя начала политическаго строя древней Россіи, народъ, искони обращенный въ податное сословіе, сдѣлала сначала крѣпкимъ землѣ, а потомъ отдала въ личное рабство; создала дворянство, сначала какъ служилый, потомъ, какъ свободный отъ тягостей государственной службы помѣстный классъ, а когда этотъ классъ обнищалъ и захудалъ, знатнѣйшіе боярскіе роды къ началу XVIII ст. обѣднѣли и вымерли, то, рядомъ «всемилоствѣйшихъ» колоссальныхъ раздачъ государственныхъ земель и казенныхъ крестьянъ, положило начало той крупной, знатной и богатой собственности, которую застала эпоха эмансипаціи; такъ, въ настоящее время, освободивъ въ 61 году крестьянъ отъ личнаго рабства, та же государственная власть взяла на себя роль главнѣйшаго эксплуататора свободнаго народнаго труда: она надѣлила крестьянство земельнымъ надѣломъ, стоящимъ далеко ниже крестьянской рабочей силы; она обременила этотъ недостаточный надѣлъ такими несоразмѣрными платежами и налогами, что они глотаютъ весь валовой доходъ крестьянина, а въ многихъ мѣстахъ превышаютъ доходность земли на 205 и болѣе процентовъ. Эти платежи составили, такимъ образомъ, безпримѣрный налогъ на трудъ, доходящій до размѣровъ 40—50 руб. на взрослого работника ¹⁾). Создавъ такими обременительными способами громадный государственный бюджетъ, 80—90% котораго составляютъ нившими классами, централизованная государственная власть употребляетъ его почти всецѣло на поддержаніе внѣшняго могущества государства, на содержаніе арміи, флота и на уплату государственныхъ долговъ, сдѣланныхъ для тѣхъ же цѣлей, бросая лишь жалкія крохи на производительные расходы, удовлетворяющіе такимъ насущнымъ народнымъ потребностямъ, какъ, напр., народное образованіе и т. п. (18 милл., если не оши-

¹⁾ Головачевъ. Наша государственная роспись. „Русская Мысль“ 82 г.

баюсь). Такое положеніе вещей соотвѣтствуетъ исполнѣ ея принципу, что народъ существуетъ для государства, а не государство для народа. Рядомъ съ подобной эксплуатаціей народа государствомъ блѣднѣетъ всякая частная эксплуатація. Но, не довольствуясь этимъ, правительство употребляетъ всѣ усилія для поддержанія этой послѣдней: какъ прежде, оно создало дворянское землевладѣніе, такъ теперь оно стремится къ созданію буржуазіи. Вмѣсто того, чтобъ взять сторону народнаго хозяйства, оно поддерживаетъ частныхъ предпринимателей, крупныхъ промышленниковъ и желѣзнодорожниковъ. По свидѣтельству всѣхъ экономистовъ, за цѣлое двадцатилѣтіе со времени освобожденія крестьянъ не предпринято ни одной мѣры къ улучшенію народнаго экономическаго быта; напротивъ того, вся финансовая политика правительства направлена на созданіе и поддержку частнаго капитала; субсидіи, гарантіи, тарифы, всѣ экономическія мѣропріятія за этотъ періодъ обращены въ эту сторону, и, въ то время, какъ на западѣ правительство служитъ орудіемъ, выражителемъ воли имущественныхъ классовъ, уже достигшихъ господства, у насъ оно является самостоятельной силой, до извѣстной степени, источникомъ, творцомъ этихъ классовъ. Такимъ образомъ въ сферѣ экономической современное государство представляется крупнѣйшимъ собственникомъ и главнѣйшимъ самостоятельнымъ хищникомъ народнаго труда, поддерживающимъ другихъ болѣе мелкихъ эксплуататоровъ. Угнетая народъ экономически, правительство оставляетъ всѣ классы его безправными въ области политической: въ лицѣ болѣе чѣмъ 10 милл. сектантовъ и раскольниковъ народъ страдаетъ отъ отсутствія свободы вѣроисповѣданія, фискальныя и полицейскія мѣры лишаютъ его свободы передвиженія; отсутствіе свободы преподаванія держитъ его въ вынужденномъ невѣжествѣ; онъ лишенъ всѣхъ способовъ заявлять правительству о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, онъ не имѣетъ права петицій; наконецъ, вся жизнь его подчинена необузданному произволу администраціи.

Не лучше политическое состояніе и другихъ слоевъ общества: земство превращено въ сборщика податей; оно не можетъ входить съ представленіями о нуждахъ населенія; умышленно держится въ разобщеніи; его голосъ остается неслышаннымъ (напр., по вопросу о введеніи подоходнаго налога) по самымъ существеннымъ вопросамъ народнаго быта; въ средѣ народнаго образованія оно подчинено министерству народнаго просвѣщенія, и въ непосильной борьбѣ съ нимъ приходитъ къ грустному рѣшенію закрыть земскія школы (какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тверскомъ земствѣ); земскіе выборы и собранія поставлены въ зависимость отъ административной власти. Единственный способъ, чрезъ посредство котораго общество могло бы вліять на правительство и чрезъ него на жизнь,—литература, пресса—находятся въ состояніи полной подавленности. Тамъ, гдѣ нѣтъ свободы научнаго изслѣдованія и свободы слова, что можетъ

представлять собой печать? Но и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя ей предоставлены, она остается гласомъ вопіющаго въ пустынь, средствомъ воспитанія въ извѣстномъ направленіи читателей, но не способомъ непосредственнаго проведенія идей въ жизнь: на что бы она ни указывала, что бы ни предлагала,— все остается втуне. Ея лучшіе представители были или находятся въ ссылке, побывавшіе въ крѣпостяхъ состоятъ подъ постояннымъ полицейскимъ надзоромъ (Чернышевскій, Михайловъ, Герценъ, Салтыковъ, Флеровскій, Шелгуновъ, Писаревъ, Лавровъ, Достоевскій, Пругавинъ, Михайловскій, Успенскій и пр. и пр.). Молодая часть общества, учащаяся молодежь, подвергается мелкимъ стѣсненіямъ, лишена корпоративныхъ правъ и пользуется усиленнымъ вниманіемъ полиціи. Всякая попытка добиться, тѣмъ или другимъ способомъ, измѣненія въ существующемъ порядкѣ разбивается объ инерцію или встрѣчаетъ ожесточенное преслѣдованіе. Когда молодежь обратилась къ народу съ мирной пропагандой, ее встрѣтили массовые аресты, ссылки, каторга и центральныя тюрьмы; когда, возмущенная насиліемъ, она наказала нѣсколькихъ слугъ правительства, оно отвѣтило генералъ-губернаторствами и казнями. Меньше, чѣмъ въ 1½ года (съ половины 78 по 79 г.) Россія увидѣла 18 смертныхъ казней надъ политическими преступниками! Государственная машина является при такихъ условіяхъ настоящимъ Молохомъ, которому приносятся въ жертву и экономическое благосостояніе народныхъ массъ, и всѣ права человѣка и гражданина.

Этому-то владыкѣ русской жизни—государственной власти, опирающейся на несмѣтное войско и всевластную администрацію, объявила войну революціонная фракція «Народной Воли», назвавъ правительство, въ его совершенной организаціи, главнѣйшимъ врагомъ народа во всѣхъ сферахъ его жизни. Этотъ тезисъ и его слѣдствія: политическая борьба, перенесеніе центра тяжести революціонной дѣятельности изъ деревни въ города, подготовленія не восстанія въ народѣ, а заговора противъ верховной власти, съ цѣлью захвата ея въ свои руки и передачи народу, строжайшая централизація революціонныхъ силъ, какъ необходимое условіе успѣха въ борьбѣ съ централизованнымъ врагомъ,—все это вносило настоящую революцію въ революціонный міръ того времени. Эти положенія подрывали прежніе революціонные взгляды, колебали социалистическія и федералистическія традиции и нарушали всецѣло ту революціонную рутину, которая уже успѣла установиться за истекшее десятилѣтіе. Поэтому немудрено, что, для того, чтобы сломить оппозицію и дать новымъ взглядамъ окончательное преобладаніе въ революціонной средѣ, потребовалось 1½ года неутомимой пропаганды и цѣлый рядъ ослѣпительныхъ фактовъ: общій ропотъ неудовольствія поднялся при выходѣ перваго № «Народной Воли», который провозгласилъ, указывая на монархію, свое: «Delendo est Garthago»!, и единодушный взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ 1-ое марта.

Послѣ распаденія общества «Земли и Воли» новая программа была предложена народолюбцамъ нѣкоторыми изъ ихъ сочленовъ, какъ нѣчто готовое, отъ имени исполнительнаго комитета: она была обсуждена, дополнена, кое-гдѣ измѣнена, и впоследствии опубликована отъ имени этого учрежденія, принявшаго сдѣланныя поправки. Вообще, послѣ раздѣленія сдѣлалось ясно, что задолго передъ тѣмъ, какъ оно стало совершившимся фактомъ, образовалась отчасти внутри, отчасти изъ общества «Земли и Воли» новая тайная организація, построенная на началахъ централизованной іерархіи, и во главѣ которой стоялъ исполнительный комитетъ, бывшій душой новаго направленія и организаторомъ многихъ, раньше случившихся террористическихъ актовъ. Когда, гдѣ, изъ чего сложилась новая организація и, въ частности, комитетъ, мнѣ неизвѣстно. Первые прокламаціи этого учрежденія появились, насколько помню, въ 78 г., а мѣстопробываніемъ его считался тогда югъ, но не могу ничего сказать съ увѣренностью, потому что отъ имени этого же учрежденія совершались покушенія на сѣверѣ, напр., покушеніе на жизнь шефа жандармовъ Дрентельна. Извѣстно также, что при арестѣ Валеріана Осинскаго въ Кіевѣ, при немъ была взята печать комитета, по поводу чего прокуроръ Стрѣльниковъ, на судѣ, не безъ удовольствія, замѣтилъ, что преступный исполнительный комитетъ находится въ рукахъ правосудія. Осинскій на это отвѣтилъ, что генералъ собственнымъ опытомъ удостовѣрится, существуетъ ли комитетъ и послѣ его ареста. Осинскій погибъ на эшафотѣ. Съ тѣхъ поръ прошло четыре года, въ теченіе которыхъ исполнительный комитетъ прогремѣлъ по всей Европѣ и за Атлантическимъ океаномъ, и 18 марта 82 г. Стрѣльниковъ получилъ отъ комитета пулю, общанную Осинскимъ. Такимъ образомъ, время возникновенія и составъ комитета остается туманнымъ, неуловимымъ; намъ, народолюбцамъ, осенью 79 г. приходилось лишь принять его существованіе, какъ фактъ: онъ заявилъ себя въ предшествующій періодъ своей дѣятельности, онъ предложилъ намъ теоретическія основанія программы и тщательно разработанный планъ централистической организаціи; когда этотъ послѣдній былъ единодушно одобренъ, то общимъ рѣшеніемъ было: признать комитетъ своимъ центромъ и встать въ агентурныя отношенія къ нему. Такъ какъ нашъ организаціонный уставъ требуетъ храненія тайны, то больше я не сдѣлаю никакихъ указаній относительно нашего внутренняго устройства и взаимныхъ отношеній. Относительно себя скажу, что приняла обязательства агента III степени при комитетѣ.

Въ дополненіе къ предыдущему необходимо сказать, что, сообразно принятому плану организаціи, всѣ сторонники новаго направленія должны были быть связаны въ одну централистическую общероссійскую организацію; сѣтъ тайныхъ обществъ, изъ которыхъ одни могли преслѣдовать спеціальныя цѣли, другіе — задаваться общереволюціонными — мѣстными — задачами,

должны были имѣть одинъ общій для всѣхъ центръ—Исполнительный Комитетъ, чрезъ который и устанавливалось общее единство и связь; всѣ общепартійныя функціи и общероссійскія дѣла были въ вѣдѣніи этого центра. Считая воплощеніе социалистическихъ идеаловъ въ жизнь дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, новая партія ставила ближайшей цѣлью въ области экономической—передачу главнѣйшаго орудія производства, земли, въ руки крестьянской общины, въ области-же политической—замѣну самодержавія одного—самодержавіемъ всего народа, т.-е. водвореніемъ такого государственнаго строя, въ которомъ свободно выраженная народная воля была бы высшимъ и единственнымъ регуляторомъ всей общественной жизни; самымъ пригоднымъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей представлялось устраненіе современной организаціи государственной власти, силою которой держится весь настоящій порядокъ вещей, столь противоположный желательному; это устраненіе должно было совершиться путемъ государственнаго переворота, подготовленнаго заговоромъ. Такимъ образомъ, главное вниманіе партіи должно было направиться на организацію заговора, на работу организаціонную, она одна обеспечивала возможность переворота и захвата политической власти въ руки партіи для передачи народу; и силы партіи были достаточно обращены въ эту сторону; тѣмъ болѣе странно было названіе террористической, которое она получила впоследствии; ее окрестили этимъ именемъ по внѣшнему направленію одного рода ея дѣятельности. Терроръ никогда самъ по себѣ не былъ цѣлью партіи. Онъ былъ—средствомъ обороны, самозащиты, считался и считается могучимъ орудіемъ для агитаціи и употреблялся лишь постольку, поскольку посредствомъ его имѣлось въ виду достиженіе цѣлей организаціонныхъ. Цареубійство же входило въ этотъ отдѣлъ, какъ частность; осенью 79 года оно было необходимою, вопросомъ текущаго дня, что и дало поводъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и Гольденбергу, принять цареубійство и террористическую дѣятельность вообще за самый существенный пунктъ всей программы. Желаніе придать дальнѣйшее развитіе реакціи, мѣшающей организаціонной работѣ, и стремленіе—какъ можно скорѣе перейти къ ней,—были единственной причиной одновременной организаціи комитетомъ четырехъ покушеній на жизнь императора; но одновременно съ ними велась и дѣятельная пропаганда новой программы агентами комитета: Желябовъ развивалъ ее въ Харьковѣ, Колодkevичъ—въ Одессѣ, Александръ Михайловъ—въ Москвѣ, Квятковскій и многіе другіе—въ Петербургѣ. Такъ было въ 79 году, такъ было и потомъ: дѣятельность пропaгaндaрcкaя и организаціонная шли рядомъ съ работою разрушительною; она была менѣе замѣтна, но она еще принесетъ свои плоды.

Сплачивая недовольные элементы въ общій заговоръ противъ правительства, новая партія въполнѣ понимала значеніе поддержки, которую можетъ оказать ей, въ моментъ ниспровер-

женія его, возстаніе крестьянскихъ массъ; поэтому она отводила надлежащее мѣсто дѣятельности въ народѣ и всегда разсматривала лицъ, живущихъ въ немъ, какъ своихъ естественныхъ союзниковъ; не внося ничего существеннаго въ самые приемы этой дѣятельности, она указывала своимъ сторонникамъ на необходимость разъясненія народу значенія правительственной власти въ сферѣ экономическихъ отношеній. Всѣ дальнѣйшія подробности относительно цѣлей, средствъ и принциповъ партіи вложены въ программѣ комитета и программѣ рабочихъ партій «Народной Воли», поэтому нѣтъ надобности касаться ихъ здѣсь.

По выѣздѣ изъ Воронежа, гдѣ я еще жила по своему собственному паспорту, я перешла въ нелегальное положеніе со всѣми его метаморфозами и псевдонимами. Я отправилась въ Петербургъ и поселилась въ Лѣсномъ, на квартирѣ Квятковскаго, подъ именемъ Елпатыевской; здѣсь я познакомилась съ Стефановичемъ, Дейчемъ и сошлась съ Федоромъ Юрковскимъ, только что пріѣхавшимъ изъ Херсона. Оба первые, только что прибывшіе изъ-за границы, обманули общія ожиданія, выразивъ большую симпатію «Черному Передѣлу»; второй, свободолюбивый, какъ дикое дитя природы, не переваривалъ подчиненія и дисциплины, требуемыхъ организаціей, и до конца остался независимо-одинокимъ. Тогда же я увидѣла въ первый разъ Гольденберга, получившаго впоследствии такую жалкую извѣстность; онъ явился на квартиру Квятковскаго и пробылъ въ Петербургѣ дня два-три. Въ то время мнѣ показалось страннымъ, что за все время ему никого не отрекомендовали, хотя ежедневно на квартиру заходило отъ 20 до 30 чел. и болѣе; вообще ни въ комъ нельзя было замѣтить отношенія къ нему, какъ къ товарищу; разговаривалъ съ нимъ только одинъ Квятковскій: тогда же молодой студентъ-медикъ Исаевъ рассказывалъ при общихъ взрывахъ смѣха о преслѣдованіи его шпионами, преслѣдованіяхъ, столь неотвязчивыхъ и наглыхъ, что заставили его потомъ перейти въ нелегальные.

Наша внутренняя жизнь была въ этотъ періодъ наполнена вопросомъ объ раздѣленіи; когда онъ былъ, наконецъ, рѣшенъ и состоялся, мы переѣхали въ городъ; при этомъ я, подъ именемъ Лихаревой, поселилась вмѣстѣ съ Квятковскимъ на той самой квартирѣ, гдѣ онъ, въ ноябрѣ того же года, былъ арестованъ; не помню, на какой это было улицѣ. Эта квартира должна была служить мѣстомъ собранія для агентовъ опредѣленнаго разряда, для нѣкоторыхъ нуждъ комитета; на ней же происходило обсужденіе программы «Народной Воли» и устава организаціи. Когда вся теоретическая и организаціонная работа была кончена, то было объявлено рѣшеніе комитета организовать въ трехъ различныхъ пунктахъ покушеніе на жизнь императора при возвращеніи его изъ Крыма въ столицу, и нѣкоторые изъ агентовъ, каждый особо, получили назначеніе ѣхать въ Москву, Харьковъ и Одессу.

Всѣ покушенія должны были произойти посредствомъ взрыва

полотна жел. дороги динамитомъ, заранее заготовленнымъ комитетомъ; онъ не предрѣшалъ, однако, въ точности ни самыхъ мѣстъ, ни способовъ выполненія покушеній, предоставляя это на личное усмотрѣніе агентовъ. Составленный планъ долженъ былъ идти на утвержденіе комитета; помощниковъ для выполненія агенты могли набирать изъ мѣстныхъ лицъ. Составъ исполнителей и способъ совершенія покушенія въ одной мѣстности должны были оставаться неизвѣстными для агентовъ другихъ пунктовъ. Наряду со всѣмъ этимъ, въ Петербургѣ комитетъ приготовлялъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, но никто изъ агентовъ не былъ посвященъ въ эту тайну. Только отъ одной личности, еще будучи въ Петербургѣ, я услышала загадочную фразу: «въ то время, какъ идутъ всѣ эти приготовления здѣсь, личная храбрость одного можетъ покончить все». Это былъ намекъ на Халтурина, который впослѣдствіи самъ рассказывалъ мнѣ, что ему случалось бывать наединѣ съ государемъ, и ударъ его молотка могъ уничтожить того на мѣстѣ.

Такъ какъ я не попала совсѣмъ въ число лицъ, назначенныхъ на царевубійство, которое одобряла, и такъ какъ для меня была невыносима мысль, что я буду нести только нравственную отвѣтственность за него, не участвуя матеріально въ преступленіи, за которое законъ угрожаетъ моимъ сообщникамъ самыми тяжкими карами,—то я употребила всѣ усилія, чтобъ организація дала и мнѣ какую-нибудь функцію при выполненіи ея замысловъ. Послѣ выговора, что я ищу личнаго удовлетворенія, вмѣсто того, чтобъ предоставить организаціи располагать моими силами, какъ она сама найдетъ лучшимъ, я была послана въ Одессу, гдѣ нужна была женщина. Чтобы не разстроитъ квартиру, необходимую для общественныхъ цѣлей, я, съ согласія организаціи, упросила поселиться на ней, вмѣсто меня, сестру Евгенію, которая незадолго предъ тѣмъ пріѣхала изъ Рязанской губерніи, гдѣ она провела лѣто, въ Петербургъ и проживала подъ фамиліей Побережской. Не подозревая, что сестра, по неопытности рекомендуется при знакомствѣ съ разными лицами тою же фамиліей, подъ которой живетъ, я предложила переселить ее къ Квятковскому съ тѣмъ же документомъ и, такимъ образомъ, была косвенной причиной ужасной участи Александра Васильевича. Курсистка Богуславская указала, что «Народная Воля», найденная у нея при обыскѣ, дана ей Побережской, и, послѣ справки въ адресномъ столѣ, Евгенія, а вмѣстѣ съ ней и Квятковскій были арестованы.

Получивъ нужный запасъ динамита, я отправилась съ нимъ въ Одессу, должно быть, въ первыхъ числахъ сентября; тамъ я застала одного только Николая Ивановича Кибальчича, который заявилъ мнѣ, что надо поторопиться устройствомъ общественной квартиры, необходимой для совѣщаній, опытовъ и храненія вещей, нужныхъ для взрыва. Черезъ нѣсколько дней мы нашли подходящее помѣщеніе, гдѣ и поселились вдвоемъ, подъ именемъ Ива-

никихъ. Это было на Екатерининской улицѣ, домъ № 61, если не ошибаюсь. Вскорѣ пріѣхали: Колодкевичъ и Фроленко, а позднѣе Лебедева; наша квартира была мѣстомъ общихъ встрѣчъ и свиданій; на ней происходили всѣ совѣщанія, хранился динамитъ, сушился пироксилинъ, готовились запасы, совершались пробы индукционныхъ аппаратовъ и т. д., словомъ, совершались всѣ работы подъ руководствомъ Кибальчича, но при помощи, и иногда очень существенной, со стороны другихъ, включая и меня. На первыхъ же порахъ надо было составить планъ, какимъ образомъ и гдѣ подвести мину подъ полотно желѣзной дороги. Проектировали ночью, въ промежутокъ между поѣздами, подложить динамитъ подъ рельсы непосредственно подъ Одессой, чтобы потомъ провести проволоку въ поле; но это представляло много неудобствъ и трудностей, какъ въ подготовительной работѣ, такъ и при самомъ дѣйствіи; думали, что самое лучшее было бы кому-нибудь изъ своихъ получить мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа и изъ будки провести мину; относительно момента дѣйствія нельзя было вообразить себѣ ничего болѣе удобнаго и вѣрнаго. Я предложила свои услуги добыть такое мѣсто. Въ случаѣ удачи мы рѣшили, что его займетъ Фроленко, а если ему нужно будетъ явиться семейнымъ человѣкомъ, то роль его жены возьметъ на себя Лебедева. Сначала я думала помѣстить Фроленко на желѣзную дорогу при помощи знакомыхъ; но сказать имъ настоящую цѣль было невозможно, да едва-ли кто-нибудь изъ нихъ и согласился бы на такого рода услугу; обмануть тоже было нельзя, во-первыхъ, потому, что это значило бы злоупотребить довѣріемъ людей въ дѣлѣ, грозящемъ имъ серьезной отвѣтственностью, а во-вторыхъ, всякому должна была показаться необычайной и подозрительной просьба съ моей стороны мѣста желѣзнодорожнаго сторожа. Поэтому я рѣшилась обратиться къ какому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, служащихъ въ правленіи юго-западной жел. дороги, въ качествѣ неизвѣстной просительницы и выставить филантропическую цѣль мотивомъ моей просьбы. По наведенію справокъ о разныхъ должностныхъ лицахъ, я остановилась на будущемъ зятѣ Одесскаго генералъ-губернатора графа Тотлебена, баронѣ Унгернѣ-Штернбергѣ. Въ то время онъ содержался на гауптвахтѣ за извѣстную Тилигульскую катастрофу, похоронившую нѣсколько сотъ новобранцевъ. Узнавъ, что онъ принимаетъ тамъ посѣтителей, я отправилась къ нему. Когда я изложила барону свою просьбу, онъ заявилъ, что мѣста сторожей зависятъ не отъ него, а отъ начальника дистанціи, и что онъ не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ ему неизвѣстно, есть ли теперь вакансія. Тогда я попросила записку — «два слова» къ начальнику дистанціи, говоря, что это вполне обезпечить участь моего кліента, и баронъ вручилъ мнѣ нѣсколько строкъ къ Шигельскому. Забѣгнувъ, что пріемъ, оказанный мнѣ барономъ Унгернѣ-Штернбергомъ, не походилъ на обычный пріемъ свѣтскими людьми «барынь-куколъ», я поспѣшила исправить ошибку, сдѣланную мной въ костюмѣ, и явилась къ начальнику дистанціи

въ бархатѣ, разодѣтая, какъ слѣдуетъ быть дамѣ-просительницѣ. Меня встрѣтили въ высшей степени любезно и просили завтра же прислать «моего человѣка». Придя домой и сбросивъ павлиньи перья, я написала Фроленко мѣщанскій паспортъ на имя Семена Александрова, какъ я его назвала его будущему начальству. Этотъ документъ такъ и остался въ желѣзнодорожной конторѣ, такъ какъ Фроленко, оставляя мѣсто, не бралъ расчета. На другой день онъ отправился къ начальнику дистанціи и былъ опредѣленъ на службу, на 11 или 13 верстѣ отъ Одессы, близъ Гнилякова, куда, по полученіи имъ отдѣльной будки, онъ перевезъ Татьяну Ивановну Лебедеву, какъ свою жену. Послѣ этого, когда къ нимъ уже былъ перевезенъ динамитъ для закладки подъ рельсы,—пріѣхалъ неожиданно Гольденбергъ съ требованіемъ отдать часть динамита въ Москву, такъ какъ количество этого вещества тамъ считается недостаточнымъ, а московско-курская жел. дорога имѣетъ наибольшіе шансы на провозъ императора. Приходилось покориться, — Гольденбергъ пробылъ въ Одессѣ не болѣе 2-хъ дней, пока изъ Гнилякова не былъ привезенъ динамитъ. Адресъ квартиры на Екатерининской онъ узналъ, кажется, отъ Кибальчича, съ которымъ встрѣтился на пути въ Одессу, когда тотъ ѣхалъ по направленію къ Харькову по приглашенію тамошнихъ агентовъ для какихъ-то техническихъ приспособленій; впрочемъ, навѣрное не помню; знаю только, что на квартиру нашу его привелъ одинъ изъ посѣтителей ея, и уже послѣ того, какъ всѣ мѣры были приняты для того, чтобъ онъ на слѣдующій же день могъ выѣхать обратно въ Москву. Онъ, дѣйствительно, во время уѣзда, но въ Елизаветградѣ, какъ извѣстно, былъ арестованъ. Послѣ этого Фроленко и Лебедева уѣхали, сначала изъ Гнилякова, а потомъ и изъ Одессы. Затѣмъ мы услышали, что царскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ по Ловово-Севастопольской жел. дорогѣ черезъ Харьковъ, а 19 ноября произошелъ неудачный взрывъ подъ Москвою.

Такъ рушились наши надежды на прекращеніе реакціи. Вскорѣ начались наши потери: гибель Квятковскій, потомъ Шираевъ и масса другихъ лицъ; послѣ геройской защиты пала въ Саперномъ переулкѣ типографія «Народной Воли»; одинъ изъ ея работниковъ застрѣлился или былъ убитъ, а четверо схвачены. Въ половинѣ декабря изъ Одессы выѣхалъ Кибальчичъ; въ январѣ — Колодкевичъ, одновременно съ ними разѣхались и другія болѣе вліятельныя лица, и всѣ дѣла были переданы мнѣ и нѣсколькимъ мѣстнымъ людямъ, мало извѣстнымъ въ революціонномъ мірѣ.

Я оставалась въ Одессѣ до іюля 80 года; за это время моимъ занятіемъ была пропаганда. Просидѣвъ три мѣсяца на квартирѣ, требовавшей осторожности и не позволявшей частныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, съ людьми посторонними, я жаждала знакомствъ, общества и живой дѣятельности. Въ то время я, дѣйствительно, могла-бы оказать значительныя услуги организаціи, если-бы мои проводники въ различныя сферы были людьми бо-

лѣе способными или, лучше сказать, чуткими въ выборѣ сырого матеріала; долго сдерживаемая энергія была во мнѣ ключемъ, но то, что я получила въ наслѣдіе, было вяло, трусливо и не смотрѣло съ большой вѣрой впередъ; всѣхъ этихъ людей пришлось впослѣдствіи откинуть, какъ неподходящихъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ отъѣзда Кибальчича я быстро завела обширный кругъ знакомствъ, въ которомъ фигурировали представители всѣхъ классовъ общества, начиная отъ профессора и генерала, помѣщика и студента, врача и чиновника, до рабочаго и швеи, и вездѣ, гдѣ могла, проводила революціонныя идеи и защищала образъ дѣйствія партіи «Народной Воли»; но моею любимой сферой была молодежь, у которой такъ сильно чувство и такъ искренне увлеченіе; къ сожалѣнію, у меня было мало знакомыхъ между студентами, а тѣ, которые были, относились пессимистически къ своей средѣ и рѣшительно не вѣрили въ существованіе въ ней хорошихъ элементовъ.

В. Фигнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Выдача Л. Г. Дейча.

(По неизданным документамъ).

Внѣшнія обстоятельства исторіи выдачи Л. Г. Дейча германскимъ правительствомъ—русскому въ 1884 году были въ свое время рассказаны въ печати самимъ потерпѣвшимъ. Русский революціонеръ, отважившійся совершить побѣдку изъ Швейцаріи въ Фрейбургъ (лежащій недалеко отъ швейцарской границы), былъ арестованъ по приказу баденскихъ властей и, спустя съ лишнимъ мѣсяць, 9 мая 1884 года, былъ отданъ на станціи Александрово въ руки русскихъ жандармовъ. Самый арестъ былъ произведенъ довольно случайно,—но когда баденскія власти узнали, кто попалъ въ ихъ руки, судьба Дейча была рѣшена.

Л. Г. Дейчъ передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ исторію своего ареста и заключенія, свиданіе съ товарищемъ прокурора Богдановичемъ, котораго послало русское правительство, чтобы получить въ свои руки опаснаго врага; но онъ не рассказывалъ (да и не могъ рассказать) о томъ, какая переписка между правительствами предшествовала выдачѣ.

Среди документовъ, относящихся къ русско-германскимъ отношеніямъ и хранящихся въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ (картонъ: Berlin, 1884—I), я натолкнулся на нѣсколько шифрованныхъ телеграммъ, касающихся этого дѣла. Дешифрованный текстъ приписанъ иногда тутъ же, на телеграфномъ бланкѣ, иногда переписанъ на отдѣльной бумагѣ. Предъ нами лишь телеграммы отъ посольства; отвѣтовъ изъ Петербурга—нѣтъ.

Вотъ содержаніе этихъ документовъ. 8 апрѣля (н. с.) 1884 года русское посольство послало министру иностранныхъ дѣлъ такую телеграмму: «Здѣшняя полиція увѣдомила консула, что задержанный Булыгинъ есть извѣстный Дейчъ. Прошу инструкцію относительно дальнѣйшаго задержанія этого преступника, такъ какъ, по свѣдѣніямъ консула, баденская власть не имѣетъ достаточныхъ причинъ для вчиненія ему иска».

Черезъ два дня новая шифрованная (уже французская телеграмма) отъ посольства (за № 164, отъ 10 апрѣля 1884 года): «Я просилъ о выдачѣ Дейча нашимъ властямъ административнымъ путемъ. Гатцельдъ мнѣ сказалъ, что онъ еще въ тюрьмѣ. Когда его дѣло окончится во Фрейбургѣ, онъ будетъ высланъ на нашу границу, и мы будемъ предупреждены относительно мѣста его

возвращенія. Прибавивши, что это его мысль, но не формальное обѣщаніе, Гатцфельдъ увѣрилъ меня, что вмѣшательство нашего посланника въ Карлсруэ не необходимо».

Бисмаркъ сразу же успокоилъ російское посольство, что Дейчу не миновать выдачи, что бы тамъ въ Баденѣ ни дѣлали мѣстные власти; и 11 апрѣля въ Петербургъ отправляется новая, успокоительная телеграмма (за № 234): «Баденское правительство обѣщало прусскому передать ему Дейча, каковъ бы ни былъ исходъ его процесса».

Затѣмъ онъ будетъ выданъ намъ. Я получилъ сегодня положительное въ томъ увѣреніе отъ директора департамента дѣлъ. (Подписано) Коцебу».

Но вотъ прошло еще четыре дня,—и новое безпокойство: оказывается, что баденское правительство все-таки хотѣло бы получить кое-какіе документы, касающіеся этого дѣла. Бисмаркъ, живо интересовавшійся дѣломъ Дейча, пришелъ на помощь: въ Петербургъ летитъ новая шифрованная французская телеграмма. «Директоръ Бояновскій, замѣняющій государственнаго секретаря во время болѣзни Буша, сказалъ мнѣ, что правительство въ самомъ дѣлѣ для выдачи Дейча имѣетъ надобность въ документахъ, обѣщанныхъ нами. Онъ находитъ, что мы осложнили бы дѣло, если бы мы обратились прямо къ баденскому правительству, и совѣтуетъ не дѣлать этого. Баденъ выдастъ Дейча имперскому правительству, именно, властямъ эльзасскимъ въ Страсбургѣ. Оттуда онъ будетъ отправленъ на нашу границу. Онъ прибавляетъ, въ видѣ лично-довѣрительнаго сообщенія, что канцлеръ, живо интересуясь быстрымъ разрѣшеніемъ (вопроса), предлагаетъ самъ (этотъ) маршрутъ германскимъ властямъ».

Однако, дѣло все же шло не такъ гладко, какъ было бы желательно російской державѣ: не успѣлъ Коцебу (завѣдывавшій русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ) послать радостное извѣстіе, что самъ Бисмаркъ «живо интересуется» выдачей Дейча, какъ на другой же день пришлось вдогонку отправить еще одну телеграмму: «Гатцфельдъ мнѣ сказалъ, противно своему прежнему мнѣнію, что непосредственное дѣйствіе въ Баденѣ было бы полезно, чтобы имѣть двѣ тетивы въ своемъ лукѣ (pour avoir deux cordes à son arc—чтобы дѣло было вѣрнѣе. Е. Т.). Если бы слѣдствіе во Фрейбургѣ относительно Дейча окончилось прекращеніемъ дѣла (sentence de non lieu), то наша формальная просьба о выдачѣ повліяла бы на рѣшеніе баденскаго правительства. Кроме того, германское правительство требуетъ отъ баденскаго административной высылки Дейча къ эльзасской границѣ, откуда Мантейфель намъ его пришлетъ. Бояновскій проситъ не воспользоваться его совѣтомъ относительно необращенія прямо въ Баденъ и не упоминать объ этомъ совѣтѣ въ разговорѣ съ Швейницемъ. Онъ боится непріятностей по службѣ, такъ какъ Бисмаркъ находитъ полезнымъ дѣйствіе въ Баденѣ. Экземпляръ формальныхъ судебныхъ актовъ все-таки долженъ быть сюда посланъ. Коцебу».

Воспользовавшись происшедшей заминкою, канцлеръ, пока судъ да дѣло, попросилъ объ отвѣтной любезности, и 23 апрѣля Коцебу телеграфируетъ (въ шифрѣ, но по-русски) въ Петербургъ: «Въ виду нашихъ хлопотъ о выдачѣ преступниковъ намъ, позволяю себѣ предложить не дѣлать, если возможно, въ настоящее время затрудненій при выдачѣ въ Пруссію подданнаго Штади, преслѣдуемаго за подлогъ. Почтите отвѣтомъ по телеграфу». Вѣроятно, со стороны русскаго правительства препятствій не встрѣтилось, такъ какъ вскорѣ дѣло Дейча благополучно окончилось, къ обоюдному удовольствію переговаривавшихся о немъ великихъ державъ. 29 апрѣля Коцебу, временно замѣщавшій больного посла князя Орлова, послалъ въ министерство краткій отчетъ о своей дѣятельности. Въ этомъ отчетѣ онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что «дѣло Дейча составило важный предметъ дѣятельности (Коцебу) въ теченіе послѣднихъ недѣль». И въ самомъ дѣлѣ, кажется, ничто болѣе въ эти дни не интересовало ни Гирса, ни Александра III, ни, конечно, Коцебу, дѣлавшаго себѣ на Дойчѣ карьеру. Въ этомъ жѣ отчетѣ Коцебу считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія своего начальства, что ему въ Берлинѣ сначала было дали понять, что, впредь лучше вести дѣло о выдачѣ непосредственно съ имперскими властями, а не съ «маленькими государствами»; но уже скоро все пошло совсѣмъ не соотвѣтственно этому указанію, и въ концѣ концовъ, дѣло оказалось зависящимъ именно отъ баденскихъ властей. Коцебу полагаетъ, что это объясняется желаніемъ Бисмарка считаться съ самолюбіемъ отдѣльныхъ правительствъ Германскаго союза. Но, конечно, все это были детали. Въ главномъ и царь, и его министръ, и его посолъ могли быть вполне удовлетворенными тѣмъ усердіемъ къ ихъ интересамъ, которое обнаружили германскія власти. Напр., директоръ департамента прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Бушъ, разговаривая о дѣлѣ Дейча съ Коцебу, указалъ, что онъ, Бушъ, противникъ манеры дѣйствовать украдкою при выдачѣ преступниковъ, и вообще противъ выдачи чисто-административнымъ путемъ. Но почему? Потому что нившіе органы администраціи могутъ «поддаться чувствамъ жалости и снисхожденія» или обнаружить «недостаточное усердіе». Относительно революціонеровъ нужно, по мнѣнію Буша, дѣйствовать открыто!

Открыто—такъ открыто. Въ Берлинѣ, а оттуда въ Карлсруэ, явился Богдановичъ, тогда товарищъ прокурора, впоследствии губернаторъ, убитый въ Уфѣ 6 мая 1903 года. Богдановичъ привезъ бумаги «судебнаго» характера, на основаніи коихъ, по мнѣнію русскаго правительства, Дейчъ подлежалъ выдачѣ. «Я посовѣтовалъ ему», пишетъ Коцебу, «безъ потери времени направиться въ Карлсруэ и Фрейбургъ, такъ какъ роль германскаго правительства въ этотъ моментъ ограничивается надежною отправкою преступника на нашу границу, послѣ того, какъ онъ будетъ выданъ мѣстными баденскими властями».

Наконецъ, всѣ эти неусыпныя заботы увѣнчались долго-

жданнѣмъ успѣхомъ,—и 7 мая 1884 года Коцебу могъ отправить Гирсу послѣднюю телеграмму: «Такъ какъ баденское правительство согласилось на выдачу Дейча, то онъ будетъ отвезенъ тремя полицейскими агентами въ Александрово, гдѣ и будетъ намъ отданъ въ среду, 9 мая, въ 8 час. 12 м. утра».

Дѣло было ликвидировано. Дейчъ на много лѣтъ исчезъ въ Сибири...

Подобныя выдачи практиковались Германіей неукоснительно вплоть до начала нынѣшней войны. Особенно любилъ этотъ способъ проявленія добрососѣдской любезности именно кн. Бисмаркъ,—и какъ разъ въ 80-хъ годахъ, въ эпоху существованія въ самой Германіи исключительныхъ законовъ противъ социалистовъ.

Въ Германіи сколько-нибудь замѣтнаго протеста не послѣдовало ни въ обществѣ, ни въ печати.

Во Франціи другъ Дейча, Плехановъ, сдѣлалъ все, отъ себя зависящее, чтобы широко оповѣстить обо всемъ прессу. (Г. В. Плехановъ говорилъ мнѣ, что ему въ этомъ отчасти помогъ бывшій тогда еще очень «краснымъ» покойный Анри Рошфоръ). Но этотъ шумъ, поднятый во Франціи, не измѣнилъ участи обреченнаго, съ самаго начала, русскаго революціонера, такъ фатально попавшаго въ германскія когти.

Въ дѣлѣ Дейча все необычайно характерно: и это тѣсное, дѣятельное содружество обѣихъ державъ въ дѣлѣ борьбы съ представителями крамолы, и «живой интересъ» Бисмарка къ этому легчайшему способу угодить Александру III, и это твердое обѣщаніе съ перваго же момента выдать Дейча, «чѣмъ бы ни кончилось» возбужденное противъ него разслѣдованіе во Фрейбургѣ; но характернѣе всего полнѣйшая поглощенность россійской дипломатіи этимъ дѣломъ, казалось бы, по существу ея вовсе не касающимся. Всѣ вопросы міровой политики въ апрѣлѣ 1884 года, по видимому, совсѣмъ вышли изъ поля зрѣнія Коцебу и его начальства: все отступило на задній планъ изъ-за Дейча.

Такъ жила и работала дипломатія великой державы при послѣднихъ царяхъ. Дѣло Дейча, въ этомъ смыслѣ—бытовая картинка.

Е. Тарле.

«Блондинка»—въ Ясной Полянѣ въ 1910 году.

(Записки секретнаго сотрудника).

Левъ Толстой не давалъ покоя русскому правительству и послѣ своей смерти.

20 ноября 1910 года директоръ департамента полиціи Н. П. Зуевъ отправилъ начальнику московскаго охраннаго отдѣленія П. П. Заварзину шифрованную телеграмму слѣдующаго содержания:

«Господинъ Товарищъ Министра (П. Г. Курловъ) приказалъ вамъ немедленно командировать двухъ опытныхъ толковыхъ сотрудниковъ въ Ясную Поляну, гдѣ они должны посѣтить могилу Толстого и имѣніе Черткова и выяснить характеръ сборищъ, происходящихъ въ Ясной Полянѣ и у Черткова. О послѣдующемъ выясненіи быстро доносить».

21 ноября полковникъ Заварзинъ телеграфировалъ Зуеву: «Исполнено. Свѣдѣнія могутъ быть днѣй черезъ пять». А 24 ноября Заварзинъ уже отправилъ эти «свѣдѣнія» при слѣдующемъ «совершенно секретномъ» докладѣ Зуеву:

«Вслѣдствіе телеграммы вашей отъ 20 сего ноября за № 1334 имѣю честь представить при семъ свѣдѣнія о характерѣ сборищъ, происходящихъ въ Ясной Полянѣ и у Черткова.

«Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ записка въ изложеніи сотрудника «Блондинки», и желанія исполнить требованіе Вашего Превосходительства, какъ указано въ телеграммѣ, быстро, при семъ представляется упомянутая записка въ подлинникѣ, каковую, по минованіи надобности, прошу не отказать возвратитъ мнѣ для дальнѣйшей разработки и систематизаціи всѣхъ свѣдѣній».

Записка, составленная «Блондинкой», по литературности изложенія и толковости, дѣйствительно, выдѣлялась изъ множества ординарнѣйшихъ агентурныхъ записокъ и обратила вниманіе Департамента полиціи. Срочно былъ сдѣланъ докладъ самому министру П. А. Столыпину о разслѣдованіи на могилѣ Толстого, и Столыпинъ оставилъ записку у себя для прочтенія. Впослѣдствіи записка была возвращена имъ директору департамента и оставлена при департаментскомъ дѣлѣ.

Воспроизводимъ эту записку, состоящую изъ трехъ частей:

въ первой рѣчь о сборищахъ на могилѣ Толстого, во второй изложены бесѣды съ докторомъ Маковецкимъ, третья является донесеніемъ о дѣятельности В. Г. Черткова. Отмѣчаемъ особенность стиля: авторъ сбивается и говорить о себѣ то въ женскомъ родѣ, соотвѣтственно женскому псевдониму «блондинка», то въ мужскомъ, согласно дѣйствительности.

1. Собирища на могилѣ Толстого.

Численность. О громадныхъ массахъ, собиравшихся на могилѣ Толстого, можно говорить лишь въ отношеніи первыхъ дней послѣ похоронъ. Послѣ того, какъ въ день похоронъ въ Ясной Полянѣ собралось отъ 5 до 7 тысячъ человѣкъ, въ ближайшіе 5—6 дней на могилѣ каждый день собиралось по нѣсколько сотъ человѣкъ. Преобладало въ этой массѣ студенчество. Въ эти дни выступали многіе ораторы, и говорились, какъ можно судить по осторожнымъ отзывамъ яснополянскихъ крестьянъ, революціонныя рѣчи. Въ послѣдующіе затѣмъ дни паломническое движеніе въ Ясную Поляну стало падать, и къ моменту моего прибытія сюда представилась возможность констатировать сокращеніе его до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ въ день.

О первыхъ дняхъ паломничества, численности и характерѣ собиравшихся туда массъ судить не могу, ибо для этого приходится основываться на слухахъ, за точность которыхъ ручаться нельзя. Но зато съ полной увѣренностью могу говорить о томъ, что наблюдалъ непосредственно, и что выяснилъ изъ многочисленныхъ разспросовъ, которые подвергалъ самой тщательной проверкѣ и критикѣ.

Въ Ясную Поляну я прибылъ 22 ноября. Въ этотъ день московскій поѣздъ, кромѣ меня одного, не привезъ ни одного паломника. Съ юга, со стороны Курска, поѣздъ привезъ экскурсію студентовъ Кіевскаго университета, въ числѣ 23 человѣкъ, и одного обывателя изъ Воронежа. Такимъ образомъ, въ указанный день на могилѣ Толстого перебивало всего-на-всего 25 человѣкъ. День этотъ, по свидѣтельству яснополянскихъ крестьянъ, въ отношеніи незначительнаго числа посѣтителей, вовсе нельзя считать исключительнымъ. За всю истекшую недѣлю число посѣщеній не на много превышало приведенную цифру. Наоборотъ, исключительнымъ въ послѣднее время днемъ необходимо признать воскресенье, 21 ноября, когда въ Ясную Поляну прибыло 72 человѣка. Повышеніе числа посѣщеній въ данномъ случаѣ необходимо объяснить праздничнымъ днемъ, давшимъ возможность прибыть изъ Тулы нѣкоторому числу рабочихъ и приказчиковъ. Въ этотъ день прибыла изъ Тулы и депутація рабочихъ печатнаго дѣла въ количествѣ 15 человѣкъ и человѣкъ 15—20 торговцевъ и приказчиковъ, воспользовавшихся праздничнымъ днемъ для прогулки. Остальная масса—случайные

пріѣзжіе изъ разныхъ мѣстъ, но также не очень отдаленныхъ, по преимуществу, изъ Москвы.

Незначительное количество посѣтителей могилы было и во вторникъ 23 ноября. Такъ какъ этотъ день я провелъ въ Телятниковѣ у Черткова, то цифру прибывшихъ 12—15 человекъ могу сообщить со слуховъ, немедленно проникшихъ туда. Былъ какой-то военный докторъ, а также не то китаецъ, не то японецъ. Говорили, что экскурсанты прибыли издалека.

О дняхъ, предшествовавшихъ воскресенью, 21 ноября, хотя приходится судить по разспросамъ, но такъ какъ собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія, несмотря на различіе источниковъ, вполне совпадаютъ, то ихъ можно принять за болѣе или менѣе точныя.

Въ субботу, 20 ноября, на могилѣ Толстого перебивало нѣсколько десятковъ, не болѣе 35—40 человекъ. Въ пятницу, 19—какъ согласно заявляютъ крестьяне, дежурящіе на могилѣ съ цѣлью зазыванія къ себѣ на постой пріѣзжихъ,—«почти никого не было». Въ четвергъ, 18 ноября, было человекъ 40—50. Относительно предшествовавшихъ дней свѣдѣнія болѣе разнорѣчивы, и потому приводить болѣе или менѣе точную цифру не берусь. Во всякомъ случаѣ, единодушны всѣ заявленія, что за истекшую недѣлю максимальное число посѣщеній пало на воскресенье, 21 ноября.

Все это привело меня къ убѣжденію, что всѣ слухи и толки о громадныхъ массахъ, собиравшихся на могилѣ Толстого, сильно преувеличены. По сколько это преувеличеніе дѣло рукъ газетъ,—здѣсь приходится говорить о совершенно умышленной лжи въ цѣляхъ поддержанія падающаго возбужденія въ обществѣ, раздвиганія его и вызова такимъ образомъ въ дѣйствительности паломническаго движенія. Примѣръ яркой лживости налицо. По возвращеніи въ Москву беру въ руки номеръ «Русскаго Слова» отъ 23 ноября, какъ разъ того дня, какой непосредственно мной наблюдался въ Ясной Полянѣ. Съ изумленіемъ читаю:

ТУЛА. 22 XI. Сейчасъ вернулся изъ Ясной Поляны.

Сегодня и вчера могилу посѣтило свыше 200 человекъ. Было много крестьянъ, въ числѣ ихъ странникъ изъ Воронежской губерніи, 28 студента Кіевскаго университета, офицеръ“.

Въ то время, какъ за оба дня едва ли можно говорить о сотнѣ посѣщеній, корреспондентъ съ легкой душой превращаетъ эту цифру въ «свыше 200 человекъ». И такъ какъ онъ увѣряетъ, что «сейчасъ вернулся изъ Ясной Поляны» и, слѣдовательно, какъ будто наблюдалъ все это лично, то приходится говорить о совершенно совнательной лжи. Такими же сильно раздутыми являются сообщенія за всѣ предшествующіе дни.

Съ полной увѣренностью говорю это въ отношеніи истекшаго недѣльнаго періода.

Характеръ сборищъ, составъ ихъ. По единодушному заявленію всѣхъ опрошенныхъ лицъ, подавляющая масса посѣщающихъ могилу Толстого принадлежитъ къ студенчеству, вообще къ молодежи. Среди студентовъ преобладаютъ учащіеся

въ Киевскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Объясняется это тѣмъ, что только киевскіе студенты получили официальные отпуска для поѣздки въ Ясную Поляну и на основаніи этихъ отпусковъ пользовались льготнымъ проѣздомъ. Когда администрація Киевскаго университета спохватилась и стала затруднять выдачу отпусковъ, студенческое паломническое движеніе изъ Кіева сразу рѣзко сократилось. Небольшая группа студентовъ, которую я встрѣтилъ въ Ясной Полянѣ, по ихъ собственнымъ словамъ, является, вѣроятно, послѣдней. На сокращеніе студенческаго движенія, по тѣмъ же указаніямъ, оказываютъ вліяніе и приближающіеся экзамены.

За все время существованія сборищъ на могилѣ Толстого, студенчество составило если не $\frac{3}{4}$ всей массы, то уже навѣрное половину ея. Это констатируютъ всѣ опрошенные. Остальная масса—сплошь интеллигентская.

Рабочихъ за все время было считанное число. Въ первые дни были пріѣзжіе изъ Москвы. Была депутація отъ рабочихъ Тульскаго ружейнаго завода; наконецъ, въ воскресенье, 21 ноября, была депутація въ 15 человекъ отъ рабочихъ печатнаго дѣла г. Тулы. Депутація эта привезла вѣнокъ на могилу Толстого и адресъ, который оставила у Черткова.

Крестьянъ, если не считать ближайшихъ мѣстъ, почти совершенно не было. Были пріѣзжія единицы. Д-ръ Маковецкій, захлебываясь, указалъ мнѣ на маленькій металлическій вѣнокъ изъ незабудокъ съ надписью: «не забылъ ты народъ, и мы не забудемъ тебя, крестьяне». Заинтересовавшись происхожденіемъ этого вѣнка, я стремилась прослѣдить его происхожденіе. По отзывамъ дежурящихъ постоянно у могилъ крестьянъ, этотъ вѣнокъ привезъ какой-то молодой «баринъ».

Изъ бесѣды съ Чертковымъ и окружающими его выяснилось, что рабочихъ и крестьянъ до сихъ поръ почти не было. Но объясняютъ они это неудобнымъ временемъ. По ихъ словамъ, отъ этого контингента поступаютъ въ значительномъ количествѣ телеграммы и письма, и по нимъ можно заключить, что рабочаго и крестьянскаго паломническаго движенія слѣдуетъ ожидать съ началомъ теплаго времени. Изъ нѣсколькихъ обмолвокъ самого Черткова, секретаря его Булгакова и др. живущихъ у него лицъ я заключаю, что крестьянское и рабочее паломническое движеніе имѣ крайне желательны, и они, путемъ разбросанныхъ всюду связей, стремятся вызвать это движеніе.

Въ воскресенье, 21 ноября, въ Ясную Поляну пріѣзжалъ какой-то офицеръ. Если вѣрить крестьянамъ, нѣсколько офицеровъ было и раньше.

Отъ крестьянъ слышала, что въ числѣ массовыхъ посѣтителей первыхъ дней были и переодѣтые священники. Однако, единственнымъ признакомъ, заставившимъ заподозрѣть въ нихъ «батюшекъ», были длинные волосы. Болѣе достовѣрныхъ объясненій, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, мнѣ не удалось получить

Относительно состава интеллигентской массы свѣдѣнія могутъ быть совершенно опредѣленные, такъ какъ почти всѣ заносятъ свои имена въ книгу, находящуюся у лакея дома гр. Толстой. Въ первые дни, главнымъ образомъ изъ Москвы, было много прѣзжихъ журналистовъ, адвокатовъ, врачей, инженеровъ, земцевъ, вообще различныхъ болѣе замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ послѣдніе же дни, къ моменту моего пребыванія въ Ясной Полянѣ, посѣщенія этой категоріи лицъ почти совершенно прекратились. Во всякомъ случаѣ, при самомъ внимательномъ проглядываніи этой книги съ подписями за дни истекшей недѣли, мнѣ не удалось замѣтить мало-мальски видныхъ именъ. Что такихъ посѣщеній за послѣднее время не было, подтвердили какъ д-ръ Маковецкій, такъ и всѣ въ домѣ Черткова.

Большое усиліе приложила я къ тому, чтобы выяснитъ вопросъ о характерѣ сборищъ, по чьей инициативѣ и для какой цѣли они организуются, не видна-ли въ данномъ случаѣ работа организованныхъ партій и революціонныхъ организаціи. Что касается послѣднихъ дней, о которыхъ я могу говорить съ увѣренностью, то планомѣрныхъ революціонныхъ выступленій на могилѣ, которыя бы свидѣтельствовали объ организаціи, не было. Агитаторы, повидимому, наплѣсь бы, но дѣло въ томъ, что, въ силу общаго сокращенія паломническаго движенія, не было аудиторіи, которую можно было бы распропагандировать. Желая выяснитъ вопросъ, не дѣйствовали-ли отдѣльные агитаторы, я десяткамъ лицъ задавала вопросы, не говорило ли на сборищахъ въ отдѣльные дни одно и то же лицо. Въ послѣдніе дни, какъ свидѣлствуютъ крестьяне, такихъ случаевъ не было. Обыкновенно группы прѣзжаютъ и въ тотъ же день уѣзжаютъ, привозя и увозя своихъ ораторовъ. Было немного случаевъ, когда прѣзжіе оставались ночевать въ Ясной Полянѣ. По нѣскольку разъ на могилѣ Толстого говорилъ, по характеристикѣ крестьянъ, какой-то «черный, лохматый, въ штатскомъ платьѣ». Говорилъ, очевидно, только революціонныя рѣчи, такъ какъ крестьяне говорятъ объ этомъ съ большой опаской. Въ первые дни послѣ похоронъ были и другія революціонныя выступленія. Точный смыслъ рѣчей путемъ самаго тщательнаго опроса крестьянъ (понятно, въ самой осторожной и окольной формѣ) выяснитъ не удалось, но, повидимому, рѣчь шла о несправедливомъ владѣніи помѣщиками земель, о притѣсненіяхъ народа правителями, о смертныхъ казняхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ признаки агитаторской работы въ первые дни послѣ похоронъ, когда на могилѣ собирались большія толпы, безусловно имѣются. Отъ какой партіи эта работа исходила,—теперь выяснитъ трудно. По нѣкоторымъ признакамъ сужу (по агитаціи противъ частной земельной собственности и восхваленіи общиннаго пользованія землей), что агитаторы были с.-р. Оговариваюсь, однако, что относительно того, что происходило на могилѣ въ первые, послѣ похоронъ, дни, у меня нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, такъ какъ приходилось, несмотря на всѣ усилія, питаться одними сбивчивыми слухами.

То же, что я видѣла лично, и о чемъ было свѣжо впечатлѣніе опрашиваемыхъ, даетъ слѣдующую картину сборищъ въ послѣдніе дни. Картина изо-дня-въ-день повторяется почти безъ всякихъ измѣненій. Группа паломниковъ опускается на колѣни, поетъ нѣсколько разъ «вѣчная память», затѣмъ кто-нибудь изъ паломниковъ говоритъ небольшую рѣчь (сплошь и рядомъ о необходимости борьбы съ смертною казнью) или же читается какое-нибудь небольшое произведеніе самого Толстого. Затѣмъ, какъ почти неизмѣнное правило, группа снимается. Смѣшно было смотрѣть, какъ волновались наблюдавшіеся мною студенты Киевскаго университета при процедурѣ сниманія: «увѣковѣченная» ихъ группа должна была появиться въ иллюстраціяхъ одной изъ кievскихъ газетъ, и полные страстнаго желанія эффектно себя «увѣковѣчить»,—они больше всего боялись, что снимокъ могъ не удался. Вообще, какъ я уже писала, это небольшое сборище носило самый фарсовый характеръ. А между тѣмъ эта группа студентовъ была все партійные люди, все это были не «коллеги», а «товарищи», и, какъ обнаружилось въ бесѣдахъ, меньшевистскаго толка. Болѣе смѣшного, чѣмъ серьезнаго, было, какъ можно судить по ироническимъ репликамъ, срывающимся у яснополянскимъ крестьянъ, и на сборищахъ въ предшествующіе дни.

Паломническое движеніе на могилу Толстого не только сокращается численно, но и принимаетъ самый обывательскій характеръ. Съ нескрываемымъ раздраженіемъ д-ръ Маковецкій и Чертковъ указываютъ, что среди прѣѣзжихъ гораздо болѣе любопытныхъ, ищущихъ развлечения въ поѣздѣ, чѣмъ серьезныхъ послѣдователей движенія.

Усиленія паломническаго движенія, по словамъ Черткова, теперь ожидать не приходится. Развѣ въ большемъ числѣ придутъ къ 40-му дню. Но на весну, въ смыслѣ развитія движенія, Чертковъ возлагаетъ большія надежды.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія основаны на непосредственныхъ наблюденіяхъ и тщательномъ опросѣ массы лицъ.

Относительно численности сборищъ въ послѣдніе дни свѣдѣнія почерпнуты: по пути въ Ясную Поляну отъ опроса кондукторовъ поѣзда, на ст. Засѣка отъ жандармскаго унтеръ-офицера; толковые отвѣты, къ которымъ можно отнестись съ довѣріемъ, давалъ служащій въ Тульскомъ казначействѣ Василій Зябрикъ, гостившій въ эти дни въ Ясной Полянѣ; хозяинъ избы, гдѣ я остановилась,—Прохоръ Зябрикъ, уравновѣшенный и положительный мужикъ, а также очень разговорчивая, а потому цѣнная его жена; въ хатѣ Прохора Зябрика за время моего тамъ пребыванія собиралось много крестьянъ, и изъ живой перекрестной бесѣды мнѣ удалось почерпнуть много цѣннаго; крайне удобнымъ моментомъ для разспросовъ явилась поѣздка на лошадахъ со ст. Засѣка въ Ясную Поляну, отсюда въ Телятники къ Черткову, отсюда обратно въ Ясную Поляну съ заѣздомъ въ дер. Ясенки (районъ дѣятельности Черткова), и, наконецъ, на станцію Щекино, откуда я отбыла

въ Москву. Далѣе многое почерпнуто у лакея въ домѣ Толстыхъ, съ которымъ довольно продолжительно бесѣдовала во время просмотра книги записей; бесѣдовала съ Татьяной Андреевной Кузьминской (женой сенатора, сестрой гр. Толстой) и какой-то пожилой племянницей покойнаго гр. Толстого, которая была очень любезна и словоохотлива во время осмотра толстовскаго дома; подолгу оба раза бесѣдовала съ д-ромъ Маковецкимъ; много узнала отъ Владиміра Григорьевича Черткова, но еще больше отъ его сына, юноши 18—20 лѣтъ, очень довѣрчиваго и простодушнаго; отдѣльно отъ нихъ продолжительное время бесѣдовалъ съ секретаремъ Черткова (бывшимъ секретаремъ покойнаго Толстого), молодымъ, ярымъ толстовцемъ—Булгаковымъ, который, такимъ образомъ, явился для меня провѣрочной инстанціей услышаннаго отъ Черткова и его сына; бесѣдовала съ рабочими-конопатчиками, работающими теперь у Черткова; небольшую бесѣду пришлось имѣть съ Александрой Львовной Толстой. Болѣе всего полезными при выясненіи численности сборищъ на могилѣ Толстого и характера ихъ оказались яснополянскія бабы и ребятишки, которые безъ устали дежурятъ на могилѣ, зазывая къ себѣ на постой пріѣзжихъ. Стоило только задать имъ какой-нибудь вопросъ, какъ они, торопясь и перебивая другъ друга, давали самые подробные отвѣты. Цѣнно въ данномъ случаѣ было то, что путемъ такихъ перекрестныхъ разспросовъ, провѣряются полученные свѣдѣнія.

Кстати замѣтить, смерть Толстого создала очень выгодный промыселъ для яснополянскихъ крестьянъ. Въ первые дни они много заработали, провозя со станціи пріѣзжихъ въ Ясную Поляну и въ Телятники къ Черткову, а также оставляя ихъ у себя на постой. Теперь крестьяне горько жалуются на рѣзкое сокращеніе движенія: въ первые дни десятки телѣгъ возвращались со ст. Засѣки, биткомъ набитыя, теперь выѣзжаетъ нѣсколько телѣгъ, и то часть возвращается порожнемъ. Д-ръ Маковецкій сообщилъ мнѣ, что какой-то предприниматель предлагалъ гр. С. А. Толстой продать ему участокъ земли для постройки гостиницы для пріѣзжающихъ, но она это предложеніе отклонила.

«Блондинка».

2. Бесѣды съ докторомъ Маковецкимъ.

Съ докторомъ Маковецкимъ мнѣ пришлось подолгу бесѣдовать два раза—первый разъ въ яснополянской лечебницѣ при пріемѣ докторомъ больныхъ, во время котораго съ его разрѣшенія я все время присутствовала, второй разъ въ домѣ графини Толстой, гдѣ докторъ все время живетъ.

Такъ какъ я явилась къ доктору съ рекомендательной запиской, то довѣріе его ко мнѣ было вполне обезпечено.

Особенно цѣнна для меня была первая бесѣда (правильнѣе, прислушиваніе къ тому, о чемъ бесѣдовалъ д-ръ Маковецкій съ крестьянами), наглядно продемонстрировавшая предо мною пріемъ

пропаганды толстовскихъ идей въ Ясной Полянѣ. Приѣмъ больныхъ докторомъ Маковецкимъ въ лечебницѣ именно превращается въ живую пропаганду, и такъ какъ пользуется докторъ не только яснополянскихъ крестьянъ, а пріѣзжаютъ къ нему изъ всей округи (при мнѣ были пріѣзжіе изъ далекихъ деревень), то сѣмя толстовскаго ученія разбрасывается очень далеко. Необходимо отмѣтить, что д-ръ Маковецкій пользуется большой любовью среди крестьянъ, и въ силу этого его идейная пропаганда особенно глубоко проникаетъ въ сознание его слушателей. Самъ д-ръ Маковецкій ярый толстовецъ изъ типа слѣпыхъ фанатиковъ.

При мнѣ была такая сценка. Какая-то баба, явившаяся съ больнымъ ребенкомъ изъ сосѣдняго села, рассказывала, что у нихъ задержали какого-то странника—«божьего человѣка» за отсутствіе паспорта. Баба глубоко возмущалась, что паспортъ спрашиваютъ даже у «божьихъ людей». Д-ръ Маковецкій вполне соглашался съ бабой. Пространно онъ сталъ излагать набившія оскомину толстовскія истины о томъ, что, стремясь жить по правдѣ божьей, не нужно бояться тюрьмы и наказаній, разъ власть требуетъ что-нибудь такое, что противно совѣсти. Прямо Маковецкій не говорилъ, напр., объ отношеніи къ военной повинности, но во всякомъ случаѣ изъ его словъ даже для самаго неравногого слушателя вытекала идея пассивнаго сопротивленія государству. Пропаганда Маковецкаго носила чисто идейный характеръ, безъ всякихъ революціонныхъ рѣзкостей, но думаю, что подобная пропаганда въ удобныхъ случаяхъ можетъ дать самыя нежелательныя практическія послѣдствія.

Второй разъ бесѣда съ Маковецкимъ касалась роли интеллигенціи въ распространеніи идей Толстого въ широкой народной массѣ. Съ увлеченіемъ д-ръ говоритъ о «святой обязанности» cadaго интеллигента, послѣдователя Толстого, заняться самой активной пропагандой (распространеніемъ сочиненій Толстого и живымъ ихъ толкованіемъ) въ народѣ. Нужно путемъ опрощенія сблизиться съ народомъ и заняться его духовнымъ развитіемъ. Число такихъ преданныхъ дѣлу лицъ, по словамъ д-ра Маковецкаго, растетъ все болѣе и болѣе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, теперь же, послѣ смерти Толстого, для развитія его ученія создается особенно благопріятная почва.

Въ этомъ же смыслѣ до меня велись бесѣды у д-ра Маковецкаго съ кіевскими студентами (какъ они тоже мнѣ говорили). Вообще это постоянная тема всѣхъ бесѣдъ какъ д-ра Маковецкаго, такъ и Черткова съ посѣщающими ихъ паломниками. Мнѣ удалось еще разъ поговорить съ студентами, возвращающимися отъ Черткова черезъ Ясную Поляну на ст. Засѣка, и они мнѣ сообщили характеръ ихъ бесѣды съ Чертковымъ.

Д-ръ Маковецкій заявилъ мнѣ, что въ ближайшемъ времени совершенно оставляетъ Ясную Поляну.

«Блондинка».

8. Дѣятельность В. Г. Черткова.

Къ Черткову я явилась съ рекомендательной запиской отъ д-ра Маковецкаго, что обезпечило мнѣ теплый, довѣрчивый пріемъ.

Первый вопросъ, какой я здѣсь поставила, былъ вопросъ объ оставленныхъ Толстымъ литературныхъ произведеніяхъ, когда и въ какомъ видѣ они будутъ изданы. На этотъ вопросъ Чертковъ отвѣтилъ, что пока оставленные рукописи все еще разбираются, и относительно изданія ихъ, какъ вообще относительно изданія полного собранія сочиненій, порученнаго дочери Александрѣ Львовнѣ, съ цѣлью выкупа земли и передачи ея яснополянскимъ крестьянамъ, ровно ничего неизвѣстно. Вопросъ этотъ обсуждается кружкомъ Черткова, и рѣшеніе еще не принято. Если поступитъ предложеніе о продажѣ произведеній Толстого какой-нибудь крупной книгоиздательской фирмѣ, и если будетъ предложена сумма, достаточная для выкупа Ясной Поляны, то такое предложеніе будетъ принято. Въ противномъ же случаѣ сочиненія будутъ изданы самой Александрой Львовной. При изданіи сочиненій будетъ преслѣдоваться основная цѣль—сдѣлать ихъ по цѣнѣ возможно болѣе доступными широкимъ народнымъ массамъ. Нѣкоторыя же небольшія статьи, имѣющія особое значеніе, въ цѣляхъ пропаганды толстовскихъ идей, будутъ изданы дешевыми народными брошюрами въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Чертковъ вскользь признался, что среди оставленныхъ Толстымъ рукописей есть много совершенно нецензурныхъ, и какъ съ ними быть при изданіи сочиненій Толстого, Чертковъ не знаетъ. Можетъ быть, ихъ придется выдѣлать изъ собранія, выпускаемаго въ Россіи, и издать за границей. Во всякомъ случаѣ, сказалъ Чертковъ, друзья Толстого получаютъ въ руки все, что осталось послѣ Толстого,—какъ это будетъ сдѣлано, еще не извѣстно, но такъ или иначе это будетъ сдѣлано.

Совершенно то же узнала я и отъ Александры Львовны Толстой, которая въ силу нездоровья удѣлила мнѣ лишь немного времени, и съ которой болѣе подробно относительно всѣхъ интересующихъ меня вопросовъ побесѣдовать не удалось.

Я провела въ домѣ Чертковыхъ значительное время, и мнѣ удалось воочію увидѣть, какимъ путемъ отсюда ведется пропаганда толстовскихъ идей:

Вреднымъ образомъ Чертковъ и окружающій его кружокъ вліяютъ на мѣстныхъ крестьянъ самымъ образомъ своей жизни. Дверь дома Черткова широко открыта для всякаго желающаго войти въ него. Въ столовой стоятъ большіе некрашенные столы и скамейки, и завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ за ними самъ Чертковъ и его кружокъ, вмѣстѣ съ приходящими къ нимъ крестьянами и работающими въ Телятниковѣ работниками. Въ это время обычно читается что нибудь изъ сочиненій Толстого, и ведутся по поводу прочитаннаго бесѣды. Для идейной агитаціи

это самая удобная обстановка. Кроме того, въ школѣ и дома устраивались чтенія, на которыя приходили какъ взрослые, такъ и дѣти изъ деревни. При всякихъ удобныхъ случаяхъ Чертковъ бесѣдуетъ съ крестьянами. Съ цѣлью большаго сближенія съ крестьянами, Чертковъ рядомъ со школой устроилъ ремесленную школу и мастерскія, но онѣ пока не функционируютъ. Сынъ Черткова откровенно признался мнѣ—почему: за нами, указалъ онъ, теперь слѣдять сотни глазъ, и ни чтенія, ни занятія въ школѣ, ни работы въ мастерской нельзя производить въ желательныхъ размѣрахъ.

Во время моего пребыванія въ домѣ Черткова, сборищъ тамъ не было. Въ связи съ сокращеніемъ поѣздокъ въ Ясную Поляну на могилу Толстого, сократились и посѣщенія Черткова. Раньше же, по его словамъ, за указаные столы садилось обычно по 30—40 и 50 человекъ. Я засталъ только обычныхъ приживальщиковъ Черткова—человекъ 7—8 молодыхъ людей, получающихъ отъ Черткова, какъ мнѣ съ проницательностью передавали крестьяне, по 10 руб. жалованья въ мѣсяцъ только за то, что они считаютъ себя толстовцами. Вообще же они ничего не дѣлаютъ, бродятъ по Ясной Полянѣ, Телятникамъ, Ясенкамъ въ своемъ районѣ, вступая въ сношенія съ крестьянами и ведя съ ними бесѣды. Кроме этихъ людей, я засталъ еще нѣсколько человекъ крестьянъ, которые работали по конопаткѣ дома. При мнѣ изъ Ясной Поляны приѣхало 7 человекъ, между ними три студента. Вотъ всѣ, которые въ этотъ день, 23 ноября, перебивались въ домѣ Черткова.

Совмѣстный обѣдъ Черткова съ рабочими мнѣ удалось лично наблюдать. Равно я присутствовала при бесѣдахъ съ прибывшими экскурсантами. Въ бесѣдѣ съ ними Чертковъ указалъ, что онъ очень удивляется тому, что наша интеллигенція, желая почтить память Толстого, выступила съ однимъ только протестомъ противъ смертной казни. По словамъ Черткова, нужно энергично протестовать и противъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ теперь подвергаются послѣдователи Толстого. Съ сожалѣніемъ отмѣчалъ онъ, что ни въ Государственной Думѣ, ни въ газетахъ, ни въ общественныхъ собраніяхъ вопросъ этотъ не поднимается. Эти слова Черткова, сказанныя экскурсантамъ, носили характеръ какъ бы указанія, что нужно возбудить въ обществѣ вопросъ о протестахъ противъ наказанія за вѣру.

Въ бесѣдѣ со мной Чертковъ указалъ, что у него имѣются доказательства того, что идеи Толстого проникаютъ въ народную массу и находятъ сочувствіе среди рабочихъ. Послѣ смерти Толстого на имя Черткова поступило болѣе 300 телеграммъ, писемъ, адресовъ, и среди нихъ много отъ крестьянъ и рабочихъ. Весь этотъ матеріалъ теперь сортируется, и Чертковъ намѣренъ его выпустить въ свѣтъ отдѣльной книгой.

Слѣды пропаганды Черткова и его кружка среди мѣстныхъ крестьянъ чувствуются на каждомъ шагѣ. Болѣе пожилые крестьяне съ нескрываемымъ раздраженіемъ говорили о настроеніи

деревенской молодежи, которая общается съ кружкомъ Черткова: въ религиозномъ отношеніи они совершенно отбились отъ церкви, въ церковь давно перестали ходить. Въ Ясной Полянѣ это результатъ частной бесѣды съ самимъ Толстымъ.

Особенно часты бесѣды съ крестьянами по земельному вопросу. Какъ самъ покойный Толстой, такъ и всѣ его послѣдователи являются ярыми противниками правительственной землеустроительной политики, на каждомъ шагу агитируя противъ производящагося теперь выдѣленія на отрубъ. Отъ нѣсколькихъ крестьянъ я слышала, какъ самъ Л. Н. Толстой убѣждалъ крестьянъ не подчиняться земскому начальнику и землеустроительной комиссіи и не принимать предложенія о хуторскомъ разселеніи. «Подождите до 1912 года,—говорилъ Толстой,—тогда вамъ не нужно будетъ этого дѣлать». Что при этомъ подозрѣвалъ онъ—неизвѣстно. Бесѣды на тему о правительственной землеустроительной политикѣ ведутся и съ д-ромъ Маковецкимъ. Такъ какъ къ нему пріѣзжаютъ изъ дальнихъ деревень, то вредное вліяніе распространяется на большій районъ. Энергичную пропаганду противъ хуторского разселенія ведетъ, конечно, Чертковъ и весь его кружокъ. Крестьянамъ раздавалась извѣстная брошюра Толстого «Великій грѣхъ»,—вообще отрицаніе частной собственности на землю—постоянная тема въ бесѣдахъ въ домѣ Черткова какъ съ мѣстными крестьянами, такъ и со всѣми пріѣзжающими.

Отъ крестьянъ дер. Телятники узнала, что Чертковъ и Александра Львовна раздавали имъ брошюры, заключавшія толстовскія статьи.

Чертковъ говорилъ мнѣ, что въ настоящее время въ изданіи «Посредника» готовится къ выходу въ свѣтъ большое число общедоступныхъ брошюръ, которыя будутъ очень удобны для широкаго распространенія въ народѣ. Готовится также выпускъ дешевой популярной брошюры съ біографіей Толстого и изложеніемъ всего его ученія. Все это будетъ распространено въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Недавно въ деревнѣ Телятники предстояла опись нѣсколькихъ крестьянъ за неуплату податей. Всю сумму—около 100 р.—внесъ самъ Чертковъ. «Такъ урядникъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ крестьянинъ, ни съ чѣмъ и уѣхалъ».

Въ настоящее время Чертковъ и всѣ его окружающіе чувствуютъ себя подъ большимъ подозрѣніемъ, и потому пропаганда въ послѣднее время ведется гораздо слабѣе и осторожнѣе. Предупреждены, видимо, и крестьяне, такъ какъ отвѣты они даютъ съ большой осторожностью и явными замалчиваніями. При такихъ условіяхъ моя миссія была до крайности затруднена. Многое помогъ мнѣ выяснить очень простодушный юноша сынъ Черткова, а также секретарь его Булгаковъ. Отъ сына Черткова мнѣ пришлось услышать характерную фразу: «Еще больше жандармовъ намъ приходится бояться нашихъ сосѣдей, какъ на подборъ».

черносотенцевъ». Съ особеннымъ раздраженіемъ онъ отзывался о какомъ-то помѣщикѣ Звегинцевѣ.

Это раздраженіе помѣщиковъ, сосѣдей Черткова, вполне понятно: его пропаганда идей Толстого должна имѣть самое отрицательное вліяніе на крестьянъ и рабочихъ.

Считаю необходимымъ отмѣтить еще одинъ фактъ. Среди крестьянъ Ясной Поляны слухи о передачѣ имъ, въ силу завѣщанія Л. Н. Толстого, всей земли, вызвали сильно повышенное настроеніе. Чувствуется большая взысканность во всемъ: съ раздраженіемъ, напримѣръ, говорили мнѣ многіе крестьяне о какомъ-то налогѣ по 20 коп. съ души (даже съ маленькихъ дѣтей), которымъ якобы незаконно ихъ обложили въ этомъ году. Обращались за разъясненіемъ къ земскому, а онъ посылаетъ къ старостѣ, а этотъ самъ ничего не знаетъ. «Не будемъ платить, вотъ и все». Какой это налогъ—мнѣ не удалось выяснитъ, но несомнѣнно, что онъ вызываетъ большое раздраженіе въ крестьянской средѣ.

Преслѣдуя свою задачу, я объѣхалъ почти весь районъ, примыкающій къ Ясной Полянѣ. У ст. Засѣка была на хуторѣ Т. Л. Сухотиной (дочери Толстого), послѣ побѣдки въ д. Телятники побывала въ большомъ селеніи Ясенки, входящемъ въ самое тѣсное общеніе съ обитателями Чертковского дома, съ цѣлью охватить наблюденіемъ возможно большій районъ, вернулась въ Москву не черезъ ст. Засѣка, а черезъ ст. Щекино.

Могу констатировать, что вліяніе идей Толстого и слѣды пропаганды чувствуются на каждомъ шагѣ, особенно среди деревенской молодежи.

«Блондинка».

— Кто же сія «блондинка»?—спроситъ читатель. «Блондинка» разоблачена, она оказалась журналистомъ, сотрудникомъ «Русскаго Слова», а раньше «Кіевской Мысли», Иваномъ Яковлевичемъ Дриллихомъ. Съ октября 1910 года и до перваго дня революціи онъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ московскаго охраннаго отдѣленія, и дѣятельность его встрѣчала самую высокую оцѣнку у начальниковъ отдѣленія П. П. Заварзина и А. П. Мартынова, у вице-директора департамента полиціи С. Е. Виссаріонова и остального начальства, знавшаго Дриллиха. Въ началѣ работы Дриллиха Заварзинъ давалъ ему по начальству слѣдующую аттестацію: «Даваемые Дриллихомъ свѣдѣнія по общественному движенію и лѣвому крылу конституціонно-демократической партіи очень цѣнны, а въ будущемъ это лицо обѣщаетъ быть еще болѣе полезнымъ, такъ какъ ему, какъ литератору, доступны многіе общественные круги. Кромѣ того, Дриллихъ безусловно правдивъ и весьма развитъ, имя же его пользуется нѣкоторой извѣстностью

въ литературныхъ кругахъ Москвы, Кіева и Одессы. Эти качества даютъ ему, при наличности желанія съ его стороны, полную возможность быть полезнымъ сотрудникомъ отдѣленія».

Откуда въ Дрилликъ такое желаніе быть полезнымъ сотрудникомъ, какъ онъ дошелъ до такого желанія, какъ представитель самой независимой профессіи сталъ агентомъ, данникомъ охраннаго отдѣленія? Отвѣтовъ на эти вопросы требуетъ наше нравственное чувство. Документы даютъ возможность нарисовать исторію паденія Дриллика и вмѣстѣ съ тѣмъ приподнять уголокъ завѣсы, скрывающей отъ нашихъ взоровъ будничную картину охраннаго быта.

Въ октябрѣ 1910 года было перлюстрировано письмо, отправленное изъ Москвы 9 октября въ Кіевъ А. К. Закржевскому, слѣдующаго содержанія: «Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, къ счастью, окончательно оставилъ, и теперь пишу Вамъ изъ Москвы, гдѣ я уже вторую недѣлю. Выбросила меня изъ Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грѣхи у меня теперь очень сложные счета съ администраціей (подлежу ссылкѣ въ Томскую губернію). Если бы я не улизнулъ изъ Одессы во-время, то теперь бы уже гулялъ по этапу въ сіи непривѣтливныя страны. Выручилъ, однако, случай: какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ Одессѣ пришли меня арестовать, я былъ въ Петербургѣ, и только потому теперь на свободѣ. Естественно, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія быть обывателемъ Томской губерніи, а потому я и перешелъ на нелегальное положеніе. Думаю продержаться такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока, путемъ страшно сложныхъ хлопотъ, не удастся добиться отміны ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи съ «Одесскимъ Листкомъ», а тамъ будетъ видно, что Богъ дастъ. Адресуйте мнѣ такъ: Москва, 9 почт. отд. до востребованія Владимиру Павловичу Матвѣеву».

Это подозрительное письмо было доложено директору департамента полиціи, а онъ положилъ резолюцію: «выяснить его». Тотчасъ же полетѣли предложенія выяснить автора письма начальникамъ московскаго, одесскаго и с.-петербургскаго охранныхъ отдѣленій. Выясненіе не потребовало большихъ трудовъ и усилій. 14 ноября начальникъ московскаго отдѣленія доложилъ департаменту полиціи, что «по документу на имя Владимира Павлова Матвѣева проживалъ въ Москвѣ съ 22 августа Иванъ Яковлевъ (Морицевъ) Дрилликъ, род. въ 1879 году, журналистъ, лютеранинъ, который былъ обысканъ и арестованъ».

Въ этотъ моментъ Дрилликъ находился въ такомъ положеніи. За газетную статью онъ былъ присужденъ Кіевской судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на одинъ мѣсяцъ. На его несчастіе, онъ былъ австрійскимъ подданнымъ, и, какъ опороченный по суду иностранецъ, не имѣющій связи съ отечествомъ, по постановленію Кіевского, Волынскаго и Подольскаго генералъ-губернатора, былъ подвергнутъ ссылкѣ въ Томскую губернію. Отъ ссылки онъ бѣжалъ и проживалъ по нелегальному паспорту.

14 октября Дриллхъ былъ арестованъ. Полковнику Заварзину его дѣйствительное положеніе было извѣстно въ точности, и Заварзинъ поставилъ передъ Дриллхомъ дилемму: или ссылка по этапу въ Сибирь, или жизнь въ Москвѣ на положеніи секретнаго сотрудника. Дриллхъ выбралъ послѣднее, и полк. Заварзинъ могъ сообщить департаменту, что арестованный 14 октября Дриллхъ «на основаніи чисто агентурныхъ соображеній 18 октября изъ-подъ стражи освобожденъ». Сдѣлка состоялась, и Дриллхъ былъ нареченъ «блондинкой».

Такъ уловлялись нестойкіе люди въ жандармскія сѣти.

А. Д. Михайловъ въ крѣпости.

(Послѣднія прошенія и письма ¹⁾).

Въ мартѣ 1882 года А. Д. Михайловымъ было подано изъ Петропавловской крѣпости три прошенія въ Департаментъ Полиціи.

«Имѣя нужду, писалъ Михайловъ въ первомъ, въ совѣтахъ присяжнаго повѣреннаго Евгенія Ивановича Кедрина для разработки кассационной жалобы, прошу разрѣшить ему посѣщать меня въ мѣстѣ настоящаго моего заключенія».

Второе прошеніе:

«Прошу разрѣшить мнѣ два послѣднихъ свиданія въ субботу 6 марта и вторникъ 9 марта съ моими родными: теткой, сестрой и братомъ. Надѣюсь, въ этихъ прощальныхъ свиданіяхъ не откажутъ мнѣ. Прошу принять во вниманіе важность и значеніе послѣднихъ свиданій для осужденнаго на смерть и разрѣшить ихъ не за рѣшеткой. Значеніе свиданій съ ближайшими родными передъ смертью столь велико и свято, и возможность проститься по-человѣчески въ послѣдній разъ составляютъ столь существенное право человѣка, что я надѣюсь на удовлетвореніе этихъ своихъ просьбъ, согласныхъ при томъ вполне съ духомъ русскаго законодательства. Кромѣ того, прошу разрѣшить передать находящіяся при мнѣ вещи роднымъ моимъ теткѣ Настасѣ Осиповнѣ Вартаковой или сестрѣ Клеопатрѣ Дмитріевнѣ Безмѣновой».

Оба эти прошенія, написанныя 3-го марта, были доставлены въ Департаментъ Полиціи комендантомъ крѣпости, который въ препроводительной бумагѣ сообщалъ, что съ подобною же просьбою Михайловъ обращался и къ нему, но онъ «призналъ неудобнымъ отступить отъ существующаго правила и въ особенности по отношенію къ преступникамъ, приговореннымъ къ казни».

Первая просьба—о посѣщеніяхъ Михайлова его защитникомъ (присяжнымъ повѣреннымъ Евг. Ив. Кедринимъ)—была удовлетворена; на второе же прошеніе послѣдовалъ изъ Департамента Полиціи такой отвѣтъ:

«Что касается прошенія преступника Михайлова о разрѣшеніи передать принадлежащія ему вещи родственникамъ его,

¹⁾ См. о немъ „Былое“, 1906, февр. и 1907, февраль.

то таковое его ходатайство удовлетворено быть не может; вопросъ же объ испрашиваемомъ имъ личномъ свиданіи будетъ представленъ на усмотрѣніе Его Сіятельства Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ».

9-го марта Михайловъ подалъ слѣдующее прошеніе:

«Обращаюсь съ вторичною, убѣдительною и послѣдней просьбой о разрѣшеніи мнѣ прощальныхъ свиданій съ теткою моею, Настасьею Осиповной Вартановой, сестрой Клеопатрой Дмитриевной Безмѣновой и братомъ Митрофаномъ Михайловымъ.

«Я просилъ уже о томъ же, приводилъ мотивы своего желанія, понятнаго и безъ нихъ для каждаго, кто имѣетъ близкихъ людей, въ комъ живутъ родственныя чувства. Я просилъ только о двухъ свиданіяхъ съ родными въ субботу 6-го марта и во вторникъ 9-го. Съ сестрой въ субботу я видѣлся, но ни съ теткой, ни съ братомъ, со времени переведенія меня 26 февраля въ крѣпость, т.-е. въ продолженіе двухъ недѣль, не имѣлъ ни одного свиданія. Департаменту Государственной Полиціи хорошо извѣстно, что это были послѣднія недѣли, что просьба моя, столь естественная и законная, могла и можетъ быть удовлетворена только въ предѣлахъ этого краткаго и безвозвратнаго срока, а между тѣмъ сегодня вторникъ, день свиданій, послѣдній урочный день въ предѣлахъ кассационнаго срока, и имъ не были допущены ко мнѣ никто изъ родныхъ. Ни сестра, ждавшая послѣдняго свиданія, чтобы уѣхать по неотложнымъ семейнымъ дѣламъ, ни тетка, которая, какъ крестная мать, замѣняетъ для меня отсутствующую родную, ни братъ. На словахъ Г. Директоръ Департамента обѣщалъ моимъ роднымъ свиданія со мною. Я убѣдительно прошу объ исполненіи этого обѣщанія, въ теченіе дней, оставшихся до приведенія въ исполненіе приговора. Определенныхъ для свиданій дней въ этотъ періодъ времени можетъ быть уже и не будетъ, но вѣдь не мои родные были причиной того, что не воспользовались протекшимъ временемъ.

«Я надѣюсь, что, въ силу исключительности положенія приговоренныхъ къ смерти, начальство крѣпости не откажетъ съ своей стороны въ согласіи на свиданіе мнѣ назначенныхъ для того дней. Прошу также о разрѣшеніи передачи принадлежащихъ мнѣ вещей, находящихся со мною въ крѣпости, теткѣ моей или сестрѣ. Цѣнность ихъ для Правительства ничтожна, ибо онѣ состоятъ изъ бѣлья и одежды, а между тѣмъ я не могъ ими располагать уже со дня ареста, когда по закону не отнимается право распоряженія своею собственностью. До осени 1882 года многія вещи мои находились въ комиссіи дознанія въ жандармскомъ управленіи, потомъ, когда я получилъ ихъ, во время своего пребыванія въ крѣпости, мнѣ было отказано въ передачѣ ихъ роднымъ до времени суда. Въ періодъ суда я подалъ прошеніе о томъ же Управляющему Домомъ Предварительнаго Заключенія и также получилъ отказъ, мотивированный состоявшимся распо-

ряженіемъ Департамента Государственной Полиціи. Поэтому я теперь прошу разрѣшенія передать вещи роднымъ.

«Надѣюсь, Департаментъ Государственной Полиціи положить свою резолюцію на мое прошеніе и не преминетъ сообщить таковую мнѣ».

Просьба о передачѣ вещей Михайлова его роднымъ была вторично отклонена, свиданіе же было разрѣшено только Безмѣновой, что видно изъ слѣдующаго письма отъ 13-го марта Коменданта крѣпости директору Департамента Полиціи Плевелу:

«Милостивый Государь Вячеславъ Константиновичъ, согласно отношенія Вашего Превосходительства отъ 12 марта за № 2411, разрѣшивъ сего числа личное свиданіе съ осужденными государственными преступниками Александромъ Михайловымъ—вдовѣ Коллежскаго Совѣтника Клавдіи (?) Безмѣновой, и Николаемъ Сухановымъ—матери его Ольгѣ Сухановой въ личномъ присутствіи завѣдывающаго арестантскими помѣщеніями и съ принятіемъ всевозможныхъ мѣръ предосторожности,—я долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, не признаете-ли возможнымъ на будущее время отклонять подобныя настоянія родственниковъ въ личномъ свиданіи съ государственными преступниками, такъ какъ разрѣшенія этого нѣкоторымъ, въ видахъ исключенія отъ общаго правила, съ одной стороны вызываютъ ропотъ и зависть въ другихъ посѣтителяхъ, какъ это случилось сегодня, а съ другой, что самое главное по отношенію къ настоящимъ алодѣямъ, приговореннымъ къ смертной казни, можетъ повести при всей бдительности присутствующаго при свиданіи, къ различнаго рода трудно предвидимымъ безпорядкамъ, какъ тому были примѣры, для устраненія которыхъ и была собственно устроена рѣшетка съ отверстіемъ въ родѣ окна, дающая полную возможность ясно видѣть и вести разговоръ безъ всякаго напряженія голоса, но, выѣстъ съ тѣмъ, лишаящая обѣ стороны т.-е. преступника и посѣтителя, возможности имѣть прикосновеніе другъ къ другу. То же самое я просилъ бы Ваше Превосходительство примѣнить и къ защитникамъ осужденныхъ преступниковъ, потому что съ окончаніемъ процесса суда, они потеряли надобность входить, такъ сказать, въ интимныя отношенія съ своими паціентами и вести съ ними бесѣды наединѣ».

Наконецъ, 20-го марта Михайловъ написалъ еще одно прошеніе, на имя Коменданта Петропавловской крѣпости.

«Ходатайствую передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, чтобы мнѣ разрѣшили изъ принадлежащихъ мнѣ вещей пользоваться: благословеніемъ матери—крестомъ и шейнымъ образомъ,—теплой фуфайкой, сапогами и резинными калошами въ случаѣ, если бы вещи мои по описи потребовались въ Департаментъ Государственной Полиціи. Прошу разрѣшить пріобрѣсти Библію (Новый и Ветхій Заветъ) въ русскомъ переводѣ и въ переплетѣ, такъ какъ желаю въ часы уединенія познакомиться ближе съ этой книгой. Хотѣлось бы, чтобы при Евангеліи былъ мѣсяце-

словъ христіанскихъ праздниковъ и пасхалія. Въ вещахъ моихъ находится образокъ стѣнной въ серебряной ризѣ, полотенце голландское новое, новая голландская съ малороссійской вышивкой рубаха и шейный шелковый платокъ, принесенный мнѣ теткой Настасіей Осиповной Вартановой въ Домъ Предварительнаго Заключенія для временнаго пользованія. Меня неожиданно перевезли въ крѣпость и не разрѣшили оставить чужія вещи въ Домъ Предварительнаго Заключенія для возвращенія теткѣ. А теперь и совсѣмъ не разрѣшаютъ возвратить роднымъ мои собственные вещи, а вмѣстѣ съ ними и теткѣ. Тутъ, очевидно, недоразумѣніе. Потому я прошу позволенія передать указанныя четыре вещи теткѣ, какъ мнѣ не принадлежащія.

«Кромѣ сего, обращаюсь еще съ убѣдительною просьбой къ Вашему Высокопревосходительству, къ которой побуждаетъ меня невыносимость положенія неизвѣстности объ участи приговоренныхъ къ смерти товарищей. Мы всѣ осуждены однимъ судомъ и однимъ приговоромъ, объявлялся онъ намъ во всѣхъ формахъ совмѣстно. Въ общемъ видѣ и во всей совокупности представленъ на усмотрѣніе Государя Императора. Окончательная участь и опредѣляется Его волею. Поэтому я и прошу сообщить мнѣ приговоръ въ Верховной санкціи. Чрезвычайно тяжело не знать объ участи тѣхъ, съ которыми такъ тѣсно связала судьба».

Прошеніе было передано Комендантомъ крѣпости въ Департаментъ Полиціи, откуда вскорѣ пришло разрѣшеніе на пріобрѣтеніе Михайловымъ библіи и на передачу вещей теткѣ осужденнаго.

Было-ли сообщено Михайлову о судьбѣ его товарищей—неизвѣстно: въ архивѣ Департамента Полиціи никакихъ указаній по этому вопросу нѣтъ.

4-го марта 1882 года Директоромъ Департамента Полиціи было получено отъ Коменданта С.-Петербургской крѣпости три письма и слѣдующая бумага:

«Написанныя содержащимися въ крѣпости государственными преступниками Александромъ Михайловымъ и Баранниковымъ три письма: первымъ на имя отца, а послѣднимъ брата и сестры, имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству съ присовокупленіемъ, что на письмо Баранникова на имя брата, какъ заключающееся въ свѣдѣніяхъ о судебномъ процессѣ и проч., необходимо обратить вниманіе».

Однако, вниманіе было обращено почему-то не на письмо Баранникова, а на письмо А. Д. Михайлова: на приведенной бумагѣ коменданта крѣпости имѣется слѣдующая помѣтка: «По докладѣ Г-ну Директору Его Превосходительство приказать изволилъ письма Баранникова отправить, а письмо Михайлова задержать». Чѣмъ руководствовался Плеве, разрѣшая отправить «заключающееся въ свѣдѣніяхъ о судебномъ процессѣ» письмо Баранникова и задерживая письмо Михайлова, въ которомъ о процессѣ нѣтъ ни слова—остается непонятнымъ. Вотъ это письмо Михайлова (отъ 3 марта):

«Дорогіе мои, много и много любимые! горячая любовь и столь же горячее желаніе утѣшить васъ, мои любимые, утѣшить не словами, а духовнымъ своимъ состояніемъ, не изображеніемъ невозможнаго благополучія, а дѣйствительнымъ своимъ отношеніемъ къ будущему, уже столь ближнему, создаетъ во мнѣ желаніе писать вамъ много и долго. Письмо ваше, милый и добрый папа, отъ 21-го февраля получилъ сегодня и радъ былъ ему особенно, такъ какъ давно ужъ не имѣлъ отъ васъ вѣстей, а онѣ мнѣ теперь особенно интересны и дороги, потому что меня наиболѣе мучить ваше положеніе, горе столь любимыхъ людей. Своей судьбѣ, если позволитъ скромность, я могу улыбаться даже. Она приноситъ мнѣ великое нравственное удовлетвореніе, я читаю въ ея приговорѣ много отраднаго, успокаивающаго, искупающаго часы 'душевныхъ страданій. Я доволенъ своимъ положеніемъ, хотя оно ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть названо легкимъ. Доволенъ потому, что имъ удовлетворяются самыя глубокія стремленія души, въ немъ находятъ исходъ сокровенныя силы ея. И это не слова,—въ такія минуты я не стану говорить то, что не соответствуетъ самымъ точнымъ образомъ душевному моему настроенію, въ чемъ не отражаются вполнѣ стимулы его. Зато другое меня мучить. Мучить то, что вы, любимые мною и можетъ быть еще болѣе любящіе меня, не можете понять того, что меня облегчаетъ, что даетъ мнѣ силу и бодрость, что облегчило бы хотя сколько-нибудь и ваше горе. Изъ вашего письма я вижу даже, что поддерживающее меня васъ еще болѣе огорчаетъ. Я не могу желать, чтобы вы оправдали мои поступки, для этого мы слишкомъ различные люди, слишкомъ далеко отстоятъ наши мировоззрѣнія одно отъ другого, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы поняли побудительные мотивы, и уже это одно значительно облегчило бы ваше горе. Вы хорошо сдѣлали, что не пріѣхали, когда васъ вызывалъ Кленя, и избавились отъ лишнихъ беспокойствъ и тратъ, но съ другой стороны очень можетъ быть, что и на васъ свиданія со мною подѣйствовали бы такъ же успокоительно, какъ и на Кленю, Фаню и тетю. Правда, мнѣ не легки были бы мимолетныя свиданія съ вами, драгоценныя папа и мама,—я чувствую и съ острою болью сознаю непрестанно, какія раны нанесъ я вамъ, и какъ много вы имѣете права на меня. Я надѣюсь, что даже рассказы сестры и брата о мнѣ и о судѣ много успокоятъ васъ. Вы убѣдитесь, что вамъ не пришлось бы краснѣть за меня, будучи на судѣ; ибо человѣческаго достоинства, убѣжденія и совѣсти моей ни малѣйшимъ пятномъ не могли очернить никакія обвиненія, какъ доказанныя, такъ (и) вводимыя. Приговоръ могъ поразить васъ, но одного взгляда на меня достаточно было бы для вашего утѣшенія. Для меня, какъ и для большинства подсудимыхъ, онъ заранѣе и давно жданный. Съ нимъ я жилъ все время заключенія, да къ нему привыкъ и на волѣ еще. Мы не дѣти, каждый изъ насъ идетъ съ открытыми глазами. Вотъ истинная причина того поражаю-

щаго зрителей спокойствія при самыхъ потрясающихъ обстоятельствахъ, которое имѣло мѣсто по отношенію къ подсудимымъ, въ томъ числѣ, ко мнѣ въ нашемъ процессѣ. Это же дѣйствительная причина бодрости и силы, съ которой, надѣюсь, встрѣтимъ и болѣе тяжелые часы. Черпайте же, мои милые, мои родные, сколько возможно утѣшенія въ моемъ спокойствіи, въ готовности ко всему. Не знаю какъ вамъ, мнѣ же это служило бы большимъ успокоеніемъ, примиряло бы съ неизбежной дѣйствительностью, еслибы такая судьба выпала на долю моего сына. Не думайте, что я не понимаю родительскихъ чувствъ. О, нѣтъ! Было дѣйствительно время, время молодости, когда я не умѣлъ цѣнить ихъ, не могъ измѣрить ихъ во всей глубинѣ и силѣ. Но это время прошло давно. Теперь я не тотъ человѣкъ. Душу и сердце, какъ свое, такъ и другихъ, я привыкъ анализировать во всей сложности ихъ дѣятельности, въ самой высшей напряженности и страстности ихъ процессовъ. Я понимаю ваше горе, вашу потерю. Мало того, оно отражается во мнѣ болью сжимающею сердце. Я самъ люблю много и сильно. Разлуку я чувствую всѣмъ существомъ своимъ, она, угрожая быть вѣчной, заставляетъ безразлично относиться къ будущему. И вотъ, сознавая ваше горе неутѣшное, страдая отъ этого сознанія, мучительно чувствуя, что наступилъ часъ страшной разлуки со всѣмъ, что привязываетъ меня къ жизни, что наполняло ее, и что дороже самой жизни,—подавляемый такими тяжестями, я обращаю взоры на прошлую жизнь и нахожу въ ней столь свѣтлыя утѣшенія, много столь полного значенія, что тѣ ощущенія, которыхъ съ избыткомъ довольно, чтобы разбить всю душу человѣка, становятся выносимыми и даже въ общемъ не лишаютъ душевнаго покоя. Вы видите, мои милые, мои дорогіе, что ваши слезы, слезы другихъ любимыхъ людей вызываютъ у меня такія же горючія слезы и боль сердца и все, все, въ чемъ выражаются душевные страданія, и я былъ бы раздавленъ личнымъ горемъ, если бы не то, къ чему вы предлагаете отнестись съ раскаяніемъ и сожалѣніемъ. Нѣтъ, мои любимые, я отдалъ искренно, убѣжденно, вѣруя, все, что имѣлъ, моему Богу и не раскаиваюсь, не сожалѣю. Такова ужъ моя натура—я не могу отдаваться вполнину. Соответственно этому я нынѣ чувствую и полное нравственное удовлетвореніе, дѣлающее меня сильнымъ переносить все. Не личные страданія людей опредѣляютъ вѣрность или ошибочность избраннаго человѣкомъ пути, а свободное общественное мнѣніе, и еще совершеннѣе судъ исторіи. Мои поступки осуждены—я понесу наказаніе, но дѣло перейдетъ въ высшую инстанцію, и мое убѣжденіе дѣлаетъ меня спокойнымъ. Если я ошибался, то, во всякомъ случаѣ, плачу тѣмъ, что только можно взять у человѣка. Вы сожалѣете, мои родные, что я сбился съ большой дороги. Позвольте, милые, напомнить Вамъ слова великаго законодателя нравственности и любви, въ котораго вы глубоко вѣрите, слова о широкомъ и тѣсномъ путяхъ. Не всѣ идутъ большими торными

дорогами, идутъ нѣкоторые и тѣсными тернистыми дорогами.— Милые, много любимые, что скажу вамъ еще? Столько разъ во всѣхъ своихъ письмахъ я говорилъ о своей любви, о своей благодарности, о сознаніи того, какъ безконечно обязанъ я вамъ и своей природой, и воспитаніемъ, и образованіемъ. Какъ и чѣмъ могу благодарить васъ за это? Чѣмъ могу выразить горячую любовь свою? Этими блѣдными письмами, этими сотнями словъ? Горько, горько—ничѣмъ! Даже утѣшить не имѣю возможности!! Даже не могу высказать все: могутъ не пропустить и этихъ, льющихихся изъ души словъ сына къ отцу, можетъ быть послѣднихъ словъ. О, дорогіе! О, родные! Какъ крѣпко и жарко поцѣловалъ бы васъ, обнялъ бы васъ. Простите меня за все. А. Михайловъ.

Буду на-дняхъ писать еще. Если не пропустятъ послѣднихъ писемъ,—на душу ихъ ляжетъ тяжелый грѣхъ».

Тяжелый грѣхъ легъ на ихъ душу: письмо не было передано, и до сей поры хранилось въ запечатанномъ конвертѣ въ архивѣ Департамента Полиціи.

Комендантъ крѣпости предлагалъ задержать письмо Баранникова, мотивируя предложеніе тѣмъ, что въ письмѣ находились свѣдѣнія о судебномъ процессѣ, но письмо Баранникова не было задержано, а письмо Михайлова, не содержавшее свѣдѣній о процессѣ, было задержано. Плеве, запрещая переслать письмо Михайлова, зналъ, что дѣлалъ. Манифестація непоколебимой вѣры въ правоту дѣла была въ глазахъ Плеве опаснѣе какихъ-либо подробностей судебного процесса. А письмо Михайлова, являя необычайную силу и красоту души русскаго революціонера, проникнуто глубочайшей увѣренностью въ правдѣ и побѣдѣ революціоннаго дѣла и чувствомъ великаго моральнаго удовлетворенія.

Царскосельскія совѣщанія.

Протоколы секретнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ бывшаго императора по вопросу о расширеніи избирательнаго права.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

1905—06 годъ былъ годомъ первой русской революціи. Движеніе рабочихъ, поднятое въ Петербургѣ священникомъ Гапономъ 9 января 1905 г., можетъ считаться исходной ея точкой. За нимъ послѣдовалъ длинный рядъ волненій, и своей кульминаціонной точки революціонное движеніе достигло въ октябрьскую забастовку. Подъ вліяніемъ тревожныхъ событій сталъ на очередь вопросъ о преобразованіи государственнаго строя. Онъ сталъ на очередь не такъ, какъ въ 1917 г., когда старый режимъ въ нѣсколько дней свалился, какъ подгнившій плодъ, и революціонная демократія получила отъ исторіи полномочіе строить государственное зданіе совершенно заново изъ обломковъ стараго, уже несуществующаго. Нѣтъ, въ 1905—06 г. старое самодержавное правительство держало еще бразды правленія въ своихъ временно ослабѣвшихъ, но все еще твердыхъ рукахъ, и само обдумывало вопросъ о такомъ преобразованіи государственнаго строя, который былъ бы достаточной уступкой требованіямъ времени, чтобы въ совокупности съ обычными полицейскими репрессіями прекратить революціонное движеніе, но въ то же время не нанести бы самодержавію сколько-нибудь замѣтнаго ущерба.

Вопросъ о преобразованіи строя нѣсколько разъ обсуждался, какъ всѣ государственные вопросы, въ совѣтѣ министровъ; но кромѣ того, для той же цѣли, четыре раза созывались особые совѣщанія подъ личнымъ его величества предсѣдательствомъ. На эти совѣщанія приглашались министры, нѣкоторые высшіе сановники по личному его величества избранію, а иногда и лица не сановныя, для приглашенія которыхъ имѣлись, очевидно, какія-либо особыя основанія. Такъ, напримѣръ, на первое изъ этихъ совѣщаній въ Петергофѣ лѣтомъ 1905 г. былъ приглашенъ покойный профессоръ В. О. Ключевскій, а на второе въ декабрѣ того же 1905 г. А. И. Гучковъ, значившійся въ официальномъ перечнѣ участниковъ совѣщанія только «гласнымъ московской

столичной думы» и никакого другого званія въ то время не носившій.

Совѣщанія были строго секретными; самъ царь страшно дорожилъ этою секретностью, опасаясь давленія общественнаго мнѣнія. И все-таки сохранить тайну оказалось невозможнымъ: одинъ экземпляръ секретныхъ протоколовъ петергофскихъ совѣщаній попалъ за границу и тамъ былъ опубликованъ.

Во время декабрьскихъ совѣщаній того же 1905 г. сохранить тайну оказалось еще труднѣе: время было слишкомъ бурное, и свѣтъ гласности проникалъ даже черезъ плотно запертыя двери царскосельскаго дворца. При открытіи второго засѣданія членъ государственнаго совѣта О. Б. Рихтеръ «счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, въ газеты проникли свѣдѣнія о происходившемъ здѣсь на прошломъ засѣданіи». На это графъ С. Ю. Витте съ глубокимъ возмущеніемъ и ужасомъ замѣтилъ:

«Это полная анархія, разъ среди высшихъ сановниковъ государства есть лица, не могущія сохранить тайны».

И само его императорское величество сочло нужнымъ выразить негодованіе по этому поводу:

«Я даже не знаю, какъ охарактеризовать такой поступокъ. Я твердо разсчитываю, что это больше не повторится. Перейдемъ къ дѣлу»¹⁾.

Петергофскія совѣщанія въ іюлѣ 1905 г. были созданы для «обсужденія предначертаній, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля 1905 г.». Они относятся такимъ образомъ къ первому періоду революціи; наиболѣе важнымъ и характернымъ для него актомъ верховной власти въ этотъ періодъ былъ высочайшій рескриптъ 18 февраля, которымъ была возвѣщена воля монарха «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа обласканныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній». Результатомъ петергофскихъ совѣщаній явилась, такъ называемая, Булыгинская дума, учрежденіе которой было подписано 6 августа 1905 г. Дума эта была законосовѣщательная, а избирательное право—крайне ограниченное, болѣе ограниченное, чѣмъ даже установленное 3 іюня 1907 г.

Какъ извѣстно, Булыгинская дума не удовлетворила рѣшительно никого, и законъ о ней не ослабилъ, а наоборотъ, скорѣе усилилъ революціонное движеніе. Въ октябрѣ вспыхнула всероссійская забастовка, которая подошла къ самымъ воротамъ царскосельскаго дворца и вынудила императора Николая II на дальнѣйшую, гораздо болѣе важную уступку: на манифестъ 17 ок-

¹⁾ Протоколы царскосельскихъ декабрьскихъ совѣщаній, равно какъ и послѣдовавшихъ въ февралѣ и апрѣлѣ 1906 г., были напечатаны,—конечно, въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ,—въ государственной типографіи особой брошюрой. Русскому обществу они были неизвѣстны и впервые становятся доступны на страницахъ „Былого“.

тября, возвѣщавшій уже конституцію: гражданскую свободу, законодательную думу, и, кромѣ того, въ § 25 обѣщавшій «привлечь теперь же къ участию въ думѣ въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку». И вотъ «для разсмотрѣнія предположеній совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ § 2 манифеста 17 октября 1905 года», и было создано второе совѣщаніе въ декабрѣ 1905 г. въ царскосельскомъ дворцѣ. Оно относилось, такимъ образомъ, ко второму, кульминаціонному періоду революціи, начавшемуся съ великой октябрьской забастовки и закончившемуся московскимъ декабрьскимъ восстаніемъ того же года. Совѣщаніе засѣдало какъ разъ въ моментъ возстанія, казавшагося грознымъ, но которое въ дѣйствительности привело къ крушенію революціи: именно съ него она пошла на убыль.

Въ противоположность петергофскимъ совѣщаніямъ, на которыхъ вырабатывался законъ о думѣ во всемъ его объемѣ, декабрьское совѣщаніе, такимъ образомъ, обсуждало только вопросъ объ избирательномъ правѣ, и результатомъ его работы явилось положеніе о выборахъ 11 декабря 1905 г., на основѣ котораго была выбрана первая (1906) и вторая (1907) государственныя думы. Что же касается «разсмотрѣнія предположенныхъ въ учрежденіи государственнаго совѣта и государственной думы измѣненій», то для него было создано третье совѣщаніе въ февралѣ 1906 г., а для пересмотра основныхъ законовъ, надобность въ которомъ явилась благодаря созданію законодательной государственной думы, было создано четвертое совѣщаніе въ апрѣлѣ 1906 г.,—оба относятся уже къ третьему періоду революціи, т.-е. къ періоду ея упадка.

Сравнивая протоколы всѣхъ этихъ совѣщаній, нельзя не отмѣтить глубокаго отличія въ ихъ тонѣ.

Петергофскія совѣщанія были открыты краткой рѣчью Николая II.

«Многіе находятъ, сказалъ онъ, что проектомъ введенія государственной думы умаляются права самодержавія, и потому онъ опасенъ для Россіи».

Поэтому на обсужденіе совѣщанія царь поставилъ, какъ первый и главный, вопросъ: «находится ли проектированный законъ въ полномъ согласіи и правильномъ сочетаніи съ нашими основными законами», и просилъ высказаться «откровенно, ясно и положительно». Этому вопросу, и въ сущности ему одному, и были посвящены іюльскія совѣщанія. Ихъ участники доказывали, что власть самодержца нисколько не уменьшится отъ введенія въ систему государственныхъ учреждений законосовѣтательной государственной думы; другіе высказывали противоположное опасеніе. Только съ точки зрѣнія интересовъ самодержа-

вія вопросъ и обсуждался. «Никто изъ участниковъ», какъ совершенно вѣрно говорить въ предисловіи къ петергофскимъ протоколамъ редакція «Голоса Минувшаго», «ни разу не намекнулъ даже на то, что дума можетъ помочь родинѣ выйти изъ тяжелаго кризиса». Итти на уступки требованіямъ земцевъ, печати—это было совершенно недопустимо. «Что такое общественное мнѣніе? Неужели крикливые голоса земцевъ? спрашивалъ графъ А. А. Бобринскій, и этотъ риторическій вопросъ выражалъ общее настроеніе совѣщанія. Самодержавіе, очевидно, чувствовало себя еще достаточно прочнымъ, великодушно бросало народу кость, но боялось, какъ бы эта кость не была принята и не оказалась уступкой, опасной для него.

Декабрьскія совѣщанія происходили при другихъ историческихъ условіяхъ, и господствовавшій на нихъ тонъ былъ иной. Законодательная дума была уже предрѣшена. Самодержавіе, несомнѣнно, потерпѣло уронъ, и хотя впоследствии рѣшено было во что бы то ни стало сохранить самое слово, пзмѣнивъ его смыслъ, но въ декабрѣ 1905 г. поневолѣ приходилось говорить не о самодержавіи, а о Россіи, и само его императорское величество считало нужнымъ, хотя бы только для приличія, время-отъ-времени ронять фразы такого рода: «благо народа прежде всего. Будетъ ли оно обезпечено?» И можно даже было серьезно отстаивать (конечно, безъ успѣха) всеобщее избирательное право, тѣмъ болѣе, что объ «общемъ избирательномъ правѣ» говорилось уже и въ манифестѣ 17 окт., хотя и съ нарочитою осторожностью.

Законъ 11 декабря 1905 г., выработанный на декабрьскихъ совѣщаніяхъ, имѣлъ гораздо большій успѣхъ, чѣмъ законъ 6 августа. Дума на его основѣ была избрана, а выборная агитація вбила въ общественное настроеніе клинъ и сильно ослабила революціонное движеніе. Тому же результату содѣйствовалъ разгромъ московскаго возстанія и послѣдовавшія за нимъ энергичныя полицейскія репрессіи, и въ февралѣ, а тѣмъ болѣе въ апрѣлѣ 1906 г. тонъ, господствовавшій на совѣщаніяхъ, вновь поднимается.

II.

Составъ іюльскаго и декабрьскаго совѣщанія различался довольно замѣтнымъ образомъ. Въ іюльскомъ принимали участіе пять великихъ князей: Михайлъ, Владиміръ, Алексѣй Александровичи, Николай Николаевичъ и Александръ Михайловичъ, хотя сколько-нибудь значительное участіе въ преніяхъ принималъ только Владиміръ. Министерскіе посты въ іюлѣ занимали: внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинъ, оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ, финансовъ В. Н. Коковцовъ, юстиціи—С. С. Манухинъ, просвѣщенія—В. Г. Глазовъ, военный-генералъ А. Ф. Редигеръ, морской—вице-адмиралъ А. А. Бирилевъ, иностранныхъ—графъ В. Н. Ламздорфъ, путей сообщенія—М. И. Хилковъ, двора—баронъ В. Б. Фредериксъ, земледѣлія—П. Х. Шванебахъ,

государственный контролеръ—П. Л. Лобко. Всѣ они были участниками совѣщанія, но не всѣ играли въ нихъ замѣтную роль, а главнымъ образомъ только первые четыре; остальные или вовсе не выступали, или выступали съ второстепенными замѣчаніями. С. Ю. Витте въ то время былъ въ Америкѣ и потому въ совѣщаніяхъ не участвовалъ. Изъ различныхъ сановниковъ, не занимающихъ министерскихъ постовъ, видную роль играли: гр. Д. М. Сольскій, Э. В. Фришъ, А. С. Стишинскій, А. А. Нарышкинъ, гр. А. П. Игнатьевъ, Д. Ф. Треповъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ, гр. А. А. Бобринскій, А. П. Струковъ, Н. С. Таганцевъ. Изъ лицъ не сановныхъ участвовали въ совѣщаніяхъ проф. В. О. Ключевскій и «дѣйствительный членъ императорскаго русскаго историческаго общества» Н. М. Павловъ. Единственными представителями весьма умѣреннаго и осторожнаго либерализма на этихъ совѣщаніяхъ были Н. С. Таганцевъ и В. О. Ключевскій. Напротивъ, крайними представителями интересовъ дворянства выступали гр. А. А. Бобринскій, А. С. Стишинскій, А. В. Струковъ, Н. М. Павловъ и А. А. Нарышкинъ.

Составъ декабрьскихъ совѣщаній нѣсколько отличался отъ перваго. Отличіе объясняется прежде всего переменами на министерскихъ постахъ (въ октябрѣ былъ образованъ первый «конституціонный» кабинетъ министровъ подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте), а также и другими причинами. Изъ великихъ князей въ декабрьскихъ совѣщаніяхъ участвовалъ только Михаилъ, и онъ все время упорно молчалъ. Изъ прежнихъ министровъ были Манухинъ, Ламздорфъ, Редигеръ, Фредериксъ, Бирилевъ, сохранившіе свои портфели и въ кабинетѣ Витте, но всѣ они почти не выступали. Булыгинъ, оставившій свой министерскій постъ, все же участвовалъ въ декабрьскихъ совѣщаніяхъ на правахъ члена государственнаго совѣта. Напротивъ, Побѣдоносцевъ, тоже оставившій свой постъ, въ совѣщаніи не участвовалъ; мѣсто оберъ-прокурора занималъ кн. А. Д. Оболенскій, игравшій и на совѣщаніяхъ замѣтную роль. Не было также Коковцова, Глазова, Хилкова, Шванебаха, Лобко. Ихъ мѣста въ соотвѣтственныхъ министерствахъ занимали И. П. Шиповъ, гр. И. И. Толстой, К. С. Немѣшаевъ, Н. Н. Кутлеръ, Д. А. Философовъ, и всѣ они были участниками совѣщаній. Новыми для совѣщаній лицами были также самъ премьеръ С. Ю. Витте, мин. торговли В. И. Тимирязевъ, новый министръ вн. дѣлъ П. Н. Дурново.

Изъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, приглашенныхъ въ іюль, были приглашены также и въ декабрѣ гр. Сольскій, Стишинскій, гр. Игнатьевъ, Фришъ, Треповъ, Таганцевъ, А. А. Бобринскаго не было; вмѣсто него былъ Богородицкій, предводитель дворянства гр. В. А. Бобринскій. В. О. Ключевскаго не было, равно какъ не было и Павлова. Но число не-сановныхъ участниковъ совѣщанія было все-же нѣсколько значительнѣе, чѣмъ раньше: кромѣ уже названнаго гр. В. А. Бобринскаго, имѣлись

два видныхъ уже въ то время общественныхъ дѣятеля, къ тому же съ опредѣленно либеральною репутаціей: Д. Н. Шиповъ и А. И. Гучковъ.

Въ основу для обсужденія избирательнаго права на Петергофскомъ совѣщаніи былъ положенъ проектъ, разработанный министромъ внутреннихъ дѣлъ Булыгинимъ, но уже переработанный въ сторону нѣкотораго расширенія совѣтомъ министровъ. На совѣщаніи онъ въ свою очередь подвергся нѣкоторому, весьма, впрочемъ, незначительному измѣненію; въ результатѣ появилось первое положеніе о выборахъ 6 августа 1905 г., на основѣ котораго должна была выбираться неосуществленная булыгинская дума. Положеніе 11 декабря, на основѣ котораго были выборы первой и второй думы, явилось результатомъ новой переработки. Такимъ образомъ первоисточникомъ, изъ котораго вытекло наше избирательное право, дѣйствовавшее въ 1906—07 г., былъ булыгинскій проектъ ¹⁾.

Булыгинскимъ проектомъ возрастной цензъ устанавливался въ 25 лѣтъ; о правѣ голоса для женщинъ, конечно, не могло быть и рѣчи, но женщины, владѣющія соответственнымъ имущественнымъ цензомъ, могли участвовать въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ, назначая таковыми только близкихъ родственниковъ (отцовъ, мужей, вятцевъ, сыновей, братьевъ), удовлетворяющихъ другимъ условіямъ, необходимымъ для права голоса (возрастъ, неопороченность и т. п.); евреи были безусловно лишены права голоса «впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній».

Обычныя ограниченія права голоса для банкротовъ, лицъ, осужденныхъ судомъ за тяжкія или особенно позорящія преступленія, и т. д., были распространены также на лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, а также (что составляетъ совершенно исключительную особенность русскаго избирательнаго права) на судившихся по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи (влекущемъ лишеніе или ограниченіе въ правахъ состоянія) и судомъ не оправданныхъ, хотя бы они были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою всемілостивѣйшаго манифеста или особаго высочайшаго помилованія ²⁾.

¹⁾ Текстъ этого проекта вмѣстѣ съ „Соображеніями министра внутреннихъ дѣлъ“, на которыхъ онъ былъ основанъ, и меморіей совѣта министровъ, сопровождавшей текстъ пересмотрѣннаго совѣтомъ булыгинскаго проекта, напечатаны въ изданіи: „Матеріалы по учрежденію Государственной Думы. 1905“. Книжка издана заграницей безъ обозначенія мѣста и года изданія. Въ свое время эта книжка была широко распространена въ русскомъ обществѣ и до сихъ поръ представляется единственнымъ печатнымъ источникомъ для ознакомленія съ первыми шагами нашего избирательнаго права.

²⁾ Эта формула—судившіеся и судомъ не оправданные—была заимствована Булыгинимъ изъ земскаго и городского положенія, гдѣ она имѣется также, но только Булыгинъ развилъ ее, прибавивъ слова: „хотя бы они и т. д.“.

Изъ Булыгинскаго первоначальнаго проекта она черезъ законъ 6 августа перешла въ законъ 11 декабря 1905 г. и сохранилась въ избирательномъ законѣ 8 іюня 1907 г. Прежде, когда она находилась лишь въ земскомъ и городскомъ положеніяхъ, она толковалась однако иначе. Если кто-либо судился по обвиненію

Но всего болѣе ограничивалось избирательное право имущественнымъ цензомъ.

По имущественному цензу избиратели дѣлились на три категоріи:

1. Уѣздные избиратели, къ каковымъ относились землевладѣльцы, владѣющіе въ уѣздѣ недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ въ опредѣленномъ, очень высокомъ размѣрѣ, причемъ къ числу владѣльцевъ причислялись и юридическія лица (церкви, монастыри, общества, товарищества и т. д.); эти послѣднія могли подавать голосъ черезъ уполномоченныхъ.

Землевладѣльцы дѣлились на два разряда: крупныхъ, владѣющихъ полнымъ имущественнымъ цензомъ, и мелкихъ, владѣющихъ не полнымъ, не ниже одной десятой полного.

2. Городскіе избиратели, къ числу которыхъ относятся лица (физическія или юридическія), владѣющія въ предѣлахъ города недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ опредѣленного размѣра.

3. Крестьяне, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на равныхъ съ ними основаніяхъ—казаки.

Размѣръ ценза для первыхъ двухъ категорій избирателей былъ опредѣленъ примѣнительно къ земскому и городскому положенію.

Выборы были трехъ и четырехъ-степенные. Мелкіе землевладѣльцы на особыхъ сѣздахъ выбирали уполномоченныхъ по числу владѣемыхъ ими полныхъ цензовъ, и эти уполномоченные являлись на уѣздные же сѣзды «уѣздныхъ избирателей», на которыхъ они вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами и на равныхъ съ ними началахъ выбирали уполномоченныхъ на уѣздныя собранія.

Городскіе избиратели на своихъ сѣздахъ выбирали уполномоченныхъ на тѣ же уѣздныя собранія, и то же самое дѣлали волостные сходы.

На уѣздныхъ собраніяхъ собирались уполномоченные трехъ категорій (отъ уѣздныхъ сѣздовъ, отъ волостныхъ сходовъ, отъ

въ тяжкомъ преступленіи, влекущемъ ограниченіе въ правахъ состоянія, но былъ приговоренъ (хотя-бы вслѣдствіе несовершеннолѣтія или по другимъ причинамъ) къ наказанію, не сопряженному съ ограниченіемъ въ правахъ, то онъ признавался оправданнымъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи и права голоса (при земскихъ и городскихъ выборахъ) не лишался. Но для думскихъ выборовъ эта формула была истолкована сенатомъ по моему дѣлу иначе. Вудучи судимъ по ряду литературныхъ преступленій, причемъ они были подведены подъ разныя страшныя статьи, я былъ приговоренъ къ году крѣпости безъ ограниченія въ правахъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ въ 1907 г. рѣшилъ, что права голоса я лишуюсь. Рѣшеніе Сената по моему дѣлу было примѣнено ко всѣмъ членамъ первой Думы, приговореннымъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы за подписаніе Выборгскаго воззванія. къ писателямъ, приговореннымъ къ году крѣпости за литературное преступленіе и т. д., причемъ лишеніе голоса съ этихъ поръ распространялось какъ на общегосударственные выборы, такъ и на мѣстные.

городскихъ съѣздовъ) и сообща выбирали выборщиковъ на губернское собраніе, гдѣ избирались члены государственной думы.

При этомъ крестьянскимъ выборщикамъ въ 51 губерніяхъ Европ. Россіи и губ. Ставропольской, а также казачьимъ выборщикамъ въ трехъ губерніяхъ предоставлялось особо избрать изъ своей среды по одному члену думы, всего 54 членовъ думы на общее число 412 членовъ думы отъ тѣхъ же губерній ¹⁾).

Землевладѣльцы могли выбирать уполномоченными только землевладѣльцевъ же, и притомъ только землевладѣльцевъ своего уѣзда, горожане только горожанъ своего города, волостные сходы только крестьянъ своей волости. На уѣздныхъ собраніяхъ можно было выбирать выборщиками только членовъ даннаго собранія, а на губернскомъ собраніи членами думы только выборщиковъ, участвующихъ въ данномъ собраніи.

Такимъ образомъ для крупныхъ землевладѣльцевъ имѣлись три выборныхъ инстанціи, въ которыхъ они просѣивались, пока не получались члены думы:

Уѣздный съѣздъ,
Уѣздное собраніе,
Губернское собраніе.

Точно также для городскихъ избирателей, съ замѣной уѣзднаго съѣзда городскимъ съѣздомъ. Для мелкихъ землевладѣльцевъ эти инстанціи увеличивались одною: ихъ предварительнымъ съѣздомъ.

Также и для крестьянъ признавалось четырехкратное просѣиваніе:

Сельское общество,
Волостной сходъ,
Уѣздное собраніе,
Губернское собраніе.

26 большихъ городовъ были выдѣлены изъ своихъ губерній, и для нихъ создана нѣсколько иная система выборовъ, построенная на тѣхъ же основныхъ принципахъ.

Таковъ былъ первый зародышъ государственной думы.

Какъ мы видимъ, избирательное право проектировалось первоначально въ самомъ ограниченномъ видѣ. Ни въ одномъ изъ соображеній, справокъ, меморій, сопровождавшихъ проектъ, не было произведено расчета—какое число лицъ получаетъ право голоса по булыгинской системѣ (равно какъ и по послѣдующимъ), но совершенно несомнѣнно, что оно крайне ничтожно; въ городахъ оно не должно было превышать $\frac{1}{2}$ —1% населенія.

Рабочіе, какъ мы видимъ, были совершенно лишены голоса.

Совѣтъ министровъ вполне согласился съ основными принципами, положенными въ основу булыгинскаго проекта, но внесъ

¹⁾ Система выборовъ въ Польшѣ, на Кавказѣ, въ Сибири не вошла въ Положеніе 6 августа, но была отдѣльно разработана позднѣе на тѣхъ же общихъ основаніяхъ.

въ него рядъ поправокъ. Въ своей меморіи онъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду три избирательныхъ системы:

1. Выборы сословные, съ избраніемъ каждымъ сословіемъ членовъ думы изъ своей среды.

Онъ отвергъ эту систему, несмотря на то, что она «съ отвлеченной точки зрѣнія представляла бы много существенныхъ преимуществъ. Объединенныя происхожденіемъ, родомъ занятій и образомъ жизни сословныя общества, казалось бы, способны избрать въ своей средѣ дѣйствительно способныхъ и знакомыхъ съ нуждами сословія лицъ».

Но эти положительные стороны парализуются тѣмъ, что сословное единство въ настоящее время давно распатано.

«Общій экономическій процессъ уже распаталъ, а во многомъ и уничтожилъ, тѣ сословныя подраздѣленія, которыя начертаны въ законѣ. Обезземеленіе дворянства и промышленное развитіе страны, отвлекшія значительныя крестьянскія массы отъ земледѣльческаго труда, съ каждымъ годомъ умножаютъ число лицъ, которыя, сохраняя лишь внѣшнюю связь съ своимъ сословіемъ, стекаются въ города и сливаются въ нихъ съ кореннымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, сословное устройство котораго никогда не имѣло жизненнаго значенія». Такимъ образомъ сословное начало во многихъ мѣстахъ имперіи, въ частности въ городахъ, представляется невозможнымъ. Затѣмъ, при сословномъ началѣ было бы очень трудно правильно распредѣлить число депутатовъ по сословіямъ. Если бы каждому сословію дать такое число депутатовъ, которое соотвѣтствовало бы его общей численности, то крестьяне заполнили бы государственную думу, что было бы несправедливо по отношенію къ лицамъ другихъ сословій и не соотвѣтствовало бы задачамъ, возлагаемымъ на государственную думу.

Въ виду этого совѣтъ министровъ, согласно съ мнѣніемъ гофмейстера Булыгина, отказался отъ сословнаго начала.

2. Выборы всесословные и равные, съ предоставленіемъ участія въ нихъ безъ различія всѣмъ при условіи достиженія извѣстнаго возраста.

Отъ этой системы совѣтъ министровъ отдѣлался очень легко. Для нея необходимъ высокій уровень развитія народныхъ массъ и увѣренность въ томъ, что въ выборахъ приметъ дѣятельное и самостоятельное участіе все населеніе, а не отдѣльные случайные его члены. Но этихъ условій нѣтъ налицо, и потому всеобщіе выборы должны быть признаны неудобоосуществимыми.

3. Выборы также всесословные, но при условіи извѣстнаго ценза, т.-е. система, принятая Булыгинымъ въ его первоначальномъ проектѣ. Съ ней согласился совѣтъ министровъ, считая ее вполне подходящей при нашихъ условіяхъ¹⁾.

Система цензовая, какъ она была разработана въ проектѣ, въ дѣйствительности была не только цензовая, и даже не столько

¹⁾ См. цитированные выше „Матеріалы“, стр. 80—85. Тѣ-же соображенія, но болѣе кратко, приведены и въ запискѣ Булыгина.

пензовая, сколько куріальная, и, благодаря почти полному совпадению интересовъ землевладѣльцевъ съ дворянствомъ, по существу довольно близкая къ сословной.

И именно это «соединеніе многостепенности со слитностью», какъ говорится въ меморіи, вызвало полное сочувствіе совѣта министровъ, который видѣлъ здѣсь полное соотвѣтствіе современнымъ условіямъ Россіи, хотя два члена совѣта (генералъ Лобко и генералъ Глазовъ) настаивали на томъ, чтобы выборы членовъ думы и въ послѣдней инстанціи, т.-е. въ губернскомъ собраніи происходили по отдѣльнымъ разрядамъ. Совѣтъ министровъ съ этимъ, однако, не согласился.

Но въ составъ избирателей первыхъ двухъ разрядовъ совѣтъ внесъ слѣдующія измѣненія:

Число избирателей уѣздныхъ онъ рѣшилъ пополнить лицами, связанными съ землей, но не непременно началомъ собственности, а именно, арендаторами и управляющими крупныхъ помѣстій, что, безъ сомнѣнія, ослабило (хотя не уничтожило) сословный характеръ землевладѣльческой куріи.

Въ городахъ совѣтъ пошелъ еще нѣсколько дальше иполнилъ составъ избирателей 1) плательщиками промысловаго налога, 2) квартиронанимателями, уплачивающими квартирный налогъ, начиная съ 10-го разряда (т.-е. въ городахъ перваго разряда съ квартиры стоимостью не ниже 1320 руб., уплачивающей налога 45 руб.; въ городахъ второго класса съ квартиры не ниже 1000 руб., уплачивающей налогъ въ размѣрѣ 33 руб. и т. д.).

Кромѣ того, совѣтъ министровъ считъ нужнымъ распространить право голоса и на евреевъ, указывая на то, что евреевъ не много, что въ большинствѣ мѣстъ они потонутъ въ общей массѣ русскихъ и христіанскихъ избирателей и вреднаго вліянія на исходъ выборовъ не окажутъ, а между тѣмъ лишеніе ихъ права голоса будетъ принято, какъ большая несправедливость.

Наконецъ, совѣтъ министровъ, признавая многостепенность выборовъ, все же считъ возможнымъ устранить изъ булыгинскаго проекта одну инстанцію, именно уѣздное собраніе, и такимъ образомъ трехстепенные выборы обратить въ двухстепенные для крупныхъ землевладѣльцевъ и горожанъ, четырехстепенные для мелкихъ землевладѣльцевъ обратить въ трехстепенные. Только для крестьянъ сохранены четырехстепенные выборы посредствомъ замѣны уѣзднаго собранія уѣзднымъ съѣздомъ спеціально уполномоченныхъ отъ волостей.

Число выборщиковъ, назначенныхъ тремъ категоріямъ избирателей уже въ булыгинскомъ проектѣ и сохраненное въ проектѣ совѣта министровъ, было опредѣлено «отношеніемъ суммъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ имущества, принадлежащихъ уѣзднымъ и городскимъ избирателямъ, къ суммамъ сборовъ, уплачиваемыхъ съ надѣльныхъ земель» ¹⁾.

¹⁾ Матеріалы, стр. 48.

На этомъ основаніи крестьяне получили 2535 выборщиковъ, т.-е. 43⁰/₀; землевладѣльцы 1965 выборщиковъ (34⁰/₀), горожане 1338 выборщиковъ (23⁰/₀) изъ общаго числа 5838 выборщиковъ въ предѣлахъ 51 губерніи Европейской Россіи и Ставропольской. Итакъ, крестьяне получили $\frac{2}{3}$ всѣхъ выборщиковъ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, крестьяне получили специальное право на избраніе по одному члену государственной думы отъ каждой губерніи Европейской Россіи и отъ губерніи Ставропольской, а казаки тоже по одному члену отъ трехъ губерній; всего 54 крестьянскихъ и казачьихъ депутата на общее число 430 депутатовъ 51 губерніи Европейской Россіи ¹⁾).

Причина такого отношенія къ крестьянству, давшего ему вліяніе на выборахъ, которое хотя и не соответствовало общему численному отношенію крестьянства къ другимъ сословіямъ, но все-таки было весьма и весьма значительнымъ, была совершенно ясно установлена на петергофскихъ совѣщаніяхъ. Члены совѣщаній твердо разсчитывали на крестьянъ, какъ на прочную опору существующаго государственнаго строя противъ увлеченій горожанъ. «Для правильнаго голосованія (въ будущей думѣ) необходимо широкое участіе крестьянъ», говорилъ А. С. Стишинскій. «Правильная и цѣлесообразная дѣятельность думы вполнѣ зависитъ отъ участія въ ней значительнаго числа крестьянъ», говорилъ гр. А. А. Бобринскій. «Всѣ мы одухотворены однимъ желаніемъ: облегчить странѣ переходъ къ новому порядку безъ потрясеній ... Объ устойчивую стѣну консервативныхъ крестьянъ разобьются всѣ волны краснорѣчія передовыхъ элементовъ».

«Крестьянскій элементъ и я считаю полезнымъ для спокойной и плодотворной дѣятельности думы», говорилъ П. Х. Шванебахъ. «Крестьянъ можно уподобить цѣнному баласту, который придаетъ устойчивость кораблю-думѣ въ борьбѣ съ стихійными теченіями и увлеченіями общественной мысли».

Какъ извѣстно, мужичекъ въ послѣдствіи очень обманулъ ту вѣру въ него, которую питали, какъ члены Совѣта министровъ, такъ и члены петергофскихъ совѣщаній вмѣстѣ съ самимъ Николаемъ II. Очень интересно, что подобная ошибка повторяется въ исторіи не въ первый разъ.

Какъ извѣстно, Людовикъ XVI, созывая въ 1789 г. Гене-

¹⁾ Въ цифру 5838 включены выборщики только губернскихъ собраній. Но 26 большихъ городовъ (изъ нихъ 20 городовъ Европейской Россіи) были выдѣлены изъ губерній и выбирали членовъ думы особо въ своихъ городскихъ собраніяхъ, въ которыхъ имѣлось по 80 городскихъ выборщиковъ (въ Петербургѣ и Москвѣ по 160). Если прибавить 1760 городскихъ выборщиковъ 20-ти городовъ, то общее ихъ число по Европейской Россіи поднимется до 7598, и удѣльный вѣсъ выборщиковъ разныхъ категорій измѣнится, а именно крестьяне получатъ 33⁰/₀ выборщиковъ, землевладѣльцы 26⁰/₀, горожане 41⁰/₀. Первый расчетъ, очевидно, даетъ болѣе правильное понятіе о дѣйствительномъ соотношеніи силъ разныхъ общественныхъ классовъ, такъ какъ города выбирали всего 28 членовъ думы изъ общаго числа 412 депутатовъ Европейской Россіи.

ральные Штаты, значительно расширилъ кругъ избирателей третьяго сословія, доведя его почти до всеобщности. Это было сдѣлано, какъ думалъ Оларъ, потому, что «королевской властью руководила смутная идея прибѣгнуть къ всеобщей подачѣ голосовъ для противодѣйствія буржуазной оппозиціи, къ невѣжеству для борьбы съ просвѣщеніемъ» ¹⁾. Во Франціи это, по словамъ Олара, была смутная идея, руководившая королевской властью; у насъ это была идея, ясно сознанная и точно сформулированная многими членами петергофскихъ совѣщаній. Событія не оправдали ея во Франціи, но опытъ Франціи не послужилъ для насъ урокомъ.

На петергофскихъ совѣщаніяхъ былъ сдѣланъ сильный натискъ на булыгинскій проектъ въ его измѣненномъ видѣ. А. С. Стишинскій, А. П. Струковъ, гр. А. А. Бобринскій, А. А. Нарышкинъ, гр. А. П. Игнатьевъ говорили противъ проекта и требовали выборовъ чисто сословныхъ, исходя изъ интересовъ дворянства, которые, по ихъ мнѣнію, системой булыгинскаго проекта приносятся въ жертву.

„Ваше Императорское Величество, говорилъ Стишинскій, простите мнѣ, если я откровенно скажу, что отъ того удара, который нанесенъ будетъ дворянству предлагаемою въ проектѣ учрежденія думы системой выборовъ, оно не оправится“.

„Въ цѣломъ своемъ составѣ, говорилъ гр. А. А. Бобринскій, дворянство есть сила, вносящая во всѣ дѣла, въ которыхъ оно участвуетъ, начала благородства и яснаго сознанія общественнаго блага, и потому нужно выборы построить на сословномъ началѣ“.

А. С. Стишинскій высказалъ даже мысль, что выборная система проекта сама по себѣ есть система конституціонная, подрывающая основы самодержавія.

„Если разсматривать предстоящее измѣненіе строя государственныхъ нашихъ учреждений, сказалъ онъ, какъ дарованіе новыхъ политическихъ правъ населенію и какъ привлеченіе народа къ законодательной власти, то постановка выборовъ на предлагаемыхъ проектомъ учрежденія думы основаніяхъ представляется, конечно, правильною и полезною. Стремленіе его составителей уловить желаніе различныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ по числу, группъ населенія. Послѣдовательно при этомъ допустить сліяніе выборщиковъ въ губерніи въ общую массу и допустить предвыборную агитацію.“

Но можно взглянуть на предуказанія Вашего Величества, объявленныя въ рескриптѣ 18 февраля 1906 г., и съ иной точки зрѣнія. Можно разсматривать учрежденіе думы, какъ послѣдствія возложенія на населеніе новой и весьма важной государственной обязанности, тягла — выставить достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ и ими избранныхъ людей для помощи правительству въ дѣлѣ законодательства. Я лично принадлежу къ числу тѣхъ, которые придадутъ такое именно толкованіе словамъ рескрипта 18 февраля, и потому являюсь рѣшительнымъ сторонникомъ построенія выборовъ на сословномъ началѣ“.

Однако, нашлись и защитники системы куріальной. Къ ихъ числу принадлежали не только либералы, какъ Таганцевъ и Ключевскій, но и значительная часть министровъ, и другихъ сановниковъ, не думавшихъ, конечно, колебать значеніе дворянства.

¹⁾ Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва 1902. стр. 87.

Но натискъ на притязанія дворянства, и притомъ съ ультра-консервативной точки зрѣнія, былъ сдѣланъ также съ такой стороны, съ которой этого труднѣе было ожидать, а именно со стороны великаго князя Владиміра Александровича.

Изъ кого, по вашему мнѣнію, рѣзко обратился онъ къ гр. Бобринскому, состоитъ совѣтъ министровъ: изъ революціонеровъ? Въ числѣ министровъ, вотъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, — есть крупные землевладѣльцы, которые никогда не порывали связи со своими помѣстьями. А вѣдь они не возражали, не отстаивали сословности дворянскихъ выборовъ, а стремились только обезпечить согласный къ монаршей волею составъ думы. Если не вѣрить большинству совѣта министровъ, то кому же вѣрить? Такимъ дворянамъ, какъ графъ Бобринскій?

Гр. А. А. Бобринскій. Меня никто не устрашитъ и не воспрепятствуетъ изложить передъ лицомъ вашего императорскаго величества все то, что я считаю долгомъ повергнуть на ваше благовозрѣніе по совѣсти и по любви къ родинѣ.

Е. и. в. вел. кн. Владиміръ Александровичъ. И я говорю то, что думаю.

И далѣе:

Е. и. в. вел. кн. Влад. Алекс. Позвольте васъ спросить, къ какому сословію принадлежатъ князья Долгорукіе, Трубецкіе, Голицыны. Шаховскіе, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичъ?.. Они дворяне. А что они говорятъ и пишутъ?

А. А. Нарышкинъ. Нѣтъ сомнѣнія...

Е. и. в. в. кн. Влад. Алекс. Я не о сомнѣніи говорю. Они дворяне—я васъ спрашиваю?.. Ну!

А. А. Нарышкинъ. Они заражены ложными и превратными мнѣніями. Ваше величество, дозвольте мнѣ отвѣтить его императорскому высочеству. Названныя лица принадлежатъ, конечно, къ дворянскому сословію, но они люди другого направленія, нежели большинство дворянъ. Дворянство не выбрало бы ихъ своими представителями въ думу, если бы выборы были, какъ мы предлагаемъ, сословными. При смѣшанной же системѣ выборовъ, которая предлагается разсматриваемымъ нами проектомъ, они имѣютъ всѣ шансы проникнуть въ составъ думы.

Е. и. в. в. кн. Влад. Алекс. Какіе могутъ быть разговоры о сословномъ духѣ и традиціяхъ дворянскаго сословія послѣ всего того, что произошло! Если бы дворянство было мало-мальски объединено и сплочено, то такіе дворяне, какъ Петрункевичъ, были бы давно исключены изъ состава дворянъ и не были бы нигуда приняты. Было ли это сдѣлано, я васъ спрашиваю?..

Въ результатѣ преній Николай II согласился съ защитниками министерскаго проекта, и онъ былъ принятъ лишь съ не-особенно существенными частичными поправками. 6 августа 1905 г. онъ сталъ закономъ. Но законъ въ жизнь не вступилъ.

III.

Событія шли быстро, и скоро стало очевиднымъ, что на этомъ остановиться нельзя. Октябрскимъ манифестомъ, вызваннымъ всеобщей забастовкой, было возвѣщено расширеніе избирательнаго права, и напряженная общественная атмосфера требовала исполненія обязательства.

Совѣту министровъ,—на этотъ разъ первому «конституционному» совѣту подъ предсѣдательствомъ графа Витте,—было по-

ручено представить свои соображенія. Совѣтъ министровъ подвергъ пересмотру законъ 6 августа и выработалъ свой новый проектъ. Въ объяснительной запискѣ ¹⁾ къ его проекту говорится, что законъ 6 августа, охватываетъ наиболѣе значащія и солидныя группы населенія. Но все-таки онъ не распространяется на нѣкоторыя болѣе мелкія и какъ бы промежуточныя общественныя дѣленія, среди коихъ главнаго вниманія заслуживаютъ:

1. Средніе и низшіе разряды городского населенія, черпающіе средства къ жизни отчасти въ умственномъ трудѣ, отчасти въ торговлѣ и промыслахъ.

2. Классы лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ внѣ городскихъ поселеній, не сливающіеся съ населеніемъ земледѣльческимъ.

3. Нѣкоторые разряды мелкихъ землевладѣльцевъ, а равно лицъ, хотя и обрабатывающихъ землю, но не связанныхъ съ нею правомъ собственности.

4. Рабочіе.

И вотъ совѣтъ министровъ рѣшилъ распространить право голоса на этихъ лицъ, а именно, на первыя двѣ группы посредствомъ соотвѣтственнаго расширенія ценза для городской куріи избирателей, на третью—посредствомъ соотвѣтственнаго расширенія ценза для куріи избирателей уѣздныхъ, на четвертую—посредствомъ созданія для нихъ особой куріи рабочихъ. Общая основа системы избирательнаго права, въ томъ числѣ система курій, многостепенность и даже самое распредѣленіе выборщиковъ было оставлено въ прежнемъ видѣ, только для рабочихъ было прибавлено 208 выборщиковъ, и общее число ихъ по 51 губерніямъ Европейской Россіи со Ставропольской достигло такимъ образомъ 6046, понизивъ процентное отношеніе крестьянскихъ выборщиковъ къ общему ихъ числу до 41,9⁰/₀, землевладѣльческихъ до 32,4⁰/₀, городскихъ до 22,1⁰/₀; на долю рабочихъ досталось 3,4⁰/₀.

Однако, время было бурное, и совѣтъ министровъ самъ не былъ увѣренъ въ томъ, что подобное частичное расширеніе избирательнаго права при сохраненіи булыгинской системы (куріальность и многостепенность) можетъ успокоить расходившееся море и удовлетворить народъ, громко требовавшій всеобщаго избирательнаго права.

Поэтому совѣтъ министровъ поставилъ себѣ вопросъ, «не правильнѣе-ли перейти къ общей подачѣ голосовъ въ возможно осторожной формѣ», тѣмъ болѣе, что начало это въ той или другой

¹⁾ Объяснительная записка называется: „Меморія совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ предужаваній, возвыщенныхъ въ пунктѣ 2-мъ манифеста 17 октября 1906 г.“ (22 печатныхъ страницы in folio). Изъ меморіи видно, что въ совѣтъ министровъ для обсужденія вопроса о реформѣ избирательнаго права, кромѣ министровъ, были особо приглашены статсъ-секретари: гр. Д. М. Сольскій, Э. В. Фришъ, А. А. Сабуровъ, Н. С. Таганцевъ.

степени во всякомъ случаѣ приходится примѣнить къ выборамъ отъ рабочихъ.

Обсудилъ этотъ вопросъ совѣтъ министровъ на этотъ разъ не только въ общей формѣ, какъ это было сдѣлано полгода назадъ.

Двумъ лицамъ, и притомъ не чиновникамъ, но людямъ изъ общества, именно А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову было поручено разработать проектъ избирательнаго права, основанный на всеобщности, и этотъ проектъ подвергся обсужденію въ совѣтѣ. И въ совѣтѣ все же нашлось нѣсколько его защитниковъ. Въ меморіи не сказано, кто именно принадлежалъ къ ихъ числу, но судя по послѣдующимъ выступленіямъ на царскосельскихъ совѣщаніяхъ, можно думать, что это были Кутлеръ и Тимирязевъ, а можетъ быть, и еще кто-нибудь.

Тѣмъ не менѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ проектъ былъ отклоненъ. Въ меморіи приводятся для этого слѣдующія основанія.

«Широкія массы населенія обыкновенно принимаютъ участіе въ выборахъ лишь съ чужого голоса, слѣдуя указаніямъ политическихъ партій. Между тѣмъ такихъ партій у насъ почти совсѣмъ не имѣется, единственная же существующая, сплоченная и организованная партія есть партія революціонная, которая, конечно, сильнѣе всѣхъ будетъ работать при выборахъ и, несомнѣнно, достигнетъ весьма значительныхъ результатовъ». Еще важнѣе то, что всеобщее голосованіе «разбиваетъ общество на отдѣльныя части и выводитъ ихъ изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ онѣ состоятъ въ дѣйствительной жизни; при нашихъ общественныхъ условіяхъ въ общей массѣ голосовъ совершенно растворяются немногія и пока еще единственныя культурныя органическія части общества: частные землевладѣльцы, вся крупная промышленность, наконецъ, всѣ образованные классы».

Отвергнувъ проектъ всеобщаго избирательнаго права, совѣтъ министровъ тѣмъ не менѣе не призналъ возможнымъ исключить изъ круга своихъ сужденій вопроса объ установленіи выборовъ по системѣ всеобщей подачи голосовъ, дабы, выяснивъ наиболѣе соотвѣтствующія быту и степени развитія населенія условія ея примѣненія, имѣть возможность съ достаточной опредѣлительностью освѣтить вопросъ этотъ на случай, если вашему императорскому величеству благоугодно было бы остановить на немъ августѣйшее вниманіе ¹⁾).

И вотъ, разобравъ вопросъ о предпочтительности прямыхъ или многостепенныхъ выборовъ, совѣтъ министровъ, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя заставили его высказаться противъ всеобщности, призналъ, что если все-таки рѣшено будетъ принять принципъ всеобщности, то выборы нужно будетъ сдѣлать двухстепенными, такъ какъ исходъ прямыхъ выборовъ можетъ явиться

¹⁾ Меморія.

результатомъ совершенной случайности и при томъ въ направленіи, нисколько не соответствующемъ дѣйствительнымъ желаніямъ и намѣреніямъ народа. Изъ меморіи не видно, былъ ли первоначальный проектъ Гучкова и Шипова построенъ на началѣ двухстепенности, или она была внесена въ него послѣ его переработки ¹⁾.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе гучковскаго проекта.

Правомъ активного голоса пользуются всѣ русскіе подданные мужского пола, достигшіе 25-лѣтняго возраста, за исключеніемъ монаховъ, учащихся, инородцевъ и, наконецъ, лишенныхъ правъ судебнымъ приговоромъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, а также судившихся и судомъ не оправданныхъ (эта формула закона 6 августа дѣликомъ вошла и въ проектъ Гучкова и Шипова).

Проектъ беретъ изъ закона 6 августа особое представительство для крестьянъ и казаковъ въ числѣ 54 членовъ думы и только остальныхъ 462 депутатовъ избираетъ всеобщимъ голосованіемъ.

Выборы мажоритарные по системѣ отдѣльныхъ округовъ съ населеніемъ приблизительно въ 250.000 душъ каждый. Раздѣленіе страны на округа должно быть произведено губернскими земскими собраніями, городскими думами большихъ городовъ; тамъ же, гдѣ земскія учрежденія не введены—губернскою по дѣламъ о выборахъ комиссіей.

Цензъ осѣдлости опредѣленъ въ 6 мѣсяцевъ.

Выборы двухстепенные

Въ каждомъ участкѣ, на который дѣлятся округъ, избирается по одному выборщику на 2000 душъ населенія, причемъ изъ булыгинскаго проекта сюда перешла система просѣиванія: избиратели могутъ выбирать только лицъ, имѣющихъ право голоса въ данномъ участкѣ. Но на избраніе членовъ думы это распространяется не въ полномъ объемѣ: къ баллотировкѣ на съѣздѣ выборщиковъ могутъ быть предложены выборщики, хотя бы они не обладали имущественнымъ цензомъ, но также и другія лица, пользующіяся активнымъ правомъ въ предѣлахъ даннаго округа, если они удовлетворяютъ имущественному цензу (владѣніе недвижимымъ имуществомъ или торговымъ предпріятіемъ въ теченіе не менѣе, чѣмъ годъ).

Изъ булыгинскаго проекта Гучковъ и Шиповъ заимствовали стѣснительныя условія для избирательной агитаціи, хотя все-таки нѣсколько расширили ихъ. Въ подготовительныхъ собраніяхъ избирателей могутъ присутствовать только лица, внесенныя въ избирательный списокъ даннаго участка, причемъ полиція должна слѣдить за тѣмъ, чтобы это правило не нарушалось; но—и въ этомъ нѣкоторое расширеніе стѣснительныхъ правилъ закона

¹⁾ Въ „Дѣлѣ“, которымъ мы пользуемся, нѣтъ текста первоначальнаго гучковскаго проекта, и потому мы излагаемъ его по тому „нѣсколько переработанному“ (повидимому, совѣтомъ министровъ) тексту, который обсуждался на царскосельскихъ совѣщаніяхъ.

6 августа — она не должна входить на самое подготовительное собрание.

Во 2-ой день декабря 1905 г. «Государь императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ для разсмотрѣнія предположеній совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ пред-указаній, возвыщенныхъ въ пунктѣ 2-мъ манифеста 17 октября 1905 г., образоватъ, подѣ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, совѣщаніе при участіи его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича. Въ составъ совѣщанія назначить предсѣдателя государственнаго совѣта, предсѣдателя совѣта министровъ, предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта», и т. д. «Въ совѣщаніе призвать для представленія объясненій дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ барона Корфа и въ званіи камергера Шипова, Богородицкаго, Тульской губерніи уѣзднаго предводителя дворянства графа Бобринскаго и гласнаго московской столичной думы Гучкова».

Въ основу обсужденія для совѣщанія, какъ видно изъ самаго текста высочайшаго повелѣнія, былъ положенъ проектъ совѣта министровъ (называвшійся на совѣщаніи проектомъ № 1), но также и проектъ Гучкова и Шипова (называвшійся проектомъ № 2) въ нѣсколько переработанномъ видѣ.

Первымъ вопросомъ, который подлежалъ обсужденію на Царскосельскихъ совѣщаніяхъ, былъ вопросъ о томъ, какой проектъ положить въ основу дальнѣйшаго обсужденія. Это былъ споръ между цензовымъ началомъ и всеобщностью.

Шиповъ и Гучковъ высказались, конечно, за свой проектъ. За него же высказались изъ министровъ Кутлеръ и Тимирязевъ. Оберъ-прокуроръ Синода Оболенскій высказался неопредѣленно: одинъ разъ за проектъ, другой — противъ. В. А. Бобринскій произнесъ довольно путанную рѣчь, которая все же заставляетъ думать, что онъ былъ сторонникомъ проекта № 2 ¹⁾.

Напротивъ, Стишинскій, Фришъ, Треповъ, Рихтеръ, Дурново и, что особенно удивительно, Таганцевъ высказались противъ проекта всеобщаго избирательнаго права, причемъ послѣдній выставилъ два соображенія: 1) проектъ совѣта министровъ можно осуществить быстрѣе, 2) важно, чтобы порядокъ выборовъ былъ тотъ же, какъ и по положенію 6 августа; иначе устранено будетъ вліяніе землевладѣльцевъ, помѣщиковъ и торгово-промышленныхъ классовъ, и останется одна сѣрая масса.

Крайне двусмысленно было поведеніе гр. С. Ю. Витте, который критиковалъ оба проекта, причемъ, когда «разсуждалъ

¹⁾ Нѣкоторыя мѣста его рѣчи заставляютъ думать, что они записаны не точно. Что, напримѣръ, хотѣлъ сказать гр. Бобринскій, говоря, что Бельгія и Англія отъ всеобщаго избирательнаго права перешли къ цензовому? Это настолько невѣрно, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько плохо связано съ общимъ содержаниемъ рѣчи, въ общемъ, впрочемъ, путанной, что легче приписать ошибку стенографу, чѣмъ гр. Бобринскому.

умомъ, то склонялся въ пользу второго проекта, но когда дѣйствовалъ по чутью, то боялся этого проекта».

Повидимому, его рѣчь произвела наибольшее впечатлѣніе на его императорское величество, которое тоже отвергло второй проектъ, такъ какъ «чутье подсказало, что его нельзя принять: итти слишкомъ большими шагами нельзя. Сперва—всеобщее голосованіе, а затѣмъ недалеко и до демократической республики». Его величество, очевидно, не предвидѣло, что существуетъ и другой путь: сперва сравнительно широкая, хотя не всеобщая и куріальная система, затѣмъ государственный переворотъ, совершенно устраняющій права народныхъ массъ, а затѣмъ революція и анархія.

В. Водовозовъ.

Протоколы.

Государь императоръ, во 2 день декабря 1905 года, высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Для разсмотрѣнія предположеній совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ пунктѣ 2 манифеста 17 октября 1905 года, образовать, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, совѣщаніе, при участіи е. и. в. великаго князя Михаила Александровича.

II. Въ составъ совѣщанія назначить предсѣдателя государственнаго совѣта, предсѣдателя совѣта министровъ, предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта: законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и промышленности, наукъ и торговли; членовъ государственнаго совѣта: генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Рихтера, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сабурова 1-го, генераль-адъютанта, генерала-отъ-кавалеріи графа Игнатьева 2-го, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: Таганцева и Верховскаго, шталмейстера князя Оболенскаго 1-го, гофмейстера Булыгина, шталмейстера барона Будберга и тайнаго совѣтника Стишинскаго, членовъ совѣта министровъ, государственнаго секретаря, управляющаго дѣлами комитета министровъ и свиты е. и. в. генераль-маіора Трепова.

III. Въ совѣщаніе призвать, для представленія объясненій, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ барона Корфа и въ званіи камергера Шипова, Богородицкаго, Тульской губерніи уѣзднаго предводителя дворянства графа Бобринскаго и гласнаго московской столичной думы Гучкова.

IV. Дѣлопроизводство по совѣщанію возложить на товарища государственнаго секретаря, при участіи чиновъ государственной канцеляріи и помощника начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго ховяства министерства внутреннихъ дѣлъ.

Статсъ-секретарь (подписалъ) графъ Витте.

По высочайшему повелѣнію, объявленному его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ составъ совѣщанія, въ качествѣ члена онаго, призванъ былъ состоящій въ распоряженіи его высочества генераль-маіоръ Чарторійскій.

Составъ совѣщанія,

подъ личнымъ е. и. в. предсѣдательствомъ, для разсмотрѣнія предположеній совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ пунктѣ 2 манифеста 17 октября 1905 года.

Е. и. в. великій князь Михаилъ Александровичъ.

Предсѣдатель государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій.

Предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Эдуардъ Васильевичъ Фришъ.

Членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ.

Предсѣдатель департамента промышленности, наукъ и торговли государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, адмиралъ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ.

Членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Александровичъ Сабуровъ 1-й.

Членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ 2-й.

Предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Витте.

Министръ императорскаго двора и удѣловъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи баронъ Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ.

Предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Яковлевичъ Голубевъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Владиміръ Николаевичъ Ламздорфъ.

Членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Степановичъ Таганцевъ.

Членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Владиміръ Владиміровичъ Верховскій.

Военный министръ, генераль-лейтенантъ Александръ Федоровичъ Редигеръ.

Морской министръ, вице-адмиралъ Алексѣй Алексѣевичъ Вирилевъ.

Членъ государственнаго совѣта, шталмейстеръ князь Александръ Дмитріевичъ Оболенскій 1-й.

Членъ государственнаго совѣта, гофмейстеръ Александръ Григорьевичъ Булыгинъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, гофмейстеръ графъ Пванъ Ивановичъ Толстой.

Членъ государственнаго совѣта, шталмейстеръ баронъ Александръ Андреевичъ Будбергъ.

Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, шталмейстеръ князь Алексѣй Дмитриевичъ Оболенскій 2-й.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Петръ Николаевичъ Дурново.

Членъ государственнаго совѣта, тайный совѣтникъ Александръ Семеновичъ Стишинскій.

Государственный секретарь, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ баронъ Юлій Александровичъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ.

Управляющій дѣлами комитета министровъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ баронъ Эммануилъ Юльевичъ Польде.

Министръ юстиціи, тайный совѣтникъ Сергѣй Сергѣевичъ Манухинъ.

Министръ торговли и промышленности, тайный совѣтникъ Василій Ивановичъ Тимирязевъ.

Министръ финансовъ, тайный совѣтникъ Иванъ Павловичъ Шиповъ.

Министръ путей сообщенія, тайный совѣтникъ Клавдій Семеновичъ Немѣшаевъ.

Государственный контролеръ, въ должности шталмейстера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Философовъ.

Главнoуправляющій землеустройствомъ и земледѣіемъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Кутлеръ.

Дворцовый комендантъ, свиты е. и. в. генераль-маіоръ Дмитрій Федоровичъ Треповъ.

Состоящій въ распоряженіи е. и. в. великаго князя Михаила Александровича генераль-маіоръ Александръ Васильевичъ Чарторійскій.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Павелъ Леопольдовичъ Корфъ.

Въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Шиповъ.

Вогородицкій, Тульской губерніи, уѣздный предводитель дворянства, графъ Владиміръ Алексѣевичъ Вобринскій.

Гласный московской столичной думы, Александръ Ивановичъ Гучковъ.

Завѣдывающій дѣлопроизводствомъ совѣщанія:

Товарищъ государственнаго секретаря, тайный совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ.

Командированные для занятій подѣлопроизводству совѣщаній:

Статсъ-секретарь государственнаго совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Григорьевичъ Тимротъ.

Помощникъ начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Ефимовичъ Крыжановскій.

Помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера Александръ Федоровичъ Треповъ.

Засѣданія совѣщанія происходили въ Царскомъ Селѣ, въ Большомъ дворцѣ; засѣданія начинались: 5 и 7 декабря въ 11 часовъ утра, а 9 декабря—въ 2 часа 30 минутъ пополудни и оканчивались между 7 и 7^{1/2} часами вечера.

Засѣданіе 5 декабря 1905 года.

Е. и. в. Въ предстоящемъ намъ дѣлѣ я ожидаю отъ всѣхъ самаго откровеннаго и искренняго изложенія своего мнѣнія. Я желаю выслушать мнѣніе москвичей.

Д. Н. Шиповъ. Ваше императорское величество. Я не могу прежде всего не остановиться на томъ, въ какое время намъ приходится обсуждать настоящее дѣло. Грозное время переживаетъ Россія: смута, деморализація проникли въ общество, утеряно всякое сознаніе не только гражданскихъ, но и нравственныхъ обязанностей; исчезло понятіе долга. При такихъ условіяхъ совершенно необходимо организованное взаимодѣйствіе правительства и общества, а въ дѣйствительности между правительствомъ и обществомъ—пропасть. Основанія къ умиротворенію страны положены манифестомъ 17 октября. Теперь самое важное опубликовать какъ можно скорѣе законъ о выборахъ и опредѣлить срокъ созыва государственной думы. Составъ ея долженъ пользоваться довѣріемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ в. и. в. Предугадать теперь, каковъ будетъ этотъ составъ—невозможно, но особенно важно, чтобы избирательная система была построена на правильныхъ основаніяхъ и, повторяю, заслужила довѣріе общества. Съ этой точки зрѣнія положеніе 6 августа оставляло желать многого. Оно не встрѣтило необходимаго сочувствія въ обществѣ, и это вполне понятно, такъ какъ къ участію въ политической жизни страны привлекались лишь состоятельные классы. Этотъ законъ далъ крайнимъ партіямъ почву для распространенія революціоннаго движенія среди массъ, которымъ указывалось, что онѣ исключены отъ участія въ выборахъ. Совершенно иное значеніе имѣетъ манифестъ 17 октября. Эта монаршая милость вызвала глубокую радость въ сердцахъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, и лишь революціонныя партіи не сочувствуютъ ей, такъ какъ она открываетъ путь къ столь нежелательной для нихъ организаціи взаимодѣйствія между правительствомъ и обществомъ. Идея всеобщаго голосованія—достоинство всего русскаго народа, за немногими исключеніями. Не говоря уже о печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ городскихъ думахъ высказываются въ этомъ смыслѣ. Въ настоящее время происходитъ группировка политическихъ партій, и вездѣ одинаково выставляется одно и то-же тре-

бование всеобщаго голосованія. Безъ провозглашенія принципа всеобщаго избирательнаго права нѣтъ возможности разсчитывать вообще на производство выборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ революціонная пропаганда найдетъ для себя слишкомъ благопріятную почву. Манифестъ 17 октября даровалъ всѣмъ вѣрноподданнымъ в. в. гражданскую свободу; и имъ же всѣмъ должно быть обеспечено участіе въ избирательныхъ собраніяхъ. Обыкновенно ссылаются на представительство интересовъ, какъ на основаніе для цензоваго начала при выборахъ.

Становясь на историческую почву нашихъ государственныхъ интересовъ, слѣдуетъ ожидать, что въ думу войдутъ лучшіе люди не для защиты своихъ личныхъ интересовъ, а для общей работы на благо всего государства. Равное избирательное право нельзя осуществить, если будетъ установлена классовая система выборовъ. Всегда будутъ лица, устраненныя отъ участія въ выборахъ, какъ, напримѣръ, жена или неотдѣленный сынъ квартиронанимателя. И этимъ можетъ быть были бы устранены отъ участія въ выборахъ именно столь желательные консервативные элементы общества. Въ основаніе избирательной системы долженъ быть положенъ принципъ демократическій. Дума будетъ наиболѣе консервативной только въ томъ случаѣ, если возможность участвовать въ выборахъ будетъ дана всему русскому народу, а не отдѣльнымъ его классамъ. И такъ какъ у насъ всѣ платятъ косвенные налоги, то въ думѣ должны быть представители всѣхъ интересовъ, и притомъ разъ большинство русскаго народа—земледѣльцы, то представительству слѣдуетъ дать характеръ демократическій. Съ этой точки зрѣнія я высказываюсь противъ проекта № 1, какъ дающаго совершенно незаслуженно особое представительство рабочему классу. Примирить крайнія партіи не только невозможно, но, мнѣ думается, и нежелательно. Надо только отнять у нихъ возможность дальнѣйшаго противодѣйствія правительственной власти и въ частности производству выборовъ. По моему убѣжденію, слѣдуетъ принять проектъ № 2, и я нахожу, что если мы на немъ остановимся, то выборы могутъ быть организованы весьма скоро, такъ какъ составленіе списковъ избирателей не будетъ сопряжено съ необходимостью безконечной ихъ провѣрки. Но и по этому проекту № 2 я имѣю нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ, прежде всего, статья 6 его предоставляетъ особые права крестьянамъ. У меня возникаетъ вопросъ, насколько такая постановка явится справедливою по отношенію ко всему остальному населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне могутъ думать, что правительство имъ не довѣряетъ, не вѣритъ тому, что они дѣйствительно вѣрутъ своихъ кандидатовъ. Обыкновенно видать недостатку всеобщаго выборнаго начала въ возможности абсентеизма. Я утверждаю, что именно при проектированной системѣ крестьяне откажутся отъ дальнѣйшаго участія въ выборахъ совместно съ господами. Если принять эту систему, то нельзя разсчитывать на сознательные выборы, и представителемъ отъ крестьянъ Московской

губерніи явится, напимѣрь, извѣстный книгоиздатель, предсѣдатель крестьянскаго союза, Куркинъ, принадлежащій къ социаль-революціонной партіи. Крестьяне желаютъ, чтобы въ государственной думѣ былъ представитель отъ каждаго уѣзда. Для этого можетъ быть, слѣдуетъ установить число членовъ думы не прямо пропорціонально количеству населенія. Каждый уѣздъ въ сто—триста тысячъ населенія можетъ составить одинъ избирательный округъ; уѣзда съ населеніемъ менѣе ста тысячъ можетъ быть присоединенъ къ другому уѣзду, а уѣздъ съ населеніемъ болѣе трехсотъ тысячъ—составить два избирательныхъ округа и избрать въ думу двухъ представителей. Въ такомъ случаѣ будетъ отъ 600 до 650 членовъ государственной думы. Затѣмъ, я не вижу достаточныхъ основаній проводить такое строгое ограниченіе пассивнаго избирательнаго права, какое установлено статьею 56 проекта, не допускающую избранія въ члены думы лицъ, не принадлежащихъ къ данному избирательному участку либо округу.

А. И. Гучковъ. Разсматриваемый законъ имѣетъ огромное значеніе, даже большее, чѣмъ аграрный. Отъ того или иного его разрѣшенія въ значительной степени зависитъ, выйдемъ или не выйдемъ мы изъ переживаемаго кризиса. Въ положеніи 6 августа есть, несомнѣнно, извѣстная продуманность и послѣдовательность: имѣлось въ виду привлечь къ участію въ выборахъ состоятельные классы населенія и крестьянъ. Главный недостатокъ этого положенія заключается въ томъ, что отъ участія въ выборахъ устраняется слишкомъ много лицъ. Такъ, напимѣрь, въ Москвѣ по положенію 6 августа должно бы быть всего 8.200 избирателей, между тѣмъ какъ при принятіи всеобщаго избирательнаго закона ихъ будетъ свыше 300,000 человекъ. Какъ доказательство чрезвычайной высоты ценза по положенію 6 августа укажу на себя. По квартирному цензу я не попадалъ бы въ число избирателей, хотя и долженъ считаться въ числѣ лицъ состоятельныхъ, принадлежащихъ къ *haute finance*. Теперь передъ нами два проекта. По первому изъ нихъ также устанавливается извѣстный цензъ, и затѣмъ къ участію внѣ его привлекаются рабочіе, наиболѣе же мирные и спокойные элементы все-таки устраняются. Къ числу этихъ устраненныхъ въ деревнѣ принадлежатъ неотдѣленные сыновья и братья, а въ городахъ—все престоное, за исключеніемъ того, которое живетъ на фабрикахъ и заводахъ. Словомъ, именно тѣмъ элементамъ, которые наиболѣе шумѣли послѣ 6 августа, дается премія. Рабочіе обособливаются въ особый классъ. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа этихъ послѣднихъ выдѣляется, т.-е. устраняется отъ участія въ выборахъ, миллионная масса и притомъ самая консервативная—стрѣлочники, сторожа, извозчики, ремесленники и т. п. Обособленіе же фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ идетъ до самаго верху. Они имѣютъ въ думѣ особое представительство въ лицѣ 14 депутатовъ. Эти послѣдніе будутъ, несомнѣнно, держать въ рукахъ нити всего рабочаго движенія и будутъ диктовать и правительству, и обществу, и народу свои

условія. Это будетъ организованный стачечный союзъ. Мнѣ думается, что вовсе не слѣдуетъ бояться народныхъ массъ. Наоборотъ, именно привлеченіемъ этихъ массъ къ участию въ политической жизни страны будетъ достигнуто наиболѣе прочное и серіозное успокоеніе ихъ. На мой взглядъ дарованіе всеобщаго избирательнаго права неизбежно, и если не дать его теперь, то въ ближайшемъ будущемъ его вырвутъ. Между тѣмъ принятіе этого принципа теперь же, было бы актомъ довѣрія и милости. Поэтому я высказываюсь за проектъ № 2. По этому проекту я имѣю замѣчаніе только по статьѣ 56, а именно, не могу не отмѣтить узкости пассивнаго избирательнаго права и нахожу, что требованіе о принадлежности лица, выбираемаго въ члены государственной думы, къ данному избирательному округу, представляется слишкомъ стѣснительнымъ.

Баронъ П. Л. Корфъ. В. и. в.! До сихъ поръ я всегда думалъ, что всеобщее избирательное право въ Россіи невысказано. Не далѣе какъ въ минувшемъ мартѣ я стоялъ еще на почвѣ существующихъ выборовъ—земскихъ и городскихъ. Но теперь, крайность настоящаго положенія заставляеть меня отступить отъ этого взгляда, и я склоняюсь къ принятію проекта № 2. Соглашаясь поэтому съ говорившими ранѣе меня, не могу лишь не указать, что они недостаточно сильно подчеркнули бѣдствія нынѣшняго времени. Некультурность массъ всячески эксплуатируется революціонерами. Между тѣмъ дарованіе всеобщаго избирательнаго права должно всѣхъ удовлетворить. Никто не будетъ обойденъ, и благодаря этому въ составъ будущей думы войдетъ огромная масса консервативныхъ элементовъ, а затѣмъ нечего будетъ опасаться, что выбраны будутъ анархисты; несочувствующее имъ настроеніе уже теперь начало проявляться. Скорѣе можно опасаться косности нашихъ избирателей. Теперь радикальные элементы требуютъ созыва учредительнаго собранія. Если дать узкое избирательное право, то вопросъ о расширеніи его на основаніи манифеста 17 октября возникнетъ, несомнѣнно, на первыхъ же порахъ и въ государственной думѣ. Между тѣмъ, производствъ новыхъ выборовъ весьма нежелательно. Мнѣ кажется, что необходимо отнять у думы всякую охоту заниматься вновь избирательнымъ закономъ. Что касается въ частности проекта № 2, то я не допускалъ бы обособленнаго представительства крестьянъ. Имъ и такъ уже дается много новыхъ голосовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, устраненіемъ этого обособленія, упростится техника выборовъ. Главное, что нужно, это не допускать никакой отсрочки въ ихъ производствѣ. Затѣмъ я имѣю возраженія по статьямъ 60, 63 и 64 проекта, устанавливающимъ повторный созывъ избирательныхъ собраній, что ведетъ къ затяжкѣ, затѣмъ предписывающимъ, предварительно баллотировки, выборъ кандидатовъ посредствомъ записокъ и допускающимъ избраніе не по абсолютному, а по относительному большинству голосовъ. Впрочемъ, вообще нѣтъ совершенныхъ законовъ, а потому я не буду останавливаться на подроб-

ностяхъ проекта. Теперь самое важное сохранить государство; для этого же необходимо произвести выборы какъ можно скорѣе и указать нынѣ же наиболѣе короткій по возможности срокъ созыва государственной думы. Текстъ закона—вопросъ второстепенный...

Графъ В. А. Бобринскій. В. и. в. Самое существенное, на мой взглядъ, чтобы законъ былъ возможно скорѣе опубликованъ, и чтобы былъ теперь же указанъ день созыва государственной думы. Въ настоящую минуту это боевой вопросъ. Намъ всѣмъ нуженъ лозунгъ и этимъ лозунгомъ должны быть царь и государственная дума. Вся Россія ждетъ избирательнаго закона; мы всѣ ждемъ его, и не какъ осуществленія дарованныхъ намъ правъ, а какъ знамени для борьбы. Недавно, еще въ то время, когда я уѣхалъ сюда, я стоялъ за выборы по классовымъ интересамъ. Но теперь я поколебленъ и нахожу, что дума нужна не для разрѣшенія тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ вопросовъ, а для спасенія государства и государя. Нынѣ затронуты не классовые интересы, а интересы всей Россіи. Нельзя не считаться и съ тѣмъ, что имѣются примѣры перехода отъ всеобщаго избирательнаго права къ цензовому. Укажу на Бельгію и Англію. То, что я теперь высказываю, это то, что я испыталъ здѣсь въ присутствіи в. и. в. Надо прежде всего поднять народный духъ, надо создать подъемъ въ униженномъ обществѣ и этимъ помочь государству въ бѣдѣ. Я не сомнѣваюсь, что государственный смыслъ сохранился у крестьянъ. Между тѣмъ, при сословныхъ выборахъ могутъ пройти въ думу такіе господа, какъ Куркинъ, такъ какъ крестьяне въ уѣздѣ, не говоря уже о губерніи и С.-Петербургѣ, попадутъ подъ вліяніе интеллигенціи. Что касается производства выборовъ въ волостяхъ посредствомъ баллотировки, то это трудно выполнимо, а потому слѣдуетъ въ этомъ случаѣ поступиться тайною подачею голосовъ. Надо бы предоставить каждому заявить о своемъ кандидатѣ председателю избирательной комиссіи. Затѣмъ было бы чрезвычайно желательно, чтобы каждый уѣздъ имѣлъ въ государственной думѣ своего представителя.

Д. Н. Шиповъ. Радикалы требуютъ созыва учредительнаго собранія; они и въ думу пойдутъ для проведенія этого требованія. Мы же, члены союза 17 октября, хотимъ укрѣпленія власти и проведенія возвыщенныхъ в. и. в. реформъ. Если будетъ принято всеобщее избирательное право, то наши кандидаты пройдутъ; если же нѣтъ—будутъ выбраны именно наши противники.

Е. и. в. Благо народа прежде всего. Будетъ-ли оно обезпечено?

Д. Н. Шиповъ. Да, я въ этомъ увѣренъ.

Графъ С. Ю. Витте. Всѣ говорятъ о необходимости скорѣе созвать думу. Но интересно было бы знать, находятъ-ли приглашенные дѣятели возможнымъ производить выборы тамъ, гдѣ происходятъ беспорядки. Во многихъ мѣстахъ всѣ консервативные элементы бѣжали изъ деревни, и населеніе находится всецѣло подъ вліяніемъ революціонеровъ.

Д. Н. Шиповъ. Конечно, трудно рассчитывать, чтобы выборы прошли повсемѣстно съ полнымъ спокойствіемъ. Но разгромы происходятъ на почвѣ аграрной, и присутствіе на выборахъ землевладѣльцевъ едва-ли можетъ произвести на крестьянъ неблагоприятное впечатлѣніе. Въ большинствѣ случаевъ къ нимъ лично крестьяне никакой вражды не питаютъ. Съ другой стороны, я не допускаю малодушія въ землевладѣльцахъ. Къ тому же большая ихъ часть сохранила къ себѣ довѣріе населенія.

Баронъ П. Л. Корфъ. Можно съ увѣренностью сказать, что революціонеры не дадутъ помѣщикамъ пріѣхать на выборы и будутъ препятствовать пройти имъ спокойно. А между тѣмъ созывъ государственной думы—это конецъ революціи. Необходимы поэтому самыя серьезныя мѣры охраны. Для защиты избирателей нужны полиція и войска.

Графъ В. А. Бобринскій. Въ случаѣ насилій уѣздныя комиссіи будутъ кассировать выборы. Если же произойдетъ что-либо подобное тому, что сейчасъ происходитъ въ Лифляндской губерніи, то выборы придется пріостановить. Все это зависитъ, конечно, отъ условій того времени, когда выборы будутъ производиться.

Графъ С. Ю. Витте. Революціонныя силы очень рѣшительны и находчивы, но онѣ немногочисленны. По моему мнѣнію, выборы провести можно почти вездѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, объятыхъ пламенемъ восстанія. Никакой арміи не хватитъ, чтобы обезопасить выборы.

Е. и. в. Имѣтъ-ли кто еще прибавить что-нибудь?

Д. Н. Шиповъ. Другой вопросъ первостепенной важности—вопросъ аграрный. Надо въ издаваемомъ указѣ сказать, что вопросъ этотъ будетъ предоставленъ разрѣшенію государственной думы на основаніяхъ, предуказанныхъ верховною властью. Этимъ путемъ будетъ устраненъ абсентеизмъ крестьянъ отъ выборовъ и достигнуто въ ихъ средѣ успокоеніе. Необходимо повелѣть теперь же озаботиться изготовленіемъ проекта объ аграрной реформѣ для внесенія его въ государственную думу вслѣдъ за ея открытіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы провозгласить нынѣ же тѣ начала, которыхъ правительство предполагаетъ держаться при проведеніи означенной реформы. При этомъ желательно, однако, избѣгать термина дополнительнаго надѣла. Вопросъ объ этомъ можетъ возникнуть среди крестьянъ въ связи съ состоявшеюся отѣною выкупныхъ платежей. Аграрная реформа можетъ быть разрѣшена путемъ расселенія, переселенія, уступки крестьянамъ государственныхъ и удѣльныхъ земель. Экспроприація частныхъ земель можетъ быть допущена только въ исключительныхъ случаяхъ.

О. В. Рихтеръ. Крестьяне интересуются только землею. Если мы остановимся на всеобщемъ избирательномъ правѣ, мы откроемъ, въ сущности, двери интеллигентному пролетариату. Между тѣмъ, этотъ элементъ въ государственной думѣ весьма не жела-

теленъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію Андрея Александровича Сабурова по проекту № 1.

Князь А. Д. Оболенскій 2. Выборы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ 6 августа, уже произведены во многихъ мѣстахъ, и крестьяне уже сжились съ этимъ выборнымъ порядкомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они уже избрали выборщиковъ. Поэтому едва-ли удобно отступать отъ началъ закона 6 августа. Не будетъ никакого постоянства въ дѣйствіяхъ правительства. Что касается самой идеи общаго равноправія всѣхъ передъ государемъ и престоломъ, то это, конечно, идея вполне русская.

Д. Н. Шиповъ. Законъ, а не сознаніе крестьянъ, требовалъ отъ нихъ отдѣльныхъ выборовъ. Они, несомнѣнно, видѣли излюбленныхъ людей въ мѣстныхъ дѣятеляхъ. Особенно важно устранить тѣ условія, которыя создаютъ удобную почву для революціонной пропаганды. Существуетъ предположеніе не допускать въ государственную думу третій элементъ. А я думаю, что при организаціи вообще общественной жизни, этотъ элементъ войдетъ въ правильное ея русло. Если же его не допустить, то онъ пойдетъ въ революцію.

П. Н. Дурново. Излечить смуту нельзя никакими выборами. Не недовольство закономъ 6 августа, а другія, болѣе глубокія, причины поддерживаютъ революціонное движеніе. Мы впадемъ въ большую ошибку, если будемъ смотрѣть на думу съ оппортунистической точки зрѣнія. При общемъ избирательномъ законѣ въ думу попадутъ не государственные элементы. Съ третьимъ элементомъ нужно считаться. Въ 17 губерніяхъ помѣщиковъ грабили, въ Новооскольскомъ уѣздѣ—пять, а въ Петровскомъ—всего лишь три помѣщичьи усадьбы остались неразграбленными. Помѣщики не пойдутъ въ думу вмѣстѣ съ фельдшерами, земскими статистиками и т. п. лицами, такъ недавно еще предводительствовавшими грабительскими шайками, разорявшими ихъ усадьбы. Мы открываемъ двери такимъ людямъ, которые чужды всякихъ традицій и государственнаго дѣла обсуждать не могутъ. Общественнаго мнѣнія въ Россіи теперь нѣтъ. Я нахожу, что государственное дѣло не такъ должно строиться.

Е. и. в. Теперь мы сдѣлаемъ небольшой перерывъ.

По объявленіи перерыва, приглашенные въ засѣданіе, для представленія объясненій, удалились.

Е. и. в. Я прошу не увлекаться рѣчами, а говорить какъ можно болѣе сжато и искренно.

Графъ С. Ю. Витте. Если бы мы обсуждали вопросъ, какъ организовать народное представительство внѣ пространства и времени, то въ такомъ случаѣ законъ 6 августа былъ-бы, можетъ быть, и самый совершенный, и я могъ бы даже предложить сдѣлать въ немъ нѣкоторыя поправки въ еще болѣе консервативномъ направленіи. Нельзя, однако, забывать, что въ настоящее время въ

Россіи происходит революція. Пока движеніе это захватываетъ только высшіе классы, правительство можетъ съ нимъ бороться. Совершенно иное дѣло, когда приходится водворять порядокъ въ народѣ, особенно если при этомъ военныя силы находятся за двѣнадцать тысячъ верстъ. Къ тому же, какія это силы, намъ хорошо неизвѣстно. Въ городахъ, конечно, можно наложить узду, но хаосъ, революція проникли уже въ массу народа, внѣ городовъ. Затѣмъ я нахожу, что для того, чтобы вывести Россію изъ переживаемаго ею кошмара, нельзя ставить государственную думу наряду съ государемъ. Между ними долженъ быть поставленъ государственный совѣтъ въ обновленномъ составѣ. Совѣтъ долженъ быть второю палатою и являться необходимымъ противовѣсомъ думѣ, умѣряя ее. Съ этими двумя исходными точками надо считаться, т.-е. съ тѣмъ, что нельзя обсуждать настоящее дѣло внѣ пространства и времени, и что между государственною думою и государемъ императоромъ долженъ стоять государственный совѣтъ.

Н. С. Таганцевъ. Принятіемъ системы, усвоенной проектомъ № 2, устраняется непосредственное представительство крупныхъ мѣстныхъ интересовъ—землевладѣльческихъ и крестьянскихъ. По закону 6 августа начало выборнаго производства сосредоточивалось въ сельскомъ обществѣ. По проекту же № 2 центръ выборнаго производства передвигается изъ сельского общества въ избирательный участокъ, приуроченный къ волости, при чемъ въ этомъ передвиженіи приметъ участіе болѣе молодая, живая и подвижная часть населенія. Участіе въ выборахъ будетъ обратно пропорціонально возрасту. Такимъ образомъ образуется всеобщая волость, вмѣсто нынѣшней крестьянской: въ нее войдутъ и всѣ рабочіе съ сосѣдней фабрики или завода. Въ результатъ произойдетъ перекройка всей территоріи Россіи, а на это нужно время. Отсюда вытекаетъ третье соображеніе: скорѣйшій созывъ государственной думы сдѣлается невозможнымъ. Конечно, теоретически дарованіе выборнаго права всѣмъ русскимъ гражданамъ представляется справедливымъ. Но что такое, въ сущности, это право? Есть-ли это право властвованія или просто извѣстная обязанность участія въ управленіи? Я рассматриваю это, скорѣе, какъ обязанность опредѣленной категории лицъ, умѣющихъ властвовать. Но какихъ лицъ? Приять въ государственную думу представителей знанія—задача неосуществимая. Остается представительство интересовъ, что и положено въ основаніе законовъ 6 августа и 17 октября. Что касается, наконецъ, условій настоящаго времени, то я не знаю, насколько дарованіе всеобщаго избирательнаго права можетъ внести успокоеніе и дать возможность собрать думу. Вѣдь тѣ, кто требуетъ всеобщаго избирательнаго права, или не знаютъ, чего они хотятъ, или желаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и установленія прямыхъ выборовъ и неограниченнаго пассивнаго избирательнаго права.

А. А. Сабуровъ. Я помню, что противъ постановленій московскаго съѣзда нынѣ протестуютъ многіе города и земства.

Рисковать всею будущностью Россіи изъ-за затрудненій настоящей минуты нельзя. Всеобщее избирательное право, на мой взглядъ, всегда является орудіемъ деспотизма въ рукахъ той партіи, которая сильнѣе. Какъ на примѣръ, укажу на Францію, въ Соединенныхъ Штатахъ—на плутократію. Всеобщіе выборы допустимы только тамъ, гдѣ имѣется нѣсколько партій одинаково сильныхъ и организованныхъ. По моему мнѣнію, отдавать Россію въ руки той партіи, которая лучше организована, т.-е. революціонной—экспериментъ весьма опасный, тѣмъ болѣе, что это будетъ шагъ уже безповоротный. Изъ Петербурга уже до 5,000 молодыхъ людей уѣхало въ народъ, чтобы его пропагандировать. Избирательныя права должны расширяться мало-по-малу, какъ это и имѣло мѣсто въ Англіи, по мѣрѣ развитія общественныхъ массъ.

А. С. Стишинскій. Я нахожу, что проектъ № 2 вовсе не расширяетъ избирательную систему, усвоенную закономъ 6 августа, а ломаетъ ее и создаетъ такимъ образомъ нѣчто совершенно новое. Чтобы провести проектъ всеобщаго голосованія въ жизнь, надо положить, конечно, очень много времени и труда. Нельзя забывать, что посемейные списки находятся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, явочная же система едва-ли вообще допустима. Во всякомъ случаѣ, для организаціи выборовъ потребуется болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ нужно имѣть въ виду еще и то, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ землевладѣльцы и торговые классы совершенно потонутъ въ морѣ крестьянскихъ голосовъ. Между тѣмъ крестьяне не достаточно развиты, чтобы сознательно справляться съ предстоящими государственной думѣ работами, и будутъ легко поддаваться вліянію революціонныхъ партій и союзовъ. Неизбѣжно скажутся и аграрныя ихъ аппетиты. Я безусловно присоединяюсь къ проекту № 1, съ поправками, предлагаемыми А. А. Сабуровымъ, и съ измѣненіемъ правилъ о представительствѣ рабочихъ.

Н. Н. Кутлеръ. Проектъ № 1 допускаетъ къ участию въ выборахъ приблизительно только десятую часть всего населенія. Такъ, по городу Петербургу будетъ всего лишь около 100,000 избирателей. Поэтому я отдаю предпочтеніе проекту № 2, который къ тому-же потребуетъ для своего осуществленія меньше времени, чѣмъ всякій другой. Затѣмъ считаю долгомъ отмѣтить, что противъ желаній московскаго сѣзда, насколько они касались всеобщаго избирательнаго права, никто не протестовалъ. Это начало, несомнѣнно, отвѣчаетъ народному самосознанію. У насъ нельзя давать людямъ права только потому, что они богаты. Демократическій составъ думы возможенъ и при выборахъ по положенію 6 августа, такъ какъ многія губернія населены почти исключительно крестьянами. У насъ вообще, въ отличіе отъ западно-европейскихъ государствъ, преобладаютъ низшіе классы населенія, причемъ именно крестьяне до сихъ поръ всегда являлись опорой государства и престола. Государственная дума не

можетъ быть другою, какъ только исходящею изъ народа, а то она не будетъ въ состояніи удержаться.

В. В. Верховскій. Я положительно утверждаю, что никакое промедленіе теперь невозможно. Противъ проекта № 1 я могу возразить только то, что рабочій классъ, самый бойкій и провокаторскій, получаетъ слишкомъ значительное представительство въ составѣ государственной думы. Затѣмъ пункты г, д и е статьи 1 того-же проекта, въ сущности, представляютъ изъ себя открытыя двери для всеобщаго голосованія. Нельзя забывать, что Россія—имперія крестьянская; крестьяне платятъ три четверти, если не больше, всѣхъ налоговъ. Поэтому справедливость требуетъ, чтобы имъ было дано и преимущественное вліяніе на законодательство.

В. И. Тимирязевъ. Главная опасность таится не въ революціонномъ движеніи, а въ крайне угнетенномъ положеніи торговли, промышленности и финансовъ. Въ этомъ отношеніи мы слышимъ прямо вопли о томъ, что странѣ грозитъ окончательное разореніе. При такихъ условіяхъ особенно дорогъ голосъ мѣстныхъ людей, а они утверждаютъ съ полною искренностью, что всеобщее голосованіе является ловушкой всѣхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ партій. Опасность появленія третьяго элемента или наплыва крестьянъ мнѣ не представляется ясной, и я нахожу, что проектъ № 1 имѣетъ больше недостатковъ, чѣмъ проектъ № 2. Имъ создается особое положеніе для рабочихъ, и притомъ не для всѣхъ, а только для организованныхъ—фабричныхъ, заводскихъ и горныхъ. Между тѣмъ, именно рабочій классъ всего болѣе воспринялъ социалистическія ученія. Такого же обособленнаго положенія потребуютъ себѣ затѣмъ судовыя команды, артели и тому подобныя организаціи.

Д. А. Философовъ. Элементомъ, на который в. и. в. можете наиболѣе положиться, бесспорно являются крестьяне. Самое рѣзкое и крупное осужденіе проекта № 2 изъ всего, что было противъ него высказано, заключается въ томъ, что въ государственной думѣ, при принятіи его, получится фальсифицированное представительство. Я нахожу, что это не такъ. Если бы предлагались прямые выборы—другое дѣло. Волость является такой территоріальной единицей, которая объединяетъ населеніе. Указывалось на то, что выборщики легко могутъ быть сбиты съ толку въ окружныхъ избирательныхъ собраніяхъ. Но фальсификація также возможна и въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ при выборной системѣ по положенію 6 августа, а между тѣмъ въ этихъ собраніяхъ будутъ избираться до 15 членовъ государственной думы, а не одинъ, какъ въ окружныхъ избирательныхъ собраніяхъ. Конечно, лучше всего было бы приурочить избраніе каждаго члена думы къ уѣздной территоріи. Въ основаніи всеобщей избирательной системы лежатъ тѣ же принципы, которые соотвѣтствуютъ всему міросозерцанію русскаго народа: передъ Богомъ и царемъ всѣ равны. Мы не можемъ идти по тому

пути, по которому шли западно-европейскіе народы, какъ, напримеръ Англія, гдѣ существовалъ феодализмъ. Выѣстъ съ тѣмъ, нельзя предполагать, что землевладѣльцы нигдѣ не будутъ выбраны, хотя, конечно, ослабленіе ихъ значенія теперь неминуемо.

П. Н. Дурново. Эксперты, которыхъ мы выслушали, примкнули къ извѣстнымъ общественнымъ теченіямъ. Сами-же они мало знаютъ деревню и настроеніе крестьянскихъ массъ: Д. Н. Шиновъ былъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы и является извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, но онъ мало знакомъ съ крестьянскою средою; А. И. Гучковъ и баронъ Корфъ—домовладѣльцы и деревни не знаютъ, а графъ Бобринскій, хотя и состоитъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и живетъ среди крестьянъ, но постоянно мѣняетъ свои взгляды: какъ мы слышали, по прїѣздѣ сюда, онъ уже измѣнилъ свой взглядъ относительно выборной системы. Напрасно всѣ думаютъ, что созывъ государственной думы внесетъ немедленное успокоеніе. Я нахожу, что торопиться написаніемъ избирательнаго закона не слѣдуетъ, и признаю опаснымъ не рабочій классъ, а третій элементъ. Тѣ, кто грабятъ теперь, будутъ, несомнѣнно, выбирать предводителей грабительскихъ шаекъ.

Графъ С. Ю. Витте. Объясненія намъ давали лица, считающіеся наиболѣе консервативными. Кромѣ того, они очень много времени провели и проводятъ въ деревнѣ. Конечно, нельзя спорить прогивъ того, что выборная система по закону 6 августа наилучшая, но она неосуществима. Нужно дать такую думу, которая не обратилась бы въ учредительное собраніе. Весь вопросъ въ томъ, имѣемъ-ли мы возможность прекратить смуту силою, или же необходимо вступить на путь нравственнаго успокоенія. Можно-ли рассчитывать на успѣхъ въ первомъ случаѣ? Въ большихъ городахъ объ этомъ нечего и думать: мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ войска. Поэтому мы не можемъ отсрочить созывъ думы и должны принять тотъ принципъ, который наиболѣе удовлетворитъ все населеніе, весь народъ, а не тотъ, другой или третій его элементы въ отдѣльности. Затѣмъ необходимо какъ можно скорѣе созвать думу.

Князь А. Д. Оболенскій 2. Я нахожу, что отсрочка созыва государственной думы немыслима: дано царское слово. Если выборы отложены фактически, то лишь вслѣдствіе повсемѣстнаго хаоса. Что касается крестьянскихъ выборовъ, то надо сохранить существующую ихъ организацію по положенію 6 августа. При этомъ, однако, можно указать, что исключительныя права имъ предоставляются только при выборахъ въ первую думу.

Графъ С. Ю. Витте. Кто можетъ рѣшить теперь, какой проектъ дать намъ лучшую думу? Въ настроеніи большинства населенія произошелъ нѣкоторый поворотъ послѣ того, какъ на московскомъ сѣздѣ стали дѣлить Россію. Въ настоящее время погромы произвели второй поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Явилась возможность арестовать 236 человѣкъ совѣта рабочихъ

депутатовъ, и этому въ душѣ все радуются. По проекту № 1 третій элементъ не будетъ имѣть голоса, но никто не помѣшаетъ ему мутить народъ. Теоретически дѣйствительно этотъ проектъ дастъ какъ будто контингентъ думы болѣе вѣрный государю, но я въ этомъ не увѣренъ.

Князь А. Д. Оболенскій 2. Недостатокъ проекта № 1 заключается въ его несправедливости. Съ признаніемъ за населеніемъ политическихъ правъ, все гражданскія права отдѣльныхъ народностей (поляковъ, евреевъ) должны быть уравнены. Проектъ № 2 слѣдовало бы исправить лишь въ томъ отношеніи, чтобы отъ cadaго уѣзда избирался членъ государственной думы.

А. А. Сабуровъ. Проектъ № 1, какъ я это и пытался доказать въ моемъ особомъ мнѣніи, слѣдуетъ исправить. Надо пересмотрѣть также и систему представительства отъ рабочихъ.

Графъ С. Ю. Витте. Дать избирательныя права рабочимъ и сохранить проектъ № 1 мнѣ представляется совершенно невозможнымъ. Если же исключить рабочихъ, то мы вернемся къ положенію 6 августа, и прочной думы не будетъ. Для того, чтобы власть могла найти въ думѣ дѣйствительную опору, надо собрать ее не съ тѣмъ, чтобы потомъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ. Такая дума не будетъ пользоваться никакимъ авторитетомъ.

А. А. Сабуровъ. Какая-бы ни была дума, защищать ее придется всегда.

Н. С. Таганцевъ. Отнять у крестьянъ то, что имъ дано 6 августа, нельзя. Нельзя также отложить выборы въ думу. Если русское общество стало спокойнѣе и консервативнѣе, то это объясняется не тѣмъ, что оно испугано крайними партіями, а тѣмъ, что воспослѣдовалъ манифестъ 17 октября.

Э. В. Фришъ. Отложить созывъ государственной думы, по моему крайнему разумію, невозможно послѣ пропавшихъ съ высоты престола словъ при приѣмѣ депутаціи землевладѣльцевъ. Самая благомыслящая часть общества безусловно вѣрить въ манифестъ 17 октября и вѣрить тому, что воля в. н. в. будетъ неукоснительно исполнена. Поэтому въ вопросѣ о расширеніи избирательныхъ правъ нужно остаться на почвѣ манифеста 17 октября. возвѣстившаго развитіе избирательнаго права, дарованнаго положеніемъ 6 августа. Въ основу же этого послѣдняго закона положено представительство сложившихся интересовъ. Нельзя также уничтожить и специальное представительство отъ крестьянъ. Между тѣмъ, оно не вяжется съ проектомъ № 2. У насъ, кромѣ революціонной партіи и реакціонной, — которая столь же, какъ и первая, преступна, — не имѣется другихъ организованныхъ партій. Затѣмъ, для того, чтобы допустить рабочихъ къ участию въ выборахъ, нужно включить ихъ въ общую губернскую курию.

Графъ С. Ю. Витте. Куда же, собственно, включить рабочихъ? Въ города или въ села? Если въ города, то вѣдь они будутъ отданы рабочимъ на съѣденіе. Наконецъ, гдѣ останутся

желѣзнодорожные рабочіе и занятые на фабрикахъ, находящихся внѣ городовъ? Включить же въ число избирателей всѣхъ лицъ, кто живетъ своимъ трудомъ, равносильно признанію всеобщаго избирательнаго права. Никимъ образомъ нельзя удовлетворить по ценовому принципу тѣ классы населенія, которые цѣна не имѣютъ. Если согласиться на это, то весь законъ будетъ основанъ вообще не на принципѣ, а на произволѣ.

В. В. Верховскій. Если рабочіе будутъ включены въ общую избирательную курію, то никто изъ нихъ не пройдетъ въ думу.

А. С. Стишинскій. Какъ такъ? Предполагается 65 выборщиковъ отъ рабочихъ въ Москвѣ и 48 въ С.-Петербургѣ.

Графъ С. Ю. Витте. Этимъ количествомъ выборщиковъ отъ рабочихъ городскіе выборщики будутъ совершенно уничтожены.

Д. Ѳ. Треповъ. Неужели выгоднѣе ввести въ думу 14 рабочихъ депутатовъ? Государственная дума должна быть сована на основаніи манифеста 17 октября. При всеобщей подачѣ голосовъ мы получимъ революціонную думу.

Князь А. Д. Оболенскій 1. Что такое въ сущности рабочіе, въ сравненіи съ крестьянами, а между тѣмъ первымъ дается прямое представительство. Весьма многие изъ нихъ попадутъ въ число избирателей въ качествѣ квартиронанимателей. Остаются, значитъ, только тѣ, которые живутъ въ казармахъ. Я думаю, что ихъ вовсе не такъ много. вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя закрывать глаза на тѣ послѣдствія, которыя произойдутъ отъ допущенія въ думу 14 депутатовъ отъ рабочихъ, сплотившихся въ организованный союзъ.

А. В. Чарторійскій. Что-же останется отъ проекта № 1, если мы исключимъ рабочихъ и тѣ два пункта, на которые указалъ Андрей Александровичъ Сабуровъ?

О. Б. Рихтеръ. Если теперь будетъ дано всеобщее избирательное право, то впослѣдствіи нельзя уже будетъ идти назадъ.

Е. и. в. На этомъ мы сегодня остановимся и соберемся вновь въ среду (7 декабря) въ 11 часовъ утра.

Засѣданіе 7 декабря 1905 года.

О. Б. Рихтеръ. Считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, въ газеты проникли свѣдѣнія о происшедшемъ здѣсь въ прошломъ засѣданіи.

Графъ С. Ю. Витте. Это полная анархія, разъ среди высшихъ сановниковъ государства есть лица, не могущія сохранить тайны.

Е. и. в. Я даже не знаю, какъ охарактеризовать такой поступокъ... Я твердо рассчитываю, что это больше не повторится. Перейдемъ къ дѣлу.

Графъ С. Ю. Витте. Нами представлены два проекта.

Послѣ манифеста 17 октября мы приступили къ разработкѣ новаго избирательнаго закона въ прежнемъ составѣ совѣта министровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, нѣкоторые изъ министровъ оставили свои должности. Тогда в. и. в. изволили указать на желательность приглашенія Шипова и Гучкова. То, что мы въ это время рѣшили въ совѣтѣ министровъ, мы имъ показали. На это они сказали, что, по ихъ мнѣнію, крайне опасно пускать въ думу рабочихъ. Я предложилъ имъ тогда составить свой проектъ избирательнаго закона. Представленный нынѣ второй проектъ—положеніе о выборахъ въ государственную думу—и есть нѣсколько видоизмѣненный, составленный ими проектъ. Одновременно съ представленіемъ своего проекта, они образовали союзъ 17 октября. По ихъ проекту предполагалось организовать выборы по губерніямъ. Чтобы нѣсколько умалить опасность этой системы, мы рѣшили приурочить выборы къ особымъ округамъ. Въ совѣтѣ министровъ этому вопросу было посвящено 4—5 засѣданій, причемъ мы занимались этимъ дѣломъ каждый день. По проекту, отклоненному совѣтомъ, рабочіе были вполне самостоятельны вплоть до губернскихъ собраній, гдѣ они сливались съ прочими губернскими выборщиками для избранія членовъ государственной думы. Мы забраковали этотъ проектъ потому, что признавали нежелательнымъ, чтобы выборщики отъ рабочихъ, являясь опаснымъ элементомъ, сливались въ губернскомъ собраніи съ другими выборщиками, мало между собою знакомыми, для избранія членовъ государственной думы. Другой недостатокъ этого проекта—это положенныя въ его основу одновременно и численное и цензовое начала, которыя, очевидно, невозможно сочетать. Въ настоящее время положеніе вещей такое: съ одной стороны—общее желаніе начать выборы скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе собрать государственную думу, а съ другой—полная невозможность провести выборы по закону 6 августа, такъ какъ этотъ законъ былъ одною изъ причинъ безпокойства и неудовольствія. Теперь выборы по этому закону могли бы быть, пожалуй, еще проведены, такъ какъ нѣкоторые классы населенія сдѣлались, послѣ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ, благоразумнѣе. Но манифестомъ 17 октября уже предусмотрѣно нѣкоторое расширение избирательнаго ценза. Въ отношеніи перваго изъ представленныхъ совѣщанію проектовъ, нельзя не замѣтить, что слабость его заключается, помимо отдѣльной куріи рабочихъ, еще и въ томъ, что онъ не вполне поддерживаетъ систему. Во многихъ случаяхъ цензовое начало не проведено до конца, но все-таки всѣмъ лицамъ, имѣющимъ достатокъ, дается право голоса. Значитъ, избирательное право присваивается элементу достатка, а не началу труда. Но такъ какъ это послѣднее начало отвергать нельзя, то установлены выборы отъ рабочихъ, но только фабричныхъ и заводскихъ. Это самая слабая и болѣзненная, такъ сказать, сторона проекта. Особенно это испугало Москву, потому что все московское городское управленіе за послѣднее время находилось въ рукахъ рабочихъ. Думаютъ, что причиною этого революціоннаго движенія—стачечный

комитетъ рабочихъ, но слѣдуетъ замѣтить, что социалистическія мысли могутъ существовать не только у рабочихъ, но и у совершенно другихъ лицъ. Такія лица находятся во всѣхъ слояхъ общества, даже высшаго, въ средѣ титулованнаго дворянства, и не только у насъ, но и за границей. Для примѣра укажу на графа Ропфора во Франціи. Рабочее движеніе поэтому само по себѣ еще не такъ опасно, а опасно главнымъ образомъ то, что государство какъ бы признаетъ политическую силу рабочаго класса, какъ государства въ государствахъ. Если допустить въ думу четырнадцать членовъ отъ рабочихъ, они будутъ непременно требовать себѣ двадцать пять, а потомъ и пятьдесятъ мѣстъ въ думѣ. И если вы это имъ дадите, то безъ крови вы не будете впоследствии въ состояніи отнять у нихъ это право. Поэтому, проектъ № 1 представляется мнѣ невозможнымъ. Онъ можетъ быть принятъ только безъ особаго представительства отъ рабочихъ. Мы не можемъ, однако, не дать какого-либо удовлетворенія трудовому классу. Опасно игнорировать право труда; въ XX вѣкѣ не признавать этого права нельзя, такъ какъ каждая эпоха имѣетъ свои идеалы, свои стремленія. Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что отдѣльная курія рабочихъ въ высшей степени опасна. Къ тому же въ Россіи можетъ быть рабочихъ всего около десяти милліоновъ, а фабричныхъ рабочихъ—всего три милліона, и такимъ образомъ, по отношенію къ массѣ населенія, первый проектъ несправедливъ. Второй проектъ самый справедливый. Имперія Россійская держится не сословіями, а народомъ, крестьянствомъ. Сила и финансовая и военная, несомнѣнно, зиждется на русскомъ народѣ. Если бы нельзя было базироваться на русскомъ народѣ, то мы всѣ должны были бы умереть. Русскій народъ талантливый, преданный своему государю, создавшій русскую исторію, — не измѣнился; онъ болѣе вѣренъ, чѣмъ люди, живущіе въ городахъ, быть можетъ даже во дворцахъ. Россія—одна изъ самыхъ демократическихъ странъ. Значитъ, съ принципиальной точки зрѣнія одинъ только второй проектъ представляется правильнымъ. То, что правильно, всегда просто, потому, что въ немъ нѣтъ искусственности. Все же неправильное, не вытекающее изъ природы вещей, всегда сложнѣе и труднѣе исполнимо. На западѣ современный государственный строй образовался подъ вліяніемъ феодальной системы, у насъ же исторія сложилась совершенно иначе, благодаря народу, который и теперь про государство говоритъ: царь и народъ. Такимъ образомъ второй проектъ не представлялъ бы даже особой опасности. Но у меня есть опасенія, истекающія изъ условій настоящаго времени. Когда я разсуждаю умомъ, я склоняюсь въ пользу второго проекта, но когда я дѣйствую по чутью, я боюсь этого проекта. Слѣдуетъ имѣть въ виду тревожное состояніе населенія, которое мы не въ силахъ успокоить по крайней мѣрѣ еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Администрація дезорганизована, на нее трудно положиться. Цемѣшники переходятъ на сторону порядка. Укажу на Родичева — имущаго революціонера; что онъ говоритъ

въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ? Онъ совѣтуетъ то, что можетъ говорить только самый истый консерваторъ. Профессоръ Ковалевскій говоритъ въ Парижѣ то, что не рѣшился бы сказать три недѣли тому назадъ ни одинъ изъ профессоровъ въ нашихъ университетахъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что ко всеобщимъ выборамъ мы приступаемъ непосредственно. Надо было создать думу въ восьмидесятихъ годахъ, тогда не пришлось бы дѣлать теперь сразу такого скачка; но мы упустили это сдѣлать. Второй проектъ хорошъ тѣмъ, что онъ соответствуетъ русскому самосознанію, а это есть самое успокоительное лекарство. Тѣмъ не менѣе, у меня является опасеніе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Если бы я долженъ былъ рѣшить вопросъ о выборахъ, я перекрестился бы и рѣшилъ бы въ пользу второго проекта. По проекту первому всѣ опасные элементы сосредоточены въ городахъ; они составляютъ меньшинство. Проектъ дѣлаетъ перегородки параллельно слоямъ общества и устраняетъ возможность политической угрозы одного класса населенія другому. При этой системѣ дума будетъ можетъ быть слаба по своему интеллекту, но не по своему консерватизму. Какъ же выйти изъ этого положенія? По вновь возникшему предположенію, сообщенному мнѣ княземъ Алексѣемъ Дмитриевичемъ Оболенскимъ, можно бы установить всеобщіе выборы, но по классамъ: землевладѣльцевъ, крестьянъ и городскихъ жителей, не смѣшивая этихъ категорій. Проектъ этотъ очень удобенъ для формулировки, но привести его въ исполненіе крайне трудно; на это потребуется пять мѣсяцевъ. Второй проектъ потребуетъ три мѣсяца, а первый — четыре, если не больше. Потому государственныи контролеръ только что сообщилъ мнѣ еще другой проектъ, основанный на тѣхъ же началахъ, какъ и выборная система, нынѣ дѣйствующая въ Австріи. Сперва тамъ введена была очень ограниченная классовая выборная система. Потомъ, девять лѣтъ тому назадъ, появилась всеобщая курія наряду съ первой. Въ примѣненіи къ намъ это значило-бы: оставить въ силѣ положеніе 6 августа и, кромѣ того, ввести всеобщіе выборы одного или двухъ членовъ по губерніи. Считая по полтора человѣка на губернію, образовалось бы около девяносто членовъ думы. Эта система оставляетъ невыблемымъ законъ 6 августа, и выборы можно произвести сейчасъ. Это было бы просто, скоро исполнимо и не представляло бы никакой опасности. Но какъ система, этотъ порядокъ представляется крайне несовершеннымъ, какъ, впрочемъ, и всякій другой, кромѣ всеобщаго избирательнаго права, или же системы, вытекающей изъ историческихъ и социальныхъ основъ даннаго государства.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Какое будетъ количество членовъ государственной думы отъ cadaго класса по проекту князя Оболенскаго?

Князь А. Д. Оболенскій 2. Проектъ Дмитрія Александровича Философова кажется мнѣ соблазнительнѣе. Дефектъ моего проекта тотъ, что онъ слишкомъ затянетъ выборы.

Д. А. Философовъ. Мое предложеніе—собственно компромиссъ, который вполне доступенъ критикѣ. Желательно остаться на почвѣ закона 6 августа. Но 17 октября было сказано, что надо развить избирательное право, установленное упомянутымъ закономъ. Второй изъ подлежащихъ проектовъ есть цѣльный законодательный актъ, проникнутый одною идеею. Между тѣмъ единственный скорый и единственный выходъ, къ которому можно придти въ настоящее время, это есть сохраненіе трехъ курій, при которыхъ на первый планъ выдвинуты классовые интересы. Но такъ какъ признано необходимымъ даровать избирательное право и тѣмъ классамъ, которые пока лишены его, то мнѣ кажется, лучше не вливать въ стройное зданіе 6 августа новаго начала, а придать послѣднему самостоятельное значеніе. Давать однимъ только рабочимъ отдѣльное представительство нельзя. Поэтому слѣдовало бы устроить четвертую курію на основаніяхъ второго проекта. При этомъ получился бы еще одинъ членъ думы на губернію, то-есть 51, и по одному члену на двѣ губерніи Царства Польскаго—5, а всего 56 членовъ. Представляемая этимъ проектомъ нѣкоторая практическая выгода заключается въ скорости осуществленія выборовъ по закону 6 августа независимо отъ другихъ всеобщихъ выборовъ. Но невыгоднымъ представляется то, что только тѣ члены думы, которые будутъ избраны на основаніи всеобщаго избирательнаго права, станутъ считать себя настоящими народными представителями, хотя они и будутъ въ меньшинствѣ. То, что я предлагаю, уже испытано въ Австріи въ 1896 году. У одного лица при этомъ порядкѣ можетъ быть два голоса, какъ у горожанина, землевладѣльца или крестьянина, и кромѣ того, какъ у російскаго гражданина. Но, конечно, это только заплата, которая не удовлетворитъ общественное мнѣніе, хотя и представляетъ первый шагъ къ введенію всеобщаго избирательнаго права, вытекающаго изъ пункта 2 манифеста 17 октября.

П. Н. Дурново. Проектъ этотъ возбуждаетъ слѣдующее сомнѣніе: когда члены, выбранные всеобщимъ голосованіемъ, придутъ въ думу, какъ отнесутся они къ предшествующей ея дѣятельности? Вообще, мнѣ кажется, что нельзя въ теченіе получаса создавать новый выборный законъ. Разсматривать только на словахъ законопроектъ, особенно столь важный, какъ выборный—невозможно. Обращаясь къ первому изъ представленныхъ проектовъ, я нахожу, что единственный камень преткновенія при его осуществленіи представить отдѣльное представительство отъ рабочихъ.

Д. А. Философовъ. Предложеніе мое не есть проектъ, а соединеніе закона 6 августа со вторымъ изъ разсматриваемыхъ проектовъ.

В. В. Верховскій. Слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ отнесутся другъ къ другу двѣ предполагаемыя по проекту государственнаго контролера группы членовъ государственной думы. Къ тому же тѣ, которые первыми будутъ выбраны въ члены думы,

поѣдутъ, конечно, и на вторые выборы. Мнѣ кажется, что проектъ этотъ совершенно неприемлемъ.

Графъ А. П. Игнатьевъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что нельзя при нынѣшнемъ революціонномъ движеніи производить какіе бы то ни было выборы. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ говорятъ, что надо какъ можно скорѣе созвать государственную думу во что бы то ни стало. Чѣмъ же вызываются возлагаемыя на думу розовыя надежды? Революція стремится къ борьбѣ со всякимъ правительствомъ путемъ новыхъ способовъ борьбы, особенно посредствомъ временной печати, совершенно разнузданной. Съ другой стороны, говорятъ, что лучше предугадать требованія, чѣмъ всегда идти за ними. Но удовлетворить желанія революціонеровъ нѣтъ возможности. Теперь революція набросилась на армию. Надо всѣми мѣрами охранить ее отъ пропаганды. Войско присягало царю и родинѣ. Ставить войско параллельно съ борющимися партіями и заставлять его охранять законность, ему неизвѣстную, нельзя. Что же можно ожидать отъ государственной думы? Говорятъ, что трудно ее собрать. Надо будетъ охранять самую думу, а она должна будетъ охранять правительство и порядокъ. Въ 1612 году князь Пожарскій прежде всего возстановилъ власть и порядокъ, и только когда это было сдѣлано, тогда собрался земскій соборъ, избравшій домъ Романовыхъ на царство. А теперь съ чѣмъ же правительство встрѣтитъ думу? Съ сознаниемъ, что оно бессильно управлять государствомъ. Это прямой шагъ къ учредительному собранію. Однимъ изданіемъ законовъ нельзя успокоить Россію, надо для этого дѣйствовать силою. Но силы нѣтъ. Если войска мало, надо не жалѣть на это ничего, кликнуть кличь, созвать рать, дружину изъ запасныхъ, ополченцевъ. А то будетъ дѣйствовать народный самосудъ. Справившись съ крамолою, можно будетъ созвать государственную думу, но идти навстрѣчу думѣ съ однимъ лишь безсиліемъ—нельзя. Обращаясь къ представленнымъ проектамъ, я нахожу, что первый проектъ, съ поправками А. А. Сабурова и Э. В. Фриша относительно представительства рабочихъ, является точнымъ исполненіемъ пункта 2 манифеста 17 октября. Крестьяне очень благодарны в. и. в. за дарованіе имъ особаго представительства. Поэтому мнѣ кажется, что его необходимо сохранить. Въ видѣ частнаго замѣчанія позволю себѣ указать, что по проекту, взаимныя статей 57—62 закона 6 августа, повѣрка выборовъ предоставляется самой государственной думѣ, а не сенату, что едва-ли цѣлесообразно.

А. Г. Булыгинъ. Проектъ первый представляетъ исполненіе торжественно возвѣщенной высочайшей воли, а второй проектъ является дальнѣйшимъ шагомъ на пути уступокъ. Онъ изобличаетъ не силу, а слабость власти. Въ случаѣ его принятія, часть недовольныхъ элементовъ въ населеніи, можетъ быть, и будетъ удовлетворена, но этого, мнѣ кажется, мало. Наростъ особыхъ крестьянскихъ выборовъ на всеобщихъ совершенно неприемлемъ.

Кромѣ того, консервативные элементы будутъ недовольны такимъ закономъ. Ни одинъ землевладѣлецъ не пройдетъ въ думу при такой системѣ выборовъ. Помимо этого мнѣ кажется, что всеобщее избирательное право неосуществимо практически; въ результатъ его получится чисто крестьянская, а не государственная дума.

Графъ С. Ю. Витте. Мое возвращеніе прямо противоположно мнѣнію гр. А. П. Игнатъева. Крупное несчастье—война—потрясло Россію и еще потрясаетъ ее. Слѣдствіемъ этого явилось общее недовольство существующимъ порядкомъ вещей во всей массѣ населенія, не только въ народѣ, но и въ чиновничествѣ, и высшей аристократіи. Недовольство это направилось на правительство и на верховнаго нашего вождя. Всѣ говорили «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Это было общее мнѣніе громаднаго большинства русскаго общества. Правительству, благодаря этому, приходилось воевать не съ революціею, а съ общественнымъ мнѣніемъ. И всѣ наши усилія заключались въ томъ, чтобы отдѣлать революцію отъ общественнаго мнѣнія. Правительство обязано бороться противъ революціи, но не должно было воевать съ тѣми, которые дорожатъ величіемъ Россіи и монархическимъ режимомъ. Теперь благоразумныя лица увидѣли, что только въ вашей, государь, власти они могутъ обрѣсти спасеніе. Ряды ихъ съ каждымъ днемъ увеличиваются, и правительство должно дѣлать все для того, чтобы привлекать благоразумныхъ людей на свою сторону. Мѣры, принятыя в. и. в., избавили Россію отъ громаднаго пролитія крови, и я не нахожу, чтобы эти мѣры были уступками. Революція была безкровная, какъ нигдѣ въ мірѣ, и въ этой политикѣ все спасеніе. Войсками же можно прекратить только матеріальные погромы, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ революціонное движеніе возникло подъ вліяніемъ причинъ иного рода. Тамъ крестьяне были освобождены безъ земли; ватѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ власть помѣщиковъ была устранена безъ замѣны ея другою властью или же съ отдачею ея самимъ правительствомъ въ руки семинаристовъ и революціонеровъ. Поэтому я считаю, что надо скорѣе собрать думу. Нельзя собрать ее по положенію 6 августа; второй же изъ представленныхъ проектовъ можетъ привести къ другимъ послѣдствіямъ, равнымъ образомъ нежелательнымъ. Поэтому слѣдуетъ избрать средній путь.

Князь А. Д. Оболенскій 2. По моему мнѣнію всѣхъ избирателей слѣдуетъ раздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) крестьяне, то-есть всѣ вообще лица, подвѣдомственные волостнымъ судамъ; 2) владѣльцы всякаго рода земельныхъ участковъ, по прожитію одного года въ данной мѣстности, и 3) всѣ остальные лица, то-есть подвѣдомственные волостному суду и не владѣющія землею, которыя гораздо болѣе тяготеютъ къ городу, чѣмъ къ деревнѣ. Такимъ образомъ, каждый подданный в. и. в. получить право участія въ выборахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такая форма всеобщности представляеть наименьшую опасность.

Графъ С. Ю. Витте. Правомъ голоса будетъ пользоваться

при этихъ условіяхъ дѣйствительно каждый, если ему исполнилось 25 лѣтъ, или въ волости, или внѣ ея, если онъ порвалъ съ нею связь.

Е. и. в. Будетъ-ли это всеобщимъ избирательнымъ правомъ?

Князь А. Д. Оболенскій 2. Не совсѣмъ — это будетъ всеобщая, но неравная подача голосовъ.

Графъ С. Ю. Витте. Фабричные поселки будутъ выбираться при этихъ условіяхъ, какъ отдѣльные города.

А. С. Стишинскій. Я не могу не высказать по этому поводу слѣдующихъ возраженій. Во-первыхъ, я не могу назвать этихъ выборовъ всеобщими для крестьянъ, такъ какъ избирателями будутъ только выборные на волостномъ сходѣ отъ 10 домохозяевъ. Во-вторыхъ, одинаковое выборное право получать какъ землевладѣльцы, такъ и управляющіе имѣніями. Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на рабочихъ въ горнозаводскихъ округахъ. Рядомъ съ горнозаводскими крестьянами есть посторонніе рабочіе, и разграничить ихъ будетъ чрезвычайно трудно.

П. Н. Дурново. Люди неимущіе будутъ присоединены къ людямъ, владѣющимъ имуществомъ, и будутъ можетъ быть сильнѣе ихъ.

А. А. Сабуровъ. И при цензовой системѣ, и при всеобщей есть руководящій принципъ. Здѣсь же предлагается всеобщая система, но совсѣмъ неравная. Участіе въ законодательствѣ есть не право, а обязанность, которая по необходимости предполагаетъ существованіе извѣстнаго ценза.

Н. Н. Кутлеръ. Мнѣ кажется, что проектъ кн. Оболенскаго никоимъ образомъ не удовлетворитъ.

П. Н. Дурново и В. В. Верховскій. Неимущіе убьютъ имущихъ.

Баронъ А. А. Будбергъ. Мнѣ кажется, что обратиться къ пути, указанному гр. Игнатьевымъ, надо было раньше. Теперь же манифестомъ 17 октября вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ уже предрѣшенъ. Вопросъ лишь въ томъ, будетъ-ли оно введено раньше или позже. Но смѣлость и откровенность въ государственномъ дѣлѣ всегда предпочтительнѣе. Въ первомъ проектѣ главнымъ дефектомъ мнѣ представляется сплоченіе рабочихъ. Это должно быть отвергнуто. Недостатокъ второго проекта — сохраненіе отдѣльнаго представительства отъ крестьянъ. Я думаю, что одно только объявленіе о всеобщемъ голосованіи успокоитъ все населеніе. Всеобщая подача голосовъ — неизбежность; поэтому на нее слѣдуетъ рѣшиться, но только не на прямую подачу голосовъ.

В. В. Верховскій. Во всякомъ случаѣ надо подавить революцію, удовлетворивъ предварительно общее желаніе громаднаго большинства населенія.

П. Н. Дурново. При всеобщемъ избирательномъ правѣ палата будетъ не на сторонѣ правительства. Вообще же теперь

не слѣдуетъ производить выборовъ, а только издать выборный законъ.

Н. С. Таганцевъ. По моему мнѣнію, откладывать выборы на неопредѣленный срокъ—значило бы поставить крестъ на будущность Россіи. Весьма важно, чтобы порядокъ выборовъ былъ тотъ же, какъ и по положенію 6 августа. Иначе устранено будетъ вліяніе землевладѣльцевъ, помѣщиковъ и торгово-промышленныхъ классовъ, и останется одна сѣрая масса.

А. С. Стишинскій. Я желалъ бы только нѣсколько поправить бар. Будберга. Установленіе всеобщаго избирательнаго права предоставлено манифестомъ 17 октября самой государственной думѣ.

Э. В. Фришъ. Скорѣйшій созывъ думы болѣе, чѣмъ важенъ, а потому я не могу согласиться съ тѣмъ, что говорилъ П. Н. Дурново.

Графъ С. Ю. Витте. Выборы могутъ быть произведены лишь тамъ, гдѣ существуетъ относительное спокойствіе. Поэтому слѣдуетъ выразить въ законѣ, что если половина членовъ думы избрана, то дума можетъ начать свои занятія.

Е. и. в. Прошу васъ, Эдуардъ Васильевичъ, формулировать ваше предложеніе.

Э. В. Фришъ. Въ пользу перваго проекта говорить то, что онъ есть расширеніе положенія 6 августа. Я безусловно противъ втораго проекта. Въ сельскихъ избирательныхъ участкахъ оказались бы только крестьяне и лица, вліяніе коихъ на крестьянъ нежелательно. Можетъ быть, въ каждомъ участкѣ такихъ лицъ окажется и не больше двухъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ ожидать, что крестьяне выберутъ лишь одного выборщика изъ своей среды, а другого посторонняго, по справедливости. Я думаю, что при нынѣшнихъ условіяхъ совершенно немыслимо вообще исполненіе втораго проекта. Что же касается перваго проекта, то только особое представительство рабочихъ возбуждаетъ у меня сомнѣнія. Надо включить ихъ въ общую курію. Вовсе не нужно, чтобы рабочіе прошли непременно въ Думу, а надо только дать имъ выборное право.

Графъ С. Ю. Витте. Проектъ, который былъ отвергнутъ совѣтомъ министровъ и не представленъ на обсужденіе совѣщанія, давалъ избирательное право всѣмъ рабочимъ, а не только фабричнымъ. По моему мнѣнію, это представляется болѣе правильнымъ.

Е. и. в. Все обсуждено, все взвѣшено. Вопросъ этотъ былъ мнѣ совершенно непонятенъ и даже мало меня интересовалъ. Только послѣ манифеста 17 октября я его изучилъ. Я находился въ теченіе обоихъ засѣданій въ полномъ колебаніи. Но съ сегоднешняго утра мнѣ стало ясно, что для Россіи лучше, безопаснѣе и вѣрнѣе—проектъ первый. Проектъ второй—мнѣ чутье подсказываетъ, что его нельзя принять. Идти слишкомъ большими шагами нельзя. Сегодня—всеобщее голосованіе, а затѣмъ

недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно. Первый проект дает болѣе гарантій для осуществленія реформъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября. Перейдемъ, поэтому, къ чтенію этого проекта.

А. А. Сабуровъ. Въ пунктахъ *е* ст. 1 и 2 упомянуты именно лица, дѣлающія смуту; пункты *д* тѣхъ же статей имѣютъ такое же значеніе ¹⁾.

Графъ С. Ю. Витте. Проектъ исключаетъ всѣхъ этихъ лицъ въ деревняхъ, въ городахъ же они имѣютъ небольшое значеніе и не представляютъ опасности. Не мелкіе чиновники, а лица, стоящіе гораздо выше, какъ, напримѣръ, директора департаментовъ, и лица, имѣющія права выбора по квартирному налогу, представляютъ наибольшую опасность.

А. А. Сабуровъ. Лица, упомянутыя въ пунктахъ *д* и *е*, не платятъ налоговъ. Выборщики отъ городовъ, подъ вліяніемъ того, къ кому они присоединятся, будутъ имѣть большое значеніе при избраніи членовъ государственной думы въ С.-Петербургѣ. Три четверти лицъ нѣз числа квартиронанимателей не платятъ квартирнаго налога.

Н. С. Таганцевъ. Эти лица гораздо опаснѣе, когда они останутся за флагомъ. Они пойдутъ въ деревню, чтобы мутить народъ. Между тѣмъ ясно, что они имѣютъ имущественный цензъ, но только идущій внизъ.

А. С. Стишинскій. Въ уѣздѣ надо имѣть двадцатую часть полнаго ценза, въ соотвѣтствіи чему надо опредѣлить низшій цензъ въ городахъ по пункту *д*, а въ пунктѣ *е* указать минимумъ жалованья, пенсіи или вознагражденія.

Графъ С. Ю. Витте. Не слѣдуетъ создавать лишнихъ враговъ правительства. Надо удовлетворить здравыя и справедливыя желанія.

И. П. Шиповъ. Всѣ вѣдь уплачиваютъ налоги въ томъ или другомъ видѣ.

В. В. Верховскій. Скорѣе слѣдовало бы пойти еще дальше.

С. С. Манухинъ. Я тоже стою за сохраненіе пунктовъ *д* и *е*.

Э. В. Фришъ. Эти пункты можно сохранить, такъ какъ на упомянутыхъ въ нихъ лицъ не будетъ распространяться право довѣрять свой голосъ по статьѣ 9 и 10 положенія о выборахъ въ государственную думу.

Е. и. в. Перейдемъ къ слѣдующимъ статьямъ проекта.

А. А. Сабуровъ. Въ отношеніи статьи 3, предоставляющей

¹⁾ Ст. 1 и 2 п. *д*—лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ города (городскихъ поселеній уѣзда) на свое имя отдѣльную квартиру; п. *е* — лица (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ города (или его уѣзда) и получающія содержаніе или пенсію по службѣ государственной или въ общественныхъ: городскихъ, земскихъ или сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

избирательныя права управляющимъ имѣніями и арендаторамъ, мнѣ кажется, что правительство искусственно расширяетъ вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ.

Графъ С. Ю. Витте. Это наиболѣе консервативный элементъ, хотя я согласенъ, что подобное правило нѣсколько нарушаетъ систему.

А. С. Стишинскій. Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 20) сказано, что въ губерніяхъ Вятской, Олонецкой и Пермской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской и Уфимской губерній вмѣсто лицъ, имѣющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, могутъ участвовать управляющіе ихъ имѣніями. Арендаторамъ же право это предоставляется по проекту лишь въ томъ случаѣ, если они прожили извѣстное число лѣтъ въ данномъ мѣстѣ.

Князь А. Д. Оболенскій 1. Рѣшающимъ здѣсь является не цѣновое начало, а то, что эти лица имѣютъ извѣстный достатокъ.

Е. и. в. Далѣе.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Въ соотвѣтствіи съ принятымъ по пунктамъ *д* и *е* (ст. 1 и 2) рѣшеніемъ, не слѣдуетъ-ли допустить къ участію въ предварительныхъ сѣздахъ лицъ, владѣющихъ землею въ какомъ бы то ни было размѣрѣ?

Князь А. Д. Оболенскій 2. Это было бы желательно, хотя трудно будетъ составить списки такихъ лицъ.

Е. и. в. Далѣе.

А. С. Стишинскій. По поводу ст. 5, предусматривающей избирательныя права рабочихъ, я нахожу, что слѣдовало бы избѣжать двойного участія рабочихъ и въ избирательныхъ ихъ собраніяхъ и на волостныхъ сходахъ, ибо есть мѣстности, напри-
мѣръ, въ Уфимской и Пермской губерніяхъ, гдѣ горнозаводское населеніе составляетъ особыя сельскія общества.

Князь А. Д. Оболенскій 2. То же самое существуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Е. и. в. Относительно рабочихъ мы поговоримъ впослѣдствіи, когда будетъ представленъ новый проектъ. Далѣе.

Д. Ф. Треповъ. Статья 9 допускаетъ явочный порядокъ составленія списковъ. По моему мнѣнію, нельзя устанавливать явочнаго порядка. Составленіе списковъ должно быть обязательно, а то обыватели по косности не будутъ заявлять о своихъ правахъ, и въ избирательные списки попадутъ одни только агитаторы.

Э. В. Фришъ. Обязанность составленія избирательныхъ списковъ лежитъ на статьѣ 2 правилъ о введеніи въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ государственную думу на подлежащихъ установленіяхъ.

Е. и. в. На этомъ мы сегодня остановимся. Къ слѣдующему засѣданію долженъ быть составленъ новый проектъ правилъ о рабочихъ. Мы соберемся опять въ пятницу (9 декабря) въ половинѣ третьяго.

Засѣданіе 9 декабря 1905 года.

П. Н. Дурново. Вопросъ о примѣненіи явочнаго порядка къ дѣлу составленія избирательныхъ списковъ необходимо, по моему мнѣнію, сообразить вмѣстѣ съ вопросомъ о расширеніи избирательнаго права. Кроме того, если признается возможнымъ допускать въ городахъ къ участию въ выборахъ почти всѣхъ городскихъ обывателей, то слѣдуетъ дать избирательныя права внѣ городовъ всѣмъ землевладѣльцамъ, т.-е. и тѣмъ, которые владѣютъ менѣе двадцатой доли количества земли, указаннаго въ приложеніи къ статьѣ двѣнадцатой положенія о выборахъ въ государственную думу.

А. С. Стишинскій. Разъ въ городахъ не установлено никакого предѣла въ имущественномъ цензѣ для участія въ выборахъ, и къ нимъ допускаются всѣ вообще квартиронаниматели, то послѣдовательно сдѣлать то же самое и въ деревнѣ. Мелкіе собственники—элементъ вполне консервативный.

С. С. Манухинъ. Мысль эта заслуживаетъ сочувствія, но нельзя не остановиться передъ техническими затрудненіями, сопряженными съ составленіемъ избирательныхъ списковъ, въ которые должны будутъ войти всѣ землевладѣльцы данной мѣстности. Если же въ видѣ корректива будетъ принятъ явочный порядокъ составленія избирательныхъ списковъ, то тогда можно, конечно, даровать всѣмъ, даже мелкимъ землевладѣльцамъ, право участія въ выборахъ.

Е. и. в. Я оставилъ въ предыдущемъ засѣданіи разрѣшеніе вопроса о допустимости явочнаго порядка за собою.

П. Н. Дурново. По моему мнѣнію, предпочтительнѣе поставить извѣстные предѣлы для участія въ выборахъ: опредѣленную норму квартирнаго налога, а также норму получаемаго содержанія или пенсіи.

Графъ С. Ю. Витте. Если поставить вообще какую-либо норму, то гдѣ будетъ справедливость? Почему эта норма, а не та? Поэтому я стою за то, чтобы всякая квартира и всякое содержаніе давали право на участіе въ выборахъ.

Э. В. Фришъ. Явочный порядокъ имѣетъ то преимущество, что облегчаетъ дѣятельность установленій, составляющихъ избирательные списки. О правѣ быть занесеннымъ въ списокъ можно, конечно, заявлять во всякое время до опубликованія списка.

П. Н. Дурново. По моему мнѣнію, явочный порядокъ очень неудобенъ. Введеніе его равносильно установленію всеобщаго избирательнаго права.

Графъ С. Ю. Витте. При цензовой системѣ устанавливаются извѣстные разряды между избирателями, какъ бы перегородки. Въ этомъ суть, а не въ численности населенія, которое допускается къ подачѣ голосовъ.

С. С. Манухинъ. Примѣненіемъ явочнаго порядка можно будетъ достигнуть локализациі революціоннаго движенія.

Д. Ф. Треповъ. При явочномъ порядкѣ составленія избирательныхъ списковъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, напротивъ, опасаться, что въ списки попадутъ по-преимуществу революціонные элементы.

Графъ С. Ю. Витте. Если отъ всѣхъ остальныхъ частей населенія можно ожидать, что онѣ не позаботятся о внесеніи ихъ въ избирательные списки, то надо предполагать, что такія лица, и въ случаѣ включенія ихъ въ списки, не пойдутъ подавать голосовъ на выборахъ.

Е. и. в. Считать принятыми пункты *д* и *е* статей 1 и 2, а также статью 8.

Графъ С. Ю. Витте. Съ такимъ рѣшеніемъ в. и. в. надо согласовать и правило объ участіи въ выборахъ землевладѣльцевъ.

Князь А. Д. Оболенскій 2. Казалось бы возможнымъ устранить изъ проекта минимумъ земельного и имущественнаго ценза для права участія въ предварительныхъ сѣздахъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Это было бы вполне послѣдовательно.

Э. В. Фришъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы исключить минимумъ изъ п. *б* статьи 4.

Е. и. в. Вести предлагаемую поправку. Далѣе.

А. С. Стишинскій. Въ западно-европейскихъ государствахъ нѣтъ такого учрежденія, какъ у насъ правительствующій сенатъ. Поэтому, въ измѣненіи пункта *в* статьи 11 было бы желательно сохранить за сенатомъ повѣрку правъ избранныхъ членовъ государственной думы. Это особенно важно въ первый созывъ думы, которая начнетъ дѣйствовать, когда соберется только половина ея членовъ. Для законнаго же состава требуется лишь третья часть даннаго состава членовъ думы. При такихъ условіяхъ необходимо было бы, чтобы сенатъ рѣшалъ вопросъ о правильности выборовъ.

Графъ С. Ю. Витте. Это поведетъ къ конфликтамъ между сенатомъ и думою.

Графъ Д. М. Сольскій. Повѣрка выборовъ вездѣ принадлежитъ самому парламенту, въ Англіи же это—дѣло суда. Въ Россіи возложеніе этой обязанности на сенатъ было бы, можетъ быть, сочтено за знакъ недовѣрія къ народному представительству.

Е. и. в. Оставить, какъ въ проектѣ.

Графъ А. П. Игнатьевъ. Въ отношеніи пункта *е* статьи 12 я не могу не высказать сомнѣнія: не будетъ-ли исполненіе возлагаемой на полицію, согласно этому пункту, обязанности по наблюденію за тѣмъ, чтобы постороннія лица не имѣли доступа въ подготовительныя собранія избирателей, весьма затруднено, если чины полиціи не будутъ имѣть право присутствовать въ этихъ собраніяхъ?

Графъ Д. М. Сольскій. Редакцію обсуждаемаго пункта, во всякомъ случаѣ, необходимо измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы полиція не только могла наблюдать, а обязана была бы наблю-

дать за недопущеніемъ постороннихъ лицъ въ подготовительныя собранія.

Е. и. в. Оставить, какъ предполагено въ проектѣ съ редакціоннымъ измѣненіемъ. Теперь перейдемъ къ вопросу объ участіи въ выборахъ рабочихъ. Новый проектъ разосланъ всѣмъ членамъ совѣщанія... Кто желаетъ высказаться?

А. А. Бирилевъ. Я полагаю, что не слѣдуетъ выдѣлять рабочихъ въ особую группу. Въ ихъ средѣ весьма сильно развито стадное начало; они составляютъ особую партію, представляющую весьма рѣзкія требованія. Но собственно рабочаго вопроса, какъ на западѣ, въ Россіи не существуетъ, и нѣтъ надобности его создавать, предоставляя рабочимъ особое представительство въ государственную думу.

Графъ С. Ю. Витте. По новымъ предположеніямъ, разосланнымъ членамъ совѣщанія, рабочіе не составляютъ болѣе отдѣльной курии. Говорятъ, что фабричнымъ рабочимъ дается избирательное право по тѣмъ сельскимъ обществамъ, къ которымъ они принадлежатъ, но вѣдь такое право совсѣмъ фиктивно. Да и желательно ли вообще, чтобы рабочіе поѣхали въ деревню для того, чтобы участвовать тамъ въ выборахъ? Съ другой стороны, они не могутъ участвовать въ выборахъ въ городахъ въ качествѣ квартиронанимателей, такъ какъ большая часть ихъ живетъ не въ квартирахъ, а въ казармахъ или углахъ. Во имя же принципа труда необходимо дать имъ избирательныя права. Устраненіе ихъ отъ выборовъ было бы даже опасно. Къ тому же несомнѣнно, что между рабочими существуютъ люди благоразумные.

А. А. Бирилевъ. Конечно, если можно было бы разобраться и сдѣлать между рабочими тріажъ, то благоразумную часть ихъ было бы даже полезно допустить къ участию въ выборахъ.

В. И. Тимирязевъ. Нельзя закрывать глаза и говорить, что нѣтъ у насъ рабочаго вопроса. Напротивъ того, не подлежитъ сомнѣнію, что социалистическія идеи вполне ясны и доступны для рабочихъ. Поэтому, когда мы достигнемъ созыва думы, то рабочіе въ ея составѣ будутъ социалистами—да, но революціонерами—нѣтъ. Социалистическія ученія неотразимы и имѣютъ приверженцевъ во всѣхъ парламентахъ. Мирный и даже полезный трудъ этихъ лицъ извѣстенъ. Поэтому нечего опасаться представителей рабочаго класса въ государственной думѣ. Если нельзя допустить ихъ къ участию въ выборахъ на основаніяхъ, указанныхъ въ проектѣ № 1, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, принять то, что предлагается теперь.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Къ выборамъ слѣдовало бы допускать только совершеннолѣтнихъ рабочихъ.

Графъ С. Ю. Витте. У рабочихъ совершенно особый бытъ; возрастъ у нихъ не имѣетъ значенія, какъ въ сельскомъ быту у крестьянъ.

Д. Ф. Треповъ. Рабочее сословіе обособлено и совершенно отдѣлено нынѣ отъ деревни, въ особенности рабочіе въ С.-Петер-

бургъ и вообще въ большихъ фабричныхъ центрахъ. Вновь предлагаемая система участія ихъ въ выборахъ въ составъ губернскихъ избирательныхъ собраній вполне приемлема и осуществима. Сдѣлать же тріажъ между рабочими нельзя—это вызоветъ рѣзкую.

Графъ С. Ю. Витте. Тѣмъ болѣе, что сравнительно болѣе зажиточные рабочіе являются именно самыми яркими революціонерами.

Е. и. в. Правила о рабочихъ можно считать принятыми... Теперь мы, кажется, все разсмотрѣли?

Графъ Д. М. Сольскій. В. и. в. изволили упоминать о Холмской Руси.

Графъ С. Ю. Витте. Въ отношеніи предудказаннаго мнѣ В. и. в. дополненія числа членовъ государственной думы представителемъ отъ Холмской Руси, считаю долгомъ доложить, что всякое, вообще, исключеніе изъ общаго избирательнаго закона нежелательно. Съ другой стороны, весьма желательно было бы дать русскому населенію этой окраины возможность послать въ государственную думу особаго отъ себя представителя.

Князь А. Д. Оболенскій 2. По моему мнѣнію, совершенно невозможно образовать отдѣльный избирательный округъ для одной какой-либо мѣстности.

Графъ С. Ю. Витте. Такія же ходатайства могутъ быть заявлены и изъ другихъ окраинъ, напримѣръ, изъ Туркестана, гдѣ русское населеніе также составляетъ незначительное меньшинство.

Е. и. в. Духовенство и православные русскіе люди въ Туркестанѣ сильнѣе по своей культурности сравнительно съ мѣстнымъ населеніемъ, а въ Холмской Руси—другое дѣло: тамъ русскіе окружены католическою массою.

Графъ Д. М. Сольскій. Слѣдуетъ подумать, нельзя ли присоединить уѣзды Царства Польскаго съ русскимъ населеніемъ къ Волынской губерніи для производства выборовъ въ государственную думу.

П. Н. Дурново. Когда проектировалось образовать особую Холмскую губернію, то оказалось, что православныхъ тамъ было менѣе, чѣмъ католиковъ. Все мѣстное русское населеніе состоитъ изъ крестьянъ.

Князь А. Д. Оболенскій 2. Надо указать въ законѣ минимы съ русскимъ населеніемъ, коимъ могло бы быть предоставлено избраніе особаго члена государственной думы, но отнюдь не слѣдуетъ выдѣлять для выборовъ въ отдѣльныя группы лицъ разныхъ вѣроисповѣданій.

Е. и. в. Во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы православное населеніе Холмской Руси имѣло самостоятельное право избирать члена думы. Я это уже обѣщалъ.

Графъ С. Ю. Витте. Разрѣшите мнѣ, В. и. в., сказать нѣсколько словъ. Слѣдуетъ ожидать, что новый избирательный законъ не внесетъ успокоенія не только въ революціонные кружки,

но и среди умѣренныхъ элементовъ. Результаты будутъ плохіе, но въ какой интенсивности они проявятся—предвидѣть, конечно, невозможно. О срокѣ созыва государственной думы ничего сказать нельзя. Приступить немедленно къ выборамъ—даже этого сказать нельзя. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя находятся въ данное время на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны, не могутъ быть произведены выборы, и начатые выборы должны прерываться съ объявленіемъ въ данной мѣстности военного положенія или чрезвычайной охраны.

Графъ Д. М. Сольскій. Можно нынѣ повелѣть приступить не къ выборамъ, а къ составленію избирательныхъ списковъ. Въ настоящее время всѣ ходатайствуютъ о скорѣйшемъ созывѣ государственной думы на основаніи манифеста 17 октября.

Е. и. в. Я не имѣю въ виду откладывать созывъ думы. Необходимо безотлагательно исправить проектъ и мнѣ его представить. Окончательную редакцію пусть пересмотрятъ графы Сольскій и Витте и статсъ-секретарь Фришъ.

Критика и бібліографія.

Г. В. Плехановъ. Исторія русской общественной мысли, изд. т-ва «Міръ», томъ I, 1914 г. и томъ II, 1915 г.

Широко задуманный и систематично выполняемый большой трудъ Г. В. Плеханова по исторіи русской общественной мысли заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія и со стороны ученыхъ специалистовъ и со стороны широкихъ круговъ образованныхъ читателей, стремящихся уяснить себѣ послѣдовательный ростъ нашего общественнаго сознанія, обусловленный историческимъ развитіемъ социальнаго и политическаго строя въ нашемъ отечествѣ.

Исторія общественной и политической мысли въ Россіи разрабатывалась до сихъ поръ почти исключительно монографически,—по отдѣльнымъ эпохамъ, представителямъ или по опредѣленнымъ ея темамъ, взятымъ въ отдѣльности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ соответственныхъ монографій преобладаетъ интересъ историко-литературный, и точка зрѣнія специфически социальная и политическая либо вовсе отсутствуетъ, либо отступаетъ на второй планъ. Общихъ обзоровъ исторіи русскихъ политическихъ и социальныхъ ученій у насъ нѣтъ, кромѣ III тома «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Малюкова. Этотъ почтенный трудъ, обладающій крупными достоинствами, все же не исчерпываетъ задачи полнаго и систематическаго историческаго обзора ни хронологически, ни по содержанію подлежащаго матеріала. Въ виду такого положенія дѣла «Исторія русской общественной мысли» Г. В. Плеханова призвана восполнить несомнѣнный и весьма существенный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ.

Неизмѣнно вѣрный своему давнишнему монистическому взгляду на исторію, Г. В. Плехановъ излагаетъ и объясняетъ развитіе русской общественной мысли съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Можно и, думается намъ, слѣдуетъ возражать противъ матеріализма, какъ единой основы и исключительной системы социальной философіи. Надлежитъ однако признать, что въ области причиннаго, генетическаго объясненія социальныхъ явленій, экономическій матеріализмъ оказывается наиболее плодотворной и потому наиболее цѣнной рабочей гипотезой. Строго проведенное въ трудѣ Г. В. Плеханова экономическое объясненіе исторіи русской общественной мысли обогащаетъ науку новыми выводами весьма высокаго достоинства.

Придерживаясь позитивно-научной методологіи, Г. В. Плехановъ является себя сторонникомъ сравнительно-историческаго метода и на дѣлѣ руководится имъ въ своемъ изслѣдованіи. Примѣнительно къ національной исторіи, къ области которой относится его собственное изслѣдованіе, Г. В. Плехановъ полагаетъ задачу сравнительнаго изученія не въ отвлеченіи общихъ чертъ сходства въ процессѣ социального развитія, а въ выдѣленіи специфическихъ

черть различія, отмѣчающихъ особенность процесса социальнаго развитія даннаго народа.

I и II томы обнимаютъ двѣ первыя части и четыре главы третьей части задуманнаго Г. В. Плехановымъ труда. Часть I представляетъ собою введение, въ которомъ данъ очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній. Часть II излагаетъ движеніе общественной мысли въ до-Петровской Руси. Первыя четыре главы III части, посвященной движенію русской общественной мысли послѣ Петровской реформы, заняты выясненіемъ общественной идеологии, созданной непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы, и политическаго настроенія дворянства при ближайшихъ преемникахъ Петра; конечнымъ пунктомъ въ этомъ послѣднемъ вопросѣ оказывается замыселъ верховниковъ при воцареніи Анны Іоанновны.

Въ вводномъ очеркѣ дается авторомъ общая характеристика историческаго хода развитія социально-экономическихъ отношеній въ Россіи и такимъ образомъ выясняется та матеріальная почва, на которой выростала и развивалась русская общественная мысль; раскрывается то социальное бытіе Россіи, которое опредѣляло собою социальное сознаніе русскаго народа. Путемъ критическаго разбора обобщающихъ схемъ, созданныхъ нашими историками, и использования частныхъ положеній, добытыхъ преимущественно В. О. Ключевскимъ и еще болѣе С. М. Соловьевымъ, Г. В. Плехановъ устанавливаетъ специфическія особенности историческаго хода социально-экономическаго развитія Россіи. Особенности эти усматриваются Г. В. Плехановымъ въ томъ, что по условіямъ географическаго положенія Россіи, экономическое развитіе ея шло путемъ непрестанной колонизаціи, каковая поддерживала экстенсивную культуру и препятствовала надлежащей интенсификаціи народнаго хозяйства. Направляя естественный приростъ своего населенія на занятіе новыхъ земель, а не на новые пути производства, Россія не создала многочисленныхъ центровъ торгово-промышленной дѣятельности. Крайняя слабость городской культуры повлекла за собою то, что въ Россіи не сложились и не развились тѣ начала и формы гражданской и политической свободы, которыя на западѣ Европы вырабатывались въ многочисленныхъ центрахъ городской жизни съ интенсивнымъ торгово-промышленнымъ производствомъ. Вслѣдствіе инертности и, слѣдовательно, малой продуктивности народнаго хозяйства, государственная организація поглощала въ Россіи весьма значительную въ процентномъ отношеніи часть національнаго дохода, что, въ свою очередь, понижало общій уровень развитія въ странѣ культуры. Обеспеченіе функционированія государственныхъ учрежденій при такомъ положеніи дѣла могло достигаться только путемъ закрѣпощенія всѣхъ классовъ населенія, полнаго подавленія личной свободы и отрицанія свободы политической.

Крѣпостной укладъ и отсутствіе свободы личности противопоставляли Россію Европѣ и сближали ее съ Азіей. Московское государство характеризуется Г. В. Плехановымъ, какъ азіатскій деспотизмъ.

Несмотря на всю замкнутость московскаго государства, содѣйство съ культурными народами Западной Европы привело Россію къ соприкосновенію съ ними и къ столкновеніямъ на экономическомъ и на военномъ поприщѣ. Для того, чтобы отстоять свое существованіе въ этомъ столкновеніи и активно обезпечить свои интересы, Россія была поставлена въ необходимость заимствовать у Западной Европы ея же оружіе, въ видѣ военной, государственно-адми-

административной и экономической техники, созданной европейской культурой. Таким образом началась, особенно резко с Петра Великого, европеизация России. Разъ начавшийся процесс европеизации развивался неуклонно, вынуждая за пределами технических заимствований и распространялся на восприятие разных сторон духовной культуры европейского запада, в том числе его социальных и политических идей. Весь дальнейший путь Петра Великого ход русской истории идет по извилистому, но неизменному пути европеизации России. Начала европейской культуры проникали в Россию в различной степени и в разнообразной последовательности, причем азиатские начала старого уклада русской жизни частью вытеснялись европейскими, частью удерживались и образовали с нами разнообразныя, нередко причудливыя сочетания. Процесс европеизации русской жизни не законченъ до сих поръ. По словамъ Г. В. Плеханова, Россия слишкомъ европеизована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизована сравнительно съ Европой. Ниѣтъ, думается намъ, основаніе утверждать, что и переживаемая нами революція свидѣтельствуетъ о значительныхъ «европейскихъ недочетахъ» русской жизни въ ея прошломъ и въ настоящемъ.

Примѣнительно къ указаннымъ особенностямъ социально-экономическаго и социально-политическаго развитія России, налагаются Г. В. Плехановымъ и исторія русской общественной мысли. Этими особенностями объясняются узость и скудость политическихъ темъ, которыя выдвигала общественная мысль въ московскую эпоху, и полное отсутствіе среди нихъ вопроса о личной свободѣ, принципиальная постановка котораго занимала западно-европейскіе умы съ XVI вѣка. Этими же особенностями объясняется та приверженность къ государственному и монархическому абсолютизму, которую весьма долго и упорно сохраняла русская общественная мысль въ періодъ своей постепенной европеизации.

Не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе изслѣдованія Г. В. Плеханова, отлагая болѣе подробный разборъ до обсужденія III тома, который вышелъ изъ печати всего лишь на-дняхъ. Полагаемъ, что и данная нами общая характеристика является достаточной для того, чтобы привлечь къ труду Г. В. Плеханова то серьезное вниманіе, котораго трудъ несомнѣнно заслуживаетъ.

Θ. Тарановскій.

S. P., membre de plusieurs sociétés savantes. Histoire de la Révolution russe. 1905—1917. Paris, 1917.

Эта небольшая книжка вышла въ коллекціи «*Pages d'histoire*», издающейся для самой широкой публики. Для русскаго читателя ова интересна только въ томъ отношеніи, что даетъ представленіе о принятыхъ во Франціи, такъ сказать, методахъ популяризаціи нынѣшней русской исторіи.

Книжка начинается съ событій 1904 года и доводитъ изложеніе до мая 1917 года. Въ общемъ, факты изложены правильно, въ логической связи. Разсказъ—серьезенъ, нѣсколько сухъ. Лучшее всего вышло повѣствованіе о послѣднихъ мѣсяцахъ существованія монархіи. Очень уместно тамъ и самъ вставлены отдѣльныя мнѣнія и замѣчанія стороннихъ и безпристрастныхъ наблюдателей, характеризующія происходившую безнадежную борьбу русскаго

общества съ упорствомъ и сознательною недобросовѣстностью Николая II и близкихъ къ нему лицъ. Каждую отсрочку засѣданій государственной думы американскія газеты, напр., учитывали какъ «германскій успѣхъ на восточномъ фронтѣ». Приводятся также облетѣвшія всю европейскую и американскую прессу слова стараго графа Бенкендорфа, русскаго посла въ Лондонѣ: «Эпидемія умышленнаго свирѣпствуетъ въ правящихъ кругахъ Петрограда».

Къ самому царю авторъ, выставившій на своей книжкѣ лишь инициалы, относится сравнительно мягко, больше съ жалостью, чѣмъ съ осужденіемъ. Онъ считаетъ царя совершенно чуждымъ какому бы то ни было проискамъ въ пользу сепаратнаго мира. Его отреченіе отъ престола, по благородству тона, можетъ быть сравнено, полагаетъ авторъ, съ знаменитымъ завѣщаніемъ Людовика XVI.

Авторъ, помѣтившій конецъ своей книжки 10-мъ мая 1917 года, еще поддерживаетъ официално утвержденную тогда французской военной цензурой точку зрѣнія на основную причину и характеръ революціи: переворотъ понимается имъ, главнымъ образомъ, какъ протестъ противъ германофильства и тайной измѣны двора и сановниковъ и какъ результатъ стремленія къ побѣдѣ надъ Германіей.

О тѣхъ теченіяхъ въ самой революціи, которыя оказались опредѣленно анти-патріотическими и которымъ суждено было привести Россію на край гибели, онъ не говоритъ ничего.

Вообще, необычайная сложность этого грандіознаго феномена, революціи 1917 года, явно не по плечу нашему автору. Впрочемъ, не въ популярной книжкѣ, и не теперь еще пока—мѣсто и время анализировать этотъ феноменъ. О русской революціи можно повторить приблизительно тѣ слова, которыя сказалъ Цицеронъ Юлію Цезарю; мы тоже можемъ сказать: «много еще о ней будетъ споровъ, когда всѣ мы уже будемъ лежать въ могилѣ».

Е. Тарле.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. (Съ воспоминаніями П. А. Крапоткина.). Петроградъ, 1917 г., стр. 205. Изд-ство «Свѣточъ». Цѣна 3 р. 75 к.

Только теперь русскіе читатели получаютъ возможность познакомиться въ полномъ, неискаженномъ видѣ съ произведеніями одного изъ самыхъ привлекательныхъ представителей русскаго революціоннаго движенія С. М. Степняка-Кравчинскаго. До сихъ поръ Степнякъ былъ лучше извѣстенъ въ Англіи, гдѣ онъ провелъ значительную часть своей недолгой жизни, чѣмъ у насъ, гдѣ его имя долгое время оставалось подъ запретомъ. Теперь С. А. Венгеровъ выпускаетъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Степняка. При первой появившейся части этого собранія напечатаны специально написанныя для этого изданія воспоминанія П. А. Крапоткина объ его безвременно погибшемъ другѣ.

П. А. Крапоткинъ познакомился съ Кравчинскимъ еще въ 1872 году, въ періодъ зарожденія кружка «чайковцевъ». Оба они были дѣятельными членами этого кружка. Энтузіастъ, не знавшій колебаній въ томъ, во что онъ увѣровалъ, Кравчинскій первымъ претворялъ свою вѣру въ дѣло, пошелъ въ народъ.

Но осторожность не была въ его характерѣ. Очень скоро его постигла та участь, которая стала въ ближайшее время общей участію тѣхъ, кто несъ свои силы и вѣру въ деревни: по приказанію начальства, при дѣятельной помощи крестьянъ юный проповѣдникъ былъ арестованъ.

По счастливой случайности ему удалось бѣжать отъ конвоя. Онъ явился въ Москву и дѣятельно принялся за работу въ томъ же направленіи. Въ 1874 году онъ снова путешествовалъ по Россіи, но уже на этотъ разъ, обладая большей опытностью, не далъ себя арестовать и благополучно вернулся въ Москву.

Продолжать революціонную дѣятельность въ Россіи ему было невозможно—онъ сталъ слишкомъ извѣстенъ полиціи, и товарищи энергично настаивали на его выѣздѣ за границу. Но его дѣятельная натура не позволила ему отправиться, какъ это дѣлало большинство, въ Швейцарію и тамъ войти въ русло эмигрантской жизни. Его влекло туда, гдѣ можно было отдать силы борьбѣ за свободу, хотя бы и не родного народа.

Онъ отправился сначала въ Герцеговину, гдѣ принялъ участіе въ возстаніи противъ турецкаго ига, а потомъ судьба занесла его въ Италію, и онъ не замедлилъ принять участіе въ вооруженномъ возстаніи въ Бенвенто. Тутъ онъ былъ арестованъ и просидѣлъ почти годъ въ итальянской тюрьмѣ...

Между тѣмъ въ Россіи начался періодъ террористической дѣятельности, и Кравчинскій вернулся, чтобы принять въ немъ самое дѣятельное участіе. Но полиція не забыла его, онъ настолько привлекалъ вниманіе ея, что его пребываніе становилось опаснымъ уже не для него, а для его друзей и для дѣла. Только благодаря этому товарищамъ удалось уговорить его опять уѣхать за границу.

Съ 1879 года онъ уже непрерывно жилъ за границей, сначала въ Швейцаріи, а потомъ въ Англіи, занимаясь литературными работами, но не прерывая связи съ Россіей. Въ Лондонѣ онъ основалъ «Общество друзей русской свободы», имѣвшее цѣлью ознакомить англичанъ съ Россіей вообще и съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ въ частности. Общество это издавало газету «Free Russia»—«Свободная Россія»—на англійскомъ языкѣ, старавшуюся держать англичанъ въ курсѣ русскихъ дѣлъ. Съ другой стороны, оно должно было оказывать помощь борцамъ за русскую свободу.

Значительно больше чѣмъ, «обществомъ», содѣйствовалъ Кравчинскій пониманію и симпатіи къ Россіи среди англичанъ своими беллетристическими произведеніями изъ русской жизни, на англійскомъ языкѣ.

Къ несчастію трагическая случайность рано прервала эту богатую дарованіями жизнь. 11 декабря 1895 года Сергѣй Кравчинскій попалъ подъ поѣздъ маленькой Лондонской желѣзной дороги. Ему было въ то время всего 43 года.

Всѣ свои недюжинныя дарованія, всѣ свои силы, всю недолгую жизнь, онъ отдалъ одному дѣлу, въ которое съ ранней юности вложилъ всю душу—въ дѣло просвѣщенія и освобожденія русскаго народа,—не Россіи даже, а именно ея трудящагося народа. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей именно русской формы борьбы за лучшее будущее. Не той національной борьбы за освобожденіе, какую знали почти всѣ народы, а специальной борьбы русской интеллигенціи—борьбы во имя угнетеннаго народа.

Ни одна европейская страна не имѣла, какъ извѣстно, такой интеллигенціи, какъ наша, самоотверженно отдавшей свои силы на служеніе меньшому брату. И... ни одна страна не знала такой розни, такой пропасти, такого непониманія между народомъ и интеллигенціей, какъ наша злополучная родина.

Романъ Степняка «Штундистъ Павелъ Руденко» даетъ очень много для пониманія происхожденія той трагической трещины, которая разошлась потомъ въ цѣлую пропасть, грозящую теперь поглотить всѣ завоеванія русской освободительной мысли.

Въ этомъ романѣ, не отличающемся особенно яркими художественными достоинствами, правдиво и искренно изображено столкновение разныхъ міровъ, на которые распадалась и распадается русская жизнь.

Прежде всего темная, невѣжественная народная масса. Несмотря на свой народническій идеализмъ, Степнякъ довольно правдиво изображаетъ эту первобытную среду, гдѣ дикіе инстинкты сдерживаются только привычкой къ слѣпому повиновенію.

Но смутное стремленіе къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлому живетъ все-же въ этихъ темныхъ душахъ. Отдѣльные, болѣе одаренныя личности ищутъ выхода, и по своему, безъ всякой помощи со стороны, находятъ его. Выходъ этотъ—вѣра. Не та казенная, искаженная полицейскими надстройками религія, которую несутъ церковь, а та внутренняя, добытая непосредственной интуиціей и настойчивымъ исканіемъ духа простая, доступная неподготовленному уму и сознанію вѣра, которую даютъ народные секты.

Съ точки зрѣнія своего матеріалистическаго міросозерцанія 70-хъ годовъ, Кравчинскій долженъ былъ видѣть въ сектантахъ узкихъ фанатиковъ, удивившихъ народную душу въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ, по его представленію, выхода.

Именно этимъ путемъ, путемъ собственныхъ долгихъ и трудныхъ исканій народъ, быть можетъ, со временемъ вышелъ бы на путь свѣта. Но это путь долгій, рассчитанный не на года и не на десятилѣтія даже, а на вѣка—на тѣ вѣка, на которые толща русскаго народа отстала отъ Европы.

Но на помощь этой отставшей народной массѣ пришли люди, вкусившіе отъ европейской мудрости.

Новый учитель приходилъ въ этотъ непроглядный мракъ, гдѣ единственнымъ свѣточемъ былъ поддерживаемый слабыми неумѣльными руками огонекъ вѣры, и начиналъ съ того, что задувалъ его. И во имя чего?

Штундистъ довольно тонко характеризуетъ то положительное, что онъ несъ съ собой.

«...Такой вы до простого народа жалостливый, — говоритъ ему по другому поводу Павелъ. — Всякому въ нуждѣ вы помочь готовы. Такъ какъ же, чтобы вы, пешась о тѣлесныхъ нуждахъ братій вашихъ по Христу, о душахъ ихъ не брегали?»

— Да развѣ я не брегу? — съ улыбкой возразилъ Валерьянъ. — Чуть мнѣ мало-мальски умственный мужикъ или парень попадется — я ему сейчасъ книгу-другую въ руки. Видали, можетъ?

— Какъ же, видалъ, — отвѣчалъ Павелъ. — Объ хлѣбопашествѣ, да объ уходѣ за скотомъ, о звѣздахъ тамъ небесныхъ и геенахъ всякихъ, либо исторію о старинныхъ временахъ.

— Есть и другія, которыхъ вамъ не показывали, — засмѣялся Валерьянъ. — Да чѣмъ же вамъ и эти не нравятся: это вѣдь все пища для ума, т.-е. для души.

— Конечно. Да вѣдь это все суета! — сказалъ Павелъ съ откровенностью истиннаго убѣжденія.

Тутъ корень вопроса.

Для самих проповѣдниковъ въ этомъ служеніи меньшому брату была своя возвышающая душу религія, но для тѣхъ, кому они несли свою проповѣдь, она содержала въ себѣ только средство получить побольше благъ земныхъ для себя.

Такъ это понималъ и штундистъ. И хотя со временемъ онъ научился лучше цѣнить этихъ людей, — душу свою полагавшихъ за други своя — но понять ихъ проповѣди онъ не могъ. Каждый разъ, когда дѣло доходило до самаго для него главнаго — до вопроса о душѣ и о Богѣ, чувствовалась непроходимая пропасть между ними. — «Какая польза человѣку и про звѣзды, и про звѣрей, и про людей разныхъ знать, когда онъ не познаетъ Бога, все это сотворившаго и живущаго въ его собственной душѣ? Вотъ это вы ему откройте, и онъ вамъ спасибо скажетъ».

Но этого открыть новые учителя не могли, потому что религія ихъ была человѣческая. Они звали народъ не во имя Бога, а во имя его благополучія. И народъ или не понималъ ихъ, или понималъ чрезвычайно грубо.

И теперь, въ часъ, когда русскому народу пришлось рѣшать собственными силами свои историческія судьбы, оказалось, что та интеллигенція, которая могла бы явиться его вождемъ, отброшена имъ, какъ врагъ, отброшена, какъ часть того класса господъ, къ которому онъ чувствуетъ въковую вражду. И это логично. Въдъ, революціонная интеллигенція, и народническая, и марксистская, всю свою пропаганду обосновывала указаніями на социальное неравенство и матеріальную нужду низшихъ классовъ. Когда борьба перешла отъ словъ къ дѣлу, народъ естественно отнесъ и интеллигенцію къ нему, тѣмъ онъ, социальнѣе классу, отстаивающему иные классовые интересы. Чисто духовной силой въ ней не видѣлъ, и не видѣлъ потому, что сама интеллигенція не выдвигала въ своей проповѣди духовныхъ цѣнностей, какъ самодовлѣющихъ.

По всей вѣроятности, если-бы судьба не прервала такъ рано жизнь Кравчинскаго, онъ такъ же болѣзненно переживалъ бы теперь трагическую развязку романа интеллигенціи съ народомъ, какъ и многіе другіе изъ его сверстниковъ.

Но для живущихъ теперь, его отсутствіе въ этотъ трудный моментъ, очень чувствительно. Онъ не могъ бы, конечно, повернуть неблагоприятный для насъ ходъ исторіи, но онъ могъ бы внести свой умудренный опытъ и ноты здраваго пониманія революціонной борьбы въ нашу партійную свару.

Недаромъ онъ еще въ тѣ далекія отъ нашей революціи времена высказывалъ такія поистигъ свѣтлыя и прекрасныя мысли по поводу революціи.

«Онъ глубоко сознавалъ, — пишетъ о немъ его ближайшій другъ Краткинъ, — что великое дѣло никогда не дѣлается одною партіею, что для великаго общественнаго переворота нужны усилія разныхъ партій, что каждая изъ нихъ нужна, и что имъ слѣдуетъ не стараться задушить другъ друга, а идти каждая своей дорогой къ общей цѣли — дѣлу освобожденія... Учитывать заранѣе революцію съ цѣлью захвата власти въ руки данной партіи — преступно, такъ какъ это лучшее средство помѣшать революціи...»

Т. Богдановичъ.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**№ 4 (26)
ОКТАБРЬ
1917.**

Вождь реакціи 60—80-хъ годовъ.

(Письма Каткова Александру II и Александру III).

Въ собственной библіотекѣ императора, поступившей въ государственный архивъ, сохраняется тетрадь, поднесенная Николаю II генералъ-маіоромъ Катковымъ, и содержащая копін съ писемъ извѣстнаго реакціоннаго публициста, издателя-редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», М. Н. Каткова къ императорамъ Александру II и Александру III. Копіи сняты вдовой Каткова и, къ сожалѣнію, далеко не всегда отличаются исправностью: въ нихъ встрѣчаются орфографическія ошибки, которыхъ, по всей вѣроятности, въ подлинныхъ письмахъ Каткова не было; однако, за неимѣніемъ подлинниковъ, и эти копіи, въ которыхъ рядомъ съ полнымъ текстомъ писемъ приводятся иногда и отрывки, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о томъ вліяніи, какое имѣлъ Катковъ, какъ на внѣшнюю, такъ въ особенности на внутреннюю политику Россіи, пользуясь огромнымъ довѣріемъ Александра II и Александра III. Въ обращеніяхъ Каткова къ царямъ, проникнутыхъ духомъ послѣдовательной реакціи, въ которой онъ видѣлъ проявленіе истинно-русской государственности, проявляется замѣчательная его настойчивость: въ обычныхъ формахъ придворнаго этикета Катковъ высказывается иногда тономъ крайне авторитетнымъ, какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Александру III, написаннаго въ 1887 г.: «Простите дерзновеніе моей преданности. Молю Ваше Величество выслушать меня во имя Вашего престола, во имя страны, надъ которой Богъ Васъ поставилъ, во имя столькихъ поколѣній, страдавшихъ и умиравшихъ за ея величіе, честь и славу. Наступила послѣдняя минута. Довѣрьтесь только русскому чувству, и да умолкнутъ малодушные совѣты, думающіе проникать въ святилище рѣшеній Монарха Россіи. Послѣдній мигъ наступилъ. Нужно дѣйствовать; ни отступать, ни медлить невозможно».

Указывая на свои заслуги въ дѣлѣ охраненія началъ русской государственности, Катковъ отмѣчаетъ даже какъ бы провиденціальныи характеръ своего призванія: онъ предназначенъ былъ служить Александру II потому, что родился съ нимъ въ одинъ годъ. Александру III онъ даетъ свои совѣты, какъ чело-вѣкъ, служившій его отцу и всегда радѣвшій о пользѣ государственной. При этомъ онъ особенно старается подчеркивать, что

плєніе здоровыхъ началъ русскаго политическаго строя. Поэтому письма Каткова, касающіяся вопросовъ внутренней русской политики, могутъ считаться весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія идеологій нашей реакціи, а также и психологій вождей этого политическаго теченія. Въ виду такого ихъ значенія, мы помѣщаемъ изъ нихъ наиболѣе важныя, посвященныя главнымъ образомъ вопросамъ просвѣщенія.

Всемилоствѣйшій Государь.

И долгъ вѣрноподданнаго и глубокая душевная потребность побуждаютъ меня и даютъ мнѣ смѣлость обратиться непосредственно къ Вашему Величеству. Въ настоящее, столь критическое для меня время я долженъ высказать передъ Вами, Государь, всю мою душу.

Я родился въ одинъ годъ съ Вашимъ Величествомъ. Живю помню то время, когда въ бѣдномъ глухомъ городкѣ, гдѣ я жилъ ребенкомъ, въ церквахъ приносилась присяга на вѣрность Вашему Августѣйшему Родителю и Вамъ, какъ Наслѣднику Его Престола; живо помню, какъ въ дѣтской душѣ моей оказалось тогда чувство, въ которомъ ребенокъ не могъ отдать себѣ отчета, но которое и теперь возобновляется во всей своей индивидуальности, какъ только я обращаюсь мыслію къ тому времени. Мнѣ почувствовалось, что я призванъ какъ-то особенно послужить Вамъ. Когда я росъ ребенкомъ, часто повторялся во мнѣ этотъ голосъ, часто въ моемъ дѣтскомъ воображеніи представлялъ я себѣ моего царственнаго сверстника и мечталъ о моей будущей службѣ Ему. Обстоятельства моего развитія заключили меня въ сферу чисто-умственныхъ интересовъ. Годы моей молодости протекли почти въ отшельническомъ уединеніи. Весь преданный занятіямъ умовительнаго свойства, я не принималъ участія ни въ какихъ дѣлахъ, ни въ какихъ практическихъ интересахъ, и былъ чуждъ всему окружавшему. Случилось такъ, что первое начало моей самостоятельной общественной дѣятельности совпало съ вступленіемъ Вашего Величества на престолъ. Въ 1855-мъ году я исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе на открытіе журнала съ политическимъ характеромъ, который съ каждымъ годомъ Вашего царствованія прибрѣталъ все большее значеніе и расширялъ сферу своего дѣйствія. Готовившіяся великія преобразованія будили меня и обращали къ дѣлу. Наступилъ 1861 годъ, ознаменованный важнымъ событіемъ, которое положило эпоху въ русской имперіи. Все пришло въ движеніе, возникли новыя условія и задачи для правительства, новаго свойства опасности для государства и общества. Оказалась необходимость въ сильномъ дѣйствіи для направленія общественнаго мнѣнія, преданнаго всевозможнымъ вліяніямъ, явнымъ и тайнымъ. Случилось, что въ 1862 году московскій университетъ постановилъ сдать свою старую газету въ частныя руки. Мы взяли ее послѣ упорной

и сильной конкуренціи, на тяжелыхъ условіяхъ, съ трудомъ преодолевъ много неожиданныхъ препятствій. Въ то время, когда дѣло это рѣшалось, я впервые имѣлъ счастье представиться Вашему Величеству. Нѣсколько милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ тогда Вашимъ Величествомъ и Государыней Императрицей, произвели чудесное дѣйствіе. Когда я стоялъ предъ Вашимъ Величествомъ, мѣшаясь въ отвѣтахъ, во мнѣ со всею силою проснулось мое дѣтское чувство. Грезѣ ребенка предстояло осуществиться. Вотъ та особенная служба, которая была мнѣ предназначена. Горизонтъ былъ тогда мраченъ, признаки тревожны, готовились событія.

Товарищъ мой, профессоръ Леонтьевъ, былъ посланъ мнѣ Богомъ еще въ первую пору моего уединеннаго умственнаго развитія, и онъ былъ неразлученъ со мною съ самыхъ первыхъ шаговъ моей общественной дѣятельности. Между нами издавна установилась полная симпатія и единство во всѣхъ нашихъ мысляхъ, убѣжденіяхъ и интересахъ. Мы пополняли другъ друга.

Насъ хотѣли выставить честолюбцами. Но вся наша жизнь и самый характеръ нашей послѣдней дѣятельности громко свидѣтельствуютъ противъ этого. Какъ никогда не старались мы угождать вліятельнымъ лицамъ и партіямъ, въ видахъ честолюбія, такъ не были мы и искателями популярности.

Личная выставка противна всѣмъ инстинктамъ нашимъ. Почти всегда дѣйствовали мы вопреки моднымъ увлеченіямъ. Никогда не обращались мы съ лестью ни къ незрѣлой мысли, ни къ воображенію, ни къ страстямъ. Мы опирались только на здравый смыслъ людей, и всегда имѣли въ виду публику, несклонную къ пустымъ увлеченіямъ. Сочувственныя заявленія, которыхъ случалось намъ быть предметомъ, относились не къ намъ, даже не къ мнѣніямъ нашимъ, а къ тѣмъ интересамъ, на которые мы указывали. Намъ сочувствовали люди, преимущественно преданные престолу и порядку, сочувствовали потому, что видѣли въ насъ честныхъ слугъ Вашего Величества. За то же самое были мы предметомъ вражды, которая осыпала насъ ругательствами и клеветами.

Мы были несговорчивы и неуступчивы. Но ни въ одномъ изъ вопросовъ, которыхъ мы касались, не было ничего нашего, чѣмъ имѣли бы мы право располагать по преимуществу: какъ-же мы могли быть уступчивы? Чистота нашего служенія требовала полной независимости отъ всевозможныхъ партій, какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ сословіяхъ. Наша дѣятельность потеряла бы смыслъ и была бы болѣе вредна, чѣмъ полезна, еслибъ мы по разнымъ вопросамъ позволяли себѣ вступать въ какія бы то ни было соглашенія и сдѣлки. Служить тому, на комъ почіютъ судьбы великой страны, служить не для вида, а по правдѣ, можно только при полномъ самоотверженіи.

Не смѣю извинять свои дѣйствія посреди обстоятельствъ, которыя имѣли столь роковыя для насъ послѣдствія. Только по

повелѣнію Вашего Величества могъ бы я представить свои объясненія по этому предмету. Одно только осмѣлюсь сказать: не строптивость руководила нами, а честь того знамени, подъ которымъ дѣйствовали, и мы рѣшились лучше пожертвовать собою, нежели стерпѣть то, что считали его оскорбленіемъ.

На этихъ дняхъ я имѣлъ честь видѣться съ графомъ Шуваловымъ, который осчастливилъ меня сообщеніемъ, что Ваше Величество изволили благосклонно вспоминать о насъ, но изъ разговора съ нимъ я не могъ извлечь определенныхъ указаній на то, что ожидаетъ насъ впереди. Сердце царево въ рукѣ Божіей. Рѣшеніе Вашего Величества примемъ мы за указаніе Провидѣнія, и безропотно покоримся ему.

1886 годъ.

Всемилоствѣйшійъ Государь!

Испытанная и признанная преданность моя Вашему Величеству побуждаетъ меня свидѣтельствовать по дѣлу, мнѣ вполнѣ извѣстному и подающему поводъ къ опаснымъ въ это смутное время недоразумѣніямъ.

Да поможетъ Богъ доблестному генералу, обремененному особеннымъ довѣріемъ Вашего Величества, вывести наши дѣла изъ смуты. Зло, съ которымъ ему прежде всего приходится бороться, имѣетъ острый характеръ. Опасно медлить раскрытіемъ и искорененіемъ этого зла, но столь же опасна ошибка въ діагнозѣ и врачеваніи, которая поверхностный недугъ можетъ превратить въ хроническій. Мысль дѣйствовать въ союзѣ съ обществомъ есть мудрая мысль. Но для того, чтобы имѣть общество на своей сторонѣ, слѣдуетъ искать сойтись съ нимъ не столько во мнѣніяхъ, сколько въ интересахъ. Нельзя гоняться за мнѣніями, которыя ходятъ въ обществѣ, особенно въ смутную пору, какова нынѣшняя, когда всякій обманъ легко овладѣваетъ умами, превращаетъ людей въ безмысленное стадо, заставляетъ ихъ хотѣть, чего сами не знаютъ, требовать, чего не хотятъ, и дѣйствовать вопреки самимъ себѣ. Исторія представляетъ разительные и страшные примѣры катастрофъ, вызванныхъ исканіемъ подладиться къ ходячимъ въ обществѣ мнѣніямъ. Иное дѣло привлекать на свою сторону интересы общественныхъ классовъ и соображать правительственныя мѣры съ народными нуждами. Всякое дѣйствіе правительства въ этомъ смыслѣ почувствуется быстро и приобрететъ ему несравненно болѣе надежную поддержку и популярность, чѣмъ гоньба за блудящими огоньками, такъ называемого, общественного мнѣнія.

Ваше Величество въ чувствѣ Вашего священнаго призванія справедливо озабочены судьбою нашего учащагося юношества, въ которомъ зрѣетъ будущее обновленной Вами Россіи. Это главный вопросъ среди нынѣшнихъ обстоятельствъ. Во всякомъ другомъ дѣлѣ ошибки поправимы, но въ вопросахъ народного просвѣщенія онѣ влекутъ къ послѣдствіямъ, гибельнымъ для цѣлыхъ поко-

лѣній. Посреди преобразованій, которыя совершались въ истекшее славное 25-лѣтіе нашей исторіи, самымъ необходимымъ послѣдствіемъ крѣпостного права и самымъ труднымъ было преобразование по учебному вѣдомству. Наша исторія не завѣщала намъ въ этомъ дѣлѣ руководящихъ преданій; наше образованное общество не имѣло никакихъ понятій и не могло имѣть сужденія въ вопросахъ этого рода, наша наука безъ самостоятельности и достоинства, слабая и колеблемая всякимъ вѣтромъ, не могла дать въ этомъ дѣлѣ правильныхъ указаній, а напротивъ, сама-то и была тѣмъ недугомъ, который требовалъ врачеванія. Самъ Богъ вложилъ въ Ваше сердце, Государь, великодушную и мудрую рѣшимость направить дѣло нашего народнаго образованія на путь единственно вѣрный и надежный. Примите, Всемилоствѣннѣйшій Государь, свидѣтельство это отъ человѣка, никогда не колебавшагося въ своемъ гражданскомъ долгѣ, свободно посвятившаго себя служенію Вамъ и Вашему Государству, много за это потерпѣвшаго поношеній и навлекавшаго на себя ожесточенную злобу партій, человѣка, не связаннаго никакимъ корыстнымъ интересомъ съ дѣломъ своего свидѣтельства,—напротивъ, приносившаго ему тяжкія жертвы, изучившаго всѣ соединенные съ нимъ вопросы не въ теоріи только, но и на опытѣ, и имѣющаго достаточно политическаго разумѣнія, чтобы понимать его связь съ основными и существенными интересами Государства.

Не смѣя долѣе, въ виду выраженной Вашимъ Величествомъ воли, оспаривать начала установленной въ нашихъ гимназіяхъ системы, агитація сосредоточила свои усилія противъ министра народнаго просвѣщенія, не безъ основанія увѣренная, что съ его немедленнымъ удаленіемъ, при недостаточной опытности и убѣжденности его преемника, довольно будетъ нѣсколько незамѣтныхъ перемѣнъ, чтобы лишить сдѣланное всякой силы и значенія, и остановить дальнѣйшее движеніе учебной реформы, которая не можетъ считаться оконченною и обезпеченною въ своихъ результатахъ, пока наши университеты не будутъ выведены изъ своего нынѣшняго ложнаго положенія.

Я не имѣю никакихъ личныхъ пристрастій къ графу Толстому. Сближался я съ нимъ лишь въ интересахъ дѣла, которому и онъ, и я служили; въ личныхъ же моихъ къ нему отношеніяхъ я имѣлъ бы скорѣе поводъ чувствовать себя недовольнымъ, и даже оскорбленнымъ. Но Боже меня сохрани руководиться въ дѣлѣ общей пользы какими бы то ни было личными соображеніями. Государь, я говорю передъ Вами, какъ передъ Богомъ, какъ на-духу. Каковы бы ни были личные свойства графа Толстого, онъ служить Вамъ, Государь, вѣрой и правдой, и ознаменовалъ себя заслугами, которыя внесутъ его имя въ исторію Вашего Славнаго Царствованія. Не личные неудовольствія и не какія-либо ошибки по управленію подняли противъ него бурю, но твердость и вѣрность, съ какими онъ исполнялъ свой долгъ. Онъ донесъ до верховной инстанціи, не разорявъ и не

испортивъ планъ учебной реформы, и привелъ его въ исполненіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ во всемъ главномъ и существенномъ. Это сдѣлало его непріятнымъ для всѣхъ противниковъ реформы, какъ добросовѣстныхъ и несвѣдущихъ, такъ и недобросовѣстныхъ и свѣдущихъ. Онъ былъ вѣрнымъ по своей части органомъ системы управленія, установленной Вашимъ Величествомъ въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ,—и вотъ другая причина ожесточенной противъ него агитаціи со стороны противниковъ этой системы, досаждающихъ на министра, который правдиво и честно исполнялъ волю своего Государя, успѣшно утвердивъ во всѣхъ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ господство русскаго языка. Онъ ревностно стоялъ на стражѣ русской народной школы, не давая никакимъ партіямъ вырвать или выманить ее изъ рукъ правительства: вотъ новая причина искусственной непопулярности, которую ставятъ графу Толстому въ упрекъ. Ему было-бы, конечно, легче и удобнѣе, умывая себѣ руки, отдавать народное обученіе въ полное вѣдѣніе земскихъ управъ; онъ былъ бы тогда всѣмъ угоденъ; но было ли бы это согласно съ правительственнымъ долгомъ? Государство не можетъ выпускать изъ своихъ рукъ дѣло народнаго образованія, не только въ переходное и смутное время, каково наше, но и во всякое. Дѣло это не можетъ быть предоставлено случайной прихоти или тенденціямъ безотвѣстныхъ лицъ. Наши земства, организованныя вовсе не для педагогическихъ цѣлей, вдругъ возымѣли страсть заниматься педагогическимъ дѣломъ вмѣсто того, чтобы поддерживать въ исправности мосты и шоссеиныя дороги. Страсть эта не могла бы сама собою родиться въ средѣ этихъ добрыхъ, наполовину не совсѣмъ грамотныхъ людей. Обыкновенно ходатайства земствъ о предоставленіи имъ въ завѣдываніе учебной части бываютъ дѣломъ одного или нѣсколькихъ членовъ, имѣющихъ при этомъ свои виды, которые нерѣдко совершенно расходятся съ правительственными.

Наконецъ, есть еще причина, вызывающая въ эту минуту усиленную агитацію противъ министра народнаго просвѣщенія,—на очереди пересмотръ устава университетовъ. Если гимназіи даютъ университетамъ слушателей, то университеты даютъ гимназіямъ учителей,—а также дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы. Но устройство нашихъ университетовъ на основаніи устава 1863 года представляетъ аномалію, какой нѣтъ ничего подобнаго въ другихъ странахъ. Этимъ уставомъ государство неизвѣстно зачѣмъ и въ чью пользу отреклось отъ неотъемлемыхъ правъ своихъ и священной обязанности въ дѣлѣ научнаго образованія юношества, изъ котораго должны выходить его дѣятели и просвѣтители народа. Пока наши университеты не получаютъ правильнаго устройства, нельзя считать дѣло образованія въ Россіи обезпеченнымъ. Вопросъ этотъ былъ давно на очереди, и къ нему слѣдовало-приступить немедленно послѣ преобразованія гимназій.

Если тутъ есть вина министра, то развѣ въ томъ, что онъ, повидимому, опасался сильной оппозиціи и, быть можетъ, утомившись тяжелою, только что выдержанною борьбою, слишкомъ долго колебался и собирался, готовясь къ реформѣ, неотложность которой была очевидна.

Зато планъ этой реформы теперь зрѣло обдуманъ и разработанъ на основаніи тщательно собранныхъ свѣдѣній, при содѣйствіи бывшаго товарища министра с. с. Делянова. Проектъ реформы уже внесенъ въ государственный совѣтъ, и противники ея употребляютъ всѣ усилія, чтобы затормозить ее, сбивая своими обманами съ толку людей благомыслящихъ, но недостаточно знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Вотъ всѣ причины, такъ называемой, непопулярности нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія. Непопулярность эта произведена искусственно партіями, которыя видятъ въ немъ помѣху своимъ видамъ и злобствуютъ противъ него главнымъ образомъ за то, что онъ исполнялъ свой долгъ и исполнялъ успѣшно. Къ сожалѣнію, агитація противъ графа Толстого поддерживается въ самихъ правительственныхъ сферахъ, и на него указываютъ почти какъ на преступника, распространяя слухи о скоромъ увольненіи его. Въ Верховной распорядительной комиссіи, которая не можетъ оставлять безъ вниманія вопросъ объ огражденіи учащейся молодежи отъ происковъ злоумышленниковъ, не находится до сихъ поръ ни одного делегата отъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ будто само это министерство состоитъ подъ подозрѣніемъ и слѣдствіемъ.

Все это производитъ тягостное впечатлѣніе на людей благомыслящихъ и понимающихъ дѣло и усиливаетъ смуту.

Если бы утомленный 14-лѣтнимъ управленіемъ, сопряженнымъ съ тяжкими потрясеніями и борьбой, графъ Толстой пожелалъ оставить свой постъ, то ему слѣдовало-бы прежде дослужить свою службу Государю, докончить дѣло реформы и передать своему преемнику какъ высшія, такъ и среднія учебныя заведенія благоустроенными. Новый министръ, кто бы онъ ни былъ, не скоро можетъ найтись въ дѣлѣ неоконченномъ, которое задумано и начато другимъ. Оно неизбежно затянется, чего только и желаютъ противники дѣла. Вопросъ величайшей государственной важности, въ которомъ заключается теперь главная сила нашихъ нынѣшнихъ затрудненій, — вопросъ, требующій безотлагательнаго рѣшенія, — былъ бы компрометированъ и, быть можетъ, совсѣмъ испорченъ прежде, чѣмъ новый министръ успѣлъ бы ознакомиться со всѣми обстоятельствами дѣла.

Планъ университетской реформы выработанъ до мельчайшихъ подробностей, и разсмотрѣніе его въ государственномъ совѣтѣ, если бы послѣдовало Высочайшее повелѣніе, могло бы быть легко окончено въ текущую законодательную сессію.

Объ университетской реформѣ такъ же, какъ въ свое время о гимназической, возбуждены фальшивые толки. Устройство университетовъ должно подвергнуться пересмотру столь же въ инте-

ресѣ науки и учащагося юношества, сколько государства, будущность котораго много зависитъ отъ правильной организаціи его учебныхъ заведеній. Это не есть мѣра реакціонная, принимаемая въ какихъ-либо интересахъ, чуждыхъ дѣлу просвѣщенія, какъ кричатъ противники реформы, играя словами: «консервативный» и «либеральный». Это есть мѣра столь же либеральная, сколько консервативная, какою бываетъ всякая истинно-полезная мѣра.

Это есть освободительная мѣра, какъ и всѣ великія дѣянія нынѣшняго царствованія. Этою мѣрою цвѣтъ нашего учащагося юношества освобождается отъ произвола профессорскихъ коллегій, которымъ государство какъ бы отдало его на эксплуатацію.

Нынѣшнее устройство университетовъ нашихъ называютъ «самоуправленіемъ»; но самоуправленіемъ можетъ быть признано лишь такое устройство, при которомъ люди о собственныхъ дѣлахъ заботятся сами. Такъ было-бы, если-бы рѣчь шла объ автономіи какого либо ученаго общества, которому предоставлено опредѣлять кругъ своихъ занятій, выбирать своихъ членовъ, принимать экспедицію и т. д. То-ли видимъ въ университетахъ? Профессорскія коллегіи, пользуясь правительственнымъ авторитетомъ, безконтрольно и безотвѣтственно распоряжаются не своими дѣлами, а участью громадной массы учащихся, которые не только обязываются моделировать свой образъ мыслей согласно тому, что этимъ коллегіямъ заблагоразсудится преподавать имъ подъ видомъ науки, но отъ нихъ же получаютъ и служебныя права. Самая важная часть предполагаемой реформы заключается въ положеніи объ экзаменахъ, которые по проекту должны производиться не преподавателями изъ лекцій, ими читанныхъ, а особыми комиссіями по установленнымъ общимъ программамъ, такъ что экзамены будутъ служить не только повѣркой познаній студентовъ, но и регуляторомъ лекцій ихъ профессоровъ. Программы государственныхъ экзаменовъ опредѣлять и содержаніе, и размѣры университетскихъ курсовъ. Профессора обязаны будутъ читать именно то, что требуется отъ студентовъ на государственномъ экзаменѣ, и студентъ, для полученія правъ на государственную службу, долженъ будетъ доказать свои познанія въ наукахъ, а не въ томъ, что вздумается прочесть профессору, и что можетъ вовсе не соответствовать требованіямъ ни науки, ни государства. Студенту, съ другой стороны, предоставляется свобода распредѣлять свои занятія, и, благодаря учрежденію приватъ-доцентства, выбирать преподавателей, которые могутъ лучше и вѣрнѣе руководить въ приобрѣтеніи познаній, требуемыхъ государственными испытаніями. Съ своей стороны профессора освобождаются отъ тираніи своихъ товарищей, болѣе искусныхъ въ интригѣ, которые захватываютъ въ коллегіи власть, терроризируя непокорныхъ то посредствомъ «студенческихъ исторій», то страхомъ забаллотировки при возобновленіи срока службы и всякаго рода непріятностями и притѣсненіями, такъ что въ университетскихъ совѣтахъ нѣтъ свободы мнѣній голоса, и большинство

безусловно покорствуешь кучкѣ интригановъ, немногочисленной, но крѣпко сплоченной.

При новомъ устройствѣ всѣ поводы къ агитаціи и интриги въ профессорскихъ коллегіяхъ прекратятся, въ стѣнахъ университета водворится спокойствіе и духъ освобожденный отъ постоянной и при томъ дурной примѣси. Надзоръ за студентами и ихъ огражденіе отъ вредныхъ вліяній можетъ стать правдою только при новомъ уставѣ. Между тѣмъ какъ при нынѣшнемъ положеніи, недавно введенныя, по предложенію харьковскаго генераль-губернатора, временныя правила инспекціи остаются безсильною мѣрой, только роняющей правительственный авторитетъ въ глазахъ какъ профессоровъ, такъ и студентовъ.

Преобразование университетовъ, на основаніяхъ графа Толстого, есть мѣра крайней необходимости.

Всякое промедленіе только осложнитъ задачу и затруднитъ правительство.

Успѣшнымъ исполненіемъ этой реформы смута была бы поражена въ одномъ изъ главнѣйшихъ своихъ источниковъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

М. Катковъ.

1879 г. Іюль.

Ваше Величество!

Ничто такъ не нуждается въ твердости и спокойствіи, какъ школа, и никакая часть нашего быта не подвергается такъ часто потрясеніямъ и тревогамъ, какъ именно школа. Съ самаго начала 60-хъ годовъ шелъ непрерывный споръ объ учебной системѣ, который казался оконченнымъ въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія. Вопреки всѣмъ усиліямъ неразумія, малодушія и злонамѣренности, подавшихъ другъ другу руку въ этомъ вопросѣ, несмотря на ожесточенную оппозицію у самаго подножія Престола, вопросъ этотъ былъ благополучно рѣшенъ личнымъ изволеніемъ Верховной Власти, сохранившей къ счастію Россіи во всей полнотѣ и неприкосновенности свободу своихъ рѣшеній. Но законъ, установившій, наконецъ, въ нашихъ гимназіяхъ правильную учебную систему, не обезпечилъ ее, однако, отъ потрясеній и колебаній, препятствовавшихъ ей укорениться, лишающихъ довѣрія къ ней общества. Лица, къ сожалѣнію, слишкомъ вліятельныя, продолжаютъ враждовать противъ совершившейся реформы. Не бывъ въ силахъ предотвратить Высочайшее рѣшеніе, они надѣются обезсилить его, добиться его отмены или испортить дѣло на практикѣ. Неоднократно требовалось при разныхъ случаяхъ подтвержденія закона словамъ Монарха, но агитація, притаившаяся на время, вскорѣ снова поднимала голову, пользуясь всякой смутой. Особенно оживилась она въ послѣднее время. Вмѣсто того, чтобы нынѣ убѣдиться въ необходимости и пользѣ совершившагося преобразования нашей школы и отказаться отъ своихъ предразсудковъ, вліятельныя лица сочли это время осо-

бенно благоприятнымъ для агитаціи. Къ противникамъ реформы присоединились лица, которымъ не угоденъ нынѣшній министръ Народнаго Просвѣщенія, а угодно его мѣсто. Одни подкапываются подъ учебную систему, въ надеждѣ свергнуть министра, другіе подкапываются подъ министра для того, чтобъ ниспровергнуть систему. Какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ интрига, они прикрываютъ свои намѣренія отборными консервативными фразами, извращая смыслъ факта. Въ газетахъ безпрерывно появлялись слухи о предстоящемъ увольненіи министра и назывались лица, будто-бы имѣющіеся въ виду на его мѣсто. Съ другой стороны, провозглашалась предстоящая будто бы отиѣна вскорѣ учебной системы, которая только что получила свою полную организацію, начала оказывать свое благотворное дѣйствіе, отиѣна именно въ то время, когда все свидѣлствуетъ объ ея необходимости, когда слѣдовало бы усиленно озаботиться ея введеніемъ, если-бъ она не была еще введена въ наши гимназій. Учебный законъ имѣетъ двѣ существенныя части. Имъ, во-первыхъ, была водворена общепринятая во всемъ образованномъ мірѣ, классическая система въ нашихъ гимназіяхъ, во-вторыхъ, признано, что къ университетамъ можетъ вести только одинъ путь подготовительнаго образованія юношества въ гимназіяхъ. Обѣ эти части тѣсно связаны между собою, и весь смыслъ реформы былъ бы потерянъ, если бы было допущено, какъ требовали ея противники, чтобы, кромѣ гимназій, былъ еще другой путь, ведущій въ университетъ. Агитація направлена теперь къ тому, чтобы подорвать законъ и ниспровергнуть созданную имъ систему посредствомъ допущенія въ университеты воспитанниковъ, такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, которыя по своему учебному плану представляютъ въ сущности прежній типъ нашей школы, и которыя могутъ быть безвредны, только оставаясь въ предѣлахъ практическаго, не имѣя притязанія на приготовленіе къ университету. Агитація дошла до того, что какъ бы по данному сигналу, въ разныхъ частяхъ Имперіи воспитанники старшихъ классовъ реальныхъ училищъ принялись подписывать коллективныя прошенія о допущеніи ихъ въ университеты. Къ счастью, распоряженіемъ министра вскорѣ было прекращено это противозаконное и безсмысленное движеніе между воспитанниками реальныхъ училищъ. вмѣстѣ съ тѣмъ агитація, направленная противъ министерства народнаго просвѣщенія и введеннаго имъ учебнаго устава гимназій, возбудила вопросъ о гимназистахъ, не оканчивающихъ курса и не получающихъ такимъ образомъ права на поступленіе въ университеты. Этихъ, какъ ихъ называютъ, недоучекъ, провозглашаютъ вреднымъ для общества элементомъ, хотятъ видѣть въ нихъ опасный революціонный матеріалъ и, находя число молодыхъ людей, выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса, слишкомъ значительнымъ, приписываютъ это зло чрезмѣрной трудности ученія и ставятъ его въ вину Министерству Народнаго Просвѣщенія. Но толки эти лишены всякаго

основанія, и въ нихъ нѣтъ ни слова правды. Невозможно ни желать, ни ожидать, чтобы всѣ учащіеся въ гимназіяхъ непремѣнно оканчивали курсъ и поступали въ университетъ точно такъ же, какъ невозможно требовать и желать, чтобы всѣ учащіеся въ начальныхъ училищахъ непремѣнно поступали въ среднія учебныя заведенія. Гимназія открыта для 10-тилѣтнихъ дѣтей, умѣющихъ почти только что читать, писать и считать. Только дальнѣйшее ученіе въ гимназіи можетъ опредѣлить степень способностей и прилежанія учащихся. Неспособные и не желающіе учиться ограничиваются лишь нѣкоторою степенью образованія и обыкновенно прекращаютъ ученіе въ одномъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ. Точно также далеко не всѣ родители предназначаютъ своихъ дѣтей къ высшему образованію, которое требуетъ 12 лѣтъ ученія, и берутъ ихъ изъ гимназій до окончанія курса. Доводить всѣхъ или большую часть поступающихъ въ гимназіи до конца курса—значило бы превратить ученіе въ шутку, или лучше вовсе не заботиться о дѣлѣ ученія и выпускать въ университеты юношей не только не приготовленныхъ къ наукѣ, не только не достаточно зрѣлыхъ для умственной работы, но и искусственно разслабленныхъ и испорченныхъ продолжительнымъ пребываніемъ въ заведеніи, не исполнявшемъ своего долга, оставлявшемъ ихъ безъ серьезнаго ученія, не заботившемся объ ихъ образованіи, не приучившемъ ихъ къ труду. Чего стоило бы то учебное заведеніе, въ которомъ и неспособные и нежелающіе учиться оканчивали курсъ наравнѣ съ прилежными и способными, и которое такимъ образомъ приносило бы послѣднихъ въ жертву первымъ? Не обращалось ли бы такое заведеніе во вредъ столько же наукѣ и просвѣщенію, для которыхъ оно создано, сколько и учредившему его государству? Какая польза была бы для университетской науки отъ непритовленныхъ къ ней и незрѣлыхъ умомъ слушателей? Какая польза была бы для государства отъ массы этихъ мнимо образованныхъ людей, получившихъ дипломы высшаго образованія съ правомъ на государственную службу? Имѣть ли, наконецъ, государство достаточно число мѣстъ для удовлетворенія всей массы учащихся въ гимназіяхъ, если бы всѣ они должны были непремѣнно оканчивать курсъ? Сколько пришлось бы создать новыхъ университетовъ для того, чтобы вмѣстить всю эту массу? Наконецъ, къ чему могла бы служить многочисленная и безпрерывно возрастающая масса людей полуобразованныхъ и ни къ чему не приспособленныхъ, но гордыхъ своимъ дипломомъ и правомъ на службу?

Потребность образованія въ обществѣ имѣетъ много степеней. Не всѣмъ начинающимъ учиться суждено достигать высшаго образованія. Гимназическое ученіе соответствуетъ многоразличію этой потребности. Оно имѣетъ разныя степени. Четырехклассныя прогимназіи по возрасту учащихся соответствуютъ уѣздному или городскому училищу; шестиклассныя прогимназіи соответствуютъ реальному. Если не требуется, чтобы всѣ учащіеся въ уѣздномъ

училищѣ стремились дальше и доходили до университетовъ, то нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы воспитанники прогимназій непременно кончали полный курсъ гимназій. Если шестиклассная прогимназія дастъ значительныя права для военной службы какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ Европы, то весьма естественно, что большее или меньшее число ея учащихся, не расположенныхъ учиться еще въ продолженіе шести лѣтъ и предпочитающихъ поступить на службу, выходить, также не окончивъ полного курса гимназій. Гимназія и только гимназія съ классическимъ курсомъ можетъ успѣшно и благотворно готовить своихъ воспитанниковъ къ университетской наукѣ, но, кромѣ этого назначенія, она служитъ также средствомъ получить среднее образованіе въ большей или меньшей степени. По самому свойству ея учебной системы, учившіеся въ ней юноши не могутъ вынести изъ нея ничего, кромѣ пользы. Она не надмеваетъ ихъ сообщеніемъ излишнихъ, разнородныхъ, мнимонаучныхъ знаній, не дѣлаетъ ихъ всезнайками, но лишь въ большей или меньшей степени развиваетъ ихъ умъ и приучаетъ ихъ къ правильному труду и мышленію. Ученики, окончившіе курсъ четырехклассной прогимназій, будутъ столь же мало вредными элементами для общества, какъ и мальчики, окончившіе курсъ уѣзднаго училища. И нѣтъ никакой надобности насильно тянуть ихъ къ высшему образованію и съ этою цѣлью понижать для нихъ требованія науки, а университетъ наполнять истинными неучами, а государство снабжать неспособными или дѣйствительно вредными претендентами на дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что контингентъ испорченной молодежи главнымъ образомъ вербуетъ изъ недоучекъ не гимназій, но университетовъ. Университетская наука можетъ быть полезна только при условіи, чтобы къ ней приступали и ею занимались молодые люди умственно зрѣлые. Чѣмъ серьезнѣе и основательнѣе ученіе въ гимназій, чѣмъ строже требованія ея курса, тѣмъ лучшій матеріалъ получаетъ университетъ, тѣмъ лучшихъ слугъ—государство. Незрѣлыя головы могутъ только помутиться при встрѣчѣ съ идеями университетскаго преподаванія и вынести изъ него не пользу, а вредъ. Вотъ почему въ образованныхъ странахъ Европы, а теперь и у насъ, только окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ классическимъ курсомъ допускаются молодые люди къ слуханію лекцій въ университетъ. Не понижать требованія учебнаго курса гимназій, которыя у насъ скорѣе слишкомъ низки, нежели слишкомъ высоки, а напротивъ—повышать ихъ,—вотъ чего требуетъ равно и интересъ науки, и государственная польза.

Толки о томъ, будто въ настоящее время вслѣдствіе строгости учебной системы и трудности изученія древнихъ языковъ чрезмѣрно увеличилось число неоканчивающихъ курсъ гимназій, и на столько же уменьшилось число оканчивающихъ—лишены всякаго основанія. Мы имѣемъ неоспоримыя тому дока-

зательства изъ «Свѣдѣній» о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857 по 1866 годъ, обнародованныхъ въ нѣсколько лѣтъ до послѣдней реформы въ журналѣ Министерства Народнаго Просв. (Октябрь 1868. «Современная Лѣтопись» стр. 282). Явствуетъ, что въ это десятилѣтіе съ 1857 по 1866 годъ въ гимназіяхъ обучалось среднимъ числомъ въ годъ 25,398 человекъ; изъ нихъ было изъ низшихъ классовъ по одиннадцати человекъ на каждую сотню учениковъ и оканчивало курсъ по четыре человека изъ ста. Такъ было въ ту пору, когда уровень ученія въ нашихъ гимназіяхъ находился на самой низкой степени, и когда въ нихъ, лишь для виду только, въ 4 высшихъ классахъ преподавался латинскій языкъ по три урока въ недѣлю. Въ четырехлѣтіе послѣ реформы отъ 1875-го по 1878 годъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ обучалось среднимъ числомъ въ годъ 49127 человекъ, и изъ нихъ оканчиваго курсъ среднимъ числомъ 1622 ч., или по 3⁰/₁₀₀. На подготовительный классъ, котораго въ десятилѣтіе съ 1857 г. по 1866 годъ не было, приходится 15⁰/₁₀₀ общаго числа, или 7550; такимъ образомъ учащихся въ гимназическихъ классахъ было 41677 учениковъ, и вышеприведенная цифра 1622 окончившихъ курсъ учениковъ составляетъ тѣ-же 4⁰/₁₀₀, какъ въ десятилѣтіе 1857 — 1866 гг. Въ дѣйствительности же въ настоящее время результатъ окажется значительно лучшій, если принять во вниманіе, сколько открыто новыхъ гимназій и прогимназій, въ которыхъ еще не могло быть окончившихъ курса, по той причинѣ, что въ нихъ не могли еще быть открыты старшіе классы.

Въ Москвѣ только что окончились въ нынѣшнемъ году испытанія зрѣлости и въ ней изъ первой гимназіи, отличающейся особенною основательностію и строгостію ученія, окончили сразу 33 ученика, чего прежде въ этой гимназіи не запомнятъ. Итакъ, факты доказываютъ, что изъ гимназіи при всякой системѣ ученія, даже при крайнемъ пониженіи требованій науки, всегда выходило и будетъ выходить много учащихся, не окончивъ курса. Въ эпоху упадка учебнаго дѣла, у насъ выходу учениковъ съ полукурса способствовало еще то обстоятельство, что въ университеты при низкихъ требованіяхъ пріема можно было приготовиться скорѣе дома по программѣ. И дѣйствительно, достаточно было одного года для того, чтобы приготовиться къ университету, обладая познаніями ниже уровня уѣздныхъ училищъ, отъ которыхъ тогда и гимназіи наши не много разнились. Вотъ поразительный фактъ, показывающій, до какой дурности доходитъ ложь въ агитаціи противъ Министерства Нар. Просв. Недавно директоръ Кіевской 1-й гимназіи Андреяшевъ былъ вынужденъ печатно опровергнуть («Москов. Вѣд.» № 148 отъ 12 іюня) безстыдныя выдержки, напечатанныя въ приложеніяхъ къ издаваемому въ Петербургѣ педагогическому журналу «Семья и школа», о характерѣ и направленіи котораго можно судить по одному этому примѣру. Какой-то безымянный корреспондентъ сообщаетъ,

будто изъ Киевскихъ 1-ой и 2-ой гимназій въ прошломъ году изъ 1310-ти учениковъ исключено за безуспѣшность педагогическимъ Совѣтомъ этихъ заведеній 289 чел. На самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ директоръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ на 5000 учащихся за безуспѣшность и дурное поведеніе уволено изъ двухъ упомянутыхъ гимназій 24 ученика, да около того вышло не перешедшихъ въ слѣдующій высшій классъ, послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ низшемъ, такъ что среднимъ числомъ приходится на каждое заведеніе по 12 уволенныхъ (за безуспѣшность и дурное поведеніе вмѣстѣ) въ годъ, вмѣсто 150, выдуманныхъ корреспондентомъ.

Дѣйствительное число умножено само на себя 12 разъ, и такимъ способомъ получено 145 жертвъ пропаганды, оплакиваемыхъ заботливой хроникой «Педагогическаго журнала». «Добросовѣстный пріемъ» (сказано по этому поводу въ «Моск. Вѣд.» № 152 отъ 16-го іюня), не въ первый и не въ послѣдній разъ употребляемый новыми оградителями юншества отъ пропаганды, неожиданно выступившими изъ равнообразныхъ лагерей,—отъ высоко-консервативныхъ до красно-радикальныхъ и изъ тѣхъ, что клянутся конституціей и божатся революціей и увѣряющихъ, что корень зла ими найденъ, и корень сей заключается въ гимназистахъ не доходящихъ вслѣдствіе требованій неумѣреннаго классицизма до конца курса».

Журнальная агитація не можетъ не имѣть вредныхъ послѣдствій, но она не могла бы возобновляться такъ упорно и настойчиво, если-бы не находилось ей поддержки въ сферахъ вліятельныхъ; она быстро истощила-бы себя и прекратилась бы сама собою, если-бы она не получала внушеній и возбужденій, дающихъ ей надежду на успѣхъ. Какъ въ публикѣ, такъ и въ ученомъ мірѣ распространена увѣренность, что въ нѣдрахъ самого правительства идетъ глухая междоусобная борьба, и что ежедневно можно ожидать катастрофы, которая ниспровергнетъ только что установившійся порядокъ ученія, или что будетъ принята какая-либо мѣра, которая, оставляя дѣйствующій уставъ нетронутымъ съ виду, лишитъ его всякой силы и значенія. Чувство непрочности и шаткости волнуетъ какъ учащихся, такъ и учащихся, лишаетъ тѣхъ и другихъ довѣрія къ своему дѣлу и деморализуетъ ихъ. Мудрено-ли, что учащіеся не бегутъ отъ исполненіи своихъ обязанностей, слыша со всѣхъ сторонъ, что ихъ заставляютъ слишкомъ много учиться, что къ нимъ слишкомъ строги, и что есть добрые люди въ самомъ правительствѣ, которые заботятся о томъ, чтобы сдѣлать ученіе, сколь можно, болѣе легкимъ. Съ другой стороны, преподаватели и руководители школы слышатъ тоже со всѣхъ сторонъ, что добросовѣстное исполненіе долга вмѣняется имъ чуть не въ уголовное преступленіе, поневолѣ должны заботиться не о томъ, чтобы способствовать наилучшему воспитанію вѣранныхъ имъ дѣтей, а напротивъ, чтобы угодить имъ пожеланіями и потворствомъ... Но въ послѣднее время

совершился фактъ необыкновенный, далеко оставляющій за собою все, что до сихъ поръ колебало школу и вредило дѣлу воспитанія. До сихъ поръ агитація, направленная противъ школы, была замаскирована; она дѣйствовала посредствомъ толковъ, распространяемыхъ въ публикѣ, и газетныхъ статей, въ которыхъ только подозрѣвалось дѣйствіе, исходящихъ изъ правительственныхъ сферъ. Можно представить себѣ, какое смятеніе, какая тревога распространилась во всемъ учебномъ мірѣ, когда это дѣйствіе выступило наружу, и одно правительственное вѣдомство начало открытую борьбу противъ другого. 26 марта сего года шефомъ жандармовъ генераль-адъютантомъ Дрентельномъ подписанъ циркуляръ, разосланный по жандармской командѣ во всѣ города Россійской Имперіи, гдѣ имѣются среднія учебныя заведенія. Циркуляромъ этимъ предписывается отобрать конфиденціально отъ директоровъ этихъ заведеній по данной программѣ свѣдѣнія, касательно учениковъ, выбывшихъ изъ заведенія до окончанія курса. Хотя предписаніе это, повидимому, касается всѣхъ учебныхъ заведеній безъ различія, но въ сущности оно направлено противъ классическихъ гимназій. Отъ директоровъ требовалось обозначить, между прочимъ, сколько воспитанниковъ уволено за безуспѣшность, причемъ въ особой графѣ потребовалось показать, сколько изъ этого числа уволено за безуспѣшность въ древнихъ языкахъ. Всѣмъ прочимъ предметамъ обученія противопоставлялись такимъ образомъ древніе языки съ тѣмъ, чтобы выставить этотъ послѣдній предметъ, какъ главную трудность гимназическаго курса.

Директоры заведеній были изумлены, озабочены и встревожены такимъ необыкновеннымъ обращеніемъ къ нимъ, которое нерѣдко сопровождалось настояніемъ дать отвѣтъ немедленно въ теченіе однѣхъ или двухъ сутокъ. Иногда съ этими требованіями являлся къ директору даже не офицеръ, а фельдфебель (какъ, напр., въ Коломнѣ), ссылавшійся на всеильную въ его глазахъ подпись шефа жандармовъ и рѣзко выражавшій свое мнѣніе о безполезности преподаванія греческаго и латинскаго языковъ. Лишь немногіе изъ директоровъ имѣли мужество объявить, что они могутъ дать всѣ требуемыя объясненія, не иначе какъ правильнымъ порядкомъ и офиціальнымъ путемъ, не считая себя въ правѣ вступать помимо своего начальства въ какія-либо конфиденціальныя сношенія съ другими властями. На это получалось въ отвѣтъ, что требуются свѣдѣнія правдивыя, а не офиціальныя, поступающія черезъ начальства. Странная философія въ устахъ жандармскихъ офицеровъ и фельдфебелей и, во всякомъ случаѣ, не способная укрѣпить довѣріе общества къ государственному порядку, а учащихся и учащихся къ ихъ начальству и къ закону, на которомъ зиждется самая школа. Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не могли не распространяться разнообразныя слухи и толки о такомъ вмѣшательствѣ жандармской команды въ учебное дѣло. Слѣдуетъ припомнить, что все это происходило

послѣ покушенія 2-го апрѣля, такъ что тайное слѣдствіе, которому подверглось Министерство Нар. Просвѣщенія, невольно у всѣхъ въ мысли связалось съ этимъ ужаснымъ событіемъ.

Къ чему же клонится это тайное слѣдствіе, какія требовалось получить отъ директоровъ гимназій показанія для того, чтобы подвергнуть обвиненію министерство народнаго просвѣщенія, а вмѣстѣ и введенную имъ систему ученія? Для чего понадобилось отмѣтить въ особой графѣ учениковъ, выбывшихъ изъ гимназій по безуспѣшности въ древнихъ языкахъ? Дѣло въ томъ, что большая часть или значительное число учениковъ выбываютъ изъ гимназій за безуспѣшность не по одному какому-нибудь предмету, но по нѣсколькимъ. Мало такихъ, которые остаются два года въ одномъ классѣ по недостаточности успѣховъ въ обоихъ древнихъ языкахъ, а болѣе случается безуспѣшныхъ въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ остальныхъ предметовъ: математики, новыхъ языковъ, исторіи и проч. Мальчикъ, лѣнившійся въ продолженіе двухъ лѣтъ и оказавшійся безуспѣшнымъ и на повторительномъ испытаніи, напр., изъ математики, географіи, французскаго языка и вмѣстѣ изъ греческаго, долженъ, по смыслу конфиденціальнаго требованія жандармскаго управленія, попасть въ двѣ графы, какъ безуспѣшный по древнимъ языкамъ и вмѣстѣ безуспѣшный по другимъ предметамъ, и счесть ее два раза въ общемъ числѣ выбывшихъ учениковъ, умноживъ собою число выбывшихъ специально по безуспѣшности въ древнихъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такая стратегема не была дѣломъ самого ген.-ад. Дрентельна, который и не могъ войти во всѣ подробности чуждаго ему вопроса, и что таковой способъ собиранія свѣдѣній по учебнымъ заведеніямъ былъ придуманъ кѣмъ-либо изъ второстепенныхъ лицъ его управленія. Статистическія свѣдѣнія, способныя служить основаніемъ для общихъ вопросовъ, могутъ быть доставляемы лишь центральнымъ управленіемъ. Дирекція же отдѣльнаго заведенія можетъ сообщить только относящіяся къ оному свѣдѣнія, которыя не только не имѣютъ значенія для общихъ выводовъ, но неизбѣжно внесутъ въ нихъ фальшь. Директоръ показываетъ число выбывшихъ изъ его гимназій, но выбывшій воспитанникъ можетъ поступить въ другую гимназію и, слѣдовательно, не можетъ числиться выбывшимъ изъ гимназій вообще. Весьма часто родители, переѣзжая съ улицы на улицу или изъ города въ городъ, видятъ себя въ необходимости взять своихъ дѣтей изъ одной гимназій для того, чтобы перевести въ другую, гдѣ они и продолжаютъ то-же ученіе. Даже и попечитель округа не можетъ дать точныхъ въ этомъ отношеніи свѣдѣній, такъ какъ съ переѣздомъ родителей воспитанники могутъ переходить изъ гимназій одного округа—въ гимназію другого. Очевидно, что собираніе свѣдѣній такого рода и такими способами, какъ оно производилось чинами жандармской команды, не можетъ имѣть цѣлію разъясненію дѣла, а ведетъ еще къ затемненію его и фальшивымъ заключеніямъ. Это было

дѣйствіе, равнозначущее противоправительственной агитаціи, которая колеблетъ законъ, подрываетъ довѣріе къ правительству и вноситъ новую смуту въ умы—агитація тѣмъ болѣе вредная, что она производилась агентами самого правительства.

1881 или 1882 г.

Ваше Императорское Величество!

Я привыкъ въ продолженіе моей 26-лѣтней общественной дѣятельности ко всякаго рода тенденціозному злословію и клеветамъ, но не могу оставаться равнодушнымъ въ виду ничѣмъ не вызваннаго публичнаго нападенія со стороны лица, обличеннаго правительственнымъ авторитетомъ. Г. Министръ Народн. Просвѣщ. бар. Николай, открыто ставъ на сторону моихъ противниковъ, присоединилъ свой голосъ къ газетной диффамациі, которой я былъ долгое время предметомъ по арендѣ «Москов. Вѣдомостей». На публичное нападеніе я былъ въ правѣ отвѣчать публично, и мое объясненіе было бы документальнымъ обличеніемъ неправды и интриги, но я сдержалъ въ себѣ весьма естественный порывъ, чтобы публичною полемикой не поколебать и безъ того пошатнувшійся авторитетъ правительственной власти, и прежде всякаго объясненія осмѣливаюсь прибѣгнуть въ своей обидѣ къ престолу, передъ которымъ всѣ равны, а лица во власти болѣе всѣхъ отвѣтственны.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: по одному изъ пунктовъ контракта моего по арендѣ «Москов. Вѣдомостей» возникли непрерывныя пререканія съ нынѣшнимъ ректоромъ Московск. университета. Чтобы привести дѣло въ ясность, я въ нынѣшнемъ году, при первомъ представившемся поводѣ, внесъ спорный пунктъ на разсмотрѣніе суда. Университетскіе противники, чтобы не допустить моего иска до разсмотрѣнія, предъявили встрѣчный искъ. Окружный судъ, по выслушаніи сторонъ, отказалъ правленію университета, признавъ его искъ не подлежащимъ судебному разсмотрѣнію.

Тогда ректоръ принесъ на рѣшеніе окружнаго суда апелляціонную жалобу въ судебную палату, которая, по всему вѣроятію, утвердила бы рѣшеніе окружнаго суда, но во время преній 25-го сего сентября повѣренный ректора предъявилъ для всѣхъ неожиданно сообщенную попечителемъ и полученную имъ за день до засѣданія телеграмму министра, въ коей бар. Николай не только настаиваетъ на привлеченіи меня къ суду по университетскому, отклоненному судомъ, иску, но и предрѣшаетъ самый искъ, заявляя, будто бы съ меня необходимо взыскать, и притомъ въ судебномъ порядкѣ, требуемую правленіемъ университета сумму. Вопросъ для меня не въ деньгахъ. Если бы за мной дѣйствительно была признана недомыка, то не было бы никакой надобности прибѣгать къ мѣрамъ взысканія, такъ какъ съ моей стороны не могло бы быть никакого сопротивленія, казна же имѣетъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ залога, и другія, принадлежащія, мнѣ денеж-

ныя суммы, а судъ не есть полиція,—онъ разбираетъ вопросы о правѣ, но самъ не производитъ взысканій.

Дѣло, по которому бар. Николай объявляетъ меня отвѣтственнымъ передъ судомъ, относится къ старому контракту и было возбуждено государственнымъ контролеромъ за много лѣтъ передъ симъ и имъ же, по силѣ многократнаго разсмотрѣнія, было разрѣшено въ мою пользу, при чемъ остался открытымъ лишь второстепенный и маловажный пунктъ, по которому не состоялось соглашенія между тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія и контролемъ, но относительно котораго, какъ и всего возбужденнаго контролемъ вопроса, я представлялъ только свои объясненія, но не предъявлялъ никакого спора.

Не въ заботѣ о деньгахъ, но для соблюденія моей чести, безъ чего я не могъ бы продолжать своей дѣятельности, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Величество поручить довѣреннымъ изъ правительства лицамъ отобрать отъ меня всѣ показанія и свѣдѣнія по этому дѣлу, чтобы ватѣмъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ или въ особомъ совѣщаніи, имѣлъ ли бар. Николай основаніе сдѣлать свое заявленіе, читанное на судѣ, и не слѣдовало ли бы ему, напротивъ, пресѣчь скандалъ, затѣянный ректоромъ.

1882 годъ.

Ваше Императорское Величество

Всеимлостивѣйшій Государь.

Каждый разъ пребываніе мое въ Петербургѣ сопровождается какими-либо толками. На этотъ разъ меня встрѣтилъ настойчивый слухъ, еще до появленія въ печати распространившійся въ городѣ, о моемъ назначеніи въ члены Государственнаго Совѣта. Едва замолкли эти толки, какъ пущенъ слухъ о другомъ назначеніи, конечно, съ цѣлію вновь вызвать официальное опроверженіе, чтобы дискредитировать не только во мнѣніи общества, но и передъ Вашимъ Величествомъ. Я терпѣливо переносилъ всѣ толки обо мнѣ, и они умолкали тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе обращалось на нихъ вниманія. Но и малѣйшая тѣнь во мнѣніи Вашего Величества, касательно чистоты моихъ побужденій, лишила бы меня духа для какой бы то ни было общественной дѣятельности. Это для меня вопросъ политической жизни и смерти.

Вотъ почему я осмѣливаюсь заговорить о себѣ передъ Вашимъ Величествомъ. Никакихъ назначеній я не ищу и не желаю. Въ этомъ свидѣтельствуетъ за меня вся моя жизнь, которая теперь уже наклонѣ. Я выдержалъ достаточную пробу и имѣю право сослаться на мое прошлое не въ похвалу, но въ защиту отъ наветовъ и подозрѣній. Были моменты въ моемъ прошломъ, когда тщеславіе не могло бы ни разыгаться во мнѣ, если бы я сколько-нибудь былъ тщеславенъ. Ни разу не поколебался я, ни разу даже въ мысляхъ не поддался я на соблазнъ честолубія.

Прошу, какъ величайшей милости, выслушать мою исповѣдь. Я не литераторъ, не журналистъ, не педагогъ, я—ничто въ профессіи. Моя молодость протекла въ уединенныхъ и сосредоточенныхъ занятіяхъ предметами умозрѣнія, и никто не могъ бы подумать, что мнѣ суждена была тревожная политическая дѣятельность. Она началась для меня съ началомъ минувшаго царствованія. Случайно открылъ я изданіе сначала журнала, а потомъ политической газеты. Готовилось и совершалось паденіе крѣпостного права, открывалась эпоха реформъ, разнузданъ духъ отрицанія. Богъ помогъ мнѣ нѣсколькими ударами сокрушить революціонный призракъ, носившійся тогда надъ Россіею. Польское возстаніе, обнаружившее съѣтъ интриги, которою была опутана Россія и ея правительство, было новымъ для меня призывомъ. Богъ помогъ мнѣ изобличить интригу во всѣхъ ея тайникахъ и возбудить въ разлагавшемся обществѣ могучій духъ патріотизма, передъ которымъ отступила враждебная европейская коалиція и палъ мятежъ.

Въ противность лживой и коварной доктринѣ, которая развивалась и поддерживалась въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ, объ искусственномъ обособленіи разноплеменныхъ фрагментовъ и расположеніи Имперіи на автономныя области политическія, я поднялъ знамя государственнаго единства Россіи и русской національной политики. Голосъ мой дошелъ до Государя. «Московскія Вѣдомости» стали ежедневнымъ чтеніемъ Его Величества. Ежедневно являлся я какъ бы съ докладомъ къ Государю по дѣламъ государственной важности. Это напрягало и высоко подняло мои силы; я почувствовалъ на себѣ святую отвѣтственность. Не зная отдыха, изо дня въ день, изъ ночи въ ночь сидѣлъ я за дѣлами, изучая ихъ во всѣхъ изгибахъ. Я чувствовалъ, какъ все во мнѣ самымъ обновлялось и соврѣвало. Свои показанія и сужденія я провѣрялъ всѣми силами своего разумѣнія, ни одного знаменательнаго слова я не позволилъ себѣ сказать безъ полнаго убѣжденія. Я дѣйствовалъ на виду у всѣхъ, внѣ всякаго лицепріятія, внѣ всякихъ партій и личныхъ соображеній. Я былъ ничто, но вниманіемъ и довѣріемъ Государя изъ ничего было создано нѣчто, нѣчто значительное по своему дѣйствию, хотя не принадлежащее ни къ какой категоріи дѣятелей. Министры совѣтовались со мною, генералъ-губернаторы на важныхъ постахъ повѣряли мнѣ свои предположенія и затрудненія, иностранные политики принуждены были считаться со мною. Мое имя стало равносильно политической программѣ. Прошлое мое извѣстно всей Россіи и открыто для провѣрки: Моя газета была не просто газетою, а случайнымъ органомъ государственной дѣятельности. Въ ней не просто отражались дѣла, въ ней многія дѣла дѣлались. Она участвовала въ событіяхъ, и предъ исторіей она будетъ свидѣтельствовать не только о томъ, что сдѣлано, но и о томъ, что слѣдовало дѣлать и чего дѣлать не слѣдовало. На мнѣ лежитъ обязанность собрать и издать все,

что было въ ней знаменательнаго, и посвятить этотъ громаднѣйшій сборникъ памяти въ Божѣ почившаго Императора. Дѣятельность моя была государственною службою, но безъ жалованья и наградъ и не въ мундирѣ. Была ли моя служба полезна? Не мнѣ судить! Но случайно въ одномъ официальномъ документѣ сдѣланъ отзывъ о ней. По случаю моего перваго столкновенія съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1865 году состоялось Высочайше утвержденное постановленіе Комитета Министровъ, которымъ за мною и товарищемъ моимъ по изданію «Моск. Вѣд.» признаны «заслуги, оказанныя Россіи».

Признанныя государственныя заслуги вездѣ даютъ права на государственныя отличія. Но я никогда и не думалъ объ этомъ. Личное благоволеніе ко мнѣ Государя я обращалъ не въ свою пользу, а въ пользу дѣла, которому служилъ, и которое было не мое, а его же, государево дѣло. Во всю жизнь мою никакихъ пособій изъ казны я не получалъ, до послѣдняго времени оставался я спокойно въ скромномъ чинѣ, полученномъ мною за выслугу лѣтъ въ молодости, и уклонялся отъ орденовъ, которые предлагались мнѣ иностранными государствами. Высокій чинъ, пожалованный мнѣ теперь Вашимъ Величествомъ, дорогъ мнѣ, какъ знакъ Вашего благоволенія, которое имѣло бы ту же для меня цѣну, если-бы и иначе выразилось; самый же чинъ нуженъ не столько для меня, сколько для достоинства состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ лица, при которомъ я лишь по необходимости, послѣ смерти моего товарища, занялъ официальное положеніе. На моемъ необыкновенномъ посту я долженъ былъ непрерывно выдерживать ожесточенную борьбу. Правительственные лица мнѣ недоброжелательствовали, я былъ неудобенъ для всѣхъ партій. У меня была одна защита — Государь, одно оружіе — слово правды и разумія, при личной ни въ чемъ незаинтересованности и готовности ежеминутно оставить поприще. Къ концу шестидесятихъ годовъ вошли въ большую силу въ правительствѣ противники національной политики. Все пошло вопреки ей, въ подрывъ патріотическому духу, который еще былъ живъ въ обществѣ, въ подрывъ требованіямъ государственной пользы, которые легкомысленно вслѣдъ за врагами Россіи объявились ультра-русскимъ фанатизмомъ. Сила отходила отъ моего органа, голосъ его становился бесполезнымъ крикомъ. Противникамъ моимъ удалось, наконецъ, лишить «Московск. Вѣдомости» ихъ, какъ тогда говорилось, привилегированнаго положенія и взять ихъ подъ свою руку. Я пережилъ тогда тяжелыя минуты, но, вопреки ожиданіямъ моихъ противниковъ, остался при дѣлѣ, пересиливъ свое самолюбіе, въ виду великаго для будущности Россіи учебнаго вопроса, который тогда поднимался. Государь, уступивъ министрамъ «Московск. Вѣдомости», сохранилъ ко мнѣ лично все свое благоволеніе и полное, ни разу не поколебавшееся довѣріе къ моему чувству и сужденію, что касается вопросовъ народнаго просвѣщенія. Тогда я обрекъ себя почти исключительно на это

дѣло. Въ моей газетѣ, въ ущербъ ея интересу и распространенности, почти замолкли всѣ другіе вопросы. Богъ помогъ мнѣ и въ этомъ послѣ долгой и мучительной борьбы. Однихъ разъяснений въ печати было недостаточно. Я вступалъ въ переговоры съ вліятельными лицами и обращался къ самому Государю, чтобы удерживать министра на правомъ пути и не допускать его до вредныхъ компромиссовъ. Для той же цѣли основанъ лицей, который и послужилъ образцомъ для реформы гимназій. Правое дѣло восторжествовало надъ всѣми сопротивленіями и привялось съ неожиданнымъ успѣхомъ, благодаря своевременнымъ и удачнымъ мѣрамъ. Интрига притихла, и внутри Россіи новая школа была встрѣчена безъ непріязни и даже сочувственно.

Борьба, происходившая въ печати, разъяснила даже для простыхъ, но добросовѣстныхъ людей значеніе новой учебной системы, а черезъ три года по введеніи новаго устава гимназій, въ 1875 г., министра, при объѣздѣ учебныхъ округовъ, сословія и города встрѣчали съ оваціями, подносили хлѣбъ-соль, давали въ честь его обѣды и въ разумныхъ рѣчахъ воздавали ему хвалу за реформу, которой доброе дѣйствіе уже сказалось на дѣтяхъ, принявшихъ серьезнымъ образомъ учиться. Такъ шло, пока ошибки министра не воскресили интриги. Искусная и неутомимая рука, съ которою боролся я въ продолженіе 20 лѣтъ, и которой приемы, не всѣмъ замѣтные, хорошо мнѣ извѣстны, успѣла составить въ правительственныхъ сферахъ коалицію изъ личныхъ враговъ министра и оскорбленныхъ въ своемъ самолюбіи противниковъ реформы, и въ удобные моменты поджигала агитаціею въ печати. Чтобы поддержать министра, я истощилъ всѣ усилія, весь кредитъ мой у Государя, но графъ Толстой въ послѣдніе годы не внималъ никакимъ убѣжденіямъ и отшатнулся отъ меня въ надеждѣ тѣмъ умиротворить своихъ противниковъ, потворствуя имъ своимъ бездѣйствіемъ, не будучи, однако, въ состояніи исполнить ихъ желанія. Поднявъ еще въ 1872 г. университетскій вопросъ, онъ въ продолженіе почти семи лѣтъ оставляетъ его открытымъ, откладывая подъ разными предлогами дѣло крайней необходимости, несмотря на неоднократныя настоянія Его Величества, чѣмъ графъ Толстой и ослабилъ свое положеніе въ правительствѣ. Но, удаляя министра, Государь не колебался относительно установившейся учебной системы. Изъ всѣхъ послѣдовавшихъ за отменою крѣпостного права реформъ, эта была самая безукоризненная, самая благодежная и поистинѣ плодотворная. Отпуская прежняго министра, Государь успокаивалъ его увѣреніемъ, что самъ будетъ стоять насторожѣ совершившейся реформы, и, принимая новаго министра, поставилъ ему обязанность непремѣнную и главную блюсти въ цѣлости установленную школу. Но съ первыхъ же шаговъ новаго управленія были поколеблены ея основы. Удары прежде всего пали на Московск. округъ, въ которомъ учебное дѣло установилось крѣпче и лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, и изъ всѣхъ попечителей смѣненъ былъ достойнѣйшій, потому

только, что онъ былъ близокъ со мною. Дѣло разрушенія и безъ законодательной логики началось и теперь продолжается успѣшно. Непрязненная рука коснулась новаго насажденія въ то время, когда требуется непрерывный, бережный, просвѣщенный, любящій уходъ за нимъ.

Въ послѣдніе годы минувшаго царствованія тяжело было оставаться въ положеніи празднаго наблюдателя, который ясно видитъ зло и пути его, но не можетъ ничего сдѣлать, и только печально убѣждается въ вѣрности своихъ бесполезныхъ предвидѣній и предостереженій.

Послѣ 1-го марта положеніе стало невыносимымъ, и я рѣшился удалиться. Милостивыя слова Вашего Величества и происшедшая тогда перемѣна въ правительствѣ удержали меня. Я остался въ раздумьѣ и въ ожиданіи—что будетъ. Свидѣтельствую Богомъ, что никакихъ назначеній я не ищу, какъ не искалъ никогда, и если мечтаю о чемъ, то развѣ о томъ, чтобы на склонѣ дней возвратиться въ уединеніе и тишину моей молодости, къ занятіямъ, которыхъ призывъ никогда, даже въ самыя горячія минуты житейской борьбы, не умолкалъ въ моей душѣ. Отрадно было бы мнѣ унести съ собою по крайней мѣрѣ надежду, что будущее Россіи спасено въ учащемся юношествѣ.

Недавно имѣлъ я счастье лично съ полною откровенностью высказаться предъ Вашимъ Величествомъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и о единственно вѣрномъ въ настоящее время, по моему убѣжденію, выходѣ изъ затрудненія.

Спасите, Государь, мудрымъ самодержавнымъ рѣшеніемъ, спасите въ этихъ дѣтяхъ и юношахъ будущее Вашего царствованія. Да благословитъ его Господь.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнопопданный М. Катковъ.

1884 годъ. Февраль.

Всеимилостивѣйшій Государь.

Въ тѣ немногія дорогія минуты, когда я имѣлъ счастье, представляясь Вашему Императорскому Величеству, высказывать, что бываетъ у меня на умѣ и сердцѣ, такъ много хотѣлось высказать, что ничего въ надлежащей полнотѣ сказать не удастся. Совѣсть упрекаетъ меня, что, говоря о положеніи нашихъ университетовъ и о необходимости отдѣленія экзаменовъ отъ преподаванія, я не успѣлъ доложить Вашему Величеству объ аргументѣ, къ которому прибѣгаютъ противники предполагаемой университетской реформы, писменно въ пунктѣ объ экзаменахъ. Говорятъ, что вопросъ объ отдѣленіи экзаменовъ отъ преподаванія касается не однихъ университетовъ, но входитъ въ общій вопросъ о госу-

дарственных экзаменахъ, которымъ должны подлежать воспитанники и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и что поэтому слѣдовало бы отложить эту часть университетскаго устава до разрѣшенія общаго вопроса о государственныхъ экзаменахъ. Но это значило бы лишить новый университетскій уставъ того, что есть въ немъ самаго существеннаго. Законъ, который заботилъ правительство въ продолженіе 12 лѣтъ, вышелъ бы безсильною полумѣрою. А между тѣмъ въ высшей степени важно, чтобъ этотъ первый органическій законъ Вашего царствованія, Государь, вполне соотвѣтствовалъ истиннымъ потребностямъ регулируемаго имъ дѣла и коснулся бы существа его. Только новая постановка экзаменовъ покажетъ ясно, что правительство поняло, въ чемъ сущность вопроса, и что требуетъ исправленія, только эта мѣра сразу отзовется на строѣ университетскаго быта и все поставитъ на свое мѣсто, только она можетъ способствовать развитію духа здоровой и полезной науки соотвѣтственно требованіямъ государства, которое только этимъ путемъ можетъ успѣшно направлять образованіе юношества въ содержимыхъ имъ университетахъ. Всѣ другіе распоряженія устава окажутся полезными и дѣйствительными только при условіи этой мѣры, какъ вспомогательныя для нея средства. Если бы дѣйствительно въ силу какого-либо соображенія понадобилось отсрочить преобразование способа университетскихъ экзаменовъ, то лучше было бы отсрочить всю реформу, но не издавать закона недостаточнаго и безсильнаго, который давалъ бы неблагонамѣреннымъ людямъ поводъ издѣваться надъ несостоятельностью правительства. При коронныхъ ректорахъ и деканахъ, при параграфахъ закона, усиливающихъ власть попечителей, ничто существенное не смѣнится; если экзамены не будутъ отдѣлены отъ преподаванія, только все дурное, видя свое торжество, почувствуетъ себя еще сильнѣе.

Что государственные экзамены должны быть общимъ учрежденіемъ и касаться не однихъ университетовъ, это весьма желательно. Есть, однако, такія спеціальныя заведенія, какъ военныя и духовныя, которыя всегда будутъ имѣть свои особые экзаменныя учрежденія. Другія же легко впослѣдствіи примкнуть къ университетскимъ. Въ университетахъ воспитываются многія тысячи молодыхъ людей, и прежде всего требуется устроить ихъ образованіе.

Порядокъ, учрежденный въ университетахъ, дастъ тонъ всей системѣ высшаго образованія и быстро приравняетъ къ себѣ всѣ другія заведенія. Реформа университетскихъ экзаменовъ послужитъ началомъ учрежденія общихъ государственныхъ экзаменовъ для заведеній, соотвѣствующихъ факультетамъ университетовъ въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ укажутъ потребности и опытъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный М. Катковъ.

Всемплостивѣйшій Государь!

Благоволительное вниманіе, котораго Ваше Императорское Величество удостоивали меня, постоянное довѣріе, которое оказывалъ мнѣ въ Божѣ почившій Августѣйшій родитель Вашъ при политической опытности, приобрѣтенной мною непрерывнымъ въ продолженіе 25 лѣтъ наблюденіемъ за ходомъ нашихъ государственныхъ дѣлъ, обяывають меня въ нынѣшнюю смутную пору свидѣтельствовать передъ Вами, Государь, съ полною откровенностью о дѣлѣ великой государственной важности, хорошо мнѣ извѣстномъ. Зло, котораго я касаюсь въ моей запискѣ, сопровождающей всеподданнѣйшее письмо мое, требуетъ немедленнаго врачеванія, и было-бы съ моей стороны преступно, въ виду совершенно мнѣ ясной опасности, молчать и не изыскивать противъ нея способа.

Съ этимъ дѣломъ не связано для меня никакого личнаго интереса. Это Ваше, Государь, дѣло Россіи, ея будущаго, Вашего царствованія.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный М. Катковъ.

Докладная записка.

Выборный ректоръ или назначенный? Вопросъ этотъ можно рѣшить не прежде, какъ опредѣливъ, чѣмъ долженъ быть ректоръ. Долженъ-ли онъ быть только представителемъ ученаго сословія, или же начальникомъ, т.-е. представителемъ правительственной власти? Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ ректоромъ можетъ быть только назначенное правительствомъ лицо. Университетъ, какъ и всѣ учебныя заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, подчиняются попечителю округа. Но каждое изъ этихъ заведеній, управляемое своимъ ближайшимъ начальствомъ, въ лицѣ назначаемыхъ правительствомъ директоровъ и инспекторовъ университетовъ, также нуждается въ начальствѣ. Попечитель, управляющій цѣлымъ округомъ, не можетъ спеціально завѣдывать дѣлами университета, многочисленными и сложными, требующими болѣе, чѣмъ дѣла всякаго другого учебнаго заведенія, правительственнаго надзора за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ обязанностей какъ профессоровъ, такъ и учащагося юношества. Ректоръ, какъ органъ правительственной власти, ею назначаемый, состоя въ іерархическомъ подчиненіи попечителю, долженъ представлять собою ближайшее начальство университета. Только, какъ назначенное правительствомъ лицо, ректоръ и можетъ имѣть право начальника, только, какъ органъ правительства, можетъ онъ имѣть должный авторитетъ для управленія университетомъ. Выборныя лица могутъ быть представителями своихъ избирателей, но не имѣютъ начальственнаго авторитета.

Предводитель дворянства не есть начальник дворянъ, городской голова не есть начальник городского сословія и т. д. Тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы коллегія профессоровъ выбирала начальниковъ, и при томъ не только для себя, но и для управленія учащимся юношествомъ какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, причемъ первую обязанностью начальствующаго лица должно быть огражденіе многихъ тысячъ юношей отъ произвола самихъ профессоровъ, такъ какъ имъ ввѣряется ихъ образованіе и самая судьба. Можетъ-ли быть достаточно надежнымъ наблюдателемъ и контролеромъ за правильнымъ и рачительнымъ исполненіемъ ихъ профессорскихъ обязанностей тотъ изъ профессоровъ, кто ими же выбранъ и отъ нихъ зависитъ?

Выбранный ректоръ будетъ поневолѣ органомъ выбравшей его клики. Но въ ректорѣ не можетъ сосредоточиваться все управленіе университетомъ. Избираемый министромъ изъ профессоровъ, онъ принадлежитъ къ одному факультету и не можетъ слѣдить за учебнымъ дѣломъ въ другихъ факультетахъ. Къ тому-же, при общемъ завѣдываніи университетомъ, онъ не будетъ имѣть возможности входить въ подробности учебного дѣла и въ своемъ факультетѣ. Но каждый факультетъ имѣетъ во главѣ своей декана. При коронномъ ректорѣ и деканы должны быть коронные. Этого требуетъ послѣдовательность системы, которая иначе не будетъ должнымъ образомъ дѣйствовать. Ректоръ будетъ изолированъ и останется безсильною отвлеченностью, если не будетъ опираться на декановъ, имѣющихъ однородное съ нимъ происхожденіе. Непотизму и всякаго рода интригамъ можетъ-ли такой способъ гарантировать благонадежныхъ и способныхъ руководителей юношества?.. Результатъ баллотировки есть выраженіе не то, что лучшаго сужденія свѣдущихъ лицъ, а только изволенія большинства. Медикъ выбираетъ юриста, юристъ математика, математикъ филолога и наоборотъ. Участвуетъ-ли убѣжденіе при такомъ способѣ выбора? За результатъ выбора никто не несетъ отвѣтственности. Гарантія-ли это? Кладутъ шары направо или налево, либо изъ угожденія товарищу, либо изъ опасенія непріятностей отъ вліятельныхъ членовъ. Разумное и честное правительство не можетъ предавать лучшее юношество народа, надежды государства, такой грубой случайности, устраниаясь и умывая себѣ руки. Поступая такъ, оно само произноситъ себѣ приговоръ. Что можно сказать противъ правительственнаго назначенія профессоровъ? Министръ можетъ назначать профессоровъ лишь изъ числа лицъ, одобренныхъ университетами, прошедшихъ всѣ испытанія на ученые степени, стало-быть, признанныхъ и со стороны самихъ университетовъ, во всякомъ случаѣ—владеющими своимъ предметомъ. Назначая профессора, министръ несетъ на себѣ личную отвѣтственность за выборъ, а что можетъ быть важнѣе этой гарантіи? Въ случаѣ надобности, онъ обратится и къ университетскимъ коллегіямъ.

но не съ тѣмъ, чтобы выслушать изволеніе большинства, за-
явленное посредствомъ глухой баллотировки, а чтобы получить
мотивированныя указанія отъ лицъ свѣдущихъ, которыя имѣютъ
большую или меньшую цѣнность, смотря по тому, отъ кого исхо-
дятъ. Деканы, отвѣтственные каждый за свой факультетъ, назна-
чались бы попечителямъ по рекомендаціи ректора, какъ секре-
тари по рекомендаціи декановъ—ректоромъ. При такой системѣ
правительство имѣло бы свои органы не въ постороннихъ уни-
верситетахъ чиновникахъ, но въ самомъ профессорѣ по своему
выбору. Вездѣ профессора назначаются правительствомъ, колле-
гіямъ же предоставляется только рекомендовать кандидатовъ на
кафедры. Предоставлять профессорскимъ коллегіямъ пополнять
ее посредствомъ баллотировки, не значитъ открывать широкій
путь. Наши профессорскія коллегіи пополняются посредствомъ
кооптацій. Если-бы онѣ были только учеными обществами, то
это было бы нормально. Но профессора суть должностныя лица,
которымъ ввѣряются высшіе интересы образованія отборнаго
юношества страны. Они готовятъ дѣятелей для всѣхъ отраслей
государственной и общественной дѣятельности, руководителей
народа, слугъ государства.

Можетъ-ли государственная власть оставлять такое дѣло
на попеченіе людей, ему неизвѣстныхъ, которые подбираютъ
себѣ товарищей посредствомъ баллотировки? Было-бы въ высшей
степени полезно періодически, напр., черезъ четыре года, какъ
теперь, возобновлять назначеніе ректоровъ, декановъ и секретарей
факультетовъ, какъ для того, чтобы привлечь къ дѣлу управ-
ленія и другихъ, достойныхъ въ профессорской коллегіи лицъ,
такъ и для того, чтобы не отвлекать навсегда разъ назначен-
ныхъ лицъ отъ чисто ученыхъ занятій многосложными работами
надзора и управленія. Но за министерствомъ должно оставаться
право назначать по истеченіи времени тѣхъ-же лицъ на тѣ-же
должности при ихъ на то согласіи.

Подано Государю въ концѣ лѣта или въ началѣ осени
1884 года.

Всеимилостивѣйшій Государь.

Осмѣливаюсь повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ
Величествомъ мою всеподданнѣйшую благодарность за Августѣй-
шее посѣщеніе, котораго удостоился лицей Цесаревича Николая
15 мая.

Это было великимъ счастіемъ для заведенія. Но я не могу
не скорбѣть, что при краткости времени, при взволнованномъ
состояніи, въ которомъ я находился, едва держась на ногахъ
послѣ работы и хлопотъ предшествовавшихъ дней и ночей,
проведенныхъ безъ сна, почти лишившись слуха до того, что
вынужденъ былъ оставить безъ отвѣта одинъ изъ обращенныхъ
ко мнѣ Государыней Императрицей вопросовъ, я не успѣлъ
должнымъ образомъ воспользоваться дорогими минутами и пока-

звать Вашему Величеству все сложное устройство лицея, его разнообразные пансіоны, гимназическія залы, ректорію, больницу, представить служащихъ при пансіонахъ тѣхъ и педагоговъ и, уступая усиленнымъ мольбамъ студентовъ, осмѣлился утрудить Ваше Величество и Государыню Императрицу восхожденіемъ на верхній этажъ, гдѣ помѣщаются эти молодые люди, не успѣвъ и тутъ показать всѣ части этого отдѣленія. Замѣченное Вашимъ Величествомъ искривленіе пола въ столовой студентовъ произошло не отъ времени, но оказалось тотчасъ же послѣ постройки и далѣе не увеличивается. Произошелъ этотъ недостатокъ отъ особаго способа класть балки, которому слѣдовалъ управлявшій постройкой вѣнскій архитекторъ Веберъ. Недостатокъ этотъ оказался послѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ зданія, гдѣ былъ немедленно исправленъ. Здѣсь же не нашли этого особенно нужнымъ, тѣмъ болѣе, что по тщательной архитектурской консультаціи, оказавшаяся неровность пола признана совершенно безопасною.

Лицей существовалъ не напрасно. Онъ сослужилъ службу въ дѣлѣ отечественнаго образованія. Онъ былъ первенцемъ учебной реформы. Въ немъ выработанъ и примѣненъ тотъ учебный планъ, который положенъ въ основаніе преобразованныхъ гимназій. Къ несчастію, лишившись слишкомъ рано своего директора, моего сотоварища по учрежденію лицея, покойнаго профессора Леонтьева, который посвящалъ ему всѣ силы своей любящей души и высокаго научнаго образованія, лицей остался весь на моихъ рукахъ. При многосложности моихъ занятій и работъ, при невозможности жить въ самомъ лицей и принимать непрерывное и непосредственное участіе во всѣхъ подробностяхъ его быта, я былъ въ искушеніи закрыть его и удержался лишь по памяти о моемъ товарищѣ и въ надеждѣ, что Богъ поможетъ мнѣ поддерживать такъ хорошо начатое полезное дѣло, пока найдется достойный преемникъ покойному директору. Годъ-за-годомъ шло время, но такого не находилось, пробы не удавались, и я долженъ былъ вести дѣло, какъ могъ, одинъ въ продолженіе 12 лѣтъ. Заведеніе, лишившись такой силы, какою былъ его покойный директоръ, не могло преуспѣвать значительно въ дальнѣйшемъ развитіи, но оно не упало и даетъ плоды. Установленный порядокъ поддерживается, учебная часть не слабѣетъ.

При тѣхъ системѣ и индивидуальномъ уходѣ за воспитанниками не мало молодыхъ людей спасено и при слабыхъ способностяхъ доведено до конечной цѣли съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Старшіе учителя или инспекторы такъ же, какъ и многіе изъ второстепенныхъ дѣятелей, состоящихъ при заведеніи съ самаго основанія его, свято хранятъ преданія Леонтьева. Наконецъ появились въ самомъ лицей образованные преподаватели—воспитанники состоявшей при немъ учительской (такъ называсмой Ломоносовской) семинаріи, которая дала и гимна-

віямъ министерства нѣсколько преданныхъ дѣлу и приготовленныхъ учителей.

Въ настоящее время лицей, имѣя въ своей организаціи сверхъ средне-образовательныхъ или гимназическихъ классовъ университетское отдѣленіе по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго, могъ бы сослужить новую службу въ виду коренного преобразования, котораго дождались, наконецъ, наши университеты. Какъ при учебной реформѣ гимназій, такъ теперь при реформѣ университетскаго преподаванія и системы экзаменовъ, лицей предстояло бы практически способствовать своими опытами установленію новыхъ порядковъ. Такъ какъ экзамены теперь поставлены въ полную независимость отъ случайностей преподаванія и произвола преподавателей, а должны производиться особыми, отъ правительства назначенными комиссиями соответственно дѣйствительнымъ требованіямъ науки и надобностямъ государства, то въ университетскомъ отдѣленіи лицея по главнымъ предметамъ могутъ быть открываемы самостоятельные курсы именно въ той силѣ и томъ направленіи, какъ указывается въ экзаменныхъ требованіяхъ правительства, въ составленіи коихъ мнѣ приходилось, по приглашенію Министра Народнаго Просвѣщенія, принимать дѣятельное участіе. Такимъ образомъ, если сбудутся мои предположенія, лицей своимъ университетскимъ отдѣленіемъ можетъ содѣйствовать подготовленію экзаменныхъ программъ для будущихъ испытательныхъ комиссій и выясненію предстоящихъ имъ задачъ.

Въ гимназическомъ же отдѣленіи лицея, вмѣсто упраздненной и не совсѣмъ удавшейся Ломоносовской семинаріи, куда принимались по состязательному испытанію для бесплатнаго воспитанія мальчики въ слишкомъ раннемъ возрастѣ (по окончаніи ими элементарной школы), когда способности и свойства не могутъ еще достаточно обнаружиться, я полагалъ бы принимать на степендіи оказавшихся наиболѣе способными изъ учениковъ 5-го или 6-го класса, какъ самаго лицея, такъ и гимназій, и вести этихъ отборныхъ юношей далѣе высокимъ уровнемъ ученія до конца университетскаго курса съ тѣмъ, чтобы образованъ изъ нихъ людей науки, которые бы современемъ могли послужить обновленію и улучшенію нашихъ профессорскихъ коллегій.

Мысль объ этихъ новыхъ задачахъ для лицея не покидаетъ меня, но я буду въ состояніи должнымъ образомъ осилить ихъ не прежде, какъ найду себѣ помощника, чѣмъ въ настоящее время я особенно озабоченъ. Если проба удастся, то я буду ходатайствовать о разрѣшеніи передать ему директорскую должность, соединенную въ лицей съ преподаваніемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ самомъ заведеніи и непосредственно управлялъ имъ, какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи; самъ же я удержалъ бы за собою собственное попечительскія къ лицейскому отношенію, продолжая помогать ему въ его нуждахъ нрав-

ственно и матеріально, направляя и контролируя общій ходъ дѣлъ въ его жизни.

Смѣю думать, что для правительства въ дѣлѣ науки и воспитанія не бесполезно содѣйствіе подобнаго рода для достиженія прочныхъ и надежныхъ результатовъ.

Между тѣмъ злоумышленная пропаганда не дремлетъ. Она изобрѣтаетъ новые способы дѣйствовать среди учащейся молодежи, не только въ университетахъ, но и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Изъ разныхъ мѣстъ Имперіи получены мною, не лишеныя въ этомъ отношеніи основанія, свѣдѣнія, которыя, по провѣркѣ, немедленно будутъ мною доставлены Министру Народнаго Просвѣщенія.

Но какъ ни важны въ моемъ сужденіи всѣ эти вопросы, я не осмѣлился бы утруждать Ваше Величество особымъ письмомъ о нихъ, если бы въ эту минуту не рѣшалось дѣло, которое поправить будетъ трудно. Это новое, прошедшее черезъ Государственный Совѣтъ положеніе о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Я былъ успокоенъ увѣреніемъ, что окончательное обсужденіе этого закона будетъ отложено до будущей сессіи, и лишь теперь узнаю, что мнѣніе Государственного Совѣта по этому вопросу уже состоялось и подлежитъ Высочайшему утвержденію.

Сколько смѣю судить, воля Вашего Величества направлена къ тому, чтобы возстановить и укрѣпить разстроенный у насъ порядокъ. Въ этихъ видахъ готовится теперь реформа мѣстнаго управленія, долженствующая положить въ нашихъ селахъ конецъ хаосу, который губитъ народъ и разоряетъ наше хозяйство. Но новыя правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ, вступивъ въ дѣйствіе, окажутся въ противорѣчій съ этимъ направленіемъ. Имѣя въ виду облегчить и обезпечить сельское хозяйство, новыя правила приведутъ его въ худшее, чѣмъ нынѣ, положеніе.

Проектъ этихъ правилъ исходитъ отъ двухъ министровъ, которые такъ справедливо пользуются полнымъ довѣріемъ Вашего Величества, и съ которыми было бы мнѣ крайне прискорбно въ чемъ-нибудь разногласить. Всякое мое разногласіе съ ними было бы на руку противникамъ дѣла, которому мы равно служимъ, они—на своемъ высшемъ государственномъ посту, я—въ моей общественной дѣятельности.

Съ графомъ Толстымъ я былъ безотлученъ въ лучшую пору его управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Съ нимъ, какъ и съ М. Н. Островскимъ, я нахожусь въ полномъ принципиальномъ единомысліи по государственнымъ вопросамъ, и только крайняя необходимость могла бы заставить меня выступить противъ нихъ съ публичнымъ въ чемъ-нибудь возраженіемъ. Но когда мнѣніе Государственного Совѣта станетъ закономъ, критика будетъ бесполезна.

Ваше Императорское Величество! Остается одно средство: повременить утвержденіемъ проекта. Говоря это, я черпаю смѣлость въ моей преданности, въ чувствѣ долга передъ Государемъ

и Отечествомъ. Изданіе этого закона было-бы теперь во всякомъ случаѣ неблаговременно. Можно-ли успѣшно регулировать отношенія рабочихъ и нанимателей, которые въ сельскомъ быту составляютъ почти половину всѣхъ дѣлъ, прежде чѣмъ обозначился новый порядокъ, который имѣлъ быть установленъ реформою мѣстнаго управленія? Можно-ли правильно поставить дѣло, котораго органы еще неизвѣстны? Реформа мѣстнаго управленія теперь на очереди. Лишь, когда она будетъ готова, въ ея свѣтъ могутъ быть разработаны и постановлены правила, какими должны руководиться новыя власти, имѣющія вѣдать отношенія между сельскими хозяевами и сельскими рабочими. Вотъ основаніе для отсрочки утвержденія, основаніе, котораго не могутъ не признать министры, вносившіе этотъ вопросъ на законодательное разрѣшеніе. Между тѣмъ, дѣло это можетъ быть разъяснено такъ, что и они увидятъ сами необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ составленномъ ихъ чиновниками проектѣ.

Оба министра задумали дѣло въ наилучшемъ смыслѣ; но проектъ тѣмъ не менѣе составлялся чиновниками, недостаточно приготовленными къ тому, чтобы войти въ логику этого вопроса, и мало знакомыми съ условіями сельскаго быта. А между тѣмъ, всякое не соображенное съ дѣйствительными условіями и внутреннее отвлеченными мотивами постановленіе можетъ отозваться пагубными послѣдствіями, возбудить не безосновательный ропотъ и дискредитировать правительство.—Если-бы Ваше Величество дозволили, я могъ-бы изложить соображенія касательно этого проекта, основанныя на тщательномъ изученіи вопроса и вѣрныхъ данныхъ. Не все-ли равно, важная-ли особа или скромный прохожій обратитъ вниманіе хозяина дома на тлѣющую искру? Если что въ моихъ показаніяхъ и доводахъ можетъ представиться сомнительнымъ, повелите, Ваше Величество, довѣреннымъ лицамъ, не называя моего имени, во избѣжаніе толковъ, собрать справки, какія окажутся нужными. Какое-бы ни было принято Вашимъ Величествомъ рѣшеніе, лишь-бы дѣло предстало во всей своей ясности, и въ рѣшеніи сказала-бы не случайность.

Простите, Всемилоствѣйшій Государь, дерзновеніе моея преданности.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный М. Катковъ.

1886 годъ.

Гр. Лорисъ-Меликовъ и имп. Александръ II о положеніи Россіи въ сентябрѣ 1880 г.

20 сентября 1880 года гр. Лорисъ-Меликовъ отправилъ изъ Петербурга въ Ливадію императору Александру II собственноручно написанный имъ докладъ о политическомъ состояніи Россіи въ сентябрѣ 1880 года. Этотъ докладъ Александръ II прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ, о чемъ свидѣлствуютъ сдѣланныя имъ многочисленныя помѣты. Воспроизводимъ текстъ доклада, отмѣчая разрядкой подчеркнутое Александромъ II и печатая на поляхъ сдѣланныя имъ помѣты.

Ред.

Ливадія 24-го Сентября 1880 г.

Благодарю за первое письмо, которое ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

А.

Со дня выѣзда моего изъ Ливадіи и до настоящаго времени, я не представлялъ Вашему Императорскому Величеству подробныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, какъ по отсутствію какихъ-либо выдающихся фактовъ, такъ и по сложности занятій, поглощающихъ, на первыхъ порахъ вступленія въ многотрудную должность, весь мой досугъ.

Нынѣ, выслушавъ подвѣдомыхъ мнѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей и ознакомясь съ происходившею въ мое отсутствіе перепискою, всеподданнѣйше докладываю Вашему Величеству, что въ отношеніи политическаго настроенія, какъ въ Петербургѣ, такъ и за его предѣлами, положеніе дѣлъ не измѣнилось, и общественное спокойствіе до сего времени ничѣмъ нарушено не было.—Отсутствіе какихъ-либо выдающихся явленій не можетъ, однако, свидѣлствовать о полномъ успокоеніи крамольниковъ и не представляетъ ручательства въ невозможности повторенія какихъ-либо новыхъ со стороны ихъ преступныхъ проявленій.—Въ этомъ отношеніи поступающія къ намъ изъ-за границы и изъ внутреннихъ губерній Имперіи свѣдѣнія, указываютъ на необходимость самаго бдительнаго и строгаго надзора. Поэтому, съ моей

Въ этомъ и я
убѣжденъ.

Да.

ай Богъ, чтобы
то было такъ.

И я тоже.

нѣ ничего не
звѣстно о по-
слѣдствіяхъ.

авно было не-
обходимо.

стороны принимаются всѣ мѣры къ продолженію неослабнаго наблюденія за дѣятельностью лицъ алонамѣренныхъ. — Ручаться за будущее, конечно, невозможно, но считаю обязанностью свидѣтельствовать предъ Вашимъ Величествомъ о постепенномъ возрастаніи довѣрія къ дѣйствіямъ Правительства со стороны благонадежныхъ элементовъ общества. Усиленіе такого довѣрія и оживленіе вообще общественной дѣятельности, составляетъ предметъ особенной моей заботливости, ибо въ этомъ усматриваю надежнѣйшія средства для парализованія дѣйствій крамольниковъ.

Въ Петербургѣ полиція бдительно слѣдитъ за подозрительными лицами. Вновь организованная при Градоначальствѣ, съ весны сего года, политическая агентура, хотя далека еще отъ совершенства, но по мѣрѣ приобрѣтенія опыта постепенно улучшается.

При обратномъ слѣдованіи изъ Ливадіи въ Петербургъ, я призналъ необходимымъ остановиться на полъ-дня въ Москвѣ. — Поводомъ къ этому послужилъ сдѣланный мнѣ въ Курскѣ докладъ объ арестованіи тамъ студента Петровско-Разумовской Академіи Кананова, повидимому, весьма серьезнаго дѣятеля социальна-революціонной партіи. — Продолжительное совѣщаніе съ мѣстными властями укрѣпило во мнѣ и прежде существовавшее убѣжденіе, о которомъ всеподданнѣйше докладывавалъ Вашему Величеству, что въ данное время центромъ пропаганды несомнѣнно служитъ Москва. Причина такого прискорбнаго явленія заключается, между прочимъ, въ отсутствіи тамъ правильно организованной полиціи, сколько-нибудь соотвѣтствующей значенію этого города, какъ столицы и одного изъ главныхъ экономическихъ и умственныхъ центровъ Имперіи. — Неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе московской полиціи вполне сознается мѣстнымъ начальствомъ, а наиболѣе неустроенною отраслью ея является политически-секретная часть, которая, строго говоря, тамъ никѣмъ не вѣдается. — Однимъ изъ яркихъ примѣровъ существующей безурядицы можетъ служить то, что Петровская Академія, которая доставила столь значительный контингентъ социальна-революціонной партіи, находясь за границею городской черты, оставалась внѣ всякаго надзора столичной полиціи. Поэтому я распорядился о безотлагательномъ представленіи мнѣ соображеній относительно включенія означенной Академіи въ городскую черту.

Имѣются также несомнѣнные доказательства, что № 2-ой листка «Народной Воли», появившійся въ концѣ Августа въ Петербургѣ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ (не болѣе 15-ти), печатался въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, скоропечатнымъ способомъ или же на ручномъ станкѣ. Хотя появленію этихъ листовъ нельзя придавать особаго значенія, такъ какъ изъ-за границы подобныя возмутительныя изданія

доставляются въ несравненно большемъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе принимаются всѣ мѣры къ обнаруженію тайной печати.

Неудовлетворительное состояніе Московской полиціи объясняется тѣмъ, что существующіе штаты ея утверждены еще въ 1823 году и дѣйствуютъ до настоящаго времени.—Улучшеніе этой важной отрасли государственнаго управленія давно уже озабочивало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.—По собраннымъ свѣдѣніямъ, содержаніе Московской полиціи съ пожарною частью стоитъ нынѣ городу около 740 т. рублей;—для приведенія же ея въ положеніе, соотвѣтствующее современнымъ потребностямъ столичной жизни, исчислено 1.200.000 рублей, которые предполагается отнести частью на средства казны и частью на городскія.—Проектъ преобразованія Московской полиціи окончательно уже разработанъ и до новаго года можетъ быть внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

Весьма жаль
только.

По вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія, хотя полученныя до сего времени свѣдѣнія не могутъ еще считаться особенно тревожными, тѣмъ не менѣе отъ начальниковъ губерній разныхъ полосъ Имперіи продолжаютъ поступать ходатайства о выдачѣ ссудъ на обѣщаніе полей и продовольствіе населенія. Настоящій вопросъ не можетъ не озабочивать меня, такъ какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожаи повторяются нѣсколько лѣтъ сряду, и при новомъ недородѣ хлѣбовъ положеніе можетъ осложниться, повліявъ на успѣшное поступленіе податей и угрожая, при подстрекательствѣ неблагонамѣренныхъ людей, безпорядками въ крестьянскомъ населеніи.—Даже въ настоящее время по свѣдѣніямъ, поступившимъ за первое полугодіе, замѣчается во многихъ мѣстностяхъ возрастаніе недоимокъ.—Правительственная помощь, въ видѣ денежныхъ ссудъ на покупку хлѣба и сѣмянъ, не можетъ быть, по мнѣнію моему, достаточною, и необходимо изыскивать другія мѣры для предоставленія заработковъ населенію, пострадавшему отъ неурожаевъ.—Въ ряду этихъ мѣръ, одною изъ наиболѣе существенныхъ было бы открытіе общественныхъ работъ по устройству желѣзныхъ дорогъ, шоссе, каналовъ и другихъ общепользовныхъ сооруженій.

Да.

Здѣсь въ городѣ цѣна на хлѣбъ достигла уже въ розничной продажѣ до 4-хъ копеекъ за фунтъ, что, вмѣстѣ съ высокою цѣною на мясо, тягостно отзывается на недостаточномъ населеніи.—Два дня тому назадъ я призывалъ къ себѣ Гороцкаго Голову и 4-хъ гласныхъ, избранныхъ Думою, а также Градоначальника, для совмѣстнаго обсужденія съ ними мѣръ къ воспрепятствованію дальнѣйшаго возрастанія цѣнъ на предметы первой потребности. Городскіе представители обѣщали мнѣ доставить свои соображенія по этому важному вопросу, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Считаю своимъ
же весьма
нымъ

По имѣющимся нынѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, наличный

запасъ муки у здѣшнихъ хлѣботорговцевъ къ 17-му Сентября простирался до 120 т. кулей, — что по расчету составляетъ мѣсячную пропорцію для продовольствія столичнаго населенія. — Посему отнынѣ главныя заботы должны быть направлены къ дальнѣйшему своевременному подвозу хлѣба. Обстоятельство это особыхъ затрудненій встрѣтить не можетъ, если не помѣшаетъ усиленный вывозъ верного хлѣба за границу, воспрепятствовать которому, по многимъ финансовымъ соображеніямъ, было бы крайне неудобно.

По поводу появившихся въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ статей, я счелъ обязанностью пригласить къ себѣ редакторовъ болѣе значительныхъ газетъ и журналовъ, для подробнаго съ ними объясненія и для сдѣланія имъ строгаго внушенія, о чемъ въ свое время просилъ Министра Императорскаго Двора довести до свѣдѣнія Вашего Величества. — Внимательное наблюденіе за нашею печатью приводитъ меня къ убѣжденію, что характеръ ея въ послѣдніе 4—5 мѣсяцевъ уже нѣсколько измѣнился къ лучшему, хотя она далеко еще не достигла той высоты, на которой должна стоять серьезная и честная пресса. — Еще въ недавнемъ прошломъ, періодическая печать какъ бы заискивала въ оппозиціонной части общества и даже считалась съ крамолою, признавая ее за силу; — причѣмъ она усвоила себѣ пріемы выражать вредныя мысли между строкъ, понятныя для читателя, но въ формахъ, рѣдко доступныхъ для преслѣдованія. — Нынѣ же печать входитъ въ обсужденіе наиболѣе интересующихъ общество вопросовъ съ большою прямою и даже нѣкоторою самостоятельностью. — Въ статьяхъ такого рода, за весьма немногими исключеніями, хотя и не заключается ничего враждебнаго правительству, но иногда подвергаются критикѣ учрежденія и даже дѣятельность нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Статьи подобнаго содержанія возбуждаютъ неудовольствіе тѣхъ, кого онѣ касаются. — Лица эти, объединяя свои собственные интересы съ государственными, ничего общаго между собою не имѣющими, сходятся вводить въ своихъ кружкахъ обвиненіе на вѣдомство, коему ввѣрено наблюденіе за прессою. — Созданіе такой прессы, которая выражала бы лишь нужды и желанія разумной и здравой части общества и въ то же время являлась вѣрнымъ истолкователемъ намѣреній Правительства, — есть дѣло весьма трудное и достижимое только продолжительнымъ временемъ. — Сознавая всю важность такой прессы, я усиленно стремлюсь къ ея устройству и надѣюсь, что достигну цѣли, хотя невозможно, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ не проявлялось уклоненіе. — Но до того времени, пока мнѣ удастся это трудное дѣло, приходится при всякомъ такомъ уклоненіи, а иногда даже справедливой критикѣ, являться какъ бы отвѣтственнымъ лицомъ предъ тѣмъ, интересы котораго

Я этого не замѣчаю, и на-
противъ, по мо-
ему хуже!

Совершенно
такъ.

Да.

Дай Богъ.

пресса касается, и навлекать на себя неудовольствіе. Такимъ образомъ, усиленно работая по вѣренному мнѣ обширному вѣдомству, я въ то же время вынужденъ оберегать себя отъ нареканій.—Высокое довѣріе Вашего Императорскаго Величества, которымъ я имѣю счастье пользоваться до сего времени, ободряетъ меня и служить единственною опорою въ моихъ тяжелыхъ трудахъ.

Кіевскій Генераль-Губернаторъ, прибывъ съ Высочайшаго соизволенія Вашего въ Петербургъ, заявилъ мнѣ, что пріѣздъ его имѣетъ цѣлью разъяснить: не составляетъ ли предстоящая Сенаторская ревизія въ Кіевской губерніи выраженіе личнаго къ нему недовѣрія?—Ознакомивъ Генераль-Адъютанта Черткова съ проектомъ инструкціи г.г. Сенаторамъ, представленной Министромъ Юстиціи на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе, я объяснилъ ему, что предстоящая ревизія чужда какихъ-либо личныхъ соображеній и имѣетъ въ виду исключительно цѣли Государственныя; причемъ добавилъ, что въ числѣ подлежащихъ ревизіи губерній находится Черниговская, входящая также въ составъ Харьковскаго Генераль-Губернаторства.

Генераль-Адъютантъ Чертковъ, успокоенный высказанными ему доводами, возвращается нынѣ къ мѣсту своего служенія.

Осмѣливаюсь надѣяться, что данныя мною Генераль-Адъютанту Черткову въ этомъ смыслѣ разъясненія удостоятся одобренія Вашего Императорскаго Величества.

Вѣрноподанный слуга

Графъ *Михаилъ Лорисъ-Меликовъ*.

Надѣюсь, что тебѣ можно будетъ прибыть въ Ливадію, съ Наслѣдникомъ.

20 Сентября 1880 г.
С.-Петербургъ.

Генераль Черевинъ возвратилъ Лорисъ-Меликову его докладъ съ помѣтами государя при слѣдующемъ письмѣ отъ 25 сентября 1880 года:

«Представляя при семъ всеподданнѣйшій докладъ, имѣю честь сообщить, что ничего особаго, заслуживающаго вниманія, не произошло.

Изъ Одессы еще не получены отвѣты по вопросу объ устройствѣ наблюденія на границѣ. Г-нъ Сорокинъ еще здѣсь.

Государь совсѣмъ поправился, вчера завтракалъ у Воронцовыхъ».

Оно полное къ тебѣ.

Дай Богъ тебѣ силъ и здоровья, чтобы продолжать дѣйствовать съ тою же энергіею и достигнуть желаемыхъ нами результатовъ.

Я утвердилъ ее 22-го Сент.

Дѣло Василя Киселева ¹⁾.

Алапаевскій горный округъ состоитъ изъ нѣсколькихъ заводовъ: Нейво-Алапаевского, Нейво-Шайтанскаго и Ирбитскаго. Кромѣ того, очень много рудниковъ. Жители заводовъ и окрестныхъ деревень большей частью заняты на заводахъ или рудникахъ или вспомогательными работами опять-таки для заводовъ, какъ, напримѣръ: выжиганіемъ угля, рубкой и возкой дровъ, возкой руды, флюсса и т. д. Земли у нихъ совсѣмъ мало, и жить приходится исключительно заводской работой, а заработки обыкновенно настолько низки, что еле хватаетъ прокормиться. Кромѣ того, былъ кризисъ на желѣзо, т.-е. желѣзо не шло, а громадные запасы его лежали безъ продажи въ магазинахъ, работы на заводахъ и рудникахъ сократились, а на нѣкоторыхъ и совсѣмъ были прекращены, много рабочихъ лишилось работы, и заработки еще уменьшились, жить стало совсѣмъ нельзя. Да еще заводоуправленіе стало принимать на работы пришлыхъ рабочихъ, а кореннымъ жителямъ работы не давало. Уже не говоря о томъ, что штрафы и вычеты такъ и сыпались на голову рабочаго человѣка. Долго терпѣлъ народъ голодъ, нужду и всякія притѣсненія, и, наконецъ, нестерпимъ стало. Стали рабочіе собираться и совѣщаться, какъ имъ быть, и рѣшили пойти и взять силой то, что добромъ не даютъ: все равно съ голоду пропадать приходится. И вотъ ночью въ ноябрѣ мѣсяцѣ собрались на 15 подводахъ и поѣхали въ Тягунскіе рудники. На одномъ разграбили лавку кулака и обирали Вяткина, а на другомъ взяли изъ рудничнаго магазина желѣзо, положили это все на подводы и поѣхали. Для того, чтобы имъ не помѣшали, телефонную проволоку обо-

¹⁾ Помимо необыкновенной жизненности и бодрой вѣры, отличающихъ безхитростныя записки Василя Киселева объ его „дѣлѣ“, съ результатовъ котораго онъ „угодилъ на пятнадцать лѣтъ въ каторжные работы“, — записки обращаютъ на себя вниманіе и своею внѣшностью. Тщательно и любовно весь текстъ переписанъ отъ руки мелкимъ, четкимъ, близкимъ къ печатному шрифтомъ, и размноженъ литографскимъ способомъ, въ видѣ отдѣльной брошюры. На желтенькой обложкѣ влѣво, надъ заглавіемъ, съ тою же тщательностью сдѣланъ рисунокъ тюремной зубчатой башни въ рамкѣ и двѣ вписки. Вправо надпись: изданіе второе. На первой страницѣ — круглая печать: „Уральскій союзъ социалистовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ“. На нижней сторонѣ обложки: Изданіе „Восточной группы“ Уральского союза С.-Р. и С.-Д. 1903 г.“.

рвали, а народъ, который прибѣжалъ къ магазинамъ, поугали выстрѣлами на воздухъ. Когда ѣхали домой съ желѣзомъ, то на деревѣ приклеили полъ-листа бумаги и написали на немъ, что они не воры, не грабители, а просто голодные, какъ волки, люди.

Деятнадцать человѣкъ изъ нихъ были арестованы, желѣзо у нихъ отобрали, а ихъ самихъ судили, и присудили отъ полутора лѣтъ до 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Вотъ и все. Вмѣсто того, чтобы накормить голоднаго человѣка, дать работу безработному, у насъ попросту, безъ затѣй, посадятъ въ тюрьму или сошлютъ на каторгу, а что будетъ съ семьями, до того никому нѣтъ дѣла, какъ, напримѣръ, этотъ грабежъ Тягунскихъ рудниковъ. Въ обвинительномъ актѣ такъ и написано, что причина—голодъ. Вотъ это мѣсто изъ обвинительнаго акта: «При изслѣдованіи мотивовъ преступленія, составляющаго предметъ сего дѣла, выяснилось слѣдующее: крестьяне дер. Алапаихи, имѣя незначительные земельные надѣлы, съ давнихъ поръ добываютъ себѣ средства къ существованію преимущественно работою на рудникахъ Алапаевскихъ заводовъ, получая достаточную плату для того, чтобы могли жить безбѣдно, хотя всегда бывали недовольны ею, и просили постоянно прибавки. Въ 1902 году плата за работу на рудникахъ стала понижаться, и, кромѣ того, къ осени работы на нѣкоторыхъ рудникахъ были сокращены или даже совсѣмъ прекращены до новаго года, благодаря чему заработокъ крестьянъ дер. Алапаихи уменьшился, что вызвало среди нихъ ропотъ; они стали высказывать ропотъ на заводскую администрацію. Къ этому присоединилось еще и то, что иногда расчетъ съ рабочими сталъ производиться не два раза въ мѣсяцъ, какъ было раньше, а только одинъ разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣсто денегъ, рабочимъ нерѣдко выдавались администраціей рудниковъ купоны на полученіе въ счетъ заработной платы товара изъ общественной потребительской лавки Нейво-Алапаевского завода, но въ ней рабочіе не всегда находили нужный для нихъ товаръ и принуждены были ввязать ими въ лавкѣ товаръ, за ненужностью, перепродавать съ убыткомъ для себя, чтобы выручить деньги на покупку необходимыхъ для себя товаровъ. Съ октября мѣсяца нѣкоторые крестьяне стали собираться на сходки, куда пускали не всѣхъ».

Какъ видите, безъ всякаго подстрекательства можно было народу потерять терпѣніе изъ-за всѣхъ этихъ безобразій. Но ни заводоуправленію, ни судьямъ, которые поставлены правительствомъ, не хотѣлось сказать правды про народную нужду и бѣдность. Пришлось бы тогда, пожалуй, судить не алапаевскихъ крестьянъ, а тѣхъ, кто ихъ до этого довелъ. Вотъ и выдумали, что къ грабежу подстрекалъ ихъ Василій Киселевъ, а ему помогалъ Гавріилъ Кабаковъ. Василій Киселевъ говорилъ народу про его права, про то, что заводчики обижаютъ народъ, а правительство имъ помогаетъ и потакаетъ всѣмъ ихъ безобразіямъ, говорилъ, что въ другихъ странахъ люди живутъ не такъ, какъ они,

что тамъ не смѣють надъ людьми такъ издѣваться, какъ у насъ. Говорилъ онъ все правду, на грабежъ не подстрекалъ, а напротивъ, говорилъ, что грабежомъ дѣлу не поможешь. И вотъ нашъ скорый, праведный и милостивый судъ осудилъ Киселева съ Кабаковымъ на 15 лѣтъ каторги.

Гдѣ-же у насъ правда? Послѣ того, какъ взяли подъ арестъ Киселева и Кабакова, пошли по заводу обыски, все искали тѣхъ книжекъ, которыя Киселевъ читалъ, да разыскивали его товарищей. А какія безобразія дѣлались при обыскахъ слугами царя и отечества, покажетъ маленькій примѣръ: товарищъ прокурора Резлеръ присутствовалъ при обыскахъ въ Алапаевскомъ заводѣ съ жандармскимъ офицеромъ Свѣтомъ. Такъ, когда они явились на квартиру Мухиныхъ (служащій завода), то хозяевъ не было дома, оставалась только кухарка—дѣвица. Вся полиція поднялась въ верхній этажъ, Резлеръ же остался внизу и пытался изнасиловать прислугу, и только приходъ хозяевъ помѣшалъ Резлеру исполнить свое намѣреніе.

И вотъ такой-то человѣкъ, какъ Резлеръ, обвиняетъ другихъ людей въ разныхъ преступленіяхъ, отдаетъ подъ судъ голодныхъ людей, да выискиваетъ тѣхъ, кто посмѣетъ сказать народу слово правды, посмѣетъ открыть народу глаза на то, что вокругъ него дѣлается, посмѣетъ прямо указать народу на его враговъ и угнетателей.

Когда же настанетъ день, когда народъ пойметъ, что ему нужно дѣлать! Когда настанетъ конецъ народному терпѣнію!

28 февраля и 1 марта я, Василій Киселевъ, крестьянинъ Пермской губ., Кунгурскаго уѣзда, былъ сужденъ Казанской судебной палатой за пропаганду среди рабочихъ и крестьянъ Алапаевского округа. Палата нашла меня виновнымъ въ распространеніи антиправительственныхъ революціонныхъ идей и подстрекательствъ крестьянъ дер. Алапаихи къ бунту противъ капиталистической эксплуатаціи ихъ хозяевъ и приговорила меня къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ а еще одного крестьянина дер. Алапаихи—Гавріила Иванова Кабакова, за помощь въ подстрекательствѣ, тоже на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. А участниковъ возмущенія—отъ 1½ лѣтъ до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Такъ какъ я постановленіе палаты считаю насиліемъ надъ личностью человѣка, а не законнымъ наказаніемъ надъ противникомъ по Божьимъ законамъ (какъ они говорятъ) установленнаго государственнаго строя, я долженъ обратиться къ суду всѣхъ братьевъ рабочихъ Россійской имперіи.

Товарищи рабочіе! Доколѣ будетъ длиться такое безправіе? Я со дня своего рожденія не сдѣлалъ никакого преступленія. Работалъ я во многихъ заводахъ Урала, какъ-то: въ Сосьвинскомъ, Надеждинскомъ и Богословскомъ зав. (Богословскаго гор-

наго округа), и вездѣ былъ угнетаемъ, какъ заводской администраціей, такъ и полицейской властью, за то, что у первой отстаивалъ интересы товарищей-рабочихъ, а у второй—протестовалъ противъ безпощаднаго произвола (я знаю, вамъ хорошо извѣстенъ произволъ полицейской и заводской власти по заводамъ), за что терпѣлъ всяческія лишенія и оскорбленія. И я вынужденъ былъ оставить Богословскій округъ. Переѣхавши въ г. Екатеринбургъ, я поступилъ работать въ механическій заводъ Ф. Е. Ячесъ; но и здѣсь, оказалось, не особенно любятъ такихъ рабочихъ, которые понимаютъ, что они хоть и рабочіе, но все-таки люди, и что съ ними нужно обращаться не какъ съ вьючными скотомъ. Да, кромѣ того, за мной изъ Богословскаго были посланы шпіоны, дабы узнать, гдѣ я остановлюсь, и что буду дѣлать, и затѣмъ выдать меня въ руки опричниковъ (жандармовъ). Но я, проработавши мѣсяца четыре, уѣхалъ въ Нейво-Алапаевскій заводъ (но уже по порученію Уральскаго союза), гдѣ я всталъ заводууправленскій произволъ въ полномъ разгарѣ; тамъ личность свободныхъ людей сведена на рабское положеніе.

Ну, что же въ томъ противозаконнаго, что я хотѣлъ пробудить самосознаніе алапаевскаго рабочаго, что они люди свободные и должны имѣть всѣ человѣческія права? А въ деревнѣ Алапихъ, тамъ все человѣческое было втоптано въ грязь. Народъ—неграмотный, большей частью забитый. У нихъ хозяева Алапаевскаго завода завладѣли скотскимъ выгономъ, въ которомъ нашли богатые залежи желѣзной руды. И всѣ протесты деревенцевъ окончились плачевно. Они подавали жалобы въ Екатеринбургскій окружный судъ, и судъ нашелъ ихъ просьбу правильной и приговорилъ къ уплатѣ заводууправленіемъ за причиненныя убытки, и впродъ, безъ согласія на то самихъ крестьянъ, не шевелить ни аршина земли, принадлежащей имъ. Но это все осталось только на бумагѣ, а на дѣлѣ было все по-старому. Крестьяне подали жалобу начальнику Пермской губ., но и это осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь.

И имъ за то, что они вздумали отстаивать свою же собственность на ихней землѣ и ихними же руками добываемую руду, стали оплачивать грошовой платой (отъ 1 до 2 рублей приходилась поденная плата на троихъ—забойщикъ, возчикъ и лошадь). Ну, много-ли придется на человѣка, если пудъ овса стоитъ 80 к., а лошадь безъ корму работать не будетъ? Зимой же работы прекращаются по поводу того, что все замерзаетъ (прокуроръ находить, что тутъ виновата природа), и имъ отдають перевозку руды на мѣсто, и если человѣкъ съ лошадыю заработаетъ 1 руб., то съ нихъ еще удерживается за то, что руду привозять со снѣгомъ, а развѣ тутъ не та же природа виновата (но прокуроръ находить, что это такъ и надо)? Кромѣ того, деньгами выдавали рѣдко, а больше купонами въ общественную лавку, и положительно люди работали полуголодные (но всѣ свидѣтели со стороны заводууправленія показали, что они отъ того меньше зарабатываютъ,

что очень пьянствуют и меньше работают). Но я человекъ посторонній, и хотя долго жилъ тамъ, а вполне могу подтвердить, что народъ бьется изъ всѣхъ силъ, но заводоуправленіе нажимаетъ ихъ разными штрафами, скидками за снѣгъ и грошовою платой до оупѣніа (развѣ можетъ быть человекъ пьяницей, если онъ работаетъ день и ночь? День онъ на рудникахъ, а ночью исполняетъ свои домашнія работы). Подло и гадко было показаніе свидѣтелей отъ заводоуправленія.

Обвинительная рѣчь прокурора.

Г.г. судьи и г.г. сословные представители!

Нападеніе на Тягунскіе рудники было не отъ того, что голодъ и безработица заставили, а прямо по подстрекательству Киселева, который имъ говорилъ, что нужно все у капиталистовъ брать силой. Господа, я вамъ объясню ученіе социалистовъ вкратцѣ. Они проповѣдуютъ, что царь отдалъ всю землю капиталистамъ, что нужно свергнуть царя, и богатства раздѣлить поровну между крестьянами и рабочими. И будущій строй социальной жизни будетъ самый деспотическій, какого не видалъ свѣтъ. Тутъ будутъ уничтожены всѣ выдающіеся таланты и умы. Общество будетъ, какъ стадо барановъ безъ пастуха; кто только станетъ поднимать голову, того стукнутъ по головѣ; лѣнныя будутъ отбирать отъ нелѣнливаго половину ихъ состоянія; тогда не будетъ законовъ о собственности, все будетъ всѣхъ и ничье.

И я требую, согласно волѣ его величества (читалъ манифестъ, изданный недавно) самаго суроваго наказанія этимъ врагамъ народа и правительства. Они развращаютъ народъ, чтобы не почитали царя, не уважали правительство и убивали ихъ. Это совсѣмъ неподходящее къ русскому народу, который только подъ охраной заботящагося о немъ правительства можетъ быть счастливымъ (какую имъ, говорить, еще надо плату? Вѣдь съ голоду никто не померъ). Какъ онъ добръ! Находить, что съ голоду не померли, подлая тварь!

Составъ суда вполне соглашался съ его указаніемъ. И кто были эти судьи? Это полуидіоты, разбитые подагрою старики, которыхъ на томъ свѣтѣ черти съ фонаремъ ищутъ. Не мнѣ бы надо быть на скамьѣ подсудимыхъ, а имъ. Они, можетъ быть, тысячи людей сѣли, а все на волѣ и въ почетѣ. Доколѣ народъ будетъ терпѣть такое надѣвательство, такіа несправедливости и обиды? Для чего они насъ водятъ на судъ, коли не принимаютъ никакихъ показаній въ нашу защиту? Мой защитникъ г. Маминъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой выставилъ всю туманную картину рабской жизни крестьянъ, и что тутъ не нужно никакого подстрекательства для того, чтобы сдѣлать кражу, такъ какъ ѣсть нечего. И привелъ историческій фактъ, къ которому была примѣнена ст. 269 во время избиенія евреевъ и во время полтавскихъ и харьковскихъ волненій, и просилъ отмѣнить другія

двѣ статьи, по которымъ насъ осудили, такъ какъ онѣ совсѣмъ не подходятъ къ этому, не очень серьезному дѣлу (но председатель его перебилъ и говорить, что если прокуроръ говоритъ, что онѣ должны подойти, то не ваше дѣло разсуждать, подходятъ или нѣтъ).

Гдѣ-же правда? Гдѣ-же Богъ? Когда вынесли приговоръ, председатель говорить, что рѣчь защитника не приняла, такъ какъ мы знаемъ безъ него, кто правъ, кто виноватъ.

Да, глупость крестьянъ стугила меня и всю мою трехмѣсячную работу. Ну, что подѣлаешь! Я не виню ихъ, «голодъ—не тетка».

Будь оно проклято самодержавное правительство!

Нѣтъ, нужно бросить экономическую борьбу! Нужно революцію!

Письмо Киселева.

1-го декабря 1902 г. я пришелъ на работу, но работать не удалось, такъ какъ пришелъ алапаевскій старшина, въ сопровожденіи урядника, и попросили меня слѣдовать за ними, что я и исполнилъ къ ихнему удовольствію безпрекословно. Привозятъ меня въ земскую квартиру,—я думалъ, меня, въ какой-то непріятельскій лагерь привезли,—вездѣ начальство, начиная съ генерала до десятника. Что, думаю, за чортъ! Зачѣмъ меня сюда затащили? Оказалось, меня обвиняютъ въ подстрекательствѣ крестьянъ дер. Алапахи къ грабежу. Завели меня въ комнату, я сѣлъ на стулъ, и зачали меня казать, какъ допотопнаго звѣря (ужъ не знаю, за плату или даромъ), крестьянамъ. Спрашиваютъ: «этотъ»?—(отвѣтъ) «этотъ». Да такъ человѣкъ тридцать приводили, всѣ говорятъ: «этотъ». Я спрашиваю, что, господа, это значитъ? «А вы, говорятъ, были въ деревнѣ на сходѣ 30 октября?» «Былъ!» говорю.—«Что тамъ вы дѣлали?»—Читалъ крестьянамъ книжечку «о благоустройствѣ крестьянскихъ обществъ и объ обязанностяхъ сельскаго начальства», и интересовался ихъ жизнью, заработной платой и т. п.—«У кого вы тамъ бывали?»—У своего знакомаго Гавр. Ив. Кабакова.—«Что вы у него дѣлали?»—Онъ музыкантъ, играли на скрипкѣ, пѣли пѣсни, читали пьески и стихотворенія разныхъ писателей. А про сходку я узналъ случайно, и пришелъ съ завода одинъ. А что бывалъ раньше, я не говорилъ, такъ какъ не хотѣлъ много запутывать людей, но потомъ оказалось, что они все сказали, у кого и когда я бывалъ. Да это не такъ важно, гдѣ и когда я былъ. Обвиняемые меня не заставляютъ въ томъ, что я былъ подстрекателемъ, а свидѣтели говорятъ, что должно быть изъ-за него, такъ какъ онъ читалъ книжки и разъяснялъ, какъ живутъ въ другихъ странахъ. «А изъ того, что онъ читалъ, мы поняли мало». Только одинъ сказалъ, что про моровую стачку и обуховцевъ.

Первый протоколъ такъ и написанъ. Но потомъ у меня въ квартирѣ былъ обыскъ, нашли гектографъ, нѣсколько прокламаций и брошюры: «Очередной вопросъ революціоннаго дѣла» и

«Манифестъ партіи революціонеровъ». Я отъ своего не отказался, говорю: «мое». — «Для чего гектографъ?» — Для печатанія воззваній рабочимъ на борьбу противъ эксплуатаціи хозяевами, брошюрки — для распространенія среди рабочихъ.

Повели меня въ волостное правленіе ночевать, посадили двухъ урядниковъ со мной въ кошовку, одинъ изъ нихъ взялъ меня за рукавъ пальто и держитъ: «Ты, говоритъ, политическій преступникъ, убѣдишь».

Посадили меня въ камеру, ѣсть мнѣ не давали, цѣлый день голодомъ морили, и никого не допускали. Потомъ вечеромъ пришло разрѣшеніе выдать мнѣ 15 коп. на хлѣбъ, и напоили чаемъ стражники, затѣмъ ничего, принесли мнѣ постель, бѣлье, бумаги, карандашъ, книги, нейдутъ къ дѣлу и послали меня пытать волостного старшину, который спрашивалъ: какіе у меня товарищи, откуда получалъ книги, и т. п. Сидѣлъ съ часъ времени (спасибо ему, развеселилъ меня), но все-таки дуракомъ ушелъ, еще предложилъ вопросъ, что меня отпустить на поруки какому-нибудь знакомому. Я говорю: «вотъ спасибо! Мы съ вами теперь познакомились, возьмите, пожалуйста, если можно». Ничего не сказалъ и ушелъ. Затѣмъ утромъ мнѣ опять выдали 15 к. на содержаніе и дозволили получить пищу съ квартиры. Въ 2 часа сдали меня жандармамъ и повезли въ г. Екатеринбургъ. Дорога ничего, хорошо прошла, жандармы народъ вѣжливый. На первой станціи выдавали 25 к. кормовыхъ. Въ 5 ч. утра пріѣхали въ Тагилъ, въ 11 час. отправились въ Екатеринбургъ. Въ Тагилѣ опять 25 коп. и хорошо хватило. 3-го декабря привезли въ 6 час. вечера въ тюрьму. Книгъ не давали съ мѣсяцъ никакихъ.

Когда у меня въ квартирѣ дѣлали предварительный обыскъ, нашли еще подъ печкой «Освобожденная жизнь» и программа новаго строя, выработанная «Искрой» и «Зарей», и мои писанныя воззванія къ крестьянамъ и рабочимъ, молитва рабочаго, и т. д. По этому поводу пріѣзжалъ начальникъ пермскаго жандармскаго управленія и допрашивалъ меня.

Когда я былъ приведенъ въ окружный судъ въ кабинетъ къ жандармскому генералу Широкову, мы съ нимъ часа два переливали изъ пустого въ порожнее. Онъ отрицалъ правоту нашего дѣла (хотя и находилъ въ немъ хорошія стороны), я порицалъ дѣйствія правительства, заботящагося больше о своихъ карманахъ, обѣдахъ, юбилеяхъ и т. п., чѣмъ о народномъ благосостояніи и образованіи. Я говорилъ: пусть дадутъ намъ свободу слова, печати, союзовъ, стачекъ и т. д., то мы сами позаботимся о своемъ благосостояніи и образованіи. Показывалъ ему бѣдность нашего крестьянства и рабочихъ, и веселую жизнь чиновничества и дворянъ. Коснулись и иностранной политики и дѣйствія русскихъ министровъ. Онъ одобряетъ министра Витте, что русскіе финансы поднялись высоко съ тѣхъ поръ, когда на сахаръ сдѣлана такса, и больше стали выдѣлывать вина: сахаръ дороже, мужики его меньше ѣдятъ, а больше вина пьютъ.

Да, положительно все и вся перебрали (и онъ соглашается, что будетъ, но не скоро то, что мы желаемъ).

Затѣмъ онъ мнѣ предлагалъ три рода избавленія отъ наказанія: 1) Чтобы я сказалъ, отъ кого я получалъ литературу и книги, и за это онъ хотѣлъ меня освободить отъ уголовного суда и выпустить подъ надзоръ полиціи. 2) Чтобы я рассказалъ своихъ всѣхъ товарищей и принесъ повинную государю, что я заблуждался, что меня подговорили товарищи, и за это меня отъ всего совсѣмъ освободятъ, и правительство поможетъ устроить жизнь, и будетъ награда большая. 3) Чтобы я написалъ прошеніе государю, въ которомъ просилъ бы простить меня, и что я исправлюсь и больше не буду работать на этой почвѣ, и за это хотѣлъ освободить отъ окружнаго суда, а будетъ только ссылка года на два и дадутъ возможность бѣжать оттуда, и не будутъ преслѣдовать.

Но я всѣ его предложенія отвергнулъ и сказалъ, что буду бороться съ вами до смерти, что борьба наша—жизнь, терпѣніе—гибель. На этомъ и расстались.

Послѣ того прѣзжалъ слѣдователь и сказалъ, что я обвиняюсь, какъ подстрекатель крестьянъ, и что я могу сказать въ свою защиту. Я говорю: защищаться я не буду, потому что въ этомъ не виноватъ, такъ какъ по моимъ убѣжденіямъ такую систему борьбы считаю бесполезной, и никогда не могъ ее пріосовѣтовать.

А будъ, что будеть! Тамъ видно будеть (на судѣ)!..

Краткая біографія моей жизни.

Родился я въ 1879 году 23 декабря въ Серебрянскомъ заводѣ. Дѣтство мое протекло, какъ у большинства крестьянскихъ дѣтей: я долженъ былъ помогать по силѣ своей своимъ родителямъ въ борьбѣ за существованіе. Рано пробудилось во мнѣ желаніе учиться, на 7-мъ году я уже зналъ всю русскую азбуку самоучкомъ (родители мои были неграмотны). На девятомъ году я былъ принятъ въ народное училище; когда поступилъ, я уже могъ читать и писать. Но, проучившись 1½ года, я долженъ былъ оставить училище, такъ какъ мой отецъ переѣхалъ въ Кыновской заводъ работать (онъ былъ плотникъ). Я поступилъ тамъ тоже въ народное училище, но уже въ III классъ. Кончивши курсъ на 11 году я продолжать свое ученіе, несмотря на все мое желаніе, не могъ, такъ какъ матеріальныя средства моихъ родителей не позволяли, и они даже нуждались въ моей помощи, такъ какъ семья была, кромѣ меня, еще четверо дѣтей меньшаго возраста, требовала уважительныхъ расходовъ. И я началъ, по силѣ возможности, помогать отцу въ работѣ (плотничной и столярной). Голодный 91 годъ заставилъ насъ переселиться въ Богословскій округъ, который въ то время славился своими работками, и мы поселились въ Сосъвинскомъ заводѣ. Но работы

и тамъ не оказалось до лѣта (мы прїѣхали зимой). Отецъ взялъ подрядную работу въ с. Кошанскомъ, въ 9-ти верстахъ отъ завода. Тамъ мы жили до весны. Такъ какъ работа зимой мнѣ была не по силамъ, я занимался ученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотъ (дѣлился своими скудными познаніями). Затѣмъ я поправился причту с. Кошайскаго и помогалъ псаломщику Удинцеву въ церковно-приходской школѣ (училъ въ церкви, за что, конечно, получалъ вознагражденіе отъ крестьянъ натурой—рыба, масло, яйца и т. д.). Такъ что себя я пропитывалъ и не былъ въ тягость моимъ родителямъ. Весной, какъ стало тепло, я началъ работать съ отцомъ (вырѣзку карнизовъ, наличниковъ и т. п.), а съ открытіемъ навигаціи мы переѣхали въ Сосъвинскій заводъ. Тамъ я поступилъ работать въ чугунно-литейную, за 25 к. въ день. Но недолго намъ пришлось работать вдвоемъ съ отцомъ. Онъ на другую весну простудился и померъ (онъ провалился въ воду при конопаткѣ баржей, а оставить работу нельзя было, такъ какъ не получилъ бы поденщины 80 к., а это для рабочаго много значить). Насъ осталось четверо съ матерью, такъ какъ въ то же время померли двое маленькихъ дѣтей.

Я не буду описывать, какія мы лишенія переносили при моемъ 25-копѣечномъ заработкѣ (такъ какъ это извѣстно каждому рабочему). Во мнѣ начало пробуждаться сознаніе, что почему же это такъ, мы и всѣ намъ подобные рабочіе, находимся подъ какимъ-то всеугнетающимъ рокомъ?

Я со дня, когда началъ хорошо читать, не пренебрегалъ никакими книгами, все, что попадало печатнаго и писаннаго, читалъ запоемъ, за что былъ даже угнетаемъ родителями. Но въ нихъ я встрѣчалъ картину жизни не такой, какую мнѣ пришлось видѣть. Когда сталъ входить въ періодъ взрослости, началъ почитывать романы, и у меня начало развиваться стремленіе къ хорошей жизни, я очень старательно работалъ и скоро началъ слыть за хорошаго работника. Я думалъ современемъ дойти до мастера, но для этого, какъ оказывается, нужно было быть наушникомъ, подкапываться подъ товарищей, и т. п. подлости, противныя моей совѣсти. И я сталъ всячески доискиваться отвѣтовъ, почему на этомъ основывается (т.-е. на подлости) все? Благодаря моей любознательности я сходилъ съ людьми, болѣе меня знающими, и не находилъ удовлетворенія моему пытливому уму. Говорили, что будто бы за грѣхи Богъ наказываетъ и т. п. Но по-моему было: въ чемъ я согрѣшилъ? Нѣтъ, что-то не то. И вотъ, я случайно прочиталъ книжку: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему». Мнѣ сказали, что это книжка запрещенная, и я еще пуще задумался, почему такія хорошія книги запрещаютъ? Покудова не сошелся съ людьми, которые разъяснили мнѣ, отчего запрещаютъ эти книги. Съ тѣхъ поръ я посвятилъ себя этому преслѣдуемому рабочему вопросу. Познакомился съ политической экономіей и другими

изданіями, относящимися къ этому вопросу; познакомился съ міровой исторіей и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ народы боролись и борются за свою свободу, почему же мы не можемъ? И узналъ, что потому и не можемъ, что народъ мы темный, придавленный деспотическимъ произволомъ. И я направилъ себя для пробужденія народнаго самосознанія, что при моей спеціальности мастерового-литейщика, было удобно. Мнѣ удавалось скоро входить въ довѣріе къ рабочимъ и крестьянамъ, и я представлялъ себѣ картину, что если такъ пойдетъ дѣло вездѣ, то можно и намъ вступить въ открытую борьбу (такъ какъ, по-моему, экономическая борьба рабочему не по силамъ). Но для этого нужно: самосознаніе и организація.

Вотъ за это то я и угодилъ на пятнадцать лѣтъ въ каторжныя работы.

Но нѣтъ, я увѣренъ, что недолго будетъ длиться такое безправіе и такая звѣрская деспотическая власть!

Крестьянинъ Серебрянскаго завода *В. Киселевъ*.

Рѣчь С. А. Андріевскаго по дѣлу «Дашнакцутюнъ» въ защиту И. Шапошникова.

I. Историческая справка.

Въ 1912 году въ сенатѣ слушался процессъ армянской революціонной партіи «Дашнакцутюнъ». 146 подсудимыхъ, въ числѣ которыхъ имѣлись представители всѣхъ классовъ и слоевъ армянскаго народа, были преданы суду высшаго политическаго судилища, чтобы передъ нимъ дать отчетъ въ тѣхъ политическихъ исканіяхъ, въ которыхъ армяне стремились найти выходъ изъ злополучныхъ условій ихъ національнаго существованія при режимахъ Абдуль-Гаида и Александра III.

Три года велось слѣдствіе по дѣлу «Дашнакцутюнъ»; особымъ ордеромъ министра юстиціи И. Г. Щегловитова, производство его еще въ 1908 году было возложено на судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Новочеркасскаго окружнаго суда И. Н. Лыжина, которому предоставлено было «разслѣдовать преступную дѣятельность организаціи и членовъ сообщества на пространствахъ всей имперіи». При этихъ обширныхъ своихъ полномочіяхъ, Лыжинъ провелъ слѣдствіе съ такими приемами, о которыхъ надолго сохранится печальное воспоминаніе въ лѣтописяхъ русской юстиціи. Многое было извѣстно и ранѣе, но многое открывается только теперь; такъ, оказывается, что уже во время хода слѣдствія, мѣстныя власти находили нужнымъ «согласовать дѣятельность подлежащихъ жандармскихъ управленій съ дѣятельностью Лыжина», въ силу чего, департаментъ полиціи отдалъ распоряженіе возложить «одновременно съ производствомъ слѣдствія, ликвидацію по дѣлу «Дашнакцутюнъ» на начальника тифлисскаго жандармскаго управленія Еремина и спеціально командированнаго департаментомъ подполковника Дацевича, коимъ было предложено прибыть въ Новочеркасскъ въ цѣляхъ согласованія своихъ распоряженій съ ходомъ предварительнаго слѣдствія, производимаго судебнымъ слѣдователемъ Лыжинымъ». За этимъ своеобразнымъ «согласованіемъ» послѣдовали не менѣе своеобразныя дѣйствія Лыжина; официальнымъ отношеніемъ на имя начальника тифлисскаго жандармскаго управленія отъ 28 марта 1909 года Лыжинъ сообщалъ, что «въ виду громаднаго числа лицъ, подлежа-

щихъ задержанію, для дѣла было бы весьма важно, чтобы таковыя были задержаны въ первое время въ порядкѣ охраны, дабы имѣть возможность привести въ порядокъ найденные по обыску документы»; само собою разумѣется, что указаніе это было исползовано, и болѣе 130 лицъ, по списку Лыжина, были арестованы въ равныхъ мѣстахъ Кавказа. Надо сказать, однако, что такой порядокъ не замедлилъ найти совершенно справедливую оцѣнку компетентныхъ органовъ. Новочеркасскій окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло по жалобамъ арестованныхъ и принявъ во вниманіе, что въ списокъ Лыжина включены были лица, не только привлеченныя имъ къ слѣдствию, но и такія, которыхъ онъ только намѣревался привлечь къ отвѣтственности, нашелъ дѣйствія слѣдователя «явно незаконными, представляющими незаконнымъ лишеніемъ свободы, крупной и вредной для интересовъ дѣла ошибкой, могущей подать лишній поводъ къ нареканіямъ на судебное вѣдомство» (опредѣленіе 4 іюня 1909 года); точно также и графъ Воронцовъ-Дашковъ, намѣстникъ на Кавказѣ, писалъ министру юстиціи, что «врядъ-ли возможно быть увѣреннымъ въ основательности задержанія тѣхъ лицъ, отобранные документы которыхъ нужно еще «привести въ порядокъ» для возможности предъявленія обвиненія». Вскорѣ послѣ этого въ министерство юстиціи стали поступать прошенія заключенныхъ, въ которыхъ прямо указывалось, что въ производствѣ Лыжина фигурируютъ въ числѣ якобы отобранныхъ по обыску такіе документы, которые имъ не принадлежать, въ виду чего и возбуждались ходатайства передать дальнѣйшее веденіе слѣдствія другому «добросовѣстному, безпристрастному слѣдователю». Несмотря на всѣ эти грозныя предупрежденія; несмотря на то, что напумѣвшее въ это же время дѣло о злоупотребленіяхъ Лыжина по дѣлу Новороссійской республики, давало достаточную почву для возможности подобныхъ утвержденій; несмотря на то, что намѣстникъ на Кавказѣ всячески стремился доказать ошибочность направленія даннаго разслѣдованія,—министерство юстиціи оставалось глухо къ этимъ событіямъ и, ведя все ту же политику угнетенія національностей, оставляло слѣдствіе и подсудимыхъ въ рукахъ Лыжина и дѣлало все, чтобы поставить на судъ небывалый процессъ. И когда все было подготовлено, дѣло передано особымъ высочайшимъ повелѣніемъ на разсмотрѣніе сената, подсудимыхъ перевели въ Петербургъ, тогда раскрылись обстоятельства, затмившія собою все происходившее ранѣе. И. Н. Лыжинъ, получившій послѣ окончанія слѣдствія должность члена виленской судебной палаты, былъ вызванъ къ началу процесса по распоряженію министра юстиціи въ Петербургъ, гдѣ, какъ онъ писалъ впослѣдствіи, «съ декабря 1911 г. по 17 января 1912 года потратилъ все время на составленіе особыхъ описей вещественныхъ доказательствъ и рассортировку послѣднихъ». Но уже черезъ нѣсколько дней послѣ начала процесса обнаружилось, что важнѣйшія изъ этихъ доказательствъ носятъ на себѣ явные признаки злонамѣреннаго под-

лога.—А. Ф. Керенскій обратился по этому поводу къ сенату съ особымъ заявленіемъ отъ лица защиты. По ея ходатайству назначена была фотографическая экспертиза документовъ, а вслѣдъ за этимъ стали наблюдаться случаи исчезновенія «разсортированныхъ» Лыжинымъ вещественныхъ доказательствъ. Послѣ новаго ходатайства защиты, Лыжинъ былъ отстраненъ отъ завѣдыванія документами, и возбуждено слѣдствіе о пропажѣ ихъ и подлогахъ. 20-го марта 1912 года сенатъ, выслушавъ докладъ первоприсутствующаго по поводу подчистокъ, подлоговъ и т. п. въ разныхъ документахъ предварительнаго слѣдствія и имѣя, между прочимъ, въ виду, что допрошенный на судѣ товарищъ прокурора Алексѣевъ категорически удостовѣрилъ, что подпись отъ его имени на протоколѣ при осмотрѣ обрывка газеты «Извѣстія Одесскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ», произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ Лыжинымъ, есть подложная и имъ не сдѣлана, что въ виду сего по дѣлу можетъ возникнуть обвиненіе должностныхъ лицъ по 362 ст., опредѣлилъ о вышеизложенныхъ свѣдѣніяхъ сообщить въ соединенное присутствіе I и кассационныхъ департаментовъ. Въ то же присутствіе была принесена жалоба защитниками подсудимыхъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ Заруднаго, Керенскаго, Переверзева, Скарятина, Соколова, Уманскаго и Барта. Слѣдствіемъ по дѣлу Лыжина установлены были 35 случаевъ подлога, въ результатѣ чего онъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, но, какъ извѣстно, дѣло о немъ прекращено въ виду признанія его дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости.

Должно отмѣтить, что сенатъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Кривцова, разсматривая дѣло, сумѣлъ отмежевать себя отъ всѣхъ заготовленныхъ слѣдствіемъ, какъ говорили на судѣ, «облыжныхъ доказательствъ», и приговоръ его, съ точки зрѣнія момента и строя, далеко не соответствовалъ всей грандіозной постройкѣ министерства юстиціи. Изъ 146 обвиняемыхъ—95 были оправданы, 21 приговорены къ крѣпости, 25 къ ссылкѣ на поселеніе, 3 къ каторжнымъ работамъ и 1 къ исправительнымъ отдѣленіямъ. Россійскій посолъ въ Турціи не безъ основанія могъ доложить правительству, что «очень милостивое окончаніе процесса и послѣдовавшее затѣмъ привлеченіе къ отвѣтственности слѣдователя произвело самое благопріятное впечатлѣніе во всѣхъ кругахъ армянскаго населенія, съ большой тревогой и вниманіемъ слѣдившаго за всѣми подробностями этого дѣла». Участъ большинства осужденныхъ была впослѣдствіи смягчена.

Печатаемая ниже рѣчь С. А. Андріевского посвящена защитѣ одного изъ обвиняемыхъ той группы, которой вѣнялась въ вину денежная поддержка партіи. Конечно, съ точки зрѣнія исторіи армянскаго революціоннаго движенія, лица этой категоріи, индивидуально, особаго интереса не заслуживаютъ; но не слѣдуетъ забывать, что положеніе ихъ во время «долгаго и мучительнаго слѣдствія» было тягостнымъ не только по тѣмъ общимъ причи-

намъ, о которыхъ говорилъ защитникъ, но также и въ силу тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгали на мѣстахъ, именно по отношенію къ этимъ лицамъ «розыскные органы»; такъ, все изъ исторіи того же влосчастнаго дѣла можно узнать, какъ нѣкій ротмистръ Пономаревъ въ Армавирѣ съ цѣлью вымогательства арестовывалъ ни въ чемъ невиновныхъ купцовъ, причемъ, какъ удостовѣрилъ затѣмъ товарищъ прокурора, наблюдались и такія сцены: «вызывались отецъ съ сыномъ и два брата, и ротмистръ, объявивъ имъ, что одного изъ двухъ онъ долженъ арестовать, входилъ какъ бы въ соглашеніе съ ними, кому выгоднѣе быть арестованнымъ, отцу или сыну, мотивируя выборъ тѣмъ, кому удобнѣе управлять имуществомъ и дѣлами арестованныхъ»... Придумать болѣе краснорѣчиваго примѣра разложенія и цинизма власти, по видимому, нельзя.

Н. И. И.

2. Рѣчь С. А. Андрѣевского.

— Для сокращенія преній,—потому что защита Шапошникова не нуждается въ многословіи,—обращусь прямо къ уликамъ.

Шапошниковъ и Генчъ-Оглуевъ составляютъ одну торговую фирму, и защита ихъ вполнѣ солидарна. Обвинительный актъ даже соединилъ эти два лица въ одинъ общій абзацъ, подъ двумя номерами, 15 и 16, внутри абзаца.

Если взять внѣшніе факты, къ которымъ сводится все обвиненіе, то окажется, что Генчъ-Оглуевъ прикосновененъ къ переводу на имя Пашо Эдигарова 15 тыс. рублей, а Шапошниковъ—къ переводу на имя Налбандьяна 15 тыс. и на имя Меликъ-Назарьянца 20 тыс., причемъ обѣ эти суммы оказались, въ концѣ концовъ, у подсудимаго Налбандьяна.

Итакъ, вотъ *corpus delicti*.

Допустимъ на время, что Генчъ-Оглуевъ и Шапошниковъ завѣдомо сдѣлали всѣ эти переводы. Что же выйдетъ?

Выйдетъ, что Генчъ-Оглуевъ принудительнымъ путемъ отдалъ революціонной партіи 15 тыс. руб., а Шапошниковъ—35 тыс. Но если мы бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на обвинительный актъ, то увидимъ, что великое множество армянъ, обложенныхъ точно такимъ же принудительнымъ налогомъ, вносили его безпрекословно, каждый по своимъ средствамъ, и, однако же, всѣ они оставлены на свободѣ, безъ привлеченія къ суду. Между ними есть, напримѣръ, Богорусковъ и Мелкановъ-Эзеховъ, уплатившіе каждый по 30 тыс. руб. Но и они ушли изъ дѣла. Почему же два представителя громадной торговой фирмы въ Ростовѣ-на-Дону—Генчъ-Оглуевъ и Шапошниковъ, одинъ за 15 тыс. руб. и другой за 35 тыс.—предстали передъ вами на этотъ мучительный и грозный судъ?

На это имѣется ясный свѣтъ въ обвинительномъ пунктѣ. Только потому, что одинъ изъ этихъ сіамскихъ близнецовъ состоялъ будто бы кассиромъ налбандскаго центрального комитета и обладалъ печатью революціонной партіи, скрываясь подъ кличкой «Артазянъ». И этимъ кассиромъ былъ будто-бы Шапошниковъ.

Итакъ, если можно будетъ доказать, что Шапошниковъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть кассиромъ и не имѣеть рѣшительно ничего общаго съ Артазяномъ, то все обвиненіе рухнетъ.

Посмотримъ же теперь, почему могла при слѣдствіи явиться мысль, что Шапошниковъ есть именно Артазянъ.

Она явилась, очевидно, лишь послѣ того, какъ въ апрѣлѣ 1909 г. въ Нахичевани, въ квартирѣ нѣкогого скрывшагося Грузиняна, были найдены бумаги также нераскрытаго и неизвѣстнаго сборщика налоговъ, дѣйствовавшаго въ революціонной партіи, подъ кличкой Артазянъ.

Слѣдствіе задалось вопросомъ: кто бы могъ быть этотъ Артазянъ? Вспомнили, что у Шапошникова было нѣкогда собраніе для сбора денегъ въ пользу армянъ, о которомъ говорилъ Балабановъ; узнали отъ Балабанова, что онъ посылалъ свой принудительный взносъ Шапошникову черезъ Огонджанова; нашли въ отчетѣ Артазяна именно этотъ взносъ, съ корешкомъ выданной на этотъ взносъ квитанціи Артазяна, украшенной революціонной печатью. Показали учителямъ чистописанія документы Артазяна и спросили: не схожи-ли эти документы съ почеркомъ Шапошникова? Учителя отвѣтили: да, написаны рукою Шапошникова. И такимъ образомъ Шапошниковъ превратился въ Артазяна.

Разберемъ всѣ звенья этой цѣпи недоразумѣній.

Прежде всего, собраніе у Шапошникова.

Вѣдь оно происходило передъ самымъ изданіемъ манифеста 17-го октября. Всѣ вы, гг. судьи, знаете, какъ свидѣтели эпохи, что тогда по всей Россіи, во всѣхъ сколько-нибудь просторныхъ помѣщеніяхъ происходили собранія, куда по наслышкѣ приходили непрощенные гости, всевозможные ораторы, говорившіе о чемъ угодно, въѣ темы.

Вы знаете, что пріѣзжіе изъ Закавказья купцы заочно рѣшили собраться у Шапошникова, чтобы поговорить о помощи армянамъ, пострадавшимъ отъ татарской рѣзни. Купецъ Хохладжіевъ здѣсь показалъ, что точно такъ же могли собраться и у него, и онъ бы не отказалъ. Выбрали Шапошникова, вѣроятно, потому, что у него просторнѣе квартира. Самъ Шапошниковъ въ собраніи никакой роли не игралъ. Въ преніяхъ, по силпости голоса, не могъ участвовать. Онъ сидѣлъ въ столовой и занимался приготовленіемъ чая для гостей.

При такой обстановкѣ дѣлать изъ Шапошникова инициатора и главу собранія немислимо. Выбрали на этомъ собраніи трехъ сборщиковъ пожертвованій—Шапошникова, Балѣева и Коялова,—но въ дальнѣйшемъ ничего изъ этого поставленія не вышло, потому что никто ничего не далъ.

Однако, впоследствии, когда революционная партия стала взыскивать налоги на борьбу съ принужденіемъ и угрозами, одинъ изъ сборщиковъ потребовалъ у Балабанова, лечившагося въ Кисловодскѣ, немедленно внести 1,000 р. Балабановъ телеграфировалъ своему приказчику Огонджанову внести эти деньги Шапошникову, полагая, что Шапошникову, какъ избранному для сборовъ, быть можетъ, было извѣстно, какъ нужно сдѣлать и этотъ взносъ.

И здѣсь произошла весьма понятная путаница. Ни Балабановъ ни Огонджановъ, спрошенные объ этой мелочи впервые черезъ четыре года (съ 1906 по 1910), не сказали ничего опредѣленнаго. Правда, Огонджановъ говорилъ, что вручилъ деньги Шапошникову, но на счетъ полученнаго отъ Шапошникова документа оба, и Балабановъ и Огонджановъ, высказались очень уклончиво. Однако же, Шапошниковъ твердо помнилъ, что именно этихъ тысячи рублей онъ не принялъ отъ Огонджанова, а указалъ ему, чтобы онъ обратился къ любому изъ сборщиковъ, ходившихъ открыто по Ростову.

Добросовѣстно разбираясь въ этой путаницѣ, Шапошниковъ старался здѣсь передъ вами напомнить Огонджанову, что онъ, дѣйствительно, принималъ отъ него деньги Балабанова, должныя ему за лошадей, но вовсе не этотъ принудительный налогъ. И Огонджановъ, въ концѣ концовъ, ни на чемъ не настаивалъ, сказавъ, что за давностью времени онъ могъ показать ошибочно. А корреспондентъ Торговаго Дома Шапошникова, Закіевъ, подъ присягою показалъ, что Огонджановъ при немъ просилъ Шапошникова принять отъ Балабанова 1 тыс. руб. налога; но Шапошниковъ отвелъ Огонджанова въ сторону, о чемъ-то поговорилъ съ нимъ, а затѣмъ возвратился къ Закіеву и сказалъ ему, что онъ этихъ денегъ не принялъ. И это правда. Разъ начались угрозы, миролюбивый Шапошниковъ не пожелалъ прилагать здѣсь свою руку. Разсудительный, умудренный старостью, онъ тогда же нашелъ опаснымъ прикасаться къ подобному взносу.

Но такъ какъ эксперты чистописанія признали, что квитанція Артазяна въ принятіи взноса Балабанова написана Шапошниковымъ, то изъ Шапошникова сдѣлали кассира Артазяна.

Эксперты чистописанія! По правдѣ говоря, я даже вовсе не считалъ этой экспертизы за улику. Подсудимый такъ просто и увѣренно говорилъ мнѣ, что никакихъ отчетовъ не велъ и квитанцій не писалъ, а заключеніе учителей чистописанія въ этомъ вопросѣ всегда мнѣ казалось такимъ наивнымъ вздоромъ, что въ провалъ подобнаго доказательства на судѣ я ни на минуту не сомнѣвался. Что касается Шапошникова, то его ужасно интересовало хотя бы однимъ глазкомъ посмотреть на почеркъ Артазяна: неужели такое непостижимое сходство?! Не правда-ли, какъ странно, что слѣдователь не предъявилъ ему всѣхъ слѣдственныхъ доказательствъ, хотя бы для того, чтобы, въ качествѣ судьи, посмо-

трѣть, какъ Шапошниковъ будетъ реагировать на эту улику. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на учителей чистописанія, какъ на обладателей истины.

Но вотъ въ воскресенье 22-го января (какъ давно это было!), когда намъ было предоставлено ознакомиться съ вещественными доказательствами, Шапошниковъ впервые увидѣлъ почеркъ названнаго ему виновника. Посмотрѣлъ—и равнодушно отвернулся: «совсѣмъ непохожъ!».

То же подтвердилось и на судѣ. Сами эксперты чистописанія отреклись. Для вѣщаго разслѣдованія такого сюрприза, Шапошникову еще разъ было предложено написать что-либо, въ вашемъ присутствіи, для новаго сличенія почерковъ. Шапошниковъ покорно сошелъ со скамьи подсудимыхъ, сѣлъ за столъ и началъ писать. Вы, г. председатель, спросили его: «Что же вы пишете?» и Шапошниковъ отвѣтилъ: «Я пишу, что никогда не былъ кассиромъ Артазяномъ». Эта минута окончательно погубила экспертизу предварительнаго слѣдствія. Было ясно, что Шапошниковъ передавалъ суду крикъ своего сердца. Для подлиннаго Артазяна это было бы страшное испытаніе; онъ долженъ былъ бы уродовать свой почеркъ, измѣнять его, а Шапошниковъ чертилъ свои буквы смѣло, какъ всегда.

Я уже сказалъ, что не боялся никакой экспертизы. Не боялся не только потому, что былъ покоренъ искренностью предомною подсудимаго, а еще и потому, что нашелъ въ предварительномъ слѣдствіи одно объективное и безспорное доказательство невиновности Шапошникова, помимо всякой экспертизы.

Я берегъ это доказательство къ самому концу изслѣдованія о Шапошниковѣ, полагая, что прокуроръ его проглядѣлъ.

Каково же было мое изумленіе, когда прокуроръ, очевидно, поддерживавшій экспертизу чистописанія, самъ, ранѣе меня, попросилъ сенатъ огласить полностью именно тотъ документъ, который я считалъ лучшею побѣдою защиты, т.-е. письмо отъ 4 іюня 1907 года нѣкоего товарища къ подлинному Артазяну!

Повидимому, между обвинителемъ и мною существуетъ цѣлая бездна въ пониманіи и оцѣнкѣ доказательствъ. Вѣдь это письмо—не устарѣлая и ничтожная экспертиза чистописанія, не сухой протоколъ слѣдователя. Нѣтъ, это—подлинный фактъ жизни. Въ этомъ письмѣ Артазянъ очерченъ съ ногъ до головы. И каждый, кто не утратилъ чувства жизни среди колоссальной груды бумагъ, сразу почувствуетъ, что изображенный въ этомъ письмѣ Артазянъ никакими судьбами не подходитъ къ Шапошникову.

Изъ этого письма вы увидите, что Артазянъ былъ организаторомъ уголовныхъ защитъ для членовъ партіи, въ родѣ моихъ уважаемыхъ товарищей Заруднаго и Соколова. Его упрекаютъ, что онъ не извѣщаетъ многихъ «товарищей» объ исходѣ процессовъ и не посылаетъ къ нимъ защитниковъ для ознакомленія съ дѣлами. Взгляните на Шапошникова! Гдѣ же ему бѣгать и топтаться по такого рода порученіямъ! Кромѣ того, товарищескій

совѣтъ упрекаетъ Артазяна за то, что всѣ его обѣщанія были «пустыя слова». И это Шапошниковъ, который часто даже и необходимаго слова не можетъ произнести со своимъ больнымъ горломъ,—онъ, видите-ли, будетъ произносить «пустыя рѣчи»!! Наконецъ, Артазяну пишутъ: «вы еще не доразвились». Гдѣ ужъ тутъ доразвиться послѣ 65 лѣтъ!!!

Какъ хотите, гг. судьи, здѣсь невольно вспоминается «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ», котораго гоголевскій почтмейстеръ упорно принималъ за Чичикова. И всѣ долго слушали почтмейстера съ большимъ вниманіемъ, но, наконецъ, спохватились, что вѣдь у капитана Копѣйкина не было одной руки и одной ноги, а у Чичикова все было въ цѣлости.

Не то же ли самое и здѣсь, только навыворотъ? У Артазяна несомнѣнно была молодость, юркость и болтливость, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у Шапошникова.

Итакъ, если-бы слѣдственная и обвинительная власти вдумались въ письмо къ Артазяну, то Шапошниковъ не попалъ бы на судъ.

Но какъ же все-таки смотрѣть на переводы денегъ черезъ торг. домъ «Генчъ-Оглуевъ и Шапошниковъ»? Совершенно такъ же, какъ на переводы черезъ Азовскій банкъ. Это была простая услуга кліентамъ, безъ всякой связи съ революціей. Значить, спросите вы, Генчъ-Оглуевъ и Шапошниковъ вовсе не внесли никакого налога, уплаченнаго, однако, всѣми купцами? Нѣтъ, Шапошниковъ и въ этомъ отношеніи сказалъ сущую правду. Отъ него также потребовали принудительнаго взноса, съ угрозою, и онъ уплатилъ 3 тысячи рублей. Почему такъ мало? Потому что (и это было извѣстно его соплеменникамъ), его фирма въ то время переживала кризисъ, находилась подъ администраціей, и была въ стѣсненномъ положеніи, да, кромѣ того, Шапошниковъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, какъ благотворитель, и съ него сочли несправедливымъ требовать большаго.

Вотъ и все.

Но въ заключеніе я долженъ еще сказать, что въ этомъ революціонномъ процессѣ слово: «купецъ» звучитъ, какъ нѣкоторая укорязна. Положеніе купцовъ было, дѣйствительно, трудное. Что и говорить, купцы, а въ особенности «толстосумы», по самой природѣ своего заработка, принадлежатъ къ буржуазіи. А буржуазія, даже самая радикальная и очень задорная на словахъ, все-таки на дѣлѣ никогда не способна къ насилию. Она даже принципиально отрицаетъ его въ своихъ программахъ. А какая же революція безъ смертоубійства? Вѣдь революція—внутренняя война. На чьей сторонѣ войска, тотъ и побѣдитель. А всякое войско на то и существуетъ, чтобы убивать или умирать—и притомъ за нѣчто безкорыстное, за идею.

Вотъ почему въ той сложной, запутанной и вынужденной борьбѣ за родину, которая сложилась, благодаря печальной исторической судьбѣ Арменіи, купцы испытывали своего рода непо-

нятное для нихъ двойственное чувство. Съ одной стороны, нельзя отречься отъ родины, а съ другой стороны—всякое насиліе имъ не по сердцу...

Полагаю, всѣ поймутъ Шапошникова, и едва-ли кто изъ его сородичей на него посѣтуетъ. Онъ, какъ и его компаньонъ въ этомъ процессѣ, люди чужіе, именно потому, что онъ не революціонеръ ни по своимъ идеаламъ, ни по своимъ дѣйствіямъ. Труженикъ, человѣкъ стараго вѣка, заработавшій свой достатокъ въ Россіи, Шапошниковъ всегда смотрѣлъ на нее, какъ на свою родину, и никогда бы противъ нея не пошелъ. Онъ смотрѣлъ и на идейныхъ борцовъ революціи съ невольнымъ изумленіемъ, но онъ ихъ не понималъ. Если Шапошниковъ и не жертвовалъ собою за какія-то высшія блага, то, по крайней мѣрѣ, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что старался быть просто хорошимъ человѣкомъ, занимался благотворительностью и былъ щедръ къ своимъ служащимъ. Думаю, что съ нимъ примирятся и революція и правосудіе.

Другія, болѣе глубокія и захватывающія темы защиты принадлежатъ моимъ товарищамъ, но мнѣ сказать больше нечего. Я рассказалъ вамъ ту правду, которую я нашелъ необходимымъ выяснить передъ правосудіемъ.

Примѣчаніе. Шапошниковъ былъ осужденъ, но оставленъ на свободѣ, а затѣмъ помилованъ.

Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ ¹⁾).

Въ Петербургѣ 5 февраля произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ развалинами котораго могли погибнуть главные члены царской фамиліи; виновникъ взрыва скрылся и остался неразысканнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ была объявлена диктатура графа Лорисъ-Меликова; его вѣстрѣтилъ выстрѣлъ Молодцова, который черезъ 3—4 дня умеръ на эшафотѣ—съ улыбкою героя. Всѣ эти событія, вмѣстѣ съ 19 ноября и настоящей осадой въ Сиперномъ переулкѣ, вмѣстѣ со слухами, явившимися послѣ разоблаченій Гольденберга, о двухъ другихъ подготавливавшихся покушеніяхъ, въ высшей степени потрясли все общество. Страдающее, въ извѣстной части своей, отъ отсутствія политической свободы, давно недовольное реакціей, но пассивное и еще неспособное «en masse» къ борьбѣ съ правительствомъ, это общество съ удивленіемъ и восторгомъ увидѣло въ партіи борца противъ деспотизма и самодержавія. Смущенное ссылками многихъ своихъ членовъ, ошеломленное казнями, оно полагало, что вся энергія революціоннаго движенія исчерпана, и среди этой то общей подавленности, безнадежности, одно за другимъ, прошли событія, совершенно неслыханныя. Взявъ себѣ въ помощники химію и электричество, революціонеръ взорвалъ царскій поѣздъ и пробрался въ царскіе чертоги. Чѣмъ больше были инертность и забитость общества, тѣмъ изумительнѣе казались ему энергія, изобрѣтательность и рѣшительность революціонеровъ. Въ то время, какъ мы сами страдали глубоко отъ неудачъ, вокругъ насъ расла слава комитета; эффектъ его дѣйствій ослѣплялъ всѣхъ и кружилъ головы молодежи. Общій говоръ былъ, что теперь для комитета нѣтъ ничего невозможнаго. За грандіозностью событій забывалась самая неудача. «Остановить на себѣ врачекъ міра развѣ не значить уже побѣдить»... писалъ намъ изъ-за границы глава «Чернаго Передѣла», упоенный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело на Европу 5 февраля. Такимъ образомъ, въ то время, какъ партія «Народной Воли» желала лишь прекращенія реакціи, окружающее влекло ее на пьедесталь.

Это отношеніе къ комитету и къ партіи все усиливалось и достигло своего апогея при 1-мъ марта, когда успѣхъ присоединился ко всѣмъ прочимъ условіямъ; оно продолжается и теперь;

¹⁾ См. „Былое“, кн. 3-я, сентябрь 1917 г.

общество ждетъ не того, что дастъ царская власть, а того, что сдѣлаетъ революціонная сила. Я, конечно, должна оговориться, что подразумѣваю во всемъ предыдущемъ ту часть общества, съ которой мы, революціонеры, входимъ въ соприкосновеніе; но такъ какъ мы задаемся цѣлью, ставимъ единственной задачей и занятіемъ своимъ проникновеніе во всѣ слои, во всѣ сферы, такъ какъ мы имѣемъ сообщниковъ не только по губернскимъ городамъ, но и по провинціальнымъ закоулкамъ, и всѣ эти сообщники имѣютъ друзей и близкихъ, и всѣ окружены цѣлымъ слоемъ, такъ называемыхъ, сочувствующихъ, за которыми слѣдуютъ еще люди, любящіе просто либеральничать, то и выходитъ, въ концѣ-концовъ, что мы встрѣчаемъ повсюду одобреніе и нигдѣ не находимъ себѣ нравственнаго отпора и нравственнаго противодѣйствія. Поэтому не нахальство руководить нами, когда мы говоримъ отъ лица общества; мы составляемъ до извѣстной степени передовой отрядъ части этого общества; быть можетъ, часть эта кажется намъ, вращающимся въ ней, больше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, но зато она, навѣрное, значительнѣе, чѣмъ думаютъ люди противоположнаго намъ лагеря. Зная, что эта группа сочувствуетъ намъ, мы не чувствуемъ себя сектой, изолированной отъ всѣхъ прочихъ элементовъ государства, и это немало способствуетъ той «закоренѣлости», которую мы выказываемъ въ своихъ поступкахъ. Чтобы уничтожить ее, надо уничтожить ту атмосферу недовольства, которою мы окружены, единственное же средство для этого—сдѣлать недовольныхъ довольными, но, въ такомъ случаѣ, и мы окажемся въ значительной мѣрѣ удовлетворенными.

2-е апрѣля, 19 ноября и 5 февраля создали такое настроеніе, что, если-бы въ то время комитетъ и вся организація «Народной Воли» откатились отъ своей разрушительной дѣятельности, то явились бы волонтеры или какая-нибудь новая организація, которые взяли бы на себя миссію царевубійства. Новыя покушенія были совершенно неизбежны, и исполнительный комитетъ предпринялъ ихъ. Въ мартѣ или апрѣлѣ 80 г. въ Одессу пріѣхалъ сначала Саблинъ, потомъ Перовская. Явившись ко мнѣ, они заявили, что присланы комитетомъ для приготовленія въ Одессѣ мины на случай проѣзда государя въ Крымъ.

Въ это время я жила на Ямской улицѣ, въ домѣ Ставрова, подъ пменемъ Антонины Александровны Головлевой. Этотъ документъ былъ выправленъ мной у нотаріуса по паспорту Головлева, съ которымъ (не помню навѣрное, кажется, въ февралѣ 80 г.) проживалъ въ Одессѣ, а позднѣе былъ арестованъ въ Курской губерніи, Федоръ Юрковский, пріѣзжавшій по поводу финансовыхъ операцій въ своемъ духѣ. При пріѣздѣ Софьи Львовны Перовской я была занята подготовленіемъ террористическаго акта—убійства правителя канцеляріи графа Тотлебена статсъ-секретаря Панюткина. Онъ былъ правой рукой генераль-губернатора, который, кажется, всецѣло отдалъ въ его распоряженіе внутреннюю

политику ввѣреннаго ему края; по крайней мѣрѣ, во все пребываніе мое въ Одессѣ говорили больше о Панютинѣ, чѣмъ о Тотлебенѣ, и Панютина былъ дѣйствительно грозой одесситовъ. Пройдя школу Муравьева-Вѣшателя, онъ не церемонился съ обывателями: одновременно съ процессомъ 28-ми, кончившимся пятью висѣльницами, онъ предпринялъ коренное очищеніе города; сравнивая городскую думу съ Парижской Коммуной 77 г., онъ выхватилъ нѣсколько человѣкъ изъ ея служащихъ, затѣмъ пошли аресты учителей, литераторовъ, студентовъ, чиновниковъ, рабочихъ; масса лицъ была выслана, и нигдѣ, кажется, эти высылки не были такъ произвольны и возмутительны; кромѣ того, онъ совершался съ лихорадочной поспѣшностью, даже безъ достаточнаго удостовѣренія въ личности; по ошибкѣ ссылались однофамильцы или родственники. Въ свое время въ «Народной Волѣ» были опубликованы нѣкоторые подвиги этого героя. Его обращеніе было грубое, родственникамъ ссыльных приходилось испытывать унижительныя сцены въ его канцеляріи. Когда жена одного изъ арестованныхъ, беременная, не могла удержаться отъ рыданій, онъ закричалъ ей: «убирайтесь! вы еще, пожалуй, вздумаете родить здѣсь!» Достаточно сказать, что при переводѣ лѣтомъ 80 г. Тотлебена въ Вильно, графъ, получившій, по слухамъ, въ Петербургѣ, куда вызывался передъ тѣмъ, выговоръ за то, что въ своей генераль-губернаторской дѣятельности выказалъ себя plus royaliste que le roi, обратился на дебаркадерѣ желѣзной дороги, въ присутствіи всей провожавшей его знати, къ Панютину со словами упрека, что онъ злоупотреблялъ его довѣріемъ и поссорилъ его съ обществомъ. По отъѣздѣ Тотлебена изъ Одессы большинство административно-сосланныхъ было возвращено.

Противъ этого-то Панютина я и думала обратить оружіе партіи. Для этого сначала былъ поселенъ на Софійской улицѣ, гдѣ помѣщалась канцелярія Панютина, человѣкъ, обязанный изучить его личность и образъ жизни. Но это не привело ни къ чему, потому что никто не могъ тогда указать Панютина въ лицо. Позднѣе, одинъ молодой человѣкъ не только указалъ мнѣ его, но разсказалъ его обычный маршрутъ, такъ что, выходя въ опредѣленный часъ, я имѣла возможность почти ежедневно встрѣчать его тучную фигуру, въ сопровожденіи двухъ лицъ; одного, шедшаго рядомъ, а другого, слѣдовавшаго за ними шагахъ въ 4—5. Исполнитель для этого дѣла былъ; онъ долженъ былъ поразить Панютина кинжаломъ въ одну изъ его прогулокъ; былъ уже составленъ планъ относительно мѣста и времени; чтобъ дать возможность убійцѣ скрыться, я думала приготовить лошадь. Но пріѣздъ Перовской съ порученіемъ комитета заставилъ бросить этотъ проектъ.

Перовская сообщила мнѣ, что привезла письмо отъ Желябова или Колодкевича къ рабочему Василю, который можетъ принять участіе въ предпринимаемомъ покушеніи, и что она желаетъ видѣть его. Этотъ Василій былъ Меркуловъ, выдавшій потомъ

массу одесскихъ рабочихъ, Свѣденцова, обличавшій своихъ бывшихъ товарищей на судѣ по процессу 20-ти, и, наконецъ, 10 февраля 83 года поймавшій меня на улицѣ въ Харьковѣ, куда этотъ будто бы сосланный на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ предатель былъ отправленъ для спеціальной ловли меня. Я познакомилась съ этимъ негодяемъ до пріѣзда Перовской, когда вздумала учиться у него искусству рѣзбы на камнѣ. Такъ какъ я слышала о немъ еще осенью отъ Колодкевича, какъ о парнѣ въ высшей степени честномъ и хорошемъ, и знала, что онъ помогалъ кое-чѣмъ въ приготовленіяхъ въ Гниляковѣ, то я не задумалась сообщить ему адресъ моей квартиры на Ямской, куда онъ долженъ былъ приходиться учить меня рѣзбѣ. Поэтому свести Перовскую съ нимъ ничего не стоило, и черезъ нѣсколько дней они свидѣлись.

Саблинъ и Перовская явились уже съ готовымъ планомъ относительно покушенія: они должны были выбрать улицу, которая имѣла наибольше шансовъ на проѣздъ государя отъ вокзала къ пароходной пристани; на этой улицѣ они должны были, въ качествѣ мужа и жены, снять лавочку и завести торговлю; изъ лавочки должно было провести мину подъ мостовую улицы. Словомъ, это былъ проектъ, осуществленный потомъ на Малой Садовой въ Петербургѣ. Технической стороною долженъ былъ руководить Григорій Исаевъ, вскорѣ пріѣхавшій вмѣстѣ съ Акимовой.

Перовская не привезла съ собой денегъ: она должна была, вмѣстѣ со всѣми нами, составить смѣту расходовъ и представить ее въ комитетъ, который долженъ былъ выслать требуемую сумму. Мы рассчитали, что потребуется не менѣе 1000 р. Я предложила извѣстить комитетъ, что деньги не нужны, такъ какъ я берусь доставить средства, требуемыя для выполнения покушенія. Дѣйствительно, я передала Перовской въ разное время около 900 р., которые пошли на плату за помѣщеніе, покупку бакалейнаго товара, бурава, на содержаніе всѣхъ участниковъ и послѣдующій разѣздъ ихъ.

Лавка была нанята на Итальянской улицѣ, и тотчасъ же было приступлено къ работѣ: надо было спѣшить,—государя ждали въ маѣ, а наши приготовленія происходили въ апрѣлѣ; между тѣмъ работать было можно только ночью, такъ какъ проведеніе мины начато было не изъ жилыхъ комнатъ, а изъ самой лавочки, куда приходили покупатели. Мы предполагали провести ее не посредствомъ подкопа, а при помощи бурава; работа имъ оказалась очень трудна; почва состояла изъ глины, которая забивала буравъ; онъ двигался при громадныхъ физическихъ усиліяхъ и съ медленностью поразительной; въ концѣ-концовъ мы очутились подъ камнями мостовой, буравъ пошелъ кверху и вышелъ на свѣтъ Божій. Вскорѣ, при неосторожномъ обращеніи съ гремучей ртутью, Григорію Исаеву оторвало три пальца. Онъ перенесъ это, какъ стонкъ, но мы были въ высшей степени огорчены; онъ долженъ былъ лечь въ больницу; послѣ этого всѣ вещи (дина-

мѣтъ, гремучая ртуть, проволока и пр.), хранившіяся у него, были перенесены ко мнѣ, такъ какъ мы боялись, что грохотъ взрыва въ его квартирѣ могъ обратить на себя вниманіе всего дома. Однимъ работникомъ сдѣлалось меньше. Я предлагала привлечь нѣкоторыхъ мѣстныхъ людей, мнѣ извѣстныхъ, но всѣ оказались противъ этого. Было рѣшено, бросивъ буравъ, провести подкопъ въ нѣсколько аршинъ длины, и уже съ конца его дѣйствовать буравомъ; землю должны были складывать въ одну изъ жилыхъ комнатъ; по окончаніи работы мы рѣшили непременно всю ее вынести вонъ, на случай осмотра домовъ на пути слѣдованія царя. Поэтому мы заранѣе начали уносить ее, кто сколько могъ, и выбрасывать. У себя въ квартирѣ я нашла мѣсто, куда можно было сложить массу этой земли; ее привозили и приносили ко мнѣ въ корзинахъ, пакетахъ, узлахъ, которые я опорожняла, пользуясь отсутствіемъ домашнихъ и отсылая прислугу съ порученіями. Между тѣмъ, слухи о поѣздкѣ царя въ Ливадію замолкли; потомъ мы получили отъ комитета увѣдомленіе—прекратить приготовленія; тогда мы предложили ему воспользоваться начатой работой, чтобъ взорвать графа Тотлебена; но это было отвергнуто, такъ какъ способъ этотъ берегли специально для императора; но мы получили разрѣшеніе на покушеніе противъ графа какимъ-нибудь другимъ способомъ.

Послѣ этого, Саблинъ, я и нѣсколько лицъ, мной привлеченныхъ, стали слѣдить за генераль-губернаторомъ. Мы думали примѣнить метательный снарядъ, и если-бы тогда существовало позднѣйшее изобрѣтеніе Исаева и Кибальчича, то, конечно, графа не было бы въ живыхъ, но мы имѣли лишь динамитъ и неусовершенствованные запалы; поэтому снарядъ былъ неудобенъ по объему и могъ быть невѣренъ по дѣйствию. Все-таки мы выполнили бы свои замыслы, если-бы Тотлебенъ не былъ переведенъ изъ Одессы; мы хотѣли смыть кровь: Чубарова, Давиденко, Логовенко, Виттенберга, Мойданскаго, Дробязгина, Малинки и Лизогуба, изъ которыхъ два послѣдніе были убиты имъ за свое богатство, а Майданскій и Дробязгинъ взошли на эшафотъ по подозрѣнію въ знаніи и недонесеніи о покушеніи на шпіона Горинювича. Но, кромѣ того, имена Тотлебена и Черткова были ненавистны намъ за ихъ кровожадность; мы имѣли уже тогда въ виду систематическимъ истребленіемъ генераль-губернаторовъ добиться уничтоженія самого учрежденія, представителями котораго они были.

Послѣ отъѣзда Тотлебена, всѣ приготовленія пришлось ликвидировать; лавка на Итальянской была закрыта; подкопъ въ ней, еще ранѣе, зарытъ съ помощью земли, вынутой изъ него; въ этой нетрудной работѣ помогала и я, таская ночью мѣшки съ землею изъ жилой комнаты и опуская ихъ въ подвалъ, гдѣ работающіе мужчины утапывали рыхлую землю. Когда все было приведено въ надлежащій порядокъ, то Саблинъ и Перовская уѣхали, за ними послѣдовали Исаевъ и Акимова. Я передала

съ ними заявленіе въ комитетъ, что прошу отозвать меня изъ Одессы и назначить лицо, которому я могла бы передать мѣстные дѣла и связи. Я мотивировала свое желаніе тѣмъ, что почти годъ нахожусь въ провинціи, вдали отъ центра организаціи, и чувствую себя до нѣкоторой степени отчужденной отъ общихъ плановъ; что мнѣ необходимо побывать въ Петербургѣ для отчета о сдѣланномъ мною за этотъ періодъ времени и для того, чтобъ посоветоваться о дальнѣйшемъ веденіи дѣла. Должно быть, въ іюлѣ я выѣхала въ Петербургъ, не дождавшись своего преемника.

Петербургъ меня встрѣтилъ выговоромъ за самовольную отлучку, вслѣдствіе которой исчезла возможность личной передачи новому агенту всѣхъ знакомствъ; я понимала, что ему легче было бы ориентироваться въ моемъ присутствіи, но оправдывалась безпокойствомъ, которое мнѣ внушало долгое отсутствіе писемъ и вообще извѣстій изъ Петербурга. Это, кажется, извинило меня въ глазахъ организаціи. Когда я представила подробный отчетъ о положеніи дѣлъ въ Одессѣ, мнѣ было указано лицо, которому я должна была сообщить всѣ нужные свѣдѣнія и указанія и дать рекомендацiонныя письма, которыя сразу поставили бы его въ извѣстныя отношенія къ окружающимъ; по выполненіи мною этого, это лицо отправилось на югъ, меня же комитетъ оставилъ въ Петербургѣ. Въ это время въ Петербургѣ шли подготовленія къ несостоявшемуся покушенію подъ Каменнымъ мостомъ; подробности его мнѣ не были сообщены; я знала только въ общихъ чертахъ, что готовится новый взрывъ и на этотъ разъ изъ-подъ воды; участники его мнѣ были тоже неизвѣстны. Такъ какъ я знала, что въ извѣстные часы царь проѣзжаетъ по направленію къ Царскосельскому вокзалу, то я, однажды, пошла также по этому пути и, дѣйствительно, встрѣтила императора недалеко отъ Александринскаго театра. Моей цѣлью было хоть разъ въ жизни увидѣть человѣка, который имѣлъ такое роковое значеніе для нашей партіи. Ни раньше, ни послѣ этого я его не видѣла. Это былъ, кажется, послѣдній проѣздъ его, такъ какъ онъ отправился вслѣдъ за тѣмъ въ Крымъ и не возвращался въ Петербургъ вплоть до глубокой осени.

Я забыла упомянуть, что одновременно со мной, но не по моему приглашенію, изъ Одессы выѣхалъ въ Петербургъ Василій Меркуловъ. Мнѣ больно вспомнить, что этотъ предатель тогда относился ко мнѣ, должно быть, дружелюбно, потому что по пріѣздѣ въ столицу нѣсколько разъ назначалъ мнѣ свиданія чрезъ лицъ, которыя имѣли съ нимъ дѣловые отношенія. Я выходила къ нему въ садъ, такъ какъ въ то время была еще теплая погода. Онъ былъ вспыльчивъ и вѣчно недоволенъ, постоянно бранилъ интеллигенцію и хвалилъ рабочихъ и трудовую жизнь; мы охотно прощали ему нѣкоторое озлобленіе, считая его вполне естественнымъ въ пролетаріи, ненавидящемъ все барское; единственнымъ недостаткомъ его считали самолюбіе, которое мы старались шадить. Въ послѣдній разъ я видѣлась съ

нимъ не позже августа 80 г.; съ тѣхъ поръ ни личныхъ, ни дѣловыхъ сношеній я съ нимъ не имѣла и не встрѣчалась ни разу вплоть до 10 февраля 83 г., когда онъ предалъ меня.

Осень 81 и начало 82 года были временемъ усиленной пропаганды и организаціонной работы партіи «Народной Воли». Къ этому времени относится заведеніе обширныхъ связей съ провинціями, организація въ нихъ мѣстныхъ группъ, подробная выработка плана дѣйствій по отдѣльнымъ мѣстностямъ; многіе агенты комитета занимались разѣздами по опредѣленнымъ районамъ, другіе были командированы для постоянного пребыванія въ главнѣйшихъ пунктахъ имперіи. Всѣ предыдущія событія подготовили уже достаточную почву: «Черный Передѣлъ» исчезъ, какъ обширная организація; его предводители скрылись за границу; обширная группа Михаила Родіоновича Попова въ Кіевѣ погибла отъ предательства завѣдомаго сыщика Забрамскаго, пробравшагося въ ея среду; усиленное распространеніе органа «Народной Воли», устная пропаганда программы комитета, а главное, громкіе эпизоды борьбы, говорившіе сами за себя, привлекли общія симпатіи къ принципамъ «Народной Воли». Отовсюду являлись въ Петербургъ делегаты къ комитету для заведенія сношеній съ нимъ, съ предложеніемъ услугъ для выполненія какихъ-либо новыхъ плановъ, съ просьбами прислать агента для организаціи мѣстныхъ силъ. Такимъ благопріятнымъ настроеніемъ комитетъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться; онъ пожиналъ плоды своихъ трудовъ и своихъ жертвъ. Въ ясно-выраженномъ стремленіи кружковъ и отдѣльныхъ лицъ къ объединенію, въ домогательствахъ ихъ примкнуть къ партіи и въ постоянныхъ заявленіяхъ готовности принять участіе въ активной борьбѣ съ правительствомъ сказалось то громадное возбужденіе умовъ, которое явилось слѣдствіемъ дѣятельности комитета «Народной Воли». Героизмъ заразителенъ, какъ и паническій страхъ; энергія и отвага организаціи увлекали за собой живые элементы, и самая смерть казалась имъ ничемъ.

Въ самомъ Петербургѣ пропаганда, агитація и организація велись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; отсутствіе полицейскихъ придиорокъ и жандармскихъ облавъ за этотъ періодъ очень благоприятствовали работѣ среди учащейся молодежи и рабочихъ. Это было время общаго оживленія и надеждъ, всѣ слѣды подавленности, явившейся послѣ неудачъ первой половины 70 г.г., и послѣдовавшей за ними реакціи, исчезли всецѣло, какъ будто за всѣ десять лѣтъ 70—80 не было хроническаго кровопусканія всего протестующаго въ Россіи. Но требованіе царубійства раздавалось громко, потому что политика графа Лорисъ-Меликова не обманула никого, такъ какъ ничуть не измѣняла сущности отношеній правительства къ обществу, народу и къ партіи; графъ измѣнилъ лишь грубыя и рѣзкія формы на болѣе мягкія, но одной рукой отнималъ то, что давалъ другой; предпринявъ, напр., столь прославленное возвращеніе административно-ссылъ-

ныхъ, онъ самъ, въ то же время, широко пользовался этой мѣрой по отношенію къ Петербургу; по его инструкціи 15 декабря 80 г. была намѣнена къ худшему участь карійцевъ; эта инструкція лишила ихъ, между прочимъ, такого дорогого права, какъ право переписываться съ родными. Поэтому общественное мнѣніе въ революціонномъ мірѣ требовало продолженія террора и казни, какъ самого царя, такъ и его лицемѣрно-либеральнаго приближеннаго, и въ то время, какъ большинство агентовъ было занято пропагандой и организаціей, техники комитета работали надъ усовершенствованіемъ метательныхъ снарядовъ, которые должны были играть вспомогательную роль при взрывахъ минъ, до сихъ поръ обнаруживавшихъ недостаточную силу.

Въ октябрѣ былъ арестованъ Александръ Михайловъ, этотъ неоцѣненный стражъ всей организаціи, типъ хозяина-устроителя, отъ бдительности котораго не ускользала ни одна мелочь, касающаяся нашей общественной безопасности. Онъ былъ, можно сказать, всевидящимъ окомъ организаціи и блюстителемъ дисциплины, столь необходимой въ революціонномъ дѣлѣ; въ его лицѣ мы потерпѣли тяжелую и незамѣнимую утрату. Выѣстъ съ фанатическою преданностью дѣлу, онъ соединялъ: энергію, настойчивость, замѣчательную дѣловитость, практичность и такую осторожность, что самые трусливые люди, при веденіи дѣла съ нимъ, считали себя въ безопасности. Талантливый организаторъ, онъ былъ педантиченъ, послѣдователенъ и неумолимъ въ проведеніи организаціонныхъ принциповъ. Требовательный къ выполненію каждымъ его обязанностей, ставившій дѣловые интересы выше всего, онъ хотѣлъ, чтобъ дѣятель-революционеръ забылъ всѣ свои человѣческія слабости, разстался со всѣми личными наклонностями. «Если бы организація,—сказалъ онъ мнѣ при одномъ разговорѣ на эту тему,—заставила меня мыть только чашки, то я принялся бы за эту работу съ такимъ же фанатизмомъ, какъ за самый интересный умственный трудъ». Сообразно этому, онъ положительно преслѣдовалъ взглядъ на нѣкоторыя обязанности и функціи, какъ на малопроизводительныя или низкія; по его мнѣнію, все, что было нужно, было достаточно высоко, чтобъ съ радостью взяться за него. Такой законченный и цѣльный типъ не могъ не пользоваться громаднымъ вліяніемъ, какъ на самую организацію, такъ и на лицъ, стоящихъ внѣ ея, и его авторитетъ былъ такъ же великъ между товарищами, какъ и въ публикѣ. Узкія рамки русской жизни не дали ему возможности сыграть крупную историческую роль, но въ революціонной Франціи конца прошлаго столѣтія онъ былъ бы Робеспьеромъ. Для насъ, какъ организаціи, онъ имѣлъ еще значеніе одного изъ старѣйшихъ членовъ революціонной партіи, связывавшихъ живой нитью настоящее съ прошлымъ; его связь съ партіей, вообще, начинается до 76 г.; съ этого же года онъ становится членомъ общества «Земли и Воли» и переживаетъ всѣ перипетіи революціоннаго движенія вплоть до конца 80 г.

Такимъ образомъ, онъ являлся хранителемъ революціонной традиціи и былъ связанъ интимными узами со всѣми выдающимися личностями, погибшими за эти четыре года. Его гибель была ударомъ, который мы вспоминали при всѣхъ несчастьяхъ, поразившихъ насъ въ послѣдствіи.

Еще въ бытность Александра Михайлова на свободѣ, комитетъ составилъ проектъ снять магазинъ или лавку на одной изъ тѣхъ улицъ Петербурга, по которымъ наиболѣе часто совершался проѣздъ императора; изъ лавки должна была быть проведена мина для взрыва. Съ этой цѣлью нѣкоторые изъ агентовъ должны были присматриваться ко всѣмъ сдаваемымъ помѣщеніямъ, пригоднымъ для осуществленія плана, а такъ какъ царь обязательно долженъ былъ ѣздить въ манежъ, то магазинъ искали по улицамъ, ведущимъ къ нему; такихъ магазиновъ при Михайловѣ и, кажется, нмѣ самимъ (онъ, вѣроятно, не скрылъ этого въ своихъ показаніяхъ) было найдено два, и на одномъ изъ нихъ остановился выборъ комитета. Когда агентамъ стало извѣстно какъ это, такъ и то, что комитетъ подбираетъ составъ, необходимый для обстановки, то я предложила комитету для роли хозяина моего друга и товарища Юрія Николаевича Богдановича.

Все время послѣ выѣзда изъ Саратова въ 79 г. до осени 80 г. онъ находился въ отлучкѣ, и у меня прервалась съ нимъ даже переписка; но, приѣхавъ въ Петербургъ и свидѣвшись съ стариннымъ пріятелемъ Писаревымъ, я рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы найти его и вызвать къ себѣ. Такъ какъ онъ не отвѣчалъ на письма, посланные по его адресу, то я воспользовалась адресомъ моихъ знакомыхъ, къ которымъ я дала ему рекомендаціи при его отъѣздѣ, въ надеждѣ, что они знаютъ, гдѣ онъ находится, и что съ нимъ происходитъ. Я послала ему горячее письмо, въ которомъ упрекала за то, что онъ вполне оторвался отъ старыхъ друзей, и призывала его настоятельно въ Петербургъ для свиданія. Оказалось, что онъ былъ боленъ передъ тѣмъ, и хотя не вполне еще поправился, но не замедлилъ явиться на призывъ. Однако онъ былъ въ такомъ состояніи, что прежде всего я и Писаревъ заставили его лечиться. Затѣмъ, ему пришлось осмотрѣться, познакомиться съ людьми и со всѣми перемѣнами въ программѣ и въ партіи, которыя произошли за время его отсутствія; послѣ этого онъ примкнулъ къ практическимъ занятіямъ по организаціи, которыя вели нѣкоторые агенты комитета, а потомъ принялъ самъ агентуру комитета. Въ это-то время я, какъ болѣе знающая его лично, и предложила комитету, указывая на его практичность и чрезвычайную находчивость, сдѣлать его хозяиномъ лавки, что и было приведено въ исполненіе.

Мѣстонахожденіе лавки и фамилія его хозяина были мнѣ неизвѣстны, вплоть до того момента, когда, должно быть, въ концѣ февраля, Богдановичъ попросилъ меня написать текстъ второго паспорта на имя Кобозева, который, кажется, такъ и

остался въ рукахъ дворниковъ дома Менгдена, послѣ прописки его, когда срокъ первому дубликату истекъ. Къ новому году Богдановичъ съ женой устроился, и началась работа. Участники ея мы узнавали по утомленнымъ и измученнымъ лицамъ тѣхъ, съ кѣмъ чаще сталкивались; но, вообще, они были неизвѣстны неработающимъ въ подпольѣ. Дальнѣйшее мое отношеніе къ торговлѣ Кобозева выразилось только въ томъ, что, когда однажды Богдановичъ заявилъ, что въ лавкѣ мало товара, и что на покупку его нужно 300 руб., то я предложила достать эту сумму, и на другой же день вручила ее по принадлежности.

Мои занятіемъ тогда была пропаганда и организація, и я участвовала, въ качествѣ агента комитета, въ двухъ организационныхъ группахъ, которыя вели дѣло въ двухъ различныхъ сферахъ; кромѣ того, Андрей Ивановичъ Желябовъ приглашалъ меня иногда съ собой на бесѣды съ людьми той категоріи, въ которой дѣйствовалъ онъ, спеціально. Въ октябрѣ или еще въ сентябрѣ я познакомилась съ Ольгой Евгеньевной Сухановой, отрекомендовавшись ей Вѣрой Павловной Лопатинской, псевдонимомъ, подѣ которымъ я слыла весь этотъ сезонъ въ Петербургѣ. Встрѣтившись съ ней совершенно случайно, я сблизилась съ ней, заходя къ ней иногда ночевать въ промежутокъ между моей жизнью на Итальянской ул., подѣ именемъ Власовой, и въ 11-й ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ Навроцкихъ, подѣ фамиліей Сверловой. Суханова много говорила мнѣ о своемъ братѣ Николаѣ, котораго въ то время въ Петербургѣ не было; она страстно была привязана къ нему и изображала его мнѣ въ чертахъ, въ высшей степени симпатичныхъ; по ея рассказамъ я съ нимъ познакомилась гораздо раньше, чѣмъ увидала его; а когда онъ пріѣхалъ, и мы увидѣлись, то очень скоро между нами завязались самыя хорошія, дружескія отношенія.

Это былъ человѣкъ, котораго невозможно было не полюбить; онъ принадлежалъ къ числу лицъ, которыхъ, чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше любишь. Глубоко честный и безкорыстный, онъ былъ правдивъ и прямодушенъ до такой степени, что приходилось удивляться, какъ такая личность, чистая, какъ прозрачный кристалль, могла сложиться среди окружающей лжи, обмана и лицемерія. Чувствительный и нѣжный въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, онъ вносилъ энергію и страстность въ дѣло общественное. Не растративъ душевныхъ силъ въ погонѣ за карьерой и личнымъ счастьемъ, онъ, въ 30 лѣтъ, отдался политической дѣятельности со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юности. Въ первое время нашего знакомства, онъ былъ еще далеко не тѣмъ Сухановымъ, какимъ увидали его наши другіе товарищи въ мартѣ и апрѣлѣ; но было уже видно, что недостаетъ только искры, чтобъ онъ вспыхнулъ. Этой искрой была идея организаціи и привлеченіе его въ среду организаціи; въ февралѣ мѣсяцъ можно было уже сказать, что Сухановъ умретъ на эшафотѣ, что онъ создастъ себѣ эшафотъ даже среди условій, когда

правительство предпочло-бы отсутствіе громогласныхъ казней. А когда погибъ Желябовъ, желѣзная рука котораго могла бы сдержать его въ должныхъ предѣлахъ, то возбужденное состояніе его перешло всякую мѣру: послѣ 1-го марта онъ сталъ дѣйствовать съ лихорадочной поспѣшностью и величайшей неосторожностью; онъ работалъ за десятерыхъ, чтобъ извлечь для партіи наибольшую пользу изъ энтузіазма молодежи и настроенія общества. Напрасно старались мы сдерживать его порывы,—наши усилія были тщетны. Сколько разъ я говорила ему, что его жара не хватить на долгое время, и что наша дѣятельность измѣряется не мѣсяцами, а годами. «Нѣтъ! нѣтъ! говорилъ онъ мнѣ: годъ-два поработать изо всѣхъ силъ и потомъ—конецъ!» При его экзальтаціи мудрено было проработать и столько. Онъ никогда не былъ бы въ состояніи перенести нелегальную жизнь съ ея замѣнностью, подозрительностью; ему нужна была ширь, при-волье. Кромѣ того, онъ не былъ обстрѣлянъ, подобно намъ, его нервы не одеревянѣли отъ несчастій, потерь; гибель товарищей, лицъ, которыхъ онъ сильно любилъ и безконечно увлекалъ, причиняли ему боль нестерпимую и совершенно для него новую; поэтому онъ не могъ долго прожить, сильно натянутая струна должна была лопнуть. Извѣстно, что онъ могъ избѣжать своей участи, его предупреждали объ опасности, онъ, наконецъ, самъ во время видѣлъ ее, но онъ не захотѣлъ скрыться, какъ ему совѣтовали, какъ его уговаривали, и хладнокровно ждалъ ареста, который для него долженъ былъ значить гибель, потому что дальнѣйшій его образъ дѣйствій былъ опредѣленъ, обдуманъ и рѣшенъ. Такъ погибъ этотъ человѣкъ, душевные качества котораго такъ высоки, что можно сказать: счастлива та партія, къ которой пристають Сухановы!

Здѣсь не будетъ, я думаю, лишнимъ сказать нѣсколько словъ о сношеніяхъ партіи «Народной Воли» съ заграницей. Вліяніе постановки соціального вопроса на западѣ на русское революціонное движеніе къ 76 году исчезло совершенно; съ этой поры оно сдѣлалось самобытнымъ и приняло вполне своеобразную форму и направленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось значеніе русской эмиграціи для революціонной Россіи; литература, служившая проводникомъ вліянія эмигрантовъ и находившаяся до-толѣ всецѣло въ ихъ рукахъ, перенеслась на русскую почву, чтобъ служить живымъ откликомъ новыхъ теченій и запросамъ жизни. Послѣ этого правильныя сношенія революціонныхъ организацій съ русскими выходцами прерываются: они становятся отрѣзаннымъ ломтемъ для партіи дѣйствія. Такъ было до событій 19 ноября 79 и 5 февраля 80 г., когда 2 взрыва исполнительнаго комитета потрясли всю Европу и пробудили во всѣхъ слояхъ западно-европейскаго общества громадныя интересъ и вниманіе къ дѣятельности революціонной партіи въ Россіи. Нѣсколько времени спустя, императорское правительство возбудило дѣло о выдачѣ эмигрировавшаго Гартмана, и въ отказѣ республиканской

•

Франціи получило звонкую всеевропейскую пощечину. Всѣмъ извѣстно, какъ волновалъ вопросъ о выдачѣ или невыдачѣ автора московскаго взрыва и русское и заграничное общество; тѣмъ большее значеніе имѣлъ отказъ французской республики: онъ былъ пораженіемъ правительства и побѣдой революціонной партіи.

На этомъ фактѣ «Народная Воля» увидѣла значеніе, которое можетъ имѣть для партіи общественное мнѣніе Европы. Она рѣшила организовать за границей пропаганду своихъ истинныхъ цѣлей и стремленій и завоевать симпатіи европейскаго общества путемъ ознакомленія его съ внутренней политикой нашего правительства. Такимъ путемъ, потрясая тронъ взрывами внутри государства, мы могли дискредитировать его навнѣ и способствовать, быть можетъ, дипломатическому вмѣшательству нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ странъ во внутреннія дѣла нашего темнаго царства. Для такой цѣли мы могли утилизировать тѣ революціонныя силы, которые потеряны для революціонной работы внутри Россіи, т.-е. эмигрантовъ.

Вскорѣ Гартманъ и Лавровъ были приглашены комитетомъ, въ качествѣ уполномоченныхъ партіи, предпринять за границей агитацію въ духѣ программы «Народной Воли». Средствами для этого могли быть лекціи, сходки, а главное, брошюры, листки и журнальныя статьи, которыя изображали бы экономическое и политическое положеніе дѣлъ въ Россіи. Гартманъ долженъ былъ съ этой цѣлью объѣхать главные города Америки; всѣ выдающіеся въ социалистическомъ мірѣ З. Европы лица общались ему свое содѣйствіе въ той или иной сферѣ; къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ къ Карлу Марксу и Рошфору, комитетъ обращался письменно съ предложеніемъ оказать его агенту, Гартману, помощь въ дѣлѣ организации пропаганды противъ русскаго деспотизма. Въ отвѣтъ на это, вмѣстѣ съ изъявленіемъ согласія, авторъ «Капитала» прислалъ комитету свой портретъ съ соотвѣтствующей надписью. По словамъ Гартмана, онъ съ гордостью показывалъ письмо комитета своимъ друзьямъ и знакомымъ. Но, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ нашихъ заграничныхъ друзей, не одинъ Марксъ выказывалъ уваженіе къ русскому революціонному учрежденію: вниманіе къ нему было всеобщимъ; журналистика съ жадностью хватала свѣдѣнія о Россіи, а событія русской революціонной хроники были самыми пикантными новостями. Чтобъ прекратить массу ложныхъ слуховъ и всевозможныхъ утокъ, которыя преподносились европейской публикѣ ежедневной прессой, необходимо было правильное доставленіе заграничнымъ агентамъ корреспонденцій изъ Россіи о всемъ происходящемъ въ русскомъ революціонномъ мірѣ. Комитетъ избралъ меня, осенью 80 г., секретаремъ для заграничныхъ сношеній. Я вела его дѣловую переписку съ Гартманомъ¹⁾, посылала ему кор-

¹⁾ Личное мое знакомство съ Гартманомъ относится къ пребыванію въ Саратовѣ въ 78 г.

респонденціи, біографіи казенныхъ, снабжала всякими выходящими революционными изданіями, доставляла карточки арестованныхъ и осужденныхъ, посылала русскіе журналы, газеты и вообще удовлетворяла, по возможности, всё его требованія. Послѣ 1-го марта я послала ему свою послѣднюю корреспонденцію объ этомъ событіи, письмо комитета къ Александру III и рисунокъ, изображающій внутренность магазина Кобозева, исполненный самимъ Кобозевымъ.

Въ январѣ 81 года Исаевъ и я должны были, по предложенію исполнительнаго комитета, основать квартиру, которой должны были пользоваться одни лишь агенты 3-ей степени. Исключеніе было допущено лишь въ ночь на 1-ое марта, когда въ квартиру, по рѣшенію комитета, было введено лицо, не принадлежавшее къ этой категоріи. Квартира была нанята на Вознесенскомъ проспектѣ, у Вознесенскаго моста, № дома не помню; мы прописались подъ именемъ Кохановскихъ и проживали въ ней—Исаевъ до 3-го, а до 5-го апрѣля того же года.

Въ февралѣ мѣсяцъ исполнительный комитетъ созвалъ своихъ агентовъ изъ всѣхъ провинцій и потребовалъ, какъ отъ нихъ, такъ и отъ петербургскихъ и московскихъ агентовъ, подробный отчетъ о положеніи дѣлъ партіи по всѣмъ мѣстностямъ и по всѣмъ отдѣламъ дѣятельности. Сводъ этихъ частныхъ отчетовъ въ одинъ общій былъ представленъ комитетомъ общему собранію агентовъ. На основаніи этого отчета, комитетъ предложилъ имъ высказаться по нѣкоторымъ организационнымъ внутреннимъ вопросамъ, а также по вопросу о внѣшней политикѣ партіи. Относительно послѣдней комитетъ желалъ знать, считаютъ ли агенты организацию партіи достаточно обширной и окрѣпшей, а общественное настроеніе достаточно благоприятнымъ для того, чтобъ вопросъ объ инсurreкціи былъ поставленъ теперь же въ число очередныхъ вопросовъ, т.-е. чтобъ вся дальѣйшая работа членовъ партіи подгонялась къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ попытки къ инсurreкціи, а центръ занялся бы серьезной детальной разработкой практическаго плана ея. На этотъ запросъ агенты, громаднымъ большинствомъ голосовъ, отвѣтили, что практическая постановка вопроса объ инсurreкціи—своевременна и желательна. Совѣщанія по вопросамъ, поднятымъ комитетомъ, потребовали многихъ собраній; эти собранія происходили черезъ день на квартирѣ Кохановскихъ; по окончаніи ихъ, агенты были распущены комитетомъ, чтобъ приняться за работу, въ ожиданіи новыхъ подробныхъ инструкцій центра.

Во время этихъ собраній (но можетъ быть и ранѣе) были арестованы агенты Колодкевичъ и Баранниковъ, одни изъ любимыхъ нашихъ товарищей; ихъ арестъ повлекъ за собой гибель самаго цѣннаго для всей организаціи человѣка—Клѣтчиковъ, который, будучи членомъ партіи, пробрался въ секретари III отдѣленія и, въ теченіе двухъ лѣтъ, отражалъ удары, направленные правительствомъ на организацію. Онъ охранялъ

ея безопасность извѣнъ, какъ Александръ Михайловъ заботился о ней внутри, и его имя навсегда останется священнымъ для каждаго революціонера.

Такъ доживали мы февральскіе дни, когда у Тригопи былъ арестованъ нашъ вождь и трибунъ Андрей Ивановичъ Желябовъ. Въ это время пріѣзжіе агенты уже выѣхали, и подкопъ въ лавкѣ Кобозева былъ конченъ. За двѣ недѣли до 1-го марта императоръ, ѣздившій въ манежъ по воскресеньямъ, и всегда разными путями, проѣхалъ по Малой Садовой, но мина не была готова; когда это стало извѣстно, то поднялся общій ропотъ: слѣдующаго проѣзда приходилось ожидать, быть можетъ, еще пѣлый мѣсяцъ. Поэтому комитетъ распорядился тогда же, чтобъ къ воскресенью 1-го марта всѣ приготовленія были кончены, какъ относительно мины, такъ и относительно снарядовъ. Тогда агентамъ былъ уже извѣстенъ планъ покушенія: подземный взрывъ при проѣздѣ государя и метальщики разрывныхъ снарядовъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, на случай, если взрывъ произойдетъ раньше или позже проѣзда или окажется недостаточно сильнымъ и не достигнетъ предполагаемой цѣли; о назначеніи лицъ всего дѣйствующаго персонала было также извѣстно, что оно уже состоялось. Такимъ образомъ, начиная съ 1-го марта, каждое воскресенье мы должны были ожидать покушенія. Я совершенно не помню дня 27 февраля, тогда какъ 28-е сохранилось отчетливо въ моей памяти; поэтому, мнѣ кажется, что Андрей Ив. Желябовъ былъ арестованъ 27 вечеромъ, а 28-го утромъ Сухановъ принесъ это извѣстіе къ намъ на квартиру, но, можетъ быть, это было и днемъ раньше. Все же послѣдующее относится къ 28-му.

Въ этотъ день Исаевъ былъ отозванъ комитетомъ въ магазинъ Кобозева для заложения мины и ночь на 1-ое марта не ночевалъ дома; въ этотъ же день мы съ ужасомъ узнали, что еще нѣтъ ни одного готоваго метательнаго снаряда; вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяева квартиры, гдѣ должны были происходить всѣ техническія приспособленія, еще наканунѣ заявили, что они считаютъ свою квартиру не безопасной и предполагаютъ, что за нею слѣдять. Въ то же время по городу разнесся слухъ, что полиція считаетъ себя на слѣдахъ чрезвычайнаго открытія, при этомъ назывался тотъ самый участокъ, въ которомъ находился магазинъ Кобозева; молодежь передавала предостереженіе о подслушанномъ разговорѣ дворника дома Менгдена съ полицейскимъ о какомъ-то обыскѣ въ этомъ домѣ. Явившійся Кобозевъ рассказывалъ о посѣщеніи лавки какой-то, якобы санитарной, комиссіей, полицейская цѣль которой была очевидна. Хотя, по его выраженію, этотъ осмотръ, подробности котораго были какой-то счастливой игрой въ «быть или не быть», вполне легализировалъ его, но мы, слушатели, были поражены, какъ громомъ. Ясно было, что дѣло, давно задуманное, съ трудомъ и опасностями доведенное до конца, дѣло, долженствовавшее закончить двухлѣтнюю борьбу.

связывавшую намъ руки, висѣло на волосѣхъ и наканунѣ своего осуществленія могло погибнуть. Все можно было перенести, но не это! Не личная безопасность тѣхъ или другихъ изъ насъ волновала насъ: все наше прошлое и все наше будущее было поставлено на карту въ ночь на 1-ое марта; прошлое, въ которомъ было у насъ семь покушеній на царевубійство и двадцать одна смертная казнь, и которое мы хотѣли кончить, страхнуть, забыть; и будущее, свѣтлое и мирное, которое мы думали завоевать своему поколѣнью. Никакая нервная система не могла бы вынести долгое время такого сильнаго напряженія; поэтому, когда Перовская поставила исполнительному комитету вопросъ, какъ поступить въ случаѣ, если 1-го марта императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, и не дѣйствовать ли тогда одними снарядами, и комитетъ отвѣтилъ: дѣйствовать во всякомъ случаѣ, и указалъ планъ, — то это рѣшеніе вызвало всеобщее одобреніе агентовъ. Одинъ Сухановъ заявилъ, что онъ не можетъ сказать ни да ни нѣтъ, потому что снаряды еще никогда не были въ дѣйствиіи.

Это рѣшеніе комитета состоялось только вечеромъ 28-го февраля, такъ что о немъ не успѣли оповѣстить ни всѣхъ агентовъ, ни даже сигналистовъ Садовой улицы, роли которыхъ были опредѣлены раньше, и помощь которыхъ была не нужна для приведенія въ исполненіе новаго плана. Еще утромъ 28-го комитетъ распорядился о ликвидаціи квартиры Желябова и Перовской, которая въ 5 часовъ вечера ушла съ нея и переехала къ намъ, унеся съ собой болѣе цѣнныя, въ нашемъ смыслѣ, вещи. Тогда же мнѣ было объявлено, что съ 5 часовъ вечера три человѣка явятся на нашу квартиру и будутъ работать всю ночь надъ метательными снарядами. Это были: Сухановъ, Кибальчичъ и еще одна личность. До восьми часовъ вечера на квартиру безпрестанно заходили агенты, то съ извѣстіями, то по текущимъ надобностямъ, но такъ какъ это мѣшало работѣ, то къ 8-ми часамъ всѣ разошлись, и на квартирѣ осталось, вмѣстѣ со мной и Перовской, 5 человѣкъ. Уговоривъ измученную Софью Львовну прилечь, чтобы собраться съ силами для слѣдующаго дня, я принялась за помощь работающимъ тамъ, гдѣ имъ была нужна посторонняя неопытная рука: то отливала грузы съ Кибальчичемъ, то обрѣзывала съ Сухановымъ купленные мной жестянки для керосина, послужившія формой для снарядовъ. Въ два часа ночи я оставила ихъ, потому что мои услуги не были болѣе нужны. Когда въ 7 часовъ утра Перовская и я встали, то мужчины все еще продолжали работать, но два снаряда были совсѣмъ готовы, и ихъ унесла Перовская; вслѣдъ за ней ушелъ Сухановъ; потомъ я помогла двумъ остальнымъ наполнить гремучимъ студнемъ двѣ остальные жестянки, и ихъ вынесъ Кибальчичъ. Итакъ, въ 8 часовъ утра, 1-го марта четыре снаряда были готовы послѣ 15-ти часовъ работы трехъ человѣкъ.

По распоряженію комитета, 1-го марта я должна была оставаться до 2 часовъ дня дома для приѣма Кобозевыхъ, такъ какъ

они должны были выйти изъ магазина за часъ до пріѣзда государя, а онъ—вслѣдъ за сигналомъ, что царь показался на Невскомъ: сомкнуть же электрическій токъ должно было третье лицо, которое могло выйти изъ лавки, въ качествѣ посторонняго человека, въ томъ случаѣ, еслибъ ему не было суждено погибнуть подъ развалинами взрыва, произведеннаго его рукой. Но ни Богдановичъ, ни Акимовъ къ намъ не явились; воротился Исаевъ, и съ нимъ нѣсколько сигналистовъ съ извѣстіемъ, что царь мимо лавки не проѣхалъ, и что изъ манежа онъ прослѣдовалъ домой. Упустивъ совершенно изъ виду, что они не изучали и не слѣдили за послѣдующимъ маршрутомъ государя, и что они не оповѣщены о послѣднемъ рѣшеніи комитета—дѣйствовать на опредѣленномъ мѣстѣ обратнаго пути—бомбами, я ушла изъ дому, думая, что покушеніе не состоялось вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ причинъ.

Когда я шла по улицамъ, то все было покойно; но чрезъ полчаса послѣ того, какъ я зашла къ знакомымъ, къ нимъ явился человекъ съ извѣстіемъ, что были какіе-то два удара, похожіе на пушечные выстрѣлы, и что на улицахъ идетъ молва, что государь убитъ, и что происходитъ уже присяга наслѣднику.

Я бросилась къ своимъ; на улицѣ, повсюду, шелъ говоръ, и было замѣтно волненіе: говорили о государѣ, о ранахъ, о смерти, о крови. Когда я вошла къ себѣ, къ друзьямъ, которые еще ничего не подовѣдали, то отъ волненія едва могла говорить, что царь убитъ. Я плакала, какъ многіе другіе: тяжелый кошмаръ, давившій въ теченіе десяти лѣтъ, на нашихъ глазахъ, молодую Россію, былъ прерванъ; ужасы тюрьмы и ссылки, насилія и жестокости надъ сотнями и тысячами нашихъ единомышленниковъ, кровь нашихъ мучениковъ,—все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось съ нашихъ плечъ—реакція должна была кончиться, чтобъ уступить мѣсто обновленію Россіи.

Въ этотъ торжественный моментъ всѣ наши помыслы были сосредоточены на надеждѣ въ лучшее будущее родины. Черезъ короткое время пріѣхалъ Сухановъ, радостный и возбужденный, обнимавшій всѣхъ съ поздравленіями по поводу этого будущаго. Редактированное черезъ нѣсколько дней письмо къ Александру III достаточно характеризуетъ общее настроеніе петроградскихъ членовъ партіи въ періодъ, послѣдовавшій за 1-мъ марта. Оно составлено съ умѣренностью и тактомъ, вызвавшими сочувствіе во всемъ русскомъ обществѣ. Опубликованное на западѣ, оно произвело сенсацию во всей европейской прессѣ; самыя умѣренные и петроградные органы заявили одобреніе требованіямъ русскихъ нигилистовъ, находя ихъ разумными, справедливыми и значительной частью своей вошедшими давнымъ-давно въ повседневный обиходъ западно-европейской жизни.

3-го марта Кибальчичъ принесъ на нашу квартиру вѣсть, что открыта квартира Гельфманъ (на Телѣжной ул.), что она

арестована, а Саблинъ, беззаботный весельчакъ, вѣчно игравшій въ остроуміе, застрѣлился. Онъ разсказалъ также о вооруженномъ сопротивленіи человѣка, явившагося въ домъ послѣ ареста Гельфманъ и оказавшагося рабочимъ Михайловымъ. Первою мыслью лицъ, знавшихъ составъ посѣтителей квартиры Гельфманъ, имѣвшей специальное назначеніе и потому для большинства агентовъ не извѣстной, было, что она указана Рысаковымъ. Въ виду этого соображенія, комитетъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобъ Кобозевы оставили свою лавку лишь послѣ того, какъ мина будетъ очищена отъ динамитнаго заряда: они должны были не только бросить ее въ тотъ же день, но вечеромъ же выѣхать изъ Петербурга. Въ три часа зашелъ Богдановичъ, чтобъ протѣститься со мной передъ отъѣздомъ—онъ выѣзжалъ первымъ. Съ тѣхъ поръ я не видалась съ нимъ до октября и ноября того же года, которые я провела въ Москвѣ, гдѣ находился и онъ: это было въ послѣдній разъ, потому что, когда я явилась въ концѣ марта 82 года въ Москву, то онъ былъ уже арестованъ. Вечеромъ, 3-го марта, на квартиру зашла Акимова, чтобъ переѣхать въ костюмъ предъ выѣздомъ: она заперла лавку, чтобъ уже не возвращаться. Въ тотъ же день изъ Петербурга были посланы комитетомъ еще нѣкоторые агенты. Прошло не болѣе недѣли,—и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улицѣ. Вслѣдъ за ней погибъ Кибальчичъ, какъ говорятъ, по доносу хозяйки; у него былъ арестованъ Фроленко. Потомъ былъ взятъ Иванчинъ-Писаревъ. Вѣлый терроръ открылъ свои дѣйствія.

Тогда мы считали, да и теперь считаемъ, что у правительства былъ человѣкъ, знавшій многихъ агентовъ въ лицо и указавшій ихъ на улицѣ. Поэтому многіе изъ насъ, по предложенію комитета, должны были выѣхать, въ томъ числѣ и я. Но всѣ мы были одушевлены желаніемъ воспользоваться горячимъ временемъ для организаціонныхъ дѣлъ партіи: мы видѣли вокругъ себя сильнѣйшій энтузіазмъ; смиренные агенты, люди пассивные и индифферентные, расшевелились, просили указаній, работы; всевозможные кружки приглашали къ себѣ представителей партіи, чтобъ войти въ сношенія съ организаціей и предложить ей свои услуги. Если-бы честолюбіе было руководящимъ мотивомъ членовъ партіи, то теперь оно могло бы насытиться, потому что успѣхъ былъ опьяняющій. Тотъ, кто не пережилъ съ нами періода послѣ 1-го марта, тотъ никогда не составитъ себѣ понятія о всемъ значеніи этого событія для насъ, какъ революціонной партіи. Понятно, что удаленіе въ такой моментъ изъ Петербурга было тягостно для всякаго человѣка, вѣщающаго въ свои силы и думающаго, что интересы дѣла требуютъ его присутствія, даже вопреки требованіямъ благоразумія. Поддерживаемая Сухановымъ, я представила комитету такіе аргументы въ защиту моего желанія остаться на мѣстѣ, что комитетъ разрѣшилъ мнѣ это, но, къ сожалѣнію, не надолго. 3-го апрѣля Григорій Исаевъ не вернулся домой: онъ былъ схваченъ, какъ потомъ я

узнала, какимъ-то предателемъ на улицѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ агентамъ, погибшимъ въ теченіе марта мѣсяца. Такъ какъ во избѣжаніе безпокойствъ и недоразумѣній, мы придерживались правила, что хозяева общественныхъ квартиръ не имѣютъ права проводить ночь внѣ дома безъ предварительнаго уговора объ этомъ, то въ 12 часовъ ночи, 3-го апрѣля, я уже не сомнѣвалась, что Исаевъ арестованъ.

Въ это время наша квартира, въ силу разныхъ обстоятельствъ, превратилась мало-по-малу въ складъ для всевозможныхъ вещей: послѣ ликвидаціи рабочей типографіи къ намъ былъ перенесенъ шрифтъ и прочія ея принадлежности; когда закрылась химическая лабораторія, Исаевъ привезъ къ намъ всю ея утварь и большой запасъ динамита; Перовская передала намъ же все, что сочла нужнымъ вынести изъ своей квартиры; послѣ ареста Фроленко мы получили половину паспортнаго стола; въ довершеніе всего, вся литература, всѣ изданія шли изъ типографіи «Народной Воли» къ намъ и наполняли громадный чемоданъ, найденный пустымъ въ нашей квартирѣ. Такое богатство не должно было погибнуть, я рѣшила спасти все и уйти изъ квартиры, оставляя ее абсолютно пустой.

4 апрѣля, вмѣсто того, чтобъ искать кого-нибудь изъ своихъ, я рѣшилась ждать прихода къ себѣ и принялась приводить революціонное имущество въ удобовыносимый видъ. Былъ уже 1 часъ дня, когда на квартиру зашелъ агентъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что товарищи считаютъ меня уже погибшей, такъ какъ съ ранняго утра дворники дефилируютъ передъ арестованнымъ накануне молодымъ человѣкомъ, отказавшимся назвать себя и указать свою квартиру. По описаніямъ дворниковъ, уже побывавшихъ у градоначальника, никто не сомнѣвался, что это Исаевъ.— Тѣмъ не менѣе онъ, пришедшій, одобрилъ желаніе спасти вещи; я просила его дать знать объ этомъ Николаю Евгеньевичу Суханову, какъ человѣку столь энергичному и рѣшительному, что самое невозможное кажется ему всегда возможнымъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Сухановъ явился и, съ своей обычной распорядительностью, въ теченіе двухъ часовъ удалилъ съ квартиры все;— остались два узла съ вещами, не представляющими особой цѣнности. Это было уже въ 8 часовъ вечера. Тогда онъ потребовалъ, чтобъ я тотчасъ же ушла изъ дома; но я не видѣла никакой нужды уходить до утра, потому что была увѣрена, что Исаевъ квартиры не назоветъ, а появленіе до сихъ поръ полиціи объясняла тѣмъ, что дворники нашего дома еще не собрались пойти на призывъ; я думала, что ночью Исаеву дадутъ покой и потому не видѣла риска оставаться у себя. Послѣ этихъ аргументовъ Сухановъ оставилъ меня, обѣщавъ на утро прислать двухъ барынь за остальными вещами. Поутру 5 апрѣля, когда я вышла осмотрѣть окрестности, то въ воротахъ стояло Щедринское «гороховое пальто», дѣлавшее внушеніе дворникамъ: «непремѣнно до 12 часовъ! непремѣнно до 12 часовъ!». Было ясно,

что дворниковъ зовутъ на осмотръ! Тогда я подала условный сигналъ, что квартира еще безопасна, и въ нее тотчасъ же вошли двѣ знакомыя и унесли послѣдніе узлы, прося меня не медлить уходомъ. Дождавшись и спровадивши подъ приличнымъ предлогомъ женщину, которая приходила убирать нашу квартиру, я вышла, заперевъ свое опустошенное жилище. Говорятъ, что власти прибыли на квартиру, когда еще не остылъ самоваръ, изъ котораго я пила чай; онѣ опоздали на 1 или 1½ часа. Прогрессъ громадный въ сравненіи съ Самарой и съ Саратовымъ. Этотъ день, 5 апрѣля, былъ днемъ казни нашихъ царевубійцъ. Когда я вышла изъ дома, то народное зрѣлище уже кончилось, но всюду шель говоръ о казенныхъ, и въ то время, какъ сердце сжималось у меня отъ воспоминаній о Перовской и Желябовѣ, мнѣ пришлось, въ вагонѣ конножелѣзныхъ дорогъ, видѣть искаженные лица и слышать изступленные рѣчи того, что Суворинъ и Катковъ называютъ народомъ, и что мы именуемъ: Сѣнной площадью и Охотнымъ рядомъ. Послѣ 5 апрѣля я оставалась въ Петербургѣ еще до конца мѣсяца, когда я уѣхала на югъ.

Что бы ни говорили и что бы ни думали о 1-мъ мартѣ, его значеніе было громадно. Чтобъ оцѣнить его, необходимо припомнить, среди какихъ условій оно совершалось. Оно прервало 26-лѣтнее царствованіе императора, который открылъ для Россіи новую эру, поставивъ ее на путь общечеловѣческаго развитія; послѣ вѣкового застоя, онъ далъ ей громадный толчекъ впередъ реформами: крестьянской, земской и судебной. И первая, и величайшая изъ этихъ реформъ, крестьянская, въ экономическомъ отношеніи уже въ самомъ началѣ не удовлетворяла требованіямъ лучшихъ представителей общества (членовъ редакціонныхъ комиссій) и литературы, а когда со времени ея осуществленія прошло 15 лѣтъ, и періодъ словословій перешелъ въ періодъ критики, то журналистика открыто провозгласила ее проведенною подъ давленіемъ помѣстнаго сословія, компромиссомъ, совершенно неудовлетворившимъ предположенной цѣли «улучшенія хозяйственнаго быта сельскаго сословія для правильнаго отбыванія имъ податей и повинностей». Труды Янсона, кн. Васильчикова и другихъ изслѣдователей показали полное разстройство экономическаго быта крестьянъ: малоземелье, развитіе сельскаго пролетаріата и такое несоотвѣтствіе крестьянскихъ платежей съ доходностью ихъ земель, что князь Васильчиковъ уподобляетъ положеніе нашего крестьянства безвыходному состоянію французскаго сельскаго сословія передъ революціей 89 г. и угрожаетъ Россіи тѣми же бѣдствіями, которыя разразились во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія. Правительственныя комиссіи подтвердили и засвидѣтельствовали разореніе народныхъ массъ. Другія преобразованія, подъ усилившимся вліяніемъ противниковъ реформъ и реакціи, проявившейся въ самомъ императорѣ, были урѣзаны и искажены равными дополненіями, изытіями, разъясненіями. Мало-по-малу, общественныя силы и правительственная власть пшли врозь,

общественные элементы потеряли всякое вліяніе на теченіе государственной жизни, на ходъ управленія.

Неудовлетворенность въ самомъ началѣ царствованія части общества разразилась въ 60-хъ годахъ общими волненіями студенчества и выразилась процессами: Чернышевскаго, Михайлова, Караковцевъ и Нечаевцевъ. Эти выраженія недовольства, вмѣстѣ съ волненіями польскаго возстанія, послужили сигналомъ къ реакціи, сторонники которой воспользовались ими, какъ нельзя лучше: къ началу 70-хъ годовъ разрывъ между правительствомъ и обществомъ былъ уже полный. Съ этихъ поръ можно сказать, что бунтъ части подданныхъ противъ порядка управленія, поддерживаемого государемъ, сдѣлался хроническимъ. Но каждое проявленіе этого бунта влекло еще тягчайшій гнетъ, который, въ свою очередь, велъ къ болѣе острому отпору. Въ концѣ 70-хъ годовъ вся внутренняя жизнь Россіи, вся ея внутренняя политика обратилась въ борьбу съ крамолой. Явились генералъ-губернаторства, военные суды, государственная охрана и немилосердные казни, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилась эпидемія царевубійствъ. И въ то время, какъ государственная власть выставила всѣ свои чрезвычайныя средства для борьбы со зломъ, ни штыки сотенъ тысячъ войска, ни толпа охранителей и шпионовъ, ни золото царской казны,—ничто не уберегло повелителя 80 милліоновъ, и онъ палъ отъ руки революціонера.

Поучительный характеръ 1-го марта заключается именно въ томъ, что это былъ финалъ двадцатилѣтней борьбы между правительствомъ и обществомъ. 20 лѣтъ преслѣдованій, жестокостей и стѣсненій, имѣвшихъ въ виду меньшинство, но обременявшихъ всѣхъ, и въ результатѣ—Рысаковъ со своимъ: «посмотримъ, всели еще благополучно!» Убійство императора случилось среди общей увѣренности, что покушеніе произойдетъ; при этомъ все общество было раздѣлено на два лагеря, изъ которыхъ одинъ опасался, а другой съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого событія. Такое положеніе, кажется, безпримѣрно въ лѣтописяхъ народовъ, и заставляетъ задуматься философа, моралиста и политика. Бомба исполнительнаго комитета, потрясая всю Россію, поставила ей вопросъ: гдѣ выходъ изъ ненормальнаго положенія вещей? гдѣ его причины? и что-же будетъ дальше, если въ жизнь не будетъ внесено ничего новаго? Мы думаемъ, что бесплодность правительственныхъ условій сломить революціонное движеніе репрессіями, несостоятельность попытокъ устранить недовольство устраненіемъ наиболѣе энергичныхъ недовольныхъ личностей, — была доказана вообщю предшествующимъ двадцатилѣтнимъ опытомъ, завершившимся событіемъ 1 марта, и если не императоръ, то Россія вывела изъ него должное заключеніе; мы думаемъ, что общественное мнѣніе, свободно выраженное, предложило бы для прекращенія внутренней междоусобицы—не борьбу съ отдѣльными проявленіями недовольства, но уничтоженіе самой причины этого недовольства; а эту причину оно указало бы не въ отдѣль-

ныхъ агитаторахъ и выдающихся личностяхъ, поимкой которыхъ правительство тщетно надѣялось до сихъ поръ умиротворить умы, но въ общемъ стѣсненіи, въ полномъ отстрашеніи образованнаго класса отъ вліянія на жизнь народа и государства, въ отсутствіи какого бы то ни было поприща для дѣятельности, не преслѣдующей идеалы грабежа и личной наживы, въ полномъ противорѣчій между политикой правительства, съ одной стороны, и интересами и потребностями народа и интеллигенціи, съ другой. И въ случаѣ продолженія прежняго режима, оно выставило бы неизбежность повторенія 1-го марта, при обстановкѣ, быть можетъ, еще болѣе трагической.

Такимъ образомъ дилемма, поставленная ребромъ, кажется намъ разрѣшенною въ общественномъ сознаніи и ждущей лишь момента для воплощенія въ жизнь. Необычайность условій, среди которыхъ произошло событіе 1-го марта, и самая грандіозность его способствовали въ высшей степени уясненію этого сознанія, и отрицать его значеніе въ этомъ смыслѣ для общества — невозможно.

Но 1-е марта взволновало и весь міръ крестьянства; оно вывело его изъ сферы обыденныхъ заботъ и деревенскихъ интересовъ и сосредоточило его вниманіе на вопросѣ: кто убилъ царя? и за что его убили? Всѣ, кто жилъ, въ то время и много послѣ, въ деревнѣ, единогласно свидѣлствуютъ, что умерщвленіе императора и мотивы этого умерщвленія глубоко волновали крестьянскій умъ и заставляли его усиленно работать. Въ результатѣ этой работы могло быть лишь два рѣшенія: истина—что царь убитъ социалистами, борющимися за интересы народа, желающими добыть народу землю и освободить его отъ гнета чиновниковъ, или другое—что противъ царя бунтуютъ баре, помѣщики за свои права, что онъ убитъ за освобожденіе крестьянъ и въ надеждѣ воротить крѣпостное право. Въ одномъ случаѣ—народъ связывался съ партией солидарностью интересовъ, и партія пріобрѣтала въ массахъ точку опоры, какой не доставили бы десятки лѣтъ пропаганды словомъ; въ другомъ—у него накопалась злоба противъ имущественнаго класса; эта злоба при томъ ужасномъ экономическомъ состояніи, въ какомъ находился народъ, могла развиться избіеніемъ привилегированнаго сословія, которое мало чѣмъ отличалось бы отъ истребленія римскихъ патриціевъ ломбардцами при нашествіи ихъ въ Италію, или ужасовъ Пугачевского бунта,—при этомъ задачей партіи было бы лишь воспользоваться взрывомъ народныхъ страстей и народнаго негодованія. И въ томъ и другомъ случаѣ союзъ революціонной борьбы съ народомъ является перспективой, открытой 1-мъ марта.

По отношенію къ самой партіи и къ постановкѣ революціоннаго дѣла, вообще, это событіе имѣло громадную важность: въ глазахъ сторонниковъ оно вознесло комитетъ на небывалую высоту: «прійди и владѣй нами»—было единодушнымъ возгласомъ, обращеннымъ къ нему; оно создало такую атмосферу, которая могла

удовлетворить требованіямъ самаго пламеннаго революціонера, и если можно было о чемъ пожалѣть, такъ о томъ, что жатва обильна, а жнецовъ мало.

Но кромѣ того, что партія «Народной Воли» приобрѣла 1-го марта самую выгодную для себя позицію и новые шансы къ расширенію своей организаціи, этотъ моментъ былъ торжествомъ идеи организаціи, вообще. Никакихъ силъ единичной личности или даже отдѣльнаго кружка не хватило бы на веденіе и довершеніе двухлѣтней борьбы съ ея замѣчательными эпизодами и концомъ; борьбы, въ которой на одной сторонѣ были всѣ преимущества власти и матеріальной силы, а на другой—только энергія и организація. Необходимость организаціи въ борьбѣ съ правительствомъ, организація—какъ единственное условіе возможности побѣды—вотъ что провозгласило 1-е марта. Послѣ этого нечего уже было пропагандировать эту мысль,—она сдѣлалась общимъ достояніемъ среды, изъ которой выходятъ агенты партіи.

Обратной стороною этого крупнаго момента исторіи революціоннаго движенія выставляють то, что 1-ое марта не вызвало народнаго восстанія, не сопровождалось попытками къ инсurreкціи по городамъ и не заставило правительство ни предпринять коренныхъ измѣненій въ экономическомъ и политическомъ строѣ Россіи, ни сдѣлать уступокъ требованіямъ недовольныхъ. Относительно перваго можно положительно сказать, что партія никогда и нигдѣ, ни въ органѣ, ни въ программѣ, ни въ устныхъ разъясненіяхъ ближайшихъ своихъ цѣлей и задачъ, не указывала на царевѣдство, какъ на средство произвести народное восстаніе; это восстаніе могло составлять надежду отдѣльныхъ лицъ, но не расчетъ партіи. Ожиданія инсurreкціи истекли изъ незнанія положенія дѣлъ организаціи, слишкомъ еще молодой для осуществленія подобныхъ попытокъ, и если въ революціонной средѣ были даже недовольные тѣмъ, что ихъ предположенія не сбылись, то это были люди, привыкшіе жать тамъ, гдѣ они не сѣяли: инсurreкція была еще дѣломъ будущаго, требовавшимъ многихъ трудовъ.

Что же касается того, что 1-ое марта не привело къ практическимъ результатамъ, въ смыслѣ экономическаго и политическаго переустройства въ Россіи—то это вполне справедливо. Но, не будучи въ состояніи совершить это переустройство силами революціонными, партія никогда не разсматривала верховную власть въ ея совершенной организаціи, силой, способной искренно взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ; правда, она ждала уступокъ, послабленій, прекращенія реакціи, доли свободы, которая сдѣлала бы существованіе сноснымъ, мирную дѣятельность возможной; въ этомъ она ошиблась, что весьма печально и худо, но худо не для одной революціонной партіи, а и для народа, и для общества, для имущественныхъ классовъ и для бюрократіи, для всего государства и для главы его; худо потому, что влечетъ въ будущемъ новыя катастрофы, новыя политическія и социальныя смуты. Едва-ли въ настоящее время въ Россіи найдется много людей,

которые вѣрили бы въ мирное преуспѣваніе своего отечества и спокойное житіе своего монарха, а если нѣтъ этой вѣры, нѣтъ увѣренности,—то будущее сумрачно и тревожно. Не буду касаться его—въ свое время оно скажетъ свое слово!

Здѣсь необходимо сказать еще нѣсколько словъ о той деморализаціи, которая вносится въ общество приемами борьбы правительства и революціонной партіи. Какъ всякая борьба, стоящая не на почвѣ идейности, а на почвѣ силы, она сопровождается насиліемъ. А насиліе, совершается ли оно надъ мыслью, надъ дѣйствіемъ или жизнью человѣческой, никогда не способствуетъ смягченію нравовъ. Оно вызываетъ ожесточеніе, развиваетъ звѣрскіе инстинкты, возбуждаетъ дурные порывы и побуждаетъ къ вѣроломству; гуманность и великодушіе несовмѣстимы съ нимъ. И въ этомъ смыслѣ правительство и партія, вступившія, что называется, въ рукопашную, конкурируютъ въ развращеніи окружающей среды. Съ одной стороны, партія провозглашаетъ, что всѣ средства хороши въ борьбѣ съ противникомъ, что цѣль оправдываетъ средства; вмѣстѣ съ тѣмъ она создаетъ культъ динамита и револьвера и ореолъ террориста; убійство и эшафотъ пріобрѣтаютъ плѣнительную силу надъ умами молодежи, и чѣмъ она слабѣе нервами, и чѣмъ тяжелѣе жизнь, тѣмъ больше революціонный терроръ приводитъ ее въ экзальтацію: когда жить приходится мало, такъ что результаты идейной работы могутъ быть еще незамѣтны для дѣятеля, является желаніе видѣть какое-нибудь конкретное, осязательное проявленіе своей воли, своихъ силъ—такимъ проявленіемъ пока могъ быть только террористическій фактъ съ его насиліемъ; общество, не видя исхода изъ существующаго положенія, частью сочувствуетъ насиліямъ партіи, частью смотритъ на нихъ, какъ на неизбежное зло, но и въ этомъ случаѣ аплодируетъ отвагѣ или искусству борца, а повтореніе событій вводитъ ихъ въ норму его жизни.

Но мрачная сторона революціонной дѣятельности смягчается солидарностью и братствомъ во внутреннихъ отношеніяхъ единомышленниковъ; кромѣ того, насиліе партіи прикрито знаменемъ блага народа, защиты угнетенныхъ и оскорбленныхъ; окружающіе примиряются съ нимъ за безкорыстіе мотивовъ; оно искупается отреченіемъ отъ матеріальныхъ благъ, неудовлетворенностью революціонера въ личной жизни, которая вся ломается, разъ онъ всталъ на свой опасный путь; оно искупается тюрьмой, ссылкой, каторгой и смертью. Такимъ образомъ, если общество грубѣетъ, привыкая къ насиліямъ революціонной партіи, то оно видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, если не въ ея цѣломъ, то въ отдѣльныхъ представителяхъ ея, образцы самопожертвованія, героизма, людей съ недюжинными гражданскими добродѣтелями. Наряду съ партіей, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, практикуетъ насиліе наше правительство: сковывается мысль, заперщается слово, отнимается свобода и жизнь; административная ссылка—обычная вещь, тюрьмы переполнены; казни считаются десятками. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, на Карѣ практикуются побои, въ центральныхъ тюрьмахъ унижительное обращеніе, по всѣмъ тюрьмамъ грубое насилие, въ домѣ предварительнаго заключенія сѣкутъ Боголюбова и оскорбляютъ стыдливость женщинъ ¹⁾!

Ожесточаются исполнители, озлобляются потерпѣвшіе, ихъ родные, друзья и знакомые; общество привыкаетъ къ униженію человѣческаго достоинства; зрѣлище казней возбуждаетъ кровавѣе толпы. Возмездіе, око за око и зубъ за зубъ—дѣлается девизомъ для всѣхъ. Для предотвращенія государственныхъ опасностей нужна тайная полиція: правительственное золото создаетъ толпу шпионовъ; они вербуются во всѣхъ слояхъ населенія; между ними есть генералы и баронессы, офицеры и адвокаты, журналисты и врачи, студенты и студентки, увы, есть даже гимназистки, дѣвочки 14 лѣтъ, а въ Симферополѣ, въ жандармскомъ управленіи, вовлекаютъ въ шпионство и предлагаютъ денежное вознагражденіе гимназисту-мальчику 11 лѣтъ! Извѣстно, что нѣтъ страсти болѣе сильной и ведущей къ болѣе низкимъ преступленіямъ, какъ страсть къ золоту. Персидское золото заставило вождей Греція продавать свое отечество; 30 сребренниковъ прельстили Іуду Искаріота. Наше правительство широко пользуется корыстолюбіемъ и алчностью человѣческаго рода и извлекаетъ всевозможную пользу изъ могущества золота. «Черная книга» русской монархіи, раскрытая Клѣточникову, навсегда останется грязнымъ пятномъ современныхъ нравовъ. Молодые женщины употребляютъ чары красоты и молодости для вовлеченія и предательства; шпионы являются инициаторами, организаторами и двигателями революціоннаго дѣла; вспомнимъ Рачковскаго въ Петербургѣ, Рейнштейна въ Москвѣ, Забрамскаго въ Кіевѣ. Удачный доносъ, вѣроломнѣйшее предательство, ловкій подвохъ при слѣдствіи, какъ средство вырвать признаніе, созданіе, цѣной благосостоянія десятковъ лицъ, грандіознаго процесса путемъ самыхъ искусственныхъ натяжекъ, — вотъ что даетъ денежную премію или повышеніе по службѣ. Къ этому присоединяется вовлеченіе слабыхъ въ отступничество. Отмѣна наказанія, забвеніе прошлаго, деньги и свобода, все служитъ средствами для обольщенія. Веледницкій, Піотровскій, Курицынъ, Меркуловъ et tutti quanti! Этимъ наносится намъ, революціонерамъ, глубочайшій нравственный ударъ, потому что колеблетъ вѣру въ людей. Не такъ больно попираеть свободу, какъ увидеть передъ собой бывшаго товарища, ради котораго вы были готовы рисковать собой, которому вы довѣряли, котораго вы оберегали и которому оказывали всевозможныя братскія услуги, рядомъ съ жандармомъ, чтобы задержать васъ и выслушать отъ него ничинескія слова Меркулова: «Что? не ожидали?!» — вотъ что можетъ вырвать рыданье.

Я не отрицаю, что все это совершается въ видахъ законнаго правосудія и въ видахъ спасенія отечества, или того по-

¹⁾ Обнаженіе до-нага, въ присутствіи 8-хъ мужчинъ, Малиновской, Колѣиной, Евгеніи Фигнеръ и осммотръ ихъ.

рядка, въ которомъ хотять сохранить это отечество. Но кто же будетъ отрицать все глубокое паденіе человѣческой личности, выражаемое этими фактами? Но настоящая нравственная язва распространяется и другимъ, еще болѣе губительнымъ путемъ: наши ряды хотять разстроить возбужденіемъ недовѣрія другъ къ другу; шпіонскія продѣлки и полицейскія штуки стараются набросать тѣнь подозрѣнія на нѣкоторыхъ товарищей, идущихъ съ нами рука объ руку; необдуманность и неосторожность однихъ, случайныя стеченія обстоятельствъ, подстроенныхъ рукою сыщика противъ другихъ, служатъ средствомъ заронить въ революціонномъ товариществѣ мрачную мысль о продажности и предательствѣ его членовъ; политика состоитъ въ томъ, чтобъ создать положеніе, когда братъ восстанетъ на брата. И въ самомъ дѣлѣ, мы не далеки отъ того времени, когда наши руки будутъ обогреты кровью, быть можетъ столь-же невинной, какъ кровь Иванова, пролитая Нечаевымъ.

Я лично, въ послѣдніе два года, испытывала три случая, когда я была на краю преступленія. Одною я рѣшилась отравить собственноручно, потому что я ввела его въ партію, — всѣ были убѣждены, что этотъ человѣкъ шпіонъ, и еслибъ не развѣснилось, къ счастью, главнѣйшее обстоятельство, бывшее уликой противъ него, — онъ бы погибъ: онъ былъ невиненъ! Въ другой разъ друзья изъ-за стѣнъ тюрьмы завѣщали мнѣ раздѣлаться съ личностью, которую они называли причиной своей гибели. Эта личность была приведена въ соприкосновеніе съ партіей мной-же; я вѣрила въ ея честность и искренность, я поддерживала ее всѣмъ, чѣмъ могла; какъ личность молодую, нуждающуюся въ тепломъ отношеніи, я поручила ее моему лучшему другу, — и мнѣ указали на нее, какъ на предателя, заслужившаго удара кинжала! Я знаю юношу, такъ опутаннаго шпіонскими махинаціями, что онъ явился измѣнникомъ въ глазахъ всѣхъ, онъ былъ близокъ къ самоубійству, въ отчаяніи отъ павшаго на него подозрѣнія; люди, знавшіе его лично, вѣрили въ его невинность, но на вопросъ, обращенный ко мнѣ, можно ли продолжать съ нимъ дѣловыя отношенія, я отвѣчала, должна была отвѣтить: нѣтъ. — Такъ создается положеніе, когда становится положительно «страшно за человѣка». И если мы, люди, примкнувшіе къ движенію десять лѣтъ тому назадъ, воспитавшіеся на чистыхъ принципахъ социализма, приготовлявшіе себя къ мирной пропагандѣ, прошедшіе школу аскетизма и личной нравственности, заслуживаемъ отъ правительства имя злодѣевъ, то люди, которыхъ оно воспитываетъ при условіяхъ 80 годовъ, будутъ демонами!

Періодъ времени съ мая по октябрь 81 года я прожила въ разныхъ мѣстахъ юга, частью въ Одессѣ. Въ октябрѣ я была приглашена исполнительнымъ комитетомъ въ Москву для совѣщаній по поводу измѣненія плана организаціи для Петербурга, сообразно тѣмъ новымъ условіямъ, среди которыхъ приходилось

дѣйствовать тамъ послѣ событій 1-го марта; вмѣстѣ съ тѣмъ, кому. — хотѣлъ выслушать мнѣнія агентовъ о программѣ новаго отдѣла дѣятельности, новой отрасли организаціи, основаніе которой въ то время было задумано комитетомъ.

Тогда же я передала комитету многочисленныя жалобы на Стрѣльникова, какъ со стороны заключенныхъ, такъ и со стороны ихъ родственниковъ. Эти жалобы касались главнымъ образомъ его обращенія съ тѣми и другими и раздавались одинаково, какъ въ Одессѣ, такъ и въ Кіевѣ. Принявъ оговоръ лицъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію, за лучшее средство къ искорененію крамолы, Стрѣльниковъ практиковалъ массовые обыски и аресты; онъ производилъ настоящія опустошенія, захватывая людей, совсѣмъ непричастныхъ къ революціонной дѣятельности и имѣвшихъ самое пустое отношеніе къ лицамъ, ихъ оговаривавшимъ. Это дѣлалось совершенно систематически, по правилу, которое генераль формулировалъ такъ: «лучше захватить девять невинныхъ, чѣмъ упустить одного виновнаго». Захваченнымъ представлялись самыя тяжкія обвиненія, въ тайномъ сообществѣ, въ покушеніяхъ на жизнь разныхъ официальныхъ лицъ и т. п., и всѣмъ, поголовно, обѣщалось «познакомить поближе съ Фроловымъ»; другимъ объявлялось напрямикъ, что ихъ не выпустятъ изъ тюрьмы, пока они не покажутъ того-то или не подтвердятъ требуемаго. Когда арестованные отказывались давать показанія, то гнѣву Стрѣльникова не было предѣловъ; онъ положительно кричалъ на нихъ и заявлялъ: «на колѣняхъ потомъ будете просить, чтобъ я позволилъ дать показанія, — и я не позволю!». Рассказывали, какъ фактъ достовѣрный, что въ Кіевѣ онъ схватилъ за горло рабочаго Пироженкова на допросѣ, въ присутствіи товарища прокурора Кочукова. Послѣ попытки Урусова къ бѣгству, Стрѣльниковъ обратился къ конвойнымъ съ вопросами: «Что-же, вы его убили?»—«Нѣтъ».—«А били?»—«Нѣтъ».—«Очень плохо сдѣлали», заявилъ генераль. О лицахъ, еще непопавшихъ въ его руки, онъ выражался не иначе, какъ такимъ образомъ: «Какъ бы мнѣ мерзавца такого-то поймать!» На ряду съ обвиняемыми всячески застрашивались родственники. «Вашъ сынъ будетъ повѣшенъ!» было обычнымъ отвѣтомъ на мольбы матерей. Свиданья разрѣшались съ трудомъ, какъ будто дѣло шло, дѣйствительно, о важныхъ государственныхъ преступникахъ. Отношеніе Стрѣльникова къ евреямъ было возмутительное; такъ, онъ не церемонился говорить родителямъ про арестованныхъ: «евреи блудливы, какъ кошки, и трусливы, какъ зайцы». Другимъ онъ сообщалъ, что думаетъ создать процессъ съ «чесночнымъ запахомъ». Эти и десятки другихъ подобныхъ же проявленій цинизма, недѣлительства сильнаго надъ слабымъ, создали Стрѣльникову репутацію бездушнаго и жестокаго человѣка, добровольно бравшаго на себя роль палача. Я передала комитету общій говоръ и мольбу убрать его съ поста, на которомъ онъ могъ дѣлать столько зла. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщила комитету о томъ вредѣ,

который наносит система дѣйствій Стрѣльникова партіи вообще. Этотъ вредъ заключался въ дискредитированіи ея въ общественномъ мнѣніи вслѣдствіе огульных оговоровъ и запутыванія массы лицъ со стороны людей, терроризированныхъ и деморализованныхъ Стрѣльниковымъ, людей, совсѣмъ не принадлежащихъ къ революціоннымъ дѣятелямъ, но которыхъ общество не имѣетъ возможности отличить отъ нихъ, разъ они привлекаются къ политическому дѣлу. Напоминая комитету предыдущую дѣятельность Стрѣльникова по цѣлому ряду политическихъ процессовъ, въ которыхъ онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобъ смѣшать социалистовъ съ грязью, выставить ихъ предъ обществомъ, какъ шайку уголовныхъ преступниковъ, умышленно прикрывающихъ политическимъ знаменемъ личныя попятныя испорченной натуры, и указывая на ту ненависть къ Стрѣльникову, которую намъ завѣщали наши товарищи, начиная съ Осинскаго и кончая Поповымъ, я настоятельно предлагала поставить на очередь вопросъ объ убійствѣ Стрѣльникова. вмѣстѣ съ тѣмъ я указывала на Одессу, какъ пунктъ, гдѣ легко могли быть собраны всѣ необходимыя о его жизни свѣдѣнія, и самый фактъ совершенья съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ у него семья и масса знакомыхъ, и гдѣ онъ долженъ быть болѣе на сторожѣ въ силу своей давней извѣстности тамъ и многочисленныхъ указаній, которыя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ о различныхъ проектахъ покушеній на его жизнь. Мое предложеніе было принято, и участь Стрѣльникова рѣшена. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ согласился, что Одесса представляетъ шансы болѣе благоприятныя, чѣмъ Кіевъ, то необходимо было тотчасъ же послать туда человѣка, который собралъ бы весь матеріалъ, необходимый для приведенія въ исполненіе задуманнаго.

Такимъ человѣкомъ всего удобнѣе было явиться мнѣ, какъ знакомой съ Одессой и съ нѣкоторыми лицами, которыя могли въ той или иной формѣ помочь изученію всѣхъ условій жизни Стрѣльникова. Съ этой цѣлью комитетъ и отправилъ меня въ Одессу съ тѣмъ, чтобъ, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я дала знать о высылкѣ исполнителей. Я воротилась въ Одессу въ началѣ декабря и черезъ двѣ недѣли сообщила на сѣверъ, что всѣ данныя о Стрѣльниковѣ находятся въ моихъ рукахъ. Комитетъ выслалъ двухъ человѣкъ, но пріѣхалъ изъ нихъ только одинъ Халтуринъ. Это было 31 декабря. Я передала ему для проверки все, что знала о Стрѣльниковѣ, т.-е. мѣстожительство, часы и условія пріема посѣтителей, время и мѣсто обѣда, часы прогулки и посѣщенія кавармы № 5, куда онъ ѣздилъ для допросовъ, нѣкоторыя улицы, по которымъ онъ ходилъ, и дома, въ которыхъ онъ бывалъ. Когда мы узнали, что товарищъ Халтуринъ не можетъ пріѣхать, какъ было условлено, мы выписали другого агента, такъ какъ было рѣшено мѣстныхъ людей къ дѣлу не привлекать; но не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ Стрѣльниковъ исчезъ изъ Одессы, уже послѣ того, какъ Халтуринъ

нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ не возвращался, должно быть, съ мѣсяцъ и былъ въ это время, кажется, въ Кіевѣ. Въ виду полной неопредѣленности о времени возвращенія Стрѣльникова, мы рѣшили, чтобъ вызванный нами агентъ воротился на свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что комитетъ писалъ намъ, что высылаетъ намъ человѣка. За это время Халтуринъ выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнья и нѣсколько разъ собирался ѣхать въ Кіевъ, чтобъ тамъ организовать покушеніе; мнѣ стояло много труда уговорить его остаться на мѣстѣ и ждать возвращенія Стрѣльникова вмѣсто того, чтобъ ловить его по Кіеву, среди условій, вполне неизвѣстныхъ. Мы ограничились письмомъ туда, прося удостовѣрить, дѣйствительно ли онъ тамъ, и, въ случаѣ утвердительномъ, изслѣдовать образъ его жизни. Никакихъ извѣстій, однако, мы не получили оттуда.

Между тѣмъ въ началѣ или срединѣ февраля Стрѣльниковъ явился вновь въ Одессу и произвелъ новую очистку, захвативъ сначала 12—16 человѣкъ, а потомъ продолжая аресты вплоть до своей смерти. Въ это время человѣкъ, посланный комитетомъ, уже прибылъ, и вскорѣ мы окончательно остановились на томъ, чтобъ совершить покушеніе во время послѣдობжденной прогулки Стрѣльникова по приморскому бульвару, около 5 часовъ вечера, и приготовить лошадь и кабриолетъ для бѣгства; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ опасенія, что онъ носитъ кольчугу, было рѣшено цѣлѣть ему въ голову и стрѣлять по возможности въ упоръ. Но комитетъ не выслалъ намъ денегъ; впослѣдствіи оказалось, что триста рублей, которые были высланы намъ, не дошли по назначенію. Въ виду арестовъ, которые постоянно происходили вокругъ, и которые могли зацѣпить и кого-нибудь изъ тѣхъ, кто долженъ былъ дѣйствовать, откладывая дѣло было невозможно. Тогда я достала 600 руб. на покупку лошади и экипажа, которые и были переданы мною Халтурину. Дальше мое присутствіе было лишнимъ и могло быть даже вреднымъ, такъ какъ Елену Ивановну Колосову искали по всему городу и шли по моимъ слѣдамъ; это сопровождалось такимъ шумомъ, что лица, меня въ глаза не видавшія, знали и говорили о томъ, что меня ищутъ. Кромѣ того, комитетъ и раньше отправилъ меня въ Одессу на время, со спеціальной цѣлью, которая была уже исполнена. Передъ отъѣздомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ агентъ Желваковъ, который можетъ принять участіе въ дѣлѣ; но я съ Желваковымъ развѣхалась и съ нимъ не видалась. При отъѣздѣ я настоятельно рекомендовала Халтурину поставить лошадь на бульварѣ, близъ городской думы или дворца генераль-губернатора, и онъ, повидимому, соглашался съ доводами въ пользу этого. Я и до сихъ поръ убѣждена, что они имѣли бы всѣ шансы на спасеніе, еслибъ послѣдовали этому совету ¹⁾).

¹⁾ Какъ, вѣроятно, уже удостовѣрено, Халтуринъ жилъ въ Славянской гостиницѣ, на Торговой ул., а потомъ на Нѣжинской д. № 32 (вообще, насколько помню, въ 30 или 40 №), гдѣ я его и посѣщала.

Такъ какъ при дознаніи по дѣлу о тайной типографіи, открытой въ Одессѣ 20 декабря 1882 года, было указано на меня, какъ на лицо, причастное этому дѣлу, то я нахожу возможнымъ пока объяснить слѣдующее: когда, осенью, комитетъ избралъ изъ трехъ южныхъ университетскихъ городовъ Одессу для устройства тайной типографіи, то мнѣ было поручено подобрать лицъ для роли хозяевъ и прислуги. Первая роль мною была предложена Сергѣю Петровичу Дегаеву, съ которымъ я увидѣлась при возвращеніи его съ Кавказа черезъ Харьковъ; онъ долженъ былъ переговорить объ этомъ съ своей женой, относительно которой можно было предполагать, что изъ любви къ нему и нежеланья разстаться съ нимъ, она согласится раздѣлить всякую опасность. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ, для роли прислуги надо было отыскать человѣка, который обладалъ бы здоровьемъ, не боялся никакого труда и отличался особенными свойствами, необходимыми для этой трудной роли и тяжелой жизни. Имѣя все это въ виду, я принялась за розыски сестры Ивана Васильевича Калюжнаго, Маріи Васильевны, о которой я слышала задолго до того отъ знакомыхъ ея брата. Я знала, что она живетъ въ Ахтырѣ, у родныхъ, среди очень тяжелыхъ домашнихъ условій, изъ которыхъ она хотѣла бы вырваться. Когда въ октябрѣ она пріѣхала въ Харьковъ, и я познакомилась съ ней, то мнѣ казалось, что лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: это была честная, въ высшей степени добрая, веселая, здоровая и трудолюбивая дѣвушка, простая по наружности и обращенію. Я часто посѣщала ее и много бесѣдовала съ ней со специальной цѣлью подготовить ее къ рискованному шагу. Когда я предложила ей вопросъ, отдали ли бы она свои силы на специальное дѣло по требованію партіи, и она дала утвердительный отвѣтъ, то я объявила ей, что эти силы могутъ потребоваться въ ближайшемъ будущемъ; а когда все для устройства типографіи было готово, то я сообщила ей, что она нужна для роли прислуги при типографіи. Это было въ 20-хъ числахъ ноября. Тогда же я привела къ ней Сергѣя Петровича Дегаева, отрекомендовала его ей, какъ ея будущаго товарища, а онъ познакомилъ ее со своей женой. Такъ какъ Дегаевы въ тотъ же день, вечеромъ, должны были выѣхать въ Одессу, то я передала имъ тутъ же 600 руб. и два документа для выбора. Калюжная должна была выѣхать нѣсколькими днями позже, чтобъ ко времени ея пріѣзда Дегаевы успѣли нанять квартиру. При полученіи извѣстія объ этомъ я снабдила ее деньгами и паспортомъ, и она уѣхала изъ Харькова. Что касается шрифта, то часть его была взята Дегаевыми при отъѣздѣ, а на другую имъ была вручена квитанція для полученія его на мѣстѣ.

21 февраля 1884 г. мнѣ былъ представленъ обширный политическій доносъ, написанный, какъ мнѣ заявлено, Сергѣемъ Петровичемъ Дегаевымъ во время нахождения его подъ арестомъ въ г. Одессѣ, послѣ открытія тамъ тайной революціонной типографіи, въ декабрѣ 82 г. Подлинность документа удостоверяется,

какъ почеркомъ Дегаева, такъ и содержаніемъ его, указывающимъ, между прочимъ, и на личныя отношенія автора. Сообщенія Дегаева послужили, какъ мнѣ сообщено, исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда обысковъ и арестовъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Николаевѣ среди лицъ военного сословія; изъ арестованныхъ мнѣ названы Крайскій, Апенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ и др., а изъ показаній прочитаны: показаніе Крайскаго, Талапиндова и Маймескулова, удостовѣряющія мое знакомство съ ними, съ Апенбреннеромъ и Буцевичемъ. На поставленный мнѣ послѣ этого вопросъ: какое отношеніе имѣла я къ организаціи военныхъ кружковъ въ Одессѣ и Николаевѣ, я могу объяснить слѣдующее:

Послѣ ареста Исаева въ Петербургѣ въ 81 году въ апрѣлѣ, исполнительный комитетъ предложилъ мнѣ отправиться въ Одессу для веденія мѣстныхъ революціонныхъ дѣлъ и замѣщенія агента комитета, незадолго передъ тѣмъ вызваннаго оттуда. Специальнаго порученія вести пропаганду среди военныхъ на меня возложено не было; для этого долженъ былъ лѣтомъ взять отпускъ и пріѣхать лейтенантъ Сухановъ. Это, конечно, не исключало обязанности пріобрѣтать связи въ войскѣ, что рекомендовалось еще въ первой половинѣ 80 г. въ такъ называемой «Объяснительной запискѣ» исполнительнаго комитета. Поэтому, по пріѣздѣ въ Одессу я воспользовалась первымъ представившимся случаемъ, чтобъ познакомиться съ ротнымъ командиромъ Люблинскаго полка Крайскимъ и офицеромъ Стратановичемъ, посѣщавшими однихъ моихъ знакомыхъ. Они отнеслись ко мнѣ со вниманіемъ и любовью, свойственными военнымъ людямъ по отношенію къ женщинамъ. Мои первоначальные разговоры съ ними имѣли обыкновенный, салонно-литературный характеръ. Позднѣе, когда я узнала, что Крайскому нравится мое общество, я стала видѣться съ нимъ чаще и, послѣ нѣкотораго сближенія, высказывать мои революціонныя взгляды и симпатіи. Вызываемый на откровенность, онъ выражалъ интересъ и сочувствіе идеѣ политической свободы и признавалъ справедливою сущность социализма. Но не это сочувствіе, сформулированное въ общихъ выраженіяхъ и не переступавшее предѣла разговоровъ, внушило мнѣ интересъ къ его личности, а то противорѣчіе, которое я замѣтила. Признавая, что истинное убѣжденіе должно проявляться въ активной дѣятельности, и что пропаганда словомъ составляетъ главнѣйшее орудіе для проведенія какой бы то ни было идеи въ жизнь, онъ находилъ, что дѣйствительна лишь та пропаганда, которая опирается на знаніе, и что его-то ему и не достаетъ. Онъ сожалѣлъ, что не получилъ высшаго образованія, и что попытка поступить въ академію, сдѣланная имъ дважды, встрѣтила отказъ, несмотря на то, что способности позволяли ему надѣяться на успѣхъ. Наряду съ этимъ, повидимому, искреннимъ сѣтованіемъ, меня поразило полное отсутствіе усилій къ развитію своихъ умственныхъ силъ, къ пополненію тѣхъ пробѣловъ,

которые такъ ясно сознавались. Такое положеніе казалось мнѣ неестественнымъ, и я думала, что мое дружеское вмѣшательство поможетъ ему выйти изъ этого безплоднаго стоянія на одномъ мѣстѣ; что онъ или сознается, что не способенъ идти дальше однихъ разговоровъ, или примется за работу надъ собой. Я думала также, что, быть можетъ, онъ слишкомъ добросовѣстно относится къ вопросу о приобрѣтеніи знаній и ставитъ слишкомъ широкія требованія къ самому себѣ. Поэтому, одобряя мысль о необходимости научной подготовки вообще, я проводила взглядъ, что, если человѣкъ самъ не тревожится сомнѣніемъ, не колеблется въ признаніи той или другой истины, а чувствуетъ лишь недостатокъ въ аргументахъ для убѣжденія другихъ, то нѣтъ необходимости сначала погрузиться самому въ теоретическое изученіе, чтобъ явиться потомъ во всеоружіи; можетъ быть средній путь постепеннаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ и параллельной передачи другимъ того, что уже усвоено; это, быть можетъ, даже лучшая школа для самого себя. Этотъ пунктъ, вмѣстѣ съ признаніемъ Крайскаго, что ему невыносимо общество людей, которыхъ онъ считаетъ умственно ниже себя, что я находила аристократичнымъ и эгоистичнымъ, вреднымъ для человѣка, желающаго дѣйствовать на другихъ, составлялъ, мнѣ кажется, самый существенный элементъ моихъ бесѣдъ съ нимъ. Какое значеніе имѣли онѣ для него, для его рѣшеній и образа дѣйствія, я сказать не умѣю; онъ объ этомъ никогда мнѣ не говорилъ, и я не могу приписать себѣ вліянія, котораго, быть можетъ, я не имѣла. Какъ лицо, заинтересованное въ привлеченіи сторонниковъ партіи «Народной Воли», я имѣла желаніе, чтобы онъ сдѣлался однимъ изъ нихъ, и если предполагала какія-либо препятствія къ тому, то старалась устранить ихъ, насколько могла. Если это были не мнимыя препятствія, и если я дѣйствительно способствовала къ ихъ устраненію, то я сочла бы для себя это за честь; но, можетъ статься, что я послужила лишь често механическимъ средствомъ, которое поставило его лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ военной организаціи и могшимъ сдѣлать ему опредѣленное предложеніе относительно практической дѣятельности среди военныхъ.

Такимъ человѣкомъ былъ Буцевичъ, котораго я отрекомендовала Крайскому въ декабрѣ 1881 г., какъ лицо, занимающееся специально военной организаціей и заслуживающее полного довѣрія. Затѣмъ Буцевичъ долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно, по своему усмотрѣнію, принимая, насколько сочтетъ нужнымъ, свѣдѣнія, которыя я была въ состояніи ему дать; мое же дѣло было оставаться въ сторонѣ, такъ какъ я лично къ составу военной организаціи никогда не принадлежала. Чтобы покончить съ Одессой, надо замѣтить, что Стратановичъ съ начала осени былъ командированъ въ Очаковъ, съ другими же офицерами я встрѣчалась болѣе или менѣе случайно, и совершенно затрудняюсь опредѣлять мои отношенія къ нимъ; они, вѣроятно, лучше могутъ

объяснить ихъ. Пропаганда—вещь довольно неуловимая, и я не могу сказать, занималась ли я ею или нѣтъ; быть можетъ, я по своему понимаю ее: если результатъ есть, то я считаю, что это пропаганда; если же сношенія людей не оставляютъ даже временнаго слѣда, то мнѣ кажется, что тутъ было желаніе пропагандировать, а самой пропаганды не было.

Возвращаюсь къ Буцевичу. Я познакомилась съ нимъ въ началѣ 81 г. въ Петербургѣ, у Суханова, который хвалилъ его, какъ дѣятельнаго революціонера и образованнаго человѣка. Послѣ ареста Суханова, разстроившаго его поѣздку на югъ, Буцевичъ былъ командированъ министерствомъ путей сообщенія на инженерныя работы въ Николаевскомъ порту. Въ іюлѣ онъ заѣхалъ въ Одессу по пути въ Николаевъ и привезъ мнѣ письмо, въ которомъ мнѣ предлагали отъ имени исполнительнаго комитета передать Буцевичу свѣдѣнія о военныхъ, которыхъ я знаю, познакомить его съ ними, съ кѣмъ найду полезнымъ для дѣла, и оказать всяческое содѣйствіе къ тому, чтобъ его пребываніе на югѣ было наиболѣе результатно. Я тогда же предложила Буцевичу познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ одесскихъ офицеровъ, но онъ не могъ или не нашелъ нужнымъ остаться въ Одессѣ болѣе одного дня и ограничился тѣмъ, что взялъ у меня рекомендательное письмо къ подполковнику Пражскаго пѣхотнаго полка Мих. Юр. Ашенбреннеръ, обѣщая пріѣхать въ Одессу при возвращеніи съ работъ (что и сдѣлалъ въ декабрѣ). Съ Ашенбреннеромъ я встрѣтилась въ первый разъ въ 80 г., незадолго до отъѣзда моего въ Петербургъ послѣ перваго моего пребыванія въ Одессѣ. Я встала его случайно у одного знакомаго, который до того никогда мнѣ не упоминалъ о немъ. Высказанное Ашенбреннеромъ мнѣніе о безплодности военныхъ переворотовъ въ Испаніи, какъ имѣющихъ въ результатѣ смѣну лицъ, а не измѣненіе сущности общественныхъ отношеній, заставило меня просить дать мнѣ случай увидѣться съ нимъ еще. Но мое знакомство съ нимъ не клеилось: онъ не привыкъ, или не любилъ, повидимому, женскаго общества, или не довѣрялъ мнѣ,—не знаю, только намъ обоимъ, кажется, было скучно другъ съ другомъ. Узнавъ, что онъ думаетъ скоро отправиться въ Петербургъ, я не пропустила случая, чтобы онъ могъ увидаться тамъ съ кѣмъ-либо изъ мужчинъ, и оставила (а можетъ быть прислала—ужъ не помню) адресъ, по которому онъ могъ найти или меня или кого-нибудь изъ моихъ друзей. Во второй пріѣздъ мой въ Одессу въ 81 г. онъ служилъ въ Николаевѣ, но я видѣла его какъ-то при пріѣздѣ въ Одессу, и онъ встрѣтился со мной довольно привѣтливо, запросто. Въ Николаевѣ я была два или три раза, каждый разъ проѣздомъ въ Москву и Харьковъ: первые два раза, чтобъ видѣть Буцевича (одинъ изъ этихъ разовъ онъ былъ въ деревнѣ, и мнѣ кажется, я его не могла видѣть, поэтому—ясно не помню). Каждый разъ я заходила къ Ашенбреннеру, а онъ меня приглашалъ на квартиру своихъ товарищей по полку, о которыхъ мнѣ

было извѣстно, какъ о людяхъ, при которыхъ я могу говорить безъ стѣсненія, какъ думаю. Общій характеръ этихъ посѣщеній обрисованъ Маймескуловымъ вѣрно; подробностей я не помню; революціоннаго значенія въ моихъ глазахъ эти посѣщенія не имѣли; изъ фамилій присутствовавшихъ, которые казались мнѣ дружеской холостой компаніей, я помню фамилію Талапиндова, потому что именно о немъ Апенбреннеръ говорилъ мнѣ, какъ о человѣкѣ, обремененномъ семьей. Дѣловыя сношенія Буцевича велись безъ всякаго моего вмѣшательства, мое содѣйствіе ему ограничивалось для Николаева вышеупомянутымъ письмомъ. Мое знакомство съ Апенбреннеромъ не имѣло, кажется, никакого значенія для него, кромѣ факта посредства. О другихъ какихъ-либо военныхъ я сообщить ничего не имѣю.

В. Фигнеръ.

Кронштадтское возстаніе.

Разсказъ участника.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года я былъ переведенъ изъ Баку въ Кронштадтъ послѣ попытки матросовъ поднять въ Баку возстаніе. Вскорѣ по приѣздѣ я сошелся съ кронштадтскими матросами, членами военно-революціонной организаціи, и не замедлилъ и самъ вступить въ ея ряды.

Организація къ этому времени была уже довольно обширной, охватывающей значительныя массы солдатъ и, особенно, матросовъ.

Согласно устава кронштадтской военно-революціонной организаціи были выбраны ротные и экипажные комитеты, а потомъ гарнизонное собраніе и исполнительный комитетъ. Въ составъ гарнизоннаго собранія входили представители отъ всѣхъ частей гарнизона. Исполнительный комитетъ состоялъ изъ 10-ти членовъ: 5 человекъ отъ с.-д. гарнизоннаго собранія и 5—отъ с.-р. Кромѣ того, съ совѣщательнымъ голосомъ отъ и. к. присутствовали по два человека отъ обѣихъ партій. Исп. комитетъ засѣдалъ почти каждый день, занимаясь выработкой плана и общей подготовкой возстанія. Надо было выяснитъ численность войскъ въ Кронштадтѣ, количество оружія на рукахъ и въ складахъ, количество боевыхъ припасовъ, провіанта и пр.

Кромѣ того, приходилось заниматься и будничной работой: подсчитывали количество распространяемой литературы, распределяли имѣющуюся на рукахъ, устраивали сходки и массовки

Матросы давно уже рвались въ бой и открыто говорили о возстаніи, но, какъ взяться за это дѣло, они не знали. Теперь на помощь намъ пришла правильная организація. Дѣло пошло быстро впередъ. Представители частей по-горло были завалены работой.—«Просто—бѣда!»—жаловались они: «читать прямо некогда! Развѣ что прочтешь одно названіе книжки!» Устраиваешь кружки, собираешь митинги, до поздней ночи просиживаешь въ комитетахъ. Работа кипитъ. А тутъ случай подвертывается—надо протестъ начальству организовать. Снова хлопоты, бѣготня. Тамъ дѣло плохо стоитъ, — стало быть надо приналечь, подогрѣть, открыть глаза малосознательнымъ. Не одни, однако, представители жили въ такой суматохѣ—заволновались всѣ матросы, душой почуя близость великаго дѣла. Словно отыскивали дорогу къ общему счастью. Бодрость, энергія на всѣхъ лицахъ... Душа горѣла — хотѣлось потрудиться... «Ровно вино бродитъ», говорили

матросы. Изъ глубины души поднималась старая затаенная ненависть къ начальству. Въ былыя времена она выливалась въ дикихъ стихійныхъ вспышкахъ. Теперь времена измѣнились. Къ намъ проникъ свѣтъ сознанія, и мы поняли, какъ надо бороться. Продолжая ненавидѣть свое начальство, мы думали уже не о мести, мы загадывали, какъ сломать все старое устройство, чтобы вмѣсто него построить новую, счастливую жизнь, завоевать ее всему народу.

Разумѣется, на виду была все-таки больше наша, матросская жизнь. Не хотѣлось дальше терпѣть надъ собой издѣвательства.—На этомъ мы мало-по-малу крѣпко спѣлись и тѣсной, сплоченной массой стали надвигаться на своего вѣкового врага— начальство.

Жизнь наша была устроена плохо, и мы первымъ дѣломъ стали требовать улучшенія этой жизни. За нами не признавали никакихъ правъ,—ни человѣческихъ, ни солдатскихъ; униженія, оскорбленія, издѣвательства сыпались на наши головы. Мы стали протестовать противъ всякаго насилія и беззаконія. Въ воздухѣ собиралась гроза, неслись грозные слухи о возстаніи. Матросовъ, словно подмѣнили — они и смотрѣть, и говорить стали иначе. Начальство растерялось. Оно видѣло, что сила дружная стоитъ противъ него, что не сломить этой силы, и дѣлало уступку за уступкой.

— Ура! наша беретъ! Небось струхнули, какъ почуяли нашу матросскую силу!—говорили довольные матросы.

Еще дружнѣе и энергичнѣе шла послѣ каждой маленькой побѣды работа. Всѣ видѣли силу единенія, всѣ жили въ непрестанной борьбѣ и каждому хотѣлось быть полезнымъ общему дѣлу. Добились улучшенія пищи, вѣжливаго обращенія, отпусковъ въ городъ по билетамъ не только въ праздничные дни, но и въ будни — по 20 человѣкъ съ сотни (прежде пускали по 10 человѣкъ съ сотни и только въ праздники); добились смѣщенія нѣсколькихъ ротныхъ командировъ и многихъ другихъ улучшеній.

Разъ какъ-то драгуны избили матросовъ съ «Громобоя». Возмущенные, они прибѣжали къ себѣ на крейсеръ, который только что вернулся съ Дальняго Востока и стоялъ въ полномъ вооруженіи въ гавани. Разказали товарищамъ о случившемся. Поднялся шумъ, крики: «Что же это, братцы! Долго-ль еще мы будемъ страдать отъ этихъ тирановъ? Всѣхъ перебить! Отмстимъ за своихъ!»

Немедленно одни стали готовить катера, другіе бросились къ пушкамъ. Спустили 4 дессантныхъ пушки, установили ихъ въ катера и хотѣли двинуться на берегъ. Но тутъ явился командиръ, общаясь съ команданту съ требованіемъ убрать драгунъ. Матросы рѣшили обождать его возвращенія, не отказываясь, однако, отъ своихъ намѣреній. Черезъ четыре часа драгунъ въ Кронштадтѣ не было.

Или—вотъ еще случай.

Однажды на повѣркѣ было объявлено, чтобы 30 человекъ на-завтра явились на панихиду по Чухнинѣ, одѣвшись почище. Запумѣло, загудѣло въ казармахъ. Немедленно было дано знать во всѣ экипажи объ этомъ распоряженіи, снеслись съ партійными организаціями. Въ результатѣ было рѣшено ни подѣ какимъ видомъ на панихиду не идти. На утро экипажные представители объявили начальству о нашемъ рѣшеніи и объяснили причину.

— Для насъ,—говорили они,—смерть Чухнина не печаль, а великая радость. Мы безъ конца благодарны тому смѣльчаку, который освободилъ родину отъ этого изверга рода человѣческаго.

Три часа говорили тогда матросы. Вся накипѣвшая ненависть вылилась въ горячихъ рѣчахъ. Припоминали передъ начальствомъ всѣ душегубства и обманы правительства, всѣ страданія народа отъ старыхъ порядковъ, все, что накопило на сердцѣ, словно чуяли мы, что убійство Чухнина—нашихъ, матросскихъ, рукъ дѣло. Говорили о новыхъ временахъ, временахъ правды и справедливости, одинаковой для всѣхъ, о счастливой долѣ для всего народа.

Начальство видѣло, что мы—сила, и отступило передъ нами, не посмѣвъ даже наказывать говорившихъ.

И много еще было случаевъ въ такомъ родѣ, когда начальство должно было отступить передъ нашей организованностью и единодушіемъ. Даже на самыя темныя головы успѣхи борьбы дѣйствовали хорошо. Всѣ видѣли и понимали, что «сила солому ломить». Довѣріе къ представителямъ частей расло и крѣпло. Вліяніе организаціи шло вширь и вглубь. Страхъ передъ начальствомъ пропадалъ. Однако, мы стали понимать, что эта мелкая борьба съ начальствомъ недостаточна, что необходимо и возможно сдѣлать послѣдній рѣшительный ударъ. Мы хорошо знали, что народъ съ тревогой и надеждой смотритъ въ нашу сторону, въ сторону арміи и флота, мы понимали, что наши пушки и штыки мѣшаютъ ему сокрушить въ конецъ самодержавное правительство. Было обидно и тяжело сознавать это. Само собой, хотѣлось повернуть наше оружіе противъ общаго врага нашего и всего народа...

Таковы были думы и желанія...

Неоднократно матросы поднимали вопросъ о «выступленіи», но, хотя и съ большимъ трудомъ, все же удавалось сдерживать ихъ.

Между тѣмъ, послѣдовалъ разгонъ думы. Настроеніе среди матросовъ сразу повысилось. Возмущеніе, негодованіе, жажда мести за поруганіе представителей цѣлаго народа наполнили сердца. О возстаніи заговорили громче. 18-го іюня пришло извѣстіе о Свеаборгскомъ возстаніи и, конечно, еще болѣе подняло настроеніе. Гроза надвигалась.

— Пора!—говорили матросы,—пора сбросить правительство, захватить власть и передать ее народнымъ представителямъ, чтобы былъ правильный законъ, поставленный самимъ народомъ.

Мы—сыны трудового народа и должны защищать его интересы, а не интересы кучки золотопогонных грабителей, расхищающих народное богатство.

Положеніе дѣлъ становилось серьезнѣе. Приходилось готовиться опредѣленно къ восстанію. Дни и ночи просиживали надъ разработкой подробностей плана восстанія. Спать не приходилось—было не до того...

Въ ночь на 19-ое іюля мы сидѣли въ своемъ экипажѣ и разсуждали: можемъ ли мы и имѣемъ ли право оставаться спокойными, когда вся родина находится въ нестерпимомъ положеніи, когда голодающихъ крестьянъ вмѣсто хлѣба кормятъ пулями и штыками, когда стоишь и плачешь стоитъ надъ землей. Прочли «манифестъ» членовъ думы и революціонныхъ партій и союзовъ къ арміи и флоту. Каждый высказывалъ свое мнѣніе. Мнѣнія сходились: терпѣть дальше не было силы, медлить больше нельзя.

— Какіе же мы сыны народа, если останемся спокойными послѣ разгона думы?! Наше молчаніе, наше спокойствіе поворно, преступно. Оно, вѣдь, ясно покажетъ народнымъ представителямъ, что ихъ воззваніе къ намъ не встрѣтило никакого отклика.

Нѣкоторые товарищи, незнакомые съ нашими планами, замѣчали:

— Конечно, молчать поворно, желанія встать за народъ хоть отбавляй, но гдѣ у насъ сила? гдѣ оружіе?

На это возражали, что не одни мы, матросы, поднимемся. «Съ нами будутъ минеры, саперы, крѣпостники ¹⁾, артиллеристы. Не останутъ енисейцы и доставятъ намъ оружіе». Говорили долго и много. Между прочимъ, возникъ вопросъ: что дѣлать съ офицерами во время восстанія? Всѣ приходили къ единодушному заключенію, что въ живыхъ ихъ оставлять нельзя, уже по одному тому, что они могутъ воспользоваться случайной заминкой, дурно подѣйствовать на матросовъ и забрать ихъ въ руки. Тогда «пиши — пропало». При томъ же всѣ они были для насъ деспотами или «драконами», — какъ ихъ называли матросы. Всѣ они стремились выколотить изъ насъ живую человѣческую душу, заглушить живую мысль. А уже насчетъ искорененія «крамолы» — куда были горазды. Мы перебрали ихъ всѣхъ поодиночкѣ и не нашли ни одного, достойнаго нашего довѣрія и даже простого снисхожденія.

— Всѣ они враги намъ и народу. Не будетъ добра, если оставимъ ихъ въ живыхъ. Мы должны ихъ убивать безъ пощады, — закончилъ свою рѣчь одинъ изъ товарищей.

И съ этимъ нельзя было не согласиться.

Объ этомъ предметѣ еще и раньше у насъ неоднократно поднимались споры съ партійными (с.-р.) интеллигентами. Во всемъ мы сходились съ ними, жили душа въ душу, и только въ этомъ вопросѣ никакъ не могли столковаться. Они настаивали,

¹⁾ 1-й и 2-й Крошшт. крѣп. пѣхотные батальоны.

что офицеровъ нѣтъ нужды убивать, что достаточно ихъ арестовать, чтобы отрѣзать имъ всякую возможность вмѣшаться въ возстаніе. Убивать же они предлагали только въ случаѣ сопротивленія.

— А вдругъ, — говорили они, — вы убьете сочувствующаго или просто хорошаго человѣка? Вѣдь, это скверно было бы. Быть можетъ, онъ перешелъ бы на нашу сторону и принялъ бы на себя командованіе?

Мы, однако, стояли на своемъ, думая, что сочувствующій давно бы уже проявилъ себя добромъ, а не оставался бы вѣрнымъ холопомъ правительства. А если-бы кто изъ нихъ и перешелъ къ намъ, такъ, вѣдь, это было бы сдѣлано изъ страха. Какое ужъ тутъ сочувствіе или содѣйствіе? Чортъ съ нимъ совсѣмъ!

— Еще подложить такую свинью, что не возрадуемся, — замѣчали мы. — Ужъ лучше подальше отъ такихъ союзниковъ. Безъ нихъ обойдемся!..

Наша ночная бесѣда была прервана появленіемъ дежурнаго матроса:

— Егоровъ! — позвалъ онъ меня, — тебя вызываютъ. Иди къ воротамъ!

Съ разгоряченной головой, возбужденный смѣлыми, горячими рѣчами, вышелъ я на дворъ, жадно глотая свѣжій ночной воздухъ. Казалось, все приняло особенный оттѣнокъ, все зажило вмѣстѣ съ нами новой, кипучей жизнью. И странно было видѣть обывателей, въ обычномъ обывательскомъ настроеніи, съ сѣмьячками, высыпавшими на улицы; странно было слышать шутки и остроты караульныхъ матросовъ у воротъ. Это было какъ бы неумѣстно. Душа полна необычайнымъ волненіемъ; казалось, что вотъ-вотъ все измѣнится, наступитъ великая торжественная минута — начало новой жизни. Благоговѣйное чувство передъ близкимъ будущимъ разливалось въ душѣ. Духъ захватывало...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе важности минуты, сознаніе ответственности за великое дѣло всецѣло охватило меня.

Въ такомъ настроеніи я подошелъ къ воротамъ, немного встревоженный неожиданнымъ и позднимъ вызовомъ. За воротами стоялъ вольный товарищъ, блѣдный и, видимо, взволнованный.

— Идемъ погулять, — сказалъ онъ, стараясь говорить весело.

Я перескочилъ черезъ заборъ, предчувствуя, что случилось что-то важное.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я.

— Получена телеграмма. Возставшія суда идутъ въ Кронштадтъ. Соберите скорѣе комитетскихъ, приведите въ обычное мѣсто, — отвѣчалъ товарищъ скороговоркой.

— Значитъ — начинать? — спрашиваю.

— Вѣроятно — да. Обсудимъ — видно будетъ.

Я тотчасъ же вернулся въ экипажъ. Товарищи-матросы окружили меня, разспрашивая тихо, въ чемъ дѣло. Однако, раньше времени тревогу поднимать было нельзя, и я отвѣтилъ, что ничего не случилось.

— Просто пришли за мной — зовут гулять, — успокаивалъ я товарищей.

Затѣмъ я бросился разыскивать представителей, чтобы сообщить имъ полученное извѣстіе и позвать на экстренное совѣщаніе. Пройдя въ другіе экипажи, я вызвалъ, кого нужно было, якобы на ночную пирушку. Благодаря такой хитрости, удалось успокоить товарищей, которые замѣтно волновались. Такое ужъ время было, что относились ко всему тревожно и подозрительно.

Живо собрались экипажные представители, и мы, перебравшись черезъ заборъ на улицу, отправились на конспиративную квартиру. Засѣданіе къ нашему приходу уже началось, несмотря на то, что представителей всѣхъ частей собрать не удалось. Въ виду послѣдняго, собраніе ни къ чему не пришло: рѣшили обождать до утра.

Въ экипажи мы вернулись въ четыре часа и тотчасъ же собрали экипажные комитеты. Сообщили имъ о пришедшей изъ Свеаборга телеграммѣ и предложили на обсужденіе вопросъ: нужно ли выступать? Выяснилось, что дольше ждать не приходится. Настроеніе въ командахъ таково, что каждую минуту можетъ загорѣться пожаръ. Недовольство промедленіемъ увеличивается; сдерживать людей становится труднѣе...

Тревожная была эта ночь!

О снѣ никто и не думалъ. Всѣмъ было ясно, что время ожиданій прошло, что наступило время дѣйствій, такое время, когда отдѣльный человѣкъ уже не въ силахъ остановить событій. Каждый обдумывалъ положеніе дѣла въ своей части, шансы на успѣхъ возстанія.

На другой день, въ 8 часовъ утра, представители всѣхъ частей собрались на гарнизонное собраніе, гдѣ каждый сообщилъ мнѣніе своей части о необходимости возстанія. Большинство представителей сообщало самыя благоприятныя вѣсти. Однако, душа все-таки была не на мѣстѣ. Мы отлично понимали, что однимъ революціоннымъ настроеніемъ не побѣдишь, что нужна еще хорошая постановка дѣла и подготовка людей. А въ этомъ отношеніи дѣло не вездѣ шло хорошо. Безпокоили насъ енисейцы, настроеніе которыхъ въ послѣднее время упало; не блестяще обстояли дѣла и у артиллеристовъ. Сноситься съ ними стали недавно и просто не успѣли поставить организацію на ноги. Большинство артиллеристовъ находилось на фортахъ, почему сношенія съ ними были трудны. Они были почти совсѣмъ оторваны отъ насъ. Кромѣ того, еще одно обстоятельство представляло нѣкоторое затрудненіе: не были доставлены въ Кронштадтъ револьверы, бомбы, гранаты, такъ какъ предполагалось, что возстаніе начнется по указанію организацій, а перевозить заранее эти снаряды не было смысла, вслѣдствіе арестовъ и обысковъ. Все это не было заготовлено.

Собственно при такомъ положеніи вещей трудно было рѣшиться на выступленіе, но, съ другой стороны, нельзя было и откладывать. Телеграмма изъ Свеаборга означала, что возставшія

суда идутъ къ Кронштадту, а разъ это такъ, надо было выступить немедленно, иначе правительство заняло бы форты черносотенными войсками и разстрѣляло бы суда. Конечно, мы не могли допустить, чтобы изъ-за нашей нерѣшительности пострадали наши братья-матросы, ожидавшіе найти въ насъ поддержку, а не предательство. Для всѣхъ дѣло было ясно. Поставили на голосованіе... Всѣ высказались за выступленіе. Оставалось еще разъ повторить планъ возстанія. Были внесены послѣднія поправки. Затѣмъ вновь поднялся вопросъ объ офицерахъ. Предлагалось сдѣлать постановленіе — не убивать ихъ безъ крайней необходимости. Мы возражали противъ такого предложенія, заявляли, что у насъ уже принято другое рѣшеніе, но, въ концѣ-концовъ, чтобы не тратить времени на безплодные споры, согласились дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. На этомъ и закончилось гарнизонное собраніе.

Въ 2 часа дня мы распрощались другъ съ другомъ. Товарищъ Глѣбко, какъ бы предчувствуя свою близкую смерть, обратился къ намъ съ короткой, но сильно сказанной рѣчью.

— Товарищи, — говорилъ онъ, — въ послѣдній разъ, быть можетъ, мы собрались вмѣстѣ. Кто знаетъ, какой конецъ достанется намъ?! На великое дѣло идемъ: добывать счастье всему народу. Умереть за это дѣло — развѣ это не радость, не счастье?! Кто благо народа цѣнитъ выше всего, выше жизни своей, тотъ пусть идетъ съ нами. Трусамъ здѣсь не мѣсто! Товарищи! Великое дѣло беремъ мы на себя — поклянемся же, что выполнимъ его честно!

— Клянемся! — отдалось крутомъ.

Лица у всѣхъ были серьезны и точно свѣтились какимъ-то особымъ свѣтомъ, свѣтомъ воодушевленія.

Послѣ рѣчи Глѣбко, мы еще разъ простились и спѣшно разошлись по своимъ частямъ. Терять времени было нельзя. Каждую минуту надо было употреблять съ пользой, чтобы не упустить чего-нибудь, досмотрѣть за всѣмъ. Весь день прошелъ въ сутоложъ и бѣготнѣ. Дѣло затруднялось тѣмъ, что во что бы то ни стало надо было скрыть отъ врага наши планы и приготовленія. Да и отъ многихъ товарищей приходилось скрываться до поры до времени, такъ какъ они, не привыкшіе къ осторожности, могли проговориться, кому не слѣдуетъ.

Справка у насъ прошла тихо...

Въ 10 часовъ въ свободномъ помѣщеніи было собрано 50 человекъ самыхъ рѣшительныхъ товарищей изъ трехъ экипажей, стоявшихъ на нашемъ дворѣ (11, 16 и 20). Имъ объявили о возстаніи, познакомили съ общимъ планомъ дѣйствій и распредѣлили между ними обязанности. Затѣмъ выбрали предводителя и разошлись по экипажамъ. Каждый представитель собралъ свою команду и сталъ разъяснять, что должно произойти. Что тутъ было!.. Разказать трудно!..

Необыкновенное воодушевленіе охватило всѣхъ матросовъ. Лица загорѣлись рѣшимостью и вѣрой въ побѣду. Все захо-

дело ходуномъ. Одинъ матросъ въ безмѣрномъ восторгѣ воскликнулъ:

— Наконецъ-то заря занимается!.. Скоро наступитъ день!.. Довольно уже ходили мы въ потемкахъ. Не нужны намъ прожекторы. Они освѣщаютъ путь къ гибели!..

— Товарищи, — прервалъ я оратора, — времени остается немного, надо поспѣшить, идемъ переодѣваться!..

Въ одинъ мигъ весь дворъ покрылся матросами въ темныхъ фланелевыхъ «форменкахъ» (рубашкахъ). Пробило 11 часовъ. Настало время дѣйствовать. Назначенные заранее для захвата оружія люди выстроились и во главѣ съ предводителемъ, въ стройномъ порядкѣ двинулись со двора въ канцелярію нашего экипажа. У входа въ пирамидахъ стояли винтовки. Немного поодаль, у денежнаго ящика—часовой, а у окна, съ газетой въ рукахъ, сидѣлъ дежурный офицеръ Стояновскій. Войти въ помѣщеніе и схватить винтовки было дѣломъ одной минуты. Съ винтовкой въ рукахъ я подбѣжалъ къ Стояновскому и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ крикнуть, нанесъ ему нѣсколько штыковыхъ ранъ. Несмотря на раны, онъ подбѣжалъ вплотную къ окну, очевидно, съ намѣреніемъ кричать о помощи, но еще нѣсколько штыковыхъ ударовъ положили его.

Такъ палъ первый изъ встрѣтившихся намъ враговъ.

Пока мы справлялись съ Стояновскимъ, другіе вламывали ящикъ съ патронами и револьверами. Разобравъ патроны, мы по командѣ выстроились и зарядили винтовки. Въ полномъ порядкѣ мы вышли на дворъ, гдѣ къ намъ стали пристраиваться безоружные. Въ это время къ намъ приблизился младшій флагманъ 2-ой дивизіи контръ-адмиралъ Беклемишевъ въ сопровожденіи капитана 1-го ранга Родіонова. Подойдя къ намъ, Беклемишевъ строго спросилъ о причинѣ сборища и приказалъ немедленно разойтись по казармамъ. Не успѣлъ онъ кончить, какъ раздался револьверный выстрѣлъ, и пуля пронзила обоихъ офицеровъ. Родіоновъ повернулся назадъ, а Беклемишевъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію къ корридору II го экипажа. Вслѣдъ имъ обоимъ разомъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которыми Родіоновъ былъ убитъ наповаль, а Беклемишевъ серьезно раненъ. Не дойдя до корридора, онъ повалился.

Между тѣмъ, къ воротамъ подошли матросы 1-й дивизіи. Ворота были заперты на замокъ, ключъ отъ котораго находился у дежурнаго офицера.

За ключемъ, впрочемъ, остановки не было, — одинъ изъ товарищей ломомъ вырвалъ скобу, и ворота, такимъ образомъ, были открыты.

Прибывшіе стали кричать намъ, чтобы мы, не медля, пристраивались къ нимъ. По плану, этого не должно было быть. Мы должны были, захвативъ съ собой машинистовъ, отправиться на катерахъ на форты. Поэтому мы очень удивились новому распоряженію и рѣшили, что первоначальный планъ измѣненъ, такъ

какъ предводитель 1-й дивизіи настойчиво требовалъ подчиненія. Было неудобно ослушаться еще и потому, что пререканія двухъ предводителей дурно бы подѣйствовали на дисциплину.

Я скомандовалъ своему отряду строиться, и мы двинулись за 1-й дивизіей на Широкую улицу, гдѣ и остановились.

— Что-жъ дальше? Зачѣмъ насъ привели сюда?—спрашивали матросы, видя, что на Широкой улицѣ дѣлать намъ рѣшительно нечего, и что мы стоимъ безъ толку.

Видно было, что предводитель 1-й дивизіи растерялся, и самъ хорошо не зналъ, что надо дѣлать. Правда, что растеряться было немудрено: всѣ надежды на получение оружія рухнули, такъ какъ предполагалось, что присоединившіеся енисейцы снабдятъ насъ оружіемъ, а они не только не возстали, но стояли въ полной боевой готовности для усмиренія. Однако, моему отряду надо было выполнить свое дѣло. Я подошелъ къ предводителю первой дивизіи и рѣшительно потребовалъ объясненія его дѣйствій. Онъ, видимо, на что-то рѣшился, такъ какъ сталъ строить свой отрядъ, а намъ приказалъ идти по своему назначенію.

Что мнѣ было дѣлать? Возвращаться назадъ за машинами?—это скверно подѣйствовало на людей. Я рѣшилъ немедленно вести отрядъ дальше. Но у насъ мало было оружія (всего 50 человѣкъ вооруженныхъ), такъ что выполнить свое дѣло было трудно. Я попросилъ помощи у первой дивизіи, но получилъ отказъ, такъ какъ и у нихъ самихъ чувствовался не меньшій недостатокъ оружія.

Мы двинулись къ арсеналу, гдѣ должны были ожидать рабочіе и матросы, но ни тѣхъ, ни другихъ мы не нашли. Рѣшено было оставить арсеналъ и идти къ енисейцамъ, чтобы попытаться поднять ихъ. По пути зашли на электрическую станцію, взяли безъ сопротивленія караулъ (человѣкъ 10 матросовъ) и оставили свой. Въ это время мы всѣ были еще полны вѣры въ побѣду и шли впередъ бодрые, воодушевленные. Подходимъ къ казармамъ енисейскаго полка, видимъ—боевой знакъ (красный фонарь). Приходилось дѣйствовать осторожно, и мы двинулись въ обходъ. Выйдя на эту же улицу съ противоположной стороны, мы замѣтили выстроенныхъ енисейцевъ, которые при нашемъ приближеніи отошли въ уголъ. Мы стали кричать имъ:

— Товарищи! присоединяйтесь къ намъ! Будемъ вмѣстѣ биться за свободу!

Тотчасъ же затрещали по насъ выстрѣлы. Было ясно: передъ нами во всякомъ случаѣ—не союзники. Отстрѣливаясь, мы стали отходить назадъ. Въ то же время съ другой стороны зарокотали пулеметы. Началась непрерывная трескотня; пули, ударяясь въ камни мостовой, съ визгомъ отлетали въ сторону. Плохо, видно, цѣлили. Большого вреда эта пальба намъ не приносила, но все же приходилось круто. Мы пользовались всякимъ прикрытіемъ, занимали дворы, стрѣляли изъ-за заборовъ, прятались за углы зданій, въ канавки. Положеніе наше становилось

сквернымъ: впереди — енисейцы, сбоку — пулеметы, съ тылу подходили тоже енисейцы. А насъ небольшая кучка, и притомъ почти безъ патроновъ.

Дѣло прогорало...

— Куда хочешь, веди насъ! Мы на все готовы!—говорили матросы.

Куда же я могъ повести ихъ, какъ не на вѣрную смерть?!

Идти къ арсеналу не было смысла, такъ какъ, еще подходя къ енисейскимъ казармамъ, мы узнали отъ вольныхъ, что арсеналъ взятъ отрядомъ матросовъ, но что теперь тамъ дѣйствуютъ пулеметы. Пальба оттуда была слышна намъ. А, кромѣ того, мы были отрѣзаны енисейцами отъ центра города. Оставался одинъ выходъ—бѣжать.

— Придется уступить, товарищи!—сказалъ я,—хотя и досадно, но другого выхода нѣтъ.

И мы... бѣжали.

Было горько и обидно. Отчаяніе и неистовая злоба доводила насъ до бѣшенства. Смерть легче перенести, чѣмъ пережить такую минуту. Такъ долго ждали, вѣрили, трудились, всю душу вложили въ дѣло и вдругъ... въ нѣсколько часовъ все рухнуло. Мучительно было сознавать свою безпомощность, невозможность чѣмъ-нибудь поправить дѣло...

Нѣсколько часовъ продолжались поиски бѣжавшихъ. Тысячи были арестованы, и не многимъ удалось спастись, выбравшись изъ этого ада. Но всѣ мы затаили въ себѣ столько злобы, столько гнѣва, что придетъ время, хлынетъ онъ неудержимой волной и снесетъ всю накопившуюся за столѣтія гниль, очистить мѣсто для новой, свѣтлой жизни, полной радости и правды...

Николай Егоровъ ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіе Н. Егоровъ принялъ участіе въ террористической дѣятельности партіи социалистовъ-революціонеровъ, убилъ главнаго военнаго прокурора Павлова и по приговору военнаго суда былъ казненъ.

Редакція и сотрудники «Русской Мысли».

По запросу П. Н. Дурново московскій оберъ-полицеймейстеръ Ковловъ сообщилъ 21 февраля 1886 г. о журналѣ «Русская Мысль» слѣдующія свѣдѣнія:

«Журналъ «Русская Мысль», издаваемый В. М. Лавровымъ, принадлежитъ безусловно къ органамъ тенденціозной печати, поставившей себѣ цѣлью измѣненіе современнаго политическаго порядка путемъ рѣзкой и односторонней критики какъ этого порядка, такъ и всѣхъ мѣръ и распоряженій правительства. За прекращеніемъ изданія журнала «Отечественныя Записки», служившаго, какъ извѣстно, центромъ, группировавшимъ около себя лицъ, литературная дѣятельность которыхъ всегда отличалась антиправительственнымъ направленіемъ, «Русская Мысль» сдѣлалась новымъ революціоннымъ центромъ; въ ея редакціи собрались вновь дѣятели «Отечественныхъ Записокъ», и журналъ, руководимый такимъ крайнимъ радикаломъ, какъ В. А. Гольцевъ, сдѣлался въ высшей степени вреднымъ для спокойствія государства органомъ.

«Официальнымъ редакторомъ-издателемъ журнала состоитъ, какъ было выше упомянуто, потомственный почетный гражданинъ В. М. Лавровъ, но на самомъ дѣлѣ участіе Лаврова въ журналѣ, главнымъ образомъ, заключается въ тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыя онъ даетъ журналу, во всемъ же остальномъ руководятъ Гольцевъ и губернский секретарь Николай Николаевичъ Бахметевъ—фактическіе редакторы журнала. Постоянными сотрудниками журнала состоятъ по большей части лица, политически неблагонадежныя, какъ Шелгуновъ, Пругавинъ, Златовратскій, Харламовъ, Короленко, Глѣбъ Успенскій, Эртель, Герценштейнъ, Н. К. Михайловскій, профессора Ивановъ и Ключевскій и графъ Толстой, литературная дѣятельность котораго за послѣдніе годы приняла крайній антиправительственный характеръ; такъ одно изъ послѣднихъ сочиненій названнаго автора, подъ заглавіемъ «Такъ что же намъ дѣлать?», долженствовавшее появиться на страницахъ журнала «Русская Мысль» и запрещенное цензурой, было отгектографировано по корректурѣ, доставленной Пругавинымъ изъ редакціи «Русской Мысли», въ кружкѣ умершаго инженера Александра Ивановича Александрова, въ квартирѣ Губаревой, и распродалось по 2 р. за экземпляръ между учащеюся молодежью. Такимъ обра-

зомъ «Русская Мысль», при настоящемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ, является въ высшей степени вреднымъ органомъ печати.

«Сообщая о семъ в. п.—ву вслѣдствіе письма отъ 23 сентября 1885 г., № 2221, считаю долгомъ присовокупить, что въ интересахъ спокойствія государства было бы желательно, если представится къ тому возможность, прекращеніе этого вреднаго журнала».

Изъ приложеннаго къ приведенному письму списка сотрудниковъ «Русской Мысли» видно, что подъ гласнымъ надзоромъ состояли: В. А. Гольцевъ, Н. В. Шелгуновъ, А. И. Эртель, Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко, В. Н. Григорьевъ, а подъ негласнымъ наблюденіемъ были В. М. Лавровъ, Н. Н. Бахметевъ, А. С. Пругавинъ, М. Я. Герценштейнъ, П. И. Горбуновъ, Н. Н. Златовратскій, И. Н. Харламовъ, Г. И. Успенскій (съ 1873 г.) и Л. Н. Толстой (съ 11 сентября 1882 г.). Что касается В. О. Ключевского и И. И. Иванюкова, то о нихъ Козловъ сообщалъ, что «ихъ политическая благонадежность сомнительна».

Департаментъ, по даннымъ, сообщеннымъ Козловымъ, навелъ справки въ своихъ дѣлахъ и составилъ слѣдующій любопытный біографическій списокъ наиболѣе крамольныхъ сотрудниковъ журнала:

1. Лавровъ, Вуколь Михайловъ, потомственный почетный гражданинъ. Въ 1878 г. ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему издавать въ Москвѣ подъ редакторствомъ прис. пов. Владиміра Федотова ежемѣсячный литературно-политическій журналъ подъ названіемъ «Русская Дума». Изъ доставленныхъ въ это время о Лавровѣ свѣдѣній усматривалось, что онъ уроженецъ Тульской губ., получивъ домашнее образованіе, женатъ, имѣетъ четырехъ дѣтей и, обладая хорошими матеріальными средствами, ведетъ хлѣбную и масляную торговлю; въ образѣ жизни и поведеніи его ничего предосудительнаго замѣчено не было. Въ виду этихъ свѣдѣній, 6. III отдѣленіе с. Е. И. В. канцеляріи не встрѣтило препятствій къ разрѣшенію Лаврову издавать упомянутый журналъ, но онъ этимъ разрѣшеніемъ не воспользовался вслѣдствіе несогласій, возникшихъ у него съ предполагавшимся редакторомъ Федотовымъ. Затѣмъ въ концѣ 1878 г. Лавровъ снова просилъ о разрѣшеніи ему издавать въ Москвѣ журналъ «Русская Мысль», подъ редакторствомъ кол. секр. Сергія Андреева Юрьева, на что также послѣдовало разрѣшеніе, а въ мартѣ 1881 г. вслѣдствіе ходатайства Лаврова, д-тъ гос. полиціи выразилъ согласіе на утвержденіе его соредакторомъ означеннаго журнала. За короткое время своего существованія въ періодъ 1878—1882 г. журналъ «Русская Мысль» по составу своихъ сотрудниковъ и помѣщеніемъ статей безусловно вреднаго направленія обратилъ на себя вниманіе д-та полиціи, который, отношеніемъ къ московскому 6.-полицейм. отъ 30 апр. 1882 г., за № 1456, сдѣлалъ распоряженіе о подчиненіи Лаврова негласному надзору полиціи. Изъ до-

ставленныхъ въ 1883 г. изъ Парижа свѣдѣній усматривалось, что въ числѣ сотрудниковъ «Русской Мысли» находился извѣстный эмигрантъ Николай Цакни. Въ вѣдомости о лицахъ, состоявшихъ подъ негласнымъ надзоромъ, съ 1 января по 1 августа 1885 г. въ г. Москвѣ, противъ фамиліи Лаврова значится слѣдующая аттестація московскаго оберъ-полицеймейстера: «Сочувствуетъ террору и собираетъ въ пользу его деньги».

2. Бахметевъ, Николай Николаевичъ, губ. секретарь; занимаетъ должность секретаря редакціи журнала «Русская Мысль». По отъѣзду московскаго об.-полицеймейстера отъ 13 іюля 1882 г., за № 4146 Бахметевъ, въ виду близкихъ отношеній къ издателю журнала Лаврову и сотрудникамъ послѣдняго по изданію, извѣстнымъ своимъ противоправительственнымъ направленіемъ, представляется личностью весьма сомнительнаго направленія и, какъ надо предполагать, занимается передачею денегъ политическимъ ссыльнымъ, по уполномочію издателя. Вслѣдствіе сего за Бахметевымъ по распоряженію д-та отъ 25 іюля 1882 г. за № 2212 учрежденъ негласный надзоръ полиціи. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Парижа, сношенія редакціи «Русской Мысли» съ сотрудникомъ сего журнала Николаемъ Цакни велись чрезъ посредство Бахметева. Изъ задержаннаго въ 1884 г. письма извѣстнаго государственнаго преступника Лейбы Дейча къ эмигранту Аксельроду усматривалось, что Дейчъ находился въ сношеніяхъ и денежныхъ обязательствахъ съ Бахметевымъ.

3. Пругавинъ, Александръ Степановъ, род. въ 1852 г., въ Архангельской губ.; б. слушатель Петровской Академіи, имѣетъ братьевъ Николая,—б. студ. С.-Петербургскаго Университета и Виктора,—б. слушателя Петровской Академіи. Состоитъ членомъ Географическаго Общества въ Спб.; средства къ жизни получаетъ отъ литературныхъ занятій. Въ 1869 г. Пругавинъ привлекался къ слѣдствію по нечаевскому дѣлу, причемъ основаніемъ къ привлеченію послужили указанія на то, что проживавшій въ его квартирѣ Флоринскій не разъ имѣлъ свиданія съ Нечаевымъ, и что послѣдній, въ присутствіи его, Пругавина, передавалъ Флоринскому прокламацію «Народная Расправа». По недостаточности уликъ къ обвиненію Пругавина въ знаніи и веденіи о революціонномъ сообществѣ, организованномъ Нечаевымъ, слѣдствіе о немъ было прекращено. Въ 1871 г. Пругавинъ, будучи слушателемъ Петровской Академіи, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ противозаконныхъ сходокъ и литературныхъ вечеровъ, на коихъ читались сочиненія Лассалля, осуждались дѣйствія Правительства и высказывалась необходимость образованія особыхъ кружковъ, съ цѣлью развитія въ учащейся молодежи стремленія къ конституціонному образу правленія. Заподозривъ въ средѣ слушателей Академіи присутствіе полицейскихъ агентовъ, Пругавинъ пригрозилъ, что съ ними будетъ поступлено, какъ со студентомъ Ивановымъ, убитымъ Нечаевымъ. Затѣмъ при производствѣ дознанія по дѣлу объ обна-

руженномъ въ томъ же году въ г. Москвѣ тайномъ политическомъ «Обществѣ самообразованія и практической дѣятельности», было выяснено, что Пругавинъ также принадлежалъ къ названному обществу. При обыскѣ у прикосновенной къ дознанію Екатерины Трофимовой была, между прочимъ, найдена переданная ей Пругавинымъ его рукопись, заключающая въ себѣ разсужденія о мѣрахъ для борьбы съ Монархіей и объ уничтоженіи въ Россіи существующаго образа Правленія, съ цѣлью устройства федеративной республики. Вслѣдствіе сего Пругавинъ въ апрѣлѣ 1871 г. былъ исключенъ изъ Академіи и высланъ подъ надзоръ полиціи на родину въ г. Архангельскъ, гдѣ, не пмѣнивъ своего образа мыслей, онъ принялся распространять либеральныя идеи въ кругу воспитанниковъ мѣстной семинаріи, съ порицаніемъ относясь ко всѣмъ распоряженіямъ духовнаго семинарскаго начальства, раздавая бесплатно крестьянамъ брошюры «О деньгѣхъ» изд. Черкесова, и «Артели рабочихъ для основанія фабрикъ и мастерскихъ», и печатая рѣзкія статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Дальнѣйшее пребываніе Пругавина въ г. Архангельскѣ было признано вреднымъ, и онъ, по распоряженію губернатора, переведенъ былъ въ г. Кемь. За все время пребыванія въ Архангельской губ. Пругавинъ находился въ самыхъ дружныхъ отношеніяхъ съ сосланнымъ въ г. Шенкурскъ Натансономъ. Въ февралѣ 1873 г., Пругавинъ, согласно его ходатайству, былъ переведенъ въ г. Воронежъ. Проживая въ означенномъ городѣ, онъ сблизился съ состоявшими тамъ подъ надзоромъ полиціи бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Серафимомъ Шашковымъ, привлекавшимся къ дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи 4 апрѣля 1866 г., и бывшимъ слушателемъ Петровской Академіи, судившимся по такъ называемому нечаевскому дѣлу, Валентиномъ Ланге. Съ помощью этихъ личностей Пругавинъ сгруппировалъ около себя кружокъ изъ мѣстной молодежи, среди которой сталъ распространять антиправительственныя идеи. По обыску, произведенному въ квартирѣ Пругавина, было найдено хранившееся у него для распространенія значительное число книгъ социалистическаго содержанія, каковыя и были отобраны, а самъ Пругавинъ былъ переведенъ изъ Воронежа въ г. Коротоякъ, той-же губерніи. Въ новомъ мѣстѣ ссылки Пругавинъ не прекратилъ своей вредной дѣятельности; онъ сошелся съ проживавшимъ въ Коротоякѣ подъ надзоромъ полиціи Кузьминымъ и съ помощью послѣдняго организовалъ снова около себя кружокъ, въ составъ коего, между прочимъ, входили: жена непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Софья Троцкая, Александра Троцкая, мѣстные учительницы и др. лица. Въ то же время Пругавинъ не оставлялъ своей переписки съ Шашковымъ и Натансономъ. Содержаніемъ его писемъ къ послѣднему были постоянные запросы о мѣстѣ нахожденія разныхъ сосланныхъ, такъ, напр., Ядринаева и Ушакова, лишенныхъ всѣхъ особыхъ правъ состоянія и высланныхъ

въ 1881 г. въ Архангельскую губ. за участіе въ преступномъ сообществѣ. Въ августѣ 1877 г. Пругавинъ былъ снова переведенъ въ Архангельскую губ., а въ февралѣ 1879 г., вслѣдствіе своего ходатайства, отъ надзора освобожденъ. Лѣтомъ 1883 г. Александръ Пругавинъ прибылъ въ с. Добрыньское Владимірскаго у. и поселился тамъ съ братьями своими Николаемъ и Викторомъ, слушательницею высшихъ женскихъ курсовъ Варварою Бородаевскою и сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» Николаемъ Златовратскимъ, причемъ какъ онъ, такъ и всѣ упомянутыя лица успѣли вскорѣ обратить на себя вниманіе мѣстныхъ властей образомъ своей жизни, стараніемъ избѣгать встрѣчъ съ чинами полиціи, нежеланіемъ получать адресованную на ихъ имя корреспонденцію изъ ближайшаго почтоваго учрежденія, стремленіемъ къ сближенію съ мѣстными крестьянами, принимая съ этою цѣлью участіе въ играхъ деревенской молодежи и т. д. Независимо отъ сего, сомнѣніе въ политической благонадежности Пругавина возбудила представленная имъ въ редакцію журнала «Русская Мысль», но не появившаяся въ печати статья, озаглавленная «Внѣ закона, очерки административной ссылки». Въ означенной статьѣ авторъ называетъ лицъ, подвергнутыхъ административной высылкѣ, «жертвами административнаго произвола». Рисую ихъ гениями и «лучшими сынами Россіи», Пругавинъ, между прочимъ, помѣщаетъ въ очеркѣ такія подробности, которыя несомнѣнно, указываютъ на его обширныя связи съ дѣятелями крамолы и на близкое знакомство съ подпольной литературой. Въ виду изложеннаго за Пругавинымъ, по распоряженію департамента полиціи, отъ 5 марта 1884 г., за № 976 учрежденъ, по мѣсту его жительства, г. Москвѣ, негласный надзоръ полиціи.

4. Герценштейнъ, Михаилъ (Мееръ-Шовель) Яковлевъ: род. въ 1860 г.; бывший студентъ Новороссійскаго Университета, кандидатъ правъ. Имѣетъ отца, проживающаго за границею, мать и сестру Софью, состоящую подъ негласнымъ надзоромъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, проживая за границею, Михаилъ Герценштейнъ вращался среди русскихъ эмигрантовъ, отличаясь крайне нигилистическимъ направленіемъ. 28 мая 1883 г. возвратился въ Россію чрезъ Волоцкій пограничный пунктъ. При досмотрѣ его багажа ничего предосудительнаго найдено не было, за исключеніемъ двухъ книгъ сочиненія Герцена, которыя были у него отобраны и отправлены въ цензурный комитетъ. За нѣмъ по распоряженію департамента полиціи отъ 15 іюля 1883 г. учрежденъ негласный надзоръ полиціи, по его мѣсту жительства г. Одессы. Въ октябрѣ 1884 г. Герценштейнъ выѣхалъ въ г. Москву. Въ апрѣлѣ 1885 г. начальникъ Подольскаго губернскаго жандармскаго управленія увѣдомилъ департаментъ, что при просмотрѣ имъ совершенно секретно нѣкоторыхъ писемъ лицъ политически неблагонадежныхъ, я узналъ, что обвиняемая въ государственномъ преступленіи Клара Левенталь просила родныхъ и знакомыхъ высылать деньги и писать ей по адресу:

«Московско-Рязанскій банкъ, Михаилу Яковлевичу Герценштейнъ», присовокупляя, что по этому адресу можно писать «совершенно откровенно, безъ стѣсненія». Спрошенный объ образъ жизни и дѣятельности Герценштейна, московскій об.-полицеймейстеръ увѣдомилъ, что названный Герценштейнъ, проживая въ г. Москвѣ, служить въ Рязанскомъ банкѣ и занимается адвокатурою. Учрежденное за нимъ наблюденіе установило свиданіе его на станціи Нижегородской ж. д., 10 мая 1885 г., съ государственными преступниками Любовью Чемодановою и Лейбою Дейчемъ, отправленными въ тотъ же день съ партією ссыльныхъ въ Сибирь.

5. Эртель, Александръ Ивановичъ; род. въ 1856 г., въ с. Крыжовъ Задонскаго у. Воронежской губ.; мѣщанинъ г. Воронежа, имѣетъ мать Авдотью Петрову, жену Марью Иванову, рожденную Федотову, дочь 10 лѣтъ и сестру Ольгу; образованіе получилъ домашнее. Зашифрованный адресъ Эртеля найденъ былъ въ письмахъ Шебалина и Макара Васильева. Шебалинъ долженъ былъ его увѣдомить телеграммой о выѣздѣ своемъ изъ Кіева въ условныхъ выраженіяхъ. Вслѣдствіе сего въ апрѣлѣ 1884 г. Эртель былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, заключенъ подъ стражу и привлеченъ къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Дознаніемъ было установлено, что хотя Эртель и оказалъ нѣкоторыя услуги преступной организаціи, но тѣмъ не менѣе данныя имъ на допросѣ чистосердечныя показанія и сдѣланныя имъ указанія на лицъ, коимъ предназначались получаемыя чрезъ его посредство письма, привели къ убѣжденію, что ему могли быть неизвѣстны конспиративный характеръ переписки и преступное направленіе тѣхъ лицъ, коимъ таковая предназначалась. По вespодданнѣйшему докладу обстоятельствъ дѣла, по обвиненію Грекова, Мануйлова и др. въ государственномъ преступленіи, Государь Императоръ, въ 22 день января текущаго года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ разрѣшить означенное дѣло административнымъ порядкомъ, причемъ Эртелю былъ вмѣненъ въ наказаніе предварительный адресъ, съ подчиненіемъ гласному надзору полиціи въ избранномъ мѣстѣ жительства на два года. Эртель избралъ мѣстомъ жительства гор. Тверь. Въ мартъ сего года Эртель обращался съ ходатайствомъ о дозволеніи ему временной отлучки въ Самарскую губ., за лѣтніе мѣсяцы, срокомъ съ 10 мая по 10 августа, для пользованія кумысомъ; просьба эта была признана подлежащею удовольствованію.

6. Горбуновъ, Петръ Ивановичъ, крестьянинъ Симбирской губ. Буинскаго уѣзда; бывшій студентъ Московскаго Университета; женатъ на сестрѣ политическаго ссыльнаго Станислава Михалеви́ча Казми́ръ; въ 1885 г. проживалъ въ г. Симбирскѣ, гдѣ занималъ должность помощника секретаря мѣстнаго окружнаго суда; состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи, который за нимъ учрежденъ вслѣдствіе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 9-го апрѣля 1882 г. за № 1365. Въ 1883 г. Горбуновъ,

проживая въ г. Москвѣ, принадлежалъ къ революціонному кружку, къ коему былъ сопричастенъ и Михаилъ Полнеръ, упоминаемый въ перепискѣ, обнаруженной дознаніемъ о Германѣ Лопатинѣ, и принималъ участіе въ сборѣ денегъ для противоправительственныхъ цѣлей. Выбылъ изъ Москвы въ Симбирскъ одновременно съ отправкою изъ того же города въ Сибирь партіи ссыльныхъ, въ составѣ коей находился и братъ его жены. Негласное наблюдение за Горбуновымъ, во время его нахождения въ г. Москвѣ, дало возможность обнаружить пребываніе въ томъ городѣ по подложнымъ документамъ дочери священника Никитиной и студента Комарнипкаго, которые тогда же и были арестованы.

7. Харламовъ, Иванъ Николаевъ, род. въ 1855 г.; сынъ священника, бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета; существуетъ литературнымъ трудомъ. Проживая въ С.-Петербурѣ, Харламовъ возбудилъ въ 1881 г. подозрѣніе въ принадлежности къ соц.-революціонному кружку. Въ шифрованныхъ запискахъ, обнаруженныхъ у арестованнаго въ Москвѣ дворянина Яковенко, былъ найденъ адресъ Харламова. Пропавденный у него обыскъ, а затѣмъ дознаніе (во время производства коего содержался подъ стражею), не обнаружили данныхъ для обвиненія Харламова въ названномъ преступленіи, вслѣдствіе сего дѣло о немъ производствомъ прекращено—съ учрежденіемъ за нимъ негласнаго надзора. Въ іюлѣ 1885 г. прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ и поселился.

8. Короленко, Владиміръ Галактіоновъ, род. въ 1853 г.; происходитъ изъ дворянъ Волынской губ.; имѣетъ мать вдову надворнаго совѣтника Евву Короленко, двухъ сестеръ, проживающихъ въ С.-Петербурѣ, и братьевъ Юліана и Иллариона. Будучи въ 1876 г. студентомъ Петровской Академіи, Короленко былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и сосланъ, но съ дороги возвращенъ, причѣмъ ему было разрѣшено жить съ семействомъ въ г. Кронштадтѣ. Переѣхавъ лѣтомъ того же года въ С.-Петербургъ, Короленко поступилъ въ Горный Институтъ. Въ маѣ 1879 г. были получены указанія, что братья Илларионъ, Владиміръ и Юліанъ Короленко находятся въ сообществѣ съ главными революціонными дѣятелями и принимаютъ участіе въ отпечатаніи и распространеніи революціонныхъ изданій вольной типографіи. Кромѣ того, имѣлись свѣдѣнія, что братья Короленко намѣревались убить одного изъ секретныхъ агентовъ, но не успѣли привести своего намѣренія въ исполненіе, вслѣдствіе своевременно принятыхъ мѣръ къ охраненію агента отъ грозившей его жизни опасности. Въ виду сего б. временный с.-петербургскій генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ удалить этихъ лицъ изъ столицы, и Владиміръ Короленко въ томъ же маѣ мѣсяцѣ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Вятскую губернію. Въ январѣ 1880 г. Короленко самовольно отлучился съ мѣста жительства, за что былъ предначиненъ (на основаніи высочайшаго повелѣнія 8-го августа 1880 г.) къ высылкѣ въ Восточную Сибирь; но сдѣланное о немъ распоряженіе было отмѣнено б. главнымъ начальникомъ

верховой распорядительной комиссіи и замѣнено высылкою въ Пермскую губернію. Проживая въ Перми, Короленко въ 1881 г. на требованіе начальства принести присягу на вѣрность нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, возразилъ, что, признавая себя жертвою административнаго произвола, который порождаетъ разладъ между законными требованіями и требованіями совѣсти, и руководствуясь въ данномъ случаѣ указаніями своей совѣсти, отказался отъ принятія присяги въ существующей формѣ. Въ виду сего въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 г. Короленко былъ высланъ въ Восточную Сибирь и 24 ноября поселенъ подъ надзоръ полиціи въ Амгинской слободѣ, Якутскаго Округа. Особое совѣщаніе въ засѣданіи 14 мая 1882 г. постановило оставить Короленко подъ надзоромъ полиціи на три года, считая срокъ съ 9 сентября 1881 г. По окончаніи срока гласнаго надзора полиціи въ 1884 г., Короленко былъ отъ такового освобожденъ съ воспрещеніемъ жительства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Проживая въ 1885 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, Короленко былъ арестованъ по подозрѣнію въ преступной перепискѣ съ привлеченною къ дознанію о государственномъ преступленіи Юліей Поносовой, но въ виду того, что авторомъ письма, по изслѣдованію, оказался Владиміръ Бурцевъ—Короленко изъ-подъ стражи былъ освобожденъ. У арестованнаго въ февралѣ сего года Бориса Оржика было отобрано между прочимъ рекомендательное письмо на имя Короленко. Короленко проживаетъ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Въ мартѣ сего года жена его Евдокія Семенова, рожденная Ивановская, вытребовала себѣ изъ канцеляріи нижегородскаго губернатора заграничный паспортъ.

9. И в а н ю к о в ъ, Иванъ Ивановъ, профессоръ политической экономіи въ Петровской Академіи. Обратилъ на себя вниманіе въ мартѣ 1881 г. защитой диссертации подъ заглавіемъ «Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до наступающаго времени», написанной Иванюковымъ для полученія степени доктора политической экономіи и имѣющей предметомъ между прочимъ социальныя вопросы и теоріи. Фамилія его значится въ записной книжкѣ, отобранной у Германа Лопатина.

10. К л ю ч е в с к і й, Василій Осиповъ, профессоръ Московскаго Университета. Свѣдѣній въ дѣлахъ департамента полиціи не имѣется.

Охота за масонами, или похождения ассессора Алексѣева.

I.

Когда греки не въ силахъ были разрѣшить запутаннѣйшаго и сложнѣйшаго дѣйствія трагедіи — они прибѣгали къ помощи божества. Правительственный умъ не всегда могъ осплнить историческаго процесса, результатомъ котораго являлась революція. И тутъ на помощь, какъ неопѣненный кладъ, приходило преданіе о масонствѣ. Масонство—*deus ex machina*. Оно таинственно и неуловимо, оно вездѣуще и всемогуще. Извѣстна роль масонства въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка, извѣстно, что на западѣ масонство не умерло. Почему же не предположить, что оно вліяетъ и у насъ на ходъ нашей политической жизни? Почему не предположить, что все либеральное и социалистическое движеніе создано этой могущественной организаціей? Революціонное движеніе въ Россіи традиціонная правительственная мысль всегда связывала съ еврействомъ. Евреи разсѣяны по всему міру, въ то же время связаны между собою крѣпкой религіозной связью. Такъ и масоны, которые къ тому же интернаціоналисты. Неудивительно появленіе слова «жидомасонъ». Объ этомъ словѣ шептали всѣ правыя газеты. Оно съ завлекающей простотой разъясняло имъ всѣ запутаннѣйшіе ходы жизни и то главное, чего они боялись и отъ чего ждали своего конца—революцію.

«Христіанско-арійской цивилизаціи объявлена беспощадная война,—пишетъ одна изъ прабыхъ газетъ,—организованное масонами международное «сверхъ-правительство» достигло къ началу XX вѣка такого могущества и вліянія, и борьба съ нимъ въ одиночку не по силамъ даже такимъ колоссамъ христіанской государственности, каковыми являются Россія и Германія. Подчинивъ своему вліянію почти всю романскую расу, масоны сосредоточили сейчасъ все свое вниманіе на «обработкѣ» германскихъ и славянскихъ народностей, попутно поддерживая революціонное движеніе и въ магометанскихъ странахъ. Подъ маской борьбы за «свободу» и подъ прикрытіемъ теоріи демократизма, радикализма и социализма, масоны объявили войну христіанской религіи и монархическому принципу, являющимся основами арій-

ско-христіанской цивилизаціи и арійско-христіанской государственности» ¹⁾).

Въ «Русскомъ Знамени» писали: «Человѣчеству угрожаетъ новая опасность... Международный жидовскій санхендринъ, существовавшій до сихъ поръ только тайно, превращается въ явное и всѣми признанное учрежденіе, которое будетъ первымъ шагомъ на пути жидовскаго всемірнаго господства, первымъ признаніемъ всѣми государствами высшей власти жидовства... Страшныя сказки воочію осуществляются жидо-масонствомъ, идущимъ твердо и неуклонно къ тысячелѣтней своей цѣли, т.-е. къ порабощенію всего человѣчества подъ ноги торжествующему жиду и къ превращенію всѣхъ народовъ въ полныхъ и покорныхъ рабовъ народа богоубійцъ и сумасшедшихъ преступниковъ».

Осуществленіе «страшныхъ сказокъ» въ организаціи международнаго трибунала потому что: «силою вещей, жидовское племя, смѣшанное съ другими народами и избираемое ими въ свои представители по незнанію, подкупу или обману, несомнѣнно, получитъ большинство въ «международномъ судилищѣ», большинство это будетъ рѣшать всѣ вопросы не такъ, какъ велитъ общечеловѣческая справедливость, а какъ приказываютъ жидовскія «выгоды»... А между тѣмъ, появится фактическое признаніе жидовскаго санхендрина главнымъ, рѣшающимъ судьей, суперарбитромъ всѣхъ разноплеменныхъ конфликтовъ». Газета больше всего боится, что «безвозвратно будетъ признанъ принципъ главенства гаагскихъ судей надъ правителями и монархами—главенства жидовскаго племени, распоряжающагося въ Гаагѣ судьбами другихъ народовъ».

Масонство козлище отпущенія, но оно и печать проклятія.

Когда пишутъ статью противъ Гермогена, говорятъ, что къ нему присосалась жидомасонская печать. Сторонники масонства провели аннексію Босніи и Герцеговины. Масонство обосновалось во французской арміи; боятся, чтобы оно не проникло въ русскую, и кричатъ: «берегите русскую армію! Масонъ идетъ!»! Публицистъ «Русскаго Знамени» не жалѣетъ красокъ при описаніи «разврата», который внесло масонство въ армію нашей союзницы. Не только радикальныя газеты, но даже «Голосъ Земли», издававшійся въ Петербургѣ, при участіи професс. Озерова, Введенскаго и Ходскаго, считается масонскимъ органомъ. Наконецъ, «назови г. Сазоновъ свою газету «голосомъ англійскихъ масоновъ» или «звономъ масонскаго золота», былъ-бы хоть смыслъ,—говорить «Земщина»; Гучковъ — явный масонъ ²⁾. Вѣстникъ Союза Русскаго Народа» пишетъ: «Англійскіе масоны сокрушенно вздыхаютъ по поводу того, что англійскій король Георгъ V не пожелалъ до сихъ поръ стать масономъ, и утѣшаютъ себя воспоминаніями о покойномъ Эдуардѣ VII, бывшемъ ярымъ масономъ и состоя-

¹⁾ „Каз. Тел.“ 28 мая 1911.

²⁾ „Рус. Знамя“, 11, 25 янв., 8 февр.; „Земщ.“ 18 янв. 1912.

вшемъ въ должности великаго мастера англійскихъ масонскихъ организацій въ продолженіе 26-ти лѣтъ. Сожалѣя о томъ, что ни Вильгельмъ, ни король Георгъ V не принадлежать къ масонству, масонская печать съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что вато братъ германскаго императора принцъ Генрихъ Прусскій состоитъ великимъ мастеромъ германскихъ масонскихъ организацій, а двоюродный братъ короля англійскаго принцъ Артуръ Коннаутскій состоитъ великимъ мастеромъ англійскихъ масоновъ.

Далѣе, коронованными масонами являются, по словамъ масонской печати, принцъ Генрихъ Нидерландскій, король Норвежскій, король Датскій, король Шведскій, король Греческій, король Вюртембергскій и т. д. Германскій императоръ Фридрихъ состоялъ великимъ мастеромъ германскаго масонства въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ своей жизни. Затѣмъ покровителемъ германскихъ масоновъ состоялъ братъ императора принцъ Леопольдъ Прусскій. Онъ былъ избранъ въ 1894 году великимъ мастеромъ англійскаго масонства. Въ заключеніе отмѣтимъ, что всѣ президенты Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, начиная съ Георга Вашингтона и кончая Рузвельтомъ и Тафтомъ, были масонами. Исключеніе составилъ только одинъ президентъ Джонъ-Адамсъ, осмыслившій преступную сущность масонства и воздвигнувшій противъ американскихъ масоновъ грозныя гоненія. За это Адамсъ лишился поста президента и.... «скоропостижно умеръ». Въ теперешнемъ американскомъ сенатѣ имѣется 87 процентовъ сенаторовъ-масоновъ, а въ нижней американской законодательной палатѣ числится 80 процентовъ масоновъ» ¹⁾.

Другая газета союва русскаго народа рассказываетъ, будто «во время преній въ палатѣ объ уничтоженіи церкви, большая часть депутатовъ, даже соціалистовъ, не соглашалась «на одну» статью. Жоресъ, Клемансо, Вивіани, Брианъ, Аллеманъ съ Бриссономъ во главѣ (наши Гегечкорн, Преображенскій, Маклаковъ съ Милюковымъ) яростно, но тщетно настаивали на этой «свирѣпой статьѣ». Дѣло было бы проиграно, ибо всѣ спорили, кричали и не уступали ни за что. Но вдругъ... произошло нѣчто необыкновенное. Бриссонъ сорвался съ мѣста. Его длинныя, большія руки поднялись. Быстро зашевелились пальцы, воспроизводя въ воздухѣ надъ гудѣвшимъ собраніемъ, точно угрожая ему, странные кабалистическіе знаки. Палата на мгновеніе замерла... Многія лица поблѣднѣли. Многія головы поникли». (Курс.подлинн.). Знаки эти былъ масонскій *signe de détresse*—призывъ на помощь въ крайности. Шумъ затихъ, законъ былъ принятъ! Эти заговорщики, собирающіеся въ подземельяхъ и исполняющіе разныя таинственныя приказанія главъ, отлично дисциплинированы, и масонъ скорѣе умретъ, чѣмъ послушается «знака» ²⁾.

¹⁾ „Вѣст. Союза Рус. Нар.“ 24 нояб. 1911.

²⁾ „Рус. Статъ“ 18 янв. 1909.

Кто знает манеру покойнаго президента палаты широкими жестами умирать страсти, тотъ невольно улыбнется хитрымъ заподозрѣваніямъ черносотеннаго писателя. Очевидно, и они, порою, бывали не чужды своеобразной «романтики»!

Отъ франкъ-масонства — «неправедный судъ», вырожденіе французской націи отъ проведенія его въ жизнь неомальтузіанскихъ идей. Связь португальскихъ и турецкихъ революціонеровъ съ масонами была подхвачена съ радостью. «Современная Португалія представляетъ печальное и поучительное зрѣлище страны, въ которой масоны захватили, наконецъ, полную, неограниченную власть». Благодаря имъ: «Церкви начинаютъ закрываться». Страдаютъ не только духовныя блага: «Масонское хозяйничанье совсѣмъ не способствовало экономическому подъему Португаліи»; «Масонское правительство допускаетъ на государственныя должности только масоновъ». Такъ стращаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» ¹⁾.

Какіе факты были у черносотенныхъ газетъ относительно распространенія масонства въ Россіи? Н. Краніевъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ», а Бутми въ «Земщинѣ» подробно описывали масонство начала прошлаго вѣка, прибѣгая къ солиднымъ источникамъ. Конецъ обстоятельной статьи Бутми сообщаетъ: «Въ началѣ 1909 года въ англійской статьѣ сообщалось о торжественномъ восстановленіи въ Петербургѣ великой ложи Астрея, въ составъ которой вошли многія высокопоставленныя лица, члены государственнаго совѣта и государственной думы (изъ коихъ далеко не всѣ принадлежатъ къ кадетской партіи) ²⁾. «Вѣче» доноситъ: «Кедринъ протеръ свою іезуитскую откровенность до признанія, что онъ принадлежитъ къ одной изъ масонскихъ ложъ, но только заграничныхъ» ³⁾. «Виленскій Вѣстникъ», упомянувъ, что «Союзъ Освобожденія» состоялъ въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ масонскими ложами Франціи, пишетъ: «Для любознательнаго наблюдателя на фонѣ повседневной жизни вырисовываются факты, несомнѣнно указывающіе, съ одной стороны, на попытки возродить у насъ погасшее вмѣстѣ съ усмиреніемъ декабристовъ масонство, съ другой — на то, что эти попытки приносятъ извѣстные результаты. Въ Москвѣ съ 1-го января 1908 г. П. Чистяковъ сталъ издавать «двухмѣсячный» журналъ «Русскій франкъ-масонъ» («Свободный каменщикъ»). Журналъ этотъ, какъ значилось въ его программѣ, посвящался «всѣмъ ищущимъ справедливаго іоаническаго масонства въ первыхъ трехъ степеняхъ его (ученикъ, подмастеръ или товарищъ и мастеръ)... Въ концѣ 1908 г., одновременно съ прекращеніемъ изданія журнала «Русскій франкъ-масонъ», въ издававшемся тѣмъ же Чистяковымъ еженедѣльнымъ журналѣ «Ребусъ», посвященномъ спиритизму и оккультнымъ наукамъ, появилось сообщеніе о томъ, что

¹⁾ «Спб. Вѣд.» 18 янв. 1912.

²⁾ «М. В.» 10 апр., «Зем.» 18 янв. 1912.

³⁾ «Вѣче», 16 дек. 1908.

при редакціи «Ребуса» предполагается организовать кружокъ лицъ, интересующихся масонствомъ, съ цѣлью его теоретическаго и практическаго изученія. П. Чистяковъ предполагалъ легализовать этотъ кружокъ въ порядкѣ закона 4 марта 1906 г. объ обществахъ и союзахъ, но, встрѣтивъ отрицательное отношеніе къ своей затѣѣ со стороны мѣстной власти, рѣшилъ, какъ онъ заявиль, «обождать». Кружокъ этотъ, тѣмъ не менѣе, образовался. Въ мартѣ 1910 г. въ Петербургѣ въ залѣ Тенишевскаго училища В. Филатовъ въ публичной лекціи распинался за «высокій духовно-нравственный и глубоко-религіозный» характеръ масонскихъ идей, въ то время, какъ конвентъ 1886 г. «Великаго Востока» Франціи совершенно изгналъ изъ обращенія даже обычную формулу масонъ: «Во славу Великаго Зодчаго вселенной». О политической роли масонства лекторъ не обмолвился ни словомъ. Г-жа Овчинникова-Архангельская въ своей публичной лекціи, прочитанной тамъ же въ декабрѣ 1910 г., была болѣе откровенна. Отъ нея мы услышали, что масонство представляетъ собою социальную силу, которая всегда стремилась къ «освобожденію человѣчества отъ узъ»; что она подготовила великую французскую и другія европейскія революціи; что Мирабо, Дантонъ и другіе дѣятели революціи были членами масонскихъ ложъ и т. п. «Масонство давно уже стучится въ дверь Россіи»,—воскликала г-жа Овчинникова-Архангельская въ концѣ своей лекціи,—и мы надѣемся, что, наконецъ, дождемся легализаціи, такъ какъ Россія страна конституціонная, въ которой должна быть допущена свобода совѣсти, слова, печати и собраній»...

Всѣ эти выступленія убѣдительно говорятъ о томъ, что масоны изъ всей силы стремятся приобщить Россію къ «благамъ» масонства. Кто хоть поверхностно знакомъ съ иностранной масонской литературой, тотъ знаетъ, что эти стремленія уже принесли осязательные результаты. Многіе наши видные общественные дѣятели состоятъ членами французскихъ масонскихъ ложъ, указавъ которыхъ надо приписать многія ихъ выступленія и поступки. Итакъ, масоны дружнымъ походомъ идутъ на Россію¹⁾.

Въ «Русской Землѣ» какой-то досужій «историкъ русской литературы» доказываетъ, на примѣрахъ словесности, что «среди нашей интеллигенціи существовалъ и заговоръ и тонко обдуманый планъ». Оказывается, Горькій, «человѣкъ очень освѣдомленный», предсказалъ въ «На днѣ» всеобщую забастовку, а въ Буревѣстникѣ 1905 г. Чеховъ увѣренно говорилъ о конституціи въ Россіи. Десять лѣтъ до нея, еще въ девяностыхъ годахъ, литература выводила ссыльныхъ положительными типами, художественный театръ показывалъ, какъ «рѣжутъ Цезаря», Шалапинъ пѣлъ «Короля и блоху» и т. п., затѣмъ персидская и турецкая революція..... «Однородныя явленія вызываются однородными же причинами. И если въ разныхъ государствахъ народамъ навязыв-

¹⁾ „Вѣст“. 28 янв. 1912.

ваютъ совершенно чуждый имъ политическій строй, то надо искать общей причины, а не совпаденій. И вотъ этой общей причиной является настойчивая упорная работа масоновъ, направляемая умѣлой рукой изъ одного центра» ¹⁾. Таковы мудрыя заключенія «историка». Это не удивительно. «Колоколъ» объясняетъ, что парнографія Каменскаго также имѣетъ своимъ источникомъ жидомасонство ²⁾. Съ этими вседержителями связываютъ даже секту маріавитовъ.

Остроумный фельетонистъ «Новаго Времени» вспоминаетъ героя Тургенева, принадлежность котораго къ масонству опредѣлялась длиннымъ ногтемъ на мизинцѣ. «Въ Петербургѣ оказался живой франкъ-масонъ. Господинъ Кедринъ заявилъ интервьюеру о своей высокой третьей степени «мастера», полученной имъ въ нѣкоей парижской ложѣ»,—пишетъ «Никъ Никэ» и добавляетъ,— «Что же такое современное масонство во Франціи, съ его рыцарскими степенями, лентами, орденами, патентами, восхожденіемъ по градусамъ? Весьма нѣчто похожее на русскую бюрократію съ ея табелями о рангахъ, построенными на дважды семичисломъ числѣ, со многими степенями рыцарскихъ орденовъ... Нравственный и умственный складъ нашего чиновничества—совершенно масонскій: то же чинопочитаніе, послушаніе, высокій даръ молчанія, храненіе «королевскаго секрета», равнодушіе къ религіознымъ и національнымъ отличіямъ, братскій космополитизмъ въ своей средѣ»..... Перебравъ другія черты сходства, авторъ говоритъ: «Право, французскіе масоны и г. Кедринъ не болѣе таинственны чѣмъ наши мастера табели о рангахъ» ³⁾. «Кіевская Мысль» въ статьѣ «Фармазоны» указала, что «довольно усиленную агитацію въ пользу масонскихъ ложъ повелѣть было старикъ Суворинъ», паника передъ фармазономъ—паника невѣжества. Азовъ въ «Рѣчи» издѣвается надъ ней: «Говорятъ, масонами заинтересовался и занялся вплотную самъ г. Курловъ, но и у него ничего изъ этого занятія не вышло, кромѣ докладной записки. Говорятъ еще, что г. Курловымъ былъ составленъ списокъ выдающихся масоновъ. Ну, что-же, «чкнись на укупи», какъ говоритъ одинъ изъ персонажей Успенскаго. Истинно-русскіе люди «чкнулись» было уязвить С. Ю. Витте, котораго они почитаютъ чѣмъ то вродѣ масонскаго папы, но изъ этого ровно ничего не могло выйти. Самое скверное во всемъ этомъ дѣлѣ то, что никто не можетъ объяснить, въ чемъ, собственно, виноваты масоны... Это что-то вродѣ буки, котораго взрослые выдумали для дѣтей. Вотъ придетъ бука и заберетъ шалуна. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Вѣрятъ ли шалунъ въ существованіе буки? Вѣрятъ ли истинно-русскіе люди въ существованіе масоновъ? Если не вѣрятъ, хорошо притворяются. Не отпущать ли чего дополнительно на борьбу съ масонами?» На одной газетной вырѣзкѣ изъ «Русскаго

¹⁾ „Р. Зем.“ 10 янв. 1909.

²⁾ „Кол.“ 15 дек. 1911.

³⁾ „Нов. Вр.“ 28 нояб. 1908.

Знамени», хранившейся въ департаментѣ полиціи, со статьей, сравнительно менѣе интересной, но принадлежавшей, очевидно, Дубровину, жандармскій знатокъ масонства Мецъ написалъ: «10 октября 1908 г. я разговаривалъ съ А. И. Дубровинымъ лично по поводу этой замѣтки, причемъ онъ сказалъ, что д-ту полиціи больше никакихъ свѣдѣній о масонствѣ давать не будетъ потому, что сообщенія его, переданныя конфиденціально М. Т., были извѣстны въ масонскихъ группахъ на слѣдующій же день. Мецъ». Въ статьѣ—доносъ на Катловкера, Табурно и октябристовъ, Кедрина. А кромѣ того—стишки:

«Въ половинѣ октября,
Адскимъ пламенемъ горя,
Чеснокомъ благоухая
И селедкой рыгая,
Препоганѣйшая мразь
Въ Петербургѣ родилась»...

Немудрено, что всѣ эти вопли заставили департаментъ полиціи приступить къ разслѣдованію таинственного преступнаго сообщества. Было создано «дѣло» о масонствѣ. Придуманное для развязки дѣйствія божество устрало самихъ режиссеровъ театра. Они забыли про машины, которыми приводилось это божество въ дѣйствіе, и рѣшили, что избавиться отъ него можно только изучивши его природу. Изученіе рѣшили вести на научномъ основаніи. Для этого то и былъ приглашенъ нѣкій Алексѣевъ, съ глубокомысленными похожденіями коего намъ и предстоитъ познакомиться.

II.

Докладная записка, составленная въ деп. пол., слѣдующимъ образомъ описываетъ исторію дѣла: «Во исполненіе возложеннаго порученія, коллежскій ассессоръ Алексѣевъ 7-го минувшаго октября (1910 года) выѣхалъ въ гор. Берлинъ, центръ всемірнаго израильскаго союза, дѣятельность котораго находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью масонства. Возобновивъ старыя связи съ литературнымъ міромъ Берлина (кол. ассесс. Алексѣевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ слушалъ лекціи въ мѣстномъ университетѣ), онъ сталъ подыскивать среди нихъ лицъ, могущихъ принести пользу при изученіи интересующаго вопроса. Выборъ остановился на одномъ изъ нихъ, профессія коего Schriftsteller, писатель, исполняющій всякаго рода заказы: ученые трактаты, брошюры, доклады и т. п., по извѣстной, всегда крайне широкой специальности. Данное лицо всегда очень много писало о политической и экономической жизни Германіи и Россіи, и многіе его труды, подписанные заказчикомъ, стяжали послѣднему немалую извѣстность.

Работая въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ на литературномъ поприщѣ, онъ приобрѣлъ большую эрудицію, въ особенности по

вопросу объ еврействѣ. Въ виду сего, К. А. Алексѣевъ поручилъ ему собрать нужные матеріалы и свѣдѣнія и составить компактный трудъ относительно всемірнаго израильскаго союза и его дѣятельности. Указанная работа обнимаетъ листовъ 70—80, обойдется въ 500—600 руб. «Сдѣлавъ это дѣло» Алексѣевъ выѣхалъ въ Брюссель, чтобы повидать тамъ брата Пирлинга, къ которому онъ, согласно приказанію, обратился отъ имени великаго князя Александра Михайловича. Аббатъ, прекрасно говорящій по-русски, принялъ его очень любезно и радушно, указалъ на то, что единственнымъ пособникомъ въ ознакомленіи съ масонствомъ можетъ быть лишь Association Antimaçonniqne и снабдилъ рекомендательнымъ письмомъ къ секретарю названнаго общества аббату Турмантенъ (J. Tourmantin).

Затѣмъ Алексѣевъ отправился въ Парижъ. Тов. министра вн. дѣлъ Курловъ телеграфировалъ объ этомъ завѣдывающему заграничной агентурой: «Благоволите оказывать полное содѣйствіе командированному за границу для изученія масонскаго вопроса Алексѣеву. Случаѣ надобности снабжать его деньгами. Одновременно симъ переводится ваше имя выдача ему тысяча рублей». Доклады Алексѣева объ его научной дѣятельности очень любопытны:

Въ своей запискѣ № 1 отъ 22 октября—5 ноября 1910 г. кол. ассесс. Б. К. Алексѣевъ почтительнѣйше доноситъ генералу Курлову нижеслѣдующее:

«Я пріѣхалъ въ Парижъ 14/27 октября и немедленно же началъ попытки ознакомленія съ дѣятельностью Великаго Востока Франціи, поскольку дѣятельность эта касается Россіи. Съ первыхъ же шаговъ мнѣ стало ясно, что проникнуть въ замыслы здѣшняго масонства еще труднѣе, чѣмъ я предполагалъ. Я сильно рассчитывалъ, что мнѣ удастся узнать кое-что отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ парижанъ-масоновъ. Самымъ осторожнымъ образомъ я старался ихъ допросить, но не добился никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, одинъ изъ нихъ—писатель, считающій меня своимъ коллегой, послѣ обильнаго ужина, и уже въ нетрезвомъ состояніи, пустился въ нѣкоторую откровенность.—«Я вижу ясно вашу игру,—сказалъ онъ,—вы хотите раздобыть тутъ свѣдѣнія, чтобы по пріѣздѣ въ Россію пустить соответствующую брошюру (*lancer une petite brochure*)... Это очень не глупо, а главное кстати! Какъ разъ теперь масонство популяризируется въ Россіи, и такая брошюра можетъ поддержать много изданій... Только я вотъ что вамъ скажу: у масоновъ вы ничего не узнаете—и не потому, что они не захотятъ сказать, а потому, что $\frac{9}{10}$ изъ нихъ сами ничего опредѣленнаго не знаютъ. Такъ, напримѣръ, я лично занимаю довольно видное положеніе въ ложахъ, а могу вамъ по совѣсти сказать, что знаю лишь то, что нашъ Великій Востокъ съ недавнихъ поръ имѣетъ какую-то связь съ Россіей, что онъ всячески старается привить масонство въ вашей странѣ и, кажется, открылъ уже въ Россіи нѣсколько ложъ. Больше я ничего не знаю». Я

заявилъ на это, что даже если бы онъ зналъ больше—онъ бы всего мнѣ не сообщилъ.—«Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ онъ,—законспирированность наша до этого не доходитъ, да и не можетъ дойти. Масонство включаетъ въ себя людей всевозможныхъ политическихъ убѣжденій, и нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ держался абсолютной тайны въ томъ, что противно его взглядамъ. Лично я—беспартійный писатель и по убѣжденіямъ менѣе всего сторонникъ социализма и революцій. Въ силу этого, врядъ ли я могъ бы быть полезнымъ для «красныхъ» дѣлей Великаго Востока; скорѣй, наоборотъ,—я могъ бы, благодаря роду своихъ занятій и своей беспартійности, помѣшать ихъ планамъ какой-нибудь несвоевременной оглаской, отъ которой трудно воздержаться писателю. Это отлично понимаютъ масонскіе начальники, и такіе щекотливые политическіе вопросы, какъ распространеніе масонства въ Россіи, держатся нашими главарями въ глубокой тайнѣ даже отъ своихъ же братьевъ-масонъ. Добиться же чего-нибудь отъ нашихъ главарей вамъ никогда не удастся, потому что тутъ-то, среди нихъ, и кроется та изумительная законспирированность, которая дѣлаетъ насъ двигателями всей міровой политики».

— Вы мнѣ сообщили уже нѣчто новое, — сказалъ я, — по вашимъ словамъ, Великій Востокъ преслѣдуетъ по отношенію къ Россіи «красныя» дѣли?

— Ну, это и младенцамъ ясно,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ. — Весь расчетъ масонъ состоитъ въ томъ, чтобы управлять политикой каждой отдѣльной страны. Въ монархическихъ государствахъ они помогаютъ и поощряютъ революціонный элементъ, приготавливая изъ него въ будущемъ послушное себѣ правительство. Посмотрите на всѣ перевороты послѣдняго времени: всѣ они обязаны Великому Востоку, и всюду вы увидите одинъ и тотъ же пріемъ, одинъ и тотъ же планъ. Такой же планъ будетъ проводиться и, навѣрное, уже проводится по отношенію Россіи! Борьба съ масонствомъ бесполезна — это показала исторія. Въ этой борьбѣ силы не равны. Масонство открываетъ свои карты, когда всѣ подготовительныя работы его закончены, и бьетъ навѣрняка, а правительства всегда бываютъ настигнуты врасплохъ.

Я не скрылъ отъ моего собесѣдника, что многія изъ его сужденій кажутся мнѣ довольно странными въ устахъ масона, и что я не совсѣмъ понимаю, почему онъ поступилъ въ масонство, когда взгляды его во многомъ расходятся съ задачею Великаго Востока.—«Видите ли, отвѣтилъ онъ, усмѣхнувшись,—нужно быть прежде всего практикомъ въ жизни. Масонство сейчасъ во Франціи—это страшная сила, это—все, и я преклоняюсь передъ нимъ. Это уже достаточная причина. Прибавьте къ этому, что масонство имѣетъ одинъ громадный плюсъ (un immense attrait): оно неизмѣнно и вѣрно помогаетъ всѣмъ своимъ членамъ, выручая ихъ всюду и всегда».

Когда мы уже прощались, мой собесѣдникъ какъ будто вспом-

нилъ что-то и задумчиво проговорилъ: — «А вѣдь я, пожалуй, могъ бы указать вамъ кое-кого, кто въ состояніи дать вамъ даже болѣе того, что вы ожидаете...» Нѣкоторое время онъ, однако, колебался и не рѣшался договорить свои мысли. Наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, онъ назвалъ мнѣ то лицо, которое являлось, по его мнѣнію, единственнымъ источникомъ нужныхъ мнѣ свѣдѣній: это лицо—аббатъ Ж. Турмантэнъ (J. Tourmentin)—секретарь того самаго антимасонскаго общества, о которомъ я имѣлъ честь не разъ докладывать вашему превосходительству.

«Аббатъ Турмантэнъ—это *bête noire* масонства,—пояснялъ мнѣ въ полголоса мой собесѣдникъ.—Онъ запасся въ учрежденіяхъ Великаго Востока такими ходами и выходами, что ему доступны самыя сокровенныя тайны нашихъ начальниковъ. Я не могу вамъ сказать, какими путями онъ получаетъ эти тайны; во всякомъ случаѣ, у него подъ рукой изумительно искусные агенты, а законспирированность всей его организаціи составляетъ предметъ удивленія даже масоновъ. До сихъ поръ Великій Востокъ, всѣ нужныя карты котораго раскрываются аббатомъ Т., не можетъ, несмотря на всѣ старанія, подкопаться подъ гибельную для масонства организацію. Осторожно, исподволь собираетъ аббатъ Т. свѣдѣнія, и въ одинъ прекрасный день, какъ снѣгъ на голову, появляется громовое разоблаченіе какого-нибудь ультра-секретнаго масонскаго плана. Мнѣ нерѣдко приходится наблюдать, въ качествѣ безучастнаго зрителя, какъ иногда наши главари обступаются, какъ удесатеряютъ осторожность, и какъ все-таки, въ концѣ-концовъ, аббатъ Т. и его агенты докапываются до самой сути сокровенныхъ замысловъ. Я вамъ совѣтую обратиться къ нему за свѣдѣніями, хотя предупреждаю васъ, что онъ, кажется, не особенно любезно и довѣрчиво принимаетъ просителей. Во всякомъ случаѣ—попытайтесь! Кромѣ аббата Т. и всей его организаціи—вамъ никто не сможетъ ничего сказать. Если же онъ захочетъ—онъ сумѣетъ вамъ открыть всѣ карты масонской игры, и тогда ваша брошюра можетъ принести вамъ недурной доходецъ!».

Весь разговоръ этотъ я почти сейчасъ-же записалъ и позволяю себѣ привести его дословно, боясь, что отъ вольной передачи нѣкоторые выраженія потеряютъ свою характерность.

Непосредственно за симъ я направился къ нѣкоторымъ писателямъ, нѣвѣстнымъ своимъ антимасонскими сочиненіями. Всѣ они, точно сговорившись, указали мнѣ на того-же аббата Турмантена и на его Association Antimassonnique, являющуюся единственнымъ серьезнымъ врагомъ масонства. Еще будучи въ Брюсселѣ, я слышалъ про аббата Т. отъ отца Пирлинга, который отзывался о немъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Желая облегчить мнѣ далеко не легкій доступъ къ секретарю антимасонскаго общества, Пирлингъ снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ аббату Т., представляя меня въ качествѣ любознательнаго изслѣдователя. Убѣдившись, что помощь въ моемъ дѣлѣ я могу полу-

читать исключительно отъ аббата Т., я явился къ нему въ его бюро, но не засталъ аббата дома. Тогда, не желая терять времени, я направился къ самому предсѣдателю Association Antimaçonique— сенатору, вице-адмиралу, графу де-Кювервилль,—съ намѣреніемъ просить его содѣйствія въ выясненіи нѣкоторыхъ интересующихъ меня вопросовъ о русскомъ масонствѣ. Графъ де-Кювервилль откровенно сознался мнѣ, что, ненавидя масоновъ и состоя предсѣдателемъ антимасонскаго общества, у него «нѣтъ времени» прочитывать попадающіе въ его общество документы, и что рычагомъ и создателемъ этого общества является секретарь его—все тотъ же аббатъ Турмантэнъ, къ которому графъ и просилъ меня обратиться. Было ясно, что сенаторъ, вице-адмиралъ, графъ де-Кювервилль покрывалъ только своимъ титуломъ и званіями общество, а что работникомъ и двигателемъ Association Antimaçonique являлся аббатъ Турмантэнъ, къ которому меня направляли со всѣхъ сторонъ. Послѣ разговора съ графомъ де-Кювервилль, я направилъ всѣ мои старанія къ тому, чтобы увидать аббата Т., но мнѣ удалось добиться свиданія съ нимъ лишь черезъ три дня, такъ какъ аббатъ, доживая послѣдніе дни на дачѣ, рѣдко посѣщалъ Парижъ».

Здѣсь, на самомъ интересномъ мѣстѣ, кончалась первая записка коллежскаго ассессора Бориса Алексѣева; продолженіе слѣдовало во второй, отправленной на другой день, 23 октября— 6 ноября 1910 г.

III.

Въ докладной запискѣ № 2 коллежск. ассесс. Б. А. Алексѣевъ рассказывалъ почтительнѣе генералу Курлову о переговорахъ своихъ съ аббатомъ Турмантэнъ:

«Какъ и слѣдовало ожидать, несмотря на рекомендательное письмо Пирлинга, аббатъ Турмантэнъ отнесся ко мнѣ съ большою недовѣрчивостью. Разговоры наши были очень продолжительны, и я употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться возможно большей откровенности. Въ концѣ-концовъ аббатъ Т. сталъ проявлять ко мнѣ достаточную любезность, но, тѣмъ не менѣе, видя во мнѣ лишь частнаго человека, онъ вовсе не намѣренъ удовлетворять мою любознательность. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось добиться тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя я привожу ниже. Разговоры мои съ аббатомъ Т. принесли, однако, одну крайне существенную пользу: они выяснили вполне определенно тотъ единственный путь, которымъ можно пользоваться, чтобы пролить яркій свѣтъ на современное положеніе масонства въ Россіи.

Свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить, сводятся къ нижеслѣдующему:

Антимасонское общество основалось еще въ 1893 г., подъ названіемъ Comité antimaçonique; съ 1902 г. общество это стало именоваться «Association Antimaçonique», подъ каковымъ назва-

ниемъ оно нынѣ и работаетъ. Цѣль общества: изучать и разоблачать. путемъ устной и письменной пропаганды, философское, социальное и политическое вліяніе франкъ-масонства и другихъ тайныхъ обществъ (ст. 2 уст. общ.). Для этой цѣли общество употребляетъ почти исключительно методъ документациі и направляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы «разоблачать: 1) тѣ изданія, которыя масонство скрываетъ съ особеннымъ рвеніемъ, 2) масонскія постановленія (согласно достовѣрнымъ протоколамъ), наконецъ 3) составъ масонства, т.-е. имена его членовъ, несмотря на всѣ тѣ предосторожности, которыя ими соблюдаются, чтобы скрыть свою принадлежность къ союзу». Членами Assoc. Antim. состоятъ: депутаты (de Gailhard-Bancel, comte de Ludre, comte de Ramel, baron Am. Reille), сенаторы (Comte de Las Cases, de Marcère, comte de Cuverville, Dom. Delahage), генералы (Allard, Gouse, de l'Etapais, Ramotowski, Roget, de Taradel), адвокаты (Maignien, Paul Nourrisson, Tastevin de Nouvel), офицеры и публицисты. Вышеназванныя лица составляютъ «бюро общества и открыто выступаютъ противниками масонства. Громадное же большинство членовъ, носящихъ названіе «sociétaires» или «adhérents», остаются неизвѣстными, и имена ихъ нигдѣ не публикуются. Всѣ эти члены, каждый въ своей отрасли, работаютъ для общаго дѣла: уменьшенія вліянія масонства во Франціи. Но главное ядро Assoc. Antim. составляетъ секретарь и основатель общества — аббатъ Турмантэнъ, которому всецѣло и безотчетно довѣряется вся сложная и трудная тайная организація добыванія обличающихъ масонство свѣдѣній».

«Нельзя себя представить, — пишетъ въ отчетѣ о дѣятельности Assoc. Antim. — Габріаль Сулакруа, — тѣ предосторожности, которыя принимаются масонами, чтобы скрыть отъ насъ, профановъ, ихъ годичные отчеты, циркуляры масонскихъ властей и даже самыхъ скромныхъ ложъ, протоколы ихъ собраній и нѣкоторыя изъ ихъ періодическихъ изданій... Какъ, спросите вы, можетъ въ такомъ случаѣ добывать всѣ эти документы наше общество? — Это тайна... нашего друга Турмантэна, и я не уполномоченъ ее раскрывать. Могу вамъ только сказать, что эти изысканія представляютъ для нашего бюджета самое тяжелое бремя. Часто приходится, не считая, дѣйствовать серебряной отмычкой, единственно способной валомъ потайные ящики нѣкоторыхъ ложъ и нѣкоторыхъ масонскихъ начальниковъ. Это очень большія издержки, но вато и самыя необходимыя». — Секретъ аббата Т. — крайне простъ: ему служить громадная сѣть надежныхъ агентовъ, надежность которыхъ онъ успѣлъ провѣрить за 20-ти лѣтнюю свою дѣятельность. Почти всѣ агенты у него на мѣсячномъ жалованіи, и имена ихъ никому, кромѣ Турмантэна, не извѣстны; для большей безопасности, а кстати для провѣрки извустно передаваемыхъ свѣдѣній, агенты Т. не знаютъ даже другъ друга. Агенты разсыпаны по всѣмъ угламъ Франціи и даже заграницей; нѣкоторые намеки позволяютъ мнѣ думать,

что аббатъ Т. имѣетъ своихъ агентовъ и въ Россіи. Жалованье, получаемое агентами, сравнительно небольшое и вмѣняетъ въ обязанность слѣдить за общимъ ходомъ масонской работы и предупреждать о каждомъ готовящемся замыслѣ. Зато добываніе какихъ-либо особенно секретныхъ свѣдѣній или документовъ стоитъ очень дорого и выплачивается одновременно. Въ настоящее время состояніе агентуры Т. блестяще: нѣтъ ни одного масонскаго установленія, гдѣ бы у него не было заручки; у него существуютъ ходы даже къ ультра-секретнымъ постановленіямъ верховнаго масонства.

Вся дѣятельность Турмантэна и всѣ средства антимасонскаго общества направлены на разоблаченіе масонской дѣятельности во Франціи. Однимъ изъ такихъ разоблаченій было напущенное «affaire de fiches».—Занимаясь почти исключительно масонствомъ во Франціи, аббатъ Турмантэнъ не оставляетъ, однако, безъ вниманія и нѣкоторыя событія, относящіяся до другихъ государствъ. Только событія эти отмѣчаются Турмантэномъ мимоходомъ: отдавая все свое время Франціи, онъ не имѣетъ возможности подробно останавливаться на другихъ странахъ, такъ какъ это потребовало бы новыхъ документовъ, а слѣдовательно, и новыхъ затратъ. Тѣмъ не менѣе та небольшая часть его дѣятельности, которая касается иностранныхъ государствъ, чрезвычайно интересна и поучительна. Въ нѣсколькихъ статьяхъ Турмантэнъ документально доказывалъ подготовительную работу масонства въ дѣлѣ революціи въ Турціи. Нѣсколько разъ предупреждалъ онъ о занесеніи Великимъ Востокомъ масонства въ Россію. Но интереснѣе всего почти-что пророческая статья его о Португаліи. Еще 25 декабря 1907 г. Турмантэнъ писалъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «La Franc-Maçonnerie démasquée»:—«Дѣла въ Португаліи идутъ скверно. Масонство волнуетъ Португалію такъ же, какъ Францію и Испанію—ея сосѣдку». Затѣмъ статья сообщала, что при приѣмѣ въ ложу «Космосъ» великаго мастера Магальхэса Лима—ловунгомъ былъ выставленъ: «низверженіе монархіи, необходимость республиканскаго строя и установленіе республики». Заключительныя слова статьи были нижеслѣдующія: «Если-бы король Португаліи захотѣлъ бы внять... въ особенности урокамъ исторіи, онъ немедленно бы запретилъ въ своемъ королевствѣ масонство и тайныя общества. Подъ этимъ условіемъ онъ могъ бы еще выпутаться изъ бѣды; но надо опасаться, что, въ болѣе или менѣе короткій срокъ, донъ-Карлосъ, свергнутый, изгнанный или убитый, явится новымъ доказательствомъ могущества масоновъ».—Эта статья, дважды подчеркнутая краснымъ и синимъ карандашомъ, была послана португальскому посланнику, который не далъ себѣ, вѣроятно, труда ее прочесть или не придалъ ей значенія. Черезъ два мѣсяца король былъ убитъ, а въ настоящее время вся предсказанная Турмантэномъ программа—блестательно доведена до конца. Теперь Т. предупреждаетъ, что Испанія обречена масонами на ту-же участь, что и Португалія, и

жалѣть, что Альфонсъ XIII, повидимому, столь же недалекъ виденъ, какъ и его сосѣдъ. Между прочимъ, Турмантэнъ приводитъ адресъ масонскаго конвента 6/19 сентября 1910 г., въ которомъ говорится: «Конвентъ Великаго Востока Франціи счастливъ принести единодушное выраженіе своихъ симпатій и пожеланій окончательнаго успѣха либераламъ-испанцамъ, которые борются въ настоящее время съ такимъ отважнымъ рвеніемъ за освобожденіе мысли и отдѣленіе отъ церкви Испанскаго государства, и которые явятся настоящими мстителями за мученика Феррера». — Всѣ подобныя свѣдѣнія представляли бы исключительный интересъ, если бы они не носили отрывочный характеръ. Но, сосредоточась на одной Франціи, аббатъ Турмантэнъ даетъ вполне законченную и цѣльную картину только касательно своей родины. Это вполне естественно, такъ какъ средства, на которыя аббатъ Т. добываетъ свои свѣдѣнія, даются французами на разоблаченіе масонской дѣятельности во Франціи только. Долженъ сознаться, что эти послѣднія свѣдѣнія доставляются Турмантэну его агентами съ изумительной аккуратностью и быстротой. Онъ показалъ мнѣ, напримѣръ, письмо изъ одной берлинской ложи, которое, судя по штемпелю на конвертѣ, могло попасть по назначенію во французскую ложу — лишь наканунѣ. Обсужденіе этого письма во французской ложѣ предполагалось черезъ четыре дня, и уже у Турмантэна были въ рукахъ два экземпляра повѣстокъ, которыя не ранѣе того-же утра были получены масонами-адресатами.

Что-же касается до Россіи, то она, какъ и всѣ другія «иностранныя» государства, не подвергалась Турмантэномъ спеціальному изученію; но наряду со многими документами, касающимися Франціи — не разъ попадались данныя, относящіяся и до Россіи. Нужно замѣтить, что Россія находится у Великаго Востока въ исключительномъ положеніи: въ силу запрета у насъ масонскихъ обществъ — все, что касается русскаго масонства или иностраннаго масонства въ Россіи, оберегается съ неимоверными предосторожностями и содержится въ глубокой тайнѣ у начальниковъ Великаго Востока. Такъ какъ до сихъ поръ Турмантэну не представлялось особой нужды въ добываніи какихъ-либо свѣдѣній о Россіи, то онъ и не старался никогда доискивать о ней свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія эти, въ виду особой ихъ секретности, обошлись бы крайне дорого. Тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ и многихъ разспросовъ, Турмантэнъ далъ мнѣ все-таки кое-какія данныя, которыми, впрочемъ, я думаю, не исчерпывается имѣющійся у него запасъ.

Масонство въ настоящее время въ Россіи вполне организовано; у насъ имѣются три правильныя ложи: въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, которыя находятся въ зависимости отъ Великаго Востока Франціи. Началомъ распространенія масонства въ Россіи послужилъ пріемъ нѣсколькихъ русскихъ въ парижскія ложи Великаго Востока. Русскіе эти стали обсуждать съ нѣкоторыми главарями Востока о возможности насажденія

масонства въ Россіи, — и въ результатѣ два видныхъ французскихъ масона отправлены были въ Россію для открытія тамъ масонскихъ ложъ. Узнавъ объ этой поѣздкѣ, аббатъ Турмантэнъ послалъ своевременное предупрежденіе, но при этомъ произошла ошибка. Одновременно съ поѣздкой въ Россію была организована поѣздка въ Алжиръ, куда отправиться должны были братья Лаферръ и Вадекаръ. Первое время Турмантэнъ думалъ, что эти два лица именно и отправляются въ Россію, почему онъ и помѣтилъ въ своемъ предупрежденіи имена Лаферра и Вадекара. Какъ только ошибка выяснилась, Турмантэнъ немедленно извѣстилъ русское посольство о точныхъ именахъ ѣдущихъ въ Россію масоновъ, но посольство, повидимому, не дало этому сообщенію никакого хода, такъ какъ русская полиція, какъ явствуетъ изъ одного департаментскаго дѣла, находящагося у меня, организовала наблюденіе только за Лаферромъ и Вадекарромъ, которые такъ въ Россію и не пріѣзжали. — Вотъ все, что мнѣ удалось, и то съ большимъ трудомъ, выпытать у Турмантэна; никакихъ именъ онъ дать мнѣ не захотѣлъ, хотя я прекрасно знаю, что многія имена ему уже извѣстны.

Убѣдившись въ томъ, что при настоящемъ положеніи вещей, аббатъ Турмантэнъ больше мнѣ ничего не скажетъ — я поднялъ вопросъ о томъ, насколько вообще возможно полное освѣщеніе масонскаго вопроса въ Россіи. Совершенно опредѣленно и категорично Т. заявилъ мнѣ, что можно узнать рѣшительно все, но для этого нужна крупная денежная затрата, непосильная для бюджета отдѣльнаго частнаго лица. Узнавъ, что я служу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Турмантэнъ посоветовалъ мнѣ заинтересовать этимъ дѣломъ правительство и добиться отъ него полномочій. — «Время для этого, сказалъ онъ, весьма подходящее: я навѣрно знаю, что масонствомъ сильно интересуется государь императоръ и премьеръ-министръ». Я отвѣтилъ Турмантэну, что я постараюсь поставить дѣло такъ, какъ онъ совѣтуетъ. Тогда Т. сталъ развивать свою мысль далѣе. — «Я очень люблю, сказалъ онъ, Россію и ея царя и съ удовольствіемъ буду для нея работать. Моя агентурная организація — единственная въ своемъ родѣ и достаточно извѣстна въ кругахъ интересующихся масонствомъ, чтобы я былъ избавленъ отъ необходимости ее восхвалять! Дайте мнѣ средство — и я представлю вамъ всю подноготную масонства». По мнѣнію аббата Турмантэна, дѣло должно быть поставлено слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, онъ долженъ быть увѣренъ въ моей надежности, почему онъ очень просилъ меня, въ случаѣ, если мнѣ удастся заинтересовать правительство, заручиться прежде всего хоть полуофіціальнымъ удостовереніемъ. Тогда Т. сможетъ открыть мнѣ еще кое-какія данныя, которыя помогутъ мнѣ ориентироваться въ масонскомъ вопросѣ. Затѣмъ для полного освѣщенія масонской дѣятельности касательно Россіи необходимы: 1) крупная единовременная сумма, которая должна пойти на агентурные расходы по добыванію

имѣющагося матеріала и 2) ежегодная небольшая субсидія антимасонскому обществу на предметъ установленія систематическаго наблюденія за всѣми дѣлами масонства, касающимися Россіи; эта субсидія пошла бы на увеличеніе жалованья соотвѣтствующимъ агентамъ. Изъ обѣихъ этихъ суммъ въ пользу Association Antimacopniquе не поступаетъ ничего. Турмантэнъ намекнулъ, что за помощь, которую общество это будетъ оказывать русскому правительству, это послѣднее можетъ всегда отблагодарить, путемъ внесенія небольшой суммы на главную цѣль Assoc. Antim., т.-е. на разоблаченіе масонской дѣятельности во Франціи. Самъ же онъ лично былъ бы крайне счастливъ получить отъ правительства какой-либо русскій орденъ.

Всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать съ различныхъ сторонъ про аббата Турмантэна — показываютъ, что это человѣкъ высоко-идейный и честный. Мнѣ кажется, что для насъ онъ большая находка, и согласіе его работать для русскаго правительства — большая удача, такъ какъ до сихъ поръ Т., весь отдавшійся служенію своей родинѣ, отказывался отъ всякихъ работъ для другихъ правительствъ. Если принять при этомъ во вниманіе, что, судя по всѣмъ даннымъ, распространеніе масонства въ Россіи идетъ быстрыми шагами, и что, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ лицъ, усиленно-конспиративный характеръ русскаго масонства привлекаетъ въ его ряды весь недовольный, оппозиціонный элементъ, то полное освѣщеніе этого тревожнаго вопроса, вызвавшаго недавно перевороты въ Турціи и Португаліи, представляетъ крайнюю и неотложную необходимость. Своими средствами и людьми сдѣлать ничего нельзя: пришлось бы дѣйствовать оцупью, искать источники и ломиться въ закрытыя двери, причемъ врядъ-ли возможно бы было набѣгать огласки. Въ лицѣ же аббата Т. русское правительство пріобрѣтаетъ уже готовую, сильную, испытанную и до-нельзя законспирированную организацію, съ помощью которой не трудно будетъ освѣтить всѣ опасные для насъ замыслы Великаго Востока. Планъ аббата Т. имѣетъ, по мнѣнію моему, только одинъ недостатокъ: необходимость крупной единовременной затраты. Я думаю, однако, что затрата эта, произведенная опытной рукой, будетъ все-таки меньше тѣхъ издержекъ, которыя должно будетъ понести русское правительство при установленіи собственной агентуры.

Все вышеизложенное имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства, причемъ почтительнѣйше испрашиваю подробныхъ инструкцій къ 3/16 ноября, когда у меня назначено слѣдующее свиданіе съ аббатомъ Турмантэномъ. Къ этому дню аббатъ Т. обѣщалъ представить мнѣ по возможности точный расчетъ необходимыхъ средствъ.

Осмѣливаюсь также ходатайствовать, чтобы Ваше Превосходительство оставляли мои донесенія у себя и не передавали ихъ даже въ Департаментъ Полиціи. Имѣющіяся у меня на это осно-

ванія еще не достаточно вѣски и положительны, чтобы я рѣшился сообщить ихъ Вашему Превосходительству».

Парижъ. 23 Октября
6 Ноября 1910 г.

IV.

Третья докладная записка кол. ассесс. Б. Н. Алексѣева была отправлена 11/24 ноября 1910 года. Ассессоръ писалъ:

«Имѣю честь почтительнѣйше донести Вашему Превосходительству нижеслѣдующее:

«Нѣкоторые изслѣдователи масонскаго вопроса высказывали убѣжденіе, что масонство представляетъ собою великую сплоченную организацію, которою двигаетъ тайный единый руководитель. Безчисленные факты послѣднихъ лѣтъ показали, что это убѣжденіе не соотвѣтствуетъ вовсе истинѣ. Сплоченность и единство масонства существовали въ самые ранніе годы его расцвѣта, послѣ чего произошелъ цѣлый рядъ расколовъ. Въ настоящее время «всемирнаго» масонства нѣтъ: существуютъ три, вполне опредѣленные и разграниченныя вѣтви масонства, играющія каждая свою роль въ міровой политикѣ. — Эти три вѣтки: англосаксонское масонство, французское (или латинскихъ странъ) и германское — не только не объединены между собою, но находятся даже съ 70-хъ годовъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Масонскій органъ «l'Asasia», издаваемый однимъ изъ видныхъ дѣятелей французскаго масонства — масономъ высшей 33-й степени Шарлемъ Лимузеномъ (Limousin), пишетъ 12/25 мая 1906 г., что Лимузенъ употребляетъ особыя старанія «чтобы получить конецъ печальнымъ недоразумѣніямъ, которыя поссорили французскихъ масоновъ съ масонами Германіи, Англіи и Америки. Рознь съ этими послѣдними поднимаетъ интересные вопросы, въ курсъ которыхъ необходимо ввести французскихъ масоновъ, чтобы они познали значеніе Ордена на земномъ шарѣ, а также и трудности единенія». — Рознь отдѣльныхъ вѣтвей масонства заключается главнымъ образомъ въ различно-тракуемыхъ вопросахъ о Богѣ и въ той или другой мѣрѣ вмѣшательства въ политику.

Англо-саксонское масонство отстранилось отъ французскаго съ тѣхъ поръ, какъ это послѣднее уничтожило въ своей конституціи Великаго Архитектора Вселенной, т.-е. идею Творца Бога. Рознь усилилась, когда французскіе масоны произвели въ полномъ смыслѣ слова политическій захватъ своей страны. Съ этихъ поръ, несмотря на всѣ усилія французскихъ масоновъ, — масоны Англіи, не оправдывающіе «политику своихъ сосѣдей», категорически отказываются отъ всякаго сліянія съ ними. Послѣ войны 1870—1871 гг. произошло разъединеніе масоновъ Франціи и Германіи. Въ настоящее время французскіе масоны ведутъ дѣятель-

ные переговоры съ масонами Германія въ смыслѣ тѣснаго объединенія, но результатовъ переговоры эти пока не дали. Три главныя прусскія ложи, преданныя Императору, упрекають французское масонство въ измѣнѣ первоначальнымъ принципамъ союза, т.-е., иначе говоря, въ невѣрїи и въ веденіи недопустимой въ ложахъ политики. Врядъ-ли состоится какое-либо соглашеніе между германскимъ и французскимъ масонствомъ, тѣмъ болѣе, что германскія ложи поставили (говорять, по желанію Императора) условіе, чтобы французскіе масоны добились установленія «entente cordiale». — Такъ или иначе, въ настоящее время существуютъ три разрозненныя отрасли масонства. Англійское масонство имѣетъ своимъ верховнымъ начальникомъ короля и представляетъ собой вѣрную опору Великобританской монархіи. Германское масонство, три главныя ложи котораго преданы династіи Гогенполлерновъ и помогаютъ Императору упрочивать свою власть во всѣхъ нѣмецкихъ княжествахъ, и, наконецъ, масонство латинскихъ странъ, главнымъ руководящимъ очагомъ котораго является Великій Востокъ Франціи, преслѣдующій одну интернаціональную цѣль: установленіе всемірной республики. Еще до великой французской революціи французское масонство выставило три цѣли: уничтоженіе монархіи, уничтоженіе церкви и разрушеніе границъ (т.-е. всеобщее разоруженіе, уничтоженіе армій и т. п.). Первая цѣль во Франціи достигнута; отдѣленіе государства отъ церкви подвинуло вторую цѣль; усиленно проповѣдуемый антимилитаризмъ (знаменитое «affaire de fiches») подрываетъ престижъ армій... Но Великій Востокъ Франціи не довольствуется своей страной и дѣятельно ведетъ пропаганду своихъ разрушительныхъ идей и въ другихъ государствахъ. Насколько успѣшно ведется эта пропаганда, можно судить по послѣднимъ событіямъ въ Португаліи, Турціи и Персіи. О роли, сыгранной въ этихъ странахъ масонствомъ, говорятъ, не скрывая этого, сами масоны. 22 октября н. ст. 1909 г. Великая ложа Венгріи (примыкающая къ Вел. Вост. Франціи) принимала въ Будапештѣ младо-турокъ Турецкаго посольства, въ честь которыхъ были произнесены рѣчи. Вед. мастеръ венгерской ложи въ своемъ привѣтствіи заявилъ... «...Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что тиранія уничтожена лишь благодаря заслугамъ турецкихъ масоновъ». Въ отвѣтной рѣчи Кіазимъ-Намикъ-бей отвѣчалъ... «мы никогда не забудемъ, что именно изъ масонскихъ ложъ брызнула искра, которая зажгла пороховъ»... Далѣе венгерскій публицистъ масонъ Сасвари говоритъ: «Именно у васъ (въ Турціи) масонство достигло того успѣха, который будетъ вѣчно однимъ изъ самыхъ красивыхъ вѣнковъ его славы». Наконецъ, Риза-Тефикъ-бей подтверждаетъ, что «Младо-турецкій Комитетъ съ самаго дня своего существованія проникся великимъ масонскимъ духомъ, который борется съ предрасудками, и который объединяетъ различныя расы во всеобщемъ стремленіи всего человечества. Этотъ Комитетъ сформировалъ въ Турціи цѣлую армію свободомыслящихъ (libres-penseurs). Онъ энергично шелъ на при-

ступъ зданія, проѣденнаго деспотизмомъ, подточеннаго микробами обскурантизма»... Въ іюнѣ 1910 г. другая младо-турецкая делегация была принята Вел. Востокомъ Франціи и заявила, что недавно основанный Великій Востокъ Турціи рассчитываетъ на В. В. Франціи въ дѣлѣ завершенія великихъ реформъ, предпринятыхъ младо-турками. Въ томъ же засѣданіи масонъ Комбо (Combault), профессоръ медицинской школы въ Тегеранѣ и мастеръ Тегеранской ложи, работающей подъ большой тайной, произнесъ рѣчь о положеніи масонства въ Персіи.

Персія,—говорилъ онъ,—находится въ критическомъ положеніи благодаря руководительству страны русскими. Франція, связанная, къ сожалѣнію, съ Россіей обязательствами, которыя ей теперь вовсе не улыбаются, — не можетъ, вслѣдствіе дипломатическихъ соображеній, придти Персіи на помощь. Вотъ почему либеральная и масонская Персія обращаетъ свои взоры на Турцію, прося оказать существенную помощь. «Тегеранская ложа одна совершила персидскую революцію»,—заканчиваетъ Комбо свою рѣчь, прося въ дальнѣйшемъ помощи отъ Вел. Востока Турціи. Этими выборками изъ рѣчей не ограничиваются, конечно, доказательства о роли масонства въ событіяхъ новѣйшаго времени, но и эти выборки, мнѣ кажется, достаточно характерно рисуютъ эту роль.

По отношенію къ Россіи «латинское» масонство держится, какъ я уже имѣлъ честь докладывать раньше, съ удвоенной законспирированностью. Великій Востокъ Франціи сознаетъ, что пропаганда масонства въ Россіи сопряжена съ большой опасностью, но это не останавливаетъ его, а только заставляетъ дѣйствовать съ крайней осторожностью. Что-же касается до отношенія Вел. Востока къ русской монархіи или къ русскому правительству, то отношеніе это, несомнѣнно, отрицательное. Въ 1896 г. масонскій органъ «Revue Maçonnnique» выражалъ пожеланіе, чтобы «масонство нашло бы, наконецъ, въ Россіи гостепріимную страну. До сихъ поръ оно не было разрѣшено въ этой странѣ, и если кто-либо изъ вѣрныхъ поклонниковъ Хирама захотѣлъ-бы посадить тамъ чтимую вѣтвь акаціи, то у него было бы много шансовъ быть отправленнымъ въ сумрачный Востокъ Сибирскихъ копей, въ тотъ адъ, гдѣ заживо погребено столько благородныхъ жертвъ («Revue Maçonnnique», октябрь 1896 г., стр. 220)». Тогда-же высказалось масонство и по поводу пріѣзда Его Императорскаго Величества во Францію:—«немного болѣе хладнокровія въ народныхъ манифестаціяхъ, которыя встрѣтили Царя—ничему бы не повредило» (Rev. Maç., octobre 1896, стр. 218)... «дворцовые пофѣлуи рукъ отдались въ символическія головы Республики такъ, какъ будто бы Республика,—по крайней мѣрѣ на одно мгновеніе,—оказалась забытой покойницей» (ibid, стр. 220)... наконецъ, масонство высказалось и по поводу самаго франко-русскаго сближенія, находя его нежелательнымъ «вслѣдствіе политическаго и соціальнаго положенія другой договаривающейся стороны (Revue Maçonnnique, августъ 1897, стр. 18)».

Первыя упоминанія о существованіи въ Россіи масонскихъ

ложь относятся, повидимому, къ 1903 г. Въ годовомъ отчетѣ за этотъ годъ Вел. Востока Франціи сказано: «тѣ нѣсколько ложъ, которыя существуютъ въ Россіи, изолированы и скрыты отъ взоровъ» (стр. 284). Врядъ-ли ложь эти проявляли какую-либо активную дѣятельность и представляли изъ себя серьезную организацію. Около 1905 г. начинается посвященіе Вел. Востокомъ русскихъ и причисленіе ихъ къ французскимъ ложамаъ. 13 мая 1905 г. были приняты въ масоны Иванъ Лорисъ-Меликовъ, врачъ; Георгій Гамбаровъ, профессоръ гражданского права; Михаилъ Тамамшевъ, «chargé de cours à l'Ecole russe des Hautes Etudes»; покойный Александръ Трачевскій, профессоръ и историкъ, и Александръ Амфитеатровъ. Немного позднѣе, 17 іюня 1905 г., былъ принятъ Евгеній Васильевичъ Аничковъ—профессоръ по исторіи литературы, а 8 іюля 1905 г.—членъ 1-ой государственной думы—Кедринъ. Кедринъ былъ принятъ въ ложу «Les Rénovateurs», а остальные принадлежали, повидимому, къ ложѣ «Cosmos». 30 января 1906 г. эта послѣдняя ложа возвела Лорисъ-Меликова, Гамбарова, Тамамшева, Трачевскаго, Амфитеатрова и Аничкова въ 3-ью степень «мастера». Этими лицами не ограничивается, конечно, число русскихъ, посвященныхъ въ масоны: стоитъ только внимательно прочесть имена 30.000 масоновъ, заключающихся въ «Масонскомъ репуртуарѣ», изданномъ антимасонской ассоціаціей, чтобы натолкнуться еще на другихъ русскихъ масоновъ. Тамъ находятся имена: Ходоровскій (механикъ), Дмитрій Дубниковъ (лирическій артистъ), Ивановскій (скульпторъ), Керковъ (?) (промышленникъ), профессоръ Ковалевскій, Красновъ отецъ (комиссіонеръ) и сынъ (инженеръ), Левиловъ (издатель), Райскій (фабрикантъ), Розановъ, Стойковъ (студентъ-медикъ), Трироговъ (инженеръ въ Алжирѣ), Вильбушевичъ (публицистъ), Вырубовъ (литераторъ), Зелинскій (врачъ). Любопытно отмѣтить, что въ этомъ репертуарѣ встрѣчается большое количество типично-армянскихъ именъ: Агвиновъ, Эмили́й (артистъ), Аранджанъ, Арутиньянъ, Багадаріанъ (профессоръ), Мисаакъ Багдассаріанъ (студентъ-медикъ), Рубенъ Берберіанъ (литераторъ), Назаренъ Дагаваріанъ (врачъ), Яникіанъ (аптекарьскій ученикъ), Карекінъ (?) Медзадуріанъ (инженеръ-агрономъ), Меликіанъ (врачъ), Вагарчекъ Месробіанъ (аптекарь), Мецбуріанъ (служащій по торговой части), Микаелианъ (ювелиръ-комиссіонеръ), Теръ-Микаелианъ (въ Ниццѣ), Гавріиль Сетіанъ (врачъ), Пулаліанъ (студентъ въ Монпелье) и упомянутые выше Лорисъ-Меликовъ, Гамбаровъ, Тамамшевъ. Въ смыслѣ «русскихъ» масоновъ, Repert. Maç. далеко не полный, т. к. онъ составленъ на основаніи разныхъ документовъ и изданий, не тракующихъ спеціально о Россіи, какъ вообще ни о какомъ другомъ государствѣ, кромѣ Франціи.

Всѣ остальные мои свѣдѣнія крайне обрывочны и сводятся къ слѣдующему:

5 Августа 1906 г. масонъ Баро-Форлиеръ (D-r Barot-Forlière), ораторъ ложи «Работа и Совершенствованіе» въ Анжерѣ, произнесъ рѣчь, которую закончилъ внесеніемъ нѣкоторыхъ пожеланій: 1) «Адресъ распущенной Думѣ, мученикамъ и героямъ русской независимой мысли, которые ежедневно борются и умираютъ за свое дѣло», и 2) «выраженіе сожалѣнія французскому правительству по поводу согласія послѣдняго на русскій заемъ и по поводу воздержанія со стороны Парламента отъ officialнаго признанія Думы». Наиболѣе интересное изъ имѣющихся у меня свѣдѣній касается приѣма 7/20 Сентября 1906 г. Кедрина Великимъ Востокомъ. Я позволяю себѣ представить Вашему Превосходительству цѣликомъ весь № антимасонскаго журнала, въ которомъ подробно описывается приѣмъ, оказанный Кедрину, и произнесенныя на собраніи рѣчи. По этимъ рѣчамъ можно судить о взглядахъ Вел. Востока на русское правительство, которое французскіе масоны называютъ «стыдомъ цивилизованныхъ націй». Всѣ эти рѣчи—грубаго, памфлетнаго характера—комментаріи не заслуживаютъ, и я позволю себѣ лишь обратить вниманіе Вашего Превосходительства на рѣчь Вел. Оратора Вел. Ложи Франціи (стр. 142; 1-й столбецъ)... «Намъ вѣняется въ долгъ не только поощрять русскихъ, которые страдаютъ отъ давящей ихъ тираніи, но еще и доставлять имъ средства побѣдить деспотизмъ»... Если сопоставить эту послѣднюю фразу съ извѣщеніемъ о томъ, что 7 мая 1907 г. масонъ Лейтнеръ далъ въ ложѣ «Правосудіе» отчетъ о своей поѣздкѣ (délegation) въ «Комитетъ оказанія помощи русскимъ революціонерамъ» (Bull. таф. 4 мая 1907)—то можно усмотрѣть, что фраза Вел. Оратора не осталась безъ выполненія, и что Вел. Востокъ тѣмъ или инымъ образомъ помогаетъ русскому революціонному движенію. У меня нѣтъ данныхъ утверждать, что оказываемая помощь существенна, но, принимая во вниманіе, что радикальное большинство Вел. Востока смѣняется въ настоящее время большинствомъ социалистическимъ, и что на нѣкоторыхъ социалистическихъ конгрессахъ (напримѣръ, на конгрессѣ 1/14 октября 1906 г. въ Бургъ де-Пеагѣ) выставлено требованіе, чтобы всѣ масоны-соціалисты во всѣхъ вопросахъ, обсуждающихся въ ложахъ, «имѣли прежде всего въ виду высшіе интересы международнаго социализма»—то въ недалекомъ будущемъ можно ожидать отъ Вел. Востока Франціи самаго широкаго содѣйствія противоправительственнымъ планамъ русскихъ революціонныхъ элементовъ. Что же касается настоящаго времени, то по многимъ признакамъ Вел. Востокъ уже пошелъ по этому пути, держа всѣ свои рѣшенія и дѣйствія въ строжайшей тайнѣ.

Всѣ подобныя ультра-секретныя рѣшенія извѣстны крайне ограниченному числу масоновъ, составляющихъ особый руководящій синклитъ. Руководителями являются масоны, достигшіе крупнаго общественнаго положенія, — главнымъ образомъ Депутаты и Сенаторы. Исполнительнымъ органомъ ихъ и тайной ихъ канцеляріей является Главный Секретаріатъ Вел. Востока, въ ко-

торомъ сосредоточены всѣ нити масонской политики. Завѣдующій Секретариатомъ — Главный Секретарь — есть главное лицо активнаго масонства, посвященное во всѣ тайны и хранящее у себя наиболѣе секретныя документы. Уже нѣсколько лѣтъ Главнымъ Секретаремъ Вел. Востока состоитъ Нарциссъ-Амедей Вадекаръ, которому и поручено, между прочимъ, храненіе всей переписки, касающейся Россіи и русскихъ масоновъ. За предѣлы Секретариата никакое секретное дѣло не переходитъ.

Я позволю себѣ теперь снова перейти къ Association Antimaçonnique, а въ частности, къ аббату Турмантэну.

Какъ я уже имѣлъ честь сообщить въ предыдущемъ донесеніи, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ успѣховъ, достигнутыхъ антимасонской Ассоціаціей, было разоблаченіе въ концѣ 1904 г. системы доносовъ, практикующей Секретариатомъ Вел. Востока съ цѣлью дискредитированія офицеровъ не-масоновъ (т. наз. affaire des fiches). Система эта была организована адъютантомъ военнаго министра Андре — капитаномъ Моленомъ, который получалъ черезъ Секретариатъ Вел. Востока десятки тысячъ диффамирующихъ католическое офицерство свѣдѣній, каковыми руководствовался самъ министръ. Получаемыя изъ всѣхъ ложъ свѣдѣнія сосредоточивались у Вадекара, причемъ вся эта организація держалась въ абсолютной тайнѣ отъ всѣхъ масоновъ. Къ этому времени Вадекаръ собирался покинуть постъ секретаря Вел. Востока, такъ какъ ему было обѣщано Комбомъ (также масономъ) мѣсто директора какого-то государственнаго зданія. Кандидатомъ на мѣсто В. былъ его ближайшій помощникъ (Secrétaire Adjoint) Иванъ Бидегенъ (Bidegain), поставленный уже въ курсъ всѣхъ тайныхъ операцій Секретариата. Аббатъ Турмантэнъ давно уже выслѣживалъ пресловутую систему доносовъ и послѣ долгихъ разговоровъ перетянулъ на свою сторону Бидегена, который вручилъ аббату всѣ компрометирующіе Вел. Востокъ документы. Было рѣшено выждать наиболѣе удобнаго случая и разоблачить все это дѣло съ парламентской трибуны при содѣйствіи одного изъ видныхъ антимасонскихъ депутатовъ. Выбранный для этой цѣли депутатъ Гюйо де-Вилленёвъ не смогъ, однако, держать дѣло въ абсолютной тайнѣ, и пришлось выступить съ разоблаченіемъ нѣсколько ранѣе намѣченнаго момента. Впечатлѣніе получалось потрясающее, и министерству Комбъ-Андре пришлось подать въ отставку; къ сожалѣнію, масонство успѣло оправиться до выборныхъ агитацій и такимъ образомъ спасло себя отъ полнаго разгрома. Послѣ этого, значеніе аббата Турмантэна, какъ антимасонскаго дѣятеля, поднялось до-нельзя. Любопытно, что сами масоны, клеймя аббата всячески, признаютъ успѣшность его работъ и его удивительную освѣдомленность. Извѣстный масонскій дѣятель Освальдъ Виртъ (Wirth), редакторъ масонскаго органа «Lumière Maçonnique», говоритъ про аббата Турмантэна: «онъ относится съ похвальной честностью къ своимъ розысканіямъ и всячески остерегается клеветы, ошибокъ и лжи, которыя распространяются на нашъ счетъ... онъ возы-

мѣлъ честолюбіе изучить масонство научно, базируя лишь на документахъ, признанныхъ достовѣрными. И вотъ, онъ прибѣгаетъ съ той поры къ поразительнымъ хитростямъ, чтобы выманить наши тайны, выдвигая антимасонизмъ на высоту увлекательнаго спорта... «Lumière Maçonique, сентябрь 1910 г., стр. 123)». «Редакторъ другого масонскаго органа «Asasia» — Лимузенъ заявляетъ про того же аббата Турмантэна: «Несомнѣнно, онъ очень хорошо освѣдомленъ. Мы прибавимъ, что это приносить намъ пользу, такъ какъ именно посредствомъ его органа «La Franc-Maçonnerie Démasquée» мы ознакомливаемся съ секретными циркулярами, посылаемыми совѣтомъ ордена начальникамъ ложъ». («Asasia», июль—августъ 1906, стр. 33). Въ другой разъ, по поводу одной статьи, помѣщенной въ «La Franc-Maçonnerie Démasquée» — тотъ же Лимузенъ говоритъ, что статья эта «могла подать поводъ конкурентамъ г. Турмантэна въ антимасонствѣ... обвинить его въ томъ, что онъ пришелъ въ непріятельскій лагерь и сдѣлался, несмотря на видимость, официальнымъ органомъ Вел. Востока... Это объяснило-бы, можетъ быть, обиліе свѣдѣній, находящихся въ «Franc-Maçonnerie Démasquée» («Asasia», декабрь 1906, стр. 343); далѣе Лимузенъ уже переходитъ въ серьезный тонъ: «Именно благодаря «Franc-Maçonnerie Démasquée» мы регулярно узнаемъ о тайныхъ дѣлахъ масонства. Этотъ журналъ продолжаетъ публиковать подробный отчетъ (протоколъ) Конвента Вел. Востока 1906 г. Очевидно, протоколъ этотъ составленъ не изъ «шикарнаго» матеріала: онъ содержитъ тексты документовъ. Является дѣйствительно непонятнымъ, что Совѣту Ордена и администраціи не удается раскрыть, кто-же эти братья, такъ хорошо освѣдомленные, которые даютъ свѣдѣнія аббату Турмантэну... Нельзя допустить и объяснить себѣ, что... совѣтъ ордена не можетъ еще, несмотря на старанія... узнать, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ изъ этихъ невѣрныхъ братьевъ, которые продаютъ насъ клерикаламъ за 30 сребренниковъ... (ibid. стр. 388-389). Подобныхъ цитатъ можно привести множество; въ большинствѣ изъ нихъ имя аббата Т. сопровождается далеко не лестными эпитетами. Вышеупомянутый О. Виртъ упрекаетъ его даже въ безнравственности: «Постарайтесь - же дать понять аббату Турмантэну, — пишетъ Виртъ, — всю безнравственность его знаменитаго Répertoire Maçonique, содержащаго 30.000 именъ масоновъ Франціи и колоній, почерпнутыхъ въ архивахъ и дѣлахъ (иначе говоря посредствомъ доносовъ) Антимасонской Ассоціаціи...» (Lumière Maçonique, сентябрь 1910, стр. 123). Несмотря, однако, на свою ненависть къ аббату Т., масоны безсильны причинить ему какой-либо вредъ. Бидегенъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный и компетентный, сказалъ мнѣ, что масоны очень хотѣли-бы избавиться отъ аббата Т., но... они уже опоздали это сдѣлать. Теперь Т. настолько извѣстенъ всѣмъ и каждому, что всякая случившаяся съ нимъ бѣда будетъ немедленно же приписана масонамъ — его единственнымъ злѣйшимъ врагамъ — и причинить не меньшій скандалъ, чѣмъ

«affaire des fiches». Въ 1906 г. Вел. Востокъ попытался, все-таки, добратъся до аббата Т. и его потайныхъ ящичковъ. Наиболѣе вліятельные масоны настояли, чтобы правительство отъ себя, подъ благовиднымъ предлогомъ, произвело бы обыскъ у Т.,—но такъ какъ этотъ послѣдній былъ предупрежденъ своими агентами за нѣсколько мѣсяцевъ до обыска, то онъ успѣлъ спрятать всѣ тѣ документы, до которыхъ добирались полицейскіе чины, специально набранные изъ масоновъ. Въ настоящее время Вел. Востокъ, отчаявшись въ своихъ попыткахъ раскрыть агентовъ Турмантэна, озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы скрыть отъ возможно большаго числа лицъ секретнѣйшіе документы и огородить себя отъ какого-либо разоблаченія; подобнаго «affaire des fiches». Кстати—о послѣднемъ дѣлѣ сейчасъ снова говорятъ. Дѣло въ томъ, что главнымъ защитникомъ масонства въ этомъ дѣлѣ выступалъ въ парламентѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ масонскихъ дѣятелей—депутатъ Антуанъ Баптистъ-Луи Лафферръ. При послѣдней смѣнѣ министерствъ этотъ Лафферръ назначенъ министромъ работъ; назначеніе это представляетъ собою уступку масонскому вліянію и сильно критикуется. На одной изъ главныхъ улицъ центра (Boulevard des Italiens) выставлена даже громадная карриатура, изображающая Лафферра на аренѣ; онъ тащитъ за веревочку корзинку, переполненную «fiches», надъ которыми возвышается имя Вадекара; вдоль арены—рядъ рукоплещущихъ еврейскихъ лицъ... Такимъ образомъ, шестилѣтняя давность не предала это громкое дѣло забвенію.

Представляя при семъ номеръ журнала «La Franc-Maçonnerie Démasquée», отъ 10 мая н. ст. 1907 г., въ которомъ находится вышеупомянутая статья (Choses de Russie, стр. 139-143) о приѣмѣ Кедрина Вел. Востокомъ Франціи, я позволяю себѣ обратить еще вниманіе Вашего Превосходительства на тѣ нѣсколько строчекъ, которыя предшествуютъ протоколу масонскаго засѣданія, и на воззваніе къ Его Императорскому Величеству Государю Императору, помѣщенное въ видѣ «открытаго» письма на 143 стр. журнала. Какъ во вступительныхъ словахъ, такъ и въ воззваніи—ясно выражено отношеніе антимасонской ассоціаціи въ лицѣ аббата Турмантэна, къ Августѣйшему Монарху и къ Россіи. «Мы никогда не скрывали и не будемъ скрывать,—начинаетъ аббатъ Т. свою статью,—нашихъ симпатій къ Царю. Когда мы видѣли его проѣзжающимъ по улицамъ Парижа, мы привѣтствовали эту манифестацію франко-русскаго союза, столь антипатичнаго масонству. Его власть, его жизнь выслѣживаются тайными обществами; по мѣрѣ возможности, мы будемъ продолжать разоблачать дѣянія и замыслы, направленные къ тому, чтобы парализовать поступокъ властителя, который любитъ свой народъ». Что-же касается до воззванія, то въ разговорѣ со мной аббатъ Турмантэнъ заявилъ мнѣ, что съ его стороны было крайне наивно думать, что его смиренное письмо сможетъ дойти до Его Величества,—но что онъ былъ-бы страшно счастливъ, если-бы это про-

изошло. У него есть знакомый, который, какъ говорить аббатъ, состоитъ при Императорскомъ дворѣ; знакомый этотъ передавалъ ему, что Государь лично очень интересуется масонскимъ вопросомъ и даже знаетъ его, аббата, по имени.

Докладывая о всемъ вышеизложенномъ Вашему Превосходительству—имѣю честь почтительнѣйше присовокупить, что переговоры мои съ аббатомъ Турмантѣномъ выльются на-дняхъ въ определенную форму, послѣ чего я не премину немедленно же представить ихъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

V.

Приводимъ докладную записку кол. ассесс. Б. К. Алексѣева № 4.

«Въ докладной запискѣ отъ 23/6 октября—ноября с. г. я имѣлъ честь доложить Вашему Превосходительству о моихъ переговорахъ съ аббатомъ Турмантѣномъ и почтительнѣйше просить инструкцій для слѣдующихъ моихъ свиданій съ аббатомъ.—Какъ я уже имѣлъ честь докладывать, мнѣ удалось, еще при первыхъ встрѣчахъ съ аббатомъ Т., добиться навѣстнаго съ его стороны благорасположенія, каковое онъ вообще рѣдко кому оказываетъ. Однако, благорасположеніе это было крайне непрочно. Совершенно случайно я встрѣтился съ аббатомъ Т. раньше условленнаго для нашего свиданія срока (т.-е. раньше 3/16 ноября), и тѣ обрывочныя фразы, которыми мы обмѣнялись, показали мнѣ, что отношеніе аббата сильно измѣнилось. Онъ говорилъ сухо и нехотя, а на мой вопросъ о нашемъ будущемъ разговорѣ отвѣтилъ довольно категорически: «врядъ-ли возможно сдѣлать что-либо въ смыслѣ освѣщенія масонскаго вопроса въ Россіи!». Недоумѣвая о причинахъ такой перемѣны, я на слѣдующій же день (въ отсутствіе аббата Т., который жилъ еще на дачѣ) отправился въ бюро Association Antimaçonnique, гдѣ уже раньше я перезнакомился съ нѣкоторыми изъ помощниковъ аббата. Долго и безрезультатно спрашивалъ я главнаго изъ этихъ помощниковъ и, наконецъ, встрѣтивъ и съ его стороны небывалую сдержанность—рѣшилъ перевести разговоръ на денежную почву. Мнѣ удалось выпытать у него въ концѣ-концовъ, что онъ нуждается въ деньгахъ, и что въ настоящее время его сильно стѣсняетъ неотложный платежъ въ 800 франковъ. Тогда я предложилъ ему свою посильную помощь, заявивъ, что я буду крайне радъ оказать ему услугу. Мой собесѣдникъ долго и, повидимому, непритворно съ краской на лицѣ отказывался, но, наконецъ, согласился принять отъ меня въ видѣ займа 500 франковъ. Согласился онъ, впрочемъ, только тогда, когда я взглянулъ на него, что я все равно на-мѣревался внести эту сумму въ кассу Association Antimaçonnique, и что теперь я взносъ этотъ сдѣлаю нѣсколько позднѣе, когда онъ сможетъ вернуть одалживаемыя ему деньги. Израсходованные мною такимъ образомъ 500 франковъ принесли мнѣ почти

немедленную пользу. Передавая деньги я, какъ будто-бы шутя, просилъ моего собесѣдника оказать мнѣ, взаимнѣй моею услуги, нужное содѣйствіе въ моемъ дѣлѣ. Тогда онъ заявилъ, что аббатъ Турмантэнъ, обдумавъ мой съ нимъ послѣдній разговоръ, рѣшилъ, что онъ напрасно вступаетъ въ такіе долгіе и откровенные разговоры съ мало-извѣстнымъ ему лицомъ, и счелъ за лучшее держаться отъ меня вдалекѣ, пока я не смогу доставить какую-нибудь существенную рекомендацію. Мой собесѣдникъ сказалъ мнѣ, что подобное рѣшеніе аббата Т. является слѣдствіемъ его обычной осторожности, и что онъ—его ближайшій помощникъ—постарается какъ-нибудь добиться, чтобы аббатъ Т. смотрѣлъ на меня съ болѣе широкимъ довѣріемъ. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время аббатъ Т. назначилъ мнѣ у себя свиданіе, и съ этихъ поръ наши отношенія болѣе или менѣе уладились. Помощникъ аббата вызвался снабдить меня кое-какими общими свѣдѣніями о масонствѣ, имѣющимся въ папкахъ Association Antimaçonique, и ознакомилъ меня съ цѣлымъ рядомъ матеріаловъ и документовъ, касающихся Великаго Востока Франціи. Къ сожалѣнію, въ матеріалахъ этихъ не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній о Россіи. «Если есть такія свѣдѣнія, — говорилъ мнѣ помощникъ аббата Т., — то они чисто случайнаго характера и находятся въ личныхъ бумагахъ аббата, который держитъ у себя всѣ особо-секретныя данныя и документы». Такимъ образомъ все это время я былъ занятъ изученіемъ разныхъ протоколовъ, журналовъ, актовъ и бумагъ Великаго Востока, — поддерживая, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомство съ нѣкоторыми масонами. Нерѣдко приходилось мнѣ говорить съ самимъ аббатомъ Т., причемъ этотъ послѣдній держался со мной выжидательно, усиленно всматриваясь, насколько я дѣйствительно серьезно занятъ антимасонской дѣятельностью. Нѣсколько разъ спрашивалъ я аббата о томъ, въ какую сумму обойдется полное освѣщеніе масонскаго вопроса въ Россіи, и какимъ путемъ можно было бы этого достичь, но аббатъ Т. все откладывалъ свой отвѣтъ. Наконецъ, сегодня аббатъ Турмантэнъ заперся со мной въ своемъ кабинетѣ и изложилъ мнѣ всѣ свои планы и предположенія, каковыя я и поспѣшаю представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

«Мнѣ кажется, — началъ аббатъ, — что я могу вамъ вполне довѣриться. Я зорко наблюдалъ за вами и думаю, что не ошибаюсь, принимая васъ за человѣка честнаго и достойнаго, который не злоупотребитъ моимъ довѣріемъ. Я вѣрю въ ваше желаніе раскрыть и изобличить масонскіе замыслы, направленные на вашу родину, и я хочу вамъ помочь. То, что я скажу вамъ, никто не знаетъ и не долженъ знать. Малѣйшая неосторожность или лишнее слово — и всякая возможность блестящаго результата пропадетъ. Я сообщу вамъ нѣкоторые закулисные мои ходы и дамъ вамъ полную возможность достичь желанной цѣли»... Затѣмъ аббатъ задалъ мнѣ прежде всего вопросъ: есть ли у меня какая-либо возможность добыть для дѣла 500—550 тысячъ франковъ?

Я ужаснулся этой суммѣ и не скрылъ своего удивленія по поводу ея размѣра.—«Подождите ужасаться, сказалъ аббатъ Т., и отвѣтите мнѣ сперва на вопросъ». Я заявилъ, что ничего опредѣленнаго сразу отвѣтить не могу, но что, во всякомъ случаѣ, для выискиванія подобной суммы необходимо знать, на что именно она требуется и какого рода затраты покрываетъ. Тогда аббатъ Т. рассказалъ мнѣ въ общихъ чертахъ слѣдующее:

Революціонное масонство имѣетъ центромъ Францію, а вождями—французскихъ политическихъ дѣятелей (сенаторовъ и депутатовъ). Исключительную роль играетъ Великій Секретаріатъ Великаго Востока, а отчасти и Секретаріатъ Великой Ложи Франціи, отличающійся отъ Великаго Востока лишь подробностями ритуала и почти съ нимъ объединенный. Главный центр тяжести всѣхъ секретныхъ начинаній и дѣлъ находится въ Вел. Секр. Великаго Востока; но такъ какъ оба секретаріата дѣйствуютъ рука въ руку, то о всѣхъ дѣлахъ Вел. Секр. Великаго Востока извѣщенъ и, при желаніи, можетъ узнать, если заинтересуется, и Секретарь Вел. Ложи Франціи, а слѣдовательно, и замѣняющій его (почти полугодіе) помощникъ.—кандидатъ въ секретари.

Въ настоящее время помощникъ этотъ находится въ крайне критическомъ денежномъ положеніи, и его можно «купить» немедленно. Аббатъ Т. заявилъ, что если я сегодня покажу ему, что у меня имѣются нужныя деньги, завтра же всѣ векселя помощника секретаря Вел. Ложи Франціи будутъ у него въ рукахъ, а черезъ 2—3 дня «договоръ» съ помощникомъ секретаря уже будетъ заключенъ. Въ такомъ же почти стѣсненномъ положеніи находится и Вел. Секр. Великаго Востока—самъ Вадекаръ, къ которому, конечно, приступиться нѣсколько труднѣе. Послѣ диффамирующаго его «*affaire des fiches*» — Вадекаръ потерялъ всякую возможность имѣть когда-нибудь должность или мѣсто на государственной и частной службѣ, кромѣ какъ состоятъ Вел. Секретаремъ Великаго Востока и получать за это сравнительно небольшое вознагражденіе. Между тѣмъ его 17-ти лѣтній сынъ кончаетъ учебное заведеніе, и отецъ въ отчаяніи, что кромѣ долговъ и заклеяменнаго имени — онъ сыну ничего не можетъ дать, тѣмъ болѣе, что Вадекаръ прекрасно сознаетъ, что сыну долго придется ждать, пока гдѣ-либо сочтутъ возможнымъ дать мѣсто сыну «извѣстнаго» Вадекара. При подобныхъ условіяхъ является полная возможность подкупить Вадекара, причемъ миссію эту долженъ исполнить одинъ видный депутатъ-масонъ, съ которымъ аббатъ давно поддерживаетъ секретныя сношенія. Этотъ депутатъ, одинъ изъ «высшаго совѣта» масонства, человѣкъ, не разъ аббатомъ испытанный, берущій за каждое порученіе тотъ или другой гонораръ. Повидимому, удочка на Вадекара была уже закинута, и успѣхъ почти обезпеченъ: Вадекаръ пойдетъ на все, если обѣщать ему сумму, освобождающую его отъ долговъ и дающую ему возможность помочь въ первыхъ шагахъ своего

сына. Только съ выполнениемъ изложенныхъ плановъ медлить невозможно. Сроки долговыхъ обязательствъ помощника секретаря Бел. Ложы Франціи и Вадекара наступаютъ въ концѣ этого мѣсяца по нов. стилю. Сейчасъ какъ разъ необыкновенно удачное время сдѣлать имъ необходимое предложеніе. Если пропустить срокъ, то можно упустить случай, который даетъ въ руки одновременно трехъ главнѣйшихъ двигателей масонства; если они смогутъ выйти изъ своего стѣсненнаго положенія, то уговорить ихъ пойти на предложеніе будетъ значительно труднѣе и во всякомъ случаѣ—дороже. Въ случаѣ, если проектируемыя сдѣлки состоятся, то объ условіяхъ нашихъ съ Турмантэнномъ будутъ знать только онъ и я. Масоны будутъ договариваться лишь съ аббатомъ Т., не зная, разумѣется, для кого онъ работаетъ. При этомъ, какъ это почти всегда дѣлается аббатомъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый изъ договаривающихся масоновъ выдаетъ какой-либо компрометирующій его документъ, которымъ онъ отдаетъ себя до извѣстной степени въ руки аббата. Этотъ документъ, или сфотографированный съ него снимокъ, аббатъ Т. передаетъ мнѣ въ видѣ извѣстной гарантіи. Что-же касается до денегъ, то для начала дѣла аббату Т. необходима увѣренность, что нужныя суммы находятся въ моихъ рукахъ или лежатъ въ банкѣ. Если выполненіе задуманнаго плана обойдется дешевле, то деньги остаются у того, кто является «кассиромъ». Аббатъ Т. рекомендовалъ посвящать, даже въ общій планъ задуманнаго дѣла, какъ можно меньшее число лицъ, такъ какъ малѣйшая огласка можетъ испортить все. Само собой разумѣется, аббатомъ будутъ выдаваться соответственныя расписки. Таковъ планъ, предложенный аббатомъ Турмантэнномъ. Въ проведеніи этого плана, т.-е. вѣрнѣе въ окончательномъ договорѣ съ аббатомъ, я могу выступить или въ качествѣ правительственнаго лица, или въ качествѣ уполномоченнаго какимъ-либо частнымъ обществомъ, или кружкомъ (фигтивно), или, наконецъ, просто частнымъ лицомъ.

Относительно всего вышеизложеннаго я позволю себѣ высказать Вашему Превосходительству нижеслѣдующее:

Мнѣ въ первый разъ приходится сталкиваться съ подобнаго рода дѣломъ, въ виду чего, я совершенно не знаю, поскольку сумма въ 500—550 тысячъ франковъ (т.-е. около 190—210 тыс. рублей) подходит къ принятымъ въ подходящихъ случаяхъ нормамъ. Я позволяю себѣ поэтому, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о цифрѣ, судить лишь о сущности дѣла и объ результатахъ, достигаемыхъ затратой указанныхъ денегъ. Изучивъ масонскій вопросъ со всѣхъ достигаемыхъ сторонъ и почти во всѣхъ его тонкостяхъ, я могу съ полной увѣренностью утверждать, что для разоблаченія всѣхъ масонскихъ замысловъ, касающихся Россіи, нельзя придумать лучшаго средства и найти болѣе подходящихъ людей, чѣмъ тѣ, которыхъ предлагаетъ аббатъ Турмантэнъ. Каждый изъ этихъ людей полезенъ самъ по себѣ: депутатъ, какъ непре-

мѣнный совѣтчикъ политическихъ «иниціаторовъ», Вадекаръ и помощникъ секретаря Вел. Лож. Фр., какъ другъ друга дополняющіа исполнительныя инстанціи, а первый еще и какъ хранитель документовъ и переписки о Россіи. Но, представляя несомнѣнный интересъ и въ отдѣльности, эти лица, вмѣстѣ взятыя, являются незамѣнимой и исключительно по своему положенію силою противъ масонства. Это—идеаль, о которомъ я даже и не смѣлъ мечтать, и который достигимъ теперь только благодаря сцѣпленію всевозможныхъ обстоятельствъ! Дѣйствительно: депутатъ знаетъ про многіе планы вождей масонства, даже, можетъ быть, про такіе, которые находятся въ самомъ зачаточномъ состояніи, но зато онъ не посвященъ въ детали переписки и не можетъ быть въ курсѣ чисто практическаго осуществленія плановъ; Вадекаръ-же, ведя переписку, не освѣдомленъ о многихъ планахъ главарей, такъ какъ не всѣ планы переданы ему на исполненіе; равнымъ образомъ пом. секр. Вел. Л. Фр. не столь, конечно, знакомый съ матеріалами Великаго Востока, какъ знакомъ съ ними Вадекаръ, имѣетъ надъ послѣднимъ то преимущество, что онъ въ состояніи постоянно слѣдить за русскими масонами въ Германіи и Англіи, тогда какъ Вадекаръ этой возможности лишенъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что масонство Германіи и Англіи, не признавая вовсе Вел. Востока Франціи, входитъ въ сношенія и даже признаетъ Вел. Ложу Франціи, въ катехизисѣ которой идея Бога не отвергнута. Такимъ образомъ всѣ три лица, предложенныя аббатомъ Т., дополняютъ другъ друга, и, заручившись ими, мы будемъ держать въ рукахъ все масонство: ни одна бумага, ни одно слово не сможетъ отъ насъ ускользнуть! Мы сразу раскроемъ всю тщательно скрываемую организацію масонства въ Россіи и раскроемъ ее не въ видѣ отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ фактовъ, а всю, цѣликомъ! Такъ какъ Вадекаръ будетъ въ невѣдѣніи, что для насъ работаетъ и помощникъ секр. Вел. Ложн Франціи — и наоборотъ, то такимъ образомъ создается извѣстный контроль, который обезпечитъ полноту свѣдѣній. Впрочемъ, полнота свѣдѣній достаточно, мнѣ кажется, обезпечена опытностью Турмантена, у котораго для достиженія абсолютной полноты—цѣлый рядъ легко проводимыхъ плановъ.

Что-же касается до важности того, что удастся такимъ образомъ открыть, то въ этомъ сомнѣваться трудно. Человѣкъ, мало-мальски знакомый съ масонствомъ и изучившій хоть поверхностно его дѣятельность съ конца XVIII вѣка, не можетъ не признать въ этомъ тайномъ обществѣ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага монархіи и церкви. Въ Россію масонство успѣло прорваться несмотря на строжайшіе запреты 1821 и 1826 г.г. Въ настоящее время оно уже пережило зачаточное состояніе и пускаетъ все болѣе и болѣе глубокіе корни. Въ число масоновъ вступили сперва русскіе профессора, потомъ—политическіе дѣятели; въ настоящее время, по общему говору (масоновъ и не-масоновъ),

масонство распространяется въ болѣе широкіе круги: съ одной стороны, оно захватываетъ военную среду и знать, съ другой— оно стягиваетъ приверженцевъ крайнихъ лѣвыхъ партій. Центры масонства опредѣлены:—это правильно функционирующія ложи въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, причемъ въ последнемъ городѣ масонство почти исключительно польско-еврейское, съ сильно лѣвымъ направлениемъ. Насколько вся масонская дѣятельность ведется умѣло и конспиративно, можно судить по тому, что за все это время ничто не подало поводъ подозрѣвать, что въ Россіи существуютъ масонскія ложи и собранія. Работа масонства сложна и многостороння. Потребовались бы спеціальныя изысканія для полученія и описанія дѣятельности масонства въ каждой отдѣльной странѣ. Но фактъ тотъ, что въ странѣ, гдѣ масонство въ достаточной мѣрѣ упрочилось, не только ни одно крупное событіе внутренней политики, ни одинъ государственный переворотъ не обошелся безъ участія въ немъ масонства, но каждый такой переворотъ, каждое событіе были прямыми и необходимыми слѣдствіями тонко задуманной и настойчиво проводимой масонской политики, ведущей къ одной вполнѣ опредѣленной цѣли: къ установленію всемірной республики, т. е. иначе говоря, къ низверженію монархической власти.

Мнѣ удалось съ помощью знакомыхъ масоновъ, научившихъ меня всѣмъ необходимымъ тайнымъ знакамъ и словамъ, и съ помощью помощника аббата Турмантена, доставшаго мнѣ рекомендательное письмо къ Мастеру ложи: «La Renaissance» — брату Бонъ (Bon)—пробраться на засѣданіе этой ложи 1/14 ноября. Мнѣ хотѣлось попасть на это засѣданіе потому, что въ немъ должно было праздноваться (batterie d'allégresse) установленіе Португальской республики, и по этому поводу долженъ былъ говорить рѣчь какой-то видный масон-депутатъ. Такъ какъ я зналъ тайный пароль («pombré» и «numeration» до 1 января), то меня впустили въ качествѣ брата-посѣтителя (fr.-visiteur) Durand, каковымъ я былъ рекомендованъ Мастеру ложи. Я слышалъ всѣ говоренныя рѣчи: всѣ онѣ типичнаго революціоннаго характера, даже съ оттенкомъ фанатизма. Въ одной изъ нихъ былъ ясный и опредѣленный намекъ на Россію, о которой обыкновенно въ такихъ «большихъ» засѣданіяхъ не говорятъ. Вотъ точный переводъ этого мѣста: «...Завоевательная дѣятельность масонства идетъ впередъ крупными шагами: мало-по-малу мы покоряемъ весь міръ! Вчера, вдохновленные нашими идеями, персы и турки совершили переворотъ къ вѣщей славы свободной мысли,—сегодня, просвѣтленные нашимъ свѣтомъ либералы-португальцы провозглашаютъ республику,—завтра соседнія съ Португаліей страны юга и даже грозное недавно государство сѣвера въ ужасѣ замѣтятъ, какъ глубоко вонзился въ нихъ масонскій топоръ, и какъ въ расщепленное нами отверстіе дружно ринулись всѣ революціонныя силы... Увидить это прославленная деспотизмомъ страна сѣвера, и не сможетъ ничего сдѣлать, т. к. мы дѣйствуемъ безъ ошибокъ и

промаха; каждому изъ братьевъ, хоть смутно, но извѣстно, какія тонкія нити закидываются Вел. Востокомъ—нити, незамѣтныя порой даже опытному глазу масона. И чѣмъ грознѣе врагъ, чѣмъ онъ опаснѣе, тѣмъ пріятнѣе борьба, и тѣмъ слаще побѣда! А побѣда будетъ за нами, такъ какъ мы идемъ вмѣстѣ съ народомъ, съ рабочимъ людомъ и съ высшей интеллигенціей—т.-е. съ лучшими свѣжими силами противъ прогнившаго и обезличеннаго деспотизма и тираніи!...—Я слышалъ это собственными ушами и не могу ярче этихъ фразъ передать ту опасность, которая грозитъ Россіи. Примѣры Франціи XVIII—XIX вѣка, Персіи, Турціи, Португаліи—тѣхъ странъ, въ которыхъ констатировано масонское воздѣйствіе на политику,—ясно показали, что масоны не ограничиваются словами и умѣютъ проводить свои цѣли на дѣлѣ. Результаты ихъ политики губительны для политическаго строя монархическихъ странъ. Поэтому необходимо бороться съ масонскимъ движеніемъ и уничтожить его именно теперь, когда еще оно не такъ широко раскинулось въ Россіи. Для того-же, чтобы уничтожить врага, надо его видѣть, надо знать его силы. И вотъ въ этомъ случаѣ единственнымъ вѣрнымъ способомъ борьбы является проведеніе плана, предлагаемаго аббатомъ Т. Планъ этотъ раскрываетъ передъ нашими глазами все: намъ будетъ извѣстна вся исторія постепеннаго насажденія масонства въ современной Россіи, имена всѣхъ русскихъ масоновъ и всѣхъ французскихъ пропагандистовъ, названія и адреса русскихъ ложъ, дни ихъ засѣданій, всѣ ихъ работы, мѣстохранилища документовъ и бумагъ; наконецъ, въ нашихъ рукахъ будетъ находиться вся переписка, все «дѣло» о русскомъ масонствѣ въ подлинныхъ документахъ или сфотографированныхъ снимкахъ. Вся тщательно сокрытая организація станетъ извѣстна, и мы получимъ возможность въ любой, наиболѣе удобный моментъ съ корнемъ вырвать изъ Россіи это зло, сгубившее столько другихъ правительствъ, не потрудившихся во-время, серьезно и предусмотрительно отнестись къ масонской опасности. Смотри на дѣло съ этой точки зрѣнія, мнѣ представляется потребная на полное разоблаченіе сумма не столь уже чрезмѣрной, тѣмъ болѣе, что я глубоко убѣжденъ, что если приступить къ дѣлу рѣшительно и скоро, то сумма эта выразится въ значительно менѣе крупной цифрѣ, чѣмъ 550 тысячъ франковъ. Скорость рѣшенія необходима еще и потому, 1), что аббатъ Т. долженъ уѣхать по своимъ дѣламъ въ 20-хъ числахъ декабря по н. ст. на довольно долгое время, и отложить свою поѣздку; лишь въ случаѣ, если мы съ нимъ окончательно договоримся,—и 2), потому, что сроки долговыхъ обязательствъ Вадекара и другого секретаря—очень близки.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Превосходительство точныхъ инструкцій въ смыслѣ принципиальнаго рѣшенія вопроса о принятіи предложенія аббата Турмантена. Въ случаѣ, если вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то я позволяю себѣ хода-

тайствовать о доставленіи мнѣ телеграфнаго о семъ извѣстія съ обозначеніемъ той суммы, до которой желательно бы было понизить требующійся расходъ. Равнымъ образомъ, я почтительнѣйше прошу указаній, въ качествѣ кого (частнаго или официального лица) могу я продолжать вести переговоры. Осмѣливаюсь просить телеграфнаго извѣщенія даже въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ аббатъ Турмантанъ убѣдительно просилъ меня о возможно скоромъ отвѣтѣ и отложилъ свою побѣдку до 20-хъ чиселъ декабря исключительно по моей настойчивой просьбѣ.

Все вышеизложенное имѣю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Коллежскій ассессоръ

Борисъ Алексѣевъ.

25 ноября
8 декабря 1910 г. Парижъ.
Hôtel Richepanse.

Эти отчеты снабжены подробнѣйшими счетами по городамъ, въ которыхъ былъ Алексѣевъ. Изъ нихъ видно, что стоитъ Алексѣеву извозчикъ, швейцаръ-мальчикъ, обѣды и ужины «вдвоемъ» (есть троимъ и четверомъ, но больше вдвоемъ), театр «вдвоемъ» и пр. «Вечеръ вдвоемъ» стоилъ 25 франковъ, порядочно израсходовано на папиросы. Однимъ словомъ, молодой ученый въ средствахъ себя не стѣснялъ и жилъ привольно (всего истратилъ онъ около двухъ тысячъ франковъ). Помню приведенныхъ докладовъ Курлову Алексѣевъ обмѣнивался съ нимъ телеграммами. Въ телеграммѣ 3 декабря 1910 г. Курловъ разрѣшаетъ: «приступить переговорамъ лишь качествѣ частнаго лица на условіяхъ, сообщенныхъ докладѣ номеръ два: ежегодный взносъ, небольшая сумма единовременно на полученіе имѣющагося матеріала и видѣ вознагражденія за услуги ордена». Алексѣевъ не унываетъ: «секретность, сосредоточенность свѣдѣній дѣлаетъ бесполезнымъ планъ донесенія второго; мелкіе агенты могутъ добыть минимальныя разрозненныя свѣдѣнія; не оправдываютъ расходовъ цѣли: главы категорически отвергли частичную оплату, ежегодный взносъ, не желая невѣрной службы частичныхъ торговъ, согласны только крупную единовременную сумму выдачу настоящихъ будущихъ матеріаловъ; гарантія компрометирующій документъ. Большимъ трудомъ удастся сократить пока четыреста пятьдесятъ тысячъ. Надѣюсь еще послѣдній срокъ среду утромъ. Ходатайствую возможно раньше телеграфныхъ окончательныхъ инструкцій». Это писано 5-го, а 6-го Алексѣевъ пишетъ: «умоляю стойте за четвертое». 7-го на его имя пришла депеша: «благоволите оттянуть

дачу отвѣта извѣстному лицу, мотивируя экстреннымъ вызовомъ Васъ для окончательныхъ переговоровъ Петербургъ. Признается необходимость Вашего личного доклада».

При дѣлѣ приложенъ номеръ журнала извѣстнаго намъ Турмантена «La Franc-Maçonnerie Démasquée». Въ немъ—обращение Турмантена къ Николаю II-му: «Sire, La Franc-Maçonnerie a fait la Révolution française et tué une dynastie. La France est la victime de cette secte ténébreuse qui a faussé la mentalité de notre malheureux pays. Aujourd'hui, la Franc-Maçonnerie semble diriger ses efforts contre la Russie. En homme avisé, je pousse le cri d'alarme. Depuis plusieurs années, les Loges de Paris ouvrent leurs portes aux sujets russes. J'en ai donné déjà quelques preuves. En voici une nouvelle: Le 13 mars 1907, dans la tenue de la loge parisienne L'Avant-Garde Maçonnique, il a été tiré une «batterie d'allégresse» en l'honneur d'un F., élu récemment à la Douma, membre de la loge L'Avant-Garde. A cette occasion, le Président a laissé entendre que plusieurs loges maçonniques sont en voie de formation en Russie. Il y a là une indication qui mérite d'être signalée en haut lieu; et c'est en ami de la Russie et de son Souverain que je me permets, Sire, de vous adresser ces lignes, en signe du respect et du dévouement que je porte à Votre Majesté. J. Tourmantin» ¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ Алексѣевскій же докладъ о положеніи масонскихъ дѣлъ въ Петербургѣ:

Совершенно частнымъ образомъ удалось установить слѣдующія данныя о дѣятельности масонскихъ пропагандистовъ:

Всѣ петербургскіе масоны группируются около Н. Н. Беклемишева, Т. О. Соколовской и В. В. Архангельской-Авчинниковой. Главнымъ мѣстомъ ихъ собраній является помѣщеніе музея Изобрѣтеній и Усовершенствованій (Мойка, 12), гдѣ почти еженедѣльно происходятъ обсужденія всевозможныхъ темъ, касающихся масонства. Устраиваемыя въ этомъ помѣщеніи собранія не являются, однако, собраніями въ стилѣ «ложъ», а представляютъ собою подготовительную инстанцію вербованія адептовъ масонства, выражающуюся въ чтеніи тенденціозныхъ лекцій и докладовъ. Присутствуютъ на этихъ собраніяхъ только лица, получившія на то особое приглашеніе. На собраніи 11 марта 1911 г. присутствовали всего 20 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились: Н. Н. Беклемишевъ, Т. О. Соколовская, д. с. с. С. И. Афанасьевъ (врачъ глав-

¹⁾ Переводъ: „Государь, фр.-масонство сдѣлало французскую революцію и погубило династію. Франція—жертва этой темной секты, которая испортила духовное состояніе нашей несчастной страны. Кажется, что сейчасъ ф.-м. направилъ свои усилія противъ Россіи. Какъ человѣкъ разсудительный, я взываю о помощи. Уже много лѣтъ Парижскія ложи занимаются русскими вопросами. Я уже давалъ доказательства этому. Вотъ новое: 13 марта 1907, на собраніи Парижской ложи „Масонскій Авангардъ“ поднялось ликование въ честь одного Ф., недавно избраннаго въ Думу, члена ложи „Авангардъ“. По этому случаю Президентъ провозгласилъ о томъ, что многія масонскія ложи скоро будутъ образованы въ Россіи. Это указаніе заслуживаетъ особаго вниманія, и другъ Россіи и ея Суверена позволяетъ себѣ адресовать, Государь, Вамъ эти строки въ знакъ уваженія и преданности Вашему Величеству“.

наго инженернаго управленія), Ю. В. Руммель, Н. И. Филипповскій, отставной гвардіи полковникъ Ѳ. Г. Козляниновъ, писательница Ю. М. Загуляева, Буторина, Соколовъ, Лапинъ, Самохваловъ, Шеповальниковъ. Кромѣ того, присутствовали одинъ неизвѣстный вице-адмиралъ и два генерала, а также нѣкоторые члены Лиги Обновленія Флота.

Около двухъ недѣль тому назадъ частное собраніе имѣло мѣсто у журналиста инженера А. В. Зенгера (Фонтанка 103), гдѣ, между прочимъ, присутствовали А. А. и В. А. Суворины.

Въ настоящее время центромъ масонскихъ пропагандистовъ является В. В. Архангельская-Авчинникова. Въ частной бесѣдѣ она заявила, что пріѣхала изъ Франціи въ качествѣ развѣдчика масонства. Почва для активной масонской дѣятельности въ Россіи, по ея мнѣнію, уже достаточно подготовлена. Согласно заявленію г-жи Архангельской въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ этого года прибудетъ въ Россію масонская экспедиція, человекъ изъ восьми. Выборъ времени пріѣзда этой экспедиціи обусловливается тѣмъ, что въ іюнѣ или іюлѣ ожидаются, по свѣдѣніямъ французскихъ масоновъ, беспорядки въ Россіи. Присутствіе масонскихъ делегатовъ во время этихъ беспорядковъ признается масонствомъ крайне полезнымъ для соотвѣтствующаго воздѣйствія на извѣстные классы общества. Главною цѣлью экспедиціи является правильная организація масонства въ Россіи и врученіе русскимъ вожакамъ масонства полной инструкціи для дальнѣйшей дѣятельности.

Активная дѣятельность русскихъ ложъ,—по словамъ той-же г-жи Архангельской,—начнется уже осенью 1911 года и будетъ находиться въ большой зависимости отъ результатовъ всемірнаго масонскаго конгресса въ Римѣ, назначеннаго на 20—23 сентября 1911 г. На этомъ конгрессѣ, подъ предлогомъ чествованія юбилейнаго дня «возрожденія» Италіи, будутъ детально обсуждаться планы скорѣйшаго проведенія въ жизнь конечныхъ цѣлей масонства: уничтоженія монархій и церкви и установленія всемірной республики.

Объ павложенномъ имѣю честь почтительнѣйше доложить Вашему Превосходительству. Коллежскій ассессоръ В. Алексѣевъ.
11 мая 1911 г.

Насколько масонство казалось Алексѣеву вездѣсущимъ, видно изъ того, что онъ дерзаетъ простирать свои подозрѣнія уже на само Правительство. Послѣ убійства П. А. Столыпина Алексѣевъ почтительнѣйше докладываетъ тому же генералу Курлову нижеслѣдующее:

«Отъ лицъ, стоящихъ близко къ здѣшнимъ масонскимъ кругамъ, удалось услышать, что покушеніе на г. председателя совѣта министровъ находится въ нѣкоторой связи съ планами масонскихъ руководителей. Обрывочныя свѣдѣнія объ этомъ сводятся, приблизительно, къ слѣдующему:

Уже съ нѣкоторыхъ поръ къ г. предсѣдателю совѣта министровъ дѣлались осторожные, замаскированные подходы, имѣющіе цѣлью склонить его высокопревосходительство на сторону могучаго сообщества. Само собой разумѣется, попытки эти производились съ присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г. предсѣдателя никакихъ подозрѣній. Мало разсчитывая на то, что имъ удастся склонить премьеръ-министра, масоны повели атаку и на другой фронтъ, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупнаго сановнаго лица. Такимъ лицомъ, говорятъ, оказался П. Н. Дурново, который сдѣлался будто бы ихъ покровителемъ въ Россіи, быть можетъ имѣя на это свои цѣли. Когда масоны убѣдились, что у нихъ есть такая заручка, они уже начали смотрѣть на г. предсѣдателя министровъ, какъ на лицо, могущее служить имъ скорѣе препятствіемъ. Говорятъ, что на одномъ изъ заграничныхъ (повидимому, Парижскомъ) «верховныхъ» собраній масонства тайные руководители союза пришли къ заключенію, что, судя по общему настроенію русскаго общества, настоящее время является наиболѣе подходящимъ для прочнаго укорененія масонства въ Россіи. Собираясь, однако, приступить у насъ къ болѣе или менѣе активнымъ выступленіямъ, масоны были обезпечены тѣмъ обстоятельствомъ, что у власти стоялъ г. предсѣдатель совѣта министровъ, который, если не былъ заклятымъ врагомъ союза, то, во всякомъ случаѣ, не принадлежалъ къ числу его покровителей. Любопытно, что въ здѣшнихъ масонскихъ кругахъ господствуетъ убѣжденіе, что г. предсѣдатель сильно считается съ масонствомъ и опасается могущества ордена. Въ печати даже проскользнула однажды статья («Гроза» № 153 и «Русская Правда» № 13—1911 г.), заявляющая, что его высокопревосходительство находится «подъ вліяніемъ масоновъ, дѣйствующихъ на него черезъ его брата, А. Столыпина». Заграницею же на премьеръ-министра смотрятъ, какъ на лицо, которое не пожелаетъ принести масонству ни пользу ни вредъ. Это послѣднее убѣжденіе на верховномъ недавнемъ совѣтѣ, о которомъ идетъ рѣчь, побудило руководителей масонства придти къ заключенію, что г. предсѣдатель совѣта министровъ является для союза лицомъ «безполезнымъ», а слѣдовательно, въ настоящее время, когда масонство собирается нажать въ Россіи всѣ свои пружины — даже вреднымъ для цѣлей масонства. Такое рѣшеніе верховнаго совѣта было извѣстно здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Какъ я уже имѣлъ честь докладывать Вашему Превосходительству, масоны ожидали въ іюлѣ мѣсяцѣ какихъ-то событій, которые объяснялись здѣшними масонами въ видѣ броженій, безпорядковъ и т. п. Тайные парижскіе руководители не сообщали о томъ, въ какомъ именно видѣ событія эти выльются, и только теперь, по совершенію факта, — здѣшніе масоны припоминаютъ о кое-какихъ слабыхъ намекахъ на г. предсѣдателя совѣта министровъ, политикой котораго верховный масонскій совѣтъ былъ не-

доволенъ. Говорятъ, что руководители масонства воспользовались тѣсными сношеніями, установившимися между Великимъ Востокомъ Франціи и революціонными комитетами, и подтолкнули исполненіе того плана, который только былъ въ зародышѣ. Говорятъ также, что чисто «техническая» сторона преступленія и кое-какія детали обстановки, при которой возможно было совершить покушеніе, были подготовлены черезъ масоновъ, послѣднее, впрочемъ, говорится въ видѣ предположеній.

Между прочимъ, по вопросу объ охранѣ среди здѣшнихъ масонскихъ круговъ господствуетъ убѣжденіе, что при теперешней постановкѣ этого дѣла какое-либо покушеніе возможно лишь посредствомъ масонскихъ силъ, имѣющихъ во всѣхъ слояхъ общества таинственные нити, безъ помощи которыхъ ни одинъ революціонный комитетъ не сможетъ ничего привести въ исполненіе. Слѣдя за политическими партіями, правительство, по словамъ здѣшнихъ масоновъ, не имѣетъ средствъ борьбы только противъ одной — только противъ масонства, ускользающаго изъ-подъ самаго бдительнаго надзора».

Одновременно Алексѣевъ предавался чистой наукѣ и представлялъ Курлову счетъ на пріобрѣтеніе масонской литературы. Такъ 13 мая 1911 года онъ подалъ слѣдующую докладную записку:

«Въ виду возложеннаго на меня Вашимъ Высочайшимъ повелѣніемъ порученія, имѣю честь испрашивать соизволенія на отпускъ мнѣ 69 рублей для покупки нижеслѣдующихъ изданій, имѣющихся въ антикварномъ книжномъ магазинѣ Н. Соловьева».

Дальше слѣдовалъ списокъ изданій XVIII и нач. XIX в. по масонству.

Не за сообщеніе ли этихъ цѣнныхъ изданій приносить благодарность Алексѣеву молодой историкъ масонства Г. В. Вернадскій въ предисловіи къ своей книгѣ о русскомъ масонствѣ XVIII в.?

А что-же аббатъ Турмантэнъ? Полмилліона франковъ на раскрытіе масонскихъ козней онъ не получилъ, но неудача не оттолкнула его отъ русскаго департамента полиціи. Онъ устроился на скромныхъ началахъ и за скромную плату доставлялъ свѣдѣнія о русскихъ масонахъ. Приводимъ образцы донесеній Турмантэна. Совокупность этихъ донесеній и свѣдѣній о немъ, сообщенныхъ ассессоромъ Алексѣевымъ, не даетъ опредѣленныхъ указаній на личность Турмантэна; на основаніи этихъ данныхъ нельзя сказать съ увѣренностью, чего больше въ его дѣятельности: вздорности или жульничества. Вотъ три его сообщенія отъ 1914 года въ русскомъ переводѣ:

1. Извѣстно, что французскія ложи всегда были противъ

русского союза. Но зато постоянно ведется упорная пропаганда въ пользу искреннаго соглашенія съ Германіей. Вотъ слухъ, который въ настоящее время распространяють въ ложахъ Франціи:

«Россія работаетъ надъ гибелью французскаго республиканскаго правительства и надъ паденіемъ республики. Ея мечта возвести на престолъ Франціи принца Луи-Бонапарта, служащаго въ русской арміи, и возстановить Имперію въ его пользу».

Этотъ тенденціозный слухъ имѣетъ цѣлью возбудить противъ Россіи неудовольствіе правительства и сторонниковъ республиканскаго режима и раздражить друзей принца Виктора. Еще добавляють, что вступленіе на тронъ принца Виктора ¹⁾, было бы побѣдой Россіи надъ нашими финансами, и что черезъ него она получила бы всѣ займы, нужные для распространенія ея власти и территоріи на Востокъ.

Этотъ слухъ долженъ быть серьезно принять въ соображеніе.

Ж. Турмантэнъ.

2. 14 мая 1913 г. въ Парижской ложѣ «Les Rénovateurs» (Обновители), предсѣдатель (Vénérable) которой Ф. Синкюль, одинъ изъ двухъ делегатовъ, посланныхъ Великимъ Востокомъ Франціи, для открытія двухъ ложъ въ Россіи, одинъ русскій франмасонъ, имя котораго не удалось запомнить, произнесъ слѣдующія по сущности своей слова:

«Католицизмъ въ Россіи можетъ быть для нашего дѣла полезнымъ орудіемъ. Поэтому мы вызываемъ и поддерживаемъ средствами, о которыхъ они не подозреваютъ, неудовольствіе католиковъ противъ правительства и русской полиціи, хотя мы сами враги всякой религіи».

Кромѣ этого, говорилось о нѣкоторыхъ фактахъ и о нѣкоторыхъ преслѣдованіяхъ русской полиціей католиковъ, особенно въ Польшѣ, о которыхъ уже говорили французскія газеты. Въ заключеніе франмасонъ сказалъ, что раздраженіе католиковъ можетъ быть искусно использовано масонствомъ.

Ж. Турмантэнъ.

3. Замѣтки: Присяжный корреспондентъ русскаго масонства во Франціи Ф. Буле, живущій № 7 улица Анри Монье въ Парижѣ. Но предполагають, что письма, получаемыя имъ изъ Россіи, не посылаются ни на его имя, ни по его адресу. Русской администраціи это могло бы быть извѣстно.

Три или четыре недѣли ²⁾ тому назадъ въ Парижъ пріѣхалъ

¹⁾ „Викторъ“ названъ во второй разъ вѣрно по ошибкѣ, такъ какъ на словахъ г. Турмантэнъ въ этомъ случаѣ также назвалъ принца Луи-Бонапарта.

²⁾ $\frac{1-7}{XI}$ ст. стили.

нѣкій Бадуель, членъ Венсенской ложи и агентъ масонства. Онъ пріѣхалъ изъ Москвы, гдѣ пробылъ нѣкоторое время и куда, какъ кажется, долженъ скоро вернуться.

Ж. Турмантэнъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ выше, а также и многихъ другихъ подобныхъ свѣдѣній, была составлена записка для ознакомленія державнаго хозяина русской имперіи съ масонствомъ.

Дѣло о похоронахъ И. С. Тургенева.

„Лѣтъ черезъ двадцать не повѣрять, что все это было возможно“.

(Стасюлевичъ).

Къ стыду нашему дѣло такое, дѣйствительно, существуетъ— въ архивѣ департамента полиціи. До сихъ поръ мы знали о мытарствахъ, которыя претерпѣли друзья Тургенева, везшіе его тѣло, изъ того, что сообщилъ объ этомъ М. М. Стасюлевичъ. Не столько въ своихъ статьяхъ и телеграммахъ (въ «Вѣстникѣ Европы» и «Новостяхъ») разсказалъ Стасюлевичъ объ этомъ со всей жгучей яркостью, сколько въ интимныхъ письмахъ къ женѣ: «хотѣли запереть тѣло на три дня въ сарай, съ прочею кладью, но я и священникъ воспротивились; насъ поддержала таможня; мы разломали ящикъ и перенесли гробъ въ церковь, гдѣ и отслужили панихиду съ пѣвчими». — Въ другомъ письмѣ Стасюлевичъ пишетъ: «Памятны для меня были эти три дня, не только въ этомъ году, но въ теченіе всей моей жизни! Вѣдь можно подумать, что я везу тѣло Соловья-Разбойника! Соловья — да! Но Разбойника — нѣтъ! Но зато какое мнѣ здѣсь всѣ оказывали сочувствіе, начиная отъ начальства до послѣдняго солдата!! Какой здѣсь прелестный священникъ, и какую милую и теплую рѣчь онъ сказалъ сегодня во время панихиды!.. Что то будетъ во вторникъ. Ихъ глупость употребляла всѣ усилія, чтобы вызвать безпорядки, но надобно думать, что имъ это не удалось... Придется на всякой станціи отворять дверь и допускать къ покойнику, если это не будетъ воспрещено, а кажется, что будетъ, но посмотрю! Меня будетъ эскортировать здѣшній жандармскій офицеръ до Вильны. — «Вы мнѣ, вѣрно, позволите съ вами ѣхать», сказалъ онъ мнѣ сегодня. — «Это для меня столько-же неожиданно, сколько пріятно!» — отвѣчалъ я ему. Съ Вильны, вѣрно, поѣдетъ другой. Бѣдный, бѣдный Тургеневъ! Прости имъ ихъ прегрѣшенія вольныя и невольныя: не вѣдать бо что творять!! Еслибы я описалъ подробности этихъ трехъ дней въ Вержболовѣ, — лѣтъ черезъ 20 не повѣрять, что все это было возможно. Въ Эйдкуненѣ все знаютъ — и тамъ глубоко возмущены напимъ скудоуміемъ!» ¹⁾.

¹⁾ М. М. Стасюлевичъ и его соврем. въ ихъ перепискѣ, III, 237, 238. Въ Эйдкуненѣ остались иностранные почитатели Тургенева, провожавшіе гробъ до границы.

Подробно описывает Стасюлевичъ (въ «Вѣстникъ Европы» XI, 1883) путь слѣдованія тѣла—отъ Вержболова до Петербурга. Я приведу только то изъ статьи, что дополнитъ матеріалы департамента полиціи. Въ Вержболовѣ «отслужить передъ отъѣздомъ литію оказалось неудобнымъ, и священникъ одинъ поднялся въ траурный вагонъ, тихо помолился надъ гробомъ»... Несмотря на ужасную погоду, позднее время и отсутствіе своевременныхъ извѣщеній: «на всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ станціяхъ, мы встрѣчали болѣе или менѣе значительную массу людей, терпѣливо ожидавшихъ часами прибытія поѣзда. Въ Ковно и въ Вильнѣ общество русскихъ приготовило все необходимое для литіи, во время десяти минутъ остановки поѣзда; но я успѣлъ только принять вѣнки на гробъ. Такъ какъ въ Вильнѣ необходимо было при этомъ открыть самый вагонъ, чтобы освидѣтельствовать веревки, которыми былъ укрѣпленъ гробъ на катафалкѣ, то громадная толпа обступила вагонъ, съ выраженіемъ величайшаго благоговѣнія и въ глубокой тишинѣ, сохраняя при этомъ строгій порядокъ; всѣ какъ-бы замерли, въ виду зрѣлища, котораго, конечно, ожидали, и тѣмъ не менѣе были тронуты и взволнованы, когда увидѣли въ двухъ-трехъ шагахъ отъ себя ясеневый гробъ, высившійся на черномъ катафалкѣ... Прислуга между тѣмъ успѣла укрѣпить вытѣнувшіяся отъ чрезвычайной тяжести гроба и толчковъ паровоза веревки; вагонъ былъ закрытъ, и въ два часа пополудни поѣздъ отошелъ изъ Вильны»... Въ Динабургѣ (Двинскѣ) тоже возложено было нѣсколько вѣнковъ. Стасюлевичъ предложилъ напирившей на вагонъ публикѣ—дать ему кого-нибудь изъ дѣтей, чтобы ребенокъ за всѣхъ простился съ покойникомъ. Такъ и поступили. Встрѣчу въ Псковѣ Стасюлевичъ описываетъ по корреспонденціи одной изъ московскихъ газетъ. Въ ней говорится о приготовленіяхъ псковичей. «Однако-жъ, несмотря на горячее желаніе псковичей почтить усопшаго великаго писателя, все вышло далеко не такъ торжественно, какъ предполагалось». Гимназическое начальство, напримѣръ, блистательно отсутствовало. «Не знаемъ,—говоритъ корреспондентъ,—занимаемые ими посты или несочувствіе къ таланту и направленію покойнаго писателя помѣшали имъ присутствовать на его проводахъ»... Стасюлевичъ отмѣчаетъ слѣдующіе вѣнки отъ псковичей: поднесенный замѣстителемъ городского головы «отъ города Пскова», отъ періодическихъ изданій «Земскій Вѣстникъ», «Городской Листокъ» и журнала «Истина», отъ классической гимназіи и реального училища, отъ предсѣдателя уѣздной земской управы—поэта Яхонтова. Въ Лугѣ и Гатчинѣ разрѣшены были литіи, но въ Гатчинѣ еле успѣли отслужить ее, какъ раздался третій звонокъ. Духовенство успѣло покинуть вагонъ, а задвигавшій дверь Стасюлевичъ долженъ былъ вскакивать въ поѣздъ на ходу. Торопились поскорѣе увезти прахъ великаго писателя отъ тѣхъ, кто желалъ съ нимъ проститься въ послѣдній разъ. Вотъ, вкратцѣ, исторія перевоза тѣла Тургенева—какъ она

*

была извѣстна до сихъ поръ. Ниже помѣщаемые, разысканные мною документы архива департамента полиціи дополняютъ и освѣтять роль русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ.

Департаментъ полиціи усиленно подготовлялся къ встрѣчѣ Тургенева на русской землѣ.—21 сентября директоръ Плеве телеграфировалъ въ Вержболово: «По прибытіи тѣла покойнаго писателя Тургенева въ Вержболово примите мѣры, чтобы оно было отправлено далѣе безостановочно съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыло въ Петербургъ двадцать седьмого сентября рано утромъ». Въ тотъ же день псковскому губернатору, виленскому генералъ-губернатору и начальнику жандармскаго управленія было телеграфно приказано: «въ виду предстоящаго на-дняхъ по линіи Вержболово-Виленской-Петербургской провоза тѣла покойнаго писателя Тургенева... принять безъ всякой огласки съ особой осмотрительностью мѣры къ тому, чтобы... не дѣлаемо было торжественныхъ встрѣчъ». Вержболовскій жандармскій офицеръ въ отвѣтъ на это сообщилъ: «По полученнымъ свѣдѣніямъ тѣло Тургенева прибываетъ Вержболово 23-го сентября. Жду распоряженія, какъ поступить въ случаѣ, если сопровождающій тѣло Стасюлевичъ не согласится прождать здѣсь три дня». Плеве распорядился: «Полагаю, что Стасюлевичъ возраженій не представлять. Если таковыя послѣдуютъ, телеграфируйте и ожидайте разрѣшенія, не отступая отъ даннаго указанія». Псковскій губернаторъ пишетъ Плеве 22 сентября, что «въ настоящее время представляется болѣе чѣмъ затруднительно совершенно отклонить встрѣчу на станціи желѣзной дороги при провозѣ тѣла Тургенева черезъ Псковъ. Постановленіемъ думы, состоявшимся 26 августа, поручено городскому управленію отслужить на вокзалѣ желѣзной дороги, при провозѣ тѣла Тургенева, торжественную панихиду и возложить отъ имени города вѣнокъ на его гробъ. Такіе же вѣнки предположено положить отъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, а равно отъ редакцій издающихся въ Псковѣ газетъ и духовнаго журнала «Истина». Газетные толки о происходящемъ движеніи въ Петербургѣ, телеграммы изъ разныхъ мѣстъ Россіи объ открытіи училищъ имени Тургенева и различныхъ жертвахъ, связанныхъ съ его именемъ, несомнѣнно имѣли вліяніе и на здѣшнее общество, которое считаетъ нравственнымъ долгомъ воздать дань уваженія памяти Тургенева, исключительно какъ писателя. Для пріаданія предположенной встрѣчѣ болѣе скромнаго характера, я надѣюсь имѣть возможность отклонить служение панихиды, что собственно и составило бы показную сторону встрѣчи, и посовѣтую воздержаться отъ рѣчей при возложеніи вѣнковъ на гробъ; но отклонить самое возложеніе вѣнковъ—я считаю уже не своевременнымъ, если не выступить въ этомъ дѣлѣ сѣциальнымъ образомъ. Въ сущности я думаю, что при кратковременной остановкѣ поѣзда на Псковской станціи, — все обойдется весьма просто и смирно; не

вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что здѣсь за-
велись корреспонденты, которые сообщаютъ всякія новости съ-
верному агентству и нерѣдко въ превратномъ или извращенномъ
видѣ.—Несомнѣнно, что о провозѣ тѣла Тургенева черезъ Псковъ
и о сдѣланной встрѣчѣ будетъ телеграфировано въ С.-Петербургъ,
и я впередъ увѣренъ, что постараются придать этому возможно ши-
рокое и торжественное значеніе, котораго въ сущности здѣсь вовсе
не будетъ. Контролировать депеши — я не имѣю возможности, по-
чему было бы желательно, чтобы извѣстіе объ этомъ изъ Пскова
было проредактировано въ Петербургѣ, прежде чѣмъ оно попадетъ
въ газеты. — Съ своей стороны я немедленно и подробно донесу
Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ обо всемъ, что и какъ здѣсь
будетъ».

На бумагѣ помѣтка «Должено Г. Министру. Приказано:
отклонить служеніе панихиды и не допускать рѣчей». Министромъ
тогда былъ гр. Толстой. Плеве отвѣчалъ псковскому губернатору:
«По докладу Вашего письма Министру, Графъ приказалъ увѣдо-
мить Ваше Превосходительство, что при встрѣчѣ тѣла Тургенева
желательно отклонить панихиду и слѣдуетъ недопустить рѣчей».
Затѣмъ отъ него же: «Въ дополненіе къ телеграммѣ увѣдомляю
Ваше Выс-во, что въ Псковѣ разрѣшено возложеніе вѣнковъ на
гробъ Тургенева»...

Въ это же время, отъ берлинскаго консула Кудрявцева по-
лучилось въ департаментъ извѣщеніе о приготовленіяхъ въ Бер-
линѣ, сдѣланныхъ въ связи съ ожидаемымъ прибытіемъ тѣла.
Этимъ дѣломъ занялись литераторы со Шпильгагеномъ во главѣ.
Русская колонія къ нимъ присоединилась. Но поѣздъ, повидимому,
проѣхалъ Берлинъ ночью. Тогда рѣшили отправить изготовленный
лавровый вѣнокъ въ Петербургъ къ Даціаро. Наконецъ 26 сентября
въ департаментъ пришла телеграмма отъ верболовскаго жандарм-
скаго офицера: «Тѣло Тургенева будетъ въ Петербургѣ завтра
утромъ въ 10 час. 20 мин.». Рѣшили поэтому по пунктамъ обу-
ждать—какъ устроить похороны:

«1. Похороны должны быть въ будній день и вся церемонія
окончена къ 4 часамъ. 2. Распорядители должны быть снабжены
внѣшними знаками отличія, образцы котораго представить Г. Гра-
доначальнику для объявленія чинамъ полиціи. 3. Распорядитель-
ный комитетъ приглашается за три дня до похоронъ представить
Г. Градоначальнику свѣдѣнія, какія общества, учрежденія и учеб-
ныя заведенія желаютъ принять участіе въ печальной церемоніи
и приблизительно въ числѣ сколькихъ человѣкъ каждая группа.
4. Комитетъ долженъ нѣсколько разъ публиковать въ газетахъ, что
всѣ, заявившіе желаніе участвовать въ печальной церемоніи, обя-
заны подчиняться требованіямъ распорядителей и по ихъ указа-
ніямъ занимать мѣста въ шествіи; что на кладбище и въ церковь
будутъ пропускаемы только по билетамъ, а при вѣнкахъ по 6 че-
ловѣкъ при каждомъ вѣнкѣ, что поэтому, во избѣжаніе тѣсноты
и задержки, всѣ группы, когда шествіе подойдетъ къ Разстанному

переулку, сворачиваютъ въ означенный переулкъ, а шествіе продолжаютъ ассистенты съ вѣнками и лица, имѣющія билеты; группы должны проходить вглубь Разстаннаго переулка, не образуя толпы на пути шествія, и когда все шествіе пройдетъ, расходятся по домамъ, такъ какъ безъ билетовъ на кладбище никто не будетъ допущенъ. 5. На вокзалъ никто не допускается, кромѣ распорядителей и духовенства. 6. Имѣя свѣдѣнія о количествахъ вѣнковъ и приблизительно о числѣ участвующихъ въ шествіи, комитетъ долженъ поручить каждому распорядителю нѣсколько группъ и затѣмъ, составивъ предварительно планъ, въ день погребенія разставить группы такимъ образомъ, чтобы, когда тронется колесница, все шествіе могло безпрепятственно двинуться. Желательно, чтобы группы шли за своими вѣнками не толпой, а по 5 человѣкъ въ рядъ, при этомъ условіи легче будетъ соблюсти порядокъ у Разстаннаго переулка, въ который распорядители должны направлять тѣхъ членовъ группы, кои не имѣютъ права входа на кладбище, согласно сдѣланной публикаціи. 7. Направленіе шествія предполагается слѣдующее: Варшавскій мостъ, Измайловскій проспектъ, 4 рота, Забалканскій проспектъ, Клинскій проспектъ, Рузовская улица, Загородный проспектъ, Звенигородская улица, набережная Обводнаго канала, набережная Лиговки, Разстанная улица и Волково кладбище. 8. Во время литіи по пути слѣдованія всѣ группы должны останавливаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ литія, и отнюдь не сходитьсѣ къ печальной колесницѣ. 9. Въ день погребенія комитетъ долженъ назначить извѣстное число распорядителей, которые съ утра будутъ находиться на кладбищѣ и на углу Разстанной улицы и Разстаннаго переулка, для принятія мѣръ при содѣйствіи полиціи къ водворенію порядка при встрѣчѣ печальнаго шествія, а равно и въ мѣстности, окружающей могилу. 10. Предполагаемыя къ произнесенію рѣчи должны быть заявлены предварительно г. градоначальнику, и затѣмъ комитетъ обязанъ не допускать произношенія какихъ-либо другихъ рѣчей, кромѣ заявленныхъ. 11. По окончаніи печальной церемоніи погребенія, распорядители должны остаться на кладбищѣ для поддержания порядка до тѣхъ поръ, пока не разойдется публика».

Было сдѣлано конфиденціальное «Распоряженіе со стороны полиціи»: «Особый нарядъ на вокзалъ отъ полиціи и жандармовъ. Часть этого наряда сопровождаетъ шествіе, и, кромѣ того, по пути слѣдованія усиленный нарядъ полиціи. Волково кладбище съ утра будетъ очищено отъ публики, и затѣмъ усиленные наряды полиціи займутъ посты около 2-хъ входныхъ воротъ и у Новой церкви, близъ которой приготовлена и могила. Кромѣ того, въ шествіи будутъ находиться 100 человѣкъ наблюдательной охраны, а на кладбищѣ 130 человѣкъ наблюдательныхъ агентовъ. На случай потребности въ усиленіи наряда, въ помѣщеніи Ямской команды будетъ находиться полицейскій резервъ. Чтобы оберечь заборъ кладбища, который можетъ повалиться отъ напора публики, которая не будетъ допущена на кладбище безъ билетовъ, кругомъ него

будутъ поставлены казаки. Воспрещено вывѣшиваніе траурныхъ флаговъ и убранство домовъ трауромъ. Не допускается шествіе ремесленниковъ со значками. По пути слѣдованія ѣзда будетъ вовсе прекращена, и во время шествія питейныя заведенія закрыты. На кладбищѣ не будетъ дозволено произнесеніе рѣчей, кромѣ заранѣе заявленныхъ. Желательно, чтобы всѣ служащіе, участвующіе на похоронахъ, были въ мундирахъ. На кладбищѣ усиленный нарядъ полиціи останется до тѣхъ поръ, пока не разоидется вся публика, и, кромѣ того, послѣдующіе два дня будетъ назначаться нарядъ полиціи и наблюдательные агенты».

Составленъ былъ «Приблизительный списокъ депутацій съ вѣнками на погребеніе И. С. Тургенева». Желающіе могутъ сравнить этотъ списокъ съ осуществившимся порядкомъ шествія на похоронахъ. Этотъ порядокъ шествія можно найти въ книгѣ Зелинскаго ¹⁾. Списокъ департамента полиціи отличается большей схематичностью: 1. Приходскія, уѣздныя, городскія ремесленныя училища. 2. Книжные магазины. 3. Типографіи. 4, 5. Представители гимназій (женскихъ и мужскихъ). 6. Императорскій лицей. 7. Высшія учебныя заведенія. 8. Университетъ. 9. Общественныя учрежденія провинціальныя. 10. Спб. ремесленное общество. 11. Мѣщанское общество. 12. Купеческое общество. 13. Земство. 14. Дворянская депутація. 15. Ученыя общества. 16. Академія медицинская. 17. Академія Художествъ. 18. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 19. Судебное вѣдомство. 20. Инженерное вѣдомство. 21. Русское музыкальное общество. 22. Консерваторія. 23. Академія Наукъ. 24. Артисты Императорскихъ театровъ. 25. Редакціи журналовъ и газетъ. 26. Члены думы и управы. 27. Печальная колесница. 28. Сановники, литераторы.

Выше было приведено описаніе встрѣчи праха Тургенева въ Вильнѣ и Псковѣ, сдѣланное Стасюлевичемъ. Это описаніе интересно сравнить съ докладами виленскаго генералъ-губернатора и псковскаго губернатора. И. д. виленскаго генералъ-губернатора пишетъ гр. Д. А. Толстому: «Еще до полученія 22 сего сентября шифрованной депеши вашего сіятельства мною было признано, по разнымъ обстоятельствамъ, не вполне удобнымъ готовившаяся въ г. Вильнѣ торжественная встрѣча тѣла покойнаго писателя Тургенева, и, съ этой цѣлю, я просилъ попечителя виленскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Сергіевскаго отмѣнить предполагаемое шествіе на станцію желѣзной дороги всѣхъ учебныхъ заведеній съ ихъ наставниками во главѣ, а Виленскаго губернатора просилъ устранить предполагаемые при встрѣчѣ тѣла всякія рѣчи или иныя манифестаціи представителей разныхъ учреждений и обществъ. По полученіи же телеграммы вашего сіятельства, по предварительному соглашенію съ попечителемъ округа, присутствіе

¹⁾ Зелинскій. Критика. О Тург. III, стр. 270.

воспитанниковъ учебныхъ заведеній на станціи желѣзной дороги устранено вовсе, тѣмъ болѣе, что всѣ воспитанники почтили память покойнаго присутствіемъ на бывшей 24 августа въ Пречистенскомъ соборѣ панихидѣ, Виленскому же губернатору мною предложено остановить предполагавшееся торжественное богослуженіе на станціи желѣзной дороги и официальное присутствіе депутатовъ отъ разныхъ учреждений и обществъ.

Сегодня въ 1 часъ 25 мин. дня провезено было чрезъ станцію Вильну тѣло покойнаго Тургенева. Богослуженія на станціи не было и официально никакихъ представителей или депутатовъ изъ учреждений и обществъ не присутствовало. Вся встрѣча ограничилась присутствіемъ на вокзалѣ желѣзной дороги человекъ на 100 болѣе, обыкновенно въ это время дня значительной публики, въ виду скрещиванія 3-хъ поѣздовъ, и возложеніемъ 5-ти вѣнковъ на гробъ покойнаго писателя».

Псковскій губернаторъ доноситъ: «Сегодня въ 3-мъ часу ночи, съ поѣздомъ № 6, провезено чрезъ Псковскую станцію желѣзной дороги тѣло покойнаго писателя Тургенева. Къ этому времени на Псковскую станцію собрались человекъ до 30 изъ жителей города. По прибытіи поѣзда, вышелъ изъ вагона Г. Стасюлевичъ, отперъ тотъ вагонъ, въ которомъ стояло тѣло Тургенева, и вошелъ въ него вмѣстѣ съ кондукторомъ, освѣщавшимъ фонаремъ внутренность вагона. Всѣ присутствующіе при этомъ, сохраняя глубокое молчаніе, обнажили головы, и затѣмъ исправляющій должность городского головы, замѣститель Барзовъ возложилъ на гробъ лавровый вѣнокъ съ длинными черною и бѣлою лентами, на которыхъ была отпечатана надпись «отъ города Пскова—Ивану Сергѣевичу Тургеневу». Послѣ этого были переданы Г. Стасюлевичу вѣнки съ такими же лентами и соответствующими надписями отъ редакцій повременныхъ изданій въ Псковѣ, отъ мужской гимназій и Сергѣевского реальнаго училища, и безъ лентъ—отъ стараго знакомаго Тургенева—А. Н. Яхонтова. Всѣ эти вѣнки Г. Стасюлевичемъ были возложены на гробъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ звонокъ. Г. Стасюлевичъ заперъ вагонъ, и поѣздъ тронулся въ дальнѣйшій путь при гробовомъ молчаніи присутствовавшихъ».

Въ «дѣлѣ» имѣются интересныя бумаги, касающіяся такъ или иначе кончины Тургенева. Напримѣръ, переписка по поводу публичнаго засѣданія общества любителей росс. словесности, посвященнаго его памяти. Извѣстный Е. Оеоктистовъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, доноситъ гр. Д. А. Толстому: «Въ Москвѣ есть общество любителей россійской словесности, о которомъ достаточно сказать, что предсѣдателемъ его состоитъ редакторъ «Русской Мысли» Юрьевъ, а секретаремъ бывшій профессоръ Гольцевъ. Въ газетахъ помѣщено извѣстіе, что это общество постановило устроить въ память Тургенева публичное засѣданіе (на что оно по уставу своему имѣетъ право), и что въ засѣданіи этомъ графъ Левъ Толстой произнесетъ рѣчь.

Толстой—человѣкъ сумасшедшій; отъ него слѣдуетъ всего ожидать; онъ можетъ наговорить невѣроятныя вещи—и скандалъ будетъ значительный. Осмѣливаюсь обратить на это вниманіе вашего сіятельства. Не слѣдовало ли бы предупредить Московскаго генераль-губернатора, чтобы онъ—въ случаѣ, если засѣданіе дѣйствительно устроится, и если дѣйствительно графъ Толстой намѣренъ выступить въ немъ съ рѣчью—призвалъ къ себѣ Юрьева и потребовалъ бы къ себѣ на просмотръ статьи и рѣчи, предназначенныя для прочтенія? Казалось бы, необходимо принять мѣры предосторожности, ибо Юрьевъ и Гольцевъ, прикрывшись Толстымъ, способны на все». На письмѣ гр. Д. А. Толстой собственноручно написалъ: «Потрудитесь приказать заготовить въ этомъ смыслѣ шифрованную телеграмму князю Долгорукову». Въ телеграммѣ этой сообщается о литературномъ вечерѣ, гдѣ «намѣренъ говорить рѣчь графъ Левъ Толстой. «Имѣя въ виду, что Юрьевъ и Гольцевъ вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ могутъ произвести нежелательную демонстрацію, имѣю честь просить ваше сіятельство, не признаете ли удобнымъ, пригласивъ къ себѣ Юрьева, потребовать отъ него для личнаго просмотра статьи и рѣчи, предназначенныя для прочтенія». Отвѣтъ на телеграмму князя Долгорукова слѣдующій: «я пригласилъ къ себѣ предсѣдателя названнаго общества г. Юрьева и, усмотрѣвъ изъ его объясненій со мною, что на предложеніе г.г. Гольцеву и графу Толстому представить приготовляемыя ими къ засѣданію статьи и рѣчи, они могутъ отзываться неимѣніемъ ихъ въ рукописи, а затѣмъ, въ самомъ засѣданіи, потребовавъ слова, могутъ произнести приготовленное ими заранѣе, какъ бы импровизацію, причемъ отказать имъ въ ту минуту въ правѣ произнесенія рѣчей было бы неудобно, такъ какъ это могло бы возбудить въ публикѣ нежелательныя толки,—я предпочелъ, по соглашенію съ г. Юрьевымъ, устранить вовсе предполагаемое засѣданіе. Съ этою цѣлью оно объявлено отложеннымъ на неопредѣленное время. Формальнымъ поводомъ къ этому выставлено то, что лица, желающія участвовать въ засѣданіи своими статьями и рѣчами не всѣ еще къ этому подготовились».

Другое дѣло—сообщеніе московскаго оберъ-полицеймейстера, что «студентами Петровской Академіи была получена въ Москвѣ телеграмма изъ Петербурга за подписью Стасюлевича по поводу чествованія памяти умершаго Тургенева, въ виду предстоящаго привоза изъ Парижа его тѣла. Принимая во вниманіе, что телеграмма эта дошла по адресу, по моему мнѣнію, на будущее время было бы весьма желательно, чтобы въ подобномъ этому случаѣхъ такія сообщенія одного лица къ цѣлой корпораціи были задерживаемы и не доходили по назначенію». В. К. Плеве уважилъ эту просьбу.

Этотъ же полицеймейстеръ, въ тотъ же день, препроводилъ въ распоряженіе Плеве «записку одного лица, пользующагося полнымъ довѣріемъ, присутствовавшаго на сходѣ у Шапиро и на обѣдѣ въ гост. Метрополь».

Вотъ эта записка, подробно описывающая то, что происходило на сходкѣ и на обѣдѣ: «Наканунѣ похоронъ Тургенева у фотографа Шапиро состоялась сходка студентовъ Спб. университета. На ней обсуждался вопросъ о томъ, произвести ли демонстрацію на похоронахъ или нѣтъ? Этотъ вопросъ возникъ вслѣдствіе того, что сначала студентамъ не разрѣшали послать большую депутацію для несенія вѣнка. На сходкѣ присутствовало около 50 студентовъ, выбранныхъ различными обществами и тайными корпораціями, основанными среди студентовъ Спб. университета. Перевѣсъ взяло мнѣніе большинства, предлагавашаго устроить демонстрацію въ томъ случаѣ, когда къ ней примкнуть студенты технологическаго института и военно-медицинской академіи, которые тоже чѣмъ-то были недовольны. Шапиро во время сходки держалъ себя, какъ истый революціонеръ: настаивалъ, чтобы сходку непременно устроили, и чтобы депутація отъ студентовъ отправилась къ какому-нибудь вліятельному лицу и тѣмъ произвела сенсацію въ обществѣ. Затѣмъ Шапиро предложилъ студентамъ роскошный завтракъ. За завтракомъ много говорили о массѣ арестовъ, произведенныхъ среди войска и преимущественно въ гвардіи. Это обстоятельство, въ связи съ долговременнымъ пребываніемъ императорской фамиліи въ Копенгагенѣ, объясняли особенно тревожнымъ положеніемъ въ Россіи.

Въ день похоронъ среди депутацій, явившихся на Варшавскій вокзалъ, ходило много толковъ, болѣе или менѣе сенсационныхъ. Говорили о томъ, чтобы не дать говорить Григоровичу, котораго называли «шпіономъ» и «помощникомъ Грессера»; толковали, что, благодаря Григоровичу, не разрѣшено говорить Гольцеву, Джаншіеву и другимъ. Однако, всѣ эти толки, распространившіеся главнымъ образомъ депутатами «поляковъ, учащихся въ Россіи», «студентовъ Лѣснаго Института» и «студентовъ Спб. университета», не причиняли особенно сильнаго возбужденія и прекратились мало-по-малу сами собою.

На кладбищѣ раздавалось революціонное жизнеописаніе Тургенева, отпечатанное въ типографіи «Голоса» шрифтомъ, полученнымъ изъ типографіи Стасюлевича, оставшимся послѣ газеты «Порядокъ». По возвращеніи съ кладбища въ гостиницѣ «Метрополь» состоялся обѣдъ литераторовъ, на которомъ присутствовало около 30 человекъ, какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ представителей. Тутъ, между прочимъ, были: Станюковичъ, Лукницъ, Джаншіевъ, Глѣбъ Успенскій, Некрасова, Гольцевъ, Максимъ Бѣлинскій, Воропновъ (?), Гайдебуровъ. Гольцевъ во время обѣда произнесъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія: «Въ наше время, когда мы находимся подъ тяжелымъ гнетомъ ненавистнаго намъ управленія, каждое проявленіе протеста противъ этого управленія составляетъ самое желательное явленіе. Значительная часть московской печати послала насъ поклониться праху

Ивана Сергѣевича Тургенева. Творецъ «Дворянскаго Гнѣзда» близокъ Москвѣ, какъ московскій студентъ и писатель. Онъ дорогъ намъ потому, что принадлежитъ къ главной группѣ московскихъ людей сороковыхъ годовъ; потому, что московское общество находилось и находится подъ чарующимъ вліяніемъ его бессмертныхъ произведеній, его великаго таланта, отданнаго на служеніе справедливости и прекрасному! Тургеневъ—европеецъ для насъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что въ своихъ произведеніяхъ онъ умѣлъ сочетать общечеловѣческое съ національнымъ, понимая, что лишь въ основѣ послѣдняго возможна дѣйствительная самобытность. Намъ нужно впитать въ себя основы не только европейскихъ формъ просвѣщенія, но и европейскихъ формъ общежитія, т.-е. такихъ формъ, при которыхъ мы могли бы быть спокойны за завтрашній день, за то, что (на) насъ не обрушится тяжелая кара за каждое слово, направленное къ служенію свободѣ, которой до конца служилъ Тургеневъ. Только тогда, когда все это исполнится, русскій народъ въ состояніи будетъ развернуть свои богатые силы, исполнить свое историческое призваніе! Нельзя отрывать искусство отъ жизни, пока живы не будетъ свобода, пока мы не скажемъ другъ другу: «среди насъ водворились свобода, равенство и братство»! До тѣхъ поръ одно лишь искусство будетъ правдою забавою пресыщенныхъ людей». Рѣчь эта была очень пространна и произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Послѣ рѣчи Гольцева, неизвѣстная барыня (очень красивая, брюнетка, высокаго роста, прекрасно одѣтая) производила сборъ въ пользу соціально-революціонной партіи. Ею собрано около 400 рублей. Эта цифра не велика, если принять въ соображеніе, что давали по 25 рублей и болѣе. Такъ, Лазаревъ (сынъ покойнаго генерала Лазарева) далъ 50 рублей, Гольцевъ—25. Затѣмъ Глѣбъ Успенскій произнесъ тостъ за Щедрина и выразилъ сожалѣніе, что наступили такіе времена, когда великому писателю приходится говорить объ «Андронахъ». Въ отвѣтъ Успенскому Гольцевъ предложилъ тостъ за Михайловскаго, находящагося въ ссылкѣ въ Любани. Тутъ же было рѣшено послать ему съ нарочнымъ письмо, въ которомъ выразить «всѣ чувства», и т. п.

Третье дѣло изъ относящихся къ кончинѣ Тургенева—провинціальное. Главноначальствующій гражд. частью на Кавказѣ—кн. Дондуковъ-Корсаковъ пишетъ Толстому:

«Тифлисская Городская Дума, желая, съ своей стороны, выразить дань уваженія памяти покойнаго Тургенева, поручила проживающему въ С.-Петербургѣ бывшему гласному Думы князю Бебутову возложить на могилу писателя вѣнокъ, на пріобрѣтеніе котораго послано Бебутову сто рублей. Вчера Городской Голова получилъ телеграмму отъ князя Бебутова, въ которой послѣдній сообщаетъ, что не могъ исполнить порученіе Тифлисской Думы, такъ какъ форма заказаннаго имъ вѣнка признана была мѣстными властями тенденціозною, и что самому Бебутову предложено по-

лицей выѣхать изъ Петербурга, съ воспрещеніемъ жительства въ столицахъ. Тифлисскій Городской Голова, встревоженный этимъ извѣстіемъ и опасаясь, чтобы совершенный княземъ Бебутовымъ поступокъ, за который онъ высланъ изъ Петербурга, не былъ приписанъ солидарности съ нимъ Городской Думы, явился сегодня ко мнѣ и доложилъ, что представители города Тифлиса, поручая князю Бебутову возложить вѣнокъ на могилу Тургенева, желали только почтить память великаго русскаго писателя, подобно другимъ городамъ Россіи, и что Тифлисская Городская Дума считаетъ нужнымъ отстранить отъ себя какое бы то ни было предположеніе объ участіи ея въ поступкѣ князя Бебутова, вызвавшемъ его удаленіе изъ столицы, и о которомъ Думѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. Довода объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, я считаю долгомъ, съ своей стороны, покорнѣйше просить Васъ для разъясненія дѣла сообщить мнѣ конфиденціально — за что именно воспрещено князю Бебутову пребываніе въ столицахъ, присовокупляя, что я совершенно убѣжденъ въ полномъ непричастіи Тифлискаго Городскаго представительства къ какимъ-либо тенденціознымъ и предупредительнымъ дѣйствіямъ названнаго лица».

За министра, по его порученію, отвѣчалъ его товарищъ Оржевскій, что «князь Бебутовъ, которому было поручено возложить вѣнокъ, заказалъ его съ крайне тенденціозною эмблемою (разбитыя цѣпи) [за черкнуто: «а именно со сломанными каторжными цѣпами внизу»]. Признавая [крайне] неудобнымъ возложеніе вѣнка съ этой эмблемой, С.-Петербургскій Градоначальникъ распорядился: снять съ вѣнка цѣпи, а князя Бебутова, за неумѣстный поступокъ, выслать изъ столицы. Сообщая вышеизложенное долгомъ считаю присовокупить, что поступокъ князя Бебутова былъ истолкованъ лишь въ смыслѣ его безтактности».

Такъ хоронили Тургенева, пѣвца «разбитыхъ цѣпей» крѣпостного права. Не только какъ соловья, но и какъ Соловья-Разбойника.

Юр. Никольскій.

Зубатовщина.

О «зубатовщинѣ»—о томъ курсѣ политическомъ, который былъ выдвинутъ начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія С. В. Зубатовымъ въ борьбѣ съ революціоннымъ и рабочимъ движеніемъ—будутъ писать еще много. «Зубатовщина», несомнѣнно, одна изъ интереснѣйшихъ страницъ нашего рабочаго движенія, а личность самого Зубатова является едва-ли не самой яркой въ мірѣ охранно-полицейскомъ. Въ іюльской книгѣ «Былого» мы напечатали любопытнѣйшіе матеріалы «къ исторіи зубатовщины», и намъ еще не разъ придется возвращаться къ дѣлу Зубатова. Въ настоящей книгѣ мы даемъ цѣннѣйшій матеріалъ для сужденія о зубатовщинѣ—не видѣвшую свѣта статью самого С. В. Зубатова о собственной своей «зубатовской» политикѣ.

Исторія этой статьи такова. Въ 1913 году появилась книжка А. Морского «Зубатовщина. Страничка изъ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи». Эта книжка заставила Зубатова встать на перо и написать въ свою защиту цѣлый трактатъ, озаглавленный имъ «Зубатовщина не по Морскому». Статью Зубатовъ, конечно, предназначалъ для печати, но, находясь подъ подозрѣніемъ, онъ не посмѣлъ сдать ее въ печать, не спросившись департамента полиціи. А департаментъ полиціи запретилъ Зубатову печатать статью. Такъ она и осталась въ рукописи Зубатова въ нѣдрахъ департамента полиціи, и только теперь, послѣ смерти автора, она увидитъ свѣтъ на страницахъ «Былого».

Статья Зубатова является однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи «Зубатовщины», и съ этой точки зрѣнія значеніе ея будетъ оцѣнено историкомъ. Написанная съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, она будетъ прочитана съ захватывающимъ интересомъ и не историкомъ только, а всякимъ, кому дороги судьбы нашей революціи.

Ред.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый (1912) годъ была помѣщена статья г-на фонъ-Штейна: «Неудавшійся опытъ» (Зубатовщина) ¹⁾. Еще за нѣкоторое время до

¹⁾ Такъ названа своеобразная политика по отношенію къ рабочимъ, проводившаяся административной властью въ Москвѣ при генералъ-губернаторѣ его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Сергѣѣ Александровичѣ, при оберъ-полицеймейстерѣ Д. Ф. Треповѣ и начальникѣ охраннаго отдѣленія С. В. Зубатовѣ.

появленія этой статьи, въ одной или двухъ московскихъ газетахъ было уже напечатано рекламирующее ее изложеніе. Теперь означенная статья съ кое-какими исправленіями и добавленіями выпущена отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «А. Морской, Зубатовщина. Страничка изъ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи. М. 1913». За нѣсколько недѣль до выхода, содержаніе книги опять-таки было прорекламировано въ газетѣ «Русское Слово» въ № отъ 5 октября, въ статьѣ «Новое о Зубатовщинѣ». Непонятно, что заставляеть «дѣлать шумъ» около этого «неудавшагоса опыта»...

Особенностью книги являются—полемиическій задоръ и сведеніе счетовъ съ покоющимися уже нѣсколько лѣтъ въ могилѣхъ—августѣйшимъ московскимъ генераль-губернаторомъ, генераломъ Д. Ѳ. Треповымъ и бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Очевидно, сопряженная съ зубатовщиной бывшая борьба 2-хъ вѣдомствъ изъ-за власти надъ рабочими, по малѣйшему къ тому поводу, способна и по сей день разжигать страсти у бывшихъ борцовъ до степени кипѣнія.

Въ своей книгѣ «Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. М. 1906 г.» профессоръ И. Х. Озеровъ, резюмируя итоги этихъ вѣдомственныхъ препирательствъ, говоритъ: «Междувѣдомственная борьба оттягивала дѣло улучшенія условій труда, предпринимателямъ это было на руку, а тамъ, гдѣ-то, въ потемкахъ, образовалась коллективная воля среди рабочихъ, выступили на сцену озлобленные кадры рабочихъ (стр. 294)... Я привѣтствую русскаго рабочаго въ его прогрессивной работѣ. Онъ уже совершилъ великое дѣло—отвоевалъ политическую свободу. Пусть завоюетъ онъ такъ же побѣдоносно и свое экономическое освобожденіе» (286 стр.).

Писалось это въ 1906 году, а въ апрѣлѣ 1898 года, въ предвидѣніи именно такихъ результатовъ, съ одной стороны, отъ воздѣйствія социаль-демократіи на рабочія массы, а съ другой—отъ тенденціозно-небрежнаго отношенія къ интересамъ рабочихъ, проявляемаго вѣдающимъ ихъ органомъ власти, — генераль Д. Ѳ. Треповъ докладывалъ въ своей запискѣ августѣйшему московскому генераль-губернатору: «Опытъ показалъ, что силъ одной интеллигенціи для борьбы съ правительствомъ недостаточно, даже въ томъ случаѣ, если онъ вооружается взрывчатыми веществами. Нужно приобрести (революціонерамъ) массовую силу... Настоящій моментъ настолько тревоженъ, дѣятельность революціонеровъ настолько интенсивна, что для борьбы со зломъ требуется дружная совмѣстная работа всѣхъ сопричастныхъ движенію вѣдомствъ. Принципъ разногласія и разъединенія правительственныхъ органовъ никоимъ образомъ не можетъ гарантировать безусловной и скорой побѣды надъ социальной демократіей» (стр. 14 той-же книги профессора Озерова).

Теперь ясно, почему книга г. Морского должна имѣть свою цѣлью реабилитацию бывлой рабочей политики министерства фи-

нансовъ, и почему она должна всѣми силами стараться не оставить камня на камнѣ отъ своего антипода—зубатовщины.

Рабочій классъ—коллективъ такой мощности, какимъ, въ качествѣ боевого средства, революціонеры не располагали ни во времена декабристовъ, ни въ періодъ хожденія въ народъ, ни въ моменты массовыхъ студенческихъ выступленій. Чисто количественная его величина усугублялась въ своемъ значеніи тѣмъ обстоятельствомъ, что въ его рукахъ обрѣталась вся техника страны, а самъ онъ, все болѣе объединяемый самымъ процессомъ производства, опирался внизу на крестьянство, къ сынамъ котораго принадлежалъ; вверху же, нуждаясь въ требуемыхъ знаніяхъ по специальностямъ, необходимо соприкасался съ интеллигентнымъ слоемъ населенія. Будучи разъяренъ социалистической пропагандой и революціонной агитаціей въ направленіи уничтоженія существующаго государственнаго и общественнаго строя, коллективъ этотъ неминуемо могъ оказаться серьезнѣйшей угрозой для существующаго порядка вещей.

При такихъ условіяхъ я рѣшительно отказываюсь раздѣлить умиленіе г. Морского передъ «язвительностью недоумѣнія московскихъ фабричныхъ тузовъ, какія причины заставляютъ раздуть, такъ называемый, рабочій вопросъ» (стр. 97).

Часть революціонной интеллигенціи, пожелавшей использовать въ своихъ цѣляхъ этотъ коллективъ, примкнула съ 90-хъ годовъ къ ученію германской социаль-демократіи, покончивъ тѣмъ самымъ съ отечественнымъ народолюбствомъ. Ей надлежало коллективъ этотъ объединить, организовать и развить въ немъ сознаніе своего единства и мощности, что достигалось путемъ не только теоретическихъ разговоровъ, но, лучше всего, практическими его массовыми выступленіями по незначительнымъ поводамъ, относящимся къ области его мелкихъ нуждъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ увидѣло въ этихъ сходкахъ и забастовкахъ политику и отвѣтило на нихъ циркуляромъ отъ 12 августа 1897 года, предлагая §§ 4 и 8 примѣнять въ такихъ случаяхъ обычную формулу: «обыскавъ, арестовать и выслать».

Попадаясь съ прокламаціями, такъ называемаго, «частнаго характера», т.-е. съ такими, въ которыхъ излагались одни только бытовые непорядки, безъ какой-либо революціонной фразеологіи (дурная основа, придирка мастера и пр.), но внизу которыхъ значилась обычная революціонная подпись (такой-то союзъ Россійской социаль-демократической рабочей партіи) съ приложеніемъ печати партіи, рабочіе эти попадали въ удивительное и непонятное для себя положеніе: въ охранномъ отдѣленіи интересовались вопросомъ, отъ кого такой рабочій получилъ прокламацію, гдѣ досталъ ее, принадлежитъ ли онъ къ издавшему ее преступному сообществу; а рабочій сворачивалъ все время разговоръ на содержаніе листка, на мастера, основу и пр. Когда ему замѣчали, что это къ дѣлу не относится, онъ раздражался, твердилъ, что

въ охранѣ не хотѣть знать правды, что чины ея принадлежать къ одной шайкѣ съ богатыми и пр. При наличности такого конфликта между правдой реальной и правдой формальной, становилось невозможнымъ положеніе самой администраціи. Подобнаго рабочаго, взятаго на мѣстѣ преступленія, надлежало бы выслать, а онъ, въ сущности, оказывался политически невиненъ, какъ младенецъ. Мало того, вслѣдъ за его арестомъ, являлась его жена съ ребятами и плакалась, что ей съ семьей ѣсть нечего. Создавалась настоятельная необходимость серьезно разобратся во всей этой путаницѣ, а пока что приходилось прибѣгнуть къ самоограниченію и самообузданію въ области репрессій. Цѣлесообразность карательной части циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа (§§ 4 и 8) была московской администраціей скоро заподозрѣна, и все вниманіе было обращено на §§ 2 и 5 того же циркуляра, которыми предписывалось выяснять причины волненій и устранять, по возможности, поводы къ неудовольствію въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе имѣли основаніе жаловаться на притѣсненія или несправедливости фабрикантовъ или фабричной администраціи (книга профессора Озерова, стр. 29).

Революціонеры наставляли въ своей литературѣ на возможности въ Россіи, при наличныхъ политическихъ условіяхъ, только рѣзкаго революціонно-политическаго рабочаго движенія и такъ запугивали чиновъ нашего вѣдомства въ этомъ направленіи, что стоило большихъ трудовъ доказать имъ возможность существованія у насъ не только революціоннаго, но и самаго настоящаго буржуазнаго рабочаго движенія — союзно-профессиональнаго, имѣющаго мѣсто въ государствахъ съ сильно развитыми капиталистическими формами.

То же самое повторилось и по вопросу о забастовкахъ. Вѣрные своей основной точкѣ зрѣнія, революціонеры старались проводить ихъ въ революціонно-политическомъ тонѣ.

Поэтому у насъ установилось положеніе: разъ имѣется налицо забастовка, она должна быть непременно политической. Большихъ усилій стоило ввести въ сознаніе вѣдомства, что могутъ быть забастовки и экономическія, требующія къ себѣ совсѣмъ иного отношенія, чѣмъ политическія.

При обсужденіи разницы между революціонно-соціалистическимъ и мирнымъ буржуазнымъ рабочимъ движеніемъ, пришлось натолкнуться на споръ Берштейна съ Марксомъ, на расколъ въ соціалъ-демократической партіи; на распаденіе ея на части — ортодоксальную и ревизионистскую; на появленіе въ русскомъ переводѣ литературы по профессиональному рабочему движенію, въ видѣ сочиненій г-дъ Веббъ, Зомбартъ, Рузье, Кулеманъ, Геркнеръ, Вигуру и пр. Когда обнаружилось, что рабочіе плохо читаютъ толстыя книги по легальному движенію, стало необходимымъ устройство для нихъ лекцій и собесѣдованій. Успѣхи въ спорахъ надъ политическимъ противникомъ натолкнули на мысль о возможности и практической борьбѣ съ нимъ, въ видахъ чего были

разрѣшены ежедневныя собранія рабочихъ въ разныхъ районахъ Москвы, и появился «совѣтъ рабочихъ въ механическомъ производствѣ», въ которомъ рабочимъ давались по дѣламъ совѣты самими же рабочими. Таковъ былъ путь, приведшій московскую администрацію къ своеобразной постановкѣ рабочаго дѣла въ столицѣ.

Остановившись по вопросу о развитіи рабочаго коллектива на предметной системѣ использованія его мелкихъ служебныхъ недочетовъ, революціонеры стали изводить мѣстную власть сходками и забастовками, причемъ она, какъ выше было объяснено, не знала, что дѣлать съ попадавшимися въ ея руки изобличеннымъ, но совершенно сырымъ матеріаломъ¹⁾. Чтобы пресѣчь такую провокаторскую поведку со стороны революціонеровъ и фабричной администраціи, столичной власти пришлось непосредственно самой войти въ рабочія дѣла, не ограничиваясь въ каждомъ случаѣ лѣтливо-формальными заключеніями фабричной инспекціи. Поступая такъ, она какъ бы заявляла, что рабочую массу охватила зловередная умственная эпидемія, почему отъ фабрично-заводскихъ предпріятій требуется принятіе особыхъ санитарныхъ мѣръ и установленіе чрезвычайныхъ порядковъ, вмѣсто наличныхъ домостроевски-патріархальныхъ. Но этимъ затрогивалось министерство финансовъ съ его фабричной инспекціей и окружающимъ его предпринимательскимъ элементомъ (министерства торговли и промышленности тогда еще не существовало). Отсюда весь сыр-боръ и загорѣлся.

Не зная всѣхъ упомянутыхъ выше обстоятельствъ въ области революціоннаго рабочаго движенія, да и не желая ихъ знать, чины министерства финансовъ повели борьбу съ московской администраціей на строго формальной почвѣ, посредствомъ приказнаго крючкотворства. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать энергичное распоряженіе о немедленномъ приведеніи въ должный порядокъ фабрикъ и заводовъ, что только и требовалось, тогдашнее министерство финансовъ, блюдя свое ложно понятое самолюбіе, затѣяло безконечный метафиническій споръ о предѣлахъ вѣдѣнія въ фабрично-заводскихъ дѣлахъ чиновъ полиціи и фабричной инспекціи, давая намъ такимъ образомъ «змѣю» вмѣсто требовавшейся «рыбы». Указывая, что циркуляръ 12-го августа наданъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ безъ согласенія съ нимъ, министерство финансовъ выпустило въ отвѣтъ свой собственный, въ которомъ доказывало всю незыблемость по закону правъ фабричной инспекціи въ дѣлѣ надзора за фабрично-заводскими отношеніями, предлагая тѣмъ самымъ административной власти удалиться изъ сферы вѣдѣнія послѣдней. На этотъ циркуляръ Д. О. Треповымъ было отвѣчено представленіемъ августѣйшему генералъ-губернатору вышеупомянутой записки, дальше же все пошло такъ,

¹⁾ Особенно было досадно, что при каждомъ почти разслѣдованіи безпорядковъ, какъ нарочно, неправыми оказывались не рабочіе.

какъ описано въ исторической части книги г. Морского. Рабочій трудъ, рабочаго человѣка и рабочій вопросъ министерство финансовъ разсматривало лишь съ строго формальной и исключительно экономической точки зрѣнія, подъ которую, конечно, никакъ нельзя было подвести революціоннаго рабочаго коллектива съ его разнообразными стремленіями. А потому явленія этого оно какъ бы не хотѣло замѣчать и ради него не желало поступаться своими правами въ пользу другого вѣдомства.

Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что министерство финансовъ не выдержало до конца своего ригоризма въ отношеніи зубатовщины (о чемъ г. Морской умалчиваетъ). Стоитъ только припомнить: 1) приводъ изъ заграницы Гапона, 2) сношенія министерства финансовъ съ рабочими черезъ Матюшенскаго, и 3) его доморощенную «ушаковщину», пережившую даже періодъ 17 октября.

Очевидно, г. Морской грѣшитъ противъ хронологіи, говоря на стр. 172, что «только роковыя событія 9-го января 1905 года осудили зубатовскіе эксперименты и положили имъ конецъ».

При такихъ условіяхъ, когда одинъ изъ противниковъ разсуждалъ по существу, а другой—чисто формально, споръ могъ продолжаться до безконечности, напоминая анекдотъ о стриженомъ и бритомъ, причемъ, за отсутствіемъ аргументовъ, противникамъ приходилось вразумлять другъ друга выходами личнаго характера.

Образцовъ такой аргументаціи у г. Морского можно найти немало.

На стр. 129, напримѣръ, авторъ говоритъ:

«Обществу взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ изъ казны было отпущено воспособленіе въ суммѣ 20 тысячъ рублей, и деньги эти, главнымъ образомъ, ушли на оборудованіе стачекъ». Утвержденіе абсолютно невѣрное: эти деньги—знакъ вниманія В. К. Плеве—никогда рабочимъ на руки не выдавались: на ихъ дѣла шли лишь проценты съ этого капитала, а самый капиталъ и по днесъ лежитъ въ цѣлости и сохранности въ московской конторѣ государственнаго банка, на имя московскаго оберъ-полицеймейстера или градоначальника.

Съ 89 по 97 стр. включительно повѣствуется о моемъ, якобы, приглашеніи 26-го іюля 1902 года московскихъ фабрикантовъ въ ресторанъ Тѣстова на «чашку чая»; о моихъ тамъ неприличностиничныхъ рѣчахъ, документально, будто бы, на мѣстѣ застенографированныхъ и затѣмъ конфиденціально сообщенныхъ министерству финансовъ. Въ дѣйствительности ни я не приглашалъ фабрикантовъ на чашку чая, ни они не являлись ко мнѣ съ этой цѣлью въ отдѣленіе. Обдѣлалъ всю эту штуку одинъ ловкій небольшой человѣкъ изъ торговаго міра, г. К., личный знакомый одного моего тогдашняго сослуживца. Послѣдній, по настоянію К., разжалобилъ меня описаніемъ, сколько волнуются и мучаются

торгово-промышленники, не понимая наших мѣропріятій по рабочимъ дѣламъ (а нѣкоторое разъясненіе этого намъ, конечно, ровно ничего не стоило), и я согласился конфиденціально кое съ кѣмъ повидаться и интимно побесѣдовать въ кабинетѣ у Тѣстова. Г. К. использовалъ мое согласіе черезчуръ безцеремонно: онъ занялъ у Тѣстова самый большой кабинетъ и назвалъ туда семь тузовъ изъ фабричнаго міра. Я попалъ, при такихъ условіяхъ, въ положеніе лица, заманеннаго на официальное засѣданіе съ московской денежной знатью, но не имѣющаго на то ни права (предварительнаго разрѣшенія своего начальства), ни желанія. Мало того, мое стремленіе успокоить людей обратилось въ «конфиденціальномъ сообщеніи» министерства финансовъ въ «цинично-откровенное выступленіе», въ которомъ я «представителей именитаго купечества, ворочающаго сотнями милліоновъ, безцеремонно третировалъ мошенниками» и пр. А чтобы кто-нибудь къ этому «сообщенію» не приложилъ критерія «не люблю не слушаю», А. Морской неоднократно подчеркиваетъ, что рѣчь моя «тогда же была стенографирована», «тогда же все было записано на мѣстѣ дословно для конфиденціальнаго сообщенія въ министерство финансовъ».

Не говоря о томъ, что ни я, ни сопровождавшій меня чиновникъ не видѣли какихъ-либо записей на мѣстѣ, достаточно уже небольшого вниманія при чтеніи, напримѣръ, § 7 моей «деклараціи», чтобы здравая логика въ человѣкѣ запротестовала, и вся нелѣпость такого утвержденія сдѣлалась очевидной. «§ 7. Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (вопреки уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій), должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ одно цѣлое...». Заключенныя въ скобкахъ слова говорятъ, очевидно, другое лицо (иронизирующее), а не я, произносящій рѣчь. Но развѣ такимъ образомъ производится запись чего-нибудь «дословно»? Въ другихъ §§ (8, 9, 10) также имѣется много «смѣшнаго». Выходитъ, я въ собственной рѣчи иронизировалъ самъ же надъ собой...

По словамъ А. Морского, эти 16 пунктовъ составляютъ тайный доносъ. Въ доносѣ, да еще заинтересованной сторонѣ, всѣ подобныя отступленія, конечно, вполне естественны и умѣстны. Но какъ же тогда быть съ утвержденіемъ, что пункты эти «дословно за мной записаны»? Очевидно, г. А. Морской запутался въ противорѣчіяхъ.

Такимъ образомъ происхожденіе этого документа съ 16-ю пунктами для меня представляется очень темнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ кажутся незаслуживающими никакого вниманія и всѣ розсказы о моемъ «несуразномъ» поведеніи въ отношеніи присутствовавшихъ на собраніи семи почтенныхъ лицъ.

Вообще настойчивое желаніе изобразить мои отношенія къ промышленникамъ злобно-враждебными, полными ненависти, свидѣтельствуетъ объ искреннемъ, вѣроятно, непониманіи того, что нажимъ на нихъ дѣлался въ интересахъ охраннаго дѣла, а отнюдь не по мотивамъ личнаго характера.

Особую неприязнь и у чиновъ фабричной инспекціи, и въ средѣ предпринимателей встрѣтилъ, такъ называемый, «совѣтъ рабочихъ механическаго производства», въ которомъ рабочимъ давались по дѣламъ совѣты самими же рабочими. Исторія его происхожденія очень проста. Московской администраціи приходилось вѣдаться съ двоякаго рода недовольствомъ: во-1-хъ, хозяевъ рабочими и, во-2-хъ, рабочихъ хозяевами. Неосмотрительная доверчивость къ просьбамъ первыхъ, особливо въ острыхъ случаяхъ, могла всегда окончиться крупными рабочими беспорядками въ промышленномъ заведеніи, и тѣмъ или поставить должностное лицо въ конфликтъ съ собственной служебной честью, или создать ему серьезныя неприятели по службѣ, если-бы при разслѣдованіи оказалось, что репрессивныя мѣры были приняты опрометчиво, безъ достаточнаго основанія. Между тѣмъ, разгоряченные ссорой со своими рабочими, крупные предприниматели обычно являлись большими любителями обращаться по телефону къ начальнику полиціи за присылкой къ нимъ эскадроновъ.

Переходя къ вопросу о недовольствѣ рабочихъ хозяевами, приходится замѣтить, что вспыхивающія то и дѣло забастовки—однѣ, будучи поставлены революціонерами, другія, возникая самопроизвольно на экономической почвѣ, а третьи, создаваясь изъ подражанія—отрывали вниманіе отъ серьезнаго дѣла, плодили переписку съ запросами и отписками, нервировали по службѣ и надоедали. Но изъ примѣровъ прошлаго выяснилось, что причины неудовольствій рабочихъ достаточно однообразны, а главное, что рабочіе нерѣдко упрямятся въ своихъ требованіяхъ не потому, чтобы были серьезно убѣждены въ ихъ правотѣ, а единственно изъ недовѣрія къ начальству, изъ безотчетнаго опасенія, что ихъ всегда хотятъ обмануть. Услышавъ, въ силу этого, отрицательный отзывъ о своемъ дѣлѣ отъ человѣка, которому онъ вѣритъ, рабочій немедленно успокаивается и забываетъ о своемъ неудовольствіи; въ противномъ же случаѣ онъ всюду ходитъ и скулитъ, жалуясь на собственное положеніе и возбуждая недовольство въ другихъ. Такимъ образомъ, у должностныхъ лицъ сложилось твердое убѣжденіе, что объясненія съ недовольными рабочими требуютъ большого навыка и искусства.

Поэтому, для облегченія себѣ труда, подлежащими чинами былъ возбужденъ вопросъ объ образованіи въ Москвѣ центрального рабочаго бюро, гдѣ скоплялись бы и разбирались всѣ претензіи рабочихъ черезъ ихъ же собственныхъ выборныхъ. Изъ такого бюро всегда было бы возможно получить справку, гдѣ и какого рода происходятъ недоразумѣнія, гдѣ они готовятся или разрѣшаются, и въ какомъ порядкѣ рабочіе намѣрены ихъ разрѣшить: разговаривать ли жалобщика и убѣдить его отказаться отъ своей претензіи; направить ли недовольныхъ лицъ къ фабричной инспекціи, посоветовать ли имъ обратиться за юридической помощью въ консультацію помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, или командировать ихъ въ видѣ особой делегаціи къ общей ад-

министраціи, чтобы испросить у нея разрѣшеніе на чрезвычайное собраніе для открытаго выясненія вопроса, волнующаго ихъ товарищей. Словомъ, благодаря такому бюро, жизнь рабочей массы направлялась по извѣстному руслу, гдѣ обычно всѣ страсти успокаивались, а недоразумѣнія разрѣшались, въ большинствѣ случаевъ, мирнымъ образомъ, не выходя на улицу и не выливаясь въ форму рабочихъ фабрично-заводскихъ беспорядковъ. Отъ времени рабочая масса такъ привыкла къ этому своему бюро по оказанію помощи путемъ товарищескихъ совѣтовъ, что выше авторитета совѣта въ ея глазахъ не существовало никакого другого.

Если до администраціи доходили со стороны слухи о готовящихся гдѣ-либо недоразумѣніяхъ, волненіяхъ или забастовкахъ, то она, не получая подтвержденія о нихъ отъ «совѣта рабочихъ», предлагала послѣднему провѣрить ихъ черезъ отправку на мѣсто происшествія своихъ членовъ. Фабриканты обычно противъ этого не протестовали, все выяснялось и оканчивалось къ общему благополучію.

Тѣмъ не менѣе мощностъ авторитета «совѣта рабочихъ» выводила изъ себя какъ фабричную инспекцію, такъ и фабричную администрацію. На этой именно почвѣ и разыгрался инцидентъ съ заводчикомъ-прогрессистомъ Гужономъ.

Поступили свѣдѣнія, что у него готовится заварушка. По порученію администраціи, члены совѣта отправляются на заводъ для ихъ провѣрки. По приказанію Гужона, рабочихъ на заводъ не пускаютъ. Добившись личнаго съ нимъ свиданія, члены совѣта выслушиваютъ отъ него праздные рѣчи о томъ, что, по закону, въ Россіи нѣтъ англійскихъ тредъ-юніоновъ, а потому исполнять ихъ незаконныя желанія онъ не видитъ основанія; да, наконецъ, онъ не знаетъ, кто они такіе—рабочіе или полицейскіе агенты. О своемъ затрудненіи члены совѣта уведомили по телефону администрацію, и имъ были посланы бланкированные удостовѣренія, за подписью генерала Трепова, въ томъ, что они такіе-то, и что они состоятъ членами разрѣшеннаго въ Москвѣ администраціей «совѣта рабочихъ механическаго производства». Но и послѣ предъявленія такихъ удостовѣреній, г. Гужонъ отказался допустить ихъ на заводъ, явно компрометируя тѣмъ самымъ въ глазахъ рабочихъ авторитетъ Московской административной власти. Вторично освѣдомленный генералъ Треповъ пригрозилъ по телефону г. Гужону немедленнымъ взытіемъ его подъ стражу, если распоряженія начальника полиціи не будутъ имъ исполнены тотчасъ же. Вслѣдъ за симъ было сдѣлано представленіе о высылкѣ французскаго подданнаго Гужона изъ предѣловъ Имперіи, какъ вреднаго иностранца; но оно не получило движенія, благодаря заступничеству за г. Гужона министерства финансовъ и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Заварушка тѣмъ временемъ разразилась забастовкой, доставившей г. Гужону немало серьезныхъ непріятностей.

«По утвержденію газетъ,—говоритъ г. Морской въ примѣчаніи на стр. 93,—за эпоху одного сипягинскаго управленія начинанія Зубатова обошлись казнѣ около 2-хъ миллионѣвъ рублей». «Утвержденіе» это напоминаетъ нѣсколько рассказы Крыловскаго «Лжеца». На самомъ дѣлѣ, на эти начинанія казной не издержано ни копѣйки, такъ какъ никакихъ специальныхъ ассигнованій на этотъ предметъ дѣлаемо не было. Ни я, ни весь officialный штатъ отдѣленія, не получали гонорара за занятія съ рабочими, хотя, надо сказать по совѣсти, трудъ былъ громаднѣй. Рабочіе намъ не давали покоя со своими дѣлами ни утромъ, ни днемъ, ни вечеромъ. Наиболѣе полезнымъ изъ нихъ подручнымъ приходилось, конечно, денежно помогать («трудивылся и да ясть»), но это ужъ дѣлалось изъ разныхъ экономическихъ суммъ, изъ остатковъ, путемъ урѣзыванія у самихъ же себя, ибо для охранной службы, какъ таковой, лица эти были бесполезны и не могли быть занесены въ отчетность. А работа еврейскихъ дѣятелей въ легальномъ рабочемъ движеніи (Минскъ и Одесса) прямо не стоила мнѣ ни гроша, ибо тутъ все дѣло было построено исключительно на умственномъ интересѣ.

По представленію оппозиционныхъ дѣятелей (статья Данилова въ сборникѣ «Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка», стр. 464), «политика московской администраціи по отношенію къ рабочимъ (зубатовщина) сводилась къ тому, чтобы, признавъ рабочее движеніе фактомъ неустрашимымъ, взять его организацію и руководство имъ въ свои руки и направить его по руслу, наиболѣе желательному для правительства. Главною задачею при этомъ было возможное замедленіе превращенія рабочаго движенія въ движеніе политическое. вмѣстѣ съ тѣмъ, полиція рассчитывала своимъ вмѣшательствомъ въ ходъ рабочаго движенія дискредитировать революціонныхъ «вожаковъ» его и мало-по-малу, путемъ административной расправы, удалить изъ рабочей среды болѣе сознательные элементы ея».

«Удаленіе изъ рабочей среды болѣе сознательныхъ элементовъ ея путемъ административной расправы» являлось въ моихъ глазахъ задачей совершенно самостоятельной отъ «вмѣшательства въ ходъ рабочаго движенія». Для разрѣшенія розыскныхъ задачъ у меня имѣлся специальный персоналъ и свои особые методы дѣйствія, съ техникой, прямо противоположной легальному рабочему движенію. Можетъ быть смѣшивать двѣ эти дѣятельности—розыскъ и легализацію—была тѣма искусниковъ и охотниковъ, но я былъ не изъ ихъ числа, за двумя зайцами не гнался и такого совмѣстительства не практиковалъ, не желая вредить въ себѣ самомъ прямому дѣлу легализаціи.

Въ Минскѣ бундовцы боролись съ независимцами открыто, свободно являясь на гласныя собранія послѣднихъ, причемъ и публика и чины полиціи знали, что они за люди. Но такъ какъ къ ихъ рѣчамъ публика оставалась холодной, то полиція не находила цѣлесообразнымъ подвергать ихъ репрессіи; поэтому,

чтобы выйти изъ такого страннаго и необыкновеннаго положенія, они обычно сами добровольно уѣзжали изъ Минска.

Глубоко невѣрны поэтому и совершенно несправедливы отзѣвы о дѣятеляхъ еврейскаго легальнаго рабочаго движенія (равно и о московскихъ рабочихъ), какъ о «полицейскихъ агентахъ». Никакого пособія, въ суммѣ 20 тысячъ рублей на изданіе органа щетинщиковъ (стр. 114), независимцамъ изъ казны выдано не было. Распустили минскіе независимцы свою организацію ни по чему иному, какъ по личному моему ихъ увѣдомленію, что В. К. Плеве, безъ указанія причинъ, приказалъ мнѣ пріостановить навсегда легальное еврейское рабочее движеніе. Выполнили они это съ полной корректностью, хотя, говорятъ, кто-то изъ независимцевъ послѣ этого застрѣлся.

Прекращеніе рабочаго движенія въ Минскѣ послѣдовало, очевидно, по настоянію тогдашняго министерства финансовъ по отдѣлу торговли и промышленности (т.-е. фабричной инспекціи), какъ то случилось при Сипягинѣ и съ московскимъ рабочимъ движеніемъ. При содѣйствіи же чиновъ фабричной инспекціи раздута и извращена исторія съ Шаевичемъ въ Одессѣ.

Къ началу 1903 года Одесса представлялась городомъ, очень запущеннымъ въ революціонномъ отношеніи. Начавъ ея чистку, пришлось тамъ поставить особое охранный отдѣленіе, а равно попытаться организовать контръ-революціонное рабочее движеніе, за что и взялся г. Шаевичъ, откомандированный въ Одессу минскими «независимцами». Энергичная и осмысленная дѣятельность въ этомъ направленіи создала ему массу враговъ, какъ идейныхъ, такъ и изъ числа лицъ, интересы которыхъ страдали отъ его начинаній. Первые получили въ послѣдствіи нравственное удовлетвореніе въ томъ шквалѣ всеобщей политической забастовки, которымъ были захлестнуты всѣ чисто экономическія предпріятія Шаевича, а вторые разсчитались съ нимъ умѣло пущенной ядовитой сплетней, что одесская забастовка (одинъ изъ эпизодовъ всеобщей) есть въ сущности результатъ дѣятельности рабочихъ организацій, созданныхъ Шаевичемъ.

Дѣло было такъ. Занятый своимъ дѣломъ—постановкой политическаго союзно-профессіональнаго рабочаго движенія—и не будучи освѣдомленъ о томъ, что творится на Кавказѣ, Шаевичъ попалъ не въ тонъ требованіямъ общественнаго момента и былъ захлестнутъ волною всеобщей политической забастовки, поставленной революціонерами и захватившей лѣтомъ 1903 года почти всѣ южные промышленные центры. Она началась во 2-ой половинѣ іюня въ Баку, распространяясь на Тифлисъ и Батумъ, а 1 іюля перекинулась въ Одессу и далѣе.

«Одесская забастовка,—говоритъ г. Кольцовъ въ «Общественномъ движеніи въ Россіи въ началѣ XX вѣкѣ», стр. 214,—по времени совпала съ Бакинскою и во многихъ отношеніяхъ представляетъ ея копію: тѣ-же толпы рабочихъ, расхаживающія по городу и прекращающія работу во всѣхъ мастерскихъ, на всѣхъ

заводахъ; тѣ же многотысячныя собранія подъ открытымъ небомъ, то же воодушевленіе и та же сдержанность рабочей массы. Впрочемъ, та же картина повторилась и во всѣхъ другихъ южныхъ городахъ—въ Киевѣ, Николаевѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, гдѣ навѣстія о бакинскихъ и одесскихъ событіяхъ вызвали рабочихъ на такія же стачки больше для выраженія чувства солидарности и преданности общему дѣлу, чѣмъ во имя какихъ-нибудь определенныхъ экономическихъ завоеваній. Не обошлись эти стачки и безъ человѣческихъ жертвъ. На станціи Михайловка, во время столкновенія со стражниками, было убито и ранено 86 человѣкъ; въ Киевѣ было два столкновенія съ войсками... Оказалось 7 человѣкъ убитыхъ и очень много раненыхъ. Были убиты и ранены въ Екатеринославѣ и Керчи».

Успѣхи всеобщей политической забастовки, поставленной революціонерами, обилие съ толку рабочихъ-профессионаловъ, деморализовали ихъ, и Шаевичъ въ качествѣ аполитика оказался беспомощенъ съ нею бороться. Для всякаго безпристрастнаго и незаинтересованнаго человѣка само собою было очевидно, что въ такой исключительной важности моментъ многого и нельзя было требовать отъ дѣятеля, только что налаживавшаго свое дѣло въ городѣ, сильно запущенномъ въ революціонномъ отношеніи, и при наличности традиціонной администраціи, обычно не ожидающей у себя бурныхъ проявленій массовыхъ безпорядковъ, никогда заранее не готовящейся къ энергичному имъ отпору и при наступленіи ихъ всегда теряющейся. Но «мѣстные люди», не видѣвшіе общей картины и послѣдовательнаго хода всеобщей забастовки и понятія не имѣвшіе объ общемъ смыслѣ момента, признавали, со своей «молокольной» точки зрѣнія, въ одесскихъ безпорядкахъ простое послѣдствіе ненавистныхъ имъ начинаній Шаевича, безъ которыхъ, конечно, по ихъ понятіямъ, никакихъ бы волненій не было, и Одесса являла бы собою очагъ мира и спокойствія среди смуты и волненій, царившихъ въ другихъ южныхъ городахъ.

Къ сожалѣнію, эти идеаллическія соображенія опровергаются тѣмъ фактомъ, что инициатива политической забастовки принадлежала не Одессѣ, а Баку, гдѣ она возникла и откуда получила свое дальнѣйшее распространеніе. Непонятно было бы также, какимъ образомъ аполитикъ Шаевичъ могъ бы оказаться инициаторомъ политической всеобщей забастовки.

«Въ общемъ дѣятельность Петербургской рабочей организаціи,—говоритъ г. Морской на стр. 168-й,—январская манифестація, какъ и обстановка Петербургской забастовки 1905 года, несомнѣнно, представляли аналогію съ одесскими событіями 1903 года, съ той лишь разницей, что въ Одессѣ инициаторомъ смуты явился полицейскій ставленникъ, докторъ философіи еврей Шаевичъ, а въ Петербургѣ въ этой некрасивой роли выступилъ полицейскій же ставленникъ, православный священникъ Гапонъ... Кругъ опыта зубатовщины былъ логически завершенъ катастрофой 9-го января 1905 года» (стр. 179).

Только что было показано, какимъ инициаторомъ одесской «смуты» былъ Шаевичъ. Удивляться сходству между собою всеобщихъ политическихъ забастовокъ—также не приходится. Но не лучше обстоятъ дѣло и съ утвержденіемъ г. Морского, что гапоніада есть «логическое завершеніе» зубатовщины.

Когда, по прибытіи осенью 1902 года въ Петербургъ, мною было приступлено къ организаціи тамъ легальнаго рабочаго движенія черезъ подручныхъ мнѣ московскихъ дѣятелей, мѣстная администрація очень рѣзко отнеслась къ этому начинанію и, зная, что въ Москвѣ рабочіе были оставлены мною на руки духовной интеллигенціи, настоятельно стала убѣждать меня познакомиться съ протежируемымъ ею отцомъ Георгіемъ Гапономъ, подавшимъ въ градоначальство записку о желательности организаціи босаяковъ. Странность темы не располагала меня ни къ ознакомленію съ запиской (такъ и оставшейся мною не прочитанной), ни къ знакомству съ авторомъ. Тѣмъ не менѣе, меня съ Гапономъ все-таки познакомили. Побесѣдовавъ со мною, онъ обычно кончалъ рѣчь просьбою «дать ему почитать свѣженной нелегалъщины», въ чемъ никогда отказа не имѣлъ. Изъ бесѣдъ я убѣждался, что въ политикѣ онъ достаточно желторотъ, въ рабочихъ дѣлахъ совсѣмъ сырой человѣкъ, а о существованіи литературы по профессиональному движенію даже не слыжалъ. Я сдалъ его на попеченіе своему московскому помощнику (рабочему), съ которымъ онъ вѣдь не разлучался ни днемъ, ни ночью, ночуя у него въ комнатѣ и ведя образъ жизни совсѣмъ аскетическій, питаюсь чернымъ хлѣбомъ и маслинами. Тутъ выяснилось, что Гапонъ—вдовецъ, и у него есть дѣти, состоитъ студентомъ С.-Петербургской духовной академіи, пользуется покровительствомъ пожилыхъ знатныхъ дамъ, градоначальника, митрополита и близкихъ послѣднему лицъ. Каждое утро, вмѣстѣ съ моимъ московскимъ пріелемъ, Гапонъ являлся ко мнѣ на квартиру (передъ моимъ уходомъ на службу) для выясненія, якобы, своихъ теоретическихъ разногласій съ спутникомъ. Всѣ мои слова онъ заносилъ въ записную книжку, такъ что обратилъ даже вниманіе этимъ моимъ роднымъ, но я не придавалъ сему обстоятельству никакого значенія, полагая, что это даже къ лучшему: скорѣе усвоить себѣ должные взгляды на дѣло. Однажды рабочіе обратились къ мнѣ съ просьбой помочь деньгами «батьюшкѣ», такъ какъ, по ихъ наблюденіямъ, онъ, видимо, сильно нуждался. Я завелъ деликатно объ этомъ рѣчь съ Гапономъ, и онъ не отказался отъ ежемѣсячнаго пособія въ 100 рублей. Простота его поведенія въ отношеніи рабочихъ доходила порою до непріятнаго: устраивая, наприимѣръ, съ рабочими катанье въ лодкахъ, они располагались съ виномъ и закускою на травѣ, а вѣдь начиналось пѣніе, оканчивавшееся плясомъ, въ которомъ, подобравъ помы подрясника, особо отличался, со свойственными ему живостью и энергіею, отецъ Гапонъ. Но рабочихъ очень подкупала такая его простота.хлопоты по организаціи чайной-клуба, знакомства съ рабочими и прочія мелкія дѣла шли

своимъ порядкомъ, причемъ знакомства Гапона въ охранныхъ сферахъ расширялись,—и онъ становился тамъ своимъ человѣкомъ. Когда послѣ горячей ссоры съ В. К. Плеве въ августѣ 1903 года мнѣ пришлось, не по своей волѣ, оставить Петербургъ, Гапонъ былъ въ числѣ немногихъ смѣльчаковъ, рѣшившихся пріѣхать на вокзалъ, чтобы проводить меня. При сдачѣ мною должности тому лицу, которое навязало мнѣ знакомство съ Гапономъ, оказался такой казусъ: просматривая оправдательные денежные документы, оно увидѣло запись: «Гапону — 100 рублей», и очень ввзволновалось, такъ какъ само платило ему столько же. Впоследствии это лицо мнѣ призналось, что, будучи вынуждено давать градоначальнику подробныя свѣдѣнія о моихъ начинаніяхъ въ С.-Петербургѣ по рабочему вопросу и опасаясь быть назойливымъ въ отношеніи меня своими разспросами, оно приставило ко мнѣ, въ качествѣ агента, Гапона, которому и платило за такое освѣдомленіе 100 рублей въ мѣсяцъ. Такова была начальная карьера героя 9-го января.

Въ Москвѣ, съ конца августа до половины ноября 1903 года, я имѣлъ отъ него два письма слѣдующаго содержанія:

№ 1. (Копія).

«Глубокоуважаемый и незабвенный Сергѣй Васильевичъ!
Какъ Вы поживаете? Что подѣлываете?

Тяжело бевъ Васъ. Не съ кѣмъ по душѣ поговорить о дѣлѣ. Поддержки дѣлу почти ни откуда. Приходится самимъ работать, не покладая рукъ. Работа, безпристрастно говоря, ладится. Кружокъ уже разросся до 25 человѣкъ. Чайная-клубъ функционируетъ, хотя не такъ хорошо, какъ бы слѣдовало (еще не устроена, спеціальныя на это средствъ еще нѣтъ).

Теперь вопросъ большой важности — о легализаціи (такъ или иначе) чайныхъ-клубовъ. Г-нъ Смирновъ ухватился за насъ, но мы пока держимся выжидательной политики — хочется какъ можно болѣе гарантировать свою автономію, самостоятельность. Г-нъ градоначальникъ очень интересуется чайной-клубомъ, и послѣзавтра мнѣ предстоитъ дѣлать ему докладъ о нашемъ дѣлѣ. Кажется, придется дѣлать докладъ и директору департамента полиціи Лопухину.

Васъ, своего учителя, не забываемъ—помнимъ. И недавно, въ одномъ изъ кружковыхъ собраній, когда былъ поднятъ вопросъ о васъ, — смѣло, удивительно смѣло и горячо выступили за васъ и вашу идею. Впечатлѣніе получилось очень хорошее, однимъ словомъ—не скрываемъ, что идея своеобразнаго рабочаго движенія — ваша идея, но подчеркиваемъ, что теперь связь съ полиціей порвана (такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть), что наше дѣло правое, открытое, что полиція только можетъ контролировать насъ, но не держать на привязи. Между прочимъ вступилъ въ кружокъ и г-нъ Ушаковъ... Что касается меня, то я совершенно, слава Богу, разстался съ несимпатичной для меня академіей. Получилъ кандидата (ученая степень) богословія и хожу

съ кандидатскимъ значкомъ на груди. Повторяю, скучно безъ васъ. Не теряю надежды васъ видѣть; какъ только соберусь съ деньжонками, непременно приѣду къ вамъ. Васъ же всѣ съ благодарностью вспоминаютъ. Вѣрьте, Сергѣй Васильевичъ, что хорошая память о васъ у всѣхъ, кто имѣлъ счастье васъ узнать, никогда не умретъ въ сердцахъ ихъ».

№ 2.

«Глубокоуважаемый и незабвенный Сергѣй Васильевичъ, Соскучился по васъ я сильно: но выѣхать въ Москву и повидать лично васъ — никакъ нелзя. Оказывается, справедлива пословица: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Дѣло въ чайной-клубѣ подвигается медленно, но, кажется, поступательно и твердо. Уже есть свой хоръ изъ рабочихъ, такъ что на предполагаемыхъ молебнѣ (19-го) и панихидѣ (20 октября) въ состояніи будетъ пѣть. Музыкальный кружокъ въ зародышѣ, но уже нашелся надежный учитель и руководитель, безкорыстно несущій свой трудъ. По отчету послѣдней ревизіонной комиссіи оказалось, что у насъ, несмотря на довольно большіе расходы по оборудованію чайной, въ остаткѣ чистыхъ 213 рублей. 100 рублей изъ нихъ положили въ сберегательную кассу, что и составляетъ зародышъ основного капитала проектируемой кассы взаимопомощи, а 113 рублей составляютъ оборотный капиталъ для развитія дѣла въ клубѣ. Кружокъ возросъ до 30-ти слишкомъ человѣкъ. На-дняхъ лично подалъ докладъ г-ну градоначальнику о нашемъ дѣлѣ (самъ онъ попросилъ), а черезъ Василя Сергѣевича (секретаря директора департамента), докладъ и г. Лопухину. Когда увидимся, то я вамъ докладъ вручу. (Къ сожалѣнію, онъ составленъ поспѣшно). Г. Смирновъ (предсѣд. Общ. Трезв.) хочетъ принять насъ къ себѣ, но у насъ мелькнула надежда быть самостоятельнымъ въ нѣкоторомъ родѣ обществомъ. Мой адресъ: Васильевскій Островъ, Большой проспектъ, Покровская Община».

Изъ содержанія этихъ писемъ видно стремленіе Гапона быть самостоятельнымъ и оригинальнымъ: «подчеркиваемъ, что теперь связь съ полиціей порвана (такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть), что наше дѣло правое, открытое, что полиція только можетъ контролировать насъ, но не держать на привязи». Какъ же, думалось мнѣ, «связь съ полиціей порвана», когда онъ дѣлаетъ доклады градоначальнику и директору департамента полиціи? Взглядъ Гапона на роль администраціи въ рабочемъ дѣлѣ также, по моимъ понятіямъ, являлся очень опасной ересью. Рабочіе не въ силахъ быть самостоятельными: они сейчасъ же подпадаютъ подъ чужое вліяніе. За сношенія съ социаль-демократами ихъ сильно караютъ; ученая буржуазія ихъ боится, такъ какъ администрація косо смотритъ на ея сношенія съ ними; что же остается имъ дѣлать? Единственный для нихъ путь—это организоваться и идти объ руку съ администраціей, подъ руководствомъ которой современемъ они могутъ заполнить повсюду ходы для само-

стойательнаго устройства своихъ дѣлъ. Таково положеніе вещей. И въ томъ, чтобы быть съ администраціей въ связи, нѣтъ для рабочихъ ничего постыднаго: вѣдаются же съ нею предпринима-тели и не чувствуютъ себя отъ этого въ убыткѣ. Ложное чув-ство стыда навѣяно вѣсь, несомнѣнно, ихъ радикальными тра-диціями, и съ нимъ надо было покончить въ первую же голову, разъ брались ставить рабочее движеніе легально. Вмѣсто этого, Гапонъ, съ непонятной саміціей власти, принимаетъ на себя официально, по уставу, роль какого-то потусторонняго опекуна и благодѣтеля рабочихъ и, проповѣдуя рабочимъ о независимости отъ полиціи, потихоньку отъ нихъ бѣгаетъ къ послѣдней съ до-кладами. Получалась ложная и отвратительная постановка всего дѣла: власть стояла въ сторонѣ отъ рабочаго дѣла и оказалась (какъ и рабочая масса) цѣликомъ въ рукахъ Гапона.

Когда съ такими замашками Гапонъ появился въ 1904 году въ Москвѣ и, шныряя среди рабочихъ по портернымъ, старался завербовать себѣ тамъ послѣдователей, московская власть попро-сила его убраться изъ города. Настолько остро чувствовалась Москвой вся фальшь постановки дѣла у Гапона.

Послѣдній въ письмахъ своихъ жалуется: «не съ кѣмъ по душѣ поговорить о дѣлѣ. Поддержки дѣлу почти ни откуда». Это значитъ, что, сдавъ рабочее дѣло на руки Гапону и одѣлавъ его тѣмъ самымъ лицомъ отвѣтственнымъ, мѣстная власть счи-тала, что ею всѣ мѣры приняты, что дѣло рабочихъ не ея непо-средственное дѣло и... почилъ на лаврахъ. Гапонъ же, отдаливъ отъ рабочихъ власть въ интересахъ личнаго тщеславія, лишился опоры при нападеніяхъ на его рабочихъ со стороны предприни-мателей. Когда отряслась такая бѣда, и власть, пріученная имъ въ подобныхъ случаяхъ къ индифферентизму, реагировала на его домогательства о помощи очень слабо, онъ ударился въ край-ность, и въ ужасномъ сознаніи полнаго своего безсилія помочь довѣрившимся ему рабочимъ, поднялъ, съ одной стороны, агита-цію за непосредственное обращеніе къ монарху, смутивъ тѣмъ и перепугавъ монархистовъ, а съ другой, началъ заигрывать съ оппозиціей и революціонерами. Сверхъ постановка дѣла, есте-ственно, привела къ такимъ же результатамъ.

Итакъ, не будучи моимъ искреннимъ сторонникомъ, Гапонъ не могъ быть моимъ естественнымъ продолжателемъ; а извраще-ніе московской системы не могло быть ея логическимъ заверше-ніемъ. (Сравни стр. 40—50 изъ II тома «Общественнаго движенія въ Россіи въ началѣ XX вѣка» въ статьѣ Г. Евг. Маевского: «Гапонъ и общество русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ»).

Приглядываясь, по обязанностямъ службы, къ русскому революціонному движенію, какъ среди интеллигентныхъ слоевъ населенія, такъ и среди рабочихъ, мнѣ все болѣе и болѣе при-ходилось убѣждаться, какое почти всеисчерпывающее значеніе имѣетъ среди людей чувство довѣрія и вообще честныя отноше-нія; стоило только, бывало, бесѣдующимъ преодолѣть въ себѣ

взаимное недоверіе, какъ всѣ пункты разногласія во взглядахъ и дѣйствіяхъ постепенно одинъ за другимъ рушились, и иной разъ наступала даже возможность совмѣстныхъ дѣйствій.

Рабочица въ отношеніяхъ рабочихъ, съ одной стороны, къ своей и общей администраціи, а съ другой—къ революціоннымъ дѣятелямъ обуславливалась именно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первомъ случаѣ все пошло на недоверіи и враждебности, а во второмъ — отношенія создавались на доброжелательности и вѣрѣ въ способность рабочихъ къ веденію большихъ дѣлъ. Въ этомъ приходилось все болѣе и болѣе удостовѣряться, по мѣрѣ углубленія въ обиходъ широкихъ рабочихъ массъ, которыя публика считала за какое-то «чудище обло, оворно, двуглаво и лапѣ». Используемое практически, наблюденіе это дало превосходные результаты 19 февраля 1902 года, при патристической манифестаціи у памятника царю-освободителю, гдѣ выборные отъ рабочихъ возложили вѣнки въ присутствіи августѣйшаго генералъ-губернатора, генерала Трепова и почетныхъ гостей, на главахъ 50-ти тысячной рабочей толпы, въ порядкѣ, которому могъ бы позавидовать привычный церемоніймейстеръ ¹⁾.

Собственно краеугольнымъ камнемъ и особенностью «пресловутой зубатовщины» являлся моральный вопросъ о доверіи къ рабочей массѣ, а не какая-либо экономическая система. Наименованіе ея «полицейскимъ социализмомъ» лишено всякаго смысла. Съ социализмомъ она боролась, защищая принципы частной собственности въ экономической жизни страны, и экономической ея программой былъ прогрессирующий капитализмъ, осуществляющійся въ формахъ все болѣе культурныхъ и демократическихъ (почему-то кажущихся нашимъ російскимъ капиталистамъ «антикапиталистическими»). Полицейскіе мѣры, какъ чисто внѣшнія, опять-таки ея не занимали, ибо она искала такой почвы для рѣшенія вопроса, гдѣ бы все умиротворялось само собой, безъ внѣшняго принужденія.

Практически это стремленіе выразилось въ лозунгѣ: «за-воеваніе доверія рабочихъ прежде всего». Революціонеры были сильны только такимъ доверіемъ, и его надо было отвоевать у нихъ во что бы то ни стало.

Традиціонная политика поконлась какъ разъ на обратномъ и видѣла во всякомъ удовлетвореніи ходатайствъ рабочихъ, какъ бы они ни были справедливы по существу, поощреніе, воспитаніе притязательности, равноуданіе вѣтря. Усвоенная московской администраціей политика раздражала, главнымъ образомъ, приверженцевъ наличнаго фабрично-заводскаго обихода. Поднялся крикъ, что оберъ-полицеймейстеръ балуетъ рабочихъ, мирволить имъ за счетъ ховяевъ, развиваетъ среди нихъ антикапиталисти-

¹⁾ Любопытно, что черезъ три-четыре часа послѣ этой манифестаціи, полученъ былъ московской администраціей срочный вопросъ отъ одного изъ губернаторовъ: правда-ли, что Кремль осажденъ и взятъ рабочей толпой.

ческія теченія, развращаетъ ихъ. Ошибка (если говорить объ искренности этихъ словъ) заключалась здѣсь въ игнорированіи того факта, что искреннее чувство довѣрія тѣсно связано съ деликатностью отношеній, а никакъ не съ хамской притязательностью. Въ этомъ ежедневно приходилось убѣждаться на практикѣ, почему «крикъ» былъ сочтенъ просто за тенденціозную неправду. По поводу системы довѣрія разлито много яда въ ранѣе упоминавшихся 16-ти пунктахъ.

Вторымъ аргументомъ противъ такой политики было выставлено положеніе: «расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ возможно только въ законодательномъ порядкѣ и ни въ какомъ иномъ».

Въ практическомъ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ захватомъ въ рабочей средѣ, вовсе не приходилось задаваться вопросомъ о формальномъ расширеніи правъ фабричныхъ рабочихъ: въ интересахъ водворенія среди нихъ спокойствія завоевывалось ихъ довѣріе, и для этого испробовались, въ видѣ опыта, всѣ подходящія средства. Увѣреніе, что лишь одно законодательное расширеніе правъ рабочихъ заставитъ ихъ отойти отъ революціонеровъ и почувствовать полное довѣріе къ окружающимъ условіямъ—конечно, неправильно, хотя бы уже потому, что практически такая законодательная работа невыполнима въ короткій срокъ, и завоеваніе довѣрія отходить, стало быть, въ неопредѣленное будущее; а во-вторыхъ, по существу, такія законодательныя нормы могутъ далеко не всегда удовлетворить рабочихъ, что опять-таки не будетъ культивировать въ рабочей средѣ особаго довѣрія.

Словомъ, довѣріе въ цѣляхъ успокоенія и законодательство оказывались понятіями, далеко не покрывающими другъ друга (почему леченіе беспорядковъ уступками въ законодательномъ порядкѣ и приводитъ обычно къ обратнымъ желаемому результатамъ), не говоря уже о томъ, что самые разговоры о какихъ-либо расширеніяхъ правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ законодательнымъ путемъ были, въ дѣйствительности, лишь «сказками для дѣтей изряднаго возраста»; рабочихъ боялись всѣ: и хозяева, и оба министерства, и различные слои общества.

Противъ законодательныхъ мѣръ московская администрація не возражала; а, наоборотъ, по мѣрѣ достиженія своихъ цѣлей, даже ихъ энергично требовала (законъ о старостахъ), но все же ближайшей задачей ея ставилось, чтобы была дана предварительно возможность создать и доразвить атмосферу довѣрія и прочныхъ отношеній съ рабочими. При установившемся довѣрії законодательныя мѣры испрашивались-бы сами собой и шли бы на общую пользу; напротивъ, установленныя закономъ учрежденія безъ предварительнаго успокоенія рабочей массы непременно должны были обратиться въ новые опорные пункты для враговъ власти и порядка и оказаться очень вредными для дѣла. Не даромъ революціонеры ставили всегда однимъ изъ пунктовъ своей программы;

использованіе въ своихъ видахъ различныхъ легальныхъ начинаній (школъ, обществъ и пр.). Факты послѣднихъ лѣтъ засвидѣтельствовали это воочію: нынѣ проводятся новые фабричныя законы, а социаль - демократія растетъ и приходится отбирать раньше разрѣшенное; создаются политическія реформы, а оппозиція используетъ ихъ лишь для собственнаго роста.

Здѣсь будетъ своевременно замѣтить, что, допуская въ видѣ опыта выступленіе рабочихъ на путь самопомощи, самодѣятельности и самоопредѣленія въ фабрично - заводскихъ дѣлахъ, внѣ слѣпого подчиненія хозяйской указкѣ, администрація имѣла въ виду внести тѣмъ самымъ успокоеніе въ рабочую среду въ отношеніи социалистической пропаганды, отнюдь не предполагая наносить тѣмъ какой-либо уронъ интересамъ предпринимателя. Въ силу этого, ярые выпады послѣднихъ противъ московской администраціи были совершенно неумѣстными, такъ какъ предприниматели вмѣшивались не въ свое дѣло, выступая съ разсужденіями на чисто-политическія темы (напримѣръ, объ опасности отъ объединенія рабочихъ). Распоряжаться же по произволу чисто-экономическимъ аппаратомъ никто, конечно, серьезно не думалъ, тѣмъ болѣе, что союзно-профессіональное рабочее движеніе ставило своею цѣлью превратить рабочаго человѣка изъ индифферентнаго цѣлямъ предпріятія наймита въ сознательнаго работника, тѣсно связаннаго съ духовными и матеріальными интересами того торгово-промышленнаго предпріятія, къ дѣламъ котораго онъ прилагаетъ свой трудъ.

Слѣдуя за социаль - демократами, г. Морской твердитъ на стр. 172: «дѣйствительно, зубатовщина создала среди промышленной буржуазіи противоправительственное теченіе; по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ записокъ, опубликованныхъ фабрикантами и обслуживающими ихъ техниками, именно зубатовщинѣ отводилось едва-ли не главное мѣсто въ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ противъ дореформенной бюрократіи».

Конечно, бываютъ положенія, когда кажется, что «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Однако въ дѣйствительности не политика московской администраціи по отношенію къ рабочимъ создала противоправительственное теченіе среди наиболѣе денежной промышленной буржуазіи, какъ не она-же привела рабочее движеніе къ событіямъ 1905—1906 гг. Къ первому примыкаютъ лица буржуазіи, принадлежащія по своему образованію и воспитанію къ такъ называемому «образованному русскому обществу», ведущему свое антиправительственное лѣтосчисленіе отъ періода куда раньше зубатовщины. Къ тому же меня всегда чрезвычайно забавляли угрозы противоправительственнаго характера со стороны обладателей «золотого руна». Забывая, что дѣйствительная политическая свобода несовмѣстима, въ глазахъ людского большинства, съ порядками, свойственными капиталистическому строю, они, въ своей наивности, не замѣчали, что, сѣя политическій вѣтеръ, непременно пожнутъ социально-экономическую бурю.—Но и

обвиненіе аполитической зубатовщины въ поворотѣ рабочаго движенія на обще-политическую почву также лишено какого-либо фактическаго или логическаго основанія. Эта политика возникла сравнительно поздно и имѣла достаточно узкій кругъ примѣненія, встрѣчая все время энергичное и систематическое противо-дѣйствіе со стороны чиновъ министерства финансовъ; во всей же остальной Россіи практиковалась система, любезная «фабрикантамъ и обслуживающимъ ихъ техникамъ», покоившаяся на полномъ презрѣніи къ рабочимъ и опиравшаяся на всѣ виды полицейской репрессіи. Вотъ эта-то система, полная всяческихъ препятствій къ улучшенію рабочими своего правового-экономическаго положенія на законной почвѣ, и заставила ихъ, при содѣйствіи социаль-демократической интеллигенціи, перейти отъ стихійной экономической борьбы начала 90-хъ г. г. на борьбу чисто-политическую. (Смотри «Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка», статья Д. Кольцова «Рабочіе въ 1890—1904 г. г.»).

Такимъ образомъ, если зубатовщинѣ предъявляютъ фактическое обвиненіе въ сокращеніи нашей промышленной буржуазіи европейскаго типа въ противоправительственную политику, то какой же силы должно быть предъявлено обвиненіе ея антагонистамъ за дѣйствительное ими соврашеніе своей политической рабочихъ въ революцію, завершившееся событіями 1905—1906 гг.?

Не можетъ быть сомнѣнія, что стремленіе г. Морского извратить историческую правду и переложить отвѣтственность въ этомъ отношеніи «съ больной головы на здоровую» не найдетъ современемъ сочувствія и подтвержденія у дѣйствительныхъ историковъ этого періода.

По мнѣнію г. А. Морского, зубатовщина — было «безумное предпріятіе», «абсурдъ, предоставлявшій сложный, гибкій и чувствительный экономическій аппаратъ на произволъ полицейскихъ усмотрѣній» (стр. 178—179).

Послѣ сдѣланныхъ выше поправокъ къ фактическому изложенію «зубатовщины» г. Морскимъ, естественно должны намѣниться въ благопріятную для нея сторону и самые выводы г. Морского.

Но въ книгѣ его имѣются еще прямыя указанія, не позволяющія отнести зубатовщину къ «абсурднымъ, безумнымъ предпріятіямъ».

На стр. 150, напримѣръ, говорится: «Въ программѣ, намѣченной И. И. Янжуломъ, В. К. Плеве могъ усмотрѣть научное обоснованіе и оправданіе зубатовскихъ начинаній»... ибо Янжулъ «полагалъ, что правительство, дабы вырвать одинъ изъ зубовъ будущей революціи, обязано завладѣть симпатіей рабочихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы... предоставивъ рабочимъ право стачекъ и право союзовъ, съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и съ высшимъ надзоромъ со стороны государства» (стр. 148).

Неоднократно цитируемый г. Морскимъ профессоръ Озеровъ

даетъ въ своей «Политикѣ по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы» очень сочувственное описаніе московской организаціи рабочихъ (стр. 195—225): «Какъ извѣстно, въ 1901—1902 г. г. возникли среди рабочихъ организаціи, сыгравшія видную роль въ развитіи рабочихъ массъ у насъ. Рабочіе почувствовали себя здѣсь людьми, это всколыхнуло тихое болото, они ухватились за опору, и всѣ боли и горести вылились наружу. Послышалась масса жалобъ (стр. 195). Въ личной бесѣдѣ... мы (лекторы) доказывали всю необходимость организаціи касъ взаимопомощи при развивающейся промышленности, что нѣтъ основанія бояться такихъ организацій: наоборотъ, неорганизованный, холодный и голодный рабочій представляетъ большую социальную опасность» и т. д. (стр. 197).

Кромѣ того, по словамъ профессора Озерова (стр. 220) особая коммиссія изъ наиболѣе уважаемыхъ въ профессорской средѣ лицъ, специально разбиравшая во всѣхъ деталяхъ постановку въ Москвѣ рабочей организаціи, не только не отвернулась съ ужасомъ отъ нея, какъ отъ «абсурднаго и безумнаго предпріятія», а признала «въ высшей степени желательнымъ продолжать и развивать просвѣтительную дѣятельность, которую съ такимъ успѣхомъ проявляли лекторы и руководители, такъ называемыхъ, собесѣдованій».

Наконецъ, самъ г. Морской, дѣля зубатовщину на двѣ части: 1) на непосредственно московскую, съ городами Минскомъ и Одессой, и во 2-хъ) на «эксперименты à la Зубатовъ въ исправленномъ видѣ» (петербургское движеніе), — пишетъ на стр. 127: «Благодаря ли внушеніямъ Плеве, благодаря ли тому, что дѣла союзовъ Зубатовъ не выпускалъ изъ собственныхъ рукъ, ...но въ Москвѣ зубатовщина ни въ какіе внѣшніе скандалы не вылилась».

Но какимъ образомъ такую аттестацію непосредственной зубатовщины можно совмѣстить съ общей ея аттестаціей: «абсурдъ и безумное предпріятіе». Не говорить ли это за то, что всѣ отзывы о зубатовщаннѣ всегда болѣе «сердиты, чѣмъ внутренне сильны»; что въ ней не различаютъ правильной руководящей идеи отъ неумѣлаго осуществленія ея на практикѣ: понимали ее очень многіе, а осуществить ее сумѣли только въ Москвѣ, но по дурному исполненію нельзя еще судить о вѣрности или невѣрности самаго существа системы. Но самымъ сильнымъ аргументомъ противъ «развѣнчанія» зубатовщины служитъ то обстоятельство, что ея цѣлесообразность была признана самимъ главой министерства финансовъ, который въ 1903 году заявилъ мнѣ вполне справедливо: «Мы—актеры, играющіе на одной и той же сценѣ, но раздѣленные перегородкой. Публикѣ видно, что мы играемъ ту же самую пьесу, но намъ, изъ-за перегородки, этого незамѣтно. Очень жаль, что такъ долго приходилось дѣйствовать раздѣльно».

Р. С. Не оказалась безъ вліянія московская рабочая политика и на измѣненіе тактики самой социаль-демократической партіи, такъ много разрабатывавшей силъ и удѣлившей столько мѣста въ

своей прессѣ на борьбу съ «зубатовщиной». Наивный радикализмъ тогдашней социаль-демократіи, ярко отпечатлѣвшійся въ насмѣшкѣ ея надъ дѣятелями мирнаго рабочаго движенія: (Медленнымъ шагомъ, Робкимъ зигзагомъ, Тисше впередъ, Рабочій народъ.—) явился той ошибкой, воспользовавшись которой зубатовщина поставила свое дѣло. Переживъ такія неожиданности, какъ массовое движеніе рабочихъ въ Петербургѣ, сорганизовавшееся безъ ея участія и выросшее на чисто профессиональной почвѣ, социаль-демократія измѣнила нынѣ свое отношеніе къ рабочимъ движеніямъ на капиталистической почвѣ (профессиональному, кооперативному и т. п.) и постановила, что впредь каждому социаль-демократу вмѣняется въ обязанность оказывать этого рода «палліативамъ» свое посильное содѣйствіе. Событіе это должно имѣть два слѣдующихъ крупныхъ послѣдствія: во-1-хъ, социаль-демократія отнынѣ будетъ ограничена въ своихъ излишне свободныхъ проявленіяхъ интересами легальнаго рабочаго движенія; а во-2-хъ, рабочая масса пріобрѣтетъ этимъ самымъ въ большемъ числѣ знающихъ и убѣжденныхъ въ дѣлѣ руководителей, отсутствіе которыхъ на легальной почвѣ приходилось восполнять въ былое время чуть-ли не чинами государственной полиціи.

Обдумывая содержаніе книги г. Морского и внесенныя мною въ это содержаніе поправки, я прихожу, въ концѣ-концовъ, къ выводу, что книга эта написана безъ горячаго убѣжденія въ своей правотѣ и издана по постороннимъ истинѣ соображеніямъ. Это обстоятельство настолько мною чувствуется ясно, что не вызываетъ во мнѣ даже непріятнаго и тревожнаго чувства своей неправоты и признанія непоправимыхъ въ прошломъ ошибокъ, обычно, какъ желѣзо, жгущихъ пораненную совѣсть.

Кратко, сильно, мѣтко, безъ какихъ-либо фактическихъ передержекъ и извращеній, съ истинно-русской сметкой, опредѣлилъ суть зубатовщины и возможное ея будущее покойный Савва Тимофеевичъ Морозовъ, пожелавшій черезъ общаго знакомаго вторично повидаться со мной у Тѣстова послѣ пресловутой чашки чая, на которой оказался онъ присутствовавшимъ въ числѣ другихъ. Свиданіе это происходило втроемъ и затянулось на всю ночь. Въ концѣ-концовъ онъ заявилъ: «на основаніи нашей бесѣды я составилъ себѣ убѣжденіе, что затѣянное Москвою дѣло носитъ рѣзкій отпечатокъ вашей личности: вашихъ архи-монархическихъ и политическихъ вѣрованій, вашихъ, не вошедшихъ еще въ обиходъ, экономическихъ взглядовъ, вашихъ страстныхъ упованій на дѣятельно-благожелательную мудрую и сильную власть, вашего пылкаго отношенія къ дѣлу, и въ этомъ серьезный недостатокъ всей постановки вашей системы: безъ васъ она не пойдетъ»...

Помню, слова эти, какъ варомъ, меня сварили и... оказались въ послѣдствіи вѣщими. Вотъ гдѣ, дѣйствительно, была зарыта собака у зубатовщины, а не тамъ, гдѣ ее ищетъ г. Морской.

11 декабря 1912 года. Гор. Москва.

С. В. Зубатовъ.

Послѣдніе дни Бѣлинскаго.

(Изъ архива С. А. Венгерова П.)

(Неизданное письмо жены Бѣлинскаго къ художнику И. А. Астафьеву).

Чухотка, погнавшая Бѣлинскаго въ 1846 г. за границу, не могла не отразиться на его посланіяхъ. Съ тою печальною прозорливостью, которую, увы, чаще всего проявляютъ именно ближайшіе друзья, они стали замѣчать извѣстное ослабленіе таланта Бѣлинскаго. Ихъ шептанія между собою, а подчасъ и прямые намеки доходили до Бѣлинскаго и причиняли ему большія страданія.

Все это, однако, было въ значительной мѣрѣ преждевременно. Еще много блестящихъ страницъ написалъ Бѣлинскій и за границей и по возвращеніи изъ-за границы, еще не разъ, какъ потухающее пламя, ярко вспыхивалъ его огромный талантъ во всей своей жгучести. Достаточно вспомнить хотя бы письмо къ Гоголю: «Взглядъ на русскую литературу 1846 года», «Взглядъ на русскую литературу 1847 года», полемику съ «Москвитяниномъ». Все это никогда не перестанетъ быть однимъ изъ высшихъ достижений русской литературной критики и пророческой эстетической проникательности. Но статьи послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Бѣлинскаго, дѣйствительно, носятъ на себѣ опредѣленные признаки вялости и усталости. Совсѣмъ уже нѣтъ прежняго бурнаго краснорѣчія, нѣтъ огненныхъ словъ, взрывовъ бѣшеннаго негодованія и столь же необузданныхъ восторговъ. Отъ «неистоваго Виссаріона» осталось очень не много. Писать все же Бѣлинскій не переставалъ почти до самой смерти. Онъ умеръ въ маѣ 1848 г., а еще въ апрѣльской книгѣ «Современника» былъ напечатанъ его некрологъ Мочалова. О, какъ-бы написалъ онъ этотъ некрологъ десять лѣтъ тому назадъ, въ періодъ созданія знаменитой статьи «Мочаловъ въ роли Гамлета»? Самъ то онъ статью 1838 г. былъ недоволенъ. Онъ былъ убѣжденъ, что ему не удалось выразить всю полноту впечатлѣній отъ игры Мочалова, что у него душа для этого недостаточно «вулканична» и «страстна». Но на это неудовольствіе только и можно смотрѣть, какъ на характерное проявленіе того, что истинно-высокія дарованія сплошь и рядомъ не имѣютъ въ началѣ своей дѣятельности и приблизитель-

наго представленія о размѣрахъ своего будущаго значенія. А вотъ статья 1848 года, дѣйствительно, даетъ слабое представленіе о «вулканичности» и «страстности» Мочалова. Куда дѣлся пламенный слогъ «неистоваго Виссаріона»? Можно ли его узнать въ такой фразѣ: «Одни видѣли въ немъ высшую степень совершенства, до какого только можетъ доходить трагическій талантъ; другіе видѣли въ немъ совершенно бездарнаго актера. Какъ ни преувеличенно первое мнѣніе, однако въ немъ въ тысячу разъ больше истины, нежели въ послѣднемъ. Но и послѣднее существуетъ не безъ основанія». Настоящая канцелярская отписка. И только «въ тысячу разъ больше» тутъ напоминаетъ стараго, безудержно-буйнаго и въ хулахъ и въ прославленіи Бѣлинскаго.

Какъ писались послѣднія статьи Бѣлинскаго? Очевидно, что уже не такъ, какъ прежде, когда, по рассказамъ Панаева и Тургенева, съ лихорадочною быстротою въ послѣдній моментъ списывался листъ за листомъ, и изъ-подъ пера Бѣлинскаго вылетали «прямые, какъ стрѣлы, строки его быстрого, крупнаго, своеобразнаго почерка, почти безъ помарокъ». Въ этой быстротѣ писанія Тургеневъ видѣлъ источникъ многочисленныхъ противорѣчій Бѣлинскаго, ибо «это писалъ человѣкъ, который не вѣѣшпывалъ и не рассчитывалъ свои выраженія». Но тутъ же, конечно, былъ и одинъ изъ источниковъ вдохновенности и такого писанія aus einem Guss.

А вотъ изъ нижеслѣдующаго письма мы узнаемъ одну чрезвычайно важную деталь относительно статей послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Бѣлинскаго, которую едва ли не слѣдуетъ считать главною причиною вялости этихъ статей. Оказывается, что Бѣлинскій совсѣмъ и не писалъ ихъ, а диктовалъ. Диктовка и вообще-то—суррогатъ настоящаго писанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ хорошо говоритъ. А Бѣлинскій какой-же былъ ораторъ? Въ рѣдкія минуты, въ пылу спора, когда его что-нибудь особенно задѣвало, онъ возвышался до такого же краснорѣчія, какъ и въ статьяхъ. Но обыкновенно онъ путался въ самомъ простомъ разговорѣ, когда надо было сколько-нибудь цѣльно и связно излагать свои мысли. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», онъ сплошь и рядомъ не оканчивалъ своей мысли, краснѣлъ и безнадежно махалъ рукой, приговаривая: «и всегда это у меня такъ».

Сообщеніе М. В. Бѣлинской о томъ, что послѣднія статьи Бѣлинскаго не писались, а диктовались, нельзя не считать самою цѣнною частью ея письма. Но рядомъ съ этимъ очень цѣнно по своей новизнѣ и описаніе кабинета Бѣлинскаго, кто его не знаетъ по извѣстнѣйшей картинѣ Наумова, а, оказывается, онъ совсѣмъ, совсѣмъ другой былъ, не такое помѣщеніе для книгъ было, не тамъ столъ стоялъ, не тамъ кушетка (кушетка, а не диванъ, какъ у Наумова), надъ кушеткой не портреты, а большая карта Европы и т. д.

Письмо жены Бѣлинскаго адресовано московскому художнику

И. А. Астафьеву, автору наиболѣе теперь распространеннаго портрета Бѣлинскаго. Нынѣ здравствующій Иванъ Александровичъ Астафьевъ не современникъ Бѣлинскаго, и скомпоновалъ свой портретъ по маскѣ Бѣлинскаго и рисунку извѣстнаго портретиста К. Горбунова, сдѣланному въ 1843 году. Тѣмъ не менѣе И. А. Астафьеву, по свидѣтельству друга и ученика Бѣлинскаго, Кавелина, удалось создать такой портретъ, который «по сходству далеко оставляетъ за собою все, что случалось видѣть Кавелину». (Соч. т. III).

Общезвѣстный портретъ Астафьева, подлинникъ котораго находится въ Третьяковской галлерей, былъ уже второю попыткою его въ области иконографіи Бѣлинскаго. Раньше Астафьевъ работалъ надъ другимъ портретомъ-картиной: «Бѣлинскій за письменнымъ столомъ», но онъ не удовлетворилъ самого художника, хотя Тургеневу, который видѣлъ этотъ первый набросокъ въ 1879 году, онъ понравился. Болѣе 30 лѣтъ картина пролежала на чердакѣ, и только недавно она была приобретена Л. Э. Бухгеймомъ, который приложилъ большой фототипическій съ нея снимокъ къ изданной имъ брошюрѣ «Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину». (М. 1914). Въ картинѣ немало анахронизмовъ: керосиновые лампы появились только въ 1860 годахъ, висящій на стѣнѣ портретъ Герцена относится къ концу 50-хъ г., портретъ Грановскаго тоже позднѣйшій. Но, въ общемъ, эта картина есть благой результатъ стараній художника дать нѣчто исторически-точное; чтобы воссоздать обстановку кабинета, онъ обратился къ жившей уже тогда съ дочерью на о-вѣ Корфу женѣ Бѣлинскаго, которая и прислала ему въ отвѣтъ нижеслѣдующее письмо.

И. А. Астафьевъ пожертвовалъ письмо историческому музею въ Москвѣ, гдѣ съ него снялъ копію Н. В. Некрасовъ, подготавливащій этюдъ о портретѣ Бѣлинскаго. Эту копію Н. В. Некрасовъ передалъ Л. Э. Бухгейму, а тотъ, въ свою очередь, передалъ ее въ мой архивъ, за что я приношу ему искреннѣйшую благодарность.

С. Венгеровъ.

Корфу, 24 декабря 1878 г.

Милостивый Государь Иванъ Александровичъ! Извините, что я не тотчасъ отвѣтила на Ваше доброе, сочувственное письмо: я всегда благодарна тѣмъ, кто чтитъ память покойнаго мужа моего, а Вы, какъ кажется, одинъ изъ его усердныхъ поклонниковъ. Съ большой готовностью исполню Ваше желаніе (насколько память мнѣ можетъ служить) насчетъ рабочаго кабинета за послѣдніе 2 года; но послѣдніе 3, 4 мѣсяца Виссаріонъ Григорьевичъ не могъ самъ писать, а, лежа на кушеткѣ, диктовалъ мнѣ: изнурительная лихорадка пожирала его въ это

время (это, какъ мнѣ помнится, было Великимъ постомъ), лицо у него страшно горѣло, а лобъ былъ перевязанъ бѣлымъ носовымъ платкомъ, намоченнымъ въ холодной водѣ. Рабочій кабинетъ его былъ въ два большія окна, въ простѣнкѣ между окнами маленькій дамскій письменный столикъ съ рѣшеткой и съ зеленымъ сукномъ, на столѣ транспарантъ, представляющій Фауста, Маргариту и поджидающаго ¹⁾ Мефистофеля, письменныя принадлежности и разныя бездѣлушки, обои палевые, противъ оконъ большіе шкафы во всю стѣну съ книгами, темные, подъ орѣхъ. Если Вы станете спиной къ окнамъ, а лицомъ къ шкафамъ, то на стѣнѣ по правую руку висѣла карта Европы во всю стѣну, и сейчасъ подъ картой стояла кушетка пунцовая съ чернымъ, драдемамовая, гдѣ онъ, почти умирающій, лежалъ и диктовалъ мнѣ свои послѣднія статьи, а я сидѣла передъ кушеткой. У стола противоположной стѣны стоялъ большой рабочій столъ красного дерева съ зеленымъ сукномъ и множествомъ ящичковъ по обоимъ бокамъ, а подъ столомъ посрединѣ пустое пространство, гдѣ стояла большая корзина для ненужныхъ бумагъ, по обѣимъ сторонамъ рабочаго стола стояли 2 этажерки, и на нихъ, только не помню, въ какомъ порядкѣ, стояли бюсты во весь ростъ Руссо и Вольтера вершковъ въ десять и поясные: вершковъ въ пять Гете, Пушкина и Гоголя; надъ столомъ литографированные портреты: Пушкина, Гоголя, Жоржъ-Зандъ, Гете, Шиллера, Кольцова и Николая Станкевича. На этажеркахъ, кромѣ бюстовъ, тѣ книги, которыя ему тотчасъ были нужны для справокъ. Дверь изъ залы была между окномъ и кушеткой, а возлѣ этажерки около рабочаго стола, между окномъ и этажеркой, другая дверь въ спальню; на рабочемъ столѣ лампа, которую, впрочемъ, онъ не зажигалъ: не могъ выносить оленну, два темные подсвѣчника, транспарантъ, градусникъ, множество бумаги, перьевъ, карандашей, перочинныхъ ножей, большая темно-синяя стеклянная чернильница. Когда онъ самъ работалъ, костюмъ его былъ только—коричневое домашнее пальто и синій муслиновый шарфикъ на шеѣ, а когда послѣднее время лежалъ—темно-дикое, длинное драповое пальто-халатъ, подбитый пунцовой фланелью ²⁾, на рукавахъ и на груди съ пунцовыми отворотами; передъ рабочимъ столомъ мягкое зеленое кресло, на которомъ онъ и писалъ.—Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи

Марья Бѣлинская.

¹⁾ Въ подлинникѣ неразборчиво, но надо думать, что такъ.

²⁾ Неразборчивое слово—повидимому, фланелью.

Царскосельскія совѣщанія.

II ¹⁾.

Протоколы секретнаго совѣщанія въ апрѣлѣ 1906 года подъ предсѣдательствомъ бывшаго императора по пересмотру основныхъ законовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ № 3 «Былого» были напечатаны протоколы царскосельскихъ совѣщаній, происходившихъ въ декабрѣ 1905 г., результатомъ которыхъ явился избирательный законъ въ Государственную Думу 11 декабря 1905 г. Во введеніи къ этимъ протоколамъ было уже указано, что за декабрьскими совѣщаніями послѣдовали совѣщанія въ февралѣ 1906 г., посвященные выработкѣ «Учрежденія Государственной Думы», а за ними совѣщанія въ апрѣлѣ 1906 г., посвященные пересмотру основныхъ законовъ.

Нѣсколько нарушая хронологическій порядокъ, мы теперь даемъ протоколы послѣднихъ, апрѣльскихъ совѣщаній, оставляя февральскія совѣщанія до слѣдующей книжки.

Введеніе къ декабрьскимъ совѣщаніямъ было составлено на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, большевистскій переворотъ затруднилъ доступъ въ архивы, почему работу надъ «Дѣломъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ» приходится отложить до лучшаго для исторической работы времени. Надѣюсь, что это время наступитъ скоро, и что если не въ ближайшей, то въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Былого» я получу возможность освѣтить нѣкоторыя не вполне ясныя стороны совѣщаній — февральскихъ и апрѣльскихъ.

Необходимость пересмотра основныхъ законовъ, до революціи 1905 г. построенныхъ на принципѣ неограниченности верховной власти, вытекала изъ манифеста 17 октября 1905 г. и была предрѣшена обѣщаннымъ въ манифестѣ введеніемъ въ систему государственныхъ учрежденій Россіи законодательной думы. Поэтому уже съ января 1906 г. шли различныя предварительныя

¹⁾ См. „Былое“ кн. 3-ья. Протоколы появляются въ печати впервые.

совѣщанія, подготовлявшія матеріалъ для работы по пересмотру основныхъ законовъ, который долженъ былъ совершиться на окончательныхъ апрѣльскихъ совѣщаніяхъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Николая II.

Въ основу обсужденія на этихъ послѣднихъ, какъ видно изъ текста протоколовъ, были положены какъ проектъ, выработанный совѣтомъ министровъ, такъ и первоначальный проектъ, который былъ предложенъ совѣту министровъ и имъ переработанъ. Отличаются они другъ отъ друга только въ деталяхъ. Кромѣ того, въ распоряженіи членовъ совѣщаній имѣлся еще и третій проектъ, предложенный профессоромъ Эйхельманомъ, но имъ на совѣщаніяхъ почти не пользовались.

Совѣщанія происходили въ апрѣлѣ 1906 г., когда реакція чувствовала уже почву подъ ногами, хотя полной увѣренности въ своемъ окончательномъ торжествѣ у нея еще не было. Торжество реакціи сказалось и на самомъ составѣ совѣщаній. Либеральные члены изъ общества В. О. Ключевскій, Д. Н. Шиповъ, А. И. Гучковъ приглашены не были. Былъ только одинъ несановный членъ—профессоръ Эйхельманъ, и тотъ получилъ приглашеніе, какъ авторъ представленнаго имъ по собственной инициативѣ проекта основныхъ законовъ, проекта еще болѣе реакціоннаго, еще менѣе охотно шедшаго по дорогѣ, возвѣщенной манифестомъ 17 октября, чѣмъ проектъ совѣта министровъ. При этомъ любопытно, что единственный разъ, когда профессоръ Эйхельманъ пожелалъ высказаться на совѣщаніи, рѣчь его довольно безцеремонно была прервана Николаемъ II. Изъ сановныхъ лицъ не были приглашены тѣ, кто состоялъ въ подозрѣніи либерализма. Отсутствовалъ не только Н. Н. Кутлеръ, во времени апрѣльскихъ совѣщаній потерявшій свой постъ въ кабинетѣ Витте, но и министръ народнаго просвѣщенія И. И. Толстой, свой постъ еще сохранявшій, и членъ государственнаго совѣта Н. С. Таганцевъ. Зато силы реакціонеровъ были пополнены великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, бывшимъ (въ 1867—78 г.) министромъ юстиціи гр. К. И. Паленомъ и государственнымъ секретаремъ барономъ Ю. А. Икскулемъ.

Одну изъ наиболѣе видныхъ ролей на совѣщаніяхъ игралъ гр. С. Ю. Витте. Онъ присутствовалъ и на декабрьскихъ совѣщаніяхъ. Тамъ его роль была двусмысленной, здѣсь—опредѣленно и ярко реакціонной. Еще такъ недавно авторъ не только манифеста 17 октября, но и «всепоподаннѣйшаго доклада», въ которомъ говорилось о необходимости введенія правового строя; человекъ, въ глазахъ реакціонеровъ бывший едва-ли не крамольникомъ, теперь гр. Витте безусловно отстаивалъ всѣ прерогативы монарха противъ стремленій, опиравшихся на манифестъ 17 октября. Оправдывалъ свою новую позицію онъ тѣмъ, что «государственныя потребности выше логики» (sic), и что ради нихъ нечего считаться съ «изданными въ послѣднее время актами». Онъ страшно боялся демагогіи будущей Государственной Думы.

Вѣдь Дума, говорилъ онъ, будетъ можетъ быть крестьянской, безъидейной, и поведутъ ее на поводу революціонеры и, такъ называемая, интеллигенція; она можетъ потребовать, чтобы въ арміи говорили не по русски. Если Думѣ предоставить вмѣшиваться въ иностранныя дѣла, то она перессоритъ насъ со всѣми иностранными государствами; дума не будетъ давать средствъ на тайныхъ агентовъ (sic) и на известное его величеству употребленіе. Вообще она можетъ превратиться въ учредительное собраніе или въ домъ сумасшедшихъ. Во что бы то ни стало нужно предупредить это: «необходимо отобрать отъ Думы все, что опасно» въ ея рукахъ, все, что можетъ вызвать смуту. С. Ю. Витте отставалъ перлюстрацію писемъ; протестовалъ противъ несмѣняемости судей, такъ какъ существуетъ опасность, что суды будутъ выносить революціонные приговоры, и что Дума будетъ ихъ поддерживать; Витте боялся коалиціи революціоннаго финляндскаго сейма съ революціонной Думой. Онъ же развилъ теорію государственнаго права (когда-то выдвинутую покойнымъ проф. Коркуновымъ), по которой царская Россія, будучи, подобно восточнымъ деспотіямъ, государствомъ съ неограниченной властью монарха, отличается отъ нихъ признаніемъ начала законности, которое обращаетъ ее въ государство правовое.

Такимъ образомъ, на этихъ совѣщаніяхъ Витте явился истиннымъ вождемъ реакціонной группы. И однако, въ его очень послѣдовательно проведенной системѣ имѣется одинъ пунктъ, свидѣтельствующій о своеобразномъ характерѣ его тогдашней реакціонности, источникъ которой лежалъ во всякомъ случаѣ не въ классовомъ дворянскомъ чувствѣ, какъ у другихъ представителей того же теченія: онъ высказался, хотя и очень осторожно, за отчужденіе въ ограниченныхъ предѣлахъ помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, настаивая на томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все равно придется признать такое отчужденіе, иначе все крестьянство встанетъ противъ верховной власти. Думу, говорилъ гр. Витте, черезъ два мѣсяца придется разогнать штыками, если ей будетъ запрещено касаться земельного вопроса, а послѣ этого произойдетъ революція. Однако, въ какой формѣ и въ какихъ размѣрахъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, надѣлить крестьянъ землею, Витте не выяснилъ, опредѣленно высказавшись только противъ кадетскаго проекта земельной реформы, какъ слишкомъ радикальнаго.

Торжество реакціи ясно чувствовалось въ тонѣ не одного гр. Витте, а почти всѣхъ ораторовъ. Правда, страхъ передъ «смутой», безпорядками, даже простымъ общественнымъ недовольствомъ жилъ въ душѣ всѣхъ участниковъ совѣщаній, лежалъ въ основѣ почти всѣхъ высказываемыхъ на нихъ мнѣній и диктовалъ рѣшенія. Страхъ передъ надвигавшейся, но еще неизвѣстной будущей Думой былъ тоже очень силенъ; не только Витте, но и другіе ораторы безпрестанно указывали, что компетенцію Думы слѣдуетъ ограничить сколь возможно болѣе, такъ какъ иначе она Богъ знаетъ чего можетъ потребовать. Много-

кратно говорилось, — хотя всегда лишь въ видѣ общаго предположенія, — что уже черезъ два мѣсяца можетъ явиться необходимость разгона думы штыками изъ-за земельного вопроса; объ этомъ, кромѣ Витте, говорилъ гр. К. И. Паленъ и И. Л. Горемыкинъ, который впоследствии дѣйствительно осуществилъ эту мѣру, впрочемъ безъ употребленія штыковъ, первоначально казавшихся ему необходимыми. Но рядомъ со страхомъ — господствовала увѣренность, что уступчивость должна имѣть свои границы, и притомъ очень тѣсныя, и что именно твердостью противъ надвигавшейся смуты можно ее предупредить. Отъ принципа «неограниченности» верховной власти, говорилось на совѣщаніяхъ, можно и даже должно отказаться, такъ какъ она похоронена уже 17 октября (о чемъ многіе члены, какъ М. Г. Акимовъ и гр. Паленъ, громко сожалѣли), но отъ принципа самодержавія — ни въ какомъ случаѣ. Самъ Николай II произнесъ по этому поводу чрезвычайно характерную рѣчь, одну изъ самыхъ длинныхъ рѣчей, когда-либо имъ произнесенныхъ; въ ней онъ, ссылаясь на волю и на благо народа, говорилъ о своихъ душевныхъ терзаніяхъ изъ-за сомнѣній, имѣетъ ли онъ право передъ своими предками (!) измѣнять предѣлы власти, которую онъ отъ нихъ получилъ. Въ концѣ-концовъ вопросъ былъ рѣшенъ имъ отрицательно: нѣтъ, такого права онъ не имѣетъ, и самодержавіе должно остаться неприкосновеннымъ. Интересно, что въ отказѣ отъ принципа неограниченности онъ, повидимому, не видѣлъ «измѣненія предѣловъ власти», можетъ быть въ силу характернаго соображенія, высказаннаго А. С. Стишинскимъ: можно исключить изъ текста закона слово «неограниченность», но самую неограниченность власти сохранить.

Тѣмъ не менѣе на совѣщаніяхъ явно господствовало убѣжденіе, что Дума, какъ бы ни стѣснять кругъ ея полномочій, но во всякомъ случаѣ должна быть не законосовѣщательной, а законодательной, и что, слѣдовательно, съ неограниченностью власти покончено и по существу.

Но самъ императоръ Николай II шелъ на это съ видимой и нескрываеваемой имъ неохотой, несмотря на его фразы о готовности исполнить желаніе народа, даже если оно выскажется противъ сохраненія самодержавія. Между прочимъ, по его личному требованію, въ текстъ основныхъ законовъ была вставлена мысль, въ проектахъ отсутствовавшая, что начинъ пересмотра основныхъ законовъ не можетъ принадлежать ни Государственной Думѣ, ни Государственному Совѣту, но исключительно государю императору.

Однако, вопросъ о томъ, должно-ли, кромѣ почина, ему принадлежать также право единолично (безъ Государственной Думы и Государственного Совѣта) измѣнять основные законы, рѣшенъ отрицательно. Между тѣмъ, вопросъ этотъ вызвалъ горячія пренія въ совѣщаніяхъ. Гр. Паленъ, Стишинскій, гр. Витте, Дурново, Сольскій, Искунъ, великій князь Николай Николаевичъ высказывались утвердительно, причемъ Витте, авторъ манифеста 17 октября,

признавалъ, что «если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія изданныхъ въ послѣднее время актовъ», то придется рѣшить его отрицательно, «но надо считаться съ государственными потребностями, которыя выше логики (sic)... Лучше теперь претерпѣть недовольство и оставить все, что нужно, всецѣло за государемъ, чѣмъ рисковать въ будущемъ смутами во всемъ государствѣ».

Только Э. В. Фришъ, А. А. Сабуровъ, И. Я. Голубевъ, А. Д. Оболенскій высказались за необходимость участія думы и совѣта въ будущихъ пересмотрахъ основныхъ законовъ, причемъ первый мотивировалъ свое мнѣніе указаніемъ на неблагоприятное впечатлѣніе, которое произведетъ отнятіе уже дарованныхъ правъ, и на возможные безпорядки.

Николай II на этотъ разъ согласился съ этимъ, все же нѣсколько болѣе либеральнымъ мнѣніемъ, несмотря на малочисленность его адептовъ на совѣщаніяхъ.

То же самое имѣло мѣсто при обсужденіи вопроса о несмѣняемости судей, причемъ здѣсь съ особеннымъ цинизмомъ было раскрыто отношеніе нашего правительства къ тѣмъ обязательствамъ, какія оно беретъ на себя. За несмѣняемостью судей высказался гр. К. И. Паленъ, «хотя въ бытность министромъ юстиціи онъ имѣлъ много непріятностей отъ ихъ несмѣняемости», признавшій, что «безъ несмѣняемости правды не существуетъ», и Э. В. Фришъ, настаивавшій на томъ, что начало несмѣняемости вошло во всеобщее сознаніе, и что поэтому его нельзя отвергнуть. Но остальные члены либо открыто высказывались противъ несмѣняемости, — такъ какъ какъ-же иначе бороться съ судьями, если они будутъ выносить революціонные приговоры, а Дума ихъ поддержитъ (г. Витте и Акимовъ), либо за смѣняемость на практикѣ при несмѣняемости по закону, потому что и при ней «всегда можно избавиться отъ судьи» (И. Л. Горемыкинъ), и потому что ее можно парализовать признаніемъ за государемъ императоромъ права на чрезвычайныя мѣры (тотъ же Акимовъ).

Видимо, убѣжденный этими аргументами, Николай II произнесъ: «я ничего не имѣю противъ несмѣняемости».

Результатомъ совѣщаній явились основные законы 23 апрѣля 1906 г., нѣсколько (очень мало) ограничивавшіе власть монарха въ области законодательства, но предоставлявшіе ему всю полноту исполнительной власти, и потому открывавшіе на практикѣ легкую и широкую возможность какъ частичнаго ихъ нарушенія, такъ и *coup d'état*, дѣйствительно повнадобившагося Николаю II и окружавшей его кликѣ не болѣе, чѣмъ черезъ 14 мѣсяцевъ послѣ опубликованія основныхъ законовъ.

В. Водовозовъ.

Составъ совѣщанія, подъ личнымъ е. и. в. предсѣдательствомъ, по пересмотру основныхъ государственныхъ законовъ ¹⁾.

Е. и. в. великій князь Михаилъ Александровичъ.

Е. и. в. великій князь Владиміръ Александровичъ.

Е. и. в. великій князь Николай Николаевичъ.

Предсѣдатель государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. графъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій.

Членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, оберъ-камергеръ графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ.

Предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Эдуардъ Васильевичъ Фришъ.

Членъ государственнаго совѣта д. т. с. Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ ²⁾.

Членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Андрей Александровичъ Сабуровъ 1-й.

Предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ-секретарь, д. т. с. графъ Сергій Юльевичъ Витте.

Министръ императорскаго двора и удѣловъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ.

Предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, д. т. с. Иванъ Яковлевичъ Голубевъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь, д. т. с. графъ Владиміръ Николаевичъ Ламедорфъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь, д. т. с. Петръ Николаевичъ Дурново.

Военный министръ, генералъ-лейтенантъ Александръ Федоровичъ Редигеръ.

Морской министръ, вице-адмиралъ Алексѣй Алексѣевичъ Бирилевъ.

Главноуправляющій собственною е. и. в. канцеляріею, статсъ-секретарь, гофмейстеръ Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ.

Членъ государственнаго совѣта, шталмейстеръ баронъ Александръ Андреевичъ Будбергъ.

Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, шталмейстеръ князь Алексѣй Дмитриевичъ Оболенскій.

Членъ государственнаго совѣта, т. с. Александръ Семеновичъ Стишинскій.

¹⁾ Высочайшее повелѣніе объ образованіи совѣщанія послѣдовало по меморіи совѣта министровъ.

²⁾ Не присутствовалъ въ засѣданіи 7 апрѣля.

Государственный контролеръ, шталмейстеръ Дмитрій Александровичъ Флоссофовъ.

Государственный секретарь, статсъ-секретарь, т. с. баронъ Юлій Александровичъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ.

Министръ юстиціи, т. с. Михаилъ Григорьевичъ Акимовъ.

Д. с. с. Оттонъ Оттоновичъ Эйхельманъ.

Завѣдывающій дѣлопроизводствомъ совѣщанія:

Товарищъ государственнаго секретаря, сенаторъ, т. с. Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ.

Командированный для занятій по дѣлопроизводству совѣщанія:

Помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, егермейстеръ Александръ Федоровичъ Треповъ.

Засѣданія совѣщанія происходили въ Царскомъ Селѣ, въ Большомъ дворцѣ; засѣданія 7 и 9 апрѣля начинались въ 9 часовъ вечера и оканчивались: первое — въ 12 часовъ 15 минутъ, а второе — въ 1 часъ 30 минутъ ночи; засѣданія 11 и 12 апрѣля начинались въ 8 часа пополудни и оканчивались около 7½ часовъ вечера.

Засѣданіе 7 апрѣля 1906 года.

Е. и. в. Приступая къ этому важному дѣлу, прошу всѣхъ членовъ совѣщанія высказать съ полной откровенностью всѣ ихъ мнѣнія, какъ по отдѣльнымъ статьямъ, такъ и по кореннымъ вопросамъ. Дѣло серьезное, жизненно-важное. Лучше обсудить его нѣсколько разъ, чѣмъ рѣшить сразу и обречь себя и всю страну на грозныя опасности. Поэтому я жду искренняго и откровеннаго мнѣнія отъ каждого въ отдѣльности.

Графъ С. Ю. Витте. Вашему и. в. представлены три проекта, изъ коихъ одинъ профессора Эйхельмана. Въ той постановкѣ, которую даетъ дѣлу этотъ послѣдній проектъ, вопросъ нигдѣ не обсуждался, а потому этотъ проектъ представляетъ сырой матеріалъ. Я долженъ сказать, что и работа совѣта министровъ несовершенна. Но съ другой стороны, оставить основные законы безъ пересмотра немислимо; это могло бы подвергнуть государство опасности. Въ законѣ сказано, что нѣтъ инициативы Государственной Думы и Государственнаго Совѣта извѣмлетса пересмотръ основныхъ законовъ. Поэтому, если эти законы оставить безъ измѣненія, то Дума и Совѣтъ не будутъ вправѣ касаться существующихъ основныхъ законовъ. Оно и понятно, ибо, если допустить пересмотръ этихъ законовъ Думою, то она обратится сразу въ учредительное собраніе. Оставить, однако, основные законы въ нынѣшнемъ ихъ видѣ нельзя: надо ихъ дополнить. Извѣстныя положенія, касающіяся бюджета, займовъ, необходимо признать основными, чтобы Дума не могла ихъ касаться безъ инициативы вашего и. в. Особенно важны государ-

ственная роспись и займы. Мы видимъ, какая нынѣ происходитъ борьба нѣкоторыхъ партій противъ заключенія правительствомъ займа. Эти партіи будутъ играть въ думѣ роль и помогать поставить въ зависимость отъ себя всю жизнь государства. Съ другой стороны, въ нашихъ основныхъ законахъ не опредѣлены съ точностью права монарха, какъ главы верховнаго управленія. Теперь эти права нерельефны, неопредѣленны; они осуществляются чрезъ военный совѣтъ, адмиралтействъ-совѣтъ, государственный совѣтъ; все это неясно; оставить такъ нельзя, иначе Дума погубитъ армию и приобрететъ пошлѣ республиканскій. Надо оградить эти права, чтобы не могла Дума ихъ касаться. Далѣе, въ основныхъ законахъ не выражено, что внѣшняя политика зависитъ отъ монарха. Это все надо выразить точно, ибо если эти вопросы возбудитъ Дума, то это представитъ большой рискъ. Точно также надо, чтобы Дума не могла касаться расходовъ по императорскому дому, иначе она захочетъ установить *liste civile*. Надо сдѣлать такъ, чтобы это не было возможно. Все это доказываетъ, что основные законы должны быть дополнены. Вопросъ заключается только въ томъ, издать ли основные законы полностью или, можетъ быть, осторожнѣе дополнить ихъ отдѣльными статьями. Въ совѣтѣ министровъ было по этому предмету два мнѣнія. Но, вникая въ дѣло, я прихожу къ убѣжденію, что дополнить основные законы нельзя, ибо придется потомъ ихъ кодифицировать, а при этомъ, конечно, затронуть и ихъ существо. Какъ тогда поступить? До сихъ поръ въ подобныхъ случаяхъ государственный секретарь входилъ съ представленіями въ государственный совѣтъ, а въ будущемъ пришлось бы вносить ихъ въ Думу и такимъ образомъ допустить ея вмѣшательство въ пересмотръ основныхъ законовъ. Во всякомъ случаѣ, если рѣшится основные законы вновь не издавать, а только дополнить ихъ, то въ указѣ надо сказать, что полное изданіе основныхъ законовъ остается за в. и. в. самолично. Если же этого нельзя сдѣлать, то надо издать теперь же ихъ полностью. Тогда надо принять въ общемъ проектъ совѣта министровъ, измѣнивъ его, быть можетъ, въ отдѣльныхъ частяхъ. Я лично склоняюсь къ тому, что лучше издать основные законы полностью.

Графъ Д. М. Сольскій. Изъ дѣла возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, нужно-ли что-либо издать, и во-вторыхъ, что нужно издать? Нельзя не имѣть въ виду, что основные законы объемлютъ всю жизнь государства. Оставлять въ этомъ вопросѣ какую-нибудь неопредѣленность крайне опасно, особенно въ настоящее время, когда общее направленіе общественной мысли клонится къ тому, чтобы все, что исходитъ отъ правительства, признавать дурно сдѣланнымъ. Поэтому надо отнестись къ этому дѣлу съ особенной осторожностью. Въ положеніи о Думѣ сказано, что ей принадлежитъ починъ пересмотра всѣхъ законовъ, кромѣ основныхъ. Но дѣйствующіе основные законы написаны при

иныхъ условіяхъ; они основаны на другихъ принципахъ. Ими теперь руководиться нельзя, кромѣ лишь нѣкоторыхъ. Переменялись самые принципы управленія. Дума призвана къ законодательству; ей предоставленъ рѣшающій голосъ. Издавъ рядъ другихъ законовъ, на основаніи указа 12 декабря 1904 г., не сходныхъ съ основными законами Сперанскаго, изданными въ 1832 году. Поэтому надо привести въ согласіе съ позднѣйшими узаконеніями. Такимъ образомъ пересмотръ основныхъ законовъ необходимъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, что именно надо пересмотрѣть. По моему, не надо трогать всего того, что можно оставить. Не надо трогать почтенной старины. Необходимо лишь измѣнить то, что несогласно съ позднѣйшими узаконеніями, и восполнить пробѣлы. На основныхъ законахъ зиждется государственное бытіе. Поэтому надо исправить все то, что несогласно съ запросами дѣйствительности. Этому требованію отвѣчаютъ проекты государственной канцеляріи и Совѣта министровъ. Они не касаются всего того, что можно оставить.

Е. и. в. Проектъ совѣта министровъ касается почти всѣхъ основныхъ законовъ, кромѣ учрежденія объ императорской фамиліи. Во всякомъ случаѣ, при томъ или другомъ рѣшеніи, относительно тѣхъ главъ, которыя касаются императорской фамиліи и имущественнаго положенія ея, всякій пересмотръ ихъ и дальнѣйшее усовершенствованіе должны зависѣть единственно отъ меня. Эти предметы предусмотрѣны въ статьѣ 17 проекта.

Графъ С. Ю. Витте. Это все есть въ статьѣ 17 ¹⁾.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Также и въ статьѣ 21 ²⁾.

Е. и. в. Въ основныхъ законахъ есть цѣлое учрежденіе объ императорской фамиліи, второй раздѣлъ. Весь этотъ раздѣлъ я предоставляю исключительно себѣ.

Э. В. Фришъ. Ст. 17 предусматриваетъ то, что остается исключительно за верховною властью. Если е. и. в. не возбудитъ

¹⁾ Ст. 17 по проекту совѣта министровъ: государь императоръ опредѣляетъ пространство и свойство правъ своихъ въ отношеніи имуществъ, ему принадлежащихъ, равно какъ удѣльныхъ и состоящихъ въ вѣдѣніи кабинета е. и. в. Имъ же опредѣляется устройство и порядокъ управленія императорскимъ дворомъ, состоящими при немъ учрежденіями и удѣльнымъ вѣдомствомъ.

Ст. 17 въ редакціи министра императорскаго двора и удѣловъ: государь императоръ опредѣляетъ пространство и свойство правъ какъ на имущество царствующаго императора, такъ равно на имущества, личную его собственность составляющія; ему же, какъ главѣ императорскаго дома, принадлежать распоряженія по имуществамъ удѣльнымъ. Имъ опредѣляется также устройство состоящихъ въ вѣдѣніи министра императорскаго двора учреждений и установленій, равно какъ порядокъ управленія ими.

²⁾ Ст. 21 по проекту Совѣта министровъ: постановленія свода законовъ (т. 1 ч. 1 изд. 1892 г.) о порядкѣ наслѣдія престола (ст. 8—17), о совершеннолѣтіи государя императора, о правительствѣ и опека (ст. 8—30), о вступленіи на престолъ и о присягѣ подданства (ст. 81—84), о священномъ коронованіи и муропомазаніи (ст. 85 и 86), о титулѣ е. и. в. и о государственномъ гербѣ (ст. 87—89), о вѣрѣ (ст. 40—46) и объ императорской фамиліи (ст. 82—179), а также приложенія къ симъ статьямъ сохраняютъ силу основныхъ законовъ.

вопроса о пересмотрѣ этихъ законовъ, то никто не можетъ ихъ тронуть. Но если сказать, что они могутъ измѣняться государемъ, то это будетъ отступленіемъ отъ возвыщенныхъ 17 октября началъ, ибо, по смыслу манифеста, государю принадлежитъ только починъ, а разсмотрѣніе законопроектовъ все же должно идти черезъ Думу и Государственный Совѣтъ. Согласно этому порядку, по высочайшему почину дѣло должно быть внесено въ Думу. Она, можетъ быть, постановитъ рѣшеніе недопустимое, тогда Государственный Совѣтъ его отклонитъ, а если Совѣтъ согласится съ предположеніемъ Думы, то государь его не утвердитъ. Это ему принадлежитъ по дѣйствующимъ законамъ и остается въ силѣ. Основные законы мѣняются очень рѣдко и трудно предусмотрѣть въ близкомъ будущемъ необходимость ихъ пересмотра. Но, во всякомъ случаѣ, предоставить верховной власти самой, единолично, измѣнять основные законы—это прямое отступленіе отъ узаконеній 20 февраля. Надо ли, можно ли это допустить? Что же касается общаго вопроса, то я раздѣляю мнѣніе графа С. Ю. Витте и графа Д. М. Сольскаго о необходимости сохранить все то, что не противорѣчитъ позднѣйшимъ узаконеніямъ. Главнымъ образомъ не надо трогать закона о престолонаслѣдіи, опека, попечительствѣ, вѣрѣ и тому подобныхъ постановленій. Работа по ихъ изданію сдѣлана Сперанскимъ, и лучшаго редактора съ тѣхъ поръ не нашлось. Сводъ законовъ былъ составленъ въ 1832, году и императоръ Николай I сказалъ «утверждаю». Это не кодификація, а законъ. Поэтому въ будущемъ нельзя отъ нихъ отступать ни на шагъ безъ соблюденія законодательнаго порядка. Въ виду сего всѣ статьи, несоотвѣтствующія нынѣшнему положенію, главнымъ образомъ о порядкѣ изданія законовъ и другія, необходимо пересмотрѣть. Надо закрѣпить ихъ такъ, чтобы Дума не могла возбудить никакихъ о нихъ вопросовъ, а если она возбудитъ, то это будетъ съ ея стороны незаконное дѣйствіе. Необходимо также ввести опредѣленія, касающіяся верховнаго управленія. Въ этой области государь императоръ дѣйствуетъ самостоятельно и черезъ подчиненные органы. До сихъ поръ все зависѣло единолично отъ государя, и поэтому существующая въ семъ отношеніи неопредѣленность не представляла особенныхъ неудобствъ. Теперь надо отграничить власть управленія отъ власти законодательной, дабы Дума въ верховное управленіе не могла вмѣшиваться. Закрѣпить этотъ принципъ могутъ только основные законы. Но при этомъ, въ согласіи съ узаконеніями 20 февраля, необходимо оговорить, что никакая часть законодательства, касающаяся государственнаго строя, не будетъ подлежать измѣненію безъ согласія Думы и Государственнаго Совѣта. Иначе это было бы нарушеніемъ принциповъ манифеста 20 февраля, и я не могъ бы подать свой голосъ за такое ихъ нарушеніе.

А. С. Стишинскій. Отдѣлъ о престолонаслѣдіи и вообще о царской фамилии слѣдуетъ признать вовсе неподлежащимъ разсмотрѣнію Думы и Государственнаго Совѣта. Разрѣшая этотъ вопросъ, нельзя не считаться съ тѣмъ, что современемъ можетъ на-

стать необходимость пересмотра этихъ законовъ, и тогда возникнетъ крайнее затрудненіе, какъ поступить. Вносить по нимъ проекты въ Думу никоимъ образомъ нельзя, а между тѣмъ необходимость можетъ быть крайне настоятельною. Поэтому не только починъ въ пересмотрѣ этихъ законовъ, но и самый пересмотръ ихъ долженъ зависѣть исключительно отъ верховной власти.

П. Н. Дурново. Въ положеніи о Государственной Думѣ сказано, что Дума не можетъ касаться измѣненія основныхъ законовъ, и что починъ по нимъ принадлежитъ государю, но нигдѣ не сказано, что обсужденіе ихъ присвоено все-таки Думѣ. Основные законы должны быть укрѣплены такъ, чтобы могли быть измѣняемы не иначе, какъ по усмотрѣнію государя. Поэтому въ статьѣ 21 надо полноту правъ сохранить за монархомъ. Если по высочайшему почину возбудить вопросъ объ измѣненіи закона о престолонаслѣдіи или имуществѣ царской фамиліи и т. п., и предоставить его обсужденію Думы, то это породитъ смуту, и она не устранилась тѣмъ, что отъ высочайшей власти будетъ зависѣть не утвердить предположеній Думы. Постановленіе о томъ, что основные законы могутъ быть измѣняемы и дополняемы лишь по почину государя, недостаточно. Надо сказать, что они могутъ быть государемъ императоромъ измѣняемы безъ всякаго участія Думы и Совѣта. По моему, такое постановленіе вовсе не противорѣчитъ манифесту 17 октября и закону 20 февраля. По статьѣ 21 я раздѣляю мнѣніе, выраженное въ статьѣ 12 проекта Эйхельмана ¹⁾, о томъ, что измѣненіе всѣхъ предметовъ, перечисленныхъ въ статьѣ 21, принадлежитъ исключительно государю императору. Актъ 17 октября далеко не совершенъ, и вся смута, происходящая послѣ того, является послѣдствіемъ этого несовершенства. Но съ существомъ этого акта нельзя не считаться, и въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это проектируется нынѣ, это не будетъ его нарушеніемъ, а скорѣе, его дополненіемъ. Главный вопросъ въ томъ, что можетъ быть издано единолично властью государя императора?

А. А. Сабуровъ. Актъ 17 октября разумѣлъ, что ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ Думы и Государственного Совѣта. Если этотъ порядокъ принять для всѣхъ законовъ, то, несомнѣнно, онъ долженъ быть соблюденъ и для наиболѣе важныхъ—основныхъ. Починъ по нимъ принадлежитъ государю императору. Но если надо ихъ измѣнить, то желательно, чтобы это измѣненіе осуществлялось только по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ въ законодательныхъ установленіяхъ, иначе мы впадемъ въ явное проти-

¹⁾ Ст. 12 проекта профессора Эйхельмана. Изданіе подробнаго положенія о наслѣдіи всероссійскаго императорскаго престола, на основаніи указанныхъ дѣйствующихъ законовъ, зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія е. и. в. безъ предварительнаго одобренія государственнымъ совѣтомъ и государственной думой. Изданное высочайшее повелѣніе на этотъ предметъ включается въ составъ основныхъ государственныхъ законовъ. Новое, вѣдѣніе его, или измѣненія въ немъ и дополненія къ нему могутъ состояться лишь на общемъ основаніи, для основныхъ государственныхъ законовъ, въ русскомъ государствѣ указанномъ (ст. 7 и 5).

ворѣчіе съ закономъ 20 февраля. Я полагаю, что вполне достаточно сохранить за верховною властью починъ.

Графъ К. И. Паленъ. Надо провести грань въ основныхъ законахъ. Изъ нихъ то, что издано въ 1797 году, все это должно принадлежать исключительно в. и. в. Остальныя статьи касаются законодательства; эти послѣднія должны подлежать разсмотрѣнію въ Думѣ по вашему, государь, почину. Но такіе вопросы, которые касаются императорской фамиліи, должны зависѣть исключительно отъ в. в.

Графъ С. Ю. Витте. Если говорить о починѣ, то это будетъ только повтореніемъ существующаго. Сказать, что, пока не издано новыхъ законовъ, старые остаются въ силѣ—невозможно. Конечно, по ст. 21 то или другое рѣшеніе опасно. Лично я не могу согласиться съ Э. В. Фришемъ. Дѣйствительно, по смыслу всѣхъ актовъ, изданныхъ послѣ 17 октября, всѣ основные законы должны идти въ думу и государственный совѣтъ. Но это не относится къ вопросамъ о престолонаслѣдіи, о правительствѣ и опеѣ, о вступленіи на престолъ, о вѣрѣ и объ императорской фамиліи. Всѣ эти законы составлены гениальнымъ Сперанскимъ; иначе отъ нихъ не осталось бы и слѣда. Новая жизнь выдвинула вопросы, на которые эти законы не вполне ясно отвѣчаютъ. Въ императорской семьѣ могутъ быть комбинаціи, на которыя не отвѣчаютъ законы, напримѣръ, о вѣрѣ. Правитель и правительница могутъ быть и не православной вѣры. Конечно, самое правильное, чтобы и по этимъ законамъ былъ только починъ верховной власти, но тогда надо ихъ немедленно пересмотрѣть. Въ порядкѣ престолонаслѣдія могутъ быть случаи, на которые законъ не отвѣчаетъ, а предоставить Думѣ ихъ разрѣшить—опасно. Что надо будетъ дѣлать, если она не утвердитъ предлагаемаго ей измѣненія, а существующее худо: издать новаго закона не будетъ уже никакой возможности. Это не гарантія правъ монарха—предоставленіе ему только почина. Относительно порядка престолонаслѣдія есть статьи, не отвѣчающія на всѣ могущіе возникнуть въ этомъ отношеніи вопросы. Если признать, что въ статьяхъ есть отвѣтъ на все, то можно принять статью 21 проекта, а если нѣтъ, то или пересмотрѣть ихъ теперь же, или установить право государя ихъ измѣнять единолично. Предложеніе Эйхельмана можетъ быть и неисполнимо, но все-таки оставлять вопросъ въ томъ видѣ, какъ предположено, нельзя. Если смотрѣть на него съ точки зрѣнія изданныхъ въ послѣднее время актовъ, то правъ Э. В. Фришъ, но надо считаться съ государственными потребностями, которыя выше логики. Я полагаю, что лучше теперь перетерпѣть недовольство и оставить все, что нужно, всецѣло за государемъ, чѣмъ рисковать въ будущемъ смутами во всемъ государствѣ.

Э. В. Фришъ. Если послѣ 17 октября были безпорядки, то теперь, если дарованныя права будутъ отняты, это произведетъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе, и безпорядки возникнутъ съ новой силой. Едва-ли слѣдуетъ идти на это только потому, что

можетъ быть законъ о престолонаслѣдіи не исполнѣнъ правильно изложенъ Сперанскимъ. Вѣдь законъ 1797 года изданъ императоромъ Павломъ Петровичемъ. и въ настоящее время рѣчь идетъ не объ утвержденіи или измѣненіи его редакціи, а о сохраненіи его въ качествѣ коренного на всю имперію закона, по которому императоръ приноситъ присягу. Предлагаемое измѣненіе статьи 21 клонится въ сущности къ ограниченію закона 20 февраля, а это неизбѣжно повлечетъ за собою безпорядки. Между тѣмъ, въ теперешнее тревожное время надо, напротивъ того, всемѣрно стремиться къ тому, чтобы всѣ, исходящія отъ верховной власти акты, вели къ успокоенію. Въ настоящее время нѣтъ основаній предполагать, чтобы могло скоро потребоваться измѣненіе основныхъ законовъ. То, что касается одного императорскаго дома, по самому основному закону принадлежитъ вѣдѣнію государя императора. Статья 21 введена только для того, чтобы не могло быть почина думы по перечисленнымъ въ той статьѣ законамъ.

П. Н. Дурново. Я не могу согласиться съ Эдуардомъ Васильевичемъ, чтобы предлагаемое измѣненіе статьи 21 нарушало манифестъ 17 октября и 20 февраля.

Графъ Д. М. Сольскій. Въ чемъ нарушеніе... Гдѣ сказано, что вопросъ о престолонаслѣдіи долженъ идти черезъ Думу?

И. Я. Голубевъ. Законъ 20 февраля устанавливаетъ общее правило, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Думы. Это ея неизбѣжное право. Каждая часть основныхъ законовъ составляетъ законъ и должна поэтому подчиняться этому правилу. По статьѣ 162 существующихъ основныхъ законовъ, при достиженіи совершеннолѣтія, лица императорской фамиліи приносятъ присягу о соблюденіи правъ наслѣдства и установленнаго фамильнаго распорядка, а по статьѣ 17 императоръ и императрица, при вступленіи на престолъ, обязуются свято соблюдать законы о наслѣдіи престола. Изъ этихъ двухъ статей ясно, что законамъ о престолонаслѣдіи придается еще болѣе устойчивое значеніе, чѣмъ остальнымъ законамъ. Они, очевидно, имѣютъ значеніе закона и потому подходятъ подъ дѣйствіе закона 20 февраля. По моему и надобности нѣтъ открывать возможность къ измѣненію закона о престолонаслѣдіи; онъ возбуждаетъ сомнѣнія только теоретическія, а въ дѣйствительности нѣтъ потребности его измѣнять. Но еслибы пришлось подвергнуть этотъ законъ измѣненіямъ, то изъять эти измѣненія изъ вѣдѣнія Думы нельзя. Сомнѣнія всегда могутъ возникнуть, но въ вопросахъ наслѣдованія ихъ нельзя даже всѣхъ предвидѣть, а потому не надо предусматривать, когда и какъ законы о нихъ пересматривать. То же можно сказать о законахъ о правительствѣ и оцѣкѣ. Если дѣйствительно уже выяснилось, что нужно въ этихъ законахъ что-либо измѣнить, то можно ихъ теперь исправить, напри- мѣръ, сказать, что правитель подчиняется закону о вѣрѣ императора и императрицы. Затѣмъ въ ст. 138 дѣйствующихъ основныхъ законовъ указано, что устройство императорскаго дома за-

виситъ отъ благоусмотрѣнія императора. Это тоже можно подтвердить. Что же касается правилъ объ имуществѣ частномъ и вообще о гражданскихъ правахъ членовъ императорской фамиліи, то по этимъ предметамъ слѣдуетъ соблюсти законъ, по которому починъ принадлежитъ вашему и. в., а измѣненіе ихъ происходить въ общемъ порядкѣ. Остальныхъ же законовъ, касающихся императорской фамиліи, нѣтъ надобности мѣнять, ибо изъ нихъ могутъ дѣлаться изъятія по статьѣ 138 единоличнымъ распоряженіемъ монарха. Поэтому статья 21 проекта совѣта министровъ изложена правильно, какъ отвѣчающая манифесту 20 февраля.

Е. и. в. вел. кн. Николай Николаевичъ. Надо только въ основные законы ввести постановленіе, что Дума не можетъ измѣнять основныхъ законовъ.

П. Н. Дурново. Все то, что въ раздѣлѣ второмъ основныхъ законовъ говорится объ императорской фамиліи, не имѣлось въ виду, при изданіи манифеста 20 февраля, подчинить общему порядку законодательнаго рассмотрѣнія. По моему, учрежденіе объ императорской фамиліи должно быть совершенно изъято изъ этого общаго порядка.

Князь А. Д. Оболенскій. Право измѣненія какихъ бы то ни было основныхъ законовъ безъ Думы было бы нарушеніемъ народныхъ правъ. Оно и практически не нужно, ибо статья 138 гарантируетъ свободу дѣйствій монарха. Все, что касается лично императорской фамиліи, все это зависитъ отъ единоличнаго распоряженія императора. Въ совѣтѣ я былъ одинъ за то, что не надо издавать основныхъ законовъ, не только всѣхъ, но и нѣкоторыхъ. Но съ 12 декабря 1904 года изданъ рядъ новыхъ законовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ силу основныхъ. Поэтому достаточно указомъ сенату сказать, что изъ числа изданныхъ—такіе-то относятся къ основнымъ законамъ и болѣе ничего. А то я боюсь, что отмінимъ то, что нужно, и введемъ то, что не нужно. Предлагаемый мною порядокъ меньше взволновалъ бы Россію. То, что предполагено, это—актъ конституціонный, опредѣляющій устройство Россіи. Нельзя написать конституцію или дать ее, она должна сама содаться. А теперь надо исполнить только кодификаціонную работу, указавъ, что относится къ основнымъ законамъ. Это, вѣроятно, составитъ десять статей. Каждую изъ нихъ надо обсудить отдѣльно, составляетъ ли она основной законъ или нѣтъ?

П. Н. Дурново. 138 статья касается только имущественныхъ правъ членовъ царской фамиліи—этого недостаточно. Такъ 141 статья говоритъ о бракѣ лицъ императорскаго дома съ особами другой вѣры. Этотъ законъ былъ измѣненъ императоромъ Александромъ III, а если его нужно будетъ измѣнить въ будущемъ, то придется внести законопроектъ въ Думу. Допустить таксе вмѣшательство Думы въ интимную жизнь императорской семьи—невозможно; это не отвѣчало бы положенію императорской семьи въ Россіи. Поэтому надо прибавить къ постановленію о

починѣ государя императора, что статьи объ императорской фамилии измѣняются государемъ императоромъ единолично.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Даже и въ конституціонныхъ государствахъ народные представители не вмѣшиваются въ дѣла императорской фамилии.

Е. и. в. вел. кн. Николай Николаевичъ. Надо сказать вообще, что по основнымъ законамъ починѣ принадлежитъ государю императору, а по законамъ, содержащимся въ статьяхъ 17 и 21 проекта, въ редакціи министра императорскаго двора, что ихъ пересмотръ и измѣненіе принадлежитъ лично в. и. в. Надо закрѣпить въ основныхъ законахъ, что учрежденіе объ императорской фамилии можетъ измѣняться всецѣло государемъ императоромъ.

П. Н. Дурново. Безъ всякаго участія Думы и Совѣта...

Э. В. Фришъ. Во всякомъ случаѣ нельзя этого сказать относительно всей 21 статьи. Не всѣ указанные въ ней законы касаются императорской фамилии; напримѣръ, законы о вѣрѣ.

Графъ Д. М. Сольскій. Можно ограничиться однимъ учрежденіемъ объ императорской фамилии.

Е. и. в. Надо будетъ еще обсудить этотъ вопросъ въ отдѣльномъ совѣщаніи. Я послѣ укажу, изъ кого его составить ¹⁾. Перейдемъ къ 1 статьѣ: государство Россійское едино и нераздѣльно. Противъ этой редакціи возраженій нѣтъ... Перейдемъ ко 2 статьѣ ²⁾.

¹⁾ Совѣщаніе для обсужденія вопроса о порядкѣ измѣненія учрежденія объ императорской фамилии, по высочайшему е. и. в. повелѣнію, было образовано подъ предсѣдательствомъ е. и. в. велик. князя Владимира Александровича, изъ велик. князей: Андрея Владиміровича, Константина Константиновича, Николая Николаевича и Александра Михайловича при участіи министра импер. двора и удѣловъ генер.-адъют. генер.-отъ-кавал. барона В. В. Фредерикса и государственнаго секретаря статсъ-секретаря т. с. барона Ю. А. Икскуля-фонъ-Гильденбандта. Означенное совѣщаніе въ засѣданіи 18 апрѣля 1906 г. проектировало включить въ предложенныя къ изданію основныя государственныя законы слѣдующія двѣ статьи:

.....Государю императору принадлежатъ починѣ по всѣмъ предметамъ законодательства. Единственно по его почину основныя государственныя законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ. Учрежденіе же объ императорской фамилии (свод. зак. т. I изд. 1892 г., ст. 82—179 и прилож. II—[V и VI], сохраняя силу основныхъ законовъ, можетъ быть измѣняемо и дополняемо токмо лично государемъ императоромъ въ предъуказываемомъ имъ порядкѣ, если измѣненія и дополненія сего учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода.

.....Государю императору, какъ главѣ императорскаго дома, принадлежатъ, согласно учрежденію объ император. фамилии, распоряженіе по имуществамъ удѣльнымъ, составляющимъ частную собственность император. дома. (По мнѣнію министра императ. двора и удѣловъ, слова: „составляющимъ частную собственность импер. дома“ — слѣдуетъ исключить). На меморіи совѣщанія е. и. в. благоутробно было 19 апрѣля 1906 г. собственноручно начертать: „Согласенъ съ мнѣніемъ министра имп. двора“.

²⁾ Ст. 2 по проекту, внесенному въ совѣтъ министровъ: великое княжество Финляндское, состоя въ державномъ обладаніи Россійской имперіи и составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется на особыхъ основаніяхъ. Статья 2 по проекту совѣта министровъ: великое княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть го-

Она мнѣ больше нравится въ первоначальной редакціи: въ этой редакціи она представляется болѣе крѣпкою. Тамъ помѣщены слова, что Финляндія въ державномъ обладаніи Россійской имперіи.

Графъ С. Ю. Витте. Эти слова не имѣютъ никакого реальнаго значенія, а между тѣмъ они могутъ вызвать большія осложненія съ Финляндіей.

А. А. Бирилевъ. Нельзя не придавать особаго значенія этимъ словамъ. Желательно сохранить упоминаніе объ обладаніи Финляндіей. Говорятъ, что выраженіе это можетъ вызвать неприятности, но лучше пойти на нихъ одинъ разъ, чѣмъ поколебать навсегда положеніе Финляндіи въ отношеніи Россіи, въ державномъ обладаніи коей она находится со времени ея покоренія. Всѣ уступки ни къ чему не приводили; въ этомъ отношеніи сдѣлали многое, даже устранили русскій языкъ. Ни до чего добраго этимъ путемъ не дошли.

Е. и. в. Надо подтвердить существующее положеніе. Это имѣетъ первостепенную важность въ моихъ глазахъ.

Князь А. Д. Оболенскій. По дѣйствующему закону престолы Финляндіи и Россіи неразрывно связаны. Изъ проектируемой же редакціи вытекаетъ противоположное. Было до сихъ поръ объединеніе престоловъ, а теперь, когда связь съ Россіей ослабѣла, хотятъ ей присвоить обладаніе Финляндіей. Это значитъ создавать рядомъ съ Петербургомъ революціонный очагъ, и Н. Н. Герардъ говоритъ, что такое правило вызоветъ революцію.

Э. В. Фришъ. О престолахъ упоминается въ статьѣ 4 дѣйствующихъ основныхъ законовъ.

А. С. Стишинскій. Упоминаніе о державномъ обладаніи драгоцѣнно и вызоветъ горячее сочувствіе въ Россіи.

Графъ С. Ю. Витте. Дума съ Финляндіей соприкосновенія имѣть не будетъ, даже финскій пролетаріатъ соприкосновенія не имѣетъ съ русскимъ пролетаріатомъ. Но если Дума будетъ революціонная, то Финляндія примкнетъ къ Думѣ. Этимъ путемъ мы создадимъ весьма сложныя отношенія, создадимъ коалицію сейма въ Гельсингфорсѣ съ Думою въ Петербургѣ.

М. Г. Акимовъ. Въ фридрихсгамскомъ договорѣ значатся слова «державное обладаніе», но это не вошло въ законъ, а теперь достаточно сказать, что Финляндія составляетъ нераздѣльную часть суверенитета. Этимъ опредѣлятся взаимныя отношенія. Но при этомъ надо установить, что законодательное учрежденіе Россіи будетъ издавать законы, общіе для Россіи и Финляндіи. Цѣль будетъ такимъ образомъ достигнута. Раздраженія же вообще вызывать не слѣдуетъ.

А. А. Сабуровъ. Въ 1 статьѣ сказано: Россійская имперія едина и нераздѣльна; значитъ, Финляндія входитъ въ ея составъ.

сударства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства.

Е. и. в. велик. князь Владиміръ Александровичъ. Надо оставить статью 4 основныхъ законовъ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ.

Графъ К. И. Паленъ. Статья 4 издана въ 1832 году; въ ней говорится и о престолѣ Царства Польскаго.

Графъ Д. М. Сольскій. Статья 4 выражаетъ невѣрную мысль. Финляндія никогда престола не имѣла.

Э. В. Фришъ. Сепаратистскія тенденціи имѣютъ основаніе въ дѣйствующемъ законѣ, такъ какъ статья 4 говоритъ какъ бы о личной уніи. Оставлять упоминаніе о Царствѣ Польскомъ не было бы надобности, ибо при обрядѣ коронованія императоръ коронуется и царемъ польскимъ. Кромѣ того, статья 4 содержитъ въ себѣ невѣрное изложеніе манифестовъ. По смыслу ея, престолы соединены; въ коронаціонныхъ же манифестахъ говорилось различно. Императоръ Александръ III призналъ необходимымъ измѣнить 4 статью, но государственный совѣтъ затруднился относительно способовъ приведенія этого измѣненія въ исполненіе. Засимъ въ манифестахъ в. и. в. о вступленіи на престолъ и коронованіи изложено иначе, чѣмъ въ манифестѣ покойнаго государя, такъ что 4 статья оказывается несогласованною съ повдѣйшими манифестами.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Статья 4 основана на манифестѣ 1808 года.

Е. и. в. вел. кн. Николай Николаевичъ. Финляндія — это вулканъ. Ожидать обостренія надо безъ сомнѣнія. Отъ всякой редакціонной поправки, если она можетъ внести обостреніе, лучше отказаться.

Князь А. Д. Оболенскій. Надо измѣнять только то, что по необходимости надо мѣнять, а о томъ, что изъ новыхъ законодательныхъ актовъ прямо не вытекаетъ, нѣтъ необходимости упоминать.

Графъ С. Ю. Витте. Если мы переживемъ невзгоды, и въ Думѣ не будетъ измѣнниковъ, тогда финляндскій вопросъ не опасенъ. А если Дума будетъ крестьянская, безъидейная, и поведутъ ее на поводу революціонеры и, такъ называемая, интеллигенція, то это будетъ домъ сумасшедшихъ. Зачѣмъ же государь императоръ возьметъ на себя разрѣшеніе финляндскаго вопроса? Пусть Дума лучше возьметъ его на себя. Если она будетъ еяціональная, то она пойдетъ дальше, чѣмъ шли государя, она всякій вопросъ проведетъ. Правительству же нѣтъ надобности возбуждать противъ себя финляндцевъ и соединять ихъ съ Думой.

Баронъ А. А. Будбергъ. Опасенія одинаковы и въ случаѣ принятія редакціи совѣта министровъ. Самое лучшее взять первую часть изъ первоначальнаго проекта, а конецъ — въ редакціи совѣта министровъ.

Графъ С. Ю. Витте. Это будетъ противорѣчіе.

М. Г. Акимовъ. Старый законъ 1899 года приостановленъ, вслѣдствіе чего наступилъ застой въ законодательной дѣятель-

ности. Надо же знать, кто будет издавать общіе законы для Россіи и Финляндіи. Скажутъ—это неизвѣстно, ибо есть только личная унія. Надо, однако, закрѣпить права Россіи—это и даетъ проектъ совѣта министровъ. Безъ этого закрѣпленія русскимъ нельзя существовать въ Финляндіи; они не могутъ тамъ жить.

Д. А. Философовъ. Финляндія принадлежитъ къ государству Россійскому, но не входитъ въ составъ имперіи. Державное обладаніе Россійской имперіи—это уже другое. Это уже будетъ начальствованіе Россіи и будетъ особенно непріятно финляндцамъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Теперь ненормальное время: если сказать державное обладаніе Имперіи, то это можетъ вызвать неудовольствіе.

Баронъ Ю. А. Икскуль. А если сказать, что особое законодательство, то это уже отдѣленіе.

Э. В. Фришъ. Вторая редакція статьи 2 проекта согласна съ закономъ 3 февраля 1899 года. Первая же редакція исторически вѣрна, такъ какъ соотвѣтствуетъ фридрихсгамскому договору; это единственный международный актъ, по которому установлена принадлежность Финляндіи къ Россіи. Но сказать: «въ обладаніи Россійской имперіи» будетъ несогласно съ терминами законодательства. Это то выраженіе, которое въ проектѣ уголовного уложенія относительно Финляндіи надо было измѣнить. По этому установлено, что выраженіе «Россійское государство» объемлетъ имперію и великое княжество, а противопоставляется сему выраженію наименованіе имперіи или великаго княжества.

Е. и. в. 2 статью принять по проекту совѣта министровъ. Перейдемъ къ статьѣ 3.

А. А. Бирилевъ. Относительно языковъ въ статьѣ 3 ¹⁾ надо упомянуть, что мѣстные нарѣчія могутъ употребляться наряду съ государственнымъ языкомъ. Это было бы полнѣе.

А. А. Сабуровъ. Постановленія объ употребленіи государственнаго языка имѣютъ временный, часто мѣняющійся характеръ. Даже въ государственныхъ учрежденіяхъ Финляндіи не всегда примѣняется русскій языкъ. Вообще правило о языкѣ не имѣетъ значенія основного закона.

А. С. Стишинскій. Правило о государственномъ языкѣ имѣетъ далеко не временное значеніе. Первая часть статьи 3 проекта должна существовать, пока существуетъ Россія, а сомнѣ-

¹⁾ Ст. 8 по проекту, внесенному въ совѣтъ министровъ: Русскій языкъ есть языкъ общегосударственный и обязательенъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ, а также въ арміи и во флотѣ. Употребленіе наряду съ общегосударственнымъ, мѣстныхъ языковъ и нарѣчій опредѣляется особыми законами.

Ст. 8 по проекту совѣта министровъ. Русскій языкъ есть языкъ общегосударственный и обязательенъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ, а также въ арміи и во флотѣ. Употребленіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій опредѣляется особыми законами.

нія А. А. Сабурова касаются употребленія мѣстныхъ языковъ на основаніи особыхъ законовъ.

М. Г. Акимовъ. Единство языка имѣетъ громадное значеніе даже и для государственной цѣлости.

Графъ С. Ю. Витте. Въ этомъ вопросѣ Дума, чтобы приобрѣсти голоса окраинъ, пойдетъ на уступки. Если не будетъ основныхъ законовъ, коихъ Дума не можетъ касаться, то могутъ дойти до требованія, чтобы въ арміи и флотѣ говорили не на русскомъ языкѣ. Но сказать о мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, что они употребляются наряду съ русскимъ языкомъ, было бы тоже невѣрно, ибо это далеко не вездѣ требуется; напримѣръ, въ земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго этого не требуется. А если ввести такое правило, то надо требовать его исполненія, а это немыслимо. Поэтому надо сказать, что въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ условія употребленія мѣстнаго языка опредѣляются особымъ закономъ, и что русскій языкъ есть языкъ общегосударственный и обязательнъ въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ.

Е. н. в. Я съ этимъ согласенъ. На этомъ мы сегодня закончимъ. Опять мы соберемся въ воскресенье (9 апрѣля) въ 9 часовъ вечера.

Засѣданіе 9 апрѣля 1906 года.

Е. н. в. Въ прошломъ засѣданіи мы дошли до статьи 4.

И. Л. Горемыкинъ. Разрѣшите мнѣ, в. и. в., коснуться общаго вопроса. Я не присутствовалъ въ томъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ, издавать ли основные законы или нѣтъ. Поэтому я прошу в. в. дозволить мнѣ высказаться по этому вопросу. Основные законы состоятъ изъ правилъ, опредѣляющихъ права и преимущества в. в., порядокъ изданія законовъ, порядокъ престолонаслѣдія, права и обязанности членовъ императорской фамиліи, а также касаются правъ подданныхъ в. в. Изъ всѣхъ этихъ правилъ измѣнился только порядокъ изданія законовъ. Къ законодательной дѣятельности призваны новыя учрежденія. Такимъ образомъ съ юридической точки зрѣнія подлежатъ пересмотру только тѣ постановленія основныхъ законовъ, которые опредѣляютъ порядокъ разсмотрѣнія и изданія законовъ. Но затѣмъ возникаетъ другой вопросъ. Введенію новыхъ установленій не подлежитъ то, что входитъ въ область государственнаго управления. Но надо ли это указать въ основныхъ законахъ? Если указать, что будетъ изъято изъ почина Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, я опасаюсь, какъ бы Дума не подняла неудобныхъ вопросовъ. Надо, чтобы по этимъ вопросамъ не могло быть предложеній въ Думѣ. Актъ 17 октября обозначилъ общія начала. Но порядокъ ихъ примѣненія долженъ быть опредѣленъ особыми правилами. Если подымутъ вопросы объ этихъ правилахъ, то это не будетъ опасно; въ такомъ случаѣ возможно будетъ измѣнить только постановленія, имѣющія второстепенное

значеніе. Упомянутыя правила, опредѣляющія порядокъ примѣненія общихъ началъ, не надо поэтому вводить въ рангъ основныхъ началъ; ихъ и теперь тамъ нѣтъ. Что же касается объема верховной власти, порядка престолонаслѣдія, учрежденія императорской фамиліи, то постановленія обо всемъ этомъ ни въ чемъ измѣнены не были до сихъ поръ; ихъ не надо по моему и передѣлывать въ настоящее время. Пересмотръ вообще законовъ основныхъ сопряженъ съ затрудненіями; поэтому его надо совершить только въ предѣлахъ необходимаго. Поднятіе вопроса о 1 статьѣ ¹⁾ и ей подобныхъ чревато событіями; трогать ихъ не слѣдуетъ. Надо измѣнить только правила, опредѣляющія законодательный порядокъ, а всѣхъ основныхъ законовъ не переиздавать.

Графъ С. Ю. Витте. Мысль о пересмотрѣ основныхъ законовъ исходитъ не отъ совѣта министровъ. Вопросъ поднять не нами. Въ нашемъ проектѣ, въ статьѣ 21, перечислено все то, что осталось безъ измѣненія. Но въ остальномъ основные законы надо переиздать, ибо сказано, что дума можетъ все пересмотрѣть, по своему почину, кромѣ основныхъ законовъ. Поэтому надо отобрать отъ нея все, что опасно трогать. Не опасно говорить о свободахъ, о законности, правахъ гражданъ—это все можно, но есть безусловно опасные вопросы—какъ основанія устройства Думы и Совѣта, основные положенія бюджетныхъ правилъ и правилъ о займахъ, прерогативы монарха, какъ верховнаго главы государства. Всѣ эти предметы надо ввести въ основные законы. Такихъ правилъ около 30. Если допустить возможность ихъ тронуть, то даже возбужденіе ихъ вселитъ смуту во всей странѣ. Изданіе основныхъ законовъ принесетъ двоякую пользу. Надо твердо установить права Государственного Совѣта, что онъ состоитъ изъ членовъ по назначенію и по выбору, основанія бюджета, затѣмъ указать, что государь императоръ разрѣшаетъ займы въ установленныхъ предѣлахъ; это все надо закрѣпить, иначе Дума превратится въ учредительное собраніе. О правахъ верховнаго управленія, о власти монарха по отношенію къ военнымъ силамъ, объ объявленіи войны—о всемъ этомъ теперь въ основныхъ законахъ не сказано. Предложеніе И. Л. Горемыкина сводится къ принятію нашего проекта указа. Тамъ только и есть такіе законы. Значитъ, издать его во всякомъ случаѣ необходимо. Но если будутъ изданы однѣ эти 30 статей, то впечатлѣніе, вѣроятно, будетъ неблагопріятное; поэтому лучше издать основные законы полностью, гдѣ будутъ статьи «о монархѣ, и о Думѣ, и о подданныхъ». Это можетъ произвести хорошее впечатлѣніе. Если же только сказать о монархѣ, а о подданныхъ умолчать—это будетъ гораздо хуже. О главѣ исполнительной власти теперь ничего не опредѣлено. Надо ее поставить и матеріально и нравственно въ вполнѣ опредѣленное положеніе.

¹⁾ Ст. 1. осн. зак. (изд. 1892 г.). Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ.

И. Л. Горемыкинъ. По проекту указа измѣняется только то, чего коснулся манифестъ 20 февраля. Этимъ и слѣдовало бы ограничиться. Полное же изданіе основныхъ законовъ произведетъ неблагоприятное впечатлѣніе, ибо ими права подданныхъ изъеются изъ обсужденія Думы.

Э. В. Фришъ. Ввести въ основные законы статьи о свободахъ особенно цѣнно. Актомъ 17 октября всѣ свободы даны, но не установлены ихъ предѣлы, а это надо сказать и закрѣпить основными законами. Иначе не будетъ предѣловъ въ домогательствахъ свободъ. Если даже въ основныхъ законахъ будетъ только сказано, что предѣлы свободъ опредѣляются на основаніи особыхъ законовъ, то все же нельзя будетъ толковать, что онѣ даны безпредѣльно. А то уже и теперь говорятъ, что правительство свободы ограничиваетъ. Надо устранить возможность превратныхъ толкованій. Дума и Совѣтъ и въ будущемъ будутъ въ состояніи касаться вопросовъ о печати и другихъ, ибо въ основныхъ законахъ будетъ сказано только, что эти законы, опредѣляющіе предѣлы свободъ, должны быть. Основы учреждений Думы и Совѣта должны быть указаны въ основныхъ законахъ, ибо первый вопросъ, который возбуждать въ Думѣ, будетъ объ упраздненіи Совѣта, чтобы Думу сдѣлать одной палатой. Такую инициативу дать Думѣ нельзя, иначе Дума будетъ учредительнымъ собраніемъ. Незданіе основныхъ законовъ на это наталкиваетъ. Права верховнаго управленія также нужно опредѣлять, ибо постановленій о нихъ теперь въ основныхъ законахъ нѣтъ. Если до сихъ поръ случалось, что не всѣ законы проходили черезъ государственный совѣтъ, то это потому, что у насъ не разграничены верховное управленіе и законодательство. До сихъ поръ это не было опасно, ибо все рѣшалъ государь императоръ. Ему представляли дѣла и комитетъ министровъ, и государственный совѣтъ, и отдѣльные докладчики; все рѣшалъ государь императоръ. То обстоятельство, что у насъ все считалось закономъ, до сихъ поръ не было опасно, ибо фактически можно было утвердить законъ любымъ порядкомъ. А теперь, если не указать, что не должно идти въ Думу, то это для управленія будетъ тормазъ, ибо въ будущемъ по всякому вопросу, разрѣшенному въ порядкѣ управленія, скажутъ, что Думу ограничиваютъ. Надо сейчасъ ясно сказать, что относится къ управленію и потому въ Думу не идетъ. Даже о войскахъ въ законахъ основныхъ ничего не сказано. Надо это закрѣпить. Надо сказать, что Думѣ подлежатъ законодательныя дѣла и ни одного дѣла управленія. А для этого нужно опредѣлить порядокъ верховнаго управленія. Надо сказать и о подданныхъ, чтобы указать, что о нихъ должны быть изданы особые положенія. Вопросы эти не изъеются изъ Думы, но указывается, что должны быть законодательныя границы.

Князь А. Д. Оболенскій. Конечно, рано или поздно основные законы должны быть изданы. Вопросъ въ томъ, своевременно ли теперь издавать все, или лучше ограничиться ука-

вомъ. Дѣйствительно желательно издать все. Но сомнительна возможность издать въ настоящее время совершенный актъ.

Е. и. в. Перейдемъ теперь къ статьѣ 4¹⁾. Въ ней заключается главнѣйшій вопросъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не переставалъ думать объ этомъ вопросѣ съ тѣхъ поръ, какъ проектъ пересмотра основныхъ законовъ былъ въ первый разъ передъ моими глазами. Я цѣлый мѣсяцъ держалъ проектъ у себя и все продолжая постоянно думать объ этомъ вопросѣ и послѣ доклада мнѣ председателемъ совѣта министровъ измѣненнаго проекта. Все это время меня мучаетъ чувство, имѣю ли я передъ моими предками право измѣнить предѣлы власти, которую я отъ нихъ получилъ. Борьба во мнѣ продолжается. Я еще не пришелъ къ окончательному выводу. Мѣсяцъ тому назадъ мнѣ казалось легче рѣшить этотъ вопросъ, чѣмъ теперь, послѣ долгихъ размышлений, когда настаетъ время его рѣшить. За все это время я получаю ежедневно десятками телеграммы, адреса, прошения со всѣхъ концовъ и угловъ земли русской отъ всякаго сословія людей. Они изъявляютъ мнѣ трогательныя вѣрнопопданническія чувства вмѣстѣ съ мольбою не ограничивать своей власти и благодарностью за права, дарованныя манифестомъ 17 октября. Вникая въ мысль этихъ людей, я понимаю ихъ такъ, что они стремятся, чтобы актъ 17 октября и дарованныя въ немъ моимъ подданнымъ права были сохранены, но чтобы при семъ не было сдѣлано ни шага дальше, и чтобы я оставался самодержцемъ всероссійскимъ. Искренне говорю вамъ, вѣрьте, что еслибы я былъ убѣжденъ, что Россія желаетъ, чтобы я отрекся отъ самодержавныхъ правъ, я бы для блага ея сдѣлалъ это съ радостію. Актъ 17 октября данъ мною вполне сознательно, и я твердо рѣшилъ довести его до конца. Но я не убѣжденъ въ необходимости при этомъ отречься отъ самодержавныхъ правъ и измѣнить опредѣленіе верховной власти, существующее въ статьѣ 1 основныхъ законовъ уже 109 лѣтъ. Мое убѣжденіе, что по многимъ соображеніямъ крайне опасно измѣнять эту статью и принять новое ея изложеніе, даже то, которое предложено совѣтомъ министровъ. Если этого не сдѣлать, то можетъ быть впечатлѣніе неискренности; могутъ сказать, что это отступленіе отъ обѣщаній, данныхъ 17 октября. Я это знаю и понимаю. Во всякомъ случаѣ этотъ упрекъ долженъ быть обращенъ не къ правительству, а ко мнѣ лично. Я всю отвѣтственность принимаю на себя. Что бы ни было и что бы ни говорили, меня не сдвинуть съ акта прошлаго года, и отъ него я не отступлюсь. Я знаю, что если статья 1 при этомъ останется безъ измѣненія, то это вызоветъ волненія и на-

¹⁾ Ст. 4 по проекту, внесенному въ совѣтъ министровъ: государю императору, самодержцу всероссійскому принадлежитъ верховная въ государствѣ власть.

Ст. 4 по проекту совѣта министровъ: императору всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ.

падки. Но надо уразумѣть, съ чьей стороны будетъ укоръ. Онъ, конечно, послѣдуетъ со стороны всего, такъ называемаго, образованнаго элемента, пролетаріевъ, третьяго сословія. Но я увѣренъ, что 80% русскаго народа будутъ со мною, окажутъ мнѣ поддержку и будутъ мнѣ благодарны за такое рѣшеніе. Еще сегодня я получилъ изъ могилевской губерніи трогательную мольбу не отрѣкаться отъ своихъ правъ, вмѣстѣ съ благодарностью за манифестъ 17 октября. Самое важное этотъ манифестъ привести въ исполненіе. Статья 4—самая серьезная статья во всемъ проектѣ. Но вопросъ о моихъ прерогативахъ—дѣло моей совѣсти, и я рѣшу, надо ли оставить статью, какъ она есть, или ее измѣнить.

И. Л. Горемыкинъ. Ограниченіемъ предѣловъ верховной власти 80% населенія будутъ смущены, и многіе изъ нихъ недовольны. Послѣдовавшіе за послѣднее время государственные акты коснулись только порядка изданія законовъ, а въ области управленія ими ни одного ограниченія не установлено. Если касаться опредѣленія верховной власти, то надо сказать, что въ области законодательной она ограничена, а въ управленіи она неограничена. Разъ все зиждется на понятіи о неограниченности самодержавной власти, то если одну букву отмѣнить, надо ее замѣнить. Объемъ верховной власти предположено опредѣлить, но можно ли опредѣлить этотъ объемъ исчерпывающимъ образомъ? Этого не можетъ объять человѣческій умъ: невозможно предусмотрѣть всѣ проявленія верховнаго управленія. Напримѣръ, хотя бы въ такомъ сравнительно незначительномъ вопросѣ, какъ установленіе цѣнъ на вино, какъ быть, если Дума и Совѣтъ не дадутъ бюджета. Неужели для этого надо сказать, что къ прерогативамъ верховной власти относится установленіе цѣнъ на вино? Если просто вычеркнуть слово «неограниченный», то нельзя будетъ выйти ни изъ одного затруднительнаго положенія. Поэтому сказать это можно только тогда, когда опредѣлимъ выходы на всѣ случаи жизни государственной. А такъ какъ этого опредѣлить нельзя, то статью 1 основныхъ законовъ лучше не трогать.

Графъ С. Ю. Витте. Этимъ вопросомъ разрѣшается все будущее Россіи.

Е. и. в. Да.

Графъ С. Ю. Витте. Я самъ я нынѣ смущенъ, какъ былъ смущенъ 17 октября. Не знаю, достаточно ли хорошо составленъ проектъ. Я сознаю, что статья 4 несовершенна. Очень опасно, если издать законъ несовершенный, въ которомъ можетъ быть что-нибудь пропущено. Но если не издавать основные законы, то это можно сдѣлать только при одномъ условіи, сказавъ, что государь императоръ самъ ихъ издастъ, когда признаетъ нужнымъ. Тогда можно издать теперь только дополнительные статьи о Думѣ и Совѣтѣ. Но я повторяю, что это возможно только при одномъ условіи, если скажемъ, что в. и. в. издадите ихъ сами, когда признаете нужнымъ. Черезъ Государственный Совѣтъ и Думу основныхъ законовъ вы не издадите. Если вы внесете ихъ

въ Думу, то будутъ смуты, и Дума обратится въ учредительное собраніе. Тогда придется, для охраненія верховной власти, пережить и вторую революцію. Если будетъ сказано, что в. в. сами издадите основные законы, то опасности ограниченія верховной власти нѣтъ, кромѣ впечатлѣнія. И. Л. Горемыкинъ самъ говоритъ, что, издавъ манифестъ 17 октября, вы даровали права народу и сказали, что всѣ законы иначе къ монарху не дойдутъ, какъ чрезъ Думу и Совѣтъ. Изъ этого онъ выводитъ, что, слѣдовательно, вы, государь, ограничили вашу законодательную власть, а не верховную, которая, будто, неограниченна. Съ этимъ я не согласенъ. Есть основная статья, гласящая, что Россійское государство управляется на твердомъ основаніи законовъ.

Разъ такая статья есть, то толкованіе о неограниченной власти управленія отпадаетъ, ибо въ дѣйствительности верховная власть подчиняется закону и имъ регулируется. Въ Турціи государство не управляется на основаніи положительныхъ законовъ. Тамъ можно сказать, что власть управленія неограниченна, но у насъ, съ императора Александра I, законы управляютъ основаніями верховнаго управленія. Вашу мысль, государь, умилительную по отношенію къ народу, я понимаю. Если в. в. признаете, что не имѣете права отречься отъ неограниченной власти, то нельзя писать ничего другого, какъ то, что такіе-то законы признаются основными, а когда вы признаете нужнымъ и своевременнымъ, то издадите новые основные законы сами. Этимъ образованный классъ и вся вообще интеллигенція будутъ крайне недовольны, а остальное населеніе, быть можетъ, будетъ недовольно обратнымъ рѣшеніемъ. Если суждено парламентскимъ учрежденіямъ привиться въ Россіи, то лучше издать основные законы теперь—жизнь скорѣе войдетъ въ берега. Если же Дума будетъ гнѣздомъ революціи, то изданіе основныхъ законовъ еще болѣе затруднитъ выходъ изъ труднаго положенія. Но если не мѣнять 1 статьи, то, конечно, нельзя переиздавать основныхъ законовъ.

Графъ К. И. Паленъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, оставить ли въ 1 статьѣ слово «неограниченный». Я не сочувствую манифесту 17 октября, но онъ существуетъ. До того времени существовало ваше неограниченное право издавать законы, но послѣ 17 октября помимо законодательныхъ учрежденій, в. в. не можете уже издавать законы сами. По моему вамъ, государь, было угодно ограничивать свою власть. Въ основныхъ законахъ надо издать то, что ново, а старое оставить, но слово «неограниченный» въ немъ не можетъ остаться.

М. Г. Акимовъ. Не надо смущаться тѣмъ, что просто разрѣшается. Я тоже не сторонникъ свободъ, данныхъ народу. Но 17 октября в. в. добровольно себя ограничили въ области законодательства; за вами осталась власть только останавливать не угодное вамъ рѣшеніе Думы и Совѣта. Тамъ, гдѣ законодательная власть не принадлежитъ полностью императору, тамъ мо-

наръ ограниченъ. Если теперь сказать «неограниченный», это значитъ бросить перчатку, создать непримиримую вражду въ Думѣ. Говорятъ, будто это не такъ страшно. Я смотрю такъ, что если издаваемые законы губятъ Россію, то вамъ придется сдѣлать *coup d'état*. Но если сказать теперь, что монаръ «неограниченный», то съ этою Думою уже примиренія не будетъ. Если сказать, что основные законы в. в. издадите впослѣдствіи сами, то это тоже будетъ означать, что остается неограниченная власть. Мы искали способовъ оградить ваши права. Войско — ваша опора, и если въ основныхъ законахъ не сказать про него, то наше положеніе будетъ безвыходное. Если не сказать о призывѣ въ основныхъ законахъ, то нельзя будетъ призывать новобранцевъ. Будетъ агитація противъ набора. Для того, чтобы не создавать конфликта, надо сказать: вотъ это — мое, вотъ это — ваше. Тогда они будутъ нарушителями закона, покушаясь на вашу власть, и тѣмъ вызовутъ осужденіе народа. Если тогда в. в. распустите Думу, то скажутъ, что государь сдѣлалъ все для счастья Россіи, а они мѣшаютъ. Надо исключить слово «неограниченный» и издать основные законы, чтобы оградить правительство. Особыхъ въ нихъ пробѣловъ быть не можетъ: мы всесторонне объ этомъ думали.

А. А. Сабуровъ. Надо дать скорѣе опредѣленное рѣшеніе, иначе смута никогда не прекратится. Понятіе о неограниченной власти находится съ актомъ 17 октября въ прямомъ противорѣчій. Поступившіе всеподданнѣйшіе адреса этого не опровергаютъ. Они исходятъ отъ темныхъ людей, которые не знаютъ 1 статьи. До нихъ дошли смутные слухи, что государь отказывается отъ своихъ правъ, но они не знаютъ — отъ какихъ, оттого и смущаются. Когда они увидятъ, что власть верховнаго управленія всецѣло въ вашихъ, государь, рукахъ, они успокоятся.

Графъ Д. М. Сольскій. Разъ вы, государь, рѣшили исполнить манифестъ 17 октября, то надо измѣнить статью 1. Еслибы Россія могла слышать сказанныя вами передъ нами слова, то слово «неограниченный» можно было бы оставить. Но они этого счастья не имѣютъ, и для нихъ будетъ противорѣчіе. Если бы вы не могли на это рѣшиться, то лучше совсѣмъ не издавать основныхъ законовъ.

Э. В. Фришъ. Я раздѣляю мнѣніе М. Г. Акимова. Предположеніе графа С. Ю. Витте, чтобы в. в. сохранили за собою право изданія основныхъ законовъ при существованіи Государственной Думы и Совѣта — невозможно. Такая постановка противорѣчитъ манифесту 20 февраля и учрежденіямъ Думы и Совѣта. Государь императоръ долженъ сохранить за собою не право изданія основныхъ законовъ, а починъ ихъ пересмотра. Это надо ясно сказать. Иначе это было бы отмѣною манифеста 20 февраля. Думаю, что это было бы опасно и возбудило бы безпорядки. Съ нѣкоторыми слоями общества, которые всѣмъ недовольны, я

бы не считался. Но благоразумная часть населенія была бы смущена, ибо подпись в. в. была бы неизбежною. Въ проектѣ указа объ этомъ совсѣмъ не говорится. Оставить этого такъ нельзя, ибо въ кодификаціонномъ порядкѣ трогать основныхъ законовъ невозможно. И теперь измѣненіе каждаго слова въ нихъ докладывается монарху.

Е. и. в. вел. кн. Николай Николаевичъ. Манифестомъ 17 октября слово «неограниченный» в. и. в. уже вычеркнули.

Его и. в. велик. кн. Владиміръ Александровичъ. Я согласенъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ.

П. Н. Дурново. Полуобразованные и образованные люди могутъ смутить даже благомыслящій народъ. Вся смута исходить не отъ народа, а отъ образованнаго общества, съ которымъ нельзя не считаться: государствомъ управляетъ образованное общество. Надо стараться имѣть какъ можно больше благонамѣнныхъ въ средѣ образованныхъ людей. Послѣ актовъ 17 октября и 20 февраля неограниченность монарха перестала существовать. Никто въ Россіи не можетъ единолично издавать законовъ. Понятіе верховнаго управленія нельзя обнять словомъ «неограниченный». Надо предусмотрѣть всѣ тѣ права, которыя за вами нужно сохранить. Если сказать, что основные законы в. в. сами издадите, то это значитъ все упразднить и все оставить въ вашей власти. Слово «неограниченный» нельзя оставлять, ибо это не будетъ соответствовать актамъ 17 октября и 20 февраля. Это породитъ смуту въ умахъ образованныхъ людей, а она породитъ смуту всенародную.

Князь А. Д. Оболенскій. Чтобы не говорить о неограниченной власти, можно обойти этотъ вопросъ. Можно сказать только о томъ, что относится къ основнымъ законамъ. А согласовать ихъ можно будетъ потомъ, но только по почину в. в. Нельзя, чтобы основные законы появились въ новомъ изданіи со словомъ «неограниченный». Да этого народу и не надо, ему нужно слово «самодержавный».

Е. и. в. Теперь мы сдѣлаемъ перерывъ на четверть часа.

Е. и. в. Кто желаетъ еще высказаться?

А. С. Стишинскій. Дозвольте мнѣ, в. и. в., высказать мой взглядъ по общему вопросу. Я присоединяюсь къ мысли Ивана Логтиновича Горемыкина о томъ, чтобы пересмотрѣть основныхъ законовъ зависѣлъ только отъ в. и. в. Единолично. Это и есть неограниченная власть. Слѣдуетъ только слово исключить, а власть сохранить. Мы находимся на порогѣ невѣдомаго будущаго. Никто не знаетъ, что будетъ. Поэтому лучше не издавать полностью основныхъ законовъ, а сказать только то, что относится до Думы, и дополнить ихъ вашими правами. У васъ, государь, должно быть право изданія указовъ законодательнаго свойства. Я согласенъ съ необходимою сказать, что основные законы будутъ вами изданы непосредственно. Въ понятіи вер-

ховной власти, какъ оно опредѣляется статьею 1 основныхъ законовъ, нельзя отдѣлить самодержавія отъ неограниченности.

Е. и. в. Свое рѣшеніе я скажу потомъ. Перейдемъ къ слѣдующимъ вопросамъ.

П. Н. Дурново. Послѣ 4 статьи надо сказать, что государь императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь финляндскій. Это надо перенести изъ дѣйствующей статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 4 статьѣ надо сказать: монархъ самодержавный, какъ сказано въ дѣйствующемъ законѣ, а не говорить о самодержавной власти; то же и въ 6 статьѣ ¹⁾.

Э. В. Фришъ. Дѣйствующія статьи о титулѣ—все остаются въ силѣ по статьѣ 21 проекта.

Графъ С. Ю. Витте. Самодержавная власть или монархъ самодержавный—это разница. Если вычеркнуть слово «неограниченный», то надо вмѣсто «самодержавный», сказать «самодержавная власть». Одно изъ двухъ—или самодержавный и неограниченный, или самодержавная власть.

Е. и. в. Далѣ.

Е. и. в. велик. кн. Владиміръ Александровичъ. Въ 1 статьѣ говорится о государствѣ Россійскомъ, а въ 7 ²⁾ о Россійской имперіи; здѣсь надо также сказать «государство».

Э. В. Фришъ. Замѣнить въ статьѣ 7 слова: «Россійская имперія» выраженіемъ «Россійское государство» нельзя, такъ какъ статья 7 не имѣетъ примѣненія къ Финляндіи, гдѣ существуетъ особый порядокъ. Можно совсѣмъ исключить слова: Россійская имперія.

Е. и. в. Съ этимъ я соглашаюсь.

О. О. Эйхельманъ. Надо при общемъ изложеніи проекта держаться императивнаго языка и говорить «издаетъ», «постановляетъ» и т. п.

Е. и. в. Не будемъ останавливаться на редакціи и пойдемъ дальше. Въ 8 статьѣ ³⁾ надо яснѣе выразить мысль, что починъ пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ единственно государю императору.

А. А. Бирилевъ. Въ 9 статьѣ ⁴⁾ лучше сохранить редакцію

¹⁾ Ст. 6 по проекту совѣта министровъ: Та же верховная самодержавная власть принадлежитъ государынѣ императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго; но супругъ ея не почитается государемъ; онъ пользуется почестями и преимуществами, наравнѣ съ супругами государей, кромѣ титула.

²⁾ Ст. 7 по проекту совѣта министровъ: Государь императоръ осуществляетъ законодательную въ Россійской имперіи власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой.

³⁾ Ст. 8 по проекту совѣта министровъ: Государю императору принадлежитъ починъ по всѣмъ предметамъ законодательства.

⁴⁾ Ст. 9 по проекту совѣта министровъ: Государю императору принадлежитъ утвержденіе законовъ, и безъ его утвержденія никакой законъ не можетъ совершенія.

дѣйствующаго закона, сказавъ, что никакой законъ не можетъ воспріять силы закона безъ утвержденія верховной власти.

Э. В. Фришъ. Это сказано въ статьѣ 39 ¹⁾ проекта.

Е. и. в. По статьѣ 11 есть замѣчаніе министра внутреннихъ дѣлъ.

П. Н. Дурново. Въ 11 ²⁾ статьѣ сказано, что государь императоръ издаетъ указы и повелѣнія «въ соотвѣтствіи съ законами». Относится ли выраженіе это къ управленію, а также къ охраненію государственной безопасности? Кажется, оно излишне, въ виду статей 12 и 37 ³⁾ проекта. Необходимо сдѣлать такъ, чтобы власть, въ порядкѣ верховнаго управленія, была шире. Если оставить, какъ проектировано, то для того, чтобы сдѣлать изъ одного департамента два, надо будетъ вносить представленіе въ Думу. Такого порядка нигдѣ нѣтъ. Въ отношеніи устройства отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, безъ расходванія на нихъ новыхъ денежныхъ средствъ, надо предоставить полную власть монарху. Такой порядокъ существуетъ въ западныхъ государствахъ. По охраненію государственнаго порядка, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, мѣры будутъ приниматься именно не въ соотвѣтствіи съ законами. То же самое, для охраненія государства отъ иноземнаго нашествія, нужна иногда не война, а предупредительныя мѣры. Онѣ тоже могутъ быть не въ соотвѣтствіи съ законами. Поэтому я полагаю бы эти слова исключить.

Графъ С. Ю. Витте. Я нахожу, что сомнѣнія возбуждаетъ не 11 статья, а 18 ⁴⁾. Вникая въ эту статью, нельзя не признать,

¹⁾ Ст. 39 по проекту совѣта министровъ: Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія императорскаго величества.

²⁾ Ст. 11 по проекту совѣта министровъ: Государь императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, въ соотвѣтствіи съ законами, указы и повелѣнія, необходимые для исполненія законовъ, для устройства частей государственнаго управленія, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія. Указы, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемые, обнародуются правительствующимъ сенатомъ.

Ст. 11 въ редакціи министра внутреннихъ дѣлъ: Государь императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ указы и повелѣнія: а) по исполненію законовъ, въ соотвѣтствіи съ ними законами; б) по учрежденію и устройству частей государственнаго управленія, въ предѣлахъ ассигнуемыхъ на сіе управленіе суммъ; в) по огражденію въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ государственной и общественной безопасности и порядка, и г) по обезпеченію народнаго благосостоянія въ тѣхъ случаяхъ, когда е. и. в. признаетъ то необходимымъ. Указы и повелѣнія, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемые, обнародуются правительствующимъ сенатомъ.

³⁾ По проекту совѣта министровъ, ст. 12: Государь императоръ есть верховный руководитель внѣшнихъ сношеній Россійскаго государства. Ему принадлежитъ высшее направленіе международной политики Россіи. Онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами.

Ст. 87: Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, введенныхъ въ установленномъ порядкѣ.

⁴⁾ Ст. 18 по проекту совѣта министровъ: Государю императору принадлежитъ объявленіе мѣстности Россійской имперіи на военномъ или исключительномъ положеніи.

что тамъ одни слова, которыя ничего реальнаго не представляютъ. Что значить объявить мѣстность на военномъ или исключительномъ положеніи, и что такое военное или исключительное положеніе? Они опредѣляются особыми законами. Но ихъ захотятъ измѣнить и дать имъ другую конструкцію. Законы о военномъ положеніи весьма несовершенны; они были изданы для военныхъ дѣйствій въ военное время. Такимъ образомъ въ данной редакціи статья 18—одна фраза, а вмѣстѣ съ тѣмъ она сохраняетъ въ силѣ несовершенные законы. Между тѣмъ принятіе исключительныхъ мѣръ должно составлять прерогативу верховной власти. Надо сказать такъ, что если мѣстность въ опасности, то верховная власть можетъ принять всѣ тѣ мѣры, которыя признаетъ нужными, и никакіе законы этому мѣшать не могутъ. Вмѣсто статьи 18 надо постановить, что во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ отъ государя императора зависитъ объявить всякую мѣстность Россійской имперіи на военномъ или въ исключительномъ положеніи и принимать всѣ, какія онъ признаетъ нужными, мѣры для охраны безопасности страны и ея подданныхъ. Безъ этого не можетъ быть спокойствія, ибо, раньше чѣмъ дѣйствовать, придется все справляться, согласны ли тѣ или иныя мѣры съ закономъ, и имѣетъ ли власть право ихъ примѣнять. Если это постановить, то мѣнять 11 статью не надо. Въ ней можно выраженіе «въ соотвѣтствіи съ законами» сохранить. Но при этомъ надлежитъ указать, что въ устройствѣ частей управленія монархъ не стѣсненъ въ предѣлахъ смѣтъ.

А. С. Стишинскій. Чрезвычайныя мѣры не надо связывать съ предварительнымъ объявленіемъ мѣстности на военномъ положеніи. Надо просто сказать, что въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, когда монархъ признаетъ нужнымъ принять необходимыя мѣры, издаваемые имъ указы имѣютъ силу закона. Иначе судебная власть можетъ вступить въ пререканіе, было ли объявлено военное положеніе ранѣе принятыхъ мѣръ.

Д. А. Философовъ. Статья 11 говоритъ не о временномъ законѣ, а о декретахъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Они должны быть подъ закономъ. Это истекаетъ изъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ. Поэтому надо сказать, что указы издаются или въ предѣлахъ законовъ, или въ соотвѣтствіи съ законами. Актъ верховнаго управленія не можетъ нарушать законъ или его отмѣнять.

Графъ С. Ю. Витте. Главное состоитъ въ томъ, чтобы верховная власть имѣла право принимать въ исключительныхъ случаяхъ всѣ необходимыя мѣры. Верховная власть должна имѣть возможность объявлять чрезвычайное положеніе и принимать всѣ мѣры по своему усмотрѣнію, а гдѣ не объявлено такое положеніе, въ обычныхъ условіяхъ жизни, указы должны быть «въ соотвѣтствіи съ законами», кромѣ, однако, тѣхъ повелѣній, коими опредѣляется устройство органовъ управленія. Въ этомъ отношеніи должна быть свобода дѣйствій. До сихъ поръ подобныя мѣры

представлялись монарху чрезъ Государственный Совѣтъ и приобретали силу закона. Это надо измѣнить въ такомъ смыслѣ, чтобы государь имѣлъ свободу распоряженій въ предѣлахъ смѣты.

П. Н. Дурново. Исполнительная власть въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ не должна быть подчинена законамъ. Ей надо развязать руки. Могутъ быть случаи, когда военное положеніе не требуется, а требуется одна какая-либо мѣра. Надо, чтобы государь ее могъ принять. Въ случаѣ мятежа, Дума заберется въ какой-либо уѣздный городъ. Здѣсь нужно будетъ вводить не военное положеніе, а принять особыя мѣры. Законъ долженъ соблюдаться при нормальномъ теченіи жизни, а я говорю о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Графъ С. Ю. Витте. И я говорю, что во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ отъ государя императора должно зависѣть объявить мѣстность на особомъ положеніи и тогда принять всѣ необходимыя мѣры.

М. Г. Акимовъ. Военное и чрезвычайное положенія вносятъ стѣсненія въ жизнь мирныхъ обывателей. Иногда это не нужно, а нужно принять только особыя мѣры.

Графъ К. И. Паленъ. Военное положеніе неудовлетворительно; оно не годится; его надо измѣнить.

П. Н. Дурново. Необходимо, чтобы верховная власть могла принимать всякія распоряженія въ чрезвычайныхъ случаяхъ, вводить военное положеніе и, кромѣ того, устанавливать мѣры, которыя имѣли бы силу закона. Мѣры эти должны устанавливаться государемъ императоромъ, помимо Думы, указами. Есть много случаевъ, военнымъ положеніемъ не предусмотрѣнныхъ, напримѣръ, реквизиція хлѣба.

Графъ Д. М. Сольскій. Во всякомъ случаѣ и въ новой редакціи надо сохранить конецъ статьи 11 объ обнародованіи указовъ, въ порядкѣ управленія изданныхъ.

Е. и. в. Надо составить новую редакцію статьи 11. На этомъ мы сегодня остановимся и вновь соберемся послѣзавтра во вторникъ (11 апрѣля) днемъ, въ 3 часа.

Засѣданіе 11 апрѣля 1906 года.

Е. и. в. Мы остановились въ прошлый разъ на статьѣ 11.

Графъ Д. М. Сольскій. Составлены новыя редакціи статей 8 ¹⁾, 11 ²⁾, 12 и 47, а также новой дополнительной статьи.

¹⁾ Ст. 8: Государю императору принадлежитъ починъ по всѣмъ предметамъ законодательства. Исключительно по сему почину основныя государственныя законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ.

²⁾ Ст. 11: Государь императоръ въ порядкѣ верховнаго управленія надаетъ въ соотвѣтствіи съ законами, указы, необходимыя для исполненія законовъ, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія. Имъ же въ порядкѣ верховнаго управ-

Е. и. в. Редакція статьи 8 меня удовлетворяетъ.

Графъ С. Ю. Витте. Я полагалъ бы слова: «исключительно» замѣнить «единственно» — тогда она будетъ читаться такъ: государю императору принадлежитъ починъ по всѣмъ предметамъ законодательства. Единственно по его почину основные государственные законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ.

Е. и. в. Съ этою редакціею я соглашаюсь. Перейдемъ къ редакціи статьи 11. Я ее понимаю такъ, что всякій вопросъ, связанный съ новымъ расходомъ, долженъ быть внесенъ въ Государственную Думу, а въ томъ случаѣ, когда нѣтъ новаго расхода, — вопросъ разрѣшается посредствомъ указа.

А. А. Сабуровъ. Такой порядокъ, мнѣ кажется, не будетъ согласенъ съ 31 статьей учрежденія Государственной Думы. Въ силу этой статьи, всѣ вопросы о штатахъ подлежатъ вѣдѣнію Думы. Съ другой стороны, однако, даже штатные вопросы, при дѣйствіи расписаній, предоставлены иногда разрѣшенію власти монарховъ.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Если во второй половинѣ разсматриваемой статьи, въ редакціи, предложенной министромъ внутреннихъ дѣлъ, вставить выраженіе «въ соотвѣтствіи съ законами», которое имѣется въ первой ея части, то возбужденное сомнѣніе устранится само-собою.

Графъ Д. М. Сольскій. Важно точно опредѣлить, что устанавливается закономъ и что — административнымъ распоряженіемъ. Во всѣхъ странахъ область административныхъ распоряженій точно отмежевана отъ дѣлъ законодательныхъ. Между тѣмъ у насъ такого точнаго разграниченія не сдѣлано, и такіе, напримѣръ, вопросы, какъ учрежденіе какой-нибудь должности и даже увеличеніе числа писцовъ — составляютъ предметъ закона. Этотъ порядокъ надлежитъ кореннымъ образомъ измѣнить. Но есть вопросы, касающіеся различныхъ учреждений, которые по самому существу требуютъ законодательнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ въ статьѣ надо ясно выразить, что указами разрѣшаются всѣ вопросы управленія, кромѣ тѣхъ, которые опредѣлены закономъ.

П. Н. Дурново. Я не разумѣлъ всѣхъ учреждений, напримѣръ, судебныхъ установленій до сената включительно. Поэтому въ статьѣ надо сказать «за исключеніемъ высшихъ и судебныхъ установленій, безъ измѣненія существа возложенныхъ на нихъ обязанностей».

Графъ Д. М. Сольскій. Слово «указы» надлежитъ изъ статьи исключить, потому что формы изъясненія монаршей воли могутъ быть различны.

Графъ С. Ю. Витте. Въ статьѣ 11 слѣдуетъ сказать, вленія опредѣляется указами устройство частей государственнаго управленія въ предѣлахъ суммъ, назначенныхъ на сей предметъ по государственной росписи доходовъ и расходовъ.

что всѣ перечисленные въ ней предметы могутъ опредѣляться указами и высочайшими повелѣніями. Это единственное замѣчаніе, которое я принялъ бы. Дѣйствительно законодательныя дѣла и дѣла верховнаго управленія у насъ перепутаны. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривается масса дѣлъ верховнаго управленія. Съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ будутъ происходить конфликты именно потому, что у насъ нѣтъ точнаго опредѣленія, что есть законъ. Если оставить нынѣшній порядокъ, то придется вносить въ эти учрежденія такія дѣла, которыя во всемъ мірѣ въ законодательныя учрежденія не вносятся. Но для того, чтобы разграничить эти дѣла, потребуется по крайней мѣрѣ три мѣсяца, такъ что для этого у насъ нѣтъ времени. Да и наука не даетъ точныхъ указаній относительно разграниченія законовъ и декретовъ. А между тѣмъ для практики вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это за верховное управленіе, которое не можетъ ни учредить, ни упразднить своею властью какой-нибудь департаментъ? Для того, чтобы верховное управленіе было дѣйствительно таковымъ, ему надо дать реальные права. Это и имѣетъ въ виду статья 11. Слѣдуетъ предоставить право производить измѣненія въ распредѣленіи суммъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Равнымъ образомъ отъ верховнаго управленія должно зависѣть учрежденіе должностей, когда это совершается въ предѣлахъ кредитовъ.

Во Франціи, напримѣръ, министерство торговли было учреждено декретомъ президента. Но если въ статьѣ будетъ сдѣлана оговорка, что все должно дѣлаться «въ соотвѣтствіи съ законами», то все это можетъ уничтожиться, ибо можетъ возникнуть такое толкованіе, при которомъ всѣ вопросы верховнаго управленія надо проводить черезъ Думу и Совѣтъ. Исключеніе слѣдуетъ допустить лишь въ отношеніи судебныхъ установленій, гдѣ дѣйствуютъ особые правила.

Э. В. Фришъ. Удержать въ 11 статьѣ выраженіе «въ соотвѣтствіи съ законами», по моему мнѣнію, представляется необходимымъ, и это стѣснить верховное управленіе не можетъ. Устройство государственнаго управленія объемлетъ все, что составляетъ административное управленіе, и редація разсматриваемой статьи вполнѣ этой мысли соотвѣтствуетъ. Такъ, напримѣръ, преобразование министерства не требуетъ закона и можетъ быть произведено указомъ. Также указомъ могутъ быть учреждены или упразднены должности, если для этого не требуется новыхъ кредитовъ. Съ другой стороны, измѣненіе учрежденія какого-нибудь сенатскаго департамента является уже измѣненіемъ государственнаго устройства въ имперіи. Оно можетъ быть осуществлено только законодательнымъ порядкомъ; иначе сенатъ не будетъ стойкимъ установленіемъ. Что касается судебной части, то, конечно, для такихъ вопросовъ, какъ учрежденіе должности прокурора, не требуется закона. Но такой вопросъ, какъ, напримѣръ, переустройство губернскаго управленія, несомнѣнно, имѣетъ

государственное значеніе и можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Равнымъ образомъ, не можетъ быть измѣнено въ порядкѣ верховнаго управленія положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Поэтому слова «въ соотвѣтствіи съ законами» слѣдуетъ въ текстѣ 11 статьи сохранить. Это выраженіе ніякого стѣснить не можетъ, ибо сама практика установитъ, какимъ путемъ всѣ эти вопросы разрѣшатся. Положимъ, что правительство разрѣшить какой-либо вопросъ указомъ безъ Думы и Совѣта. Въ случаѣ сомнѣнія въ правильности такого способа разрѣшенія, законодательныя учрежденія, конечно, возбудятъ вопросъ о принадлежности даннаго дѣла ихъ компетенціи. Такимъ образомъ на практикѣ надлежащая грань проводится сама собою. Выраженіе «въ соотвѣтствіи съ законами» указываетъ на то, что верховная власть будетъ осуществлять, въ случаѣ, если признаетъ въ томъ надобность, тѣ или иныя мѣропріятія въ предѣлахъ отпущенныхъ средствъ. Правда, суммы назначаются на одинъ годъ, а должности устанавливаются на долгое время. Возникнетъ вопросъ: какъ же быть на дальнѣйшій срокъ? Въ подобныхъ случаяхъ придется сообразоваться съ имѣющимися въ распоряженіи средствами. Съ этой точки зрѣнія и по министерству внутреннихъ дѣлъ не всякія измѣненія будутъ относиться къ области управленія, и не все можно будетъ разрѣшать указомъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на совѣтѣ министровъ будетъ лежать обязанность рѣшить, можетъ ли данный вопросъ быть разрѣшенъ указомъ. Я указываю на совѣтъ министровъ потому, что у насъ другого для этого учрежденія нѣтъ.

Графъ К. И. Паленъ. Дѣятельность и власть учреждений должны быть основаны на законѣ.

Графъ С. Ю. Витте. Все-таки, если въ статьѣ будетъ написано, что указы издаются «въ соотвѣтствіи съ законами», это ровно ничего не пояснить, а такая редакція лишь затенитъ дѣло въ будущемъ. Положимъ, напримѣръ, что является необходимость перемѣстить должность оберъ-секретаря сената. Возможно ли будетъ это сдѣлать въ порядкѣ верховнаго управленія? Если статья будетъ изложена въ предлагаемой редакціи, то тотчасъ же возникнетъ сомнѣніе. Одни будутъ говорить—можно, а другіе—нельзя; въ думѣ же поднимется скандалъ, пока члены ея сами не будутъ министрами и не станутъ управлять Россійскою имперіей, а тогда скажутъ, что все можно. Единственное, что можно было бы сказать, это то, что въ порядкѣ верховнаго управленія нельзя касаться вопросовъ объ устройствѣ новыхъ учреждений. Тогда, по крайней мѣрѣ, Дума не будетъ вмѣшиваться въ переустройство существующихъ учреждений.

Графъ Д. М. Солъскій. Приведенный графомъ Сергѣемъ Юльевичемъ примѣръ едва-ли точенъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что перемѣщеніе чиновъ канцеляріи сената относится къ области его внутренняго распорядка, являясь дѣломъ чисто административнымъ.

П. Н. Дурново. Предложенная редакция 11 статьи дает повод къ толкованію, что самыя учрежденія могут мѣняться. Надо исправить ее въ томъ смыслѣ, что указами могутъ разрѣшаться такія переустройства въ учрежденіяхъ, которыя не измѣняли бы существа возложенныхъ на нихъ обязанностей и предѣловъ власти.

Графъ Д. М. Сольскій. Надо выразить въ статьѣ ту мысль, что область управленія, въ чемъ она касается правъ и обязанностей подданныхъ, должна быть опредѣлена закономъ. Внутреннее же устройство органовъ управленія относится къ области управленія, опредѣляемой указами.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Только тогда будетъ стоять дѣло на прочной почвѣ, когда у насъ будетъ создано установленіе вродѣ французскаго conseil d'état, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обсуждаетъ: подлежитъ ли вопросъ законодательному опредѣленію, или онъ можетъ быть разрѣшенъ въ порядкѣ управленія? До того же у насъ правильность дѣйствій правительства въ этой области будетъ контролироваться сенатомъ, которому всѣ указы представляются для обнародованія.

Е. и. в. Можно въ существѣ принять статью 11 по проекту совѣта министровъ, придавъ ей, однако, болѣе ясную редакцію. Далѣе... ст. 12.

А. С. Стишинскій. Въ новой редакціи статьи 12 ¹⁾ говорится, что государь императоръ есть верховный представитель Россійскаго государства во всѣхъ его сношеніяхъ съ иностранными державами. Едва-ли можно вводить такое опредѣленіе въ статью. Государь императоръ не есть представитель Россіи. Онъ олицетворяетъ собою всю Россію. Поэтому казалось бы, что всю эту часть изъ статьи слѣдуетъ исключить и начать ее со словъ: государю императору принадлежитъ руководство всѣми внѣшними съ иностранными державами сношеніями и т. д.

Графъ С. Ю. Витте. Для меня важно изложить статью такъ, чтобы не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что внѣшнія сношенія не подлежатъ вѣдѣнію Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Поэтому надо придумать такую редакцію, которая точно бы выражала эту мысль. Сказать, что государю императору принадлежитъ верховное руководство во внѣшнихъ сношеніяхъ—это значитъ ничего не сказать. Въ Думѣ будутъ постоянные запросы; при этомъ въ оправданіе ихъ будутъ говорить,

¹⁾ Ст. 12 по проекту совѣта министровъ: Государь императоръ есть верховный руководитель внѣшнихъ сношеній Россійскаго государства. Ему принадлежатъ высшее направленіе международной политики Россіи. Онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами.

Ст. 12 въ новой редакціи, предложенной графомъ С. Ю. Витте: Государь императоръ есть верховный представитель Россійскаго государства во всѣхъ его сношеніяхъ съ иностранными державами. Ему принадлежитъ руководство всѣми внѣшними съ ними сношеніями Россіи. Онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами.

что верховное руководство касается только общего направленія политики, а отдѣльные акты совершаются министрами, которые, будучи вслѣдствіе сего за нихъ отвѣтственными, и обязаны отвѣчать на запросы. Исключить возможность Государственной Думѣ вмѣшиваться въ дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ необходимо, а то Дума перессоритъ насъ со всѣми иностранными государствами. Вся внѣшняя политика и международныя сношенія должны подлежать непосредственному руководству государя императора.

А. С. Стишинскій. Согласно учрежденію Думы, послѣдняя можетъ дѣлать министрамъ запросы по вопросамъ о законѣрности дѣйствій министровъ. По поводу же внѣшней политики запросовъ быть не можетъ, ибо для нея не существуетъ специальныхъ законовъ. Надо ясно выразить, что государь императоръ есть державный вожь земли Русской.

Графъ С. Ю. Витте. Тогда самое лучшее принять первоначальную редакцію.

Е. и. в. Я съ этимъ соглашаюсь. Перейдемъ къ слѣдующей 13 статьѣ.

Е. и. в. велик. кн. Николай Николаевичъ. Въ статьѣ 13 ¹⁾ говорится, что государь императоръ опредѣляетъ устройство арміи и флота, издаетъ повелѣнія относительно дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, строевого ихъ обученія и прохожденія службы чинами арміи и флота. Такой способъ изложенія этой статьи опасенъ. Можетъ легко случиться, что въ данномъ перечнѣ не все предусмотрено. Поэтому эту статью надо изложить шире, сказавъ, что государь императоръ опредѣляетъ все, до арміи и флота относящееся.

А. С. Стишинскій. Предлагаемая е. и. в. редакція едва-ли вполне точна, ибо есть вопросы, которые очень близко касаются арміи и флота, а между тѣмъ опредѣляются въ законодательномъ порядкѣ; напримѣръ, вопросъ о контингентѣ новобранцевъ.

Графъ С. Ю. Витте. Столь широкая редакція статьи 13, какую проектируетъ е. и. в., дастъ поводъ Думѣ толковать, что ей принадлежитъ право вмѣшиваться въ нѣкоторые вопросы, касающіеся арміи и флота.

П. Н. Дурново. Редакцію обсуждаемой статьи, несомнѣнно, надо обобщить; иначе подъ дѣйствіе ея не подойдутъ такіе предметы, какъ кадетскіе корпуса, формы обмундированія и т. д. Между

¹⁾ Ст. 13 по проекту совѣта министровъ: Государь императоръ есть державный вожь русской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота, издаетъ повелѣнія относительно дислокаціи войскъ, приведенія ихъ въ военное положеніе, строевого ихъ обученія и прохожденія службы чинами арміи и флота. Имъ же устанавливаются ограниченія въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимаго имущества въ мѣстностяхъ, которыя составляютъ крѣпостные районы и опорные пункты для арміи и флота.

тѣмъ, всѣ эти вопросы, несомнѣнно, составляютъ дѣло военнаго вѣдомства.

А. А. Бирилевъ. Статью надлежитъ изложить въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе всѣхъ дѣлъ по морскому и военному вѣдомствамъ должно принадлежать государю императору.

П. Н. Дурново. Въ статьѣ 13 не сказано даже про оборону государства. Положимъ, что нужно построить крѣпость. Гдѣ ее построить? Этого вопроса Дума рѣшить не можетъ. Поэтому эту статью надлежитъ дополнить указаніемъ на то, что оборона государства и всѣ касающіеся этой обороны вопросы разрѣшаются государемъ императоромъ безъ законодательнаго разсмотрѣнія.

Е. и. в. великій князь Николай Николаевичъ. Я настаиваю на томъ, чтобы все, относящееся до военныхъ укрѣпленій и государственной обороны, не проводилось черезъ Думу.

А. Ф. Редигеръ. Всѣ эти вопросы, разъ на ихъ осуществленіе средства отпущены до Думы, не подлежатъ ея пересмотру. Что касается до вопросовъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, то, конечно, они не должны подлежать внесенію въ Думу. О нихъ не упомянуто здѣсь потому, что вопросъ этотъ предусматривъ статью 49¹⁾ проекта. Наконецъ, относительно крѣпостей здѣсь не сказано потому, что построить ихъ безъ отпуска на этотъ предметъ соответственныхъ кредитовъ нельзя, между тѣмъ ассигнованіе ихъ будетъ зависѣть отъ Думы. Придать статьѣ такую общую редакцію, какъ угодно е. и. в., едва-ли возможно. Такой вопросъ, какъ устройство государственнаго ополченія, несомнѣнно, относится къ государственной оборонѣ, между тѣмъ его разрѣшеніе можетъ послѣдовать только въ законодательномъ порядкѣ.

И. Л. Горемыкинъ. Устанавливать въ статьѣ перечень всѣхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ государемъ императоромъ безъ законодательнаго разсмотрѣнія, несомнѣнно опасно. Осторожнѣе сказать, что государемъ императоромъ опредѣляется все устройство обороны и вооруженныхъ силъ государства.

А. Ф. Редигеръ. Надо указать на строевое обученіе войскъ.

Е. и. в. Въ статьѣ 13 надо составить перечень, дополнивъ его согласно предложенія И. Л. Горемыкина.

Графъ С. Ю. Витте. Статью 14²⁾, въ которой говорится,

¹⁾ Ст. 49 по проекту совѣта министровъ: Постановленія по строевой, технической, хозяйственной, военно-судебной и военно-морской судебной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и морского вѣдомствъ, издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій. если только сіи постановленія, положенія и наказы относятся собственно къ одному изъ упомянутыхъ вѣдомствъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны, или же вызываемый ими новый расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства по принадлежности. Въ противномъ случаѣ представленіе означенныхъ постановленій, положеній и наказовъ на высоч. утвержденіе допускается лишь по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованія соответственнаго кредита.

²⁾ Ст. 14 по проекту совѣта министровъ: Государю императору принадлежить право чеканки монеты и опредѣленіе вѣшняго ея вида.

что государю императору принадлежит право чеканки монетъ и опредѣленіе вышшняго ея вида, надо дополнить указаніемъ на право государя императора заключать займы¹⁾.

И. Я. Голубевъ. Въ проектѣ надлежитъ ясно выразить, что законны только тѣ займы, которые заключены по указу в. и. в. Безъ такого указа государство никакими займами обязываться не можетъ.

Е. и. в. Можно дополнить проектъ въ томъ смыслѣ, что займы заключаются указами. Перейдемъ далѣе къ статьѣ 15, по которой въ совѣтѣ министровъ произошло разногласіе.

Графъ С. Ю. Витте. Статью 15²⁾ надо изложить въ редакціи, предложенной большинствомъ. Необходимо предоставить монарху всѣхъ должностныхъ лицъ. Противъ этого выставляется установленная нашимъ законодательствомъ несмѣняемость судей. Но нельзя забывать, что до настоящаго времени государь императоръ могъ нарушить это начало въ крайнихъ случаяхъ. А въ будущемъ Дума и Государственный Совѣтъ никогда на это не согласится, если не будетъ особо оговорено, что это ихъ не касается. Во Франціи хотя и есть несмѣняемость, но во время революціи правительство ее четыре раза нарушало, удаляя судей

¹⁾ Дополнительная къ проекту совѣта министровъ статья о порядкѣ совершенія займовъ, ст. 60^а: Совершеніе государственныхъ займовъ для покрытія какъ смѣтныхъ расходовъ, такъ и всѣхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, кромѣ случаевъ, ниже въ сей статьѣ указанныхъ, происходить по испрошенію на то разрѣшенія въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія государственной росписи. Въ томъ случаѣ, если заемъ требуется для покрытія расходовъ въ предѣлахъ росписи, получившей силу на основаніи статьи 60 настоящихъ законовъ, то осуществленіе такого займа можетъ послѣдовать безъ испрошенія разрѣшенія въ указанномъ выше порядкѣ. Государственные займы, потребные для покрытія чрезвычайныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 62 настоящихъ законовъ, разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ для открытія сихъ кредитовъ въ высоч. утвержденнхъ 26 февраля 1890 года правилахъ (3-е полн. собр. зак. т. X № 6609). Опредѣленіе способовъ и условій совершенія займа возлагается на финансовый комитетъ.—По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, ст. 60^а слѣдуетъ замѣнить тремя отдѣльными статьями, изложивъ ихъ въ слѣдующей редакціи: ст. 60^а. Совершеніе государственныхъ займовъ для покрытія какъ смѣтныхъ расходовъ, такъ и всѣхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ происходить по испрошенію на то разрѣшенія въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія государственной росписи. Въ томъ случаѣ, если заемъ требуется для покрытія расходовъ въ предѣлахъ росписи, получившей силу на основаніи ст. 60 настоящихъ законовъ, то осуществленіе такого займа совершается по в. е. и. в. указу.

Ст. 60^б: Государственные займы, потребные для покрытія чрезвычайныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 62 настоящихъ законовъ, разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ для открытія сихъ кредитовъ въ высоч. утвержд. 26 февраля 1890 г. правилахъ (3-е полн. собр. зак. т. X № 6609) ст. 60^а. Опредѣленіе способовъ и условій совершенія всѣхъ вообще государственныхъ займовъ возлагается на комитетъ финансовъ.

²⁾ Ст. 15 по проекту совѣта министровъ: По мнѣнію большинства, государь императоръ назначаетъ предсѣдателя министровъ, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, а также прочихъ должностныхъ лицъ, если для послѣднихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія. Власти его предоставляется увольненіе отъ государственной службы всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ. Равнымъ образомъ власти е. и. в. принадлежитъ опредѣленіе окладовъ содержанія и назначеніе размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ ли-

того или иного направленія. Послѣдній разъ принципъ этотъ былъ нарушенъ въ восьмидесятихъ годахъ: тогда устранили судей съ монархическими традиціями. Въ то время дали министрамъ три мѣсяца срока, чтобы расправиться съ судьями, какъ они желали, и они расправились. Также и у насъ въ переживаемое время нельзя закрыть возможности смѣнять судей. Они могутъ выносить революціонные приговоры, всегда оправдывать. Если признать ихъ несмѣняемыми, и Дума ихъ поддержитъ, что же тогда будетъ?

Е. и. в. Какой же практическій выходъ? Если пришлось бы принять это постановленіе, то какъ это сдѣлать?

М. Г. Акимовъ. Нельзя не считаться съ тѣмъ, что если революція охватитъ судъ, то это будетъ величайшее бѣдствіе. Поэтому необходимо имѣть способы воздѣйствія на судъ въ этихъ крайнихъ случаяхъ. Но соотвѣтственное постановленіе надо изложить такъ, чтобы принципъ несмѣняемости не былъ отмѣненъ. Несомнѣнно, что независимымъ можетъ быть только несмѣняемый судья. Но, несмотря на это, во Франціи потребовалось смѣнить монархистовъ, а у насъ можетъ потребоваться поступить обратно. Если продолжится революція, то судьи могутъ перестать примѣнять законы, и сенатъ этому не въ состояніи будетъ помочь. По закону судьи—несмѣняемы, таковыми они по судебнымъ уставамъ и останутся. До сихъ поръ это не представляло неудобствъ, ибо, при неограниченности монарха, они все-таки фактически могли быть смѣнены; это всякій судья зналъ, и это его удерживало отъ крайностей. Если же теперь принять обсуждаемую статью въ редакціи меньшинства, и судьи будутъ считать себя окончательно несмѣняемыми, то ручаться за послѣдствія невозможно. Тогда, если революціонное движеніе захватитъ суды, это будетъ конецъ государству. Къ несчастію, въ отдѣльныхъ случаяхъ эти опасенія уже оправдываются. Но пока—это отдѣльные

дамъ, коимъ таковыя не установлены закономъ, а также пожалованія служащимъ усиленныхъ окладовъ и назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ.—По мнѣнію меньшинства, государь императоръ назначаетъ и увольняетъ предсѣдателя совѣта министровъ, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, а также прочихъ должностныхъ лицъ, если для послѣднихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и увольненія. Равнымъ образомъ власти е. и. в. принадлежатъ опредѣленіе окладовъ содержанія и назначеніе размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ таковыя не установлены закономъ, а также пожалованіе служащимъ усиленныхъ окладовъ и назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ.— Вторую часть статьи 16 (по мнѣнію большинства) отъ словъ: Равнымъ образомъ... и до конца министръ внутр. дѣлъ полагалъ исключить, замѣнивъ ее особою статьею въ слѣдующей редакціи: государь императоръ опредѣляетъ, въ предѣлахъ штатнаго росписанія ассигнуемыхъ по государственной росписи суммъ, число должностныхъ лицъ по каждой отрасли управленія и размѣры ихъ содержанія. Равнымъ образомъ власти государя императора принадлежатъ: а) опредѣленіе окладовъ содержанія и размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ содержаніе и пенсія не установлены закономъ; б) пожалованіе служащимъ на государственной службѣ усиленныхъ окладовъ и в) назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ.

случаев; съ ними можно бороться. Если же революція охватить всѣхъ судей, то съ этимъ нельзя будетъ справиться иначе, какъ путемъ ихъ увольненія.

И. Л. Горемыкинъ. Практически никогда не возникало предположенія, что нельзя избавиться отъ судей. У насъ есть дисциплинарный судъ, котораго во Франціи нѣтъ. Онъ можетъ устранить судью въ короткій срокъ. Министръ юстиціи можетъ устранить судью временно отъ должности, уволить его въ отпускъ и передать дѣло въ дисциплинарный судъ. Хотя бы дисциплинарный судъ и рѣшилъ дѣло черезъ годъ, то это не опасно: судья дѣйствовать не будетъ, онъ будетъ получать только содержаніе. Неосторожно въ настоящее тревожное время, когда всѣ стали такъ чутки ко всякаго рода гражданскимъ свободамъ, умалять престижъ судей. Нельзя отнимать то, что даровано населенію уставами императора Александра II, тѣмъ болѣе, что есть иной путь для удовлетворенія существенныхъ потребностей. Поэтому начало несмѣняемости не слѣдуетъ отмѣнять ни прямо ни косвенно, это будетъ только поводомъ къ нареканіямъ. Если же государственная безопасность того потребуетъ, то даже можно суды временно закрыть.

Графъ С. Ю. Витте. Въ сущности, закона о несмѣняемости у насъ не существуетъ, ибо, при неограниченной власти монарха, онъ и въ этомъ не былъ ограниченъ. Но разъ этой неограниченной власти больше не будетъ, то возникнетъ совсѣмъ иное положеніе.

Графъ К. И. Паленъ. Надо надѣяться, что съ учрежденіемъ Думы министры не будутъ назначаться и увольняться по желанію ея большинства. Вѣдь, е. в. король датскій 30 лѣтъ держалъ министерство, находившееся въ оппозиціи съ парламентомъ. То же самое было и въ Пруссіи. Я надѣюсь, что у насъ никогда не будетъ того, что дѣлается во Франціи. Значитъ, на министровъ можно будетъ положиться. Но принять постановленіе, предлагаемое графомъ С. Ю. Витте, это значитъ вносить недовольство. Недовольныхъ и безъ того много. Дворянство всегда было опорой престола, предводители ихъ служили безвозмездно, но новыми законами они будутъ раздражены. Хотятъ то же самое сдѣлать съ судьями. Въ бытность мою министромъ юстиціи, я имѣлъ много непріятностей отъ ихъ несмѣняемости. Но надо быть хладнокровнымъ и не выходить изъ терпѣнія. Надо помнить, что безъ несмѣняемости правды не существуетъ. Великій принципъ «la force de la cause jugée» долженъ быть соблюденъ. Для этого члены суда должны быть несмѣняемы. Самая слабая сторона — это судебные слѣдователи. Въ принципѣ они тоже должны быть несмѣняемы, но чтобы избѣжать этого, ихъ назначаютъ исправляющими должность. Несмѣняемость судей введена судебными уставами императора Александра II. Что обѣщано однимъ царемъ, обязательно для другого. Несоблюденіе этого начала погубило французскаго короля Людовика XVI. Одно государство

держало всегда свои обѣщанія — это Пруссія, и тамъ существуетъ порядокъ. Если вы, государь, отмѣните несмѣняемость, то бросите Россію на путь Франціи. Вы нарушите начала, установленныя императрицею Екатериною II-й и императоромъ Александромъ II. Ихъ надо сохранять и отстаивать для блага Россіи. Чѣмъ крѣпче человѣкъ сидитъ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ убѣжденія его устойчивѣе.

Э. В. Фришъ. Несмѣняемость судей существуетъ у насъ не только съ 1864 года, а съ давнихъ поръ, со временъ императрицы Екатерины II. Избранные дворянствомъ, согласно учрежденію о губерніяхъ, судьи не могли быть увольняемы безъ суда. Этотъ порядокъ не приносилъ вреда, а напротивъ того, признавался полезнымъ. Начало несмѣняемости затѣмъ введено было въ судебныя уставы, изданные императоромъ Александромъ Николаевичемъ; наконецъ, въ царствованіе родителя вашего и. в. это начало распространено на земскихъ начальниковъ въ виду возложенія на нихъ судейскихъ обязанностей. Такимъ образомъ, начало несмѣняемости вошло во всеобщее сознаніе. Какимъ же образомъ можно теперь рѣшиться это начало отвергнуть? А между тѣмъ, редакція статьи 15, по мнѣнію большинства членовъ совѣта министровъ, прямо отвергаетъ несмѣняемость. Я думаю, что отмѣна ея была бы ошибкою.

Е. и. в. Я ничего не имѣю противъ несмѣняемости...

А. А. Сабуровъ. Я позволю себѣ напомнить, что вопросъ о несмѣняемости возбуждался при учрежденіи высшаго дисциплинарнаго суда въ составѣ кассаціоннаго сената, кажется, въ 1883 году; и тогда не рѣшились отмѣнить несмѣняемость, а ввели дисциплинарный судъ, которому даны широкія полномочія въ отношеніи увольненія судей, недостойныхъ судейскаго званія. При посредствѣ этой коллегіи, министръ юстиціи всегда имѣетъ возможность добиться увольненія судьи, оказавшагося по образу жизни или своему поведенію несоотвѣтствующимъ занимаемой имъ должности. Поэтому вопросъ, нами обсуждаемый, далеко не имѣетъ той остроты, какая ему придается.

М. Г. Акимовъ. Противъ принципа несмѣняемости я, какъ и всѣ другіе, не могу возражать. Желательно, однако, было бы указать, что въ случаяхъ исключительныхъ государь императоръ можетъ принимать чрезвычайныя мѣры въ отношеніи слѣбны судей. Что касается второй части статьи 15, то она соотвѣтствуетъ II тому, ибо, очевидно, оклады содержанія и пенсій, не установленныя закономъ, опредѣляются государемъ императоромъ.

Е. и. в. Въ первомъ проектѣ, однако, этого правила совсѣмъ не было.

П. Н. Дурново. Въ проектѣ не то, что въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Въ проектѣ предполагается представить назначеніе пенсій единоличной власти государя, до сихъ же поръ усиленныя пенсіи шли черезъ комитетъ министровъ. Лично госу-

дарь назначать пенсіи только за услуги исключительныя, которыя онъ одинъ могъ оцѣнивать.

А. А. Сабуровъ. При назначеніи окладовъ содержанія п пенсій всегда будетъ возникать вопросъ о средствахъ. Оклады, которые не установлены закономъ, должны опредѣляться Думою и Государственнымъ Совѣтомъ. А усиленныхъ окладовъ вовсе не надо назначать. Что же касается пенсій, то тѣ, которыя установлены по росписи 1906 года, въ росписи будутъ вноситься не для обсужденія, а только для свѣдѣнія.

Графъ С. Ю. Витте. Такъ поставить вопросъ нельзя. У насъ есть тайные агенты заграницею; ихъ надо содержать. Министрамъ надо назначать усиленные оклады. Наконецъ, есть суммы на извѣстное е. в. употребленіе. Дума ихъ не дастъ.

Графъ К. И. Паленъ. Пенсіонный уставъ крайне неудовлетворителенъ. Его давно хотятъ пересмотрѣть, но все не рѣшаются. Если желаете, чтобы люди получали по заслугамъ, то надо издать немедленно новый пенсіонный уставъ.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Пенсіонный уставъ изданъ 40 лѣтъ тому назадъ. Онъ дѣйствительно нуждается въ пересмотрѣ, но работа эта сложная и потребуетъ много времени.

Графъ С. Ю. Витте. Если пересмотрѣть пенсіонный уставъ, то расходъ на пенсіи вмѣсто 50 милліоновъ составитъ 100 милліоновъ — это очень дорогая вещь. Назначеніе усиленныхъ пенсій, по революціямъ в. и. в., составляетъ экономію. Я полагаю бы утвердить 2 часть устава 15 и въ крайнемъ случаѣ оговорить, что правило это издается до пересмотра устава о пенсіяхъ.

П. Н. Дурново. Нельзя же поставить государя въ такое положеніе, что онъ рубля не можетъ дать служащимъ ему и государству.

Е. и. в. велик. кн. Николай Николаевичъ. Необходимо сказать, что эти вопросы разрѣшаются единоличнымъ усмотрѣніемъ в. и. в. Законъ долженъ дать вамъ неотъемлемое право назначать оклады содержанія и пенсій.

А. С. Танѣевъ. Это тѣмъ болѣе правильно, что статьею 548 устава о службѣ, по опредѣленію отъ правительства, это право уже предоставлено в. и. в.

П. Н. Дурново. Древнее право царей — право жаловать своихъ слугъ — должно быть сохранено за монархомъ.

Е. и. в. По статьѣ 15 я склоняюсь къ мнѣнію меньшинства. Далѣе.

А. С. Танѣевъ. Статью 16 ¹⁾ слѣдовало бы дополнить указаніемъ, что государемъ императоромъ непосредственно опредѣляются условія и порядокъ пожалованія титуловъ, орденовъ и отличій.

¹⁾ Ст. 16 по проекту совѣта министровъ: Государь императоръ жалуетъ титулы, ордена и другія государственныя и сословныя отличія.

Э. В. Фришъ. Учрежденіе орденовъ всегда имѣнялось, помимо законодательнаго порядка, по докладамъ капитула орденовъ.

И. Я. Голубевъ. Въ статьѣ 16 вмѣсто указанія на словенныя отличія надо прямо упомянуть о дарованіи правъ состоянія.

Е. и. в. Принять эти замѣчанія по статьѣ 16 при окончательномъ ея редактированіи. Далѣе.

И. Я. Голубевъ. Статья 17 въ редакціи, предлагаемой министромъ императорскаго двора ¹⁾, не отвѣчаетъ существу нашего законодательства. Необходимо принять въ соображеніе статью 412 нашихъ гражданскихъ законовъ. Должно быть проведено различіе между имуществами личными и царствующаго императора. Относительно имущества личнаго, всѣ вопросы могутъ разрѣшаться по личному государя императора повелѣнію. Что же касается имущества царствующаго императора, называемыхъ въ статьѣ 412 государевыми, то относительно ихъ существуютъ особыя постановленія; по статьѣ 412 они всегда принадлежатъ царствующему императору и не подлежатъ раздѣлу, отчужденію или завѣщанію. Въ отношеніи этого рода имущества слѣдовало бы оговорить, что они управляются по непосредственнымъ повелѣніямъ царствующаго императора, въ распоряженіе котораго поступаютъ доходы сихъ имѣній.

Э. В. Фришъ. Надо найти такую редакцію, чтобы всѣ права государя императора сохранились и впредь. Между прочимъ, надо удержать въ силѣ и то правило, что всѣ имущества государя не подлежатъ обложенію.

А. А. Сабуровъ. Все же надо опредѣлить пространство и свойство правъ государя императора на имущества. Не можетъ же государь самъ разрѣшать гражданскіе споры?

Графъ С. Ю. Витте. Надо имѣть въ виду Алтайскій и Нерчинскій округа, такъ называемыя, кабинетскія земли. По пространству это цѣлое государство. Тамъ существуютъ вопросы переселенческій и многіе другіе. Если не оградить эти округа отъ внимательства Думы въ распоряженіе ими, то она подниметъ о нихъ эти вопросы. Необходимо изложить статью такъ, чтобы эти округа считались неприкосновенной собственностью государя императора.

И. Я. Голубевъ. Въ статьѣ 412 законовъ гражданскихъ перечислены, кромѣ кабинетскихъ, нѣкоторыя другія дворцовыя имѣнія. Если изложеніе этой статьи недостаточно, то ее надо дополнить.

А. С. Стишинскій. Надо постановить, что отводъ земель въ Алтайскомъ округѣ производится не иначе, какъ по высочайшему повелѣнію.

¹⁾ Ст. 17 въ редакціи, предложенной министромъ императорскаго двора и удѣловъ (см. выше стр.).

Графъ С. Ю. Витте. Необходимо такъ обставить дѣло, чтобы, когда Дума коснется вопроса о частной собственности, правительство могло сказать, что частной собственности государя императора касаться нельзя. Я убѣжденъ, что въ Думѣ возникнуть вопросъ о частной собственности. Поэтому то и нужно устранить возможность даже обсужденія этого вопроса въ отношеніи царской собственности.

Е. и. в. Всѣ эти вопросы, какъ я сказалъ, придется еще обсудить въ отдѣльномъ совѣщаніи. Перейдемъ къ слѣдующей 18 статьѣ.

П. Н. Дурново. Въ этой статьѣ ¹⁾ надо исключить слова: Россійской имперіи, такъ какъ можетъ понадобится объявить военное положеніе и въ Финляндіи.

Е. и. в. Слѣдуетъ исключить эти слова.

Графъ С. Ю. Витте. Я нахожу недостаточнымъ статью 18 и полагаю, что въ основные законы необходимо ввести новую статью слѣдующаго содержанія: «государь императоръ, въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, издаетъ указы въ видахъ предотвращенія грозящей государственному порядку опасности. Дѣйствіе такихъ указовъ прекращается немедленно по минованіи указанныхъ обстоятельствъ». Эту статью я считаю необходимою.

А. А. Сабуровъ. По моему она лишняя, ибо въ проектѣ есть статья 36 ¹⁾. Совершенно вѣрно, что правительству, въ особыхъ обстоятельствахъ, должны быть даны исключительныя полномочія. Но все-таки эти полномочія должны быть опредѣлены. При введеніи положенія объ усиленной охранѣ, полномочія правительства весьма широки. Если эти полномочія въ чемъ-либо недостаточны, ихъ надо пересмотрѣть и все-таки указать ихъ предѣлы. До 1903 года по полицейскимъ дознаніямъ испрашивались высочайшія повелѣнія. Оказалось, что безъ суда ссылалось около 5000 человѣкъ въ годъ. Это приготовило почву къ революціи, которую мы теперь переживаемъ. Ссылка каждаго возбуждала неудовольствіе всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ, скажемъ, человѣкъ 20 за каждаго; значитъ, образовывалось 100 тысячъ недовольныхъ въ годъ. Они обвиняли правительство въ произволѣ и имѣли ореолъ мученичества. Такимъ образомъ создавались враги правительства и революціонеры. Это одна изъ причинъ революціи. Нельзя держать страну въ безправіи. Въ настоящее время не надо допускать повторенія ошибокъ. Надо наказывать только по закону, какъ бы строгъ законъ ни былъ. Нельзя основывать управленіе на штыкахъ.

П. Н. Дурново. Административныя мѣры были введены

¹⁾ Ст. 18 по проекту совѣта министровъ: (см. выше стр. 210).

²⁾ Ст. 36 по проекту совѣта министровъ: Закономъ могутъ быть установлены пазятія изъ дѣйствія паложенныхъ въ сей главѣ постановленій въ отношеніи лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной или гражданской службѣ, а также мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи исключительномъ. Ограниченія въ примѣненіи указанныхъ постановленій опредѣляются закономъ. Существующія въ семъ отношеніи особыя постановленія сохраняють свою силу впредь до измѣненія ихъ въ установленномъ порядкѣ.

потому, что наказанія по суду оказывались слишкомъ тяжкими, и ихъ не примѣняли. Что касается цифръ, приведенныхъ А. А. Сабуровымъ, то онѣ неточны. Новая статья нужна, и никакихъ особыхъ неудовольствій она не встрѣтитъ.

Князь А. Д. Оболенскій. Вѣдь проектируемая въ дополненіе статьи 18 мѣры будутъ дѣйствовать, насколько я понимаю, сверхъ положеній объ усиленной охранѣ. Но тогда это будетъ равносильно отмѣнѣ учрежденій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

Е. и. в. Этого не можетъ быть, ибо мѣры, предусматриваемыя новою статьею, могутъ быть примѣняемы лишь при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ.

И. Л. Горемыкинъ. Во всѣхъ иностранныхъ государствахъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ принимаются крайне строгія мѣры.

Э. В. Фришъ. Да. Но такія мѣры въ иностранныхъ государствахъ предусмотрены закономъ, а въ данномъ случаѣ предполагается совсѣмъ другое, чего и до настоящаго времени даже никогда не было.

П. Н. Дурново. Это совершенно справедливо. Но и такого положенія, въ которомъ находится въ настоящее время Россія, тоже никогда не было. У насъ есть усиленная и чрезвычайная охрана, но проектируемая мѣра должна дѣйствовать сверхъ ихъ. Статья эта должна имѣть примѣненіе только въ томъ случаѣ, когда грозитъ опасность государственному порядку и самому существованію государства. Тогда порядокъ долженъ быть восстановленъ указами, которые никакой законъ не можетъ нормировать. Конечно, если быть увѣреннымъ, что военное положеніе останется безъ измѣненія, то быть можетъ чрезвычайныхъ мѣръ и не нужно было бы. Но военное положеніе можетъ быть Думой пересмотрѣно. Согласно же новой статьѣ, указомъ можетъ быть все упразднено. Необходимость въ этомъ можетъ возникнуть. У насъ вообще администраторы или ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ очень много—середины нѣтъ. Между тѣмъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, полномочіе на принятіе чрезвычайныхъ мѣръ необходимо.

Э. В. Фришъ. Это поведетъ къ тому, что отвѣтственность начальниковъ будетъ перенесена на монарха. Я не вижу къ тому достаточныхъ основаній. Все равно указъ нужныхъ людей не создастъ.

Графъ К. И. Паленъ. Надо бы примѣнить австрійскій законъ.

Э. В. Фришъ. Вопросъ о необходимости пересмотра положеній объ усиленной охранѣ и военного положенія давно поставленъ на очередь. Почему же по этимъ предметамъ до сихъ поръ нѣтъ законопроекта?

Графъ С. Ю. Витте. Законамъ объ усиленной охранѣ и военномъ положеніи я не сочувствую. Особенно ужасны способы ихъ примѣненія. Ихъ не надо усиливать; эти законы и безъ того

губительны. Я увѣренъ, что Дума ихъ пересмотритъ и отмѣнитъ. Немыслимъ правовой порядокъ, если изъ-за доноса жандарма ссылаютъ, сбькутъ и т. п. Вопросъ объ отмѣнѣ положенія объ усиленной охранѣ, конечно, возбудятъ, и я не знаю, какъ противъ этого будутъ возражать, ибо самое положеніе дѣйствительно очень плохо. Но если будетъ принята новая статья, то будетъ совершенно иная постановка. Во всѣхъ государствахъ бывали такія минуты, когда становился необходимымъ *coup d'état*. Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось этого пережить. Но если придется, то лучше имѣть въ этомъ случаѣ возможность опереться на законъ, чтобы можно было совершить не *coup d'état*, а произвести переворотъ на основаніи закона.

Графъ К. И. Паденъ. Надо, чтобы была сильная власть, которая могла бы энергично дѣйствовать въ случаѣ надобности. Но нужно оберечь государя императора, нужно, чтобы особа его стояла въ сторонѣ.

Е. и. в. велик. кн. Николай Николаевичъ. Аргументы за опасность изданія этого закона основательны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что законъ о военномъ положеніи измѣнитъ Дума. Для того, чтобы этого не могло быть, надо починъ пересмотра этого закона оставить за государемъ императоромъ.

Графъ С. Ю. Витте. Необходимо, чтобы вся Россія знала, что государь императоръ можетъ принять исключительныя мѣры, въ потребныхъ случаяхъ, и что это не будетъ *coup d'état*.

П. Н. Дурново. Опасность грозить государству великая. У насъ есть исключительное и военное положеніе. Для мѣстныхъ безпорядковъ они достаточны, и уничтожить эти положенія безъ высочайшаго соизволенія Дума не можетъ. Проектируемыя же въ новой статьѣ мѣры имѣютъ въ виду опасность высшаго порядка. Ихъ придется ввести въ дѣйствіе на тотъ случай, когда нужно будетъ сказать, что Дума и Совѣтъ не существуютъ. Несомнѣнно, что это будетъ государственный переворотъ, но его лучше основать на законѣ.

М. Г. Акимовъ. Во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ законовъ, которые предусматривали бы государственный переворотъ. Безпорядки можно усмирять на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Предусматривать же въ основныхъ законахъ государственный переворотъ—пагубно. Если есть сила, можно совершить переворотъ и безъ закона. Если ея нѣтъ, то и съ закономъ переворотъ не сдѣлаешь.

Э. В. Фришъ. Если включить такое постановленіе въ основные законы, то это поведетъ только къ возбужденію народа, но пользы не принесетъ. Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ М. Г. Акимова.

А. А. Сабуровъ. Такое постановленіе возбудитъ недовѣріе народа не только къ правительству, но и къ вамъ, государь. Тогда не повѣрятъ, что вы сами отказались отъ вашихъ правъ. Скажутъ, что вы сами предвидѣли государственный переворота.

Е. и. в. Я соглашаюсь новой статьи не вводить.

Графъ С. Ю. Витте. Въ проектѣ, внесенномъ въ совѣтъ министровъ, была статья о томъ, что исходящіе отъ государя императора акты по управленію государствомъ скрѣпляются предсѣдателемъ совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ. Статья эта затѣмъ совѣтомъ была исключена. Я не знаю, надо ли устанавливать правило о томъ, что министры скрѣпляютъ высочайшіе указы. Говорятъ, что этимъ способомъ министры отвѣчаютъ за содержаніе указовъ. Но съ другой стороны, выйдетъ, что государь будетъ издавать только такіе указы, на которые министры согласны. Одни скажутъ, что этимъ отнимается послѣдняя власть у государя, а другіе скажутъ, что министры, благодаря скрѣпѣ, являются отвѣстными за указы передъ Думой и Совѣтомъ. Министрамъ скажутъ: вы могли бы не скрѣплять указа, а если его скрѣпили, то, значить, взяли на себя отвѣтственность за его содержаніе. Между тѣмъ, согласно установившемуся у насъ строю, министръ можетъ уйти со службы только тогда, когда онъ сознаетъ, что онъ не можетъ вести вѣренное ему дѣло. Его несогласіе по тому или иному вопросу не можетъ служить причиною его выхода въ отставку.

Графъ Д. М. Сольскій. Министръ, когда онъ несогласенъ, долженъ представить государю императору всѣ доводы, обуславливающіе его несогласіе.

Графъ С. Ю. Витте. Если министръ порядочный человекъ, онъ никогда не будетъ рассказывать думѣ и совѣту, представлялъ ли онъ по данному дѣлу государю императору возраженія или нѣтъ.

Е. и. в. Вѣдь этой статьи нѣтъ въ совѣтскомъ проектѣ?

Графъ С. Ю. Витте. Нѣтъ.

Е. и. в. Такъ пойдемъ дальше. Но статья 19 есть ли замѣчанія?

Э. В. Фришъ. Вторая часть статьи 19 ¹⁾ мнѣ кажется лишнею. Вообще я предпочелъ бы изложеніе этой статьи по первоначальному проекту.

А. А. Сабуровъ. Нѣтъ основаній вводить въ основные законы такіа указанія, какъ утвержденіе государемъ императоромъ судебныхъ приговоровъ или возбужденіе и прекращеніе судебного преслѣдованія въ случаяхъ, закономъ указанныхъ. Въ своемъ мѣстѣ всѣ эти указанія уже содержатся.

Е. и. в. Принять редакцію первоначального проекта.

Баронъ А. А. Будбергъ. Въ 20 статьѣ ²⁾ надо указать

¹⁾ Ст. 19 по проекту, внесенному въ совѣтъ министровъ: Судебная власть осуществляется отъ имени государя императора установленными закономъ судами, рѣшенія коихъ приводятся въ исполненіе именемъ с. и. в.—Ст. 19 по проекту совѣта министровъ: Судебная власть осуществляется отъ имени г. в. д. импер. установленными закономъ судами. Ему, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, принадлежатъ утвержденіе судебныхъ приговоровъ, а также возбужденіе и прекращеніе судебного преслѣдованія.

²⁾ Ст. 20 по проекту совѣта министровъ: Государю императору принадлежатъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совѣ-

на право государя императора допускать изъятія изъ дѣйствія закона вслѣдствіе строгости послѣдняго. Въ государствахъ съ твердыми, современными законоположеніями, этого не нужно. Но въ Россіи сдѣлать этого въ полной мѣрѣ нельзя. Когда жизнь и законъ несогласны между собою, то вопросъ долженъ быть разрѣшенъ верховной властью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обращаются къ верховной власти. Нельзя поставить в. и. в. въ такое положеніе, чтобы вы, государь, должны были отвѣчать—не могу этого сдѣлать. Поэтому надо сказать, что, въ путяхъ монаршаго милосердія, допускаются изъятія изъ закона, когда этимъ не нарушаются чьи-либо права.

Э. В. Фришъ. Лучше бы всего придерживаться въ данномъ случаѣ дѣйствующаго закона, въ которомъ упоминается вообще о дарованіи милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные законами интересы и гражданскія права.

М. Г. Акимовъ. По моему необходимо оговорить, что монарху принадлежитъ прошеніе совершившихъ преступленія съ прекращеніемъ судебного противъ нихъ преслѣдованія. Бываютъ случаи, когда по высочайшему повелѣнію прекращается судебное преслѣдованіе.

Е. и. в. Слѣдуетъ принять эти замѣчанія во вниманіе при окончательномъ редактированіи статьи 20.

Князь А. Д. Оболенскій. Въ статьѣ 21 надо ясно выразить, что законовъ о вѣрѣ Дума безъ церкви касаться не можетъ.

Е. и. в. Эта статья еще подлежитъ отдѣльному разсмотрѣнію. На этомъ мы сегодня остановимся и соберемся завтра въ среду (12 апрѣля) въ 3 часа.

Засѣданіе 12 апрѣля 1906 года.

Е. и. в. Въ прошлый разъ мы дошли до II главы о подданныхъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Составлены новыя редакціи статей 11 и 13 ¹⁾.

шившихъ преступныя дѣянія, съ освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ монаршаго милосердія, казенныхъ взысканій.

¹⁾ Ст. 11. Государь императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, надаетъ въ соотвѣтствіе съ законами указы, необходимыя для исполненія законовъ, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія. Государемъ императоромъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, опредѣляется указами устройство отдѣльныхъ частей государственнаго управленія съ сохраненіемъ закономъ предоставленной имъ власти и лежащихъ на нихъ обязанностей въ предѣлахъ суммъ, назначенныхъ на сіе управленіе по государственной росписи доходовъ и расходовъ. Указы, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемые, обнародуются правительствующимъ сенатомъ.

Ст. 18. Государь императоръ есть "державный вожь" Россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и надаетъ указы и повелѣнія относительно: дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, строевого ихъ обученія, прохожденія службы чинами

Э. В. Фришъ. Въ проектѣ новой редакціи статьи 11 я думаю нужно сказать, что указы выдаются для частей управленія подчиненнаго, безъ нарушенія установленныхъ закономъ предѣловъ ихъ власти и полномочій.

Графъ С. Ю. Витте. Я полагалъ бы достаточнымъ сказать: государемъ императоромъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, опредѣляется указами и повелѣніями устройство отдѣльныхъ частей подчиненнаго ему управленія въ предѣлахъ суммъ, назначенныхъ на сіе по государственной росписи...

Е. и. в. Съ этимъ я соглашаюсь. По редакціи статьи 13 есть-ли замѣчанія?

Е. и. в. велик. кн. Николай Николаевичъ. Въ 13 статьѣ я полагаю выразить точно, что отъ государя императора зависитъ все, до военныхъ силъ и обороны государства относящееся.

Е. и. в. Я тоже признаю необходимымъ выразить это точно въ статьѣ 13. Перейдемъ ко II главѣ.

И. Я. Голубевъ. Въ главѣ II надлежитъ опредѣлить права всего населенія, а не однихъ только руссійскихъ подданныхъ. Поэтому статью 22 ¹⁾ можно оставить безъ перемѣны. Но въ остальныхъ статьяхъ необходимо упомянуть объ иностранцахъ, сказавъ, что на нихъ распространяются налоги, постановленія о союзахъ и обществахъ и т. д. Поэтому во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ нужно говорить не «руссійскіе подданные», а «каждый» — «всѣ».

Графъ С. Ю. Витте. Съ такою постановкой вопроса я не могу согласиться. Съ принятіемъ сдѣланнаго И. Я. Голубевымъ предложенія окажется, что иностранцы могутъ пріѣзжать въ Россію, устраивать митинги и входить въ полную жизнь государства. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что глава II вводитъ нѣкоторые ограниченія правъ. Если они коснутся иностранныхъ подданныхъ, то что скажутъ иностранныя государства? Проектъ не имѣлъ въ виду иностранныхъ подданныхъ.

М. Г. Акимовъ. Я нахожу, что основные законы должны касаться только русскихъ подданныхъ. Объ иностранцахъ сказано въ другихъ частяхъ свода законовъ.

Э. В. Фришъ. Однако въ проектѣ имѣется статья 35: иностранцы, въ Россіи пребывающіе, пользуются правами руссійскихъ подданныхъ съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ законами. Эта статья имѣетъ весьма большое значеніе, въ осо-

арміи и флота и всѣхъ вообще предметовъ, кои касаются непосредственно устройства вооруженныхъ силъ и обороны Россійскаго государства. Имъ же устанавливаются, въ порядкѣ верховнаго управленія, ограниченія въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимаго имущества въ мѣстностяхъ, которыя составляютъ крѣпостные районы и опорные пункты для арміи и флота.

¹⁾ Ст. 22 по проекту совѣта министровъ: Условія пріобрѣтенія правъ руссійскихъ подданныхъ, равно какъ ихъ утраты, опредѣляются закономъ.

бенности ея конецъ — объ ограниченіяхъ — и именно въ томъ смыслѣ, на который указываетъ графъ Сергій Юльевичъ. Можно измѣнить редакцію статьи, но ее слѣдуетъ сохранить въ проектѣ.

Е. и. в. Перейдемъ къ слѣдующимъ статьямъ главы II.

Д. М. Философовъ. Въ статьѣ 24 ¹⁾ надо сказать: платить установленные закономъ налоги...

Графъ К. И. Паленъ. По поводу 24 статьи у меня возникаетъ сомнѣніе, что будетъ, если Дума не утвердитъ смѣты? Какимъ образомъ тогда будутъ взыматься съ населенія налоги — очевидно, особыми распоряженіями правительства.

Графъ Д. М. Сольскій. Это сомнѣніе разрѣшается новыми смѣтными правилами 8 марта; въ нихъ предусмотрѣны послѣдствія неутвержденія Думою росписи.

Е. и. в. Есть-ли еще замѣчанія по главѣ II?

А. А. Сабуровъ. Въ статьѣ 26 ²⁾ слѣдовало бы употребить то же самое выраженіе, какое употреблено въ статьѣ 28 ³⁾, что никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею, иначе какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ, законами опредѣленныхъ.

И. Л. Горемыкинъ. Приведенныя статьи относятся къ различнымъ предметамъ. Статья 26 говоритъ о задержаніи подъ стражею, а въ 28 статьѣ говорится о неприкосновенности жилищъ.

Э. В. Фришъ. Оговорку, предлагаемую А. А. Сабуровымъ, слѣдуетъ принять, такъ какъ 26 статья не касается случаевъ исключительныхъ. Самое важное, чтобы было сказано, что никто не можетъ быть задержанъ не по закону. А порядокъ задержанія будетъ опредѣленъ въ законахъ и судопроизводствѣ.

П. Н. Дурново. Въ законѣ необходимо сказать, что полиція въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязана задерживать.

Графъ С. Ю. Витте. Весь этотъ отдѣлъ, съ практической точки зрѣнія, не имѣетъ значенія. Но, если издавать всѣ основныя законы, то и его надо включить. Неудобно, чтобы основныя законы были односторонніе и касались только прерогативъ верховной власти. Въ основныхъ законахъ надо также установить неизбѣжныя права населенія.

Графъ Д. М. Сольскій. Эти статьи составляютъ опредѣленіе дарованныхъ в. и. в. російскимъ подданнымъ свободъ. Статьи эти необходимы, чтобы выразить, что свободами можно пользоваться лишь въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ.

И. Л. Горемыкинъ. Я нахожу, что глава II не нужна.

¹⁾ Ст. 24 по проекту совѣта министровъ: Російскіе подданные обязаны платить установленные налоги и пошлыны, а также отбывать повинности, согласно постановленіямъ закона.

²⁾ Ст. 26 по проекту совѣта министровъ: Никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, чѣмъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ.

³⁾ Ст. 28 по проекту совѣта министровъ: Жилище каждаго неприкосновенно. Входъ должностныхъ лицъ въ жилище безъ согласія его хозяина или вступающаго его мѣсто, а равно производство въ жилищѣ, безъ такового же согласія, обыска или выемки допускаются не иначе, какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ.

Содержащіяся въ ней постановленія вызовутъ недоразумѣнія въ виду 55 статьи учрежденія Государственной Думы. Статья эта изъѣмлетъ эти вопросы изъ почина Думы, дабы она не могла поднять ихъ. Между тѣмъ во всѣхъ статьяхъ главы II говорится о случаяхъ и условіяхъ, закономъ опредѣленныхъ, а сами эти законы не изданы. Такимъ образомъ вопроса о свободѣ собраній въ Думѣ нельзя будетъ поднять, а о законахъ, регулирующихъ свободу собраній, поднять вопросъ будетъ можно. При такихъ условіяхъ, статья 55 утрачиваетъ всякое значеніе. Тѣ же соображенія примѣнимы и къ 30 статьѣ. Начинается эта статья съ твердаго положенія «собственность неприкосновенна», а въ послѣдующихъ ея строкахъ говорится, что принудительное отчужденіе имущества допускается только въ случаяхъ и порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ. Такимъ образомъ фактически Дума будетъ въ состояніи поднять вопросъ о собственности. Какое же вообще будетъ имѣть примѣненіе статья 55 во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, относительно коихъ въ основныхъ законахъ сказано, что они регулируются законами? Слѣдовательно, всѣ эти вопросы можно будетъ поднять въ Думѣ. Я полагаю, что основные законы нужно редактировать такъ, чтобы Дума не могла касаться всѣхъ этихъ вопросовъ, ибо при нынѣшней редакціи—что же не будетъ подлежать почину Думы? По моему мнѣнію, въ основныхъ законахъ главѣ II нѣтъ мѣста; она возбудитъ только недоразумѣнія.

Графъ Д. М. Сольскій. Глава II имѣетъ огромное значеніе. Она опредѣляетъ права населенія; если ее не помѣститъ въ основныхъ законахъ, то эти права останутся совершенно неопредѣленными. Глава II заключаетъ въ себѣ обѣщанія правительства, что въ основѣ права подданныхъ не будутъ измѣнены, а порядокъ осуществленія этихъ правъ опредѣлится законами, которые могутъ измѣняться по почину Думы. Если не издавать основныхъ законовъ полностью, то глава II не нужна, но если они будутъ изданы, то глава эта необходима. Иначе не будетъ твердыхъ правъ и можетъ возникнуть недовольство.

Графъ С. Ю. Витте. Профессоръ Максимъ Ковалевскій пишетъ въ газетахъ, что основные законы нужны. Конечно, онъ пишетъ объ этомъ только потому, что въ этихъ законахъ предусматриваются права подданныхъ. Если статьи эти исключить, будетъ общее негодованіе. Если вообще издавать основные законы, то необходимо главу II удержать. Такая глава имѣется во всѣхъ основныхъ законахъ.

Князь А. Д. Оболенскій. Этотъ отдѣлъ говоритъ, что данныя в. и. в. свободы регулируются законами. Это уничтожаетъ неправильное толкованіе предшествующихъ государственныхъ актовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это не будетъ новшествомъ, ибо въ статьѣ 45 дѣйствующихъ основныхъ законовъ говорится также о свободѣ вѣры.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Глава II опредѣляетъ не только права, но также и обязанности подданныхъ, напримѣръ, обязан-

ность отбывать воинскую повинность. Если ее не включить въ основные законы, то Дума может и ее отменить.

Е. н. в. Пойдемъ далѣе.

А. С. Стишинскій. Въ статьѣ 29 ¹⁾ надо сказать, что ограничительные законы сохраняютъ силу впредь до ихъ отмены, а конецъ статьи исключить.

Графъ С. Ю. Витте. Если конецъ 29 статьи по проекту совѣта министровъ не написать, то вся пресса скажетъ, что государь вторично подтвердилъ право евреевъ на свободное передвиженіе, и тогда его придется дать.

Графъ Д. М. Сольскій. Почему исключена прежняя статья 29 ²⁾, согласно коей частная переписка не подлежитъ задержанію и вскрытію за исключеніемъ случаевъ, закономъ определенныхъ?

Графъ С. Ю. Витте. Статья эта исключена потому, что при нынѣшней организаціи полиціи, судебной и сыскной части, безъ этого нельзя обойтись.

Э. В. Фришъ. Несмотря на то, что всѣми конституціями гарантирована тайна частной переписки, перлюстрація производится во всѣхъ странахъ, кромѣ, кажется, Англіи.

М. Г. Акимовъ. По моему, этой статьи исключать не слѣдуетъ. Надо, чтобы правительство не давало бы права на перлюстрацію. Судебные слѣдователи сами этого не производятъ; на это они испрашиваютъ разрѣшеніе суда. Во всѣхъ конституціяхъ неприкосновенность частной переписки гарантирована, и если этой статьи не будетъ, то скажутъ, что только въ Россіи такой гарантіи нѣтъ.

П. Н. Дурново. Будетъ масса жалобъ на рванные конверты.

Е. н. в. Далѣе.

И. Л. Горемыкинъ. Въ статьѣ 30 ³⁾ надо сказать, что отчужденіе собственности можетъ быть сдѣлано только для надобности государственныхъ учреждений. Если просто сказать, что принудительное отчужденіе допускается для государственной или общественной надобности, то это будетъ очень широко. Подъ это понятіе можно будетъ подвести все. Между тѣмъ, это положеніе

¹⁾ Ст. 29 по проекту совѣта министровъ: Каждый російскій подданный имѣетъ право свободно избирать и мѣнять мѣсто жительства и занятіе, приобретать и отчуждать имущество и безпрепятственно выѣзжать за предѣлы государства. Названія въ семъ отношеніи устанавливаются особыми законами. Существующія ограничительныя постановленія по отношенію къ свободѣ передвиженія, равно какъ пріобрѣтенія и отчужденія имущества, сохраняютъ силу впредь до измѣненія таковыхъ постановленій въ установленномъ порядкѣ.

²⁾ Ст. 29 проекта, внесеннаго въ совѣтъ министровъ: Частная переписка не подлежитъ задержанію и вскрытію за исключеніемъ случаевъ, закономъ определенныхъ.

³⁾ Ст. 30 по проекту совѣта министровъ: Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе имущества допускается въ случаяхъ и порядкѣ, закономъ определенныхъ, для государственной или общественной надобности, и притомъ не иначе, какъ за справедливое вознагражденіе.

вводится именно для того, чтобы законъ не могъ толковаться распространительно.

Графъ С. Ю. Витте. Если объявить крестьянамъ, что принудительное отчужденіе не допускается вовсе для надѣленія ихъ землею, то это будетъ величайшей ошибкой. Несомнѣнно, у насъ будетъ законъ, который допустить отчужденіе частной собственности въ пользу крестьянъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь императоръ долженъ будетъ утвердить такой законъ, ибо будетъ такое положеніе, что ему придется это сдѣлать, или все крестьянство встанетъ противъ верховной власти. Заранѣе сказать, что такой законъ въ Думѣ и обсуждаться не будетъ—это ошибка. Проектъ Н. Н. Кутлера я считаю вреднымъ не потому, что собственность священна, но потому, что для государства вредно уничтоженіе культурныхъ хозяйствъ. Даже консервативныя партіи соглашались сдѣлать въ этомъ вопросѣ уступки, допуская принудительное отчужденіе для уничтоженія череполосности. Какъ же государь императоръ можетъ сказать, что принудительное отчужденіе допускается только для потребностей государственныхъ учреждений, а не для крестьянскихъ нуждъ, когда эти послѣднія имѣютъ государственное значеніе?

Графъ К. И. Паленъ. Основаніе государственнаго благосостоянія состоитъ въ охраненіи священнаго принципа собственности. Тамъ, гдѣ въ земляхъ окажется нужда, ихъ можно будетъ добровольно купить. Дума, которая будетъ состоять преимущественно изъ крестьянъ, должна это знать. Если поколебать собственность, то нужно все бросить. Допущеніе принудительнаго отчужденія собственности для надѣленія крестьянъ—это колебаніе основъ государства.

Е. и. в. велик. князь Николай Николаевичъ. Въ основныхъ законахъ необходимо ясно подтвердить неприкосновенность собственности. Этому постановленію должна быть дана самая ясная и опредѣленная редакция.

И. Л. Горемыкинъ. То, что говоритъ графъ Витте, представляетъ большую опасность. Неприкосновенность собственности должна быть установлена въ ясной редакціи, чтобы устранить возможность поползновенія Думы къ надѣленію крестьянъ землей на счетъ частной собственности. Русскій народъ пойметъ, что обсужденіе этого вопроса можетъ быть допущено только по инициативѣ в. и. в. Иначе—это впередъ давать твердую почву пропагандѣ и создавать неосуществимыя требованія. Дума на нихъ несомнѣнно пойдетъ, чтобы угодить крайнимъ элементамъ. Разумные крестьяне сами приобрѣли себѣ собственность при помощи крестьянскаго банка, за что они весьма благодарны правительству. Проекты, въ родѣ Н. Н. Кутлера, производятъ неудовольствіе даже въ крестьянской средѣ. Поэтому, если предполагать, что Дума подниметъ вопросъ о передѣлѣ земли, то надо ясно и опредѣленно преградить ей къ этому путь. Если принципы собственности признаются, то нельзя оставлять въ этомъ вопросѣ

щели. Революціонная пропаганда привлекаетъ темную толпу. Пусть крестьянство ожидаетъ помощи отъ в. и. в., а не отъ Думы и не отъ тѣхъ, кто въ нее проникнетъ. Если нужно будетъ землеустройство, то пусть оно будетъ, какъ и въ 1861 году, исходить отъ императорской власти. Первоначальную редакцію статьи 31 ¹⁾ я тоже не могу принять, такъ какъ 55 статья учрежденія Государственной Думы колеблетъ ея стойкость.

П. Н. Дурново. Предложенная Иваномъ Логгиновичемъ редакція статьи 30 не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ случаевъ. Бываютъ отчужденія на частныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ. По дѣйствующему закону можно производить отчужденія для предпріятій, связанныхъ съ общественною пользою. Подъ редакцію же, предлагаемую Иваномъ Логгиновичемъ, эти случаи не подойдутъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Я бы сказалъ, что принудительное отчужденіе допускается для государственныхъ польвъ. Надо сказать, что принудительное отчужденіе допускается только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ для государственныхъ надобностей и польвъ, употребивъ въ статьѣ то выраженіе, которое имѣется въ нашихъ законахъ гражданскихъ.

И. Л. Горемыкинъ. Если въ статьѣ употребить выраженіе, что принудительное отчужденіе допускается въ случаяхъ, дѣйствующимъ закономъ опредѣленныхъ, то это устранить мои сомнѣнія.

Графъ С. Ю. Витте. Если изложить статью, какъ предлагаетъ И. Л. Горемыкинъ, то Думу придется разогнать черезъ два мѣсяца, и произойдетъ революція. Запретить думѣ касаться вопроса о частной собственности—это разомъ возстановитъ Думу противъ правительства. Если это послѣднее не спасуетъ, дѣйствительно, не дастъ обсуждать проектъ объ отчужденіи частной собственности въ пользу крестьянъ и не допустить, чтобы онъ пошелъ въ Государственный Совѣтъ, то черезъ два мѣсяца придется думу разогнать штыками. Я не умѣю пророчествовать, какъ И. Л. Горемыкинъ. Это преимущество я ему предоставляю. Но я шесть мѣсяцевъ стою у дѣлъ и лучше его знаю ихъ положеніе. Въ Думу попадутъ лица, которыя на первое мѣсто поставятъ крестьянскій вопросъ. Но засимъ въ самой Думѣ составитъ большинство, которое, по цифровымъ даннымъ, скажетъ, что надѣленіе крестьянъ невозможно. Въ настоящее время этотъ вопросъ кадеты замалчиваютъ, а въ Думѣ они сами откажутся отъ своего проекта, такъ какъ поймутъ, что осуществить его невозможно. Первый на это не пойдетъ профессоръ Ковалевскій, который самъ богатый землевладѣлецъ и умный человекъ. Такимъ образомъ, съ этой стороны опасности нѣтъ. Сама Дума отвергнетъ этотъ проектъ.

¹⁾ Ст. 81 проекта, внесеннаго въ совѣтъ министровъ: Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе имущества допускается только въ случаяхъ и въ порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ.

Даже если бы этого не случилось, то государственный совѣтъ его отклонить, наконецъ—государь не утвердитъ. Но сдѣлать такъ, какъ совѣтуетъ И. Л. Горемыкинъ, это заранее составлять планъ общей революціи въ Россіи.

Графъ К. И. Паленъ. А если дума захочетъ отобрать всѣ земли, тогда ее навѣрно придется распустить и, можетъ быть, даже разогнать штыками. Нельзя допустить, чтобы она занималась этимъ вопросомъ.

И. Л. Горемыкинъ. Если только допустить, какъ полагаетъ графъ Витте, обсужденіе этого проекта въ думѣ, то ее придется брать въ штыки. Дума постановитъ обратить земли въ *Nationaleigenthum*. Если дума это постановитъ, а государственный совѣтъ или верховная власть отклонятъ, то это именно и будетъ началомъ революціи, которая въ настоящее время не имѣетъ подъ собою почвы. Идти на это—это значить играть въ руку тѣмъ, кто ищетъ создать почву для революціи, причемъ такой, которая имѣла бы видъ популярной.

П. Н. Дурново. Нужно употребить то же выраженіе, какое имѣется въ законахъ гражданскихъ.

Э. В. Фришъ. Весьма важно, чтобы не было противорѣчія съ законами гражданскими, которые не имѣются въ виду мѣнять. Тамъ сказано, что принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за сираведливое и приличное вознагражденіе. Такъ и нужно сказать въ разсматриваемой статьѣ.

Е. и. в. Я съ этимъ согласенъ. Пойдемъ дальше.

Э. В. Фришъ. Въ статьѣ 34 ¹⁾ необходимо закрѣпить провозглашенное въ указѣ 17 апрѣля 1905 года начало допустимости перехода изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое.

Е. и. в. Я не вижу къ тому препятствій.

О. О. Эйхельманъ. Правильнѣе сказать, что переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое не возбраняется, условія же такого перехода опредѣляются закономъ. Разрѣшите мнѣ, всемилостивѣйшій государь, сказать нѣсколько словъ по поводу основныхъ законовъ.

Е. и. в. Говорите.

О. О. Эйхельманъ. Понятіе объ основныхъ государственныхъ законахъ появилось въ нашемъ законодательствѣ въ 1797 году, когда импер. Павелъ издалъ учрежденіе объ императорской фамиліи и законъ о престолонаслѣдіи. Засимъ понятіе объ основныхъ законахъ Россійской имперіи получило значительное расширеніе, когда въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка приступили къ консолидаціи и кодификаціи нашего обильнаго и

¹⁾ Ст. 34 по проекту совѣта министровъ: Россійскіе подданные пользуются свободой вѣроисповѣданія по велѣніямъ своей совѣсти. Условія перехода изъ одного вѣроисповѣданія и вѣроученія въ другое опредѣляются закономъ.

обширнаго законодательнаго матеріала въ одинъ общій объединенный и систематизированный сводъ законовъ при императорѣ Николаѣ I. Этотъ трудъ исполнилъ знаменитый графъ Сперанскій. Основные законы распределены имъ на два раздѣла: первый содержитъ въ себѣ статьи о священныхъ правахъ и преимуществахъ верховной самодержавной власти, второй—учрежденіе объ императорской фамиліи. Въ первомъ раздѣлѣ Сперанскій собралъ и такія, формулированныя имъ въ статьяхъ законовъ, правоположенія, которыя собственно подъ понятіе непоколебимыхъ священныхъ правъ верховной власти и не подходятъ; такъ, напримеръ, статьи о законахъ, которыя суть просто-напросто аксіомы въ юриспруденціи. Полная ясность, точно выдержанная послѣдовательность систематики въ изложеніи раздѣла перваго, такимъ образомъ, все-таки не спасли отъ другихъ очевидныхъ погрѣшностей. И всемогущій кодификаторскій авторитетъ знаменитаго Сперанскаго не могъ этого предупредить.

Э. В. Фришъ. Однако, до сихъ поръ графъ Сперанскій признавался и признается лучшимъ кодификаторомъ...

О. О. Эйхельманъ. Наряду съ раздѣломъ первымъ, второй раздѣлъ въ систематическомъ отношеніи, въ смыслѣ кодификаціонной обработки, обработанъ не вполне правильно. По характеру содержанія заключающихся въ нихъ правоположеній, оба раздѣла юридически неравноцѣнны. Въ первомъ раздѣлѣ идетъ рѣчь о неизмѣнныхъ правахъ верховной власти и порядкѣ престолонаслѣдія, а во второмъ—о правахъ подчиненныхъ этой власти членовъ императорской фамиліи. Царь, при вступленіи на престолъ, присягаетъ на законъ о наслѣдіи престола, но онъ не присягаетъ на учрежденіе объ императорской фамиліи. Эти юридическія положенія дѣйствующаго права совершенно ясны. Такимъ образомъ значеніе и объемъ—предѣлы основныхъ законовъ въ Россіи—приходится нѣсколько сузить, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое имъ отвелъ въ 1833 году Сперанскій въ ихъ изложеніи въ составѣ свода законовъ. Положеніе это не было измѣнено по сей день.

Е. и. в. Намъ вѣдь еще много осталось разсмотрѣть.

О. О. Эйхельманъ. Я хотѣлъ бы только коснуться порядка изложенія основныхъ законовъ и редакціи ихъ...

Е. и. в. Но намъ надо окончить это дѣло сегодня. Пойдемъ дальше.

Графъ С. Ю. Витте. Часть статьи 36 ¹⁾ необходимо перенести въ первую голову о верховномъ управленіи въ видѣ особой статьи. Редакція такой статьи предъявлена намъ въ прошломъ засѣданіи ²⁾. Я нахожу ее необходимой. Успѣхъ кадетамъ создали

¹⁾ Ст. 36 по проекту совѣта министровъ: (см. выше стр. 225).

²⁾ Государь императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, устанавливаетъ указами ограниченія, вызываемыя требованіями военной и гражданской службъ въ отношенія пользованія состоящими на службѣ лицами общими правами, российскимъ подданнымъ присвоенными.

чиновники; безъ этой статьи дисциплина у государственныхъ слугъ не удержится.

Э. В. Фришъ. Статья эта такъ изложена, что какъ будто бы и права собственности чиновниковъ опредѣляются указами.

Графъ С. Ю. Витте. Указами опредѣляется только то, что касается службы гражданскихъ чиновъ. Также въ порядкѣ верховнаго управленія опредѣляются вопросы объ участіи чиновниковъ въ собраніяхъ и союзахъ. Очевидно, сюда не относятся вопросы, касающіеся вѣры, имущества и т. п. Я не стою за предложенную редакцію, а стою за свою мысль, которая заключается въ томъ, чтобы, въ порядкѣ верховнаго управленія, государемъ императоромъ могли быть устанавливаемы въ отношеніи служащихъ ограниченія, вызываемыя требованіями службы какъ гражданской, такъ и военной.

Е. и. в. Я раздѣляю эту мысль. Кто имѣетъ замѣчанія по главѣ III?

Графъ Д. М. Сольскій. Нельзя ли исключить въ концѣ статьи 46 ¹⁾ выраженія «или посредствомъ курьеровъ, либо эстафетъ».

Э. В. Фришъ. Эти выраженія заимствованы изъ дѣйствующихъ законовъ.

П. Н. Дурново. Не вездѣ есть телеграфъ, а потому и упоминается объ эстафетахъ и курьерахъ.

Е. и. в. Лучше исключить эти выраженія. Есть ли еще замѣчанія?... по статьѣ 47 ²⁾ въ новой ея редакціи... Нѣтъ замѣчаній. Пойдемъ дальше.

П. Н. Дурново. Въ статьѣ 49 ³⁾ надо сказать, что законы военные и морскіе утверждаются государемъ императоромъ по прохожденіи ихъ черезъ военныя инстанціи безъ обсужденія въ Думѣ. Иначе къ Думѣ перейдетъ вліяніе на военную организацію.

Е. и. в. великій кн. Николай Николаевичъ. Надо гарантировать также военные суды отъ всякихъ посягательствъ на нихъ со стороны думы.

Э. В. Фришъ. Это сказано въ 49 статьѣ.

Е. и. в. Мы дошли до главы IV. Кто имѣетъ замѣчанія?

И. Я. Голубевъ.. Статья 50 не вѣрно изложена. Слово «распускаются» относится къ роспуску Государственной Думы и выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта раньше срока ихъ полно-

¹⁾ Ст. 46 по проекту совѣта министровъ: По обнародованіи, законъ получаетъ обязательную силу со времени назначеннаго для того въ самомъ законѣ срока; при неустановленіи же такового срока—со дня полученія на мѣстѣ номера собраній узаконеній и распоряженій правительства, на коемъ законъ напечатанъ. Въ самомъ издаваемомъ законѣ можетъ быть указано на обращеніе его, до обнародованія, къ исполненію по телеграфу или посредствомъ курьеровъ, либо эстафетъ.

²⁾ Ст. 47. Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Посему, доколѣбъ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу.

³⁾ Ст. 49 по проекту совѣта министровъ: (см. выше стр. 218).

мочій. Между тѣмъ 50 статья этого не имѣетъ въ виду, такъ какъ приведенное положеніе составляетъ предметъ статей 53 и 54. Далѣе: въ Государственномъ Совѣтѣ роспускъ можетъ касаться только выборныхъ его членовъ; члены же по назначенію не распускаются. Въ 50 статьѣ надо только сказать, что Дума и Совѣтъ созываются указами, а какъ прерываются ихъ занятія, видно будетъ изъ учрежденій думы и совѣта. Затѣмъ въ 51 статьѣ сказано только о составѣ Государственнаго Совѣта, а о составѣ Думы не упомянуто вовсе. Надо сказать, что Дума состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ. Наконецъ, статья 52 не составляетъ основного закона; ея мѣсто въ учрежденіи Государственнаго Совѣта¹⁾.

Графъ С. Ю. Витте. Мы включили въ основные законы 52 статью, чтобы не могъ возникнуть вопросъ объ упраздненіи департаментовъ Государственнаго Совѣта.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Одинаково можетъ быть возбужденъ вопросъ и объ упраздненіи сената. Вопросъ этотъ не менѣе важный; если говорить о департаментахъ Государственнаго Совѣта, тогда надо будетъ и этотъ вопросъ оговорить. Мнѣ кажется самымъ правильнымъ, этой статьи вовсе не включать въ основные законы.

А. А. Сабуровъ. Въ департаментахъ Государственнаго Совѣта не будетъ ни одного законодательнаго дѣла, такъ что соединеніе ихъ съ Совѣтомъ—только механическое. Несомнѣнно, что департаменты являются учрежденіями временными.

Е. и. в. Департаменты доживаютъ свой вѣкъ, и о нихъ въ основныхъ законахъ можно не упоминать.

Князь А. Д. Оболенскій. Въ статьѣ 55²⁾, въ концѣ повтореніе того, что уже раньше сказано,—что починъ пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ единственно государю императору.

¹⁾ По проекту совѣта министровъ, ст. 50: Государственный Совѣтъ и Государственная Дума ежегодно созываются и распускаются указами импер. велич. Ст. 51. Государственный Совѣтъ образуется изъ членовъ по высоч. назначенію и членовъ по выборамъ. Государственный Совѣтъ и Государственная дума пользуются равными въ дѣлахъ законодательства правами. Ст. 52. Для дѣлъ, особо въ законѣ указанныхъ, въ составѣ государственнаго совѣта образуются департаменты, состоящіе изъ членовъ, избираемыхъ ежегодно высочайшею властью изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію. Положенія департаментовъ представляются непосредственно на монаршее благоусмотрѣніе. Ст. 53. Общее число членовъ Госуд. Сов., призываемыхъ высоч. власт. къ присутствованію въ совѣтѣ изъ среды его членовъ по высоч. назначенію, не должно превышать общаго числа членовъ Совѣта по выборамъ. Составъ членовъ Совѣта по выборамъ можетъ быть замѣненъ новымъ составомъ до истеченія срока полномочій сихъ членовъ по указу императорск. величества, коимъ назначаются и новые выборы членовъ Совѣта. Ст. 54. Государственная Дума можетъ быть до истеченія срока полномочій ея членовъ распущена указомъ императ. велич. Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу и время ея созыва.

²⁾ Ст. 55 по проекту совѣта министровъ: Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется возбуждать предположенія объ отмінѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ основныхъ государственныхъ законовъ,

Э. В. Фришъ. Нѣтъ никакой бѣды сохранить конецъ статьи 55.

Графъ Д. М. Сольскій. Мнѣ кажется, лучше сохранить конецъ этой статьи.

Е. и. в. Я тоже думаю лучше оставить конецъ статьи 55. Пойдемъ далѣе.

Д. А. Философовъ. Недостаточно ясно наложено постановленіе статьи 56¹⁾. Значеніе ея должно быть таково, что Государственный Совѣтъ и Государственная Дума не могутъ измѣнять предметовъ своего вѣдѣнія.

Графъ Д. М. Сольскій. Въ концѣ надо сказать: вѣдѣнію... подлежатъ тѣ дѣла, кои указаны въ учрежденіяхъ Совѣта и Думы.

Е. и. в. Далѣе.

Д. А. Философовъ. Въ статьѣ 58²⁾ послѣ слова «обсужденію» надо прибавить: Государственного Совѣта и Государственной Думы, дабы кредиту по министерству двора не обсуждались ни въ совѣтѣ, ни въ думѣ.

Е. и. в. Далѣе.

И. Л. Горемыкинъ. Въ статьѣ 61³⁾ сказано, что въ случаѣ неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ контингента новобранцевъ, онъ опредѣляется указомъ, причемъ призывается на военную службу количество людей не свыше назначеннаго въ предшествующемъ году. Въ этомъ вопросѣ коренная основа та, что государь императоръ есть верховный вождь арміи, безъ участія въ этомъ дѣлѣ законодательныхъ учреждений. Съ другой стороны, по основному началу, каждый русскій подданный обязанъ отбывать воинскую повинность. На дѣлѣ призывалось всегда меньшее число лицъ, чѣмъ то, которое достигло призывного возраста. Контингентъ новобранцевъ обыкновенно опредѣлялся госу-

починъ пересмотра которыхъ принадлежитъ единственно императорскому величеству.

¹⁾ Ст. 56 по проекту совѣта министровъ: Вѣдѣнію государственнаго Совѣта и Государственной Думы и обсужденію ихъ въ порядкѣ, учрежденіями ихъ опредѣленнымъ, подлежатъ указаннымъ въ сихъ учрежденіяхъ дѣла.

²⁾ Ст. 58 по проекту совѣта министровъ: Кредиты на расходы министерства императорскаго двора выѣстъ съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями, въ суммѣ, не превышающихъ ассигнованій по государственной росписи на 1906 г., обсужденію не подлежатъ. Равнымъ образомъ не подлежатъ обсужденію такіа измѣненія означенныхъ кредитовъ, которыя обусловливаются постановленіями учрежденія объ императорской фамилии, состоящихъ изъ происшедшихъ въ ней перемѣнамъ.

³⁾ Ст. 61 по проекту совѣта министровъ: Если по simultaneous внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1 мая cadaго года, то высочайшимъ указомъ приывается на военную службу количество людей не свыше назначеннаго въ предшествующемъ году.—По мнѣнію министра г. Горемыкина, конецъ статьи 61 надлежитъ наложить слѣдующимъ образомъ:.... законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1 мая cadaго года, то потребное количество людей приывается на военную службу высочайшимъ указомъ.

дарственнымъ Совѣтомъ, но Совѣтъ фактически этого вопроса никогда не обсуждалъ. Между тѣмъ, Дума можетъ встать на другую точку зрѣнія. Законъ по этому вопросу можетъ не состояться, и тогда придется призывать контингентъ въ размѣрѣ прошлаго года. Такое положеніе можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, и въ такомъ случаѣ контингентъ не будетъ соотвѣтствовать потребностямъ государственной обороны и необходимости усилить армию. Это опасно. Лучше измѣнить существующій порядокъ и прямо установить, что, количество призываемыхъ на военную службу новобранцевъ, опредѣляется высочайшимъ указомъ.

П. Н. Дурново. Дѣйствительно редакція этой статьи недостаточна. Можетъ случиться, что численность войскъ придется увеличить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить контингентъ новобранцевъ. Между тѣмъ Дума отвергнетъ это предположеніе и дастъ меньше. Придется ограничиться контингентомъ прошлаго года, котораго будетъ недостаточно. Такое положеніе опасно.

Графъ С. Ю. Витте. Это чрезвычайно важный вопросъ. Для того, чтобы призывать людей, нужно имѣть деньги. А если Дума въ нихъ откажетъ? Если военное министерство внесетъ въ бюджетъ статью на увеличеніе армии, а Дума ее отвергнетъ? Тогда останется контингентъ предшествующаго года. А его недостаточно. Для того чтобы этого избѣжать, необходимо въ 62¹⁾ статью помѣстить такое постановленіе, которое въ денежномъ отношеніи обезпечивало бы свободу дѣйствій государя императора. Въ деньгахъ въ этомъ вопросѣ вся сила. Съ другой стороны, разъ постановленіе статьи 61 стѣсняетъ верховную власть въ призывѣ нужнаго числа людей, ее нужно измѣнить. Если въ ней будетъ только сказано, что государь императоръ, въ случаѣ неутвержденія контингента думою, призываетъ на военную службу контингентъ не свыше прошлаго года, то этого, очевидно, недостаточно: въ этомъ случаѣ даже деньги не помогутъ. Верховной власти нужно предоставить также право призывать лишнихъ людей въ случаѣ войны.

Е. и. в. вел. кн. Николай Николаевичъ. Надо сказать въ основныхъ законахъ, что къ числу верховныхъ правъ в. и. в. относится опредѣленіе ежегоднаго количества новобранцевъ. Это правило надо поставить послѣ статьи, опредѣляющей отношеніе в. в. къ вооруженнымъ силамъ.

П. Н. Дурново. 62 статья имѣетъ въ виду войну и ненормальные расходы на войну, между тѣмъ я говорю о нормальномъ теченіи жизни. Каждый годъ число новобранцевъ увеличивается, а потому нужно больше денегъ. Государь опредѣляетъ

¹⁾ Ст. 62 по проекту совѣта министровъ: Чрезвычайные сверхсѣтные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующія войнѣ, открываются по всѣмъ вѣдомствамъ порядкомъ, установленнымъ высочайше утвержденными 26 февраля 1890 г. правилами (третье полное собраніе законовъ т. X. № 6609).

число новобранцевъ самъ, и если отпуска денегъ не послѣдуетъ, то вступаетъ въ силу 57 статья¹⁾

А. С. Стишинскій. Съ 1874 года вопросъ о числѣ новобранцевъ разрѣшался законодательнымъ порядкомъ. Отступали отъ этого только въ случаѣ необходимости. Статья 61 въ редакціи министра внутреннихъ дѣлъ устраняетъ всѣ опасности. Если дума не вотируетъ предположеній, касающихся контингента, то по редакціи министра внутреннихъ дѣлъ, все будетъ зависѣть отъ государя императора. Что касается расхода по призыву, то онъ опредѣляется закономъ, исчисляясь по числу новобранцевъ. Такимъ образомъ, разъ численность контингента новобранцевъ увеличится, то тѣмъ самымъ должна быть отпущена и большая сумма.

Д. А. Философовъ. По уставу о воинской повинности, контингентъ новобранцевъ опредѣляется законодательнымъ порядкомъ. Если изъять этотъ вопросъ изъ законодательнаго обсужденія, то это будетъ прямымъ отступленіемъ отъ акта 17 октября. Законъ можетъ быть отмѣненъ только закономъ. Законъ о новобранцахъ издается только на одинъ годъ. Пока онъ не отмѣненъ, остается прежній контингентъ. Удержать это правило въ силѣ теперь особенно удобно, ибо послѣдніе контингенты высоки. А въ случаѣ войны, наступаетъ особое положеніе, и правительству должна принадлежать свобода дѣйствій. Это и можно упомянуть въ статьѣ 13²⁾. А здѣсь говорится о нормальномъ порядкѣ призыва. Поэтому надо принять редакцію совѣта министровъ.

А. А. Сабуровъ. Уставъ о воинской повинности императора Александра II далъ населенію гарантію въ томъ, что призывъ будетъ совершаться въ законодательномъ порядкѣ. Отъ этого въ настоящее время нельзя отступать.

А. С. Стишинскій. Опредѣленіе контингента установлено закономъ однократное. Когда призывъ новобранцевъ законченъ, законъ умираетъ. Для новаго набора долженъ быть изданъ новый законъ. Соображенія, высказанныя по этому поводу Д. А. Философовымъ, неубѣдительны. Развитіе русской арміи составляетъ государственную потребность. Нельзя увеличивать контингентъ новобранцевъ наканунѣ войны. Это нужно дѣлать заблаговременно. Къ расходамъ на эту потребность надо приурочить статью 57 основныхъ законовъ. Уставъ о воинской повинности

¹⁾ Ст. 57 по проекту совѣта министровъ: При обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, расписаній, а также высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ. Возникающія при этомъ въ государственномъ совѣтѣ или государственной думѣ предположенія объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, расписаній, а также высочайшихъ повелѣній, на основаніи коихъ внесены въ роспись доходы и расходы, и объ ассигнованіи средствъ на новыя, не относившіяся ранѣе на средства казны, потребности—получаютъ дальнѣйшее движеніе, въ порядкѣ для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ установленномъ.

²⁾ Ст. 18 въ новой редакціи (см. выше стр. 229).

былъ изданъ и дѣйствовалъ въ то время, когда не было Государственной Думы и новаго Государственнаго Совѣта. Въ настоящее время возникаетъ совершенно иное положеніе.

Графъ С. Ю. Витте. Относительно количества людей проектъ не даетъ выхода. Его надо дать. Очевидно, приготовленіе къ войнѣ не то, что обыкновенный призывъ новобранцевъ.

Е. и. в. Отчего же тогда не сказать о призывѣ новобранцевъ въ 13 статьѣ?

П. Н. Дурново. Если есть сомнѣніе, что военное вѣдомство въ организаціи арміи можетъ быть стѣснено, то это опасность, подавляющая все. Для ясности надо сказать, что расходъ разрѣшается въ порядкѣ статьи 57.

М. Г. Акимовъ. Редакція статьи 61 неясна.

А. Ѳ. Редигеръ. Мобилизація и призывъ новобранцевъ—разныя вещи. Для войны новобранцы имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, если война продолжится больше года. Надо за в. и. в. сохранить право опредѣлять тотъ контингентъ, который нуженъ. Контингентъ вообще увеличивается мало. Если затрудненіе къ его увеличенію будетъ только на одинъ годъ, то это несущественно, и принять редакцію совѣта министровъ неопасно. Если же такое положеніе установится на болѣе продолжительные сроки, то возникнутъ затрудненія. Наконецъ, если сократить сроки службы, а количество новобранцевъ не увеличить, тогда можетъ наступить очень опасное положеніе для арміи.

Е. и. в. велик. кн. Николай Николаевичъ. Надо установить такъ, что если Дума не опредѣлитъ контингента новобранцевъ, то это дѣлаетъ государь императоръ.

Графъ Д. М. Сольскій. Независимо отъ опредѣленія количества войскъ, в. и. в. нужны будутъ соотвѣтственныя суммы на ихъ содержаніе. Въ этомъ вопросѣ имѣетъ значеніе не только одинъ призывъ, но и срокъ службы. Съ измѣненіемъ законодательнаго порядка, отъ Думы можно ждать затрудненій въ этомъ дѣлѣ, но не думаю, чтобы надолго — быть можетъ на годъ, другой. Надо полагать, что миръ такъ скоро не будетъ нарушенъ.

А. С. Стишинскій. Три года тому навадъ призывъ былъ увеличенъ на большую цифру. Трудно сказать, сколько лѣтъ Дума будетъ задерживать это дѣло.

Э. В. Фришъ. Я не вижу необходимости измѣнять редакцію статьи 61. Приведенные доводы для меня не кажутся убѣдительными. Если Дума не разсмотритъ этого вопроса годъ—два, то это не бѣда.

Князь А. Д. Оболенскій. Военская повинность является натуральною повинностью. Если денежная повинность устанавливается Думою, то натуральная, какъ еще болѣе важная для населенія, тѣмъ болѣе должна быть опредѣляема въ томъ же порядкѣ. Между тѣмъ, редакція министра внутреннихъ дѣлъ совершенно устраняетъ законодательное разрѣшеніе этого вопроса.

Графъ С. Ю. Витте. Особенныя затрудненія могутъ воз-

никнуть при сокращеніи сроковъ службы. Въ виду этого надо сказать, что, при сокращеніи сроковъ службы, можно увеличить контингентъ.

А. Ф. Редигеръ. Въ такомъ случаѣ, ужъ лучше вовсе не вносить вопроса въ Думу и сказать, что контингентъ новобранцевъ опредѣляется государемъ императоромъ единолично.

Е. и. в. велик. кн. Владиміръ Александровичъ. Если Дума будетъ оказывать систематическую общую оппозицію—это будетъ очагъ революціи. Ее надо будетъ разогнать. Пусть будетъ на первое время затрудненіе военному министерству. Но разъ Дума будетъ существовать, то нельзя лишить ее права разсматривать тотъ вопросъ, который касается всего населенія. Надо же надѣяться, что въ ней будутъ русскіе люди, а не все *sans patrie* и что она не будетъ состоять сплошь изъ враговъ Россіи. Это было бы такое уродство, которое я допустить не могу. Я не сочувствую Думѣ, но разъ ее дали, было бы несправедливо не дать ей и этого права.

Е. и. в. Оставить безъ измѣненія статью 61 по совѣтскому проекту. Пойдемъ дальше.

Графъ Д. М. Сольскій. Въ статьѣ 62 ¹⁾ желательно было бы устранить ссылку на правила 26 февраля 1890 года, такъ какъ они подлежатъ пересмотру.

И. Я. Голубевъ. Въ замѣнѣ ссылки на правила 1890 года можно сказать, что чрезвычайные кредиты на потребности военного времени открываются, въ порядкѣ верховнаго управленія, императорскимъ величествомъ.

Графъ С. Ю. Витте. Дѣйствительно, правила 1890 года неудовлетворительны и подлежатъ пересмотру. Поэтому правильно всего сказать такъ, что кредиты на потребности военного времени... открываются, въ порядкѣ верховнаго управленія, на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ.

Е. и. в. Съ этимъ я соглашаюсь. Теперь намъ осталась глава V. Какія имѣются по ней замѣчанія?

П. Н. Дурново. Въ статьѣ 69 ²⁾ я полагалъ бы сказать, что министры отвѣтствуютъ исключительно предъ государемъ императоромъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Слово исключительно мнѣ кажется лишнимъ. Но вообще редакцію статьи 69 слѣдуетъ измѣнить, выразивъ въ ней, что министры отвѣтствуютъ предъ государемъ императоромъ за общій ходъ государственнаго управленія,

¹⁾ Ст. 61 по проекту совѣта министровъ (см. выше стр. 240).

²⁾ Ст. 69 по проекту совѣта министровъ: Предсѣдатель совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями отвѣтствуютъ, въ ихъ совокупности, предъ е. и. в. за общій ходъ государственнаго управленія въ предѣлахъ данныхъ имъ полномочій. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои личныя дѣйствія и распоряженія. По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, статью 69 надлежитъ изложить слѣдующимъ образомъ: Предсѣдатель совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями отвѣтствуютъ исключительно предъ е. и. в.

причемъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои дѣйствія и распоряженія.

Е. и. в. Съ этимъ я соглашаюсь. Кажется, теперь все пройдено.

Графъ Д. М. Сольскій. В. и. в. угодно было отложить рѣшеніе по статьѣ 4. Какъ вы изволите приказать: сохранить или исключить слово: неограниченный.

Е. и. в. Я рѣшилъ остановиться на редакціи совѣта министровъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Слѣдовательно, исключить слово: неограниченный?

Е. и. в. Да, исключить.

Графъ Д. М. Сольскій. На кого вамъ, государь, угодно возложить просмотръ окончательной редакціи проекта?

Е. и. в. Я возлагаю просмотръ на васъ, графъ, статсъ-секретаря Фриша, графа Палена и графа Витте... а также и министра юстиціи.

Графъ Д. М. Сольскій. Угодно-ли в. и. в. приказать заготовить манифестъ или указъ объ обнародованіи основныхъ законовъ.

Е. и. в. Я нахожу достаточнымъ указъ.

Чернышевскій послѣ Сибири.

(По даннымъ архива департамента полиціи).

Дѣла департамента полиціи о государственномъ преступникѣ Н. Г. Чернышевскомъ касаются почти исключительно послѣдняго періода его жизни, когда онъ уже покинулъ Сибирь ¹⁾. Его дѣти, молили Александра III-го за своего отца. Ихъ просьбы были услышаны. 7 іюня 1883 г. министръ внутр. дѣлъ гр. Д. А. Толстой извѣщаетъ Д. Н. Набокова—министра юстиціи: «По всеподданнѣйшему моему докладу упомянутого ходатайства Чернышевскихъ, въ 27 день мая послѣдовало предварительное государя императора соизволеніе на перемѣщеніе Николая Чернышевскаго подъ надзоръ полиціи въ г. Астрахань»... Объ этомъ, затѣмъ, 10 іюля Набоковъ доноситъ официально, прибавляя, что по его докладу «государь императоръ... повелѣтъ соизволилъ... признать его, взаимнѣ лишенія правъ состоянія, лишеннымъ, по ст. 43 улож. о наказ., всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, но безъ восстановленія правъ по имуществу». Въ шифрованной телеграммѣ сообщаетъ товарищъ министра вн. дѣлъ высочайшую волю иркутскому генералъ-губернатору: «прошу о немедленномъ доставленіи Чернышевскаго въ сопровожденіи двухъ жандармовъ изъ Вилейска въ Иркутскъ и засимъ въ Астрахань, принявъ, согласно послѣдовавшему по сему предмету высочайшему указанію, возможные мѣры къ недопущенію огласки проѣзда Чернышевскаго, въ виду устраненія возможности нежелательныхъ выраженій сочувствія и какихъ-либо безпорядковъ».

¹⁾ Есть одно дѣло 1881 г. „О письмахъ гос. прест. Н. Чернышевскаго“. Въ немъ подлинное англійское письмо г-жи Корделии Винъ-Ренсселеръ, которая проситъ, чтобы „dear and esteemed Sir“ удостоилъ своимъ автографомъ ее, дочь Нового Свѣта (daughter of the New-World). Она выражаетъ свои чувства и пожеланія, узнавъ, что Чернышевскій все еще „въ благородномъ изгнаніи“ (a noble exile) и обращается къ нему: „Courage, dear martyr... I pray to Heaven, your years and your health may be spared, that you may yet enjoy many years of bliss and freedom“. (Мужайтесь, дорогой мученикъ... Молю небо, чтобы оно щадило ваши годы и ваше здоровье, чтобы вы могли еще пользоваться многіе годы благоденствіемъ и свободой). Письмо это такъ и не было доставлено по назначенію.

Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ: «За государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ немедленно посылаю Вилуюскъ двухъ жандармовъ; полагаю отправить до Оренбурга, не предупредивъ о проѣздѣ попутныя начальства избѣжаніе огласки, снабдивъ только жандармовъ открытымъ листомъ; если же предупредить необходимо, то времени еще достаточно въ виду громадности, утомительности пути до Астрахани». Директоръ департамента полиціи пзвѣщаетъ различныхъ начальствующихъ лицъ по пути слѣдованія Чернышевскаго, что государь императоръ извѣявилъ «предварительное соизволснiе на перемѣщеніе Чернышевскаго въ Астрахань съ тѣмъ, чтобы по пути его слѣдованія не дѣлалось ему никакихъ овацій». Плеве боится, что «въ виду особенной важности самой личности Чернышевскаго, его популярности среди злоумышленниковъ, которыми неоднократно дѣлались попытки къ его освобожденію, а также возможности появленія въ Астрахани по пріѣздѣ Чернышевскаго лицъ политически неблагонамѣренныхъ... личность его можетъ послужить средствомъ къ осуществленію ихъ преступныхъ цѣлей».

Дальнѣйшее сообщеніе 28 сентября: «Сегодня прибылъ въ Иркутскъ Чернышевскій и сегодня же въ сопровожденіи двухъ жандармовъ отправился по назначенію. Просить разрѣшить ему свиданіе съ семействомъ въ Саратовѣ, въ жандармскомъ управленіи». Предполагаемый маршрутъ: Оренбургъ, Самара, Сызрань, Саратовъ. Проектъ оренбургскаго губернатора: Самара, Сызрань, Пенза, Моршанскъ, Ряжскъ, Ковловъ, Грязи, изъ Царицына до Астрахани по почтовому тракту». Но Плеве его не одобрилъ: «Желѣзнодорожный путь черезъ Пензу, Ковловъ, Грязи представляется неудобнымъ», и Чернышевскаго отправляютъ черезъ Саратовъ и Царицынъ въ Астрахань. «Директоръ приказалъ,—писать секретаря департамента Зволянскій,—чтобы изъ Оренбурга до Сызрани Чернышевскій былъ отправленъ въ особомъ купѣ второго класса, и чтобы, кромѣ конвоя, былъ командированъ для сопровожденія по желѣзной дорогѣ желѣзнодорожный жандармъ съ Оренбургской станціи»... Кромѣ этого и принятія всѣхъ мѣръ къ предупрежденію побѣга, разрѣшалось «свиданіе Чернышевскому съ ближайшими родственниками въ жандармскомъ управленіи въ Саратовѣ во время проѣзда». Изъ Сызрани Чернышевскій долженъ былъ ѣхать «съ тѣмъ же конвоемъ въ Саратовъ по почтовому тракту на лошадахъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы они прибыли въ Саратовъ непремѣнно между 5 и 9 часами вечера и явились въ губернское жандармское управленіе». Оренбургскій губернаторъ сообщаетъ: «сегодня вечеромъ Чернышевскій отправляется Астрахань. Убѣдительно просить дозволить ему свидаться съ отцомъ въ Саратовѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ». Отвѣтъ Плеве подчеркиваетъ, что свиданіе можетъ быть дано лишь съ ближайшими родственниками.

Дорогой Чернышевскій не высказывалъ никакихъ претензій. Онъ «прибылъ въ Саратовъ въ шесть часовъ вечера жандармское

управленіе, гдѣ видѣлся съ женой и Пыпиной, и ночью выѣхалъ далѣе».

Приведемъ полностью: «докладную записку Николая Чернышевскаго по поводу путевыхъ издержекъ, понесенныхъ казной при перемѣщеніи Чернышевскаго изъ Сибири въ Астрахань».

«Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить его превосходительство г. начальника губерніи о собраніи и сообщеніи ему (Чернышевскому) свѣдѣній относительно того, какую сумму составляютъ его долги казнѣ.

При этомъ Чернышевскій просить принять во вниманіе его мнѣніе о двухъ фактахъ:

1) Въ Иркутскѣ было выдано ему по просьбѣ (словесной) сто рублей на его личныя путевыя издержки. Онъ находитъ справедливымъ считать эти деньги ссудою, данною ему отъ казны. Одинъ изъ спутниковъ Чернышевскаго отъ Иркутска до Оренбурга, дѣлавшій по просьбѣ Чернышевскаго уплаты изъ его денегъ по его личнымъ издержкамъ, чтобы избавить его отъ хлопотъ съ мелкими выдачами, вель аккуратный счетъ расходованію этихъ ста рублей и представилъ ужъ, быть можетъ, если-жъ не представилъ еще, то безъ сомнѣнія представить своему начальству остатокъ отъ нихъ. Разницу между выданными Чернышевскому 100 рублями и этимъ остаткомъ слѣдуетъ во всей справедливости считать долгомъ Чернышевскаго казнѣ. Относительно другихъ его долговъ ей не имѣетъ онъ сказать ничего особеннаго, кромѣ

2) долга его казнѣ за тарантасъ.—Отъ Иркутска до Оренбурга онъ ѣхалъ въ тарантасѣ, что, разумѣется, было очень важнымъ удобствомъ. Онъ находитъ справедливымъ считать, что этотъ тарантасъ (бывшій совершенно новымъ) былъ купленъ для его поѣздки, и что цѣна, которую имѣлъ экипажъ при выѣздѣ въ путь, составляетъ ссуду, данную ему отъ казны. Тарантасъ, сильно пострадавшій отъ 4000-верстнаго пути по осенней дорогѣ, былъ оставленъ Чернышевскимъ въ Оренбургѣ, при (словесной) просьбѣ распорядиться этимъ экипажемъ, какъ будетъ удобно по обстоятельствамъ. Какія распоряженія сдѣланы, тѣ Чернышевскій и принимаетъ за наилучшія возможные. Проданъ экипажъ въ Оренбургѣ?—Хорошо; и цѣна, за которую онъ проданъ, безъ сомнѣнія, самая выгодная, за какую было можно продать его. Если онъ исправленъ и послѣ поправки принятъ казною для какого-нибудь иного назначенія?—Хорошо; и все тутъ сдѣлано по самымъ выгоднымъ для Чернышевскаго оцѣнкамъ. Словомъ: все равно, что сдѣлано, во всякомъ случаѣ сдѣлано самое лучшее.—Чернышевскій проситъ считать долгомъ его казнѣ ту цифру расходовъ, въ какую обошлось казнѣ доставленіе ему такого важнаго путевого удобства, какъ ѣзда въ прекрасномъ, спокойномъ экипажѣ».

Н. Чернышевскій.

„29 ноября 1883.
Астрахань“.

Почти одновременно съ этимъ, директоромъ департамента полиціи была послана Е. М. Теохтистову—начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати—опись рукописей Чернышевскаго.

Опись

рукописямъ государственнаго преступника Николая Чернышевскаго.

- I. «Академія Лазурныхъ Горъ» Дензиля Эліота на 7 лист.
- II. Приложение къ ней для облегченія набора и корректуры 1 л.
- III. «Изъ Видвесты» стихотвореніе на 1 л.
- IV. «Гимнъ Дѣвѣ Неба», Дензиля Эліота, поэма на 6 л.
- V. Приложение къ ней въ письмѣ къ Стасюлевичу на 1 л.
- VI. Тетрадь съ начатымъ «Очеркомъ содержанія всеобщей исторіи человѣчества», неоконченнымъ рассказомъ и отрывкомъ въ стихахъ изъ поэмы «Гимнъ Дѣвѣ Неба» на 12 л.

На бумагѣ, препровождавшей эти рукописи обратно въ департаментъ, написано: «Можно хранить эти рукописи особо у Сергѣя Эрастовича» (Зволянскаго).

«Книги иностраннаго изданія», принадлежавшія Чернышевскому, остались въ Виллюскѣ и были переданы, по его просьбѣ, административно-сылльному Иордану, съ разрѣшенія департамента полиціи. Въ Астрахани было приказано: «имѣть особыхъ негласныхъ агентовъ, на коихъ возложить постоянный надзоръ за дѣйствіями Чернышевскаго, такъ какъ съ его стороны могутъ быть попытки побѣга. По пріѣздѣ распорядитесь снять съ него фотографическія карточки, коими... снабдить, по согласенію съ губернаторомъ, полицейскихъ чиновъ и жандармовъ. Нѣсколько экземпляровъ пришлите въ департаментъ. Примите также мѣры, чтобы попытка бѣгства моремъ не могла имѣть мѣста. Всѣ распоряженія и мѣры по этому поводу должны быть приняты до пріѣзда Чернышевскаго».

Начальникъ Астраханскаго жандармскаго управленія, Головинъ, къ которому адресовался съ приведенной шифрованной телеграммой Плеве, предполагалъ нанять трехъ специальныхъ агентовъ, а кромѣ этого, установить особый еще надзоръ со стороны полиціи, въ лицѣ участковаго пристава и сыскаго чиновника. Способы осуществленія надзора были предоставлены губернатору, и губернаторъ постановилъ: «имѣть трехъ агентовъ, изъ нихъ одного изъ чиновниковъ, находящихся въ распоряженіи полицеймейстера, и двоихъ изъ непривилегированнаго сословія. Перваго помѣстить, по возможности, если не въ одномъ домѣ съ Чернышевскимъ, то въ сосѣдствѣ съ его квартирою съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ негласное наблюденіе за образомъ жизни Чернышевскаго, его поступками, занятіями и знакомствами, а также слѣдилъ за лицами, его посѣщающими. На обязанность же по-

слѣднихъ возложить надзоръ за Чернышевскимъ во время навигаціи на пароходныхъ пристаняхъ, для предупрежденія могущихъ быть попытокъ къ его побѣгу». Кромѣ того, тѣ-же два агента должны были слѣдить: нѣтъ-ли въ городѣ лицъ, сочувствующихъ Чернышевскому. Надзоръ былъ негласный. Тратилось на него 125 руб. въ мѣсяцъ. Чернышевскій прибылъ въ Астрахань 27 октября 1883. Въ тотъ же день прибыла жена его—«Ольга Сократовна (урожденная Васильева, дочь врача)». «При пріѣздѣ Чернышевскаго, а равно при встрѣчѣ имъ жены, на пароходной пристани любопытныхъ не замѣчалось; все совершилось тихо, обыкновеннымъ порядкомъ. Чернышевскіе помѣстились пока въ гостиницѣ и намѣрены искать себѣ частную квартиру». Дальнѣйшее донесеніе сообщало о пріѣздѣ 1 ноября сыновей Чернышевскаго—Александра и Михайла Николаевичей.

«Николай Чернышевскій имѣлъ намѣреніе послать телеграмму редактору журнала «Вѣстникъ Европы» Стасюлевичу, съ просьбою открыть ему, въ Астраханскомъ отдѣленіи государственнаго банка, кредитъ въ 1000 рублей, такъ какъ очень нуждается въ деньгахъ, и что онъ, Чернышевскій, рассчитывается съ Стасюлевичемъ послѣ, литературнымъ трудомъ. Но сколько мнѣ извѣстно—до настоящаго времени телеграммы еще не подавалъ, а 1 ноября сдалъ на почту, куда-то, простое письмо. Предполагаю, не писаль ли Стасюлевичу, такъ какъ въ проектированной къ подачѣ депешѣ имѣлъ намѣреніе прибавить: «пишу Вамъ почтою». 11 ноября Плеве извѣщаютъ объ отъѣздѣ сыновей Чернышевскаго. Чернышевскій получилъ письмо отъ М. А. Филиппова, редактора журнала «Вѣкъ» отъ 30 октября, въ которомъ онъ привѣтствуетъ Чернышевскаго, какъ бывшаго коллегу по литературѣ, съ возвращеніемъ по милости монарха въ Россію и общаетъ выслать Чернышевскому издаваемый имъ журналъ». 23 декабря Александръ Николаевичъ Чернышевскій снова пріѣхалъ къ отцу и остался съ нимъ жить. 13 января 1884 г. «Изъ Москвы № 134002 получена Чернышевскимъ телеграммы: «пьемъ здоровье лучшаго друга студентовъ—Московскіе студенты». Несмотря на принятые мѣры, авторы этой телеграммы обнаружены не были. 24 февраля надзоръ обнаружилъ, что Чернышевскій переписывается съ Пыпинымъ и дважды посылалъ ему посылки, заключающія въ себѣ по его объясненію: переводы съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ статей научнаго содержанія и собраніе стихотвореній его сына, предназначенныя къ печати». А 29 марта Чернышевскій намѣренъ былъ послать Пыпину извѣщеніе для газетъ: «Мы слышали, что Н. Г. Чернышевскій приготовляетъ къ изданію собраніе своихъ сочиненій». Объ этомъ Плеве довелъ до свѣдѣнія Θεоктистова. 8 мая къ Чернышевскому, въ качествѣ его родственника, пріѣхалъ А. Н. Пыпинъ и пробылъ до 12-го. 29 іюля Алекс. Н. Чернышевскій выѣхалъ въ Петербургъ (потомъ онъ хотѣлъ, по словамъ отца, отправиться за границу, съ какимъ-то семействомъ, въ ка-

чествъ гувернера, о чемъ было тоже донесено ¹⁾. До этого времени онъ, по даннымъ надвора, служилъ въ Астрахани, въ двухъ частныхъ предпріятіяхъ «но нигдѣ, какъ видно, не смогъ ужиться». Въмѣсто него 9 октября пріѣхалъ смѣнить брата Михаилъ Николаевичъ. Опять извѣстіе о посылкѣ рукописей: въ «Вѣстникъ Европы»—13 сентября и Захарьину 31 октября и 4 ноября 1885 г. Этотъ Захарьинъ—Александръ Васильевичъ, губернский секретарь, въ концѣ августа 1884 г. посѣтилъ Чернышевскаго въ Астрахани. При немъ былъ заграничный паспортъ; власти исполнились. Захарьинъ долженъ былъ представить «краткую докладную записку» директору департамента полиціи, теперь уже—П. Н. Дурново. Въ своемъ докладѣ Захарьинъ пишетъ, что видѣлся съ Чернышевскимъ «какъ давній хорошій знакомый», будучи въ Астрахани по своимъ коммерческимъ дѣламъ. Онъ «видѣлъ самъ и слышалъ отъ него объ его тягостномъ положеніи»; дальше Захарьинъ подтверждаетъ еще разъ, что Чернышевскій, по возвращеніи изъ Сибири, долженъ былъ испытать крайне тяжелое матеріальное положеніе, а между тѣмъ «онъ сохранилъ еще силы для работы,—единственной, которая была ему привычна и возможна,—работы литературной». Захарьинъ говоритъ, что Чернышевскій «хотѣлъ прислать мнѣ нѣкоторыя свои работы для представленія въ главное управленіе по дѣламъ печати, чтобы въ случаѣ дозволенія, предложить ихъ для напечатанія въ какомъ-либо повременномъ изданіи.—Его твердое настроеніе было, чтобы ни одна строка его сочиненій не явилась безъ вѣдома и разрѣшенія цензурной власти». Главное управленіе разрѣшило печатаніе Чернышевскимъ его произведеній, но безъ его фамиліи.

Хронологія послѣдующей жизни Чернышевскаго такова: 6 іюля 1885 г. О. С. Чернышевская выѣхала въ Петербургъ, какъ предполагаетъ астраханское жандармское управленіе, чтобы просить о переводѣ ея мужа въ другое мѣсто изъ Астрахани, т. е. «Чернышевскій выражалъ желаніе просить ходатайства мѣстнаго губернатора о переводѣ его на Кавказъ, по случаю болѣзни жены». «Охранка», наведя справки, выяснила, что Чернышевская пріѣзжала познакомиться съ женою своего сына. 16 декабря ходатайство Чернышевскаго о повсемѣстномъ во всей Имперіи жительства не было удовлетворено.

19 мая 1889 г. на запросъ департамента полиціи астраханскій губернаторъ отвѣчаетъ, что «Чернышевскій ведетъ себя безукоризненно, занимаясь переводомъ Всеобщей Исторіи Вебера, доведеннымъ имъ почти до конца. Что же касается до политической благонадежности Чернышевскаго, то я нахожу его совершенно безопаснымъ въ политическомъ отношеніи, въ виду очевиднаго паденія или притупленія его умственныхъ способностей».

¹⁾ Въ докладной запискѣ, приводимой ниже, авторъ ея сообщаетъ, что Алекс. Н. Чернышевскій не могъ уѣхать за границу вслѣдствіе разстройства нервовъ.

3 іюня 1889 г. вице-директоръ департамента Сабуровъ призналъ ходатайство о переводѣ Чернышевскаго въ Саратовъ заслуживающимъ удовлетворенія. 24 іюня Чернышевскій покинулъ, наконецъ, Астрахань.

23 октября 1889 г. саратовскій губернаторъ извѣстилъ департаментъ полиціи, что «бывшій титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій 17-го сего октября умеръ, а 20 числа погребенъ на Воскресенскомъ кладбищѣ г. Саратова».

Бібліографія.

Г. И. Вернадскій. Русское масонство въ царствованіе Екатерины II. Петроградъ 1917, XXIV+286 стр. Ц. 8 р. 50 к.

«Предисловіе» — очень существенная часть всякой книги: обыкновенно оно сочиняется послѣ напечатанія книги и должно, съ одной стороны, помочь читателю разобратъся въ книгѣ, — съ другой стороны дать возможность автору, или повиниться въ сдѣланныхъ опущеніяхъ и ошибкахъ, или защитить себя отъ непониманія читателей, отъ неправильныхъ нападокъ критики. «Предисловіе» вводитъ читателя въ книгу и опредѣляетъ фязіономію автора.

Г. Вернадскій, взявшійся за характеристику масонства, одного изъ самыхъ интересныхъ явленій духовной жизни русскаго общества XVIII в., предпослалъ своей книгѣ «предисловіе»; но оно съ первыхъ же строкъ вызываетъ досадное недоразумѣніе: по словамъ автора «предлагаемая книга — очеркъ не изъ религій или философіи, а изъ исторіи развитія духовной культуры общества» (III). Почему такое противопоставленіе «религій» и «философіи» «духовной культурѣ»?

Думается, что въ понятіе «духовная жизнь» входятъ, какъ видовыя понятія, и религія, и философія, и искусство. И самому автору приходится сейчасъ же уничтожать свое первое положеніе: «тайны» масонскихъ работъ, «религіозныя достиженія» масоновъ не интересуютъ его «по существу», а лишь «постольку-поскольку они преломились съ сознаніемъ широкихъ культурныхъ круговъ». Значить 1) миновать религіи и философіи все-таки оказалось невозможнымъ, хотя бы «постольку-поскольку», 2) возникаетъ новое недоразумѣніе: можно ли изслѣдователю учесть степень преломляемости того, «существо» чего его не интересуютъ?

Недоумѣніе, однако, продолжаетъ выростать... «Задача историка — читать далѣе — сводится къ тому, чтобы опредѣлить только главныя связующія нити религіознаго или философскаго движенія и выяснить, что именно и какъ онѣ связывали, — и какъ на нихъ (чьей это: ихъ? нитей?) основѣ создавались тѣ или иные черты психологій опредѣленнаго круга или даннаго общества. Въ изученіи же такихъ психологическихъ типовъ, ихъ взаимоотношеній и ихъ смѣны скорѣе всего можетъ быть найденъ ключъ къ пониманію развитія цѣлаго общества». Конечно, всякому ясно, что, отказавшись отъ исторіи религій и философіи, отказавшись вникать въ «существо» идей, занявшись только опредѣленіемъ связующихъ нитей, нельзя понять, ни «психологическихъ типовъ», ни, тѣмъ болѣе, «развитія цѣлаго общества».

Итакъ «предисловіе» къ книгѣ г. Вернадскаго очень неудачно: очевидно, молодой ученый не опредѣлилъ еще, что такое «исторія» и какія заданія стоятъ передъ «историкомъ общества».

Въ «введеніи» («Источники и литература») изслѣдователь даетъ обстоятельный перечень тѣхъ матеріаловъ, которые были у него въ рукахъ. Списокъ получился солидный, — сомнѣній нѣтъ, что усерднаго труда положено достаточно. Но и здѣсь встречаемся мы съ большой методологической ошибкой: не разобравшись въ «сущестѣ» вопроса, нельзя критиковать сочиненія, въ которыхъ имѣются попытки это «существо» опредѣлить. Массонство—явленіе сложное, не только само по себѣ, но и въ отношеніи къ нему со стороны современниковъ и историковъ: масонство дѣлилось на партіи, часто враждовавшія одна съ другой, различно опредѣлявшія «существо» своего ученія — разобратся въ мнѣніяхъ самихъ масоновъ невозможно безъ глубокаго проникновенія въ самыя глубины ихъ міровоззрѣнія; у масоновъ были враги и среди духовенства и среди мірскихъ людей, рационалистовъ-философовъ; іезуиты противъ нѣкоторыхъ видовъ масонства воздвигали крестовые походы. И многія мнѣнія этихъ «внѣшнихъ» враговъ вошли въ историческія сочиненія. Какъ разобратся въ этихъ разногласіяхъ, въ этихъ, часто, злобныхъ клеветахъ, облеченныхъ въ ученую форму? Опять-таки невозможно. Авторъ заявляетъ, что «назрѣла потребность, иля уже проторенной дорогой, повергнуть общему пересмотру главные вопросы исторіи русскаго масонства XVIII в., детальной провѣркѣ—весь накопленный матеріалъ. Такой потребности и стремится отвѣтить предлагаемое изслѣдованіе» (XXIV). Я самъ, въ свое время, довольно пристально всматривался въ масонство ¹⁾, и тогда пришелъ къ заключенію, что въ этомъ вопросѣ въ русской наукѣ нѣтъ «проторенныхъ дорогъ», а собраны лишь интересные матеріалы, сдѣланы болѣе или менѣе удачныя характеристики нѣкоторыхъ дѣятелей масонства, но всѣ попытки дать общую картину масонства были неудачны: покойный А. Н. Пыпинъ жестоко запуталъ я безъ того сложный вопросъ и нисколько не углубилъ его: недавняя попытка Л. Л. Барскова дать общую характеристику того же масонства точно также потерпѣла крушеніе: авторъ запутался въ противорѣчіяхъ. И объясняется это тѣмъ, что къ такимъ явленіямъ, какъ масонство, надо подходить издалека, безъ предвзятыхъ готовыхъ мнѣній (какъ было у Пыпина). Я не боюсь утверждать, что сколько было масоновъ, столько было различныхъ масонскихъ міровоззрѣній. Поэтому необходимо дать обстоятельную характеристику отдѣльныхъ масоновъ, такъ сказать, разложить «масонство» на составные элементы, и то «общее», что отдѣльныхъ членовъ связывало воедино, и могло бы идти въ характеристику «масонства вообще»; этого не сдѣлалъ А. Н. Пыпинъ, который на необработанномъ матеріалѣ поторонился строить обобщенія.

Иля по такимъ «протореннымъ дорогамъ», невозможно дать «детальную провѣрку матеріала» (XXIV), не входя въ «существо» и, довольствуясь формулой «поскольку-постольку», нельзя дать удовлетворительной картины масонства вообще.

Въ главѣ первой своей работы г. Вернадскій сдѣлалъ попытку набросать исторію масонства и заранее можно было сказать, что попытка эта окажется неудачной. Съ внѣшней стороны эта исторія можетъ быть и исчерпываешь пока извѣстные факты, но въ внутренней исторіи нѣтъ совершенно:

¹⁾ Мое изслѣдованіе: „Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника“—приложеніе: „Новиковъ, Шварцъ и московское масонство“.

внимательно подбирая известные факты отовсюду, г. Вернадский очень часто не может оценить смысл и значение этих фактов. Так, автор свободно пользуется терминами: «слабое наблюдение» и «строгое наблюдение» (37, 38), «теоретический градус» (71, 137), «иллюминаты» (74), «герметическое направление» (127)—но решительно ничем не проявляет своего понимания этих терминов. На стр. 51 он приводит слова масона Рейхеля: «всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное», на стр. 32 Рейхель, по его словам, был сторонником «строгой моральной дисциплины», на стр. 19 он говорит: «особенно остерегались рейхельского масонства», на стр. 34: «у рейхелевых масонов требовали отречения от Рейхеля». В результате, у читателя остается тоскливое недоумение при виде таких противоречий по существу, и невольно закрадывается сомнение, что исследователь, обшаривший «детальную проверку материалов», не смог справиться с материалами, так как недостаточно критически отнесся к источникам, к «проторенным дорогам», а своего понимания не создал. Почему, в самом деле, остерегались Рейхеля? Совершенно неудачной получилась характеристика елагинского масонства: на стр. 37 и 53 розенкрейцство («рыцари» золоторозового креста)—решительно отделены от «рыцарства», на стр. 38 мы встречаем их сближение. На стр. 55 исследователь признается, что жизнь московского масонства в 1782—83 гг. ему «недостаточно ясна».

Но читатель, запутавшийся в противоречиях и недоговоренностях книги, имеет право, пожалуй, усомниться в том, что жизнь русского масонства в другие годы исследователю была яснее. Тем более, что на стр. 83 сам он сознается, что дал лишь «отрывочный и набросанный лишь в общих чертах очерк развития и смьны отдельных масонских организаций». По его мнению, этот очерк нуждается в «одном дополнительном разъяснении» (83). Думается, что очерк этот нуждается во многих разъяснениях, в ряде—в коренной переработке; нельзя с одинаковою вѣрой относиться к показаниям всех авторов мемуаров¹⁾, нельзя в одной главе смѣшивать свидетельства современников—масонов и поэзию масонов, и архивные документы, и свидетельства, почерпнутые из истории.

Глава II представляет собою попытку дать «идеологию» масонства. Здесь интересным является мысль о том, что в жизни русского общества XVIII в. произошел перелом от рационализма к мистицизму. Мысль правильная и не новая, но на материал масонском она менее всего доказуема. Повторяю, если индивидуализировать масонов, то мистиков мы найдем и в первую половину истории русского масонства, а рационалистов, сколько угодно,—во вторую. обстоятельно и хорошо сделан анализ масонского мистицизма («внутренний человек», «внешняя натура», «внутренняя церковь»), хотя здесь можно указать на некоторые случаи непродуктивности автором понятий: «рационализм» и «мистицизм». Интересна и третья глава («Социально-политические взгляды масонов») ²⁾ хотя она, как и вторая, грешит обобщениями: из того, что масоны издали книгу Сенъ-Мартена «О заблуждениях и истинѣ»—конечно, не слѣдует, что все масоны на ней строили свои

¹⁾ Независимо от различия их мировоззрений, они различны и по степени культурности и в различной степени достойны доверия.

²⁾ Как странно, что автор не обратил внимания на Гамалѣю и слишком поверхностно характеризовал Новикова.

политическіе идеалы, что всѣ масоны интересовались политикой. Отнеся къ «масонскимъ» утопіямъ политическіе романы Хераскова, изслѣдователь нигдѣ не оговорился, что это не только «масонскія» утопіи. Вообще, онъ масонству придаетъ слишкомъ большое значеніе: была пустыня въ душѣ русскаго человѣка и вдругъ—цвѣтущій оазисъ: масонство. Если-бы г. Вернадскій привлекъ и не масонскую литературу съ начала XVIII в., онъ нашелъ бы въ ней много такого, что онъ считаетъ исключительно масонскимъ. Ницше въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи трагедіи» указалъ, что Сократъ былъ первымъ «теоретическимъ человѣкомъ». Вотъ именно этотъ «теоретическій человѣкъ», явившись къ намъ съ запада, завоевалъ въ XVIII в. всѣ права гражданства въ сознаниі молодого русскаго общества: «стародумство», съ его проповѣдью «познать самого себя», съ заботами именно о внутреннемъ человѣкѣ—явленіе болѣе старое и широкое, чѣмъ масонство. Почва для развѣта масонства была у насъ готова, и историку слѣдовало бы эту почву поискать.

Интересно въ книгѣ выяснены значеніе «пугачевщины» въ сознаниі русскаго общества и связь Павла Петровича съ масонами. Это, несомнѣнно, мысли новыя и свѣжія.

Заканчивая этимъ свое обзорѣніе книги г. Вернадскаго, я признаю, что по матеріаламъ своимъ эта книга интересная, но по обработкѣ—въ общемъ—слабая: авторъ хотѣлъ собрать все ему извѣстное о масонахъ, и не разобрался въ нужномъ и ненужномъ, существенномъ и несущественномъ, вѣрномъ и сомнительномъ. Остается пожалѣть, что книга его, какъ слѣдуетъ не «вылежалась».

В. Сиповскій.

DK1
B982
Newser.
no. 3-4

3 0000 108 522 800

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

